

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев,
Самуил Лурье, Владимир Мау, Андрей Медушевский,
Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух,
Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Екатерина Гениева (заместитель Главного редактора,
куратор раздела иностранной литературы)

Людмила Захарова (главный бухгалтер)

Андрей Колесников (раздел «социум»)

Алла Язькова (международная политика)

Владимир Кантор (философия, история)

Елена Мокеева (макет)

Юлия Баклакова (корректор)

Григорий Ярошенко (фотопроекты)

Журнал-Партнер "Herald of Europe" (London)

Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

Консультанты журнала

Ирина Буйлова, Николай Головнин, Андрей Нечаев,

Александр Петров, Сергей Приходько,

Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Яков Уринсон

Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),

Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Париж),

Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при финансовой поддержке Фонда Егора Гайдара и в сотрудничестве с ним. Информационное и организационное содействие оказывают Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара и Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино.

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Адрес редакции: 109189 Москва, Николаямская, 1.

E-mail: info@vestnikevropy.ru

Интернет-версия журнала: www.vestnikevropy.ru

В «журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/vestnik>

ИЗДАНИЕ № 42–43

Для читателей старше 16 лет, в соответствии с новыми законами.

© «Вестник Европы» XLII–XLIII, 2015 г.

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора.

Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Отпечатано в типографии Август Борг.
107497, Москва, Амурская ул., д. 5, стр. 2.

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным
в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Тома XLII–XLIII

год 2015

ПОЛЬША

25 лет свободы — эпоха перемен

ПРОЕКТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»,
ФОНДА ЕГОРА ГАЙДАРА И ПОСОЛЬСТВА ПОЛЬШИ В РОССИИ

Творческая группа польского номера «Вестника Европы»:

Екатерина Генциева — заместитель главного редактора,

автор идеи номера

Татьяна Щербина, поэт-эссеист

Григорий Ярошенко, фотограф и организатор фотоматериала

Марк Пауэр, фотограф, член агентства «Магnum», фотопроjekt номера

Мильда Соколова — работа с авторскими правами

Ирина Буйлова — исполнительный директор Фонда Егора Гайдара,

координатор проекта

Станислав Усачев — зав. международных программ Фонда Гайдара,

логист проекта

Виктор Ярошенко — главный редактор журнала «Вестник Европы»

Переводчики:

Ксения Старосельская — составитель литературного раздела

и координатор группы литературных переводчиков

Адельгейм Ирина, Алексеева Мадина, Белов Игорь, Барзова Ирина,

Беляев Денис, Бушинская Марина, Козеренко Полина, Лободзинская

Ольга, Мурадян Гаянэ, Рашковский Евгений.

Интернет-версия журнала

Вадим Пронин

При участии Посольства Республики Польши и лично посла

госпожи *Катажины Пелчинской-Наленч*

Войтех Заинчковский, посол Польши в России в 2010–2014 годах,

один из инициаторов проекта

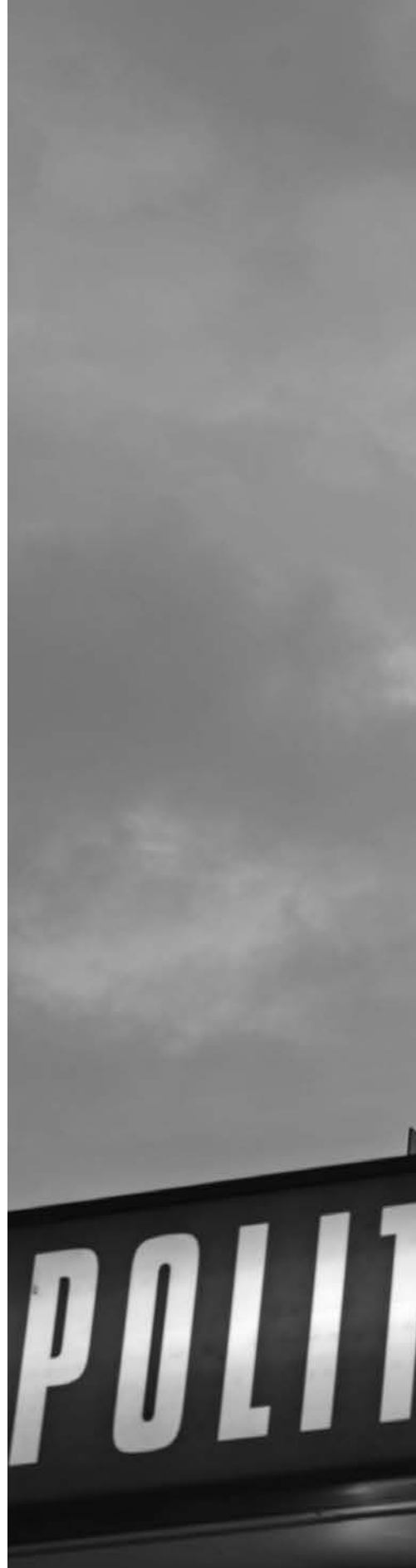
А также сотрудники Посольства Польши в Москве

Мария Доманска, Адам Садовник, много сделавшие для реализации

нашего проекта

Польские переводчики *Камила Ласкевич-Кржиминска,*

Малгожата Бокшнайдер, Кристина Кусьпит.

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 Интервью с послом Республики Польша в России Катажиной Пелчинской-Наленч

---

25 ЛЕТ СВОБОДЫ

- 17 **Виктор Ярошенко.** Польская линия.
Редакционная статья
- 25 **Татьяна Щербина.** Варшава в «лучшем десятилетии». *Дневник поэта*

польские встречи

- 28 **Анджей Вайда** — человек Свободы
- 36 **Януш Онышкевич:** Мы сразу определили цель
- 46 **Ян Литинский** вспоминает
- 56 **Кароль Модзелевский.** Признания заезженного седока. Из книги «Клячу истории загоним». *Перевела с польского Ольга Лободзинская*

ЭКОНОМИКА

- 93 **Лешек Бальцерович.** Как это было. Стабилизация и реформы в Польше в чрезвычайных и нормальных политических условиях. *Перевод с английского Марина Бушинская*
- 110 **Лешек Бальцерович.** От чего зависит долгосрочный рост

польские встречи

- 118 Интервью с **Лешек Бальцеровичем**
- 125 **Ежи Клеер.** История успеха. *Перевод с польского Малгожата Бокшнайдер*

гражданское общество

- Перевод раздела с польского Денис Беляев*
- 135 **Войцех Пшибыльский.** Новая и старая Европа
- 138 **Эльжбета Чижевская.** Польское общество
- 140 **Анна Вуйчик.** Взрослея с переменами (взгляд молодых)

польские встречи

142 **Адам Михник.** Главный редактор
«Газета Выборча»

148 **Адам Поморский.** PEN-центр

ЛИТЕРАТУРА

*Составитель раздела Ксения
Старосельская*

- 153 **Божена Кефф.** Труп. Триллер,
чужбина. Перевод с польского Ирины
Адельгейм
- 158 **Эльжбета Яницкая.** Festung Warschau.
Перевод с польского Ирины Адельгейм
- 165 **Михал Бушевич.** Миссия. Войны,
от которых я сбежал.
Перевод с польского Елены Барзовой
и Гаянэ Мурадян
- 176 **Сильвия Хутник.** В стране чудес.
Перевела с польского Ольга
Лободзинская
- 186 **Юстына Баргельская.** Разумеется,
дождь. Перевод с польского Ирины
Адельгейм
- 189 **Игнаций Карпович.** Сонька.
(Фрагменты). Перевод с польского Ирины
Адельгейм
- 209 **Мачей Милковский.** Татуировка.
Перевод с польского Ксени
Старосельской
- 214 **Януш Рудницкий.** На подъемнике.

На баррикаде (рассказы).

*Перевод с польского
Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян*

- 219 Страницы польской поэзии
XIV–XX веков. Из книги «Перстень
изумрудный...». Перевод с польского
Евгения Рашковского
- 242 Пять польских поэтов
Перевод с польского Игоря Белова
- 254 **Изабела Мейза, Витольд Шабловский.**
Наша маленькая ПНР.
Перевод с польского Мадины Алексеевой
- 275 **Анджей Стасюк.** 4 эссе.
Перевод с польского Полины Козеренко
- 281 **Анатолий Макаров.** Писатель,
проходивший сквозь стекло
(Про Марека Хласко)

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ЭТИКА. РЕЛИГИЯ

- 287 **Елена Твердислова.** «Солнце надежды»
(о папе Иоанне Павле II)

- 296 **Марчин Затыка.** Роль католической Церкви в современной Польше
Перевод с польского Дениса Беляева
- 300 **Татьяна Щербина.** Ченстохова. *Эссе*
- 313 **Александр Липатов.** Польша в русском восприятии
- 322 **Наталья Лебедева.** Катынь
- 334 **Петр Глушковский.** Историки в поисках диалога

КУЛЬТУРА

- 343 **Сергей Антуфьев.** Российский центр науки и культуры в Варшаве

польские встречи

- 347 Польша и программа «Эразмус+»
- 350 Беседа с социологом
Эдмундом Внук-Липинским
- 358 Беседа с **Кшиштофом Занусси.**
Стратегия жизни
- 376 Польская тетрадь.
Музей Варшавского восстания
- 384 **Павел Спивак.** Польша и евреи.
- 394 **Андрей Плахов.** Жертвенность и конформизм
- 399 **Наталья Исаева.** Польские страсти по «Иде»
- 405 Польский театр. По страницам журнала «Новая Польша». *Обозрение.*
- 408 **Анна Марковская.** Польское искусство после 1989 года. *Перевела с польского Ольга Лободзинская*

ad memoriam

- 422 **Екатерина Юрьевна Гениева**

artes

- 424 Фотопроjekt номера: **Марк Пауэр,**
член агентства «Магнум»

ПОЛЬША

25 лет свободы — эпоха перемен

ПРОЕКТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»,
ФОНДА ЕГОРА ГАЙДАРА И ПОСОЛЬСТВА ПОЛЬШИ В РОССИИ

Наша благодарность

Посольству Республики Польша и лично послу госпоже *Катажине Пелчинской-Наленч*, *Войтеху Заинчковскому*, послу Польши в России в 2010–2014 годах, одному из инициаторов проекта. Сотрудникам Посольства Польши в Москве *Марии Доманской*, *Адаму Садовнику*, много сделавшим для реализации нашего проекта. *Леславу Новаку* из представительства Академии наук Польши в Москве. Польским переводчикам *Камиле Ласкевич-Кржиминской*, *Малгожате Бокшнайдер*, *Кристине Кусьпит*.

Благодарим Российский центр науки и культуры в Варшаве и лично *Сергея Владимировича Антуфьева*, руководителя представительства «Россотрудничества» в Польше, за содействие.

Выражаем глубокую благодарность всем польским и российским деятелям культуры и искусства, ученым и политикам, принявшим участие в создании Польского номера, давшим нам интервью, поделившимся с нами своим временем и знаниями:

Лешеку Бальцеровичу, *Анджею Вайде*, *Кшиштофу Занусси*, *Каролю Модзелевскому*, *Адаму Михнику*, *Северину Блюменштайну*, *Кшиштофу Пендерецкому*, *Яну Литинскому*, *Янышу Онышкевичу*, *Ежи Клееру*, *Малгожате Жукровской*, *Беате Скибинской*, *Томашу Братеку*, *Павлу Спиваку*, *Алфреду Твардецкому*, *Ежи Малиновскому*, *Эдмунду Внук-Липинскому*, *Норману Дэвису*, *Адаму Поморскому*, *Анне Марковской*.

Сердечно благодарим писателей и поэтов, предоставивших безвозмездно право на публикацию своих произведений в Польском номере журнала:

Эльжбету Яницкую, *Божену Кефф*, *Михала Бушевича*, *Игнация Карповича*, *Сильвию Хутник*, *Юстину Баргельскую*, *Мачея Милковского*, *Януша Рудницкого*,

Анджея Стасюка, *Станислава Баранчака*, *Богдана Задуру*, *Петра Мильцнера*, *Марцина Светлицкого*, *Януша Джевуцкого*.

Благодарим переводчиков:

Ксению Старосельскую — составителя литературного раздела и координатора группы литературных переводчиков *Адельгейм Ирину*, *Алексееву Мадину*, *Белова Игоря*, *Барзову Елену* и *Мурадян Гаянэ*, *Беляева Дениса*, *Бушинскую Марину*, *Козеренко Полину*, *Лободзинскую Ольгу*, *Рашковского Евгения*.

Благодарим Центр польско-российского диалога и согласия:

Славомира Дембского, *Эрнеста Выцишкевича*, *Петра Глушковского*, *Малгожату Шняк*.

Наша благодарность:

Издательству «Художественная литература» и лично директору *Алексею Гришанову* за любезно предоставленные для публикации главы из книги *Кароля Модзелевского*. Редакции журналов «Новая Польша» (*Pes Publica Nowa*) за предоставленные материалы. *Томашу Бохуну* и редакции польского журнала «*Mówią Wieki*» — за предоставленные фотографии из собственного архива. Российским авторам за специально написанные для нашего номера работы: *Наталье Исаевой*, *Наталье Лебедевой*, *Анатолию Макарову*, *Александр Липатову*, *Андрею Плахову*, *Евгению Рашковскому*, *Татьяне Щербине*.

За консультации и информацию наша благодарность:

сотрудникам Музея польских евреев; сотрудникам Музея Варшавского восстания; сотрудникам Национального художественного музея.

Наша глубокая благодарность — английскому фотографу профессору *Марку Пауэру*, члену агентства «Магнум», за щедро предоставленные для публикации в Польском номере фотографии из проекта «Звук двух песен», которые он много лет снимал в Польше.

Катажина Пелчинская-Наленч, посол Республики Польша в России

*Интервью
29 мая 2015 г.
Посольство Польши*

Посол Катажина Пелчинская-Наленч родилась в 1970 году. По образованию – социолог. В 1992–1995 и 1999–2012 годах она работала аналитиком Центра восточных исследований; была также сотрудником Института философии и социологии Польской Академии наук. В 2008–2012 годах принимала участие в работе польско-российской Группы по трудным вопросам. В 2012 году назначена заместителем министра иностранных дел. С августа 2014 года – посол Республики Польша в РФ. Замужем; имеет троих детей. Уже в конце мая, когда Польский номер журнала уходил на верстку, мы встретились с госпожой послом для свободной беседы. Так что об итогах польских президентских выборов не спросить ее было никак нельзя.

Виктор Ярошенко: Прокомментируйте, пожалуйста, неожиданные итоги президентских выборов в Польше и победу Анджея Дуды.

Катажина Пелчинская-Наленч: Должна сказать, что подробных данных я еще не видела, но уже ясно, что есть большая разница в том, как голосовали разные регионы, есть разница и по возрастным группам избирателей. Это вопросы к социологам. Региональные расхождения тоже важны, они очень стабильны. В крупных городах, кроме Кракова (55% у А. Дуды) и Люблина (64% у А. Дуды) – в Варшаве, Лодзи, Познани, Гданьске, Гдыне, Катовице – ощутимый перевес получил Б. Коморовский. Но в результате Анджей Дуда выиграл выборы с перевесом в полмиллиона голосов, – это убедительная победа.

Давно замечено, что на электоральной карте видны даже границы разделов Польши. Это объясняется по-разному: историческая, политическая, культурная идентичность складывается веками; исследования показывают, что имеет место стойкая долговременная зависимость от разных политических условий существования, бытовавших в далеком прошлом.

В.Я.: И в России в начале 1990-х, во времена свободных выборов, наблюдалась ощутимая разница в том, как голосовали регионы «красного пояса», где было крепостное право, и регионы Севера и Сибири, где его не было. Интересно, а как голосовали ваши молодые избиратели?

К.П.-Н.: Видно, что молодежь пришла и проголосовала за перемены. Эти исследования потребуют времени. Но ясно, что молодые избиратели, впервые пришедшие голосовать, уже совсем другие; у них нет социалистических воспоминаний, они формируют свои ожидания, сравнивая их не с прошлым страны, а с собственным опытом, знанием об уровне жизни и политической организации самых богатых стран Европы. Молодые поляки – уже вполне европейцы и требуют от государства, чтобы оно стало европейским. Они сравнивают нашу жизнь с жизнью в Германии, Франции, Италии, Нидерландах, Скандинавии, в других странах Евросоюза. У них совсем другие ожидания, не-

жели у старших поколений. Молодежь остро жаждет чего-то нового. Она уже недовольна тем, что страной много лет управляет одна и та же политическая сила – для них это бесконечно долго, вся их взрослая жизнь! В условиях демократии это совершенно нормально, когда люди устают от одной власти и хотят чего-то нового, чего-то совсем другого. Хотя бы новых лиц...

В.Я.: Ваша диссертация была посвящена изучению динамики польской политической жизни в начале 90-х. Сейчас она гораздо спокойнее?

К.П.-Н.: В диссертации я исследовала политическую активность поляков с 89-го по 95-й год, выборную стратегию, политику на местах, смену программ, приоритетов и интересов...

Время было бурное. Сейчас, я думаю, наступил новый этап развития нашего общества, и он сулит неожиданности. Не случайно социологи не смогли даже предсказать результатов этих президентских выборов.

Осенью будут парламентские выборы, так что у нас очень интересный год. Но важно, что все выборы проходят демократично, никто не подвергает сомнению их результаты.

В.Я.: Может быть, эти выборы стоит рассматривать как начало нормального европейского периода, совсем уже другого – не постсоциалистического, когда избирательное поведение еще зависело от прошлых фобий и пристрастий?

К.П.-Н.: Мне кажется, у нас уже давно в этом отношении все нормально. Идет естественная смена поколений. Конечно, очень важно помнить свое прошлое. Даже те поколения, которые жили при коммунистическом режиме и еще хорошо его помнят, относятся к нему по-разному.

Если не сравнивать сегодняшний день с прошлым, с тем, что было, а фокусироваться, как молодежь, по сравнению с самыми успешными европейскими странами, может создаться впечатление, что в Польше за 25 лет ничего не было сделано. А это вовсе не так. Было сделано очень много, как никогда раньше, за сравнительно короткий исторический период времени.

В.Я.: В наших польских встречах (а их было много) очень часто нам говорили, что сейчас

Польша переживает самые лучшие времена в своей истории за последние 250 лет.

К.П.-Н.: После вступления в ЕС в Польше произошли колоссальные изменения, на 50 процентов вырос валовый национальный продукт; мы получили огромные средства от Евросоюза на структурные изменения и создание институтов развития. Мы перестроили свою инфраструктуру, дорожную сеть, аэропорты, мосты и развязки, создали рыночную экономику, конкурентоспособную промышленность и сельское хозяйство, переориентировали внешнюю торговлю на Запад и интегрировались в европейскую экономику. И получили там – в острой конкуренции – свое законное место. Польша стала самой динамично развивающейся страной в Европе.

Это, конечно, не значит, что в стране нет людей, которые живут тяжело, не имеют работы и перспектив, у которых очень серьезные экономические проблемы и которые нуждаются в помощи.

Да, в новой реальности интегрированного европейского сообщества, распространения знания английского языка, социальных сетей как универсального метода глобального общения поляки смотрят на мир гораздо шире, чем прежде. Но они и чаще покидают свою страну – в поисках лучшего трудоустройства, и это становится проблемой.

Новые люди, конечно, не несут на себе грузу прошлого, исторической обиды или вины... но нужно знать, что было, что произошло, хотя бы для того, чтобы понимать: нынешнее состояние страны – это не просто данность, а результат деятельности предыдущих поколений.

Нужно понимать, что далеко не каждая страна смогла этого добиться; что это требовало больших усилий, благополучной международной обстановки (не всегда такое случается), консолидации общества. Что нам, кроме всего прочего, повезло, что наше сегодняшнее, пусть скромное, но благоденствие, – это уникальное и редкое стечение обстоятельств.

И я бы хотела, чтобы мои дети тоже знали и понимали, это что сегодняшний мир – это не просто данность, словно иначе и быть не мог-

ло... Нет, это результат долгой нелегкой истории и огромной работы многих поколений...

В.Я.: Я смотрел комментарии польской прессы по поводу выборов, и многие примерно такие: нас якобы уверяли, что у нас самое счастливое и благополучное время, но выборы показали, что народ вовсе так не считает и тем самым показывает, что сохраняются огромные проблемы в здравоохранении, справедливости, трудоустройстве, образовании и так далее...

К.П.-Н.: Я вообще-то вижу здесь два разных уровня. Один – это понимание, что весь польский народ (а не отдельные люди или группы людей) сделал просто гигантский шаг вперед для формирования и развития политических и экономических институтов, для создания нового качества жизни; что жизненный уровень – в среднем, а не каждого отдельного человека, – вырос, и что это само по себе уже уникальное и редкое достижение.

Если же посмотреть на мир вокруг нас: сколько еще стран безуспешно стремятся к модернизации через трансформацию, сколько – благополучно проходят ее, а сколько стран безнадежно увязают в этих трансформационных проблемах... Даже в Европе.

Или возьмем страны Северной Африки: их народы хотели что-то изменить, но не получилось; во многих из них стало еще хуже. Оказывается, процесс трансформации, который меняет страну в направлении эффективно работающей демократии, свободного рынка и хорошо функционирующих институтов, чрезвычайно сложен – и успех заранее не гарантирован.

Так что это огромное достижение – надо понимать, надо радоваться и гордиться. Но это, разумеется, не отменяет того факта, что жизнь идет и в этой жизни очень много людей, которые живут хуже, чем они хотели бы и ожидали... Надо разделять эти два уровня – стратегический и конкретный, социальный и политический.

В.Я.: Уровень ожиданий, как правило, выше уровня реальных достижений.

К.П.-Н.: Невозможно ожидать, что все будут довольны прошедшей трансформацией. И это невозможно, и не нужно. Трансформация – не

результат, это неостановимый процесс, в котором непрерывно появляются новые проблемы и вызовы, которые надо решать.

Надо сравнивать в глобальном контексте и долговременном.

И конечно, это не отменяет того факта, что у нас очень много разных проблем, как и в каждой стране. Это разные уровни. Мы совершили большой прыжок, но это не отменяет факта, что в Польше осталось множество проблем, которые прыгнули вместе с ней.

В.Я.: А был ли сделан прыжок, скажем, в образовании?

К.П.-Н.: Тут лучше приводить конкретные данные. Регулярно, каждые три года, в 56 странах проводят международные сравнительные исследования PISA — по качеству образования школьников. Ключевой вопрос исследования: «Обладают ли учащиеся 15-летнего возраста, получившие общее обязательное образование, знаниями и умениями, необходимыми им для полноценного функционирования в обществе?»

Польские результаты оказались не самыми лучшими (лучшие — финские), но хорошими и — что важно — показывают положительную динамику.

Конечно, в области образования множество новых вызовов, но, в общем, система развивается, в том числе и через важнейшую и дорогостоящую общеевропейскую образовательную программу «Эразмус+».

В.Я.: Некоторые наблюдатели говорят, что сейчас в Польше, как и в других странах Европы, предстоит глубокая реструктуризация политического поля. Происходит кризис традиционной партийной системы, люди все меньше доверяют политикам. Исчезает традиционное разделение на либералов и консерваторов, приходят новые довольно радикальные сетевые движения (как в Восточной Германии), все эти движения за свободу интернета, непрерывную демократию, пиратская партия и проч. Говорят даже, что вообще происходит смена традиционной политической повестки на какую-то другую...

К.П.-Н.: Это вопрос не для дипломата, а скорее для политолога или философа-футуролога...

Конечно, можно строить разные теории, касающиеся философского осмысления политического поля. Но надо помнить, что аналитики не предсказали результатов даже первого тура польских президентских выборов... По-моему, это абсолютно ненадежно.

Лучше посмотреть на то, что было, и сравнить с тем, что есть. В Польше в первые годы демократии была очень бурная политическая жизнь, была и мобильная — политические партии возникали и исчезали, объединялись, делились; появлялись ниоткуда и исчезали куда лидеры, программы, движения. Каждые выборы — это был новый набор названий, партий.

За последние 12 лет на политической сцене закрепились четыре партии: две большие («Гражданская платформа» и «Право и справедливость») и две поменьше (социал-демократы и крестьянская.) Конечно, появлялись и другие, но постепенно сложилось так, что избиратели шли на выборы и находили в списках все те же названия, которые у них уже ассоциировались с какими-то программами, людьми и действиями. Хорошо это или плохо? Вопрос к теоретикам, конечно... Я лично считаю, что это хорошо. Потому что политика — это тоже профессия. Навно думать, что всякий может управлять государством, быть профессиональным политиком, депутатом, министром.

В стабильных демократиях партии существуют десятки, а то и сотни лет. Этому надо учиться, набираться опыта, непременно под общественным контролем, надзором прессы. Это и происходит в партиях. Туда приходят молодые люди, становятся политиками, учатся, как управлять страной, и у них появляется ответственность за свои действия.

В.Я.: Раньше это были прежде всего идеологические, ценностные выборы. А теперь за этими стоит группа интересов, карьера, конкурирующий менеджмент.

К.П.-Н.: Какая-то идеология за этим и стоит сейчас! Но и интересы тоже. При этом в зрелых демократических странах уменьшается роль идеологии, потому что по основным вопросам достигнут общественный консенсус. Но все равно, если глубже заглянуть, существует значи-

тельная идеологическая и мировоззренческая разница... Но это всеобщий тренд.

Конечно, сегодня по основным вопросам разница между консерваторами и лейбористами в Великобритании, или между республиканцами и демократами в США гораздо меньше, нежели в прошлом. Когда-то у этих партий были очень разные позиции. А сейчас они сближаются, потому что все хотят захватить пограничные группы избирателей. Но разница всегда есть, и люди, мне кажется, ее осознают.

В.Я.: Но очень важно, чтобы не было раскола общества пополам.

К.П.-Н.: Что это значит — пополам?

В.Я.: Чтобы не было раскола общества по фундаментальным вопросам: что мы строим? куда и зачем идем? налево, прямо или направо? На Украине — было почти пополам. Да и в Польше тоже — 51 на 49.

К.П.-Н.: Это абсолютно разные вещи. Я бы не стала сравнивать Польшу и Украину. Но здесь вопрос еще и в том: насколько раскол естественный, а насколько такой, который кто-то внедряет извне?

Такие расколы и разделы весьма болезненны и очень глубоки, особенно если вмешиваются внешние силы; трагический опыт разделов Польши это показывает. Довольно сложно строить государство в таких странах, где нет единого стержня идентичности. И, напротив, исследования показывают: такой стержень существует. В Польше люди могут поддерживать ту или иную партию, иметь те или иные мнения; либо поддерживать правительство, либо очень не любить его, но ВСЕ, за каким-то очень-очень редким исключением, едины в том, что это их страна, что они — поляки, что они хотят жить в Польше, а не в России, Чехии или Германии, что они чувствуют себя частью Европы и что их стратегический выбор — это Евросоюз и НАТО, а не какие-то другие союзы. Основной ФОРМИРУЮЩИЙ СТЕРЖЕНЬ — ОН ЕСТЬ. Вот такова основная общая идентичность.

А дальше — конечно, мы разделены, расколоты, если можно так сказать... Но это нормально, и я бы очень обеспокоилась, если бы все поляки начали думать одинаковым образом,

поддерживать одну-единственную партию. Это уже опасная ситуация, которая формируется только в случае агрессивной пропаганды. Как в гитлеровской Германии, например... Когда есть агрессивная пропаганда — нет раскола.

В.Я.: Как сказал мне Бальцеревич: «Слава Богу, у нас ни одна партия не имеет конституционного большинства и вряд ли сможет иметь».

К.П.-Н.: Ну, я могу себе такое представить. Даже и конституционное большинство на какое-то время. Хотя тоже вопрос: что бы из этого вышло?..

Так что страха перед расколом в стратегических вещах у нас сейчас нет. А то, что мы хотим этих людей или других, эту партию или ту, такую социально-экономическую политику или другую — даже если мы очень эмоционально к этому относимся, — это нормально. Это значит, что нет пропаганды, люди свободно формируют свои мнения.

И самое главное: демократические институты должны быть настолько сильными, чтобы все разногласия, проходя через них, разрешались.

В.Я.: Вы имеете в виду прежде всего правовые институты?

К.П.-Н.: Я имею в виду, чтобы люди могли свободно формировать свои мнения, свободно голосовать, выбирать власти на разных уровнях. В Польше имеет очень большое значение (не всегда это видно извне) местное самоуправление — основа нашей демократии. У нас была очень удачно проведена очень важная реформа местного самоуправления, люди получили реальные финансовые средства и право ими управлять; в своих местных округах, повятах и гминах они реально учатся управлять и организовывать общественную жизнь. Значительную часть ответственности за страну мы передали вниз, на местный уровень. Очень много ответственности, компетенций и денег перешло именно на местный уровень. Люди получили способы воздействия на реальную власть, и этим влиянием они умеют пользоваться.

Очень интересно посмотреть, как формируются коалиции на местном уровне. Совсем иначе, чем на общегосударственном. Партии,

которые имеют очень разные позиции, и в Сейме никогда меж собою не сотрудничают, а на местах — пожалуйста.

Вполне эффективно существуют коалиции даже «Гражданской платформы» и «ПиС». На местах люди учатся взаимодействовать, решая совершенно конкретные вопросы (будь то строительство дороги, моста, ремонт школы, модернизация больницы), они договариваются.

Это все нормально работает в тысячах местных общин. Наконец, если люди считают, что их голос не услышан, они могут выйти протестовать в рамках закона, но без вандализма и агрессии. Пока наши расколы таковы — я бы их не боялась.

В.Я.: Как вы видите сегодняшнее польское крестьянство на фоне переизбытка продовольствия в Европе?

К.П.-Н.: Здесь я не эксперт... Но считаю, что в целом, статистически польское крестьянство от членства в Евросоюзе выиграло очень много. Для самих крестьян это было неожиданно, они очень боялись Евросоюза, протестовали, но реальность превзошла самые лучшие ожидания. Польский крестьянин получил доступ к гигантскому европейскому рынку и огромные дотации на развитие сельской инфраструктуры, на улучшение землепользования, переработки и хранения, на страхование и банковское кредитование. И это сработало очень позитивно. Польское производство продовольствия растет, экспорт непрерывно увеличивается.

Наш аграрный бизнес уже ищет новые рынки — в Азии, в Америке. Даже за время санкций продовольственный экспорт увеличился, что, конечно, не означает, что мы бы не хотели продавать в России польские продукты: мясо, молоко, фрукты и овощи. Но агробизнес динамично меняет свою ориентацию в соответствии с обстоятельствами. Развернуть его снова будет не легко.

У нас произошла очень глубокая модернизация сельского хозяйства. Было опасение, что польские малые и средние фермерские хозяйства, в основе своей традиционные, основанные на большой доле ручного труда, низкопроизводительны, что они не выдержат конкуренции с

современным агробизнесом Европы. Боялись, что фермер запутается в кредитах, разорится; что неизбежно будет укрупнение хозяйств и произойдет немало человеческих трагедий. Конечно, укрупнение произошло, но малые и средние хозяйства во многих случаях оказались живучими и конкурентоспособными. Мне кажется (но это точка зрения социолога), что сегодня для польского сельского хозяйства критически важна способность фермеров объединяться в горизонтальные структуры взаимодействия, взаимопомощи, страхования, переработки, торговли. Там, где это произошло, достигнут большой прогресс, однако еще не везде. Этот процесс имеет секторальный и региональный характер; есть районы, где сельское хозяйство находится в упадке, население стареет, молодежь уезжает. Это большой вызов.

Но в целом огромный рынок Евросоюза для польской еды открыт. Вызов первого этапа был таков: стать конкурентоспособными в Евросоюзе и продавать туда продукцию. И это получилось.

Второй этап — переориентация на глобальные, более отдаленные рынки. Пожалуйста, мы с удовольствием будем продавать и в Азии, и в Африке, и в Америке... До введения продовольственного эмбарго против продуктов из ЕС в ответ на европейские санкции Россия была для нас самым важным рынком и стабильным партнером.

Польша — страна, в которой соотношение качества и цены очень выгодно для потребителя. Польское продовольствие в Европе считается качественным и сравнительно дешевым. В структуре польского экспорта продукция сельского хозяйства составляет около 13 процентов (и 11 процентов в структуре импорта). Все это меняется, расширяется ассортимент, улучшается качество продуктов.

В.Я.: В моем, да и в вашем детстве все было иначе.

К.П.-Н.: В моем детстве было всего два сорта молока: один с золотой, второй с серебряной крышечкой; с золотой — пожирнее... В школе (которая считалась *спортивной*) кроссовки

продавали по спискам и по очереди, новых на всех сразу не хватало. А мои родители пережили войну будучи детьми. Моя мама — русская. Маме 81 год, она помнит войну. Как-то она рассказывала, что несколько месяцев главной едой были семечки...

Бабушек и дедушек уже нет. Мой папа мальчиком во время Варшавского восстания находился в городе. Для него осталось это восприятие — как приключение. Наверное, то, что они пережили, невозможно рассказать. Теперь снят очень хороший документальный фильм — «Варшавское восстание». Это что-то потрясающее. Видно, что, несмотря на войну, что молодежь жила, радовалась, а потом они взялись за оружие, и мы видим смерть за смертью, море огня. Вся Варшава была взорвана немцами — дом за домом, а всех оставшихся в живых загнали в концлагеря... Весь город был отстроен заново.

В.Я.: Такие фильмы, как у Анджея Вайды, еще волнуют молодежь? Влияют на нее в культурном, историческом плане?

К.П.-Н.: Я думаю, что такие фильмы как «Катынь», безусловно влияют, они создают основу национальной идентичности. Я не знаю, сколько молодых зрителей смотрели его, думаю, что далеко не все, но я знаю, что этот фильм имеет для них значение, через него они понимают трагедию Катыни. Хотя работы классиков польского кино сегодня — это уже не самые популярные фильмы среди молодых...

В.Я.: Анджей Вайда сказал нам: я могу еще снимать кино, но мои зрители умерли.

К.П.-Н.: Каждое поколение, наверное, выдвигает каких-то своих музыкантов, художников, режиссеров, писателей, поэтов. Их голос — это голос поколения. В этом и есть движение. Да, «Человек из железа» или «Человек из мрамора»¹ — это, конечно, не самые популярные фильмы сейчас. Но лет сорок назад их смотрела вся Польша. 1970-е годы — это уже очень далекое прошлое...

В.Я.: В те годы эти фильмы имели для нас, советских студентов, огромное значение. Мы смотрели их по многу раз.

К.П.-Н.: У меня нет данных, какая часть молодежи посмотрела фильм Вайды про Вален-

су. Я думаю, довольно много, потому что этот фильм был на слуху, о нем спорили, его обсуждали. Конечно, молодежь тоже была заинтересована увидеть, КАК ЭТО БЫЛО. Они эти фильмы рассматривают прежде всего как источник исторической информации. В этом огромная ценность, что Вайда в своих фильмах дает связную историческую панораму, показывает, как это было... Но молодые зрители уже смотрят на это как на очень давние времена.

В.Я.: В Польше иногда можно услышать мнение, что нужно сворачивать все контакты, поскольку, мол, Россия всегда использовала культурные связи для идеологического проникновения.

К.П.-Н.: Я думаю, что культурные связи, отношения между творческими организациями, тем более между людьми не должны быть предметом запретов, негативных акций и демонстраций.

В.Я.: Но перекрестный Год культуры Россия — Польша был отменен.

К.П.-Н.: Это так, однако перечень наших взаимных творческих акций, выставок, концертов, фестивалей, конкурсов, обменов займет немало страниц. Конечно, мы не стремимся делать вид, что все в порядке. На сей раз это не просто обострение российско-польских и польско-российских отношений. Современный сложный момент в польско-российских отношениях принципиально отличается от предыдущих... Это не тот конфликт, что связан с нашим давним или с совсем недавним прошлым, архивами, произведениями искусства или историческим дискурсом.

Между Россией и Западом возникло глубокое расхождение в оценках и понятиях. В основе конфликта лежит факт, что, по мнению Запада, Москва нарушила основополагающие принципы международного сосуществования. Принципы, в создании которых она сама принимала участие, на которые сама неоднократно ссылалась.

Мы не можем принять как норму то, что у вас называют «возвращением Крыма», и последовавшие за этим события. Мы считаем экономические санкции крайним средством,

от них никому не стало лучше; наши фермеры, например, понесли большие убытки, но ситуация была настолько серьезной, что требовала такой реакции. Вот это общее понимание мы стремимся объяснить нашим российским партнерам.

В свое время Талейран сказал знаменитую фразу, когда по приказу Наполеона был захвачен и убит герцог Энгийенский: «Это хуже, чем преступление — это ошибка». И чем раньше это будет осознано, тем больше человеческих жизней сохранится. Тем быстрее снизится опаснейшая напряженность.

В.Я.: В этом году весь мир отмечал 70-летие Победы над нацистской Германией и ее союзниками. Пять лет назад польские солдаты вместе с российскими впервые прошли по Красной площади. А в этом году они не приехали... Вы много лет работали в польско-российской Группе историков по трудным вопросам. Какими вам видятся сейчас эти проблемы?

К.П.-Н.: Историкам легче прийти к общему консенсусу, если они стоят на позициях фактов и научной добросовестности. Но, к сожалению, сегодня историю активно стремятся приспособить на службу политике. Не будем лукавить, политическая обстановка в мире принципиально изменилась к худшему и о многих достижениях прошлых лет мы можем вспоминать с сожалением: мол, теперь это невозможно.

Доверие достигается долгими и кропотливыми усилиями, взаимным искренним уважением, стремлением к правде и справедливости.

В.Я.: В конце мая вы выступали вместе с германским послом на интересной дискуссии в Библиотеке иностранной литературы, посвященной политике примирения.

К.П.-Н.: Примирение с Германией было мучительным и труднейшим процессом для Польши и поляков, оно началось с послания в 1965 году немецких епископов: «Простите нас». Но этот процесс бесконечен, каждый человек должен искать и находить в себе силы для примирения. Я надеюсь, что и в отношениях наших стран — России и Польши — это достижимо.

Думаю, что Польский номер «Вестника Европы» послужит этому.

* * *

P.S.

Пять лет назад Катажина Пелчинская-Наленч не была послом и даже не была дипломатом. Она была ученым и принимала участие в работе совместной польско-российской Группы по сложным вопросам.

В выводах большой статьи «Россия и Польша в новом мире», опубликованной в коллективной монографии польских и российских ученых «Белые пятна — черные пятна»², она писала:

«...Опыт последних двадцати лет позволяет сделать выводы, которые, как кажется, нарушают привычные представления о польско-российских отношениях.

...Необоснованным кажется часто повторяемое мнение о том, что польско-российские конфликты являются результатом генетической русофобии (с польской стороны) или же иррациональных предубеждений (со стороны российской).

Суть польско-российских проблем... относится к стратегическим вопросам. На самом глубоком уровне находится спор о границе Западного мира и сферы воздействия Российской Федерации. Этот спор ведется на многих уровнях. Он касается исторически определяемой идентичности, экономических активов и накопец политической сферы.

Факты также не подтверждают тезиса, что все принципиальные проблемы между Польшей и Россией останутся неразрешимыми. Как раз наоборот: самый важный спорный пункт последних двадцати лет, а именно — вопрос эмансипации Польши и ее интеграции в евроатлантическое сообщество можно признать *de facto* урегулированным...

Способ, которым был урегулирован спор о суверенитете Польши, показывает, что решение стратегических проблем не требует — как часто полагают — сближения приоритетов внешней политики сторон. Во время урегулирования вопроса<...> Россия обостряла имперскую риторику. После вступления Польши в НАТО и ЕС, когда ситуация стала однозначной, обе стороны<...> адаптировали свои позиции к новым реалиям. Можно сформулиро-

вать тезис, что снижение напряжения наступило в результате минимизации «сферы неопределенности».

Та же закономерность была заметна и в случае очередного, так и не разрешенного спора, которым является разное видение будущего Восточной Европы. За прошедшие годы проблема усугублялась именно в то время, когда нарастала неопределенность, в каком направлении будут развиваться страны этого региона: например, во время «оранжевой революции» или накануне предоставления Грузии и Украине планов действия к членству в НАТО. Это наблюдение имеет интересные последствия для будущего таких споров. Предположив, что пересмотр интересов Польши и – шире – ЕС, с одной стороны, и России – с другой маловероятен, можно прогнозировать, что неопределенность (двухвекторная политика этих стран, но также и неоднозначность стратегии ЕС и НАТО) будет только подогревать эти споры, поскольку сфера неопределенности расширяется. Зато решительная политика, которая в переломный момент и подогревает конфликт, в долгосрочной перспективе может привести к разрешению спорных вопросов.

Динамика польско-российских отношений за последние двадцать лет показала, что они не обречены, как часто полагают, на состояние постоянного конфликта... С 1990 года неоднократно происходило потепление политического климата... Однако после периодов потепления всегда рано или поздно наступал очередной

кризис. Кажется вероятным, что такие колебания следует ожидать и в дальнейшем. Поскольку иллюзией остается убежденность, что, изменив форму, можно реально решить серьезные споры. А таковыми, несомненно, остается, помимо вопроса о будущем Восточной Европы, спор об интерпретации истории, а также вопрос об энергетической безопасности.

...Став членом ЕС, Польша получила дополнительные возможности для построения отношений с РФ – при посредничестве и поддержке Брюсселя... В Польше часто не принимается во внимание то, что интеграция Польши в Сообщество расширила также и инструментарий российской стороны... Эта взаимозависимость может иметь двойственный эффект. Она может увеличивать решимость обоих государств поддерживать нормальные отношения, ограничивая свою конфронтационную риторику (со стороны Варшавы, чтобы избежать подозрений в иррациональной русофобии) и со стороны Москвы (чтобы предупредить «антироссийские» действия Польши в ЕС). Однако она может привести и к эскалации конфликта, если он будет восприниматься инструментально...»

Примечания

¹ «Человек из железа» (1978 г.), «Человек из мрамора» (1981 г.) – фильмы Анджея Вайды.

² «Белые пятна – черные пятна». Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Научное издание / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. Отв. ред. А.В. Мальгин, М.М. Наринский. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 668–670. ● ● ●

ПОЛЬСКАЯ ЛИНИЯ

«Вестник Европы» с выпуском Словенского номера (2013 г.) начал долговременный проект — специальные номера, посвященные различным европейским странам, — с их историей, институтами, экономикой, литературой, культурой, наукой, взаимоотношениями с Россией.

В рамках этого проекта мы, при содействии Посольства Польши, несмотря на неблагоприятную для таких начинаний погоду, решили подготовить специальный польский номер и посвятить его двадцатипятилетию первых свободных выборов и началу глубокой трансформации польской экономики и общества в целом.

Для «Вестника Европы», первый номер которого Н.М. Карамзин выпустил в 1802 г., польская тема отнюдь не чужая. На протяжении всей своей истории журнал публиковал польских авторов, переводы польской поэзии, статьи о польской истории и культуре.

Своей статьей «Польский вопрос в русской литературе» («Вестник Европы», 1880 г., т. 1) А.Н. Пыпин — впервые после Пушкина и Мицкевича — глубоко разработал тему русского и польского культурного взаимодействия и отталкивания.

И нынешний «ВЕ» на протяжении пятнадцати лет своей истории неоднократно публиковал тексты польских мыслителей, философов, писателей, историков, экономистов: папы римского Иоанна Павла II (а также статьи о нем), Лешека Колаковского, Кшиштофа Михальского, Бруно Шульца, Чеслава Милоша, Анджея Стасюка, Лешека Бальцеровича, Марека Домбровского и других.

Для «Вестника Европы», одним из создателей и учредителей которого был Е.Т. Гайдар, Польша и польские реформы имеют особое значение.

Весной 2014 г. Фонд Егора Гайдара наградил Лешека Бальцеровича Международной Гайдаровской премией — в ознаменование заслуг польского автора и становлении рыночной экономики.

В отличие от большинства советских и российских руководителей, Егор Гайдар, глубоко интересовался Польшей. Помимо всего прочего, это объясняется, кругом общения его родителей — А.П. Бажовой и Т.А. Гайдара, вообще тем ореолом, который имела Польша: Станислав Лем, Анджей Вайда и вообще польское кино, «Солидарность» для тогдашней московской интеллигенции. И одна из последних поездок в короткой жизни Егора Гайдара была именно в Польшу — осенью 2009 года.

Поэтому для нас особенно важно, что результатом нашего совместного с Фондом Егора Гайдара проекта будет не только выход Польского номера «Вестника Европы», но и издание варшавским «Центром Польско-русского диалога и согласия» книги Егора Гайдара «Гибель Империи» (с предисловием Лешека Бальцеровича).

Этим выпуском «Вестника Европы» мы отдаём дань уважения создателям новой Польши и новой России, успехи которых в те годы прямо зависели друг от друга.

Ретроспективный взгляд в прошлое на страницах журнала сделают видные польские и российские писатели и поэты, люди искусства, ученые, политики разных взглядов и разной судьбы.

Польский опыт особенно интересен для нашей страны, начинавшей свои реформы следом за поляками.

Ведь мы начинали вместе, и без советских исторических изменений не было бы ни польской, ни германской мирных революций.

В этих обстоятельствах особенно важно послушать польских реформаторов: почему и у них, и у нас получилось то, что получилось?

Но то незабываемое, уже далекое время было временем больших ожиданий и невероятных исторических возможностей.

* * *

ПОЛЬСКАЯ ЛИНИЯ

Можно понять людей, которые считают события 1989 года и последовавший за этим через два года распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века».

В терминах противостояния двух систем, «холодной войны», советской геополитики — это действительно так и есть: полная катастрофа. За один год необратимо рухнула военно-политическая структура советской империи, объединявшая под своим политическим протекторатом и ядерным зонтиком страны Восточной Европы (они же — страны социалистического содружества, народной демократии, государства Варшавского Договора, Совета экономической взаимопомощи). Все сбежали. Россия до сих пор на них в обиде.

Американский посол в Москве конца 80-х Джек Мэтлок (я несколько раз встречался с ним, помню его оценивающий взгляд из-под круглых очков) писал в своей книге «Конец империи»:

«...Горбачев недооценил хрупкость советских позиций в Восточной Европе. И все же его не оставляло убеждение, что коммунизм можно реформировать. Не понимал он и того, что коммунистические режимы во всей Восточной Европе потеряли всякую надежду завоевать поддержку большинства <...> им удавалось удерживаться

у власти лишь при поддержке советских танков: стоило убрать или лишить подвижности эти танки — и эти режимы бы пали...

Потребовалось несколько месяцев, прежде чем народы Восточной Европы, напуганные советскими вторжениями в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968), а также угрозами, заставившими Польшу объявить о введении чрезвычайного положения в 1981 году, осознали, что отныне они могут взять собственное будущее в свои руки».

Но сначала была Польша. В этой стране сопротивление просоветскому режиму до конца не затихало никогда. И даже многолетняя власть военных и жесткий режим военного времени загнали глубоко в подполье, но не уничтожили корни польского несогласия с режимом.

После введения военного положения 13 декабря 1981 года и некоторой стабилизации 1 марта 1982 года польская «хунта» отправилась в Москву.

Егор Гайдар писал об этом так:

«...Во время встречи с советским руководством Первый секретарь ПОРП В. Ярузельский говорит о тяжелом положении польской экономики, о том, что используется лишь 60% промышленного потенциала, для 400 тысяч промышленных рабочих и 200 тысяч строителей стала реальной угрозой безработицы. Польские товарищи благодарили Советский Союз за экстренную экономическую помощь, составившую в 1980-1981 годах около 4 млрд. переводных рублей, в том числе около 3 млрд. долларов в валюте. Была достигнута договоренность о предоставлении Польше на 1982-1983 год советского кредита в размере 2,6 млрд. рублей. Польская делегация поставила вопрос об оказании дополнительной широкомасштабной экономической помощи»¹.

Но наступило время, когда советская помощь иссякла.

* * *

1989 год был и для нашей страны решающим — прошли первые более-менее свободные выборы в Верховный совет СССР. Депутатами оказались уважаемые, всем известные люди и «люди с улицы», как говорили в Польше, «люди из автобуса». Впервые весь Советский Союз приник к телевизорам, чтобы слушать новые, свежие, непривычные, ошеломляющие речи еще не приехавших новых людей. 1989 год был особенным, приведшим к полной перекройке карты Европы.

События в СССР, конечно же, парализовали всю колоссальную силу Варшавского Договора, прежде всего советских армий, стоявших в ГДР, Польше, Чехословакии. И с 1945 года нацеленных на Запад.

Сейчас говорят и пишут о советской оккупации и о полном подавлении воли народов. Это так и не так. Способность Советского Союза *жестко* управлять зависимыми от него странами не в сталинские, а в 1970–1980-е годы мне кажется преувеличенной. Управляли «странами народной демократии» уже довольно долго собственные просоветские элиты, вполне сформировавшиеся собственные партии интересов.

Когда же из Советского Союза поднялся «ветер перемен», — и прежде всего требовались экономические перемены, настало время перехода к рыночной экономике. И этому способствовали большие демократические ожидания и наступившее полное экономическое фиаско. Тогда-то эти страны почувствовали себя гораздо более свободными.

* * *

Кремлю требовалась твердая валюта, много валюты, чтобы кормить народ и сателлитов. А цены на нефть упали, коммерческих кредитов уже не давали, нужно было просить «политические» деньги у западных правительств. Поэтому нужна была атмосфера доверия: только она позволяла надеяться, что можно рассчитывать на большие деньги.

«Критическое значение для советских властей имеет другое: содействие США и их союзников в предоставлении СССР государственных кредитных ресурсов, займов МВФ, Мирового банка. Для руководства СССР в условиях валютного кризиса — это вопрос принципиальный. Чтобы повысить шансы на получение денег, можно дать неформальные заверения в том, что СССР не будет применять силу для сохранения своего политического контроля в Восточной Европе?».

В этой атмосфере всеобщего восточноевропейского пробуждения и при ставшей очевидной неготовности Советского Союза применять силу — социалистическая система была обречена.

Эта сконцентрированная гигантская сила, впрочем, уже была беспомощна, ибо не имела ни воли, ни цели без приказа. А приказа не было и быть не могло, потому что генсек Горбачев и министр иностранных дел Эдуард

Шеварднадзе понимали, что в Советском Союзе настали плохие времена. Стране отчаянно не хватало валютных резервов, без них она не могла ни прокормиться, ни развиваться (в сущности, повторялась польская история, о чем написал Отто Рудольфович Лацис, с которым мы в 1988-м работали в журнале «Коммунист» и о чем напомнил Егор Гайдар, работавший тогда там же). Из книги Е. Гайдара «Гибель Империи»: «В мае 1991 г. О. Лацис³ пишет, что развитие событий в Польше в 1981 году очень похоже на то, что происходит весной 1991 года в СССР: “Мы живем сейчас в Польше примерно восемьдесят первого года... И зарождение, и ход экономического кризиса в Польше мы повторяем. Те же сверхинвестиции безответственных ведомств, те же “подарки” народу в виде сверхпотребления (не в том смысле, что очень уж сыты, — отнюдь нет), но мы потребляем больше, чем страна производит, тот же в итоге дефицит госбюджета, рост внешнего долга и кредитная кабала, та же неизбежность освобождения цен и то же неприятие этой неизбежности, яростный протест рабочих. За политическими спорами, словно огромная тень, маячит эпидемия забастовок, — изнурительная польская болезнь десятилетней давности”».

Она и окончилась, как в Польше, попыткой военного переворота. Августовский путч 1991 года — жалкое подобие того, что в свое время, как блестящую войсковую операцию (и катастрофическую по экономическим и политическим последствиям), провел Ярузельский в Польше.

Но путч и ГКЧП провалились, взошла звезда Ельцина, и на авансцену вышли депутаты российского съезда, прежде считавшиеся второй политической лигой, в сравнении с депутатами Союзного Съезда и Верховного Совета СССР. К тому времени Россия погружалась в экономическую катастрофу, из которой Польша потихоньку выползала.

В 1992-м Ельцин призвал Гайдара и его команду, и они, с опозданием на два года, начали делать то, что в Польше в 1990-м начал делать Лешек Бальцеревич — но совсем в других условиях и в другом масштабе... Но траектории развития, к сожалению, расходились всё дальше и дальше. О Польской траектории — наш рассказ.

* * *

Не в обиду полякам будет сказано, но Польша тогда находилась на периферии политических интересов По-

литбюро ЦК КПСС, хотя так было не всегда. Однако «доктрина Брежнева» ушла вместе с эпохой престарелых лидеров, окончились и «тучные летá».

В толстой книге (800 страниц!) «В Политбюро ЦК КПСС» В. Ярузельский упоминается (бегло, мельком), всего пять раз⁴. Ни одного специального заседания Политбюро, посвященного Польше, в книге даже не отмечено. Ни в приложении, ни в хронологическом списке «Основные даты перестройки с 1985 по 1991 г.» о Польше нет ни одного упоминания.

В списке важных событий 1989 года говорится о «Падении Берлинской стены» и о «Бархатной революции» в Чехословакии. Совершенно не говорится ни о польских забастовках, ни о «Солидарности», ни о «Круглом столе», ни о свободных выборах, ни о первом некоммунистическом правительстве Польши. Таковы были и остались приоритеты М.С. Горбачева и его коллег. Здесь вообще мало внешней политики, если так можно назвать разрозненные реакции на текущие события. Их волновали отношения с США, Великобританией, Китаем, афганские события, Китай и особенно «германский вопрос», приведший к неизбежному объединению Германии.

* * *

После выборов 4 июня 1989 года падение коммунистического режима в Польше стало делом неизбежным, а за ним последовал лавинный распад всей системы Варшавского Договора. Но что будет дальше?

Свежий опыт команды Лешека Бальцеровича пристально изучал Егор Гайдар и его коллеги.

Я был с Гайдаром в Варшаве в начале осени 1992 года и хорошо помню те встречи, полные взаимного интереса.

* * *

Польша была первой страной, которая на протяжении десятилетий упорно раскачивала этот большой зуб социализма. Легендарные студенческие демонстрации в Варшаве 1968 года⁵ не были забыты; расстрелянные забастовки на Побережье в 1970 году навсегда остались в памяти. И когда через десять лет вспыхнула знаменитая забастовка на Гданьской судоверфи имени Ленина, которая, как оказалось потом, и привела к созданию «Солидарности» и ко всем последующим событиям. Так что забастовка отнюдь не была случайной. (Об этом нам хорошо рассказал Януш Онышкевич в своем интервью.)

После выборов 4 июня 1989 года, после формирования коалиционного правительства Тадеуша Мазовецкого, после начала реформ Лешека Бальцеровича одним из важнейших стал вопрос внешнеполитического выбора. Надо сказать, что политического вопроса не было: ВСЯ Польша хотела идти на Запад. Старые счеты с СССР, неопределенность будущего Советского Союза, а потом и его распад побуждали поляков как можно скорее делать свой глобальный выбор.

В Польше и тогда совсем немногие верили в серьезность и долговременность перестройки, в реформы Ельцина–Гайдара (я помню скепсис многих людей, беседовавших с нами в Варшаве в 1992-м). Сейчас эти люди говорят: видите, наш скепсис оправдался: Россия не может быть демократической страной, ей присуще инстинктивное стремление к иерархической самодержавной власти, здесь, так сказать, неистребим имперский дух...

Однако не все так думают. Например, Адам Михник, блестящий журналист, яркий деятель польской революции, создатель влиятельнейшей газеты «Выборча» (возникшей именно в том 1989 году перед первыми свободными выборами), в беседе со мной говорил, что он не верит в возможность превратить современную Россию в подобие Северной Кореи.

* * *

В 1996 году Польша вступила в Организацию Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), в 1999-м стала членом НАТО, в 2004-м была принята в Европейский Союз.

В 1992-1993 годах обе стороны еще пытались хоть как-то наладить новые конструктивные отношения. Б.Н. Ельцин и Лех Валенса хотели даже открыть принципиально «новую книгу» российско-польских отношений. Валенса в письме к Ельцину от 13 января 1992 года прямо так и писал: «Господин Президент, мы начинаем новую эру в отношениях Польши с Россией».

Б.Н. Ельцин заявлял, что новая политика основывается на принципах уважения суверенитета, невмешательства, равноправия, партнерства, взаимного учета коренных интересов. Россия декларировала искреннее стремление к «новому летосчислению» в отношениях с Польшей, подчеркивалась «общность курсов на проведение глубоких политических и экономических реформ.

Польша стала для российских демократов эталоном системной трансформации⁶.

Общность интересов они видели в скоординированном проведении глубоких рыночных реформ и построении институтов демократии. Польша предложила амбициозный план политического и экономического сотрудничества — «Партнерство для трансформации»; Россия же выдвинула свои недалеко идущие политические предложения, целью которых было удержать Польшу от вступления в НАТО. Все это было не очень реалистично. Экономика, инфраструктура, хозяйственные связи, все еще зависели от политических интересов, которые необратимо изменились.

И все-таки в те годы было подписано более сорока межгосударственных и межправительственных документов, причем основная их часть — в самом начале 1990-х годов.

В основу Договора между РФ и РП о дружественном и добрососедском сотрудничестве, подписанного во время официального визита в Москву Президента Польши Леха Валенсы в мае 1992 года, был положен текст парафинированного в декабре 1991 года советско-польского межгосударственного договора.

Одновременно было опубликовано совместное заявление Президентов России и Польши, в котором говорилось: стороны осознают, что сталинский режим причинил огромные страдания, нанес непоправимый ущерб народам России и Польши, что они осуждают «антигуманную сущность тоталитаризма во всех проявлениях». В ходе своего визита Б.Н. Ельцин передал польскому президенту 18 папок ксерокопий документов о катынском злодеянии, а также документы Юзефа Пилсудского из Института новейшей истории.

Во время визита Валенсы в Москву были подписаны исторические документы о выводе войск России с территории Польши, об урегулировании имущественных, финансовых и иных вопросов, связанных с этим выводом... Однако в Москве были недовольны тем, как воспринимаются в Польше ее дружелюбие и открытость.

Осенью 1992 года все боевые части российской армии оставили территорию Польши⁷.

17 сентября того же года в Президентском дворце Бельведер при участии Леха Валенсы состоялись торжественные проводы покидающей Польшу российской ар-

мии. Надо же было избрать именно эту дату (!) — день начала ввода войск Красной армии в Польшу (как мы привыкли считать, «освобождение Западной Белоруссии»). Я вырос в пограничном Бресте и ходил по улице 17-го сентября. Но российские дипломаты по этой улице не ходили и с такой «провокационной» датой согласились.

Первый посол России в Польше Ю.Б. Кашлев позднее вспоминал об этом в своей книге:

«Речь произносит Валенса и, к моему ужасу, начинает говорить, что точно в такой же день — 17 сентября 1939 года Советский Союз вонзил нож в спину Польши, оккупировал ее восточные земли, затем держал здесь войска после войны, и вот только сегодня мы, поляки, освобождаемся от этого... Я взял себя в руки и после Валенсы, игнорируя его выпады, обратился к нашим солдатам: вы покидаете землю, которая так обильно полита русской кровью в борьбе с фашизмом, вы честно выполняли свой долг, вы не должны держать зла и плохо думать о поляках — они родные»⁸.

Тут хорошо виден главный историко-психологический корень наших принципиальнейших разногласий с поляками. Не только Россия стала правопреемником СССР; но большинство из нас, из людей старших поколений, выросших в Советском Союзе, стали этими правопреемниками — так уж нас воспитали.

Мы стали преемниками этой сталинско-советской концепции истории (сейчас ее снова интенсивно внедряют в сознание школьников и всего общества), по которой мы всегда правы, а если в чем-то и неправы — то наплевать.

Но при этом снова вытаскивают из «канавы истории» фигуру Сталина, даже не желая подумать, что, поднимая его, принимаешь на себя весь страшный грех и всю тяжесть сталинских преступлений, что может обойтись России очень дорого (даже и в финансовом смысле).

Еще в 1992 году в интервью польскому телевидению Б.Н. Ельцин так сформулировал позицию по трагическому и мучительному для поляков катынскому вопросу: «Россия не может взять на себя ответственность за катынское преступление. Это сделала партия, это сделал тоталитаризм».

В Совместной российско-польской декларации после официального визита Б.Н. Ельцина в Польшу в августе 1993-го было сказано: «В атмосфере взаимопонимания и доброй воли были выяснены обстоятельства катынского преступления, виновники которого будут наказаны».

В ответ на добрую волю России, раскрывшей страшные катынские документы, поляки тоже проявили свою добрую волю. Президенты договорились, что Польша не будет выдвигать России материальных претензий в связи с катынским злодеянием. (Правда, уже тогда не все польское общество согласилось с этим.) Б.Н. Ельцин, возлагая венки у Катынского креста на варшавском Повонзковском мемориальном кладбище, негромко произнес: «Простите, если можете», о чем тогда поведала только газета «Московские новости»⁹.

* * *

Надо сказать, что ключевым вопросом было решение Польши о вступлении в НАТО. Об этом нам подробно рассказывал Януш Онышкевич, математик, видный деятель оппозиции, сидевший при старом режиме в тюрьмах, бывший министром обороны Польши в годы ее вступления в НАТО.

После обретения независимости Белоруссией, Россией и Украиной Польша перестала быть зажатой между Германией, с одной стороны, и Россией — с другой.

Но чтобы стать членом НАТО, как напомнил нам Я. Онышкевич, страна должна быть туда приглашена. А приглашение ее зависело от сложного сочетания интересов основных политических игроков в мире, которые, надо сказать, давали Горбачеву свои заверения о благоприятном режиме для дальнейшего развития СССР. Но всё сложилось иначе: СССР в одночасье прекратил свое существование.

Поляки уже были явно нацелены в НАТО, однако западные страны не спешили делать такое приглашение без сколько-нибудь внятного согласия российского Президента, опасаясь непрогнозируемой реакции Москвы.

Как писали газеты, «во время визита в августе 1993 г. Валенса сумел убедить Б.Н. Ельцина, что Польша вправе сама решать вопрос о своем вступлении в НАТО, о чем он и заявил на пресс-конференции».

Но это означало, что Россия не возражает против расширения НАТО на восток, за которым неминуемо последовал бы «принцип домино». Министр иностранных дел Андрей Козырев и министр обороны Павел Грачев пытались переломить ситуацию. Шла интенсивная закулисная работа. В результате в совместной декларации, опубликованной в «Дипломатическом вестнике», было записано: «Президенты затронули вопрос о намерении Польши

вступить в НАТО. Президент Л. Валенса изложил известную позицию Польши на этот счет, что с пониманием было воспринято президентом Б. Ельциным. В перспективе такое решение суверенной Польши, направленное на общеевропейскую интеграцию, не противоречит интересам других государств, в том числе интересам России».

Сейчас в подходах и оценках, включая и оценки стратегического выбора, многое изменилось. Но в той атмосфере искреннего движения России к открытости и интеграции в мировые процессы это не казалось чем-то из ряда вон выходящим.

Как писал тогда министр иностранных дел РФ А. Козырев, «внешняя политика — инструмент продвижения российских реформ. Отсюда ее нацеленность на создание наилучшей внешней среды для радикальных преобразований нашей экономики... теперь не идеология, а реальные экономические интересы должны диктовать логику внешнеэкономических связей»¹⁰.

Тогда многие и в Польше, и в России (одни с радостью, другие с досадой) считали, что Валенса просто обвел Ельцина вокруг пальца, вырвав у Бориса Николаевича двусмысленное согласие, которое можно было трактовать так, как угодно, тем более после щедрого проявления польского гостеприимства, многочисленных тостов, за которые требовалось «пить до дна».

Однако я думаю, что это обычное упрощение — сваливать те или иные решения на известные слабости первого российского президента. Ельцин считался довольно жестким переговорщиком, особенно если приходилось защищать позиции, за которыми стояли государственные интересы России. Какими он их видел.

А видел Ельцин польские переговоры эпизодом большой системы пересмотра принципов международной политики после окончания «холодной войны». Пересмотра, который так и не состоялся.

Для Валенсы это решение стало его «звездным часом». Позднее он, вспоминая визит Ельцина, сказал в одном из интервью: «Искусство политика состоит в способности реализовывать свои политические цели. Однако самое большое искусство и удовлетворение — это вынудить противников, чтобы они реализовывали эти цели».

Возможно, разница была в том, что российские политики тогда не считали польских политиков своими противниками. А польские же, напротив, — считали.

Ельцин полагал, что «два крутых мужика всегда могут договориться». Нет, далеко не всегда. Через две недели после этого (не самого, скажем, удачного визита) МИД РФ официально заявил, что слова российского президента нельзя трактовать как согласие, что в наступившую эпоху надо думать о роспуске военных союзов, а не об их расширении. Однако ни страны НАТО, ни Польша вовсе так не считали.

В Борисе Ельцине и Лехе Валенсе можно увидеть много общего (я спрашивал людей, хорошо знавших обоих): по психотипу они были похожи, при всей разнице их биографий — оба выходцы из народа, из простой среды, оба имеют крепкие крестьянские корни (Ельцин писал, что его дед считался кулаком). «До революции хозяйство отца его было кулацкое, он имел водяную мельницу и ветряную, имел молотильную машину, имел постоянных бабтраков, посева имел до 12 га, имел жатку-самовязу, имел лошадей до пяти штук, коров до четырёх штук».

Лех Валенса, сын сельского плотника, окончил сельскохозяйственные курсы, работал электриком. Оба — и Ельцин, и Валенса — прирожденные лидеры, оба популярны, способные вести за собой массы, оба умели рисковать, идти на компромисс, оба любили власть.

Отличало их тоже многое: Ельцин сделал большую партийную карьеру, был обкатан всеми жерновами партийного аппарата, вкусил секреты власти, стал членом Политбюро... Валенса, как рассказывали мне многие, хорошо знавшие его люди, по сути, в глубине личности остался простым рабочим парнем, с крестьянской хитрецой, традиционалистской психологией, хотя и с гениальным политическим чутьем, которое, впрочем, его подвело.

Помимо прочих польских документов из секретных архивов Ельцин тогда привез материалы досье КГБ на «Солидарность» и ее деятелей.

В своих воспоминаниях Борис Николаевич писал: «Польские и советские чекисты разобрали по косточкам всю подноготную лидеров рабочего движения. Порой эти документы было страшно читать — до того жестким был кагэбэшный рентген. Я хлопнул по папке и сказал: “Здесь есть всё. Берите”. Валенса слегка побледнел»¹¹.

(Надо сказать, удивляет недипломатическая открытость наших политиков: ведь все это писалось о действующих партнерах. Пожалуй, это можно объяснить желанием сказать что-то вдогонку после неудачного ринга).

Бледнеть же Валенсе, как в мелодраматических романах, особых причин не было, разве только, если он мог воспринять жест Ельцина как грубый шантаж.

Уже много позднее, во вторую избирательную кампанию¹², в Польше проводили обширное официальное расследование против Валенсы. У него было не столь безукоризненное прошлое (о чем рассказывается даже в замечательном фильме Анджея Вайды «Валенса», который каждому стоит посмотреть). Но серьезных обвинений против него выдвинуто так и не было. В ранней молодости, после забастовок 1970 года, он был арестован, его «прессовали», угрожали сгноить в тюрьме, и он подписал бумагу о сотрудничестве. Однако никаких компрометирующих фактов и документов никто никогда так и не представил, хотя искали очень тщательно. Госбезопасность пыталась опорочить Валенсу как своего агента еще в начале 1980-х, когда его выдвинули на Нобелевскую премию мира (1983 г.).

* * *

Однако вопрос о вступлении Польши решался отнюдь не в Варшаве, а в столицах стран — членов НАТО. Согласие России на это тогда было принципиально важно для них.

Поэтому, как только российская делегация покинула Польшу, польский МИД разослал во все свои посольства стран — членов НАТО переведенный на английский язык текст российско-польской декларации. Именно она стала аргументом, «убедившим Запад, что все препятствия на пути расширения Атлантического пакта сняты».

Я. Онышкевич, тогдашний министр обороны Польши, в нашем разговоре, по сути, подтвердил это.

Но я думаю, что и это — упрощение.

Страны НАТО тогда вполне сознательно играли на опережение, торопливо связывая освободившиеся валентности. И лишняя рюмка, выпитая на официальном банкете (или даже пять), мало что решали в этой глобальной трансформации. Польша отчаянно рвалась на Запад; Запад жаждал ее получить, а Россия мало что могла противопоставить этому, кроме надежд на неформальные договоренности, в которые, конечно, не слишком верили те, кто был в курсе дела.

Многие люди в новой польской политической элите, пришедшие из оппозиции (а некоторые и из тюрем) к власти после свержения режима Ярузельского, жажда-

ли, чтобы новая демократическая Россия официально и однозначно покаялась и ответила бы за все беды, притеснения, невзгоды и неурядица, которые Польше нанес сталинизм и последующие за ним просоветские режимы, вплоть до самого падения власти польских коммунистов.

Они скептически относились к позиции российских демократов из первого ельцинского правительства, считавших, будто бы мы вместе победили тоталитаризм и теперь совместно будем дружно строить новое сообщество, наш общий европейский дом. Но поляки считали, что только всеобъемлющее покаяние России создало бы основу для ПРИМИРЕНИЯ. В России для этого ни тогда, ни тем более теперь не было политической основы в виде поддержки общества. Возможно, эта поддержка могла бы появиться, если бы ее годами старательно выращивали — через политическое воспитание населения, как это было в послевоенной Германии. Но Россия была совсем в другом положении, чем капитулировавшая в войне Германия. Россия была, как тогда писали, «страной принесшей неисчислимые жертвы на алтарь Победы» и значение этой победы для ее граждан с годами становилось только грандиознее и неоспоримее.

«Российская сторона с самого начала отвергла концепцию декларирования российско-польского примирения по образцу немецко-польского примирения... Москва не могла согласиться на то, что тем самым был бы поставлен знак равенства между Советским Союзом и фашистской Германией, между сталинскими репрессиями и фашистскими преступлениями»¹³.

Тема эта с годами и с новыми взаимными претензиями только обостряется.

* * *

Вступление в НАТО, однако, оказалось довольно длительным историческим процессом; лишь в марте 1999 года Польша стала членом Северо-Атлантического альянса. «Политический класс» Польши воспринял это как поражение России и лично Б.Н. Ельцина. В 1998 году Е.М. Примаков, в то время министр иностранных дел, назвал вступление Польши в НАТО катастрофой для России. Казалось даже, что это расхождение произошло даже географически.

С тех пор отношения между странами стали второстепенными как для Польши, переключившей свои экономи-

ческие интересы и торговлю на страны ЕС (прежде всего на Германию), так и для России. Но это не стало катастрофой. Ни для Польши, ни для России.

* * *

Как бы то ни было, при всех разногласиях, разделяющих сейчас польское общество накануне нового цикла выборов, оно сходится во мнении, что «сейчас Польша переживает наилучший период в своей истории».

Виктор Ярошенко,

Главный редактор журнала «Вестник Европы»

Примечания

¹ Гайдар, Гибель Империи. М., 2006., с.188.

² Гайдар Е.Т. Указ. соч., с. 29-292.

³ Лацис О. Ломка, или кое-что о природе цен // «Известия», 1991. 7 мая. Цит. по книге Егора Гайдара «Гибель Империи: Уроки для современной России». М.: РОСПЭН, 2006, с. 209.

⁴ «В Политбюро ЦК КПСС». По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985 —1991 гг.) / Ред. А. Черняев. М.: Горбачев-фонд, 2008.

⁵ Об этом мы много говорили с Лешеком Бальцеревичем, Анджеем Вайдой, Янушем Онышкевичем, Яном Литинским, Адамом Михником, Кшиштофом Занусси, Каролом Модзелевским.

⁶ Бухарин Н.И. Россия–Польша: опыт двадцатилетних отношений (90-е годы XX века — первое десятилетие XXI века. М.–СПб.: Нестор-история. 2014. с 14.

⁷ Всего из Польши в 1989–93 гг. по российским данным, было выведено около 46 тысяч военнослужащих (по польским – 56 тысяч) из более чем 700 тысяч выведенных из стран зарубежья, 685 танков (из 14 200), 965 боевых бронированных машин (из 19 440), 440 орудий и минометов (из 10 376), 200 самолетов (из 2729), 134 вертолета (из 1855) (Баранец В.Н. Генштаб без тайн. militera.lid.ru).

⁸ Кашлев Ю.Б. Многоликая дипломатия. Исповедь посла. М., 2004, с.227.

⁹ Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 16–23.

¹⁰ Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения. 1994, с. 48.

¹¹ Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994, с 180.

¹² На президентских выборах 1990 года Валенса после внушительной победы был избран президентом Польши во втором туре, набрав 74,25 % голосов... А уже в 1995-м он проиграл выборы Александру Квасьневскому. В первом туре он занял второе место (33,1 %), во втором набрал 48,3 %. На президентских выборах 2000 года Валенса набрал всего 1,4 % (Википедия).

¹³ Бухарин Н.И. Указ. соч., с. 22.

ВАРШАВА В «ЛУЧШЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ»

Дневник поэта

Целью моего первого в жизни похода в польское посольство была лекция профессора А. Липатова об истории российско-польских отношений и разности государственных менталитетов. «Польская проблема — производная от русской проблемы», — говорил профессор.

По-русски слово «гонор» имеет отрицательную коннотацию, а по-польски (само слово латинское, такое же во французском) оно означает «честь». Словосочетание «польский гонор» оттого-то и стало обиходным, что честь для поляков — главная ценность на протяжении всей истории. Другое слово — панибратство, собственно польское. По-русски оно сродни взятому из французского «амикошонству», а по-польски это значит, что все паны — братья.

Польский лозунг восстания Костюшко «За вашу и нашу свободу» в первую очередь адресовался России («за вашу»), а Польше — во вторую. Восстание происходило через пять лет после восстания декабристов, которому поляки сочувствовали. Основная мысль профессора Липатова заключалась в том, что Польша в разные исторические периоды относилась плохо отнюдь не к России, а к режиму самодержавия. Разделы Польши были обусловлены тем, что с XVI века она была Республикой (буквальный перевод с латыни: Res Publica — Речь Посполитая), и окружавшие ее абсолютные монархии считали опасным такое соседство. Речь Посполитую называли «шляхетской демократией», поскольку короля там избирали, действовал двухпалатный парламент, а в 1791 году Польша приняла первую в Европе Конституцию (вторую в мире после США). В 1795 году состоялся третий раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Снова она смогла стать самостоятельной только 11 ноября 1918 года.

История Польши — это история многовековой борьбы за свободу, но удержать ее надолго не удалось, страну поработали снова и снова. Недавно мы сидели в Варшаве с поэтом и редактором журнала «Новая Польша» Петром Мицнером, и я увидела на обложке одного из номеров заголовки статьи «Лучшее десятилетие Польши». Спросила, каком десятилетии идет речь. «Разумеется, о нынешнем!» — воскликнул Петр. Другие поляки дали мне тот же ответ на вопрос о лучшем времени Польши: «Сейчас».

Наверное, это подтвердил бы любой поляк, но я заметила, что активисты нового поколения думают вовсе не о том, как уберечь свободу, которая так дорого стоила, а о том, в какой бы бараний рог ее скрутить. Ультралевые выступают против религии и костела (который много значил в борьбе за независимость), приватизации и авторских прав. Они считают поражением падение интереса к поэзии и вообще к искусству (что верно), но не выписывать же из-за этого очередного Ленина из Цюриха! Ультраправые — за «традиционные ценности», национализм, костел, «суверенную демократию», против Евросоюза и иностранных инвестиций. К ним-то мы и заглянули в их «логово» — издательство «В сети», выпускающее множество цифровых и бумажных изданий. Монолог, который мы услышали, мы уже не первый год слушаем в Москве (про «скрепы» и «нас хотят поработить»), так что и пересказывать его нет смысла.

* * *

«Солидарность» и «1989-й год» — слова, без которых не обходилась ни одна беседа. Попав в «логово» той революции — редакцию «Газеты Выборчей», я была поражена масштабом и дизайном здания: такой красивой редакции, расположенной на несметном количестве этажей, не видела никогда в жизни. Удалось поговорить с главным редактором газеты «Столичная» (ежедневное приложение к «Выборче») Северином Блюшштайном. «Думаю, что воевать за независимость придется очень долго, — неожиданно сказал он. — После 1989-го было два этапа. Первый — до вступления в ЕС, когда был консенсус: все хотели в Европу. А как вступили — всё кончилось. Нам хотелось, чтоб было как на Западе, но там ведь более полувека царит мир и спокойствие. Правда,

уже год как закончился миф о безопасности Европы. То, что сделал Путин — это возврат к холодной войне» (разговор состоялся в октябре 2014 года).

Самая волнующая встреча была все время под вопросом — с Анджеем Вайдой, которому уже много лет, и он себя не очень хорошо чувствовал. Но все же она состоялась. Гениальный режиссер начинает разговор не с кино, а с политики: «Долгие годы правила ПОРП, все решения принимались государством, и люди привыкли ничего не решать и ни за что не отвечать. Свобода — трудная вещь, без нее тобой кто-то управляет, а тут надо самому. Я был советником по культуре Валенсы. Валенса был президентом на один свой сезон. А политику «всесезонному» я не пожму руку. На очередных выборах менялись левые и правые силы, каждый раз это решение нашего общества. Я исполнен оптимизма. Польша сделала все, что должна была сделать: объединилась с Европой, вступила в НАТО».

Вайда очень ценит Валенсу, считает, что главной его заслугой было то, что он не пошел на конфронтацию с властью, избежал силового варианта. «Солидарность» просто переиграла ПОРП. На пике ее членами были 10 миллионов человек. Вайда сделал фильм о Лехе Валенсе и подарил нам книгу «Walensa» со своим предисловием. Подзаголовок книги — «25 лет свободы». Селин Жерве-Франсель в предисловии к французскому изданию книги Яна Карского «История подпольного государства» (2010) сообщает, что Новак-Езёранский, эмиссар Армии Крайовой и лондонского правительства, автор книги «Курьер из Варшавы», так передает слова Карского, сказанные им в январе 1944 года, незадолго до отъезда из Лондона в США: «В сущности, Польша проиграла войну уже в Тегеране. И наши политики, вместо того чтобы слепо упорствовать в праведных желаниях, лучше бы подумали все вместе, как проиграть войну. <...>Как уменьшить количество потерь и жертв, как вооружить население и подготовить к тому, что его ждет».

А про кино Вайда говорит с грустью. И о прошлом. И о настоящем: «Я думал, что с наступлением свободы сниму все фильмы, которые не смог снять тогда. Но сегодня нет той публики, которая смотрела бы те фильмы».

Полная противоположность Вайде — другой знаменитый кинорежиссер, Кшиштоф Занусси. У не-

го мы провели целый день — он прекрасно говорит по-русски и любит принимать гостей: в его поместье три дома и большой парк. Один дом — что-то вроде Дома творчества, сюда приезжают режиссеры, актеры, художники, писатели, чтобы поработать и пообщаться с Занусси. Он поставил в театре более десяти своих пьес, а репетировал их в своем зимнем саду, где сейчас мы вместе с ним пьем чай. Гости из разных стран, приезжающие пожить в доме Занусси, тоже включаются в его затеи, которые никогда не иссякают, он — человек-фонтан. Преподает, но отнюдь не кино, а «стратегии жизни» — в этом он знает толк. Постоянным гостеприимством Занусси не только ошарашивает молодые дарования или друзей-коллег из разных стран: он и для себя создает атмосферу, в которой прежде жили все творческие люди и в Париже, и в России и которая ныне полностью утрачена. «Культура была единственным владением и символом интеллигенции, — говорит Кшиштоф, — а сегодня есть «средний класс», и он живет совсем другими ценностями».

Он в курсе происходящего в России. Стеклозанные стены его зимнего сада — высоченные, а одна продолжается на втором и третьем этаже — прямо-таки стеклянный замок. «Большую часть жизни я жил в нищете, — говорит режиссер, — а когда появилась возможность, сразу решил построить большой дом с внутренним садом». По внутренним, непрозрачным стенам развешаны старинные портреты. «Предки моей жены, — поясняет Занусси, — она из Рюриковичей... А знаете, отчего возник виртуальный мир? — вдруг спрашивает Кшиштоф. — Потому что настоящего мира на всех не хватает, нас стало слишком много».

С точки зрения «стратегий жизни», возможно, и так оно есть, но новые варшавские музеи говорят о другом. В дни нашего пребывания в Варшаве открылся мультимедийный Музей истории польских евреев. Множество залов и экспонатов, но народ толпится у экранов — там, где мир не застыл, но движется, и история оживает. В Польше евреев практически не осталось, а этот музей и музей Варшавского восстания, таблички на тротуаре в память о Варшавском гетто, памятник, Еврейский институт — сохранили их присутствие.

Варшава сохранила то, что могла, и восстановила то, чего не смогла — полностью разрушенный войной

исторический центр. Хотя он и «новодел», но воссоздан так искусно, что попал в список мирового наследия ЮНЕСКО. А уж совсем древность — VII–XIV века н.э. — Варшава себе «заработала»: стала обладателем единственного в Европе собрания средневековой нубийской живописи. В начале 1960-х гг. польские археологи откопали в Судане, на границе с Египтом, город Фарас (по-гречески Пахорас) и половину найденного, как положено по закону, увезли в Польшу. Недавно галерея Фарас в Национальном музее открылась в обновленном (разумеется, и тут можно совершать виртуальные путешествия) виде. Фрески, барельефы, кресты-ключи поразили меня настолько, что по возвращении в Москву написала стихотворение:

О КРЕСТЕ

Крест как ключ, открывающий дверь
не на улицу — в залы музея,
экспонат экспонатом зверь
рвется к склянке с раствором идеи,
на пипетке написано «верь»,
языком каплю Бога лелея,
всё равно ты в музее и зверь.

Ты не можешь фотонным коньком
поискрить на морях эгейских,
сесть на шпиль золотым огоньком,
сжечь в злодейских мозгах цацки-пецки,
спину ломит тяжелым крестом,
застилают глаза занавески,
и внутри всё набито битком.

Крест — лишь взмах дирижерской руки,
небо можно носить коромыслом,
дубликаты ключей — под замку
прошлых жизней, где трепет со смыслом
зрели прежде, чем выпасть в ларьки,
дыня стала безвкусна, как числа
или рыба из пресной реки.

ноябрь 2014

Хочется, чтобы Польша, которую делили, уничтожали, но она восставала и восстанавливалась, могла бы еще долгие десятилетия говорить, что лучшее ее время — сейчас.

АНДЖЕЙ ВАЙДА — ЧЕЛОВЕК СВОБОДЫ

С кем же, как не с Анджеем Вайдой, историографом послевоенной Польши, честно и бесстрашно показывавшим все ее самые болезненные темы, фобии, страхи и ненависти, — говорить?

И «Канал», и «Пепел и алмаз», и «Пепел» — фильмы моей молодости, которые наше поколение знали наизусть. И еще «Все на продажу», и «Человек из железа», и «Пейзаж после битвы»... и «Катынь», где пронзительная правда, которую так долго нельзя было даже обсуждать и которую — невероятный подвиг — показали по нашему телевидению. Уже в далеком 2010 году.

Эта встреча в нашей программе стояла под вопросом: маэстро болен, маэстро не принимает, вряд ли удастся организовать встречу.

И все-таки наша переводчица, пани Кристина, накануне вечером, улыбаясь, сообщила, что встреча завтра все-таки состоится.

Подъехали утром на тихую улицу к маленькому домику.

Вайда встретил нас в холле, пригласил в комнату. Разрешил снимать (только не интерьеры). Интерьеры скромные, памятные — фотографии, ценные для памяти вещицы. Супруга Кристина принесла пирог, разлила чай. Мастер 1926 года рождения, через год — девяносто. А всего год назад представил новый фильм, взбудораживший всю Польшу и пол-Европы, — «Валенса. Человек надежды».

(Мы помним его «Человека из мрамора», «Человека из железа»...)

Этот фильм он поставил по собственному сценарию, почти историческая реконструкция — про события восьмидесятых, именно про то, что нас так сейчас интересовало в Польше: про путь к Свободе. Начинается фильм первыми демонстрациями, стачками, постыдной слабостью героя — а заканчивается его первым триумфом — выступлением в Конгрессе США, где он произнес свою знаменитую речь...

Я начал разговор издали: вспомнил недавно умершего мудреца Григория Соломоновича Померанца, его формулу «Полет над страхом». В войну, хрупкий, очкарик — в этом аду. Понял, что выжить можно, только если научишься подняться над страхом. И полететь...

Анджей Вайда: ...Начну с событий 1989 года, если вас это интересует...

Я оказался на Гданьской верфи почти случайно. Я тогда был председателем Союза кинематографистов, а на верфи шла забастовка, и документалисты ее снимали... Провели меня в зал, из зала крики: почему вы не сделаете фильм о нас?

Рабочий, который вел меня к залу, сказал: снимите нам человека из железа. Я думал, почему этот простой человек, который вел меня в зал, сказал, что фильм должен называться «Человек из железа»? Должно быть, он смотрел моего «Человека из мрамора», решил я.

И я начал снимать сразу после этих заседаний... Тогда у меня не было никаких иллюзий: я был глубоко убежден, что будет катастрофа, будет крах, кровь, никто не верил, что сразу удастся победить. Так в этом состоянии я сде-

лал «Человека из железа»... Когда фильм был готов, министр культуры после просмотра заставлял вырезать разные фрагменты — всего двадцать один... Продюсер, женщина, убеждала: ничего не вырезай! Но я считал, что надо договариваться, слишком важно было то, что мы выносили на экран... Рабочие прислали телеграмму: требуем, чтобы фильм «Человек из железа» выпустили без купюр и отправили на Каннский фестиваль. И подписи — 16 тысяч работников верфи. В середине дня новая телеграмма — от металлургов Новой Гуты. 20 тысяч подписей. Это производило впечатление. И от меня отстали. Такого давления власть не могла выдержать, за мною стояла «Солидарность», а «Солидарность» — это 10 миллионов человек. Я хорошо понимал, что в поддержке этих людей — моя сила.

А документальный фильм, который тогда сняли, назывался «Рабочие-80». Тут тоже есть переключки: Кислевский за десять лет до того снял фильм «Рабочие-70»... Кинематографисты ждали этого момента, мы высказались за правую сторону.

О военном положении я не хочу говорить. *(Он замолкает в своем кресле, — уходит в себя.)* Это слишком сложно...

Потом повеяло новым ветром Свободы. Ничего не может быть рассказано...

Я стал человеком Свободы 4 июня 1989 года. Быстро. И вдруг все невозможное стало возможным.

Я участвовал в выборах, меня поддержали рабочие, они меня выдвинули: как можно было отказаться?

Валенса потребовал, чтобы я баллотировался в Сенат от своего родного города Суwalkи... Это было фантастическое время. Все было впервые. Моим соперником был генерал, местный начальник. И он выпустил предвыборную листовку: «Поймет ли режиссёр издалёка простого человека?» Подразумевалось, что генерал простого человека понимает хорошо. Но город был другого мнения, в городе все

меня знали и уважали, вот и проголосовал за меня весь город. Я выиграл и стал сенатором, а генерал пропал куда-то...

(Жена разносит чай, Вайда гладит ее руку.)

Она была страшно вовлечена во все эти события...

Он повторяет: Вдруг все невозможное стало возможным.

Я получил в 1987 году японскую премию Киото — около 450 тысяч долларов, огромная сумма! И мы вместе с Кристиной решили (а было еще военное положение) на эти деньги создать музей японского искусства в Кракове. Там японским вещам никогда не было своего места, хотя были ценные старые коллекции, начиная с 1900 года... Но чтобы что-то построить, об этом не могло быть и речи. Разрешения, согласования, деньги — кто позволит их собирать?

И вдруг все стало возможным: и мэр хочет музей, и воевода хочет. Там выделили место, которое приглядел архитектор. Проект разработал (бесплатно) японский архитектор Арата Исодзаки. В Японии создали еще один фонд для финансирования этого музея; японцы стали собирать на музей деньги; японский архитектор, за не какой-нибудь, а мирового значения — сделал проект — просто в подарок. Японское правительство тоже решило помочь. Невероятно — но за 15 месяцев мы построили Музей японского искусства в Кракове! Музей японского искусства и техники Манггха был торжественно открыт 30 ноября 1994 года.

Это свобода показала нам, что все возможно, это она нам подарила все... В этом году отмечали двадцатилетие этого музея. Приезжали на празднование президент Валенса и высококородный князь императорской фамилии из Японии. Японский князь и польский рабочий перерезали ленточку — и я понял: все идет правильно.

О Валенсе.

Валенсу оценивают по-разному. Как человек, который долго был рядом с ним, скажу

так: его главная заслуга в том, что он не довел до крови, до конфронтации. Вокруг было много людей, у которых помешалось в голове, которые требовали всеобщего и большего: нас десять миллионов! Мы можем всё! Мы возьмём власть силой!

Но Валенса исключил переворот и начал переговоры...

Власть стала жертвой своей собственной идеи — слишком долго клялись именем рабочего класса. Они не могли разговаривать с профессором Геремеком, но сели за стол переговоров с рабочим Валенсой.

Они так и не поняли, что этот рабочий очень даже подготовлен говорить с властью, не меньше, чем с народом. У него было много советников. Но он один понял, что нет другого пути, чем компромисс...

«Солидарность», которая во время военного положения продолжала свою деятельность, в подполье, по всей стране, и, в сущности, не дала себя спровоцировать на массовые репрессии со стороны власти.

Я чувствовал: что-то будет... Уже шел декабрь 1981 года (*Вайда все-таки заговорил о том страшном времени — декабре 81-го.*) Я чувствовал, что что-то произойдет. Я говорил другу: слушай, Збышек, они что-то готовят. Службы безопасности придут, заберут все бумаги, вон какую бюрократию развели, всех переписали, все данные собрали, всех пересажают. Надо как-то готовиться, прятать, уничтожать архивы...

— Нет, Анджей, я ничего такого не сделаю!

— Тогда ты всех сдашь!

— Нет, но я ничего не стану прятать.

И «Солидарность» не вступила ни в какие конфликты.

Военное положение сначала было такое страшное, нелепое, косное, неудобное для всех и во всем, постепенно неминуемо становилось менее жестким, расползалось, разбалтывалось... Но оно продолжалось...

С 86-го по 89-й и у нас не было никакой возможности создать свой японский музей. А потом все стало возможным.

* * *

— ...Я не знаю, — качает головой Вайда, — как бы все закончилось у нас — без перестройки, без гласности, без Горбачева. Вскоре после наших выборов пала Берлинская стена. Все это в большой степени стало возможным благодаря польской стойкости. И выдержке.

Но оказалось, что свобода — несомненно, более трудная ноша, чем когда тобой правят, регламентируют каждый шаг твоей жизни.

Тут возникает много сложных подробностей. Польша сделала то, что должна была сделать. Польша наконец осуществила свою вековую мечту — вернулась в Европу. Потом правые силы пришли к власти, националистические, консервативные, такие коммунисты наоборот — но они долго не продержались. Потом пришла «Гражданская платформа», которая стала искать баланс интересов разных сил в обществе, и это правильный путь, хотя и наиболее трудный способ управления страной, но он оправдывается.

Но вот что я хочу сказать: кто там в президентском дворце, в Бельведере, — Валенса, или Квасьневский, Качиньский или Коморовский, но каждый раз: кому править — правым, левым, либералам, националистам, — все-таки решает общество, решают поляки, избиратели, которые надеются, что им будет лучше, чем с предыдущими. И на следующих выборах у нас будет то, чего захочет общество.

Но общество не готово определять свою судьбу, — в этом весь драматизм этого периода, общество не подготовлено, оно пассивно, оно податливо на самый грубый популизм, люди не ходят на выборы, они голосуют порой непредсказуемо, — но так это и должно быть в демократической стране. Именно это внушает оптимизм. А трудности — они есть и в других странах. Польша тут не в числе последних.

Кто побогаче — у них другие трудности, к ним едут эмигранты со всего света, к нам пока не очень рвутся. Но наша страна со всеми ее трудностями, я думаю, идет в правильном направлении...

Я знаю, что еще слишком большое влияние имеет церковь, но пользуется она этим влиянием не всегда наилучшим образом. Националисты очень опасны, и их много, и с каждым годом все больше, и они становятся агрессивнее. Но не они правят этой страной. Это – главное.

После 25 лет, при всех этих трудностях, восхождение еще не завершилось, это путь неостановимый... Главное – как бы это назвать... главное – отстроить общество, чтобы граждане брали на себя ответственность.

Но, к сожалению, за долгие годы мы привили людям стойкий рефлекс, что главные решения принимает власть. Но кто будет содержать такую страну?

Экономические проблемы... Реформы Бальцеровича были очень трудны для миллионов людей; эти реформы заставили людей полностью изменить свою жизнь. Но это было неизбежно. Ведь польская промышленность была очень прочно соединена с советской, связана с нею. Военные заводы, ВПК, авиация, машиностроение, химия, судостроение... Суда строили в том же Гданьске, на верфи имени Ленина, для Советского Союза.

Я ходил, смотрел, когда строили, спускали суда, экспортируемые в СССР. А потом, через пару лет, они к нам возвращались на ремонт, и люди недоумевали: как можно было так убить корабль? В трюмах все переборки изломаны, погнуты, как это вообще возможно? Возможно – если отправлять танки в Африку, в Южную Америку, и если шторм их мотает по трюмам, как консервные банки.

Казалось, это был нерасторжимый военно-промышленный альянс с СССР. И вдруг это кончилось. Конечно, было трудно.

* * *

За фильм «Пепел и алмаз» я получил 37 тысяч злотых, купил свою первую машину, заплатив за нее 100 тысяч. Каждый хотел бы иметь режиссёра за такую цену. Писатели тоже получали гроши...

Всегда есть пассивный остаток – группа недовольных, которая чего-то недополучила... Они хотели, чтобы решения принимали другие. В политику не вмешивались, но были всем недовольны. Мы опасаемся этой социальной группы, но она довольно обширна. Они могут присоединиться к любой акции против, поддержать любых маргиналов...

Всё каким-то образом должно развиваться. Конечно, страна понесла огромные потери. Часть людей уехали за границу в поисках лучшей жизни, за образованием. Они не верили в Польшу, в то, что здесь может наладиться человеческая жизнь. У них там выросли дети, и они уже не вернуться, а жаль. Это ущерб, прямые потери. Ведь уехали самые активные. Уехали в Лондон, в Германию. Но здесь-то они нужнее, даже не для экономики – для атмосферы. Мы думали: вот у нас наладится жизнь, и они вернуться. Но этого не происходит.

Будут выборы, и мы увидим, чего хочет общество; хотя это не значит, что оно всегда право в своем выборе. О, как они все любили «Солидарность»! Все были с «Солидарностью»! Как все аплодировали Валенсе!

И вдруг все обернулось в пользу левых. Валенса проиграл выборы с обескураживающим результатом. И Мазовецкий проиграл какому-то проходимцу... А все дело в том, что «Солидарность», хоть и называла себя профсоюзом и многое уже умела, управлять страной не могла. Это было политическое движение за перемены, но не против власти. Профсоюз защищает своих членов – и не может выступать против их интересов по определению!

В стране нужно было проводить структурные реформы, которые больно били по системообразующим предприятиям экономики, но «Солидарность» не могла этого поддержать, и она сошла на нет. Профсоюз только защищает своих членов против работодателей!

Но когда люди «Солидарности» пришли к власти – их обвинили в измене.

Наступил такой момент разочарования: люди негодовали, что нет защиты тем, кто пострадал от этих изменений, от экономических реформ, хотя без них страна просто свалилась бы в пропасть.

Но потом ситуация изменилась, и профсоюзы уже не играют такой роли. Профсоюзы не созданы для того, чтобы управлять страной, это была наша утопия, иллюзия той поры. Это мы теперь понимаем, что по-другому и быть не могло. Тогда этого никто не знал, поэтому никто никого не обманывал — обманывались все вместе.

И еще о Валенсе. Валенсу часто упрекают, что он не оправдал надежд как президент страны; его теперь еще и обвиняют: мол, простой рабочий, а полез в президенты!

Я скажу так: политик может быть нужен стране на один сезон, но этот сезон оправдывает его жизнь. И лучше на сезон, чем навечно. Такому, который приходит навечно, я не хотел бы пожимать руку. Он просто хочет власти, хочет владеть всеми нами.

Я фильм про Валенсу не случайно закончил этими кадрами, они взяты из жизни, это мой ответ тем, кто сейчас презрительно смотрит в сторону Валенсы.

Вот настоящий польский рабочий выступает перед Конгрессом Соединенных Штатов Америки — и все встают! А выступление ему, между прочим, написал лучший журналист Польши. Но Лех был настолько умен, что не прочитал, что ему написали, а нашел свои собственные, простые и точные слова.

Почему этот фильм смотрят во всех странах? Потому что это волнует всех. На самом деле — простых людей во всех странах. Когда оказывается, что политик может быть не выходцем из лучших американских университетов или Кембриджа, или Оксфорда, а электрик с судоверфи. Это же потрясающе!

Поэтому когда говорят: он был плохой президент, — я на это отвечаю: а почему он должен быть хорошим?

Он был призван в своё время и на свое место. Он был призван во время военного положения и не сдал ни одного человека. Как ни трамбовали его там. И это тоже есть в моем фильме. Ведь никто не знал, чем дело кончится, теперь-то легко быть смелым. А ведь можно было не увидеть никогда семью и детей. Он был им очень нужен. Ярузельский хотел любым способом добиться его сотрудничества, это могло спасти систему. Хоть как-то, хоть к самому невинному сотрудничеству — но не удалось. И ведь там, в изоляции, он был один, без учёных советников, без аналитиков, он сам нашел свой единственно правильный путь, приведший его к победе. Я смотрю на него с восхищением и благодарностью... Когда вернулся с судоверфи, я мог с ним поговорить.

В Варшаве все считали, что придут танки из СССР. А у него было удивительное политическое чутье.

Я спросил: Лех, вы не боитесь русских танков?

«Нет, — ответил он, — танков не боюсь...»

Потом я ездил по стране, и меня спрашивали: ты видел Валенсу? Говорил с ним?

— Видел, говорил.

— И что? А танки?

Я отвечал: он сказал — танков не будет.

Это собрало людей на борьбу.

Я еще понял, что политика — это такое своеобразное искусство. Он в своей голове в этот момент как-то внезапно все соединил, увидел проблемы соседей, и понял, что в этот момент у них уже нет возможности танки нам послать. И это меня восхитило.

Я понял, что хороший политик — это воображение! Близкое к искусству.

* * *

Я как-то снимал комедию «Невинные чародеи», историю некоего молодого врача и молодой девушки. Не связанная с политикой, невинная такая история. В общем, они проводят вместе ночь... Цензура не хотела показывать этот фильм про людей, живущих совсем

отдельной жизнью, в которой нет никакого места ни государству, ни партии...

(В то время у нас шел фильм Балаяна «Полеты во сне и наяву» и еще несколько – про совсем уже частную жизнь.)

И знаете, что в первую очередь велела выбросить цензура? Там есть сцена: герой лежит в постели, магнитофон на полу, музыка играет и он, лениво так, пальцем ноги, включает и выключает его... Цензор возмущился: «Пан Анджей, это же лучший магнитофон из всех, какие есть!»

Я понял: если нет Бога, техника его заменяет.

В каждом фильме что-то я вырезал, что-то перерабатывал. Я шел на компромиссы, все равно главное-то оставалось.

Но я понимал, что ситуация меняется. То, что невозможно сегодня, – не обязательно будет невозможно завтра. Или через 10 лет. «Человек из мрамора» – Через 13 лет к власти пришел Герек, и я снимаю фильм.

Когда приходит время – ты должен быть готов.

Когда я снимал «Человека из железа», у меня был герой, я знал, чего он хочет... Поехал на побережье Балтики почти случайно – но ведь там все и началось. Я надеялся, что мне удастся снять последнюю сцену: шесть человек на двери несут убитого рабочего (как на фото 70-го года). Мне хотелось, чтобы на двери лежал убитый Беркут... Это оказалось предвидением: он сел в поезд и едет на побережье. Но оказалось, что именно там, на Побережье, начались события. Начался процесс, в котором было необходимо участвовать...

У меня на один реализованный проект пришлось 3-4 нереализованных, не так уж и мало.

Меня звали уехать из страны, и я мог уехать. Я получал награды лучших фестивалей. Но что я мог сказать в Америке? Вот прошла выставка плакатов-постеров моих фильмов со всего мира. И знаете, польская часть – самая лучшая. Здесь меня острее понимают.

* * *

– А ведь знаете, я знаменитость! – смеясь сказал он, и мы согласились: – Конечно!

Но это он не к тому сказал, чтобы похвастаться всем известным фактом, наоборот, неизвестное шутиливо оттенить.

Мне тут рассказали, недавно наши епископы были у Франтишека (папы Франциска), и тот сказал так: вы из Польши... Я в молодости видел как-то польский фильм про кавалеристов. И там был священник, – как он вскочил на коня! – и он был лучше всех...

Мы не знали этого фильма.

Это «Лётна», – терпеливо сказал мастер. – Третий мой фильм. 1959 года.

Пятьдесят пять лет прошло, а он в Аргентине его видел и священника запомнил!

Так сложилась наша жизнь: я старался находиться близко к событиям. Это, мне кажется, задача кино. И они меня не обходили.

Мир изменяется, мы оставляем следы своего времени.

Реальная политика вмешивается в кино, не в ТВ, теперь телевидение овладело политикой. Политические фильмы всем надоели, они не делают сборов.

Теперь другие зрители...

Я готовлюсь снять новый фильм... Вся трудность в том, что мне кажется: вот мы думали, когда наступит свобода, я все скажу. Я почувствовал это – но того напряжения у меня не было. Это была потеря контакта с той публикой, которая тогда ходила в кино. Для нынешней публики прошлое не имеет значения... Кино показывает совсем других людей и другие миры.

Я преподаю в киношколе. Сокуров ваш замечательный у нас преподаёт... Фантастический человек, как ангел с неба. *(Фолькер Шлёндорф наклоняется ко мне. Возможно ли, чтобы он во все это верил?)*

Великолепный режиссер. По-настоящему современный.

* * *

Сабля отца

Мы собрались уходить. Вайда со своим стульчиком вышел в прихожую нас провожать. На стене привлекла внимание ржавая, без рукоятки, сабля. Он заметил мой взгляд.

«Это сабля моего отца. Совсем недавно ко мне вернулась... Я же долго не знал, где погиб мой отец. Сравнительно недавно узнал: под Харьковом, не в Катыни, нет. Якуб Вайда был офицер конной артиллерии, и мы жили в городе... в офицерском доме. Мама Анеля был учительница...»

– Как моя...

(Кивает и продолжает):

Когда пришли немцы, мне было 13 лет. Потребовали сдать все оружие. Я никак не мог представить себе: как это сдать немцам саблю отца, который ушел на войну и от которого нет никаких известий? Я так ждал, что он вернется. Я закопал отцовскую саблю в нашем дворе. Завернул во что-то и закопал... Прошло много лет, я узнал страшную судьбу отца, страшную своей безнадежной определенностью. Два года назад я был в родном городе, на месте нашего дома повесили доску, что здесь жил офицер Вайда и его сын, знаменитый режиссёр и все такое...

И вот одна женщина, старая уже, как я, подошла ко мне, протянула эту саблю и сказала, что это мое. Она сказала, что когда дом сносили, копали двор и нашли эту саблю. И она сразу поняла, что это моя, потому что из офицерских детей мальчик был только я.

Вот она и вернулась — через семьдесят лет».

Я рассказал, что еду домой не самолетом, а поездом, через Брест, потому что в Бресте похо-

ронен мой отец, и завтра ему исполняется сто лет.

...Но уже надо было уходить.

Мы расцеловались.

– Сняли бы вы фильм про саблю отца, – сказал я.

– Сентиментально как-то, – ответил он улыбаясь.

* * *

А ведь про своего отца он снял «Лётну». Про прекрасную белую кобылицу; про то, как эскадрон разбитой армии идет куда-то, ищет боя, как все погибают и последний герой уходит через границу... В Россию? Скорее всего — к неизбежной гибели. В Катынь. Эскадрон снят плотно, фактурно, с деталями, этой упряжью сыромятной кожи, блеском сабель и кавалерийских сапог, и, кажется, даже с запахом пота и сёдел...

И на этом батальном фоне — великолепная белая кобылица, лошадь-мечта, видение. Всякий, кто сядет на нее, погибает, но и не полететь на ней нельзя.

В этом раннем фильме был уже заложен будущий Вайда и тематика его творчества, вырвавшая десятилетиями. Война, неотвратимость судьбы, любовь и смерть, и поступок человека, почти ничтожный на фоне вселенской беды и все-таки только он и значимый.

И все это, как у Окуджавы: сентиментально, конечно (теперь так не делают), но пронзительно-правдиво.

27 октября 2014 г.

Разговор с Анджеем Вайдой вел Виктор Ярошенко при участии Татьяны Щербинь.

Синхронный перевод Кристина Кусьттит.

© Текст: В. Ярошенко

© Фото: Г. Ярошенко

ЯНУШ ОНЫШКЕВИЧ: МЫ СРАЗУ ОПРЕДЕЛИЛИ ЦЕЛЬ

С Янушем Онышкевичем мы встречались в офисе Министерства печати, куда он приехал на стареньком велосипеде. Нам говорили, что так он ездил и когда был министром обороны (правда, добавил: один, «а за ним джип охраны»). Не знаю, правда ли это.

* * *

К давним годам

Виктор Ярошенко: Пан Януш, как получилось, что рабочее, по своей сути «левое», движение стало основой капиталистической революции? Нет ли здесь противоречия? Противостояния интересов конкретного рабочего коллектива и большой экономики?

Януш Онышкевич: Особенность Польши состоит в том, что у нас вся деятельность оппозиции организовывалась все-таки вокруг деятельности профсоюза. Мы всё думали: как же нам в ситуации коммунистического режима организовать какую-то правовую базу нашей деятельности? Создать какую-то политическую организацию было невозможно. Нужно было подать заявление и получить решение суда. И суд всегда мог сказать, что такая организация не нужна, потому что есть другие, которые делают то же самое, — вот и все. В конце концов, мы обнаружили, что есть только один тип организации, которому, согласно польскому праву, не нужно иметь такого одобрения, — это профсоюзы.

В Международной организации труда при ООН находятся документы, которые Польша как страна победившего рабочего класса не только одобрила, но приняла как свое внутреннее право. И вот по этому-то документу выяснилось: если хотя бы 15 человек сойдутся и заявят, что они организуют профсоюз, — им уже никакого разрешения не нужно. Нужно только — и это их обязанность — уведомить руководство предприятия, чтобы оно знало: мол, есть у вас новый партнер. (Смеется.)

В.Я.: Если я правильно понял, вы говорите абсолютно сенсационные вещи: сидела группа интеллектуалов, все это изучила, искала пути, как взорвать, разрушить эту стену, и после долгого изучения нашла трещину, которую и стала расширять... Я правильно понимаю? И вы нашли подход...

Я.О. (смеётся): И мы нашли решение! Забастовки были, но теперь ими руководили мы. В результате забастовок в 79-м году была попытка создать профсоюзы, защитить интересы рабочих. Забастовочные комитеты, которые были на заводах, — их было слишком мало. Когда они пробовали войти в эти

Януш Оньшкевич

(*Janusz Onyszkiewicz*) — математик, политик, альпинист. Один из основателей «Солидарности». «Государственный преступник», «экстремал», заключенный в тюрьму в Бялоленке после введения в Польше военного положения. После победы мирной революции — депутат Сейма (четырёх каденций), министр обороны Польши (1992–1993) и (1997–2000), депутат и заместитель председателя Европарламента. В настоящее время — советник министра обороны Польши. Председатель Польской федерации альпинизма.

структуры официальных профсоюзов, они ничего не смогли сделать, и все вернулось в прежнее русло. Поэтому у нас возникло решение: входить в старые структуры невозможно, нужно создавать совсем новую профсоюзную структуру. Оказалось, что, с точки зрения закона, сделать это можно.

Татьяна Щербина: Подождите, но разве были какие-то законы, разве они имели какое-то значение?

Я.О.: Но ведь это было везде, и в Советском Союзе, и в Чехословакии — все были члены МОТ.

Т.Щ.: Не понимаю: и кто бы им у нас позволил что-то такое создавать? Абсолютно невозможно. Вы говорите, собрались пятнадцать человек, сказали: мы профсоюз. И всех посадили.

Я.О.: У нас было не так, по разным причинам. Ну, во-первых, недооценили: подумаешь, пятнадцать человек, ну что они смогут сде-

лать, это неважно... Практически очень долго это и были маленькие разрозненные группы.

В.Я.: Ну, хорошо, можете ли вы назвать не пятнадцать, а пять человек — самых главных зачинщиков этого «безобразия»? Так сказать, сообщите их имена перед судом Истории.

Я.О.: Это были Анджей Гвезда, Богдан Бурсевич (он не являлся членом профсоюза, потому что не работал на верфи); это был Богдан Лис. В Варшаве, конечно, Яцек Куронь, Ян Литинский; Хенрик Вуец¹. Они издавали подпольную газету «Рабочий», где и были разработаны идеи независимых профсоюзов.

В.Я.: У нас и сейчас идет дискуссия о роли интеллектуалов в народном движении...

Я.О.: Да, это очень важно. Была память 68-го года, когда студенты начали огромные демонстрации за свободу слова, против цен-

¹ Генрик Вуец (польск. *Henryk Wujec*; 25 декабря 1940) — польский политик, общественный и профсоюзный деятель. Один из основателей КОС-КОР, член всепольской комиссии профсоюза «Солидарность». Депутат Сейма Республики Польша в 1989–2001 годах, государственный секретарь Министерства сельского хозяйства в правительстве Ежи Бузка. Советник Президента Польши Бронислава Коморовского.

зуры, но у нас не получилось тогда создать широкую поддержку этому движению, кроме интеллектуальных кругов. Напротив, демонстрации в Варшавском университете были противопоставлены демонстрации рабочих Варшавского металлургического завода... Но уже двумя годами позже, в забастовках 1970 года на побережье и в других местах, — там были только рабочие. Была даже такая легенда, будто рабочие повесили такой плакат: «Интеллектуалы, простите нас за 68-й год!»

Может, это и легенда, но становилось ясно, что надо бороться вместе и что настоящая сила в Польше — то не интеллектуалы, а рабочие. Было очень важно, что Валенса и другие организаторы этой забастовки все время работали с группами интеллектуалов из Варшавы. Рабочие пригласили их и, в конце концов, пришли к блестящему решению — проблеме договора.

В Конституции Польши была записана статья о ведущей роли компартии. Это означало, что партия везде имеет ведущую роль. Но в результате переговоров с правительством и ПОРП (в 80-м году в Гданьске был выработан принцип, что профсоюзы — это движение тогда еще не называлось «Солидарностью», был забастовочный комитет) они соглашались с тем, что могут быть независимые профсоюзы, а партия будет вести руководящую роль в политических структурах общества. И это был совсем новый подход, и уже можно было формально организовывать независимые профсоюзы в согласии с этой новой интерпретацией ведущей роли партии.

В.Я.: В фильме Анджея Вайды «Валенса» есть такой момент: идет собрание, говорят — интеллектуалы пришли. Валенса отмахивается — пусть кто-нибудь с ними поговорит. Я пана Яна Литинского спрашивал, и он сказал: это лукавство! Валенса все время играл между теми и другими! Одними и другими интеллектуалами. Это так было?

Я.О. (смеётся): Так...

В.Я.: Против социализма, с одной стороны, было трудно, а с другой — легко бороться. Государство было главным и единственным работодателем. Все вопросы к нему. А теперь — хозяева предприятий, корпорации, банки. В нынешних экономических обстоятельствах рабочим гораздо труднее защищать свои интересы.

Я.О.: Конечно, сейчас обстановка совсем другая. Когда у нас строилась структура «Солидарности», у нас был уникальный профсоюз. Наша структура «Солидарности» не была объединением по профессиям или отраслям, это была территориальная структура.

В.Я.: То есть она не выходила из исторической, идущей от Средних веков традиции — цехов ремесленников, торговцев, моряков и т.д.?

Я.О.: Это была общая территориальная структура. Мы как-то обсуждали: а зачем нам такая структура? Какие общие интересы у членов такого профсоюза? И пришли к выводу, что поскольку такая структура экономики, где нет частной собственности, а государство — наш единственный работодатель, то все претензии — к нему, и чем их больше, тем лучше. Все заводы были государственные. Оно все контролировало (например, в воеводстве). Значит надо иметь единый профсоюз, чтобы говорить с этим работодателем.

Наша структура, конечно, не была похожа на устройство стандартного классического профсоюза, скорее на структуру политической партии, конечно.

Вы знаете, во время «Солидарности» у нас был только один запрет: не надо трогать силовых структур. Чтоб слишком не испугать власти и особенно чтобы не испугать Москву. Мы знали, как они работают. Милиционеры сделали свой собственный профсоюз и, в конце концов, даже контактировали с нами. Мы очень осторожно под-

ходили к контактам с ними, боялись, что здесь может быть какая-то провокация. Мы были объектом их деятельности и, в конце концов, взаимодействовали. Но военные структуры, — о них мы ничего не знали. Чёрный ящик.

Т.Щ.: Когда мы говорили с Вайдой и дошли до военного положения, он сказал: об этом я не хочу говорить, это слишком сложно... Интересно — а есть ли, ну не знаю, романы о военном положении?

Я.О.: Это очень интересно, потому что у нас пока, насколько я знаю, не написано ни одного хорошего романа об этом времени... ну, конечно, это сложно, странно и болезненно. Есть несколько фильмов, которые затрагивают эту тему. Но шедевров... Военное положение было очень важным периодом. Его введением власть показала, что нормальными политическими инструментами коммунистическая система не способна управлять обществом, прекратить поход «Солидарности». Это показывало, что система не имеет никакой легитимности.

Но, с технической точки зрения, это была блестяще проведенная операция. Они интернировали всех значимых лидеров, они были на всех предприятиях, они отняли радио и телевидение... Однако политически это сразу же провалилось, хотя длилось несколько лет, постепенно ослабевая, но так и не было официально отменено.

В 1983 году я был опять арестован и ждал перевода в тюрьму. Рядом сидел офицер и вдруг спросил: «Я вас умоляю, скажите, что вы с нами сделаете?» У них было чувство безнадежности, с таким чувством не выигрывают.

***

Т.Щ.: А кто вы по профессии?

Я.О.: По профессии я математик.

В.Я.: А были у вас перебежчики с той стороны, как у нас, например, Калугин, который переметнулся к демократам?

Я.О.: У нас был один спецслужбист, который работал с нами. Его раскрыли, он сел в тюрьму. С военными было как-то легче... Они жили среди нас. Но они были очень осторожны. Они больше симпатизировали «Солидарности». В 89-м году выяснилось, что микрорайоны, где жили военные, голосовали за «Солидарность». Процесс зашел уже далеко...

В.Я.: А куда они все подевались? Ведь было столько карьеристов — партийных, околопартийных, молодежных!

Я.О. (смеётся): В 1992 году я был в Москве как министр обороны, и Грачёв пригласил меня на ужин. И он спросил: а что вы сделали с членами коммунистической партии? Я сказал: я вам вряд ли точно отвечу, но лучше спросите нашего посла, он ведь бывший член Политбюро!

Я думаю, это очень важно: мы показали, что после изменения политической системы те, кто были в коммунистической партии, во власти, в правительстве, в тюрьму не пойдут. Для них и в новой жизни найдется место.

В новом правительстве бывший министр обороны сохранил свой портфель, так же как и министр внутренних дел, еще два портфеля тоже были в их руках. Это была очень широкая коалиция. За «шоковую терапию» голосовали все — и левые, и правые, потому что у всех было чувство наступающей катастрофы — и все проголосовали! У всех было чувство, что мы идем прямо к катастрофе, и чтобы ее избежать, нужно делать что-то очень радикальное. И поэтому все голосовали за пакет реформ Бальцеровича.

И то, что у нас не было никаких судов над коммунистами, было очень важно для падения коммунизма в других странах: в Чехословакии, Венгрии — они увидели, что падение коммунизма не означает личной гибели для них... Что это может быть приемлемо.

Можно заменить полицейских, даже адвокатов, но с армией как быть? Кем заменить высших офицеров? Может ли заслуженный оппозиционер командовать дивизией? Или здесь должен быть профессионал, для которого армейская служба была всей жизнью.

* * *

В.Я.: К вопросу о профессионалах... Вот вы, математик, вошли в кабинет министра обороны. И что вы там делали?

Я.О. (смеётся): Это было очень странно, я помню. Я был гражданский, совершенно гражданский человек... Что я должен делать? Я умел принимать решения, но не мог отдавать приказы. А военные реагируют только на приказы. В этом была некоторая проблема... Постепенно реформировалось устройство Министерства обороны как системы, которая работает по гражданским принципам. Это гражданская структура, одно из министерств. Ну, конечно, очень много людей там было военными, что не обязательно, кстати, они работали как обычные чиновники, делопроизводители, канцеляристы, секретари, аналитики даже... Я сначала был заместителем министра обороны в 92-м, потом был министром, потом мы проиграли выборы, и я вернулся только в 97-м году. Когда я был министром, мы входили в НАТО, я должен был готовить все военные структуры к этому.

Чисто технологически это не было чем-то невозможным... Хотя некоторые проблемы были. Например, со средствами идентификации «свой-чужой» на самолётах, она должна была быть натовская, как и средства связи должны быть совпадающими. И система воздушной обороны. С первого же дня воздушное пространство Польши стало частью воздушного пространства НАТО, и оно это контролирует, конечно, с нашим участием. Так что радары нужно было подключать натовские. Я бы сказал, что основные проблемы нашего вхождения в

НАТО — это не проблема техники, как в компьютере, скорее софт.

В.Я.: Расскажите, как это начиналось, как вызревало решение уйти на Запад.

Я.О.: После восьмидесятых годов, когда начались политические перемены, для нас был важнейшим вопрос: надо ли нам оставаться между НАТО и СССР, а потом — Белоруссией, Украиной и Россией. Мы считали, что это не самое удобное положение, потому что быть в «серой» части европейской карты означает, что Польша будет территорией, на которой все время будут сталкиваться, с одной стороны, интересы Европы и НАТО, а с другой — Россией. Мы решили, что нам надо входить в процесс интеграции с Западом и идти в Евросоюз.

Принципиальное решение о вступлении в Евросоюз, как конечная цель, было принято довольно быстро. В ходе долгих переговоров мы сумели вложить в первую же совместную декларацию, что наша цель — членство в Евросоюзе. И Евросоюз счел возможным эту нашу мечту включить в договор об ассоциации. Мы подписали договор об интеграции с Евросоюзом в январе 1991 года. Но процесс вхождения оказался очень длинным, очень сложным, занял тринадцать лет, как всем известно.

Вхождение в НАТО получилось гораздо быстрее и проще. В 90-м (или 91-м) году Збигнев Бжезинский высказывался, что надо сохранить и НАТО, и Варшавский договор. На повестке стояло объединение Германии, все остальное, по сравнению с этой политической задачей, казалось мелким. Но для нас было ясно, что Варшавский договор уже умирает, а вхождение в НАТО стало нашей внешнеполитической целью. Но прямо и откровенно мы смогли поставить эту цель только в 1992 году, когда были решены принципиальные вопросы. Во-первых, прежде всего договор об объединении Германии одновременно подтверждал окончательность границ

в Европе и отсутствие территориальных претензий к Польше, без чего невозможно было говорить о НАТО. К этому времени уже был принципиально решен вопрос о выводе российских войск из Восточной Германии и Польши.

В 2002 году мы ясно выразили желание войти в НАТО. Честно говоря, может, это выглядит как парадокс, но мы надеялись, что после вступления в НАТО будет легче договориться с Россией. Это выглядит странно, но мы имели перед собой пример эволюции германской политики. Германия тоже долгие годы не считалась членом НАТО. Только после того, как Германия стала членом НАТО, Евросоюза и других европейских структур в ее отношениях с Советским Союзом начались улучшения. Потому что стало ясно, с каких позиций могут развиваться эти отношения.

Мы тоже надеялись, что будет так: после вступления в НАТО, после первой эмоциональной волны наступит конструктивное взаимодействие, основанное на реалистичных и взаимных интересах. Это как после развода супруги договариваются о каких-то отношениях на совсем иной базе. Вот и у нас было такое мышление.

...Помню, когда я был членом парламента, мы встречались с делегацией Государственной Думы России, и они убеждали нас: не стройте иллюзий, понятно, что в Евросоюз вы не войдете, в НАТО вас не позвут, поэтому надо нам сидеть всем вместе и договариваться... Очень трудно было им объяснить, что мы просто хотим там быть и что мы там будем.

И таких моментов было много...

Со стороны России, тогдашнего президента Ельцина не было согласия на наше вступление в НАТО. Но когда Борис Ельцин приехал в Варшаву в 1993 году и были переговоры с Валенсой, в конце концов Ельцин как-то дал понять, что он готов подписать совместное заявление о приверженности

принципам Хельсинкских соглашений. А в них-то как раз и было зафиксировано, что каждая страна имеет право выбирать, в каких военных и политических союзах она хочет состоять. Поэтому мы и весь Запад посчитали так, что Россия юридически не возражает против нашего вхождения в НАТО. Это продолжалось не очень долго, потому что после возвращения Ельцина на него было оказано сильное давление — Грачева, МИДа и других, которые всячески сопротивлялись такому согласию. Практически Москва дезавуировала это решение; Ельцин написал тогда письмо, которое до сих пор не вполне открыто, но все о нем знают. В этом письме Ельцин прямо написал, что он знает, что НАТО не агрессивный блок, но что россияне этого не знают, поэтому надо делать по другому: надо не расширять НАТО, не принимать в него новых членов. И что самое лучшее решение было бы дать странам, находящимся между Россией и НАТО двойные гарантии и иметь хорошие отношения между НАТО и Россией.

Но для нас это было неприемлемо. Мы боролись за членство в НАТО и, в конце концов, мы были приглашены в Северо-атлантический союз (туда нельзя вступить, туда надо быть приглашенным).

В.Я.: А у нас до сих пор обсуждается тема, что и у России когда-то был шанс вступить в НАТО, и что это даже всерьез обсуждалось. Как вы к этому относитесь?

Я.О.: Я бы сказал, что даже до самого последнего времени считали, что, конечно, Россия сможет когда-то стать членом НАТО, но в эту организацию приглашают только те страны, которые считаются вполне демократическими...

В.Я.: Как Турция?

Я.О.: Нет, это совсем другая история. Турцию принимали в годы «холодной войны». И еще есть аспект: страна должна быть полезной для НАТО. Турция была полезной. И

наконец, всем ясно, что над НАТО развернут ядерный зонтик Соединенных Штатов Америки. Но Россия — это тоже мощная ядерная страна, которая свои интересы позиционирует совсем иначе, чем США. Им следует сначала договориться между собой. Но сейчас эта тема гораздо дальше от реализации, чем казалось двадцать пять лет назад.

В.Я.: На пепелище нашего костра российские либералы сидят и думают об упущенных шансах. И есть такое мнение, что эти шансы были упущены не только Россией, но и ее партнерами.

Я.О.: Конечно, я бы не сказал, что со стороны Запада не было никаких ошибок. Но выскажу свое частное мнение: для России это было и есть очень трудно как-то даже подумать отказаться от части суверенитета, отойти от своей традиции империи. И Великобритания, и Франция имели империю, и после мучительного периода сумели выжить без них. Но Россия не *имела* империю, Россия *была* империей, а это совсем другое дело, другая постановка вопроса.

И в Великобритании, и во Франции можно было развивать демократические институты, процедуры, а в колониях это шло совсем по-другому, с гораздо меньшим успехом, нежели в метрополии. В России же этого не было, Россия была унитарной страной, и все болезненные процессы в одной ее части влияли на другие. Это было более похоже на Османскую империю, чем на Французскую или Британскую.

И конечно, были острые проблемы с русскими людьми, которые остались в отколовшихся частях Союза, в Средней Азии, Казахстане, на Украине, эти проблемы и сейчас дают о себе знать. В Великобритании интеграция была не столь сильной, но для Франции Алжир был мучительной и многолетней проблемой. Потому что там жило больше двух миллионов французов. Но французы как-то с этим справились.

Т.Щ.: Проблема Алжира кончилась тем, что

алжирцы теперь живут в Марселе и в Париже, а проблема России в том, что миллионы жителей бывших республик — киргизы, узбеки, таджики, азербайджанцы — теперь ищут счастья в России. Тогда мы еще по-настоящему этого не понимали, что так будет.

В.Я.: Когда-то многие думали, что Россию в процессе трансформации может удержать внешняя рамка, новые союзы, вступление в Совет Европы, обязательства...

Я.О.: В Польше долгий период мы боялись сильной России. При Ельцине мы начали бояться слабой России, а теперь снова возвращаемся к старым ощущениям.

При Ельцине был вопрос: сможет ли Россия удержаться единым государством, без развала, как получилось с Советским Союзом? Тема серьезнейшая. Это для нас был вопрос большой тревоги, мы тоже нажимали на украинцев, чтобы они сдали ядерное оружие, с ними была проблема посерьезнее, чем с казахами или с белорусами. Кажется, что для России проблема была в том, что СССР считался одним из признанных полюсов силы. Но после развала статус России стал гораздо скромнее, но с этим многие не могли и не хотели согласиться. Я видел настроение, требование российских партнеров — что Россия должна почитаться и уважаться на том же уровне, что и Соединенные Штаты. Поэтому Россия не желала входить во многие проекты с Европой и с другими государствами. Возьмем, к примеру, «восточное партнерство». Была такая проблема, что Россия не хочет контактировать... Конечно, Россия — страна не того же веса, что и Молдова, но не всегда всё определяет вес.

Все видели, что Россия хочет считаться таким же важным партнером, как это было во времена Советского Союза. Но это уже не так, даже с экономической точки зрения: валовой продукт Россия был примерно как в Нидерландах.

В.Я.: Не все определяется валовым продуктом. Возможно, здесь вы затронули важную и болезненную тему; может быть, приоткрывающую причину путинской — и российской (потому что в этой стране довольно едино) обиды на весь мир. Россия требует уважения — к своей трагической истории, понесенным жертвам в войне с фашизмом, к своей огромной территории, богатствам недр, даже к своему особому отношению к собственной жизни.

Я.О.: Да. Именно так. Россия требует уважения. Но в советские времена СССР уважали левые силы во всем мире и боялись все остальные.

Т.Ш.: А сейчас опять все боятся. Получается, что Запад своего добился.

В.Я.: Недавно я услышал: Запад захватил Германию в объятия и держит ее в них после Гитлера и после всего, что он наделал. Неужели и от России требуется совершить что-то такое ужасное, чтобы Запад принял ее как равную?

Я.О.: У нас некоторые считают, что эта политика не безумна, она вполне логична внутренне и, в сущности, все сводится к тому же: заставить мировое сообщество дать больше места за столом. Но она чрезвычайно опасна для всего мира, в том числе и для развития России.

Цели ЕС были сформулированы очень рано, сразу же после Второй мировой войны. И польское стремление в ЕС было сформулировано очень рано, сначала как труднодостижимая мечта, но потом она становилась все реальнее. Ассоциация с Европейским Союзом была подписана в январе 1991 года, когда еще даже не рухнул Советский Союз, и нам это вполне сошло с рук. В этом договоре мы сформулировали свою цель — войти в ЕС, и Евросоюз с этой целью согласился.

Процесс вхождения, соблюдения всех условий и требований, стандартов и протоколов оказался очень долгим и очень

сложным. Войти в НАТО оказалось не так сложно. Но сформулировать свою цель как вхождение в НАТО было политически трудно. И страны НАТО были не готовы обсуждать это. Збигнев Бжезинский говорил о необходимости сохранения и НАТО, и Варшавского пакта.

Американцы и многие в Европе не хотели, да и не могли себе представить столь решительную перемену военно-стратегической ситуации, когда Польша — один из важнейших партнеров СССР и крупная европейская страна, в том числе значимая в военном отношении, вдруг войдет в НАТО. Мол, это сильно изменит баланс сил и вызовет дестабилизацию, говорили нам.

Но эту цель мы поставили в 1992 году, когда надо было принимать важнейшие принципиальные решения. У Польши были не очень урегулированные отношения с Германией, где действовали реваншистские силы, не признававшие ягтинских результатов войны.

Польша ведь принимала свои решения в контексте быстро менявшейся мировой ситуации, прежде всего — объединения Германии. Договор о воссоединении Германии подтвердил незыблемость границ Польши на Западе, таким образом опасность со стороны Германии снималась. К тому же начался вывод советских войск из Германии и Польши... В 1992 году Польша решила войти в НАТО. У нас была надежда (звучит как парадокс), что в этом качестве будет легче договариваться с Россией. Мы же видели эволюцию германской политики. К тому же до того Германия не была сильным членом НАТО и ЕС. Силу НАТО в Европе мало кто хотел увеличить. Но только после этого признания границ Германия могла сделать шаг к объединению и признанию этого со стороны СССР. Мы думали: вот войдем в НАТО, и с Россией будет договариваться проще.

В.Я.: С Ельциным было проще?

Я.О.: Россия не хотела, чтобы Польша становилась членом ЕС и особенно НАТО. Со стороны Ельцина не было согласия на вступление в НАТО. Ельцин приезжал в 1993 году, вёл переговоры с Валенсой, мы были готовы подписать заявление, основанное на Ялтинских соглашениях, смысл которых: каждая страна имеет право свободно выбирать своих союзников. Мы надеялись, что Россия юридически не сможет возразить против нашего желания войти в НАТО. Но Козырев и Грачев выступили против. Ельцин написал письмо, где признал, что НАТО не агрессивный блок, но россияне так не думают. Ельцин считал, что между НАТО и Россией нужно налаживать особые отношения; что и НАТО, и Россия должны дать Польше особые двойные гарантии, а Польша должна остаться нейтральной. Для нас это было неприемлемо. И в 1997-м году мы были приглашены в НАТО.

Надо сказать, что долгое время была надежда, что в НАТО может вступить и Россия. Но страны-члены НАТО должны быть демократическими, соответствовать целому ряду условий. Всем эти надеждам положила конец война в Чечне.

Россия очень большая страна... Мощная и в военном, и в экономическом отношении, в то время единственная страна, имевшая ядерный паритет с США.

Т.Ш.: А были шансы для России вступить в НАТО?

Я.О.: Я думаю, для них это было бы очень трудное решение. И трудно выйти из этой великой имперской традиции ... Великобритания и Франция *имели* империи, потом их лишили. А Россия всегда *была* империей, — в этом разница. В европейских странах шло развитие демократических институтов, а российская империя все-таки была ближе по своему устройству к османской, чем к европейским...

Мы в Польше долго боялись сильной России, потом боялись слабой России, непред-

сказуемой. Теперь возвращаются первые страхи. Тогда боялись распада России, как и распада СССР.

СССР был мировым полюсом силы с соответствующим военным и ядерным арсеналом. Россия и теперь претендует на равенство с США; не готова встраиваться в европейские институты, — они кажутся ей слишком мелкими, тесными, слишком ювелирными. Россия побрезговала членством в Восточном партнёрстве, — на равных с бывшими своими республиками. Конечно, Россия не Молдова, но и совокупную экономическую мощь Евросоюза не стоит недооценивать.

В.Я.: Я хочу спросить вас: вот эти взаимные угрозы, распространения ракет, разве это не шизоидально? В чем философия военного противостояния?

Я.О.: Я бы сказал, что у меня нет ощущения, что нам угрожает полномасштабная война...

В.Я.: А вот Таня считает, что она неизбежна.

Я.О.: Нет, мы не считаем, что это может произойти в близком будущем... Но что возможно, так это конфликты, которые ниже уровня войны. Такие операции, как делает Израиль: частный удар, дозированное использование спецотрядов, или авиации, чтобы снизить боеспособность противника, но больше — охладить пыл, политически зарядить одних и обескуражить других. Я бы сказал «тонкий намек на толстые обстоятельства» (Онышкевич, напомним, говорит с нами по-русски). Демонстрация своего потенциала, решимости, возможностей... Для нас самая главная программа — это программа воздушной обороны.

Т.Ш.: Значит, вы не верите в ядерный удар?

Я.О.: Нет. Это было бы совсем бессмысленно.

В.Я.: Но бессмысленные вещи происходят, решения бессмысленные тоже принимаются. Мы подошли к философскому разделу нашей увлекательной беседы. Какие основные мировые угрозы вы видите? Одни видят угрозы в агрессивном исламе, дру-

гие – в России, третьи – в Китае, многие – в США.

Я.О.: Я бы сказал, что угрозой является нестабильность в различных странах. Это будет влиять на ситуацию в других странах, и не только в соседних. Эта нестабильность может быть результатом внутренних проблем; может быть как-то создана искусственно, с участием сил извне. С нашей точки зрения, такая нестабильность создана на Украине, на Донбассе. Это проблема.

Если посчитать все конфликты за последние двадцать лет, подавляющее их большинство – это внутренние конфликты. Это не конфликты между странами! Таких конфликтов между государствами было очень мало. Ну, ирано-иракский конфликт. Ирак–Кувейт. Пакистан–Индия. Но их можно пересчитать по пальцам. А вот внутренних конфликтов, перерастающих в гражданские войны, очень много. Есть конфликты, которые кажутся внутренними, но там, безусловно, есть вмешательство других стран. Один русский аналитик написал про мятежные войны, в которых нет никаких правил, еще в 1930-е годы... Войны, у которых не очень ясные цели. И это большая проблема, как философская, так и политическая, и практическая.

В.Я.: Если есть такой конфликт неясного происхождения и неясного масштаба, неясной этиологии, как должно на него реагировать НАТО? Будет ли НАТО реагировать или нет?

Я.О.: Статья Вашингтонского договора о вмешательстве НАТО в случае нападения на одного из его членов весьма конкретная и ясная. А если ситуация туманная, неясная,

если вроде как и нет никакого внешнего нападения, тогда как быть? Я не считаю, что нам угрожает мировая война... Но возникают конфликты разного уровня, мировые угрозы и нестабильности в целых больших регионах.

Если посмотреть все конфликты последних двадцати лет, большинство из них было в Африке... Потом была Югославия. И в бывшем СССР. Есть конфликты вроде бы внутренние, но при внимательном рассмотрении всегда есть вмешательство внешних интересов.

Для России стратегический вызов, я думаю, не в Европе и даже не в Америке. Это Китай. Я думаю, ваша главная долговременная проблема – на Востоке, а не на Западе. Для России весьма проблемной территорией является Сибирь – экономически, а прежде всего демографически, – она не заселена, очаговое освоение... Россия может потерять Сибирь. Как ее удержать, если не делать важнейшим приоритетом, не на словах, а на самом деле? Но у России на это нет ресурсов. Я не думаю, что в России не понимают этой проблемы, что ей нужны наши подсказки. Но иногда кажется, что у России проблемы с масштабами задач. Большие проблемы, которые пока не на расстоянии тормозного пути, кажутся маленькими.

...Мы тепло попрощались, он сел на свой заслуженный велосипед и уехал.

*Интервью провели Татьяна Щербина
и Виктор Ярошенко.*

Переводила Кристина Кусьтъпит.

ЯН ЛИТИНСКИЙ ВСПОМИНАЕТ

Один из лидеров студенческого, а затем интеллектуального сопротивления 70–80-х годов, советник первой «Солидарности». Депутат Сейма (в четырех каденциях). Советник Президента Польши Бронислава Коморовского. Беседа проходила в здании Администрации Президента Польши.

Монолог

Сложилось так, что я был одним из лидеров студенческого движения, в бурном 1968 году был арестован, получил два с половиной года тюрьмы. Но начинать эту историю надо издали — с 1956 года... В октябре того года в Польше произошли большие перемены. Первым секретарем ЦК ПОРП стал Владислав Гомулка. По всей стране был большой всплеск надежд на демократизацию и уменьшение зависимости от Москвы. Но через пару лет все поняли, что надежды иллюзорны, режим принципиально не изменился. Но эпоха сталинизма закончилась, исчез страх, сковавший общество. Правда, с 1958 года свобода слова все больше ограничивалась, хотя это было и несопоставимо с вашей ситуацией.

В какой-то момент в Варшавском университете сначала сформировалась группа студенческих активистов (с легкой руки властей, нас назвали «командос», название прилипло), потом все более широкое движение... Были все левые, такие младокоммунисты. В 1965 году два аспиранта — Яцек Куронь и Кароль Модзелевский — написали открытое письмо, с марксистских позиций критиковавшее партию. Их арестовали, вокруг этого возникло большое возмущение. Тогда Модзелевский и Куронь написали еще более резкое письмо, все его читали, передавали из рук в руки.

Тем временем во власти нарастали националистические тенденции.

Поскольку они никак не могли быть антисоветскими, то национализм этот быстро окрасился в антисемитские и антигерманские тона. В марте 1968 года, после спектакля по Мицкевичу «Дзяды», произошли известные волнения среди студентов.

А два года спустя уже были уличные рабочие забастовки и демонстрации – на Побережье люди вышли на улицы. Все это, конечно, было не без влияния событий в Чехословакии, разгрома «пражской весны», ввода войск стран Варшавского договора (прежде всего – советских войск, но и польских тоже.) Было и влияние студенческой революции в Европе, баррикад в Париже (мы очень остро чувствовали свою связь с ними).

Начались демонстрации, власть ответила стрельбой, были десятки убитых. Эти события заставили Гомулку уйти в отставку, к власти пришел Эдвард Герек. И снова были ожидания. Некоторые перемены при Гереке действительно произошли, прежде всего в

экономике. Герек взял крупные кредиты на Западе, которые ему охотно дали. Уровень жизни стал повышаться, экономика пошла в рост. Но к 1975 году темпы роста упали, почти до нуля, кредиты пришло время отдавать, народу предложили как-то затягивать пояса. Политически этот этап был мягче, но деятелей оппозиции меж тем лишали свободы на 6 или на 8 лет, хотя в целом репрессии носили точечный характер. В 75 году эта модель развития стала катиться к спаду. Это стало заметно и по опустевшим полкам продовольственных магазинов, мясо стало дефицитом. Вообще, надо сказать мясо и колбаса – казалось бы, такие простые вещи – стали просто проклятием социализма: их всегда не хвата-

ло, и это сильно мешало верить в то, что все идет хорошо. Почти одновременно в разных местах стали формироваться оппозиционные группы, среди которых был замечен не формальный, но влиятельный клуб католической интеллигенции. Он и сейчас влиятелен. Была влиятельной католического направления газета «Тугодник Повшехны».

Эта тенденция связана с ролью польского католицизма, значение которого в падении социализма трудно переоценить. ПОРП это всегда понимала и безуспешно пыталась его приуменьшить. Оно огромно. Прежде всего это связано с деятельностью и судьбой Кароля Войтылы, кардинала Краковского (будущего папы римского Иоанна Павла II). В Варшаве католическое движение возглавлял Тадеуш Мазовецкий, впоследствии первый премьер демократической эпохи.

Выдвинулись яркие фигуры. Это в первую очередь был Яцек Куронь, Кароль Модзелевский Тадеуш Мазовецкий...

В 1975 году приняли изменения в польскую Конституцию: в нее вводилось три новых пункта: о нерушимой дружбе с СССР, о руководящей роли ПОРП и о том, что права человека неотделимы от обязанностей.

Правда, практически, это почти ничего не значило, как и сама Конституция. Но это вызвало протесты интеллигенции. Несколько тысяч человек подписали открытое письмо.

И вот, в какой-то момент начинает формироваться сеть этих протестных групп. Надо сказать, что в Европе и Америке была сильная польская эмиграция, не потерявшая связи с родиной: одна эмиграция — послевоенная, в которой оказались люди, воевавшие против Гитлера в армиях западных союзников; другая, новая, возникшая после 1968 года. И еще со времен немецкой оккупации была традиция «Подпольного государства», о котором всему миру поведал Ян Карский. Это была целая система нелегальных конспиративных институтов самоуправления, образования,

взаимопомощи и даже правосудия, связанная с Армией Крайовой.

Об этом рассказано в знаменитом фильме Анджея Вайды «Пепел и алмаз» (по роману Ежи Анджиевского), в котором Мачек (Збигнев Цибульский), молодой боец Армии Крайовой, должен привести в исполнение приговор коммунистическому руководителю, вынесенный подпольем.

В Париже Ежи Гедройц издавал ставший знаменитым еженедельник «Культура».

В противовес лондонской эмиграции, которая считала, что освобождение Польши возможно только в результате мировых событий, под внешним воздействием, Гедройц верил в возможность внутренних преобразований, в позитивную силу компромисса, налаживал контакты с «ревизионистским активом» марта 1968 года. Его идея была в восстановлении Польши совместно с Литвой, Украиной и Белоруссией. В Польше эту идею мы воспринимали как нечто совершенно естественную. Но для лондонской эмиграции это была измена: они мечтали о возвращении Вильнюса и Львова.

<...>Началось возрождение публицистики и литературы, всемирную славу получило польское кино. Вообще это поколение сделало очень многое для пробуждения страны. Чеслав Милош и Ежи Гедройц имели огромное влияние на либеральные и демократические круги, на зарождающуюся политическую оппозицию.

В 1976 году, после очередного повышения цен, в пригородах Варшавы начались рабочие волнения. Это встретило жесткую реакцию власти. Несколько тысяч рабочих было арестовано, многие получили длительные сроки — до десяти лет тюрьмы.

Многие рабочие лидеры вынесли тяжелые испытания, давление и даже пытки. Информация об этом вызвала к жизни активное движение помощи рабочим.

Сначала это были спонтанные акции без особой организации — просто собирали сред-

ства, в первую очередь, на оплату адвокатов. Но в сентябре 1976-го возникает нелегальный Комитет защиты рабочих, хотя все его члены подписались своими именами и дали свои адреса.

Вокруг этого Комитета быстро возникло широкое студенческое интеллектуальное движение. А власть отвечает тактикой малых шагов, медленно стравливает давление.

Рабочих выпускают по амнистии, напряжение спадает. В заключении остаются 7 человек. В мае 1977 года студент Ягеллонского университета Станислав Пьяс в Кракове был убит «неизвестными лицами»¹. Вспыхнули демонстрации, возникло студенческое движение Солидарности. Власть отвечает репрессиями. Десять человек, членов Комитета защиты рабочих (и я в том числе) были арестованы во второй раз.

Это вызывает новые протесты по стране. В июле 1977 года Герек принимает решение об освобождении всех политических заключенных. Конечно, чувство победы охватило всех, вызвало расширение оппозиционного движения. Комитет защиты рабочих превратился в Комитет общественной самообороны и защиты прав человека. Вокруг Комитета общественной самообороны возникает ряд институтов, пока еще не совсем формальных. Менялся характер нелегальных изданий, они становятся все непримиримее к властям. Появляется ряд типографий, где печатаются нелегальные газеты и журналы, брошюры и воззвания. Стала популярной нелегальная двухнедельная газета «Рабочий». Целью газеты явилось создание свободных профсоюзов. Все вместе это уже составило широкое движение, охватившее общество, интеллигенцию, рабочих и даже крестьянство. В этом движении участвовало уже около пяти тысяч деятелей-активистов, проявивших себя.

В 1979 году газета «Рабочий» уже имела двадцатитысячный тираж, хотя все еще распространялась нелегально.

В Чехословакии 1968 года лозунгом был — «Социализм с человеческим лицом», гуманизация системы, не больше. У нас в Польше тоже вначале речь шла об усилении самоуправления, рабочем контроле, самостоятельности предприятий. Но шло распространение свободного слова, разномыслия. Через «Свободную Европу» Яцек Куронь информировал страну об арестах и репрессиях.

Надо сказать, что для коммунистической страны у нас было довольно развитое антикоммунистическое движение, на что польским властям пеняли их московские кураторы. И в какой-то момент люди стали думать, что уже можно.

Избрание Иоанна Павла II римским папой в 1979 году произвело огромное впечатление на Польшу. Когда он приехал в страну, выяснилось, что у власти уже нет власти. Сотни тысяч людей почувствовали свободу. Сформировалось чувство «Мы» — непрременное начало Солидарности.

В коммунизме ведь нет связи с обществом. Есть только они и доктрина, которую они проводят в жизнь. А визит папы римского сформировал чувство нации, внушил полякам оптимистическое чувство единства, люди увидели, что их много и все едины.

И уже в июле 1980-го, (в дни московской Олимпиады), началась волна забастовок, которая разлилась по всей стране.

Началось все со скромных экономических требований. Но были и политические требования, особенно легализации свободных профсоюзов. А 14 августа 1980 года началась забастовка в Гданьске.

У нее было две фазы: первая фаза — знаменитая забастовка на Гданьской судовой верфи имени Ленина которая закончилась соглашением и созданием свободных профсоюзов. Вторая фаза — уже широкая забастовка Солидарности, к которой присоединился Валенса. (Эти события исторически точно воспроизвел Анджей Вайда в своем фильме «Валенса».)

Забастовку в Гданьске подержала вся Польша. В результате 31 августа 1980-го было подписано соглашение о создании независимых профсоюзов. Власть рассчитывала, что это будет только в Гданьске, но уже 17 сентября по всей стране возникает движение «Солидарность».

Сколько тогда в него входило людей точно неизвестно, но число их оценивают около десяти миллионов человек.

Как это виделось из городка Валбжих?.. Я сидел в заключении, меня выпустили по соглашению, и я поехал в этот шахтерский край в Судетах, на Вальжихских горах, где профсоюзный лидер был Ежи Шульц, шахтер. Он был активист Союза социалистической молодежи, член ПОРП. Он пришел на смену — а там забастовка. Его попросили: «Юрек, скажи что-нибудь, у тебя язык подвешен!»

Он сказал. Его избрали председателем Солидарности. Члена ПОРП. Во второй половине 1981 года лидеров стали исключать из партии, что еще больше ее изолировало. От членов ПОРП требовали, чтобы они определили свой выбор: вышли либо из партии, либо из Солидарности. И тогда в партии возникло движение «горизонтальных структур», взаимодействие местных организаций.

Однако уже с ноября 1980 года нависла угроза советской интервенции. Во всей стране был период относительной свободы, но всеми владело чувство, что это вскоре будет прервано.

Власть искала, что она может себе позволить в этой ситуации? Ну, арестовали нескольких человек, пытались на них надавить. Власть искала слабинку в движении «Солидарности», пыталась внедрить в Солидарность и управлять ею. Но тут опять опустели магазинные полки.

Я не экономист, мне об этом говорить трудно; но когда выросла зарплата, а повседневных продуктов нет, экономика перестает функционировать, начинают рваться производственные связи. Вязкая политическая си-

туация, переговоры ни к чему не приводят. Снова забастовка. Люди требуют замены воеводских секретарей — заместников партии. Очередные переговоры заканчиваются соглашением, которое никого не устраивает.

Яцек Куронь по этому поводу сказал: «На одних путях два расписания поездов». Столкновение было неизбежно.

У власти было два пути — или попытаться все-таки договориться с «Солидарностью», либо ввести военное положение. Альтернативой было советское вторжение.

13 декабря 1981 года Ярузельский ввел военное положение. Большинство лидеров были арестованы в дни введения военного положения. Нас с Куроном арестовали в Варшаве.

До сегодняшнего дня это решение вызывает множество споров (равно как и судьба самого генерала Ярузельского). Одни настаивают, что виновных в организации военного положения нужно было приговорить к пожизненному заключению. Прокуратура выдвинула тезис, что тогдашняя власть была организованной вооруженной преступной бандой.

Но население по этому поводу разъединилось ровно пополам, поэтому никакого решения и не было принято.

У нас очень много разных мнений по этому вопросу...

Очевидно, говорят одни, что, оставаясь на чисто юридических основаниях, военное положение и то, каким образом оно было введено, не соответствовали тогдашнему законодательству. Военное положение имел право вводить исключительно Сейм, а не Госсовет, как это было сделано. Но, с другой стороны, утверждают другие, Система была настолько неправовой в классическом западном понимании права, — что настаивать на соблюдении ее правовых тонкостей — это своего рода юридический цинизм.

На что же тогда рассчитывали польские власти? Далеко они не заглядывали. Наде-

ялись, что на предприятиях будет наведен порядок, прекратится антигосударственная пропаганда, не будет разрушающих экономику забастовок по политическим мотивам, все будет «подморожено» и начнет функционировать. Власть выиграет необходимое время; с одними договорится, других изолирует, что-то подправит — и тогда начнется выход из кризиса.

Но экономика плохо работает по приказу, по команде офицеров, под надзором автоматчиков, под прицелом танков. Танки на улицах не оздоравливают экономику, а добивают ее.

Робкие попытки реформ не дали результатов в 1986-м году; при очень плохом экономическом положении, растущей инфляции. Власть решилась объявить амнистию всем политзаключенным. «Солидарность» была готова начать легальную деятельность, но этого ей не позволили. В СССР уже были — Горбачев, перестройка, гласность. Стало ясно, что и мы уже можем. Танков не будет.

Курс Валенсы был на широкую легальную деятельность.

Но и тогда были люди, которые говорили, что все это обман, что с коммунистами договориться невозможно. Другие же считали, что власть следует поощрять, стимулировать, чтобы у нее не было чувства, будто не все мирные средства использованы, у них еще есть свобода маневра для сохранения своей власти.

Этот путь, хотя он не был тогда популярным, и выбрал Валенса, за что ему пришлось заплатить падением собственной популярности.

Церковь, которая вначале была объединяющим фактором, стала бояться «Солидарности», ревностно относясь к ее колоссальному успеху. Кардинал Юзеф Глемп², примас Польши, боялся «Солидарности», считал что это «левое», популистское движение с непонятным содержательным наполнением. Правда, в свое время папа Иоанн Павел II поддержал «Солидарность».

Было немало людей, которые считали, что надо договариваться, входить в официальные структуры, идти на компромиссы. Все это варилось в одном котле... Курс Валенсы — был за легализацию «Солидарности» и за начало экономических реформ, одновременно с политическими.

И вот в 1987 году власти начинают проводить экономическую реформу, но перед этим устраивается референдум, смысл которого сводится к вопросу: согласны ли вы какой-то период потерпеть, ради реформ, оздоравливающих экономику реформ? В референдуме участвует меньше половины избирателей, и 96 процентов из них отвечает «да».

Но в 1987-м году начинается новая волна забастовок, уже исключительно экономического характера, которые только вносят сумятицу и ухудшают положение. Они организуются уже не «Солидарностью», которая находится в кризисе, от нее отворачиваются, уже нет миллионов, она теперь слаба.

Но Гданьск, Новая Гута, горнодобывающие предприятия Силезии упрямо бастуют. Ситуация движется к катастрофе.

1989 год. Власть настолько слаба, что готова к переговорам. Дальше все происходит очень быстро. Министр МВД генерал Кищак встречается с советниками «Солидарности» и с Валенсой. Объявляется программа «Круглого стола». Идет забастовка шахтеров (я там был, но это уже другая история). Валенса приезжает и уговаривает прекратить забастовку.

Начинаются переговоры Круглого стола. Круглый стол заседал несколько недель; наконец было подписано соглашение, составившее толстую книгу, которую никто уже не читал, но два пункта основные: это легализация Солидарности и проведение свободных выборов. И еще один пункт: на этих выборах действующая власть оставляет в Сейме за собой 65 процентов и только 35 — для независимых кандидатов. Начинается предвыборная кампания — и в результате полный успех «Солидарности».

В Сенате у нас 99 мест из ста (одно место получил частный предприниматель, который просто подкупил избирателей). А в Сейме «Солидарность» имеет 35 процентов. В первом туре депутаты от ПОРП набрали всего лишь 25 процентов. Чтобы выиграть выборы в Сейм, они должны были выиграть у своих же. Так что можно говорить, что на самом-то деле они избирались.

Выборы, конечно, не были полностью свободными, но голос общества был слышен повсюду. Они получили 65 процентов голосов, но не смогли составить правительство.

Генерал Ярузельский получил на выборах то ли один, то ли полтора процента голосов. А премьером стал Тадеуш Мазовецкий.

Валенса проводил сложные маневры. Он договорился с председателями двух малых партий объединенной крестьянской и демократической. До сей поры они были «карманными» партиями при ПОРП. Но в тот момент Валенса решил выдвинуть на пост премьера трех кандидатов — Мазовецкого, Геремека и Куроня... Как и ожидалось, предпочтение было отдано Мазовецкому.

Спикером в Сейме стал Богдан Борусевич — из нашего Комитета защиты рабочих...

Валенса был естественным лидером рабочих. Он ведь тогда на верфи не работал, забастовку организовали другие — тот же Борусевич, но Валенсу привезли и бросили на верфь (это и в фильме Вайды показано)... Все происходило на тонких оттенках.

Надо признать, Валенса был феноменальным оратором. Он умел разговаривать с рабочими куда лучше университетских профессоров — этого у него не отнимешь <...> Важно, что Валенса сохранил умеренность в своих политических решениях, способность к компромиссам.

Если был конфликт, Валенса показывал пальцем на самого крутого радикала и говорил: а ну-ка, ты, иди на переговоры. Достигался какой-то результат; тогда на радикалов бросались уже другие: слишком много уступили!

Вдумаемся, ведь это же парадокс: руками рабочих Валенса вернул Польшу в капитализм. Радикалы не пользовались общественной поддержкой, они требовали слишком много всего — и сразу.

А в 1990-м году началась наконец радикальная реформа, и ее уже проводил Лешек Бальцеревич...

* * *

В общем, скажу, что «шоковая терапия» в целом была принята и одобрена обществом.

Люди чувствовали, что иного выхода нет, они были согласны и с тем, чтобы зарплаты на первом этапе не росли. Они могли потерпеть. Для каждого предприятия был введен налог, смысл которого в том, что если рост зарплаты превысит определенный уровень — придется платить большой налог. Это снизило количество денег на рынке. На госпредприятиях, на транспорте, конечно, ощущался огромный потенциал недовольства. Оставалась угроза забастовок на транспорте (городском и железнодорожном), которые просто могли парализовать страну.

<...>

Шла теневая игра, увеличилась спекуляция, за год можно было удвоить доллары, играя на курсах. Росло чувство социальной несправедливости, усиливалось социальное расслоение: в первое время новые богатые очень бросались в глаза, вели себя демонстративно. Одни беднели, другие богатели.

Герой начала девяностых — это «челнок», который нажил (неизвестным способом) большие деньги и хвастался этим по телевизору. Впрочем, самые яркие персонажи, оказались в тюрьме. Общество было возмущено тем, с какой легкостью аферисты и вору доходили до самых верхних этажей власти.

Но я уверен, что Бальцеревич был единственным в то время, альтернативы ему просто не было. Правда, я знаю, многие со мной не согласятся... Кароль Модзелевский, напри-

мер, считает, что мы потеряли Солидарность с производителями, хотя, с другой стороны, он утверждает, что либеральная программа была единственной реалистичной.

Политически, однако, это привело к тому, что Мазовецкий быстро потерял популярность.

Бальцеревич — великий макроэкономист и ужасный догматик — не понимал и не чувствовал предприятий, реального производства.

А предприятия вели себя не так, как он этого хотел.

С одной стороны, полный успех: падение инфляции, рынок, полный товаров, относительная стабилизация и даже снижение цен на продовольствие; вдруг оказалось, что на рынке полно мяса, которого столько лет не было в достатке... Но с другой — постоянный рост безработицы, кризис, закрытие предприятий, хроническое отсутствие у них оборотных средств, невозможность получать кредиты для продолжения производственной деятельности.

Бальцеревич оценивал будущую безработицу в 400 тысяч человек, а она переклестнула вдвое — за 800 тысяч!

В это время Валенса, который был все-таки консолидирующим фактором (широкие массы уважали его по прошлым делам), решил стать президентом. Он стал жестко критиковать правительство Мазовецкого. Собственно, он и построил свою предвыборную программу на критике правительства, которое сам же создавал еще недавно.

«Начинаем войну в верхах» — это был его лозунг. Воюем с теми, кто разбогател несправедливо. Необходимо окоротить эту «шоковую терапию».

К этому времени Ярузельский уже отказался от президентства, были назначены новые всеобщие выборы президента (Ярузельского выбирал Сейм).

Мазовецкий баллотируется против Валенсы — и проигрывает выборы человеку

ниоткуда, недавно приехавшему из Канады популисту!

В результате Валенса выигрывает эти выборы и невозмутимо продолжил политику Мазовецкого, оставив даже Бальцеревича и других ключевых министров из правительства Мазовецкого.

На эти выборы Валенса шел под лозунгом изменений в курсе реформ — но ничего не изменил. Он не собирался бороться с бывшими коммунистами. Наоборот, Лех как-то сказал: «У президента должна быть левая и правая нога».

Последнее время он многое пересмотрел, стал даже говорить «мы», хотя прежде всегда говорил только «я».

Он — типичный харизматичный лидер, авторитарный по своей психологии. Но такая лукавая политика говорить о переменах и ничего не менять не могла не дать своих отрицательных результатов. В 1995 году Валенса проиграл Квасьневскому, а на выборах 2000 года он получил всего 2,01 процента. Это был конец эпохи Солидарности...

Квасьневский был молодой лидер, выходец из прагматичного нового поколения ПОРП. Типичный карьерист, но не без политических и организаторских качеств. Он и в юности играл заметные роли, а к тридцати годам стал заметной фигурой в руководстве.

В 93 (или 95?) году партия Квасьневского «Союз левых демократов» выиграла выборы и сместила правительство Ханны Сухоцкой. «Солидарность» потерпела сокрушительное поражение.

Победила левая и крестьянская партии, корни которых находились в старом режиме, в старых связях, старых подходах.

Но в 1993 году, когда они захватили власть, реформы уже начали давать результаты, начался восстановительный рост, сокращалась безработица.

Исторический парадокс в том, что рабочее в своей основе движение «Солидар-

ности», поддержавшее реформы, растратило на них весь свой накопленный политический потенциал.

Плодами их работы воспользовались наследники старого режима.

Конечно, никакого возврата к коммунизму не было и быть не могло. Этого общество не потерпело бы категорически; но произошла смена ролей, смена элит... Правая сторона оказалась наиболее социально поддержанной, хотя база поддержки «Солидарности», связанной с правительством, сократилась. Да и сама «Солидарность» уже давно не была той могучей десятиллионной силой. Силу набирал другой профсоюз — с коммунистической родословной, и он-то как раз оказался сильнее...

Они поддержали набор лозунгов вполне правых сил: «Воровская приватизация», «Измена Круглому столу», «Сговор элит»!

На самом же деле, вопрос стоял совершенно иначе: правые и бывшие требовали поделиться властью и собственностью.

Тадеуш Мазовецкий, придя в правительство в 1989 году сказал: «Мы отделяем прошлое жирной чертой. Мое правительство будет отталкиваться от того, что оно сделало, и отвечать за это».

Некоторые считают, что его «жирная черта» реабилитировала коммунистов и дала им карт-бланш к обогащению и встраиванию в систему.

Не знаю, может быть, но это этапы сложных преобразований в обществе, произошедших все-таки без катаклизмов.

Польша и Европа

Надо сказать что правые и националистические силы, используя популизм и антиевропейскость в риторике, в своих действиях от европейских денег не отказываются.

Они доказывали, что путь к Европе на деле означает сдачу суверенитета, разграбление страны иностранными монополиями,

потерю промышленного потенциала; скупку земель и заводов, с тем чтобы их закрыть как потенциальных конкурентов...

Это было характерное отношение к Европе как к чему-то внешнему и опасному. Из Европы надо тянуть как можно больше, давить, требовать — но не подчиняться «евробюрократам» и их диктату.

«Не позволим нас использовать!» — говорили они.

Но когда мы вступали в ЕС, сторонников этого шага в Польше было гораздо больше. И сейчас эти противоречия остро появляются в печати, и в предвыборной риторике.

Но произошли и большие изменения, к Европе многие поляки стали относиться как к чему-то своему, их касающемуся, им полезному. После вступления в ЕС в польскую провинцию пришли очень большие деньги (миллиарды евро), начались серьезные инфраструктурные проекты, которые теперь дали результаты. Возникло множество местных инициатив, сформировались проекты с совместным финансированием. Многие города и даже села изменились неузнаваемо.

Раньше привычно годами жаловались, на то, что власть денег не дает. Теперь сами думают, как что-то сделать, построить, ищут, куда средства вложить.

Инфраструктура изменилась радикально и продолжает меняться. Европейские деньги идут в воеводские и местные проекты — но только если есть местное финансирование. Иногда это 20 процентов, иногда и 80, всё зависит от качества и важности проекта. Новые открытые способы финансирования очень повлияли на саму атмосферу местных самоуправляющихся районов, вызвали приток инициативных и деятельных людей. Люди создавали проекты, искали средства, партнеров, участвовали в европейских конкурсах, конкурировали с предложениями из других стран. Это изменило их мышление, снизилась и коррупция...

Примечания

¹ Понятие «неизвестные лица» (*nieznani sprawcy*) прочно вошло в обиход как обозначение иллегальных коммунистических силовиков. «Неизвестные лица» из СБ действовали в тех случаях, когда меры официального государственного воздействия считались неудобными (нежелательный резонанс) или недостаточными (невозможность применить жёсткие меры в рамках действовавшего законодательства). Такие акции практиковались даже в относительно «либеральное» правление Эдварда Герека. Так, 7 мая 1977 года «неизвестными лицами» был убит студент Ягеллонского университета Станислав Пыяс, организатор студенческой поддержки забастовочного движения рабочих Варшавы и Радома. Позднее возникла организация «Анти-Солидарность» (польск. *Organizacja Anty-Solidarność, OAS*) — специальная группа службы безопасности МВД ПНР, осуществлявшая внеправовое насилие против польского оппозиционного подполья. Действовала в середине 1980-х годов, когда стало ясно, что военный режим генерала Ярузельского не в состоянии искоренить Солидарность. В системе СБ МВД были созданы спецгруппы для расправ с профсоюзными, католическими и молодёжными активистами. Особенную активность проявляла команда капитана Гжегожа Пиотровского. Однако

Группа «D» IV департамента МВД ПНР, специализировавшаяся на расправах с католической оппозицией, была далеко не единственной. Наиболее известны убийства капеллана «Солидарности» Ежи Попелушко (октябрь 1984), капеллана КНП Сильвестра Зыха (июль 1989), крестьянского лидера Петра Бартоще (февраль 1984), школьника Эмиля Барчаньского (июнь 1982). Совершались также похищения и избияния оппозиционеров, поджоги и уничтожение имущества (Википедия).

² Кардинал **Юзеф Глемп** (польск. *Józef Glemp*; 18 декабря 1929, Иновроцлав — 23 января 2013, Варшава). Архиепископ Варшавы с 7 июля 1981 по 1 апреля 2007 и примас Польши с 7 июля 1981 по 18 декабря 2009. Родился в семье шахтёра Казимежа Глемпа, участвовавшего в восстании Великой Польши в 1918—1919 годов. Во время Второй мировой войны был угнан на принудительные работы в нацистскую Германию. Только по окончании войны смог получить среднее образование, 22 мая 1950 года поступил в гнезненскую семинарию, а 25 мая 1956-го там же, в Гнезно, в кафедральном соборе был посвящён в священники.

7 июля 1981-го, после смерти кардинала Вышинского, Юзеф Глемп был назначен его преемником на постах архиепископа Гнезненского и Варшавского, примаса Польши.

Записал Виктор Ярошенко.

Переводила Кристина Кусьтълит.

28 октября 2014 г.

Кароль МОДЗЕЛЕВСКИЙ

«КЛЯЧУ ИСТОРИИ ЗАГОНИМ¹»

Признания заезженного седока

Предисловие

В этой книге я пытаюсь подвести итоги своего политического опыта. Поначалу я даже хотел ее назвать «Исповедью», но такой заголовок неизбежно ассоциировался бы с размышлением о грехах, что, так или иначе, было бы неверно. Мне 77 лет, и грешков на моей совести предостаточно <...>

По профессии я историк, занимаюсь европейским Средневековьем, иначе говоря, я — медиевист. Наряду с далекой эпохой, которую я исследую, и старыми культурами, которые обязан осмыслить, расшифровать и представить на языке, понятном нашему времени, вместе с тем я участник той истории, что вершится на наших глазах. Создаем ее мы все своей ежедневной деятельностью, зачастую даже не осознавая того. Случаются также и революционные, заранее обдуманые попытки воздействовать на ход истории. В 1956 году, а позднее в 1960-е и особенно в 1980-е годы я наряду с другими участвовал в этих попытках. В итоге нам удалось перевести стрелку истории, но результат оказался весьма и весьма непохожим на наши — или, во всяком случае, мои — намерения и ожидания. Как и многие до нас (и, видимо, немало тех, что придут после нас), мы оказались в ситуации учеников чернокнижника. Думаю, что следует отдавать себе в этом отчет <...>

Воспитание чувств и национальное содружество

В конце 1990-х годов меня пригласили в Центрально-Европейский университет в Будапеште прочесть для студентов исторического факультета лекцию о варварских корнях Европы. В зале находилось по меньшей мере около сотни молодых людей. Лекции там читаются на английском. Я могу читать по-английски, только не лекции, вдобавок я никогда не записываю то, что собираюсь рассказать слушателям, чтобы потом читать это по бумажке. Поэтому я осведомился у аудитории, знает ли кто-то из них французский? Призналось не более двадцати человек. Итальянский? В лучшем случае — десять. Что-то кольнуло меня, и я справился: русский? Под-

нялся лес рук. Большая часть студентов была из России или постсоветских стран. Для одних русский был родным, для других — общим языком граждан империи.

После лекции мы с несколькими профессорами пошли поужинать. Среди них была очаровательная дама, превосходная московская медиевистка Анна Михайловна Кузнецова, которая поинтересовалась, откуда я так хорошо знаю русский. И я не отказал себе в удовольствии ответить, что... родился в Москве в ноябре 1937 года. Моя собеседница от неожиданности даже ойкнула: «Вот уж нашли себе место и время родиться»²!

Да, место и время были паршивыми. 1937–1938 годы — апогей сталинского террора. На основа-

нии приговоров, поспешно состряпанных так называемыми *тройками* НКВД, в эти годы в СССР было расстреляно около миллиона человек, чаще всего интеллигенция больших городов. Как правило, приговоры носили заочный характер. Приговоренные даже в глаза не видели энкавэдэшников, посылающих их на смерть. В конце 1938-го по приказу Сталина, в свою очередь, расстреляли и ответственного за террор — генерального комиссара госбезопасности Николая Ежова. После его падения практика вынесения заочных приговоров и их исполнения была приостановлена, но весной 1940-го к ней вернулись вновь, дабы в кратчайшие сроки пустить в расход польских офицеров из лагерей для военнопленных в Козельске, Старобельске и Осташкове.

Поляков ликвидировали тем же способом, что и миллион их советских предшественников, и похоронили в тех же массовых могилах в Катыни, Харькове, Медном и Быковне, в каких лежат советские жертвы «Большого террора». Помимо миллиона расстрелянных, в течение двух самых кровавых лет «Большого террора» были арестованы и сосланы в лагерь еще по меньшей мере 10 млн человек, из которых значительная их часть, если не преобладающая, умерла за колючей проволокой.

В нашей семье сначала арестовали моего деда, отца моей матери. Он был инженером горного дела, получившим блестящее образование в парижской *École des Mines* (Горной школе), а к тому же меньшевиком — среди его друзей числились известные деятели этой ненавидимой большевиками партии. В годы «Большого террора» приговор таким, как он, был заведомо гарантирован. 9 декабря 1937 года, когда мне было от роду 17 дней, арестовали и моего биологического отца, первого мужа моей матери — Александра Будневича. Он не был оппонентом большевиков и не занимал высокого поста, он был простым курсантом Военной академии бронетанковых войск в Москве, но массовые репрессии, которым подверглись офицерские кадры Красной Армии после процесса и расстрела маршала Тухачевского, коснулись всех военных поляков — вплоть до курсантов. Александр Будневич получил

свои восемь лет лагерей — ничего чрезвычайного, нормальный приговор по тем временам.

Впрочем, лагерь он пережил. Я встретился с ним два раза в жизни. Первый раз — в сорок седьмом, в Москве. Тогда мать привезла меня из Варшавы в Москву, и в квартире каких-то незнакомых людей (лишь спустя много лет я узнал, что хозяйкой дома была моя двоюродная сестра) мне показали чужого человека в выгоревшей военной форме и сказали: «Это твой папа. Теперь выбирай: хочешь ли ты жить вместе с папой в Советском Союзе или предпочитаешь вернуться с мамой в Польшу». Единственно, что я помню, как я со страхом прижался к материнской юбке<...>

В ноябре 1945 года, за три недели до возвращения своего первого мужа, она забрала меня из Москвы в Варшаву.

Насколько судьба моего деда в сталинском СССР была заранее предрешена, а судьба моего биологического отца находилась в границах общепринятого стандарта, настолько же судьба моего приемного отца, Зигмунта Модзелевского, была необычной. По сути, он был моим настоящим отцом.

* * *

<...>До отъезда в детский дом я не только не знал о существовании других языков, кроме русского, но и о существовании других, нерусских народов. Выходит, что и русского народа в моем сознании тоже не существовало. Ведь понятие «нация» возникает тогда, когда есть свои, и их можно отличить от чужих; иначе понятие становится размытым. А маленькому ребенку вообще трудно себе его представить без наглядного примера. Я, конечно, не мог не заметить, что «дядя Зигмунт», то есть мой отец, как-то странно выговаривает слова, хотя он использовал те же слова, что и все остальные. Наверняка дома говорили, что он поляк, но я этого не помню, потому что тогда это еще ничего для меня не значило.

Воспитание в Лесном Курорте в русском духе базировалось на четком противопоставлении нас, русских, врагам, то есть немцам. Высшие ценности, которые нам прививали, и образцы поведения,

к каким мы должны были стремиться, вырастали как раз из такого противопоставления. Что могло быть в военное время достойнее, чем проявленный в борьбе с врагом героизм, вплоть до самоотверженности, когда отдаешь жизнь за родину? Нашим героем в те времена был Александр Матросов, рядовой, который грудью лег на амбразуру врага и остановил немецкую атаку. Мы хотели стать такими, как он или как Зоя Космодемьянская. Малышня считала их образцом для подражания. Приобретенная в коллективистском воспитании в годы войны установка на героизм, культ самопожертвования и пренебрежение к смерти могут менять окраску, поскольку может измениться (как в моем случае) ощущение национальной принадлежности, тем не менее сформированные в детстве образцы эмоционального поведения сохраняются. Старая модель наполняется новым содержанием.

<...>Что осталось во мне с тех лет? Немало, и это несмотря на то, что моя «русскость» со временем уступила место польской национальной принадлежности.

* * *

<...>В 1948–1949 годах Москва решила ввести в своих восточноевропейских сателлитах те же порядки, что и у себя дома. В Польше наступило время классического сталинизма. Сегодня в школьной литературе, политической публицистике, а зачастую и в серьезной историографии образ того времени рисуется самым густым черным цветом, но вместе с тем преподносится патетическим тоном. Подобное не служит пониманию общественных реалий той эпохи. На самом же деле здесь не вызывает сомнений лишь одно: над общественной и индивидуальной жизнью поляков навис вездесущий страх. Правда, террор свирепствовал здесь и ранее: и в 1944 году, на территории освобожденного Красной Армией Люблинского воеводства, где бразды правления перехватили польские коммунисты; и в первые послевоенные годы, когда новая власть вела кровавую борьбу с вооруженным подпольем. Число приведенных к исполнению смертных приговоров по политическим делам было тогда больше, чем в первой половине 1950-х. Результаты референдума

1946³ и парламентских выборов 1947 годов были бессовестно сфальсифицированы. Хотя сами выборы проводились с соблюдением плюрализма, избиратели голосовали не по принуждению, а в согласии со своими убеждениями, тогда еще существовала легальная оппозиция и некоммунистические газеты, а в частных беседах люди не боялись выразить свое мнение. Вскоре все это изменилось. Многоголосье перешло во всенародное одноголосие. Страх диктовал не только слова и жесты, но также мысли и чувства. Духовная жизнь общества выглядела как река, скованная льдом. Под толстым слоем льда что-то двигалось, что-то там менялось, но кто же мог знать, что именно, если на поверхности не было никаких признаков жизни. Только с приходом «оттепели», когда лед стал давать трещины, а потом наступил революционный 1956 год, оказалось, насколько существенными были перемены за то время, которое тогда казалось мертвым.

* * *

1956

Мне было почти девятнадцать, когда в ослепительном свете октябрьских событий 1956 года, в которых я принимал активное участие, со всей четкостью обнаружилось, что я вовсе никакой не русский, а поляк.

В мае 1956-го в Варшавском университете проходила студенческая конференция Союза польской молодежи⁴ (СПМ), на которой были избраны делегаты на сентябрьское общепольское заседание студенческого актива. Среди этих делегатов был и я. Делегаты оказались сплоченной группой бунтовщиков, которые без труда заняли помещение распадающегося правления СПМ и взяли себе их печать. Таким образом, у нас появилась официальная платформа для проведения революционной (по нашему мнению) деятельности.

Сразу после каникул коллеги поручили мне вовлечь в сотрудничество с нами молодежь варшавского автозавода на Жерани. Первым секретарем заводского комитета ПОРП был недавно избранный слесарь Лехослав Гоздик — харизматический лидер польского Октября пятьдесят шестого. На заводе мне выдали пропуск, и я ежедневно ездил туда к

двум часам дня, чтобы после окончания первой смены начать в цехе дискуссию с рабочей молодежью.

...19 октября я, как обычно, поехал на автозавод. Там уже творилось нечто невероятное. Возле проходной скопилось несколько тысяч рабочих. Митинг организовали в самый подходящий момент, когда первая смена выходила с завода, а вторая только подходила. Со стоящего возле проходной грузовика к собравшимся обратился Гоздик. От второго секретаря Воеводского комитета ПОРП Станислава Кузинского он уже знал о планируемых изменениях в руководстве партии и о советской попытке отменить эти перестановки, поэтому он начал речь с того, что зачитал предложенный на заседание состав политбюро. Новые фамилии, кроме Гомулки⁵, рабочим ничего не говорили. Тогда Гоздик обратил их внимание на то, что в состав политбюро не входит Рокоссовский.

Воцарилась тишина. Я впервые в жизни услышал гробовую тишину толпы, которая, как правило, завершается криком, и тогда рождается решимость. Все знали, что Рокоссовский — ставленник Кремля, и поняли: между нами и Москвой дело дошло до прямой пробы сил. Ко всему прочему, в это время по Сталинградской, мимо заводской проходной, двигалась колонна военных машин. Гоздик использовал этот факт и прибавил:

– Если вблизи нашей проходной разъезжают бронемшины, значит маршал Рокоссовский наверняка знает об этом. Ведь он до сих пор считается министром обороны.

Толпа взревела, раздались гневные крики. Тогда Лешек припомнил, что начатое с самого утра заседание пленума было прервано из-за приезда советской делегации и что в стране наблюдаются какие-то непонятные перемещения войск. В связи с этим, сказал он, есть предложение: рабочим первой смены, если они решатся на это, поехать домой пообедать, а потом снова вернуться на завод. Может, придется его охранять. Люди поняли, что дело тут не только в заводе, и стали выкрикивать, что домой они не поедут, они остаются, и пусть столовка сварит для всех какой-нибудь суп.

Понятия «рабочий класс» и «социалистическая демократия» были тогда фундаментом моих

политических убеждений. Во время этого митинга возле заводской проходной многотысячная толпа рабочих на моих глазах превратилась в сплоченное боевое содружество. Но сцементировала его не классовая, а национальная принадлежность. Мы сомкнули ряды перед лицом кремлевской угрозы. Я стоял в толпе, был ее частицей, понимал и разделял ее настроения. Я решил ночевать на заводе вместе с рабочими и позвонил домой, чтобы предупредить мать. В ответ я услышал: «Да, конечно». Будто для моей мамы это было вполне естественно. Не имею понятия, кем она себя чувствовала — русской или полькой, но она без колебаний приняла на себя роль польской матери, роль, которую я недолго думая предназначил для нее.

* * *

<...>Лехослав Гоздик, который скончался не так давно, был идолом моей молодости, а позднее и моим другом. В конце 1990-х, находясь в какой-то дружеской компании, я спросил его: что он собирался тогда сделать советским танкам своими болванками? У Лешека было искрометное чувство юмора, но на сей раз он ответил на полном серьезе: «Наверняка бы нас раздавили, но, по крайней мере, последующие поколения знали бы, что мы оказывали сопротивление». Вот таким, как в капле воды, выглядит *романтический канон польской национальной традиции*.

В октябре пятьдесят шестого я чувствовал себя подобным образом, чему, кроме великой романтической поэзии, способствовал еще и фильм Анджея Вайды «Канал» — о Варшавском восстании. Когда Гоздик планировал блокаду виадука под Сталинградской, я был возбужден, как это свойственно девятнадцатилетнему юнцу: может, и у нас будет свое восстание?

<...>Между тем в городе сформировались две группы манифестантов с польскими и венгерскими флагами. Шли они в сторону Советского посольства. Это нас несколько остудило. Мы знали, что советские танки стоят на подступах к Варшаве и что не следует их провоцировать каким-то бессмысленным маршем к посольству. Нам удалось проникнуть в первые ряды одного из маршей и оттянуть демон-

странтов в большую аудиторию Политехнического института. Чтобы охладить эмоции демонстрантов, председательствующий митинга, Кшиштоф Помян, драматическим тоном спросил:

– Кто хочет очередного раздела Польши? — Шум утих, и Кшиштоф закончил: — Кто хочет очередного раздела Польши, пусть идет и устраивает заваруху у Советского посольства!

Все мы, начиная от Яцека Куроня и кончая мною, высказались в том же духе. В результате участники митинга, вместо того чтобы продолжать прерванный марш, приняли резолюцию, призывающую к благоразумию.

Это тоже был канон национальной традиции, но отличный от романтического. В Польше его называют позитивистским. Принято считать, что романтический и позитивистский каноны находятся на противоположных полюсах. Оба они сформировались в XIX веке и просуществовали все XX столетие. Проявлялись они то попеременно, то одновременно, вступали в конфликт и дополняли друг друга, но в принципе не могли существовать один без другого. Романтический канон дает решимость, необходимую для героической борьбы за свободу, в которой иногда в жертву приносится жизнь (хорошо, если только своя собственная). Такой подход, на первый взгляд иррациональный⁶, не дает возможности заглушить порывам к независимости. Зато канон позитивистский опирается на трезвый расчет потерь и приобретений всей нации, а также на заповедь — не проливать впустую кровь поляков, беречь биологическую, экономическую и культурную субстанцию народа.

Диалектика романтизма и позитивизма характерна для страны, лишенной независимости (как Польша во времена разделов) или находящейся в подчинении другого государства (как ПНР).

В моей жизни драматическое противостояние между романтизмом и позитивизмом впервые произошло в 1956 году, а во второй раз — во время движения «Солидарности» в 1980–1981 годах. В пятьдесят шестом я только открывал для себя атмосферу и механизмы великих общественных движений. Выступление на столь многочисленном митинге в Политехническом институте было моим дебютом. Я го-

ворил и мыслил тогда горячо и взволнованно, будто судьба страны зависела только от меня. В изменяющейся с минуты на минуту ситуации на улицах Варшавы то, что происходило в Политехе, может, и имело какое-то значение, но политические решения были приняты высоко над нашими головами.

* * *

Революция «Солидарности», приходящаяся на 1980–1981 годы, имела целью перестройку общественной жизни в коммунистическом государстве. Мы не собирались устранять из правительства правящую политическую формацию или разрывать союзническую зависимость от СССР. Мы хотели ограничить диктат партии самим существованием мощного свободного профсоюза, расширить гражданские свободы, в том числе свободу слова, а также заменить номенклатуру, сидящую в руководстве на предприятиях, рабочим самоуправлением. Самоограничение постулатов должно было послужить Советскому Союзу порукой, что руководство страной остается в руках партии, которую Кремль считал гарантом своих имперских интересов в Польше. Однако Москва не без основания считала, что гарантией для нее является не только то, что правительство в Варшаве формирует братская партия, но и то, что партия имеет всю полноту власти согласно установленному во всей империи образцу коммунистической диктатуры.

Прогрессирующая эрозия в структурах этой диктатуры в глазах брежневского руководства была смертельной угрозой еще и потому, что то, что когда-то считалось невозможным, становилось возможным в Польше, а по ее примеру может случиться даже в СССР. Москва настаивала на пресечении свобод и обуздании «контрреволюции»; видя же промедление польского руководства, усиливала нажим и угрожала военной интервенцией. Это придавало общественным конфликтам в ПНР — на первый взгляд внутренним — национальный размах.

* * *

Лексикон наших внутренних споров был ошибочным знаком того, что понятие нации в нашей аксиологии стояло выше остальных ценностей,

которых касалась наша профсоюзная и гражданская деятельность.

Лех Валенса выразил это своими словами: «Прежде всего, мы — поляки, а уже потом — профсоюзники». Эта фраза поначалу меня немного сместила и даже раздражала. Тем не менее следует признать, что, несмотря на упрощенную формулировку, она точно описывала нашу, в том числе и мою, иерархию ценностей.

* * *

Годы 1967-1968

<...>Между октябрем пятьдесят шестого и началом революции «Солидарности» главным в моей биографии был год шестьдесят восьмой. Польше в то время военная интервенция не угрожала. Национальный характер общественного конфликта не выражался тогда непосредственно в противостоянии романтического и позитивистского сценариев действия. Тем не менее характер этот проявлялся в нашей тогдашней деятельности, и стоило бы о нем вспомнить.

3 августа 1967 года я был условно освобожден из тюрьмы, где отсиживал три с половиной года за то, что вместе с Яцеком Куроном написал «Открытое письмо партии». Яцек, которого суд сделал несчастливym, влипив ему на шесть месяцев меньше моего, вышел в мае. Нашего возвращения ждало гораздо больше людей, чем провожало. Оба мы естественным образом стали духовными лидерами студенческих бунтов нового поколения. Собственно говоря, это были группы студентов (не более ста человек), с кафедр истории, философии, социологии, экономики, математики и физики Варшавского университета, которые знали друг друга.

Секретарь университетского комитета ПОРП как-то назвал их «коммандос». Дело в том, что эти молодые, начитанные и умеющие выражать свои мысли студенты, словно парашютный десант, слетались на организованные партией и Союзом социалистической молодежи собрания и своими провокационными вопросами и высказываниями направляли дискуссию «не в ту сторону». Среди «коммандос» были яркие личности, но, пожалуй, более всего среди них выделялся студент истории Адам Михник

* * *

<...>Мартовские события шестьдесят восьмого были исключительно сложным явлением, поскольку в тот момент сплелись и наложились друг на друга два различных конфликта... Предметом конфликта были ограниченные, но весьма важные свободы, необходимые польской интеллигенции в искусстве, научной деятельности и университетском преподавании. Самоуправление творческих профсоюзов и автономия вузов, записанная в законе от 1956 года, давали гарантию таких свобод. Для политической жизни в стране они не оказывали большого влияния, но зато были чрезвычайно важны для профессиональной жизни интеллигенции и академического обучения новых поколений.

Почти двенадцать лет после Октября 56-го партия рассматривала эти крохотные оазисы свободного слова как клапан безопасности. По мере назревания кризисных явлений и общественных беспорядков через этот клапан на поверхность общественной жизни выливалось накопленное недовольство. Команда Гомулки, подстегиваемая мочаровцами, собиралась его прикрыть: заострить цензуру, вплотную заняться творческими союзами и в первую очередь ликвидировать автономию высших учебных заведений в новом законе о высшей школе. Однако в течение двенадцати лет интеллигенция к этим свободам успела привыкнуть и считала, что они ей полагаются. Тем более так считали студенты, которые по своей природе легко электризуются.

<...>Слова о нашем «праве на защиту демократических традиций польского народа и его независимости», которые я сам поместил в принятой 8 марта резолюции, в позднейших документах студенческого движения не появляются. В массовых выступлениях, которыми мы положили начало своим протестом, речь шла о более скромных свободах. Доминировала риторика гражданских прав, особенно свободы слова, записанной в Конституции ПНР, а иногда и соблюдение принципов социализма. Однако более ранний запрет, наложенный на спектакль «Дяды», за которым последовала лавина событий, ударил по главному канону — нашим национальным ценностям. Этого нам нельзя было оставить без ответа. Мы понимали: иного выбора нет.

<...>Горечь поражения я почувствовал спустя пять месяцев после Мартовских событий. Я тогда находился в Мокотувской тюрьме, то есть — по тем временам — на своем месте. Мне как обвиняемому предоставили для ознакомления акты следствия. Чтение этих документов было занятием возбуждающим, иногда раздражающим, но всегда полезным. А в свободное время я с беспокойством вчитывался в поступающую к нам в камеру ежедневно «Трибуну люду» с сообщениями и комментариями относительно происходящего в Чехословакии. «Пражская весна» несла нам надежду, но с другой стороны, росли опасения, что советская вооруженная интервенция положит ей конец. Сообщение, подтверждающее, что так оно и случилось, перечеркнуло надежды, хотя неожиданностью не явилось. Зато настоящим ударом оказалось то, что вместе с Советской Армией и войсками из Венгрии, Болгарии и ГДР в роли оккупантов выступило и Войско Польское. Я ощутил глубочайшее унижение и жгучий стыд.

<...>Стыд — чувство высшего порядка. Стыд за позорные поступки своих земляков, как точно заметила журналистка Тереза Богуцкая в ходе общественной дискуссии о Едбавне⁷, является безоговорочным знаком связи соотечественников между собой. Находясь в кругу европейской культуры, мы не верим в коллективную ответственность. Мы считаем, что виновники осуждаемых нами поступков должны отвечать за них сами. Тем не менее, если мы чувствуем себя национальным сообществом, то волей-неволей чувствуем также стыд за бесславные поступки членов своего сообщества. Находясь в камере в августе 1968 года, я испытывал невероятную злость на советских, немецких, болгарских и венгерских солдат, посланных в Чехословакию, чтобы придать советской интервенции видимость международной операции. Но стыдился я только за поляков — слепых исполнителей воли Брежневца.

* * *

<...>Стыд имеет и терапевтические свойства. Он помогает лечить ксенофобию в национальном сознании. Я и сам не был свободен от ксенофобии.

Мне ее привили в детстве вместе с российским национализмом времен Великой Отечественной. Для нас, детей из Лесного Курорта, называться великороссом значило противопоставить себя враждебным немцам, которые, хоть и были абстракцией, воплощали в себе все Зло на земле. «*За свет и мир мы боремся, они — за царство тьмы*», — пелось в песне «Священная война». Мы — это свет, спасение мира, они — царство тьмы. Даже сегодня, когда я слышу «Священную войну», у меня мороз по коже. Силы тьмы следует уничтожить, а их носителей — истребить всех без исключения. Но немецкие военнопленные, которых мы повстречали на прогулке с воспитательницей, не выглядели злой силой, они вообще никак не напоминали силу, а вызвали представление об истощении, оборванности, беспомощности. Эта картина осталась у меня в памяти и связывалась с каким-то непонятным для меня чувством стыда, но тем не менее я продолжал рисовать штабеля немецких трупов. И в Польше рисовал, ведь именно так представляли себе погибель немцев мои польские ровесники.

<...>Впрочем, стыд этот имеет свои границы. Я могу без труда показать их на карте: граница идет по Одру и Нейсе⁸. Я знаю, ее нельзя оспаривать, а значит и отрицать. Во Вроцлаве⁹, который я считаю своим городом, до сих пор звучит львовский распевный польский язык. Ведь полякам, переселенцам из Львова и Станислава¹⁰, где-то надо было найти свой дом и свое место на земле.

«В польском Вроцлаве немецкие дома — это моя отчизна. А вот Львов — для меня заграница...». Я очень люблю эту ироническую песенку Ромека Колаковского.

Граница моего стыда проходит там, где начинают претензии немецкого Союза изгнанных¹¹ и призывы их председателя Эрики Штейнбах, осложняющие польско-немецкие отношения. Я не вижу ни политических, ни моральных причин, чтобы поддаваться этим призывам. История бывает сложна, жестока и несправедлива, но я не считаю, чтобы мираж исторической справедливости обосновывал выплату репараций для потомков немцев, выселенных более полувека назад из Силезии, за счет

средств, предназначенных на содержание польских больниц и школ или на пенсии для поляков. То же относится и к репарациям в пользу польских помещиков и промышленников, экспроприированных послевоенными властями Народной Польши.

<...>Зато с самого начала у меня был иммунитет к русофобии. Этот иммунитет я приобрел в раннем детстве, а может, он передался мне по наследству. В 1945 году, когда мы перебрались в Польшу, моей матери было 38 лет. Она постепенно вращалась в польскую культуру, но наследия культуры русской вовсе не отвергала. Она довольно болезненно реагировала на проявления русофобии и чувствовала себя так, словно они касались ее лично. Она с беспокойством наблюдала, как я реагирую в ситуациях, которые делали нас, поляков, противниками советской империи и угрожали вооруженной конфронтацией с русскими. Однако подобные конфликты не имели у меня оттенка этнической вражды, от него меня избавили воспоминания детства и то небольшое, что я знал о нашей семье... От русофобии меня оберегали также эмоциональные реакции, воспитанные в советском детском доме.

<...>В моей биографии народ и национальная принадлежность являются особо важными упорядочивающими понятиями, без них я бы не смог толково рассказать о своем жизненном опыте. У меня заслуженная репутация человека левой ориентации.

Молодежь той же ориентации, сосредоточенная вокруг журнала «Крытыка політычна» (Krytyka Polityczna), а также те, кому близка традиция анархизма, охотно разговаривают со мной и даже довольно внимательно слушают. Они хорошо воспитанны и тонко чувствуют, а потому стараются не показывать смущения, когда я произношу слово «нация». По их мнению, это консервативное самообольщение, неработающее архаичное заклинание, которым мыслящий человек левых взглядов (а к таковым меня причисляют) вообще не должен пользоваться.

<...>Все это правда, но народ — не экономическая категория. Хаос в экономике не должен привести к исчезновению народов.

<...>

* * *

Бунт и утопия

В публицистике, политологии и историографии время от времени вспыхивают споры на тему: была ли Польша после 1956 года государством тоталитарным или авторитарным? У меня нет намерения оппонировать спорам, хотя речь идет о чем-то существенном... У меня другие, чем у политологов, критерии того, что важно. Для меня важна — прошу прощения — моя собственная шкура.

Не в пример теоретикам, которые занимаются моделями диктаторских режимов, я провел в общей сложности восемь с половиной лет в польских тюрьмах времен Гомулки, Герека и Ярузельского. Различие между тем, что тогда было моей участью, и сталинской практикой следствия, суда и тюремного заключения, огромное. Может, это чересчур личная точка зрения, но я не могу согласиться, что она несущественна. Для меня она важна.

Различие, которому я придаю столь существенное значение, было главным образом (хотя и не исключительно) последствием упразднения и осуждения сталинского террора. Я не собираюсь спорить насчет определения понятий тоталитаризма и авторитаризма. ...Я только не согласен отрицать существенное различие между коммунистической диктатурой времен Берута и времен Гомулки.

Осуждение массового террора и отказ от него оказались прочным результатом десталинизации во всей советской империи. С этой точки зрения, Польша не была исключением, хотя отличалась более последовательной реализацией изменений.

После пятьдесят шестого года политических репрессий в принципе мог ожидать только тот, кто перешел границы оппозиционной деятельности и вступил в конфликт с системой. Государство не ставило себе целью вмешиваться в то, что граждане думают и говорят в частных беседах. Партия отказалась и от принудительного навязывания коммунистической идеологии всем гражданам. Кто не крамольничал, мог спать спокойно. Сейчас даже трудно себе представить, с каким облегчением были восприняты эти будто бы скромные и чисто внешние изменения. Добавим, что, как правило, соблюдался запрет на пытки в ходе следствия и автономия ад-

вокатуры, а при оказании политического давления на судей партия старалась хотя бы соблюдать видимость уважения к букве закона.

Редчайшим исключением в масштабе империи было то, что после Октября 1956 года власти ПНР разрешили крестьянам выйти из сельскохозяйственных кооперативов и с тех пор не пытались насаждать коллективизацию в сельском хозяйстве. Это привело к большим изменениям в общественной жизни, которые новое поколение знатоков экономической и общественной проблематики считает причиной архаичной структуры польской деревни, хотя, пожалуй, не до конца умеют это оценить или даже понять.

Исключительным по сравнению с другими коммунистическими странами было также положение католической Церкви после 1956 года. Жесткие попытки подчинить духовенство диктату коммунистической власти, которые достигли кульминации в тот момент, когда осенью 1953 года за решетку бросили примаса¹², были осуждены и отвергнуты. Несмотря на времена напряженные отношения с властью и оказываемый ею нажим, католическая Церковь осталась в ПНР огромным, независимым от партии институтом. Это имело серьезное влияние на общественную и культурную жизнь страны. И по сей день независимость Церкви весьма ценится.

И, наконец, польской особенностью после 1956 года был либерализм коммунистического государства в отношении творческой интеллигенции — деятелей культуры, ученых и преподавателей высших учебных заведений. Можно было ожидать, что идущая сверху добросердечность политической власти в отношении интеллектуалов окажется подобна пословице: «Барская милость переменчива». Тем не менее команда Гомулки оставляла интеллигенции некую свободу, считая ее своего рода вентилем безопасности: если они без этого не могут, то пусть себе пошумят и в своих растраскированных публикациях, и на университетских семинарах, и в театральных залах. Это гораздо лучше, чем если бы они пытались войти на зарезервированную только для партии территорию политических действий. Ежи Гротовский поначалу был одним из самых радикальных деятелей Революционного союза молоде-

жи, но он понял, что проиграл, и занялся авангардным театром...

Коммунистическая система опиралась на насилие и страх, но долгое время она не могла существовать без власти над умами. Сотрудничество с творческой интеллигенцией было необходимым условием стабильности системы. И длительное время это условие соблюдалось.

Авторы, ныне пишущие о позиции тогдашних интеллигентов, как правило, не скрывают своего негодования. Однако такое возмущение свидетельствует не столько об их высоких моральных стандартах, сколько о непонимании тогдашней истории и отсутствии воображения. Главные представители польской интеллектуальной жизни поддерживали коммунизм не только из-за боязливости раболепства, но также из своих убеждений. В первом послевоенном двадцатилетии идеологическая гегемония коммунистов была фактом. Интеллигенция, формирующая интеллектуальную жизнь страны, тоже пользовалась марксистским языком. Воспитанное после войны молодое поколение вообще не знало другого языка, на котором можно было говорить об общественных делах. Но язык правых, которые уже два десятилетия отсутствовали в общественной жизни, оказался непригоден для описания изменившейся действительности. Этим засушенным языком нельзя было отвечать на призывы новой эпохи. И когда пришло время протеста, постулаты предстояло выражать языком интеллигенции, но таким, какой понимала бы молодежь.

<...>То, что наше письмо оказалось на Западе, было заслугой молодых людей из окружения Адама Михника. В августе 1966-го его опубликовало парижское издательство Ежи Гедройца¹³ «Институт либерацки» в журнале «Культура». Затем журнал нелегально проник в Польшу, и с ним познакомились все, кто в те времена имел доступ к нему. Это был довольно узкий круг польской интеллигенции, критически относящейся к системе. Некоторые из них в 1970-е годы сотрудничали с Комитетом защиты рабочих¹⁴, а очень многие впоследствии действовали в «Солидарности». В 1980–1981 годах это было движение, проникнутое идеей братания интеллигенции с рабочими. Если то, что мы с Яцеком

Куронем написали в 1964–1965 годах, повлияло на отношение отечественных читателей «Культуры» к самому массовому рабочему движению в истории Польши, то наши усилия и наша отсидка были не напрасны. Вопрос: насколько длительным окажется такое влияние? Тут у меня нет ответа.

<...>Открытое письмо» было скорее известно за пределами Польши, чем в ней самой. Я держал в руках его французское, итальянское, шведское и японское издания... Манифест двух взбунтовавшихся марксистов из Варшавы возбуждал огромный интерес и симпатию западных мятежников.

1980

<...>Успеху Августа-80 способствовало множество обстоятельств. Несомненно, свою роль тут сыграла память Декабря 70-го и Января 71-го. Много (и правильно) говорится о влиянии, какое оказал на поляков выбор Кароля Войтылы папой Римским, а также его паломничество в Польшу летом 1979 года. Однако слишком мало говорится при этом о великодушных проповедях Иоанна Павла II, обращенным к польским рабочим.

<...>На длительном отрезке времени история неуправляема, однако случаются поворотные моменты, когда группа людей с сильной мотивацией может повлиять на ее ход. Такая роль летом 1980 года выпала на долю общественников, связанных с Комитетом защиты рабочих и особенно с Учредительным комитетом свободных профсоюзов на Побережье.

<...>Не сомневаюсь, что правительство сумело сопоставить кой-какие цифры: если к концу августа 1980 года в Польше бастовало около 800 тысяч человек, то 27 марта 1981 года с восьми часов утра до двенадцати дня встала — без преувеличения — вся Польша. Я в то время находился во Вроцлаве и вместе с остальными членами регионального президиума «Солидарности» со спальным мешком и надувным матрасом пришел на электромашиностроительный завод «Долмель». Завод через ограждение примыкал к вагоностроительному «ПаФаВагу». На обоих предприятиях работало тогда около 13 тысяч человек. В течение нескольких дней я наблюдал повседневную жизнь огромного коллектива заводчан

в состоянии стачечной мобилизации, впитывая настроения людей, готовящихся к борьбе.

<...>Повсюду бросалась в глаза образцовая организация и дисциплина, но самое большое впечатление произвели на меня стачечные вахты. <...> Наши забастовочные вахты, естественно, никакого оружия не имели. Этим оружием являлся авторитет, который гарантировали бело-красные нарукавные повязки. На повязках виднелись названия организаций, к которым принадлежали охранники. Вот так и стояли на забастовочной вахте плечом к плечу люди с повязками «Солидарности» и те, на которых виднелась надпись «Профсоюз металлистов» (это был отраслевой профсоюз, власти осыпали его ласками, считали своим союзником) или с надписью — «фабричный комитет ПОРП». Иными словами, члены «Солидарности», отраслевых профсоюзов и активисты партии стояли в тесном единении против правительства. В результате власть ПНР предприняла пробу сил в состоянии полной политической изоляции. Она не могла рассчитывать даже на свою партию.

* * *

<...>Время торопило: всеобщая забастовка должна была начаться через 11 часов. Совместное заявление было зачитано Анджеем Гвядзой в главных ТВ-новостях в присутствии Леха Валенсы. В последнем пункте заявления «Солидарность» объявила, что решение о генеральной забастовке «приостановлено». Теоретически последнее слово по этому вопросу оставалось за Всепольской согласительной комиссией, которая планировалась на 31 марта в Гданьске. Но бомба была уже обезврежена. Из нее выкрутили взрыватель, и ВСК уже не имела никакой возможности вставить его назад. Да и правительственная сторона после обнародования заявления о «приостановлении» забастовки уже не могла воспользоваться инструментами военного положения, ведь тогда его ничем не оправдаешь. А применение чрезвычайных мер должно быть чем-то оправдано, иначе оно не будет эффективным. Представленные перед свершившимся фактом и вынужденные с ним смириться, руководства обеих сторон конфликта отреагировали агрессивно.

На заседании политбюро ПОРП 31 марта соглашение вызвало не только возражение «бетона» (министр внутренних дел Милевский потребовал ни больше, ни меньше как аннулировать его), но и суровую критику со стороны Кани...

Тем не менее Кани отверг идею аннулирования соглашения, считая такой шаг проявлением безответственного авантюризма. В заключение он сказал, что надо делать «хорошую мину при плохой игре». Позднее сам он последовательно защищал соглашение от нападков Кремля.

Куда более грандиозный скандал разразился на двухдневном заседании Всепольской согласительной комиссии 31 марта — 1 апреля 1981 года. Отмена всеобщей забастовки прошла в голосовании еще в первый день, но только потому, что ВСК осознала собственное бессилие. Заявление о подписании соглашения и «приостановлении» забастовки сняли огромное напряжение и беспримерную мобилизацию в обществе, мобилизацию, которая привела к успеху предупредительной забастовки. Поэтому признание соглашения недействительным и возврат к стачечному сценарию не возвратило бы нам утраченной силы...

Анджей Словик, председатель лодзинского МУК и участник тех варшавских переговоров, сформулировал это довольно четко: «Сначала мы сильно подогрели в народе настроения, а потом сами же проткнули шар, и из него вышел воздух. Мы упустили шанс, который уже больше не повторится, ибо теперь попытки возобновить мобилизацию утратят достоверность. Мы потеряли наше самое грозное оружие — забастовку»...

Деятели ВСК «Солидарности» в основном отдавали себе отчет в том, что в те времена ни свергнуть систему, ни взять у коммунистической партии власть было невозможно.

***

ВАЛЕНСА: «Я — “за” и даже — “против”»

<...>Единственным, постоянно действующим органом всего профобъединения был его председатель Лех Валенса. Да еще и пресс-секретарь (то есть я). Но, несмотря на большое влияние, которое мне давала эта функция, оно ограничивалось лишь свя-

зью в прессой и членами «Солидарности», зато не давало возможности принимать решения типа, как профобъединение должно поступить в конкретной ситуации. Довольно сильная позиция Валенсы проистекала не столько из организационной слабости коллегиальных органов, сколько из того, что миллионы членов «Солидарности» и тысячи ее деятелей видели в нем Вождя. Я сознательно использую этот довольно архаичный и двусмысленный термин, ведь речь здесь идет о таком типе харизматического предводительства, при котором массы трактуют своего лидера как воплощение самих себя как персонификацию своего движения.

В то время Лех Валенса был простым человеком, впрочем, таким он и остался. Он был не из тех, кому Народная Польша предоставила возможность получить хорошее образование. Выходец из деревенской бедноты, Лех закончил семилетку и что-то вроде сельскохозяйственных курсов. Способ его мышления и деятельности имел много общего скорее с традиционной деревенской культурой, нежели с представлением интеллигенции о классовом сознании пролетариата. Но, несмотря на это, а в некотором смысле благодаря этому толпы рабочих считали его своим — кровь от крови и плоть от плоти. В 1950-е годы среди номенклатуры было популярно этакое пренебрежительное выражение: мол, рабочий класс все еще одной ногой стоит на пашне. Но в начале 1980-х многие хорошо образованные рабочие, интеллигенты и даже интеллектуалы все еще помнили о своих деревенских корнях и были далеки от хамского презрения к простому мужику. Тогда мы еще помнили, откуда ведем свой род.

Понятно, что не каждый «свой» может стать вождем. Валенса был балагуром и душой компании, видимо, с младых ногтей, а это — залог вождистского таланта. Говорил он быстро, иногда быстрее, чем думал, и чуть-чуть многовато. Тем не менее он обладал необычайным умением разговаривать с толпой и чувствовать, что может ей нравиться, а что — нет.

Его пресловутое изречение: «Я — “за” и даже — “против”» не было шутковством или комичной оговоркой, просто он молниеносно, на ходу поправил себя, когда понял, что говорит не то, что хотели бы услышать люди. Валенсе действительно удавалось

изменить смысл фразы на прямо противоположный несколько раньше, чем он ее закончил, если осознавал, что этого от него требует настроение слушателей. Ну и наверняка любил аплодисменты. Тем не менее главное в нем то, что он не боялся толпы и мог с ней договориться, мало как кто другой.

Стечение обстоятельств поставило его во главе многомиллионного движения, но его личные таланты дали возможность справиться с этой необычной ролью. Конечно, случалось, что и у него «штурвал выскальзывал из рук». Когда не справлялся Валенса, на помощь звали других харизматиков, имеющих магическое влияние на великое множество слушателей, — к примеру, Яцека Куроня.

Правда, и у того случались поражения, ибо управлять «Солидарностью» порой не представлялось возможным. А кроме того, Яцек иногда расходился во мнении с Валенсой и его главными советниками.

Эти советники, состоящие в Комиссии экспертов Межзаводского забастовочного комитета, были выходцами из Общества научных курсов (Бронислав Геремек, Анджей Целинский), или из круга оппозиционных католических интеллектуалов, сосредоточенных вокруг изданий «Вензь» или «Знак», или же Клуба католической интеллигенции (Тадеуш Мазовецкий, Анджей Веловецкий, Богдан Цивинский).

С момента появления на Гданьской судоверфи их главная мысль состояла в том, чтобы внедрить в разгоряченную массу разумное мышление и геополитический реализм, дабы революция не превратилась в национальную катастрофу. Я не имею ничего против, наоборот, я и сам этим занимался. Однако ни Геремек, ни Мазовецкий, ни другие советники (за исключением Куроня, который присоединился к ним позднее и был совсем из другого теста) не имели опыта участия в массовом протестном движении. Как и пристало настоящим интеллектуалам, они были камерными ораторами, их выступления на митингах выглядели бледно, к тому же они боялись толпы и не верили, что с ней можно завязать контакт, пользуясь рациональной аргументацией. Только один Валенса их слушался (или им казалось, что слушался).

Они ему были чрезвычайно нужны, поэтому они, видя вождистский авторитет «пана Леха» и

его невероятное влияние на массы, решили действовать через него. Неправда, что они подчинили его себе, как ехидно намекал на заседании Всепольской согласительной «комиссии с разборками» Лех Дымарский из Познани. Нет ничего удивительного в том, что советники и Валенса довольно тесно сотрудничали друг с другом, но и использовали друг друга.

Обе стороны этих симбиотических отношений дружно работали над укреплением вождистской позиции Валенсы во Всепольской согласительной комиссии, да и во всем профобъединении. В заседаниях ВСК принимало участие человек сто. Трудно назвать такое собрание толпой, но это было олицетворение толпы, так что Бронек Геремек и Тадеуш Мазовецкий справедливо принимали его за толпу, а слушая, какой крик в ходе дискуссий поднимали представители регионов, считали, что поведение представителей высших профсоюзных властей «Солидарности» непредсказуемо.

<...>Спустя годы нам стали известны долговременные последствия тех событий, а также секретные документы высшего руководства ПНР, а частично СССР и стран-союзниц по Варшавскому Договору. В свете этих документов я могу и даже обязан скорректировать свои прошлые оценки.

Нет сомнений, что причиной маневров «Союз-81», заранее не запланированных и продленных без указания срока окончания, была внутренняя обстановка в Польше. В рамках маневров на территорию ПНР вошло 30 тысяч солдат, а вблизи границы с СССР расположилось еще 120 тысяч живой силы, готовой вторгнуться в страну в любой момент. Это был бы уже интервенционный корпус. Известно, что и на нашей границе с Чехословакией и ГДР стояли дополнительные части армий соседей. И тоже в полной боевой готовности.

Временное сближение Кани и «бетона» в руководстве ПОРП могло зародить в Москве надежду, что польское руководство в ответ на всеобщую забастовку в конце концов объявит военное положение<...> Так или иначе, из всего произошедшего можно сделать вывод: советское руководство рассчитывало не на очередной пакт польских властей с контрреволюцией, а на нечто совершенно иное.

В ночь с 3 на 4 апреля в железнодорожном вагоне на польско-советской границе в Бресте произошла конфиденциальная встреча. С польской стороны в ней принимали участие С. Кая и В. Ярузельский, а с советской — министр обороны Д. Устинов и председатель КГБ Ю. Андропов. В ответ на резкие обвинения в капитулянтстве Кая и Ярузельский в один голос заявили, что соотношение сил в последние мартовские дни при прямой конфронтации с «Солидарностью» не предвещало польским властям ничего, кроме поражения. На заседании советского Политбюро Андропов и Устинов изложили услышанное так: «Они [т.е. Кая и Ярузельский] опасались предупредительной забастовки, но больше всего — всеобщей забастовки и делали все, чтобы не допустить последней<...> Что же касается ввода войск [т.е. интервенции], то они сказали, что это абсолютно нереально, к тому же, нельзя [в настоящее время] вводить военное положение». Аргумент, что сначала нужно хотя бы частично восстановить доверие к партии и изменить соотношение сил, видимо, убедил представителей Кремля, поскольку, как вспоминает Кая, Андропов в конце сказал: «Ладно, пусть будет по-вашему. Не вводите военное положение. Но не опоздайте с [этим] решением. Ведь это может вам дорого обойтись». Спустя два дня маневры «Союз-81» закончились.

<...>Принятая в декабре 1980 года концепция вторжения была пересмотрена. Теперь предполагалось, что интервенция должна послужить поддержкой для начатой польским правительством (на основании принятой резолюции и самостоятельно) силовой попытки задушить «Солидарность». Тем не менее, ответ правительство на всеобщую забастовку введением военного положения, угроза советской интервенции в марте 1981 года оказалась бы весьма реальной.

Советники профобъединения и сам Лех Валенса отдавали себе в этом отчет. Перегибать палку они не собирались, да и не верили в здравый рассудок Всепольской согласительной комиссии. Ход заседания ВСК 24–25 марта давал им все основания для такой оценки. Блокируя созыв ВСК и принимая решение за ее спиной, они могли считать, что действуют в состоянии крайней необходимости. Весьма вероят-

но, что тем самым им удалось спасти нашу шкуру. А это достаточное основание, чтобы простить им грех злоупотребления. Но оно не оправдывает практику, которая сделала из этого злоупотребления не исключение, но правило... Непосредственным и необычайно важным результатом соглашения, достигнутого Валенсой вместе с советниками, но без участия ВСК, соглашения, подписанного 30 марта 1981 года, было предотвращение — по крайней мере на какое-то время — угрозы советской вооруженной интервенции. Вместе с тем это соглашение толкало нас на путь, в конце которого страну ожидало военное положение.

1981

<...>Летом 1981 года экономический кризис стал политической угрозой не только для правительства, но и для профобъединения. В апреле ввели — впрочем, в соответствии с Гданьским соглашением — карточки на мясо, масло, рис и каши. Однако, вскорости возникли трудности с их отovarиванием. Незадолго до съезда партии норму выдачи в одни руки — и без того скудную — уменьшили на одну пятую. Страна забурлила. Мы не были в состоянии сдерживать нарастающие протесты. В Лодзи «Солидарность» организовала массовую уличную демонстрацию, получившую название «голодный марш». Да и в других городах профобъединение пыталось точно так же канализировать общественный протест. Однако это был тупик. Как можно просить власти ПНР дать еду, если взять ее было неоткуда? До сего времени мы заявляли, что подъем экономики — дело правительства. Действительность вынудила нас признать, что это также и наше дело.

Обвал на рынке имел несколько причин. Прежде всего повышение заработной платы в результате июльских и августовских забастовок 1980 года. Это повышение не гарантировалось товарной массой, однако его сочли необходимым. Чтобы избежать политических уступок, правительство в июле гасило забастовки пустыми деньгами. Августовскую забастовку пришлось остановить политическими уступками, но одновременно и повышением окладов (так называемое валенсовское повышение), на которое — ясное дело — тоже не было покрытия.

Ни правительство, ни профобъединение не могли нарушить договоренность, хотя при твердых ценах это вело к драматическому росту дефицита.

Вдобавок польская экономика задышалась в петле внешнего долга. Герековское процветание выставило нам приличный счет. Обслуживание внешнего долга почти целиком пожирало поступления от экспорта (в основном за уголь), а растущее число предприятий вынуждено было ограничивать производство из-за отсутствия поставок с импорта. К тому же в экономике наступил паралич организаторских функций государства. В реальном социализме экономика развивалась не по законам рынка, а в соответствии с указаниями «сверху». Система не была эффективной, но все-таки она хоть как-то функционировала. Однако когда на уровне исполнителей указания перестали исполняться, а на промежуточных уровнях зачастую даже не считали нужным спускать их ниже, тогда наступил хаос. До сего времени экономика функционировала как продолжение политической диктатуры. И сильнейшие сотрясения диктатуры привели к сотрясениям в экономике. Когда же в систему ввели элемент, противоречащий его внутренней логике, то есть мощное независимое общественное движение, способное эффективно заблокировать решение властей, а кроме того, в правилах функционирования этой системы не произошло никаких изменений, кризис стал неотвратимым. Поиски выхода из этой ловушки, увы, неизбежно подрывали основы диктатуры.

Начиная с весны 1981 года в «Солидарности» стала действовать горизонталь — «Сеть заводских комиссий ведущих промышленных предприятий». Вышеназванная структура занялась разработкой программных концепций. Тон задавали активисты профобъединения — научные сотрудники. Среди них серьезную роль сыграли философ из Познанского университета Лешек Новак и экономист-теоретик, исследователь экономических систем в Институте марксизма-ленинизма, а позднее в Варшавской школе экономики (ныне Высшая коммерческая школа) Лешек Бальцеревич.

В их среде родилась идея: не ждать, когда правительство выступит со своей инициативой, а предложить собственный проект экономической рефор-

мы, основанный на предоставлении предприятиям самостоятельности. Такие предприятия функционировали бы не по указке сверху, а в соответствии с требованиями рынка и принципами рабочего самоуправления.

Все эти разработки «Сети» наверняка так и остались бы на бумаге и не вызвали бы никаких эмоций, не окажись профобъединение вынужденным — из-за драматического заострения кризиса и радикализации общественных настроений — поднять экономическую реформу на свои знамена. Кроме того, для системы, да и для нас также, «голодные» марши-протесты и политические требования, все больше склоняющиеся к тому, чтобы отобрать у коммунистов государственную власть, могли быть довольно опасными. Теперь уже недостаточно было объяснять, что подобное — прямой путь к конфликту с советской мощью. Отвергая радикальные лозунги, порожденные отчаяньем людей, надо было что-то дать им в замен. Лозунги самостоятельности предприятий, создания на них рабочего самоуправления и выбора директоров рабочими советами в ходе конкурса — все это отвечало нуждам того времени<...>

Нет, мы не кормили людей иллюзиями. Мы и сами верили в то, что говорили. Позже можно было лишь усмехнуться от мысли о наших надеждах, наверняка малореальных, а скорее всего, даже несбыточных. Но тогда они позволили профобъединению успокоить общественное возмущение и удержать контроль за ситуацией.

<...>По прошествии многих лет я не изменил своего мнения. Напротив, я считаю, что компромисс, достигнутый по вопросам рабочего самоуправления и государственного предприятия, был последней победой первой «Солидарности». В довершение всего его результаты оказались долгосрочными. Рабочие советы, действующие по установленным тогда правилам, функционировали и во время военного положения, и после его формальной отмены, давая многим деятелям запрещенного профобъединения защиту и возможность легальной работы. Это были первые ласточки реформы самоуправления, за которую мы боролись. Любопытно, что диктатура коммунистических генералов не управлялась с рабочими советами на предприятиях.

Лишь позднее с ними управился Лешек Бальцевич — вице-премьер первого некоммунистического правительства Польской Республики, и архитектор экономического переустройства. По иронии судьбы, именно он, будучи советником «Сети», ранее являлся автором проекта экономической реформы, основанной на рабочем самоуправлении.

***

<...>13 сентября в Варшаве собрался Комитет защиты государства. В Комитет по партийному «ключу» входили: премьер, министр национальной обороны, министр внутренних дел, высшие офицеры обоих силовых ведомств, а также первый секретарь ЦК ПОРП. Мне случилось выслушать рассказ о происходящем там, на заседании, из уст самого Станислава Кани.

<...>Все члены Комитета проголосовали за введение военного положения, один Кани был против. Таким образом, по вопросу военного положения лидер ПОРП имел против себя не только Москву, но и высшее начальство в армии, милиции и госбезопасности, а также и собственную партию. По правде говоря, он уже ничем не руководил. Нечего удивляться, если на IV пленуме ЦК (16–18 октября 1981 года) Кани подал в отставку. Первым секретарем был избран генерал Войцех Ярузельский, а в заключительном постановлении Центральный комитет счел необходимым распорядиться, «чтобы в случае крайней необходимости руководство ПНР воспользовалось бы своим конституционным правом для защиты наиважнейших интересов народа и государства».

<...>27 ноября 1981 года, в ходе переговоров с представителями «Солидарности», правительственная делегация заявила, что с I квартала следующего, 1982 года в жизнь войдут новые принципы функционирования предприятий — так называемое временное системное распоряжение»<...> В двух словах поясню: провизорное распоряжение вводило самофинансирование предприятий, но без их самостоятельности. Вскоре от знакомых депутатов мы узнали, что за пушки собираются выкатить против нас. Оказывается, в Сейм поступил законопроект о чрезвычайных полномочиях для правительства.

Кроме запрета на забастовки, этот закон вводил на предприятиях возможность их милитаризации. Это означало, что руководство предприятия становилось военным командованием, а за невыполнение приказа, тем более за забастовку, бунтовщикам грозит уголовная ответственность и военный трибунал<...>

Всем становилось ясно: нужно готовиться к обороне, ведь вопрос стоял жестко: быть или не быть профобъединению? 2 декабря в варшавской гостинице «Солец» по этому поводу состоялось заседание президиума Всепольской комиссии, а на 3 декабря в Радоме было назначено совещание президиума комиссии с участием председателей правления регионов. Я принял в них активное, а по словам правительственной пропаганды — даже *сугубо* активное участие. 2 декабря президиум Всепольской комиссии предложил председателям регионов ответить на чрезвычайное положение общепольской забастовкой. Я имел честь отредактировать радомское постановление. Это был последний документ руководства «Солидарности», какой получили регионы и заводские комиссии. Постановления последнего заседания Всепольской комиссии уже не дошли ни до кого, поскольку были приняты ночью 12 декабря. К тому времени телефоны и факсы были уже отключены, а после окончания заседания милиция начала охотиться на его участников.

<...>В дни, предшествующие введению военного положения, я делал все возможное, чтобы «Солидарность» продемонстрировала свою готовность к самообороне. Во мне еще теплилась надежда, что это отпугнет власть от силового решения. Но если не отпугнет, слово нашего радомского постановления должно воплотиться в дело, и нам придется перейти к самообороне.

Может, оно и к лучшему, что меня «замели» и упрятали за решетку в самом начале.

Военный переворот

Ночью 13 декабря я попал в облаву.

<...>Поначалу нас поместили в «интернат» неподалеку от Гданьска, в Стшебелинке. Там находился филиал тюрьмы, расположенной непода-

леку. Атмосфера да и вид вокруг напоминали лагерь для военнопленных, правда, там я надолго не задержался.

30 декабря на переключке вызвали меня и еще 13 человек: Куронь, Гвязда, Рулевский, Вуец, Оньшкевич, Яворский, Ралка, Розпловский, Соберай, Токарчук... На военном аэродроме в Гдыне нас ждал вертолет — выходит, за границу не полетим. В вертолете нас сковали по двое...

Но сначала вертолет доставил нас в Варшаву, а «местом пребывания» временно оказалась подваршавская Бялоленка. Нет, нас там не поселили в бараки трудового лагеря, который 13 декабря перенесли на лагерь для интернированных, а поместили в IV корпус следственного изолятора. Приготовили для нас семь камер — на двоих, одну рядом с другой. Камеры были приспособлены для полной изоляции: жестяной «намордник» на окне с внешней стороны, там же решетка, а внутри — заслоняющая окно дополнительная решетка-клетка (для особо опасных) и «кормушка» на дверях. Лагерь для интернированных располагался метрах в двухстах от нашего изолятора и был надежно отделен от нашего корпуса. Вскоре после нашего приезда оттуда забрали Адама Михника и перевели его к нам.

Кроме опасений, что нас могут депортировать в «теплые страны», например в Грецию, появилась догадка, что нам хотят устроить показательный процесс и обвинить в заговоре против государства. Процесс доказал бы обществу, под какой угрозой находился строй, и это бы легитимизировало военное положение. Тем не менее, в Бялоленке нам так и не представлено никаких уголовных обвинений и не начато расследования.

<...>Лишь весной 1984 года, на Мокотуве, когда мне как обвиняемому выдали акты моего дела, я убедился, что велось оно уже два года. С точки зрения политической целесообразности, это было слишком поздно. В конце концов в роли арестованных мы стали для генералов лишь источником хлопот. Им пришлось ломать себе голову, как бы нас выпустить, чтобы при этом не потерять лица.

<...>Тут следует подчеркнуть, что мы совершенно не знали, что происходит за тюремными стенами... Поначалу мы даже не знали, что с Валенсой.

А в условиях военного положения это была очень важная фигура.

<...>Валенсу арестовали у него дома 13 декабря 1981 года и поместили — безо всяких юридических обоснований — в этакую золотую клетку. Сначала это была вила министерства внутренних дел в подваршавских Хылицях. Там его посещали вице-премьер Раковский, министр Циосек и представители «вороны», пытаясь склонить к тому, чтобы он возглавил марионеточную «Солидарность» — реактивированную и очищенную от подсказанных силовиками «экстремалов» и антисоциалистического элемента всех мастей. Это была так называемая операция «ренессанс», запланированная, судя по всему, в МВД (на что указывает характерное кодовое название) и весьма для нас опасная. Согласись Валенса на это, подполье утратило бы почву под ногами. Мощь символа обернулась бы против тех, кто вопреки происходящему все еще был готов сопротивляться.

Вслушивая уговоры правительственных посланцев, Валенса, как мне думается, какое-то время морочил им голову — это у него было «в заводе». Но, видимо, в конце концов, сказал решительное «нет». И лишь тогда, 26 января 1982 года, спустя почти полтора месяца после фактического ареста, ему выписали ордер на интернирование. Сей документ Валенса счел своим фирменным бланком и написал на нем ксиву. Мы получили ее при посредничестве ксендзов, когда находились в IV корпусе в Бялоленке. Председатель профобъединения призывал членов Координационной комиссии не идти с властью предержащими на компромиссы. «Ни шагу назад! — писал он. — Никаких договоров с властью!»

8 ноября 1982 года наш председатель, находящийся тогда в «интернате» в подкарпатском поселении Арламово, написал весьма двусмысленное и довольно-таки шутовское письмо генералу Ярузельскому за подписью «капрал Лех Валенса». Деятели «Солидарности» пришли от этого письма в ужас, а правительственные круги почувствовали в нем надежду, хотя и некую неудовлетворенность. Генерал Кищак отправился в Арламово уговорить Валенсу написать что-нибудь посерьезнее. Валенса ответил отказом. Но, несмотря на это, его выпустили и сразу

же отвезли в Главную военную прокуратуру в Варшаве. Там 14 ноября с ним встретились начальник V Отдела полковник Болеслав Клис и директор следственного бюро МВД полковник Ипполит Старшак. Формально цель встречи сводилась к тому, чтобы ознакомить Валенсу с юридическими предписаниями, касающимися военного положения. Такую процедуру не раз применяли при освобождении оппозиционных деятелей. При этом им следовало расписаться, что они были проинструктированы по всем правилам. Валенса отказался поставить подпись, в связи с чем ему пришлось провести длинную беседу с двумя полковниками. Встречу записали на пленку, с пленки сделали стенограмму, наверняка, чтобы познакомить власть со всеми подробностями разговора, а также в надежде, что позднее можно будет воспользоваться этим документом и скомпрометировать Валенсу в глазах деятелей «Солидарности».

С той же целью (хотя намного позднее) стенограммой воспользовались также исследователи Института национальной памяти Славомир Ценцкевич и Петр Гонтарчик в своей книге «Служба госбезопасности и Лех Валенса».

Признаемся откровенно, что в этом разговоре с высшими представителями правоохранительных органов высказывания легендарного лидера «Солидарности» вызывают, мягко говоря, недоумение. Можно только догадываться, что в конечном счете именно они убедили власти военного положения в том, что освобождение Валенсы послужит подрыву авторитета Временной координационной комиссии и разлому в подпольной «Солидарности» или, по крайней мере, ее серьезному ослаблению. Но ничего подобного не произошло. Совсем наоборот. 9 апреля 1983 года Валенса, обманув охрану, сбежал из дому, покинул Гданьск и провел конспиративную встречу с руководством подполья. В совместном заявлении он легитимизировал ВКК как временное руководство профобъединения. И снова вышло совершенно не так, как себе напридумывали авторы операции «ренессанс». На языке простолудинов, которым так любил изъясняться наш председатель, ему опять удалось обдурить «ворону».

Излишней скромностью Валенса не грешил. Случалось, что он впадал и в бахвальство. Примером

его хвастовства может служить его любимая фраза: «Это я свергнул коммуны!» Но если в этом и была крупница истины, то выглядела она так: это была великая победа тысячелетней мужицкой хитрости над сорокалетним коммунистическим макиавеллизмом. Зато гипотеза, что якобы Валенса руководил «Солидарностью» с подачи службы безопасности, вне всякого сомнения, является самой невероятной чушью в политически ангажированной историографии нашего времени.

Тогда, в январе 1982 года, нам пришлось по вкусу призыв председателя профобъединения — не поддаваться, не вступать в рискованные переговоры с теми, кто держит нас под замком. Это отвечало нашим убеждениям и нашей оценке ситуации.

<...>Мы ошибались, думая, что дующий нам в лицо ветер истории скоро переменится и все будет по-прежнему, как и до декабря 81-го. Сейчас мы слабы, ибо великая река «Солидарности» скована льдом, но когда сойдут снега, когда затрещит лед и поднимутся воды, она вновь, как и прежде, устремит свои воды в море. «Зима — ваша, весна — наша», — прекрасный лозунг того времени, но он обманчив. Это уже не была, да и не могла быть та же самая река. И второй раз войти в ее воды тоже не представлялось возможным. После пережитого шока состояние духа, именуемое «революцией», исчезло безвозвратно.

<...>Ни один народ не состоит из самих героев. Наш польский — вопреки легендам и хрестоматийным текстам — тоже. Вот и отлично. Жизнь среди героев мало того, что коротка, она еще и невыносима. Мне ли этого не знать? Я ведь не раз находился среди людей, уверенных в своем геройстве. В реальной жизни геройство обычно ведет к преждевременной смерти на поле славы. Но народ должен продолжать жить — рожать и воспитывать детей, зарабатывать на содержание семьи, строить свое благополучие и создавать культуру. Рабочие и работницы поступились своим профсоюзом, дабы остаться в живых и гарантировать семье быт. Даже герои типа Жанны д'Арк отступились. Выбор этих людей можно понять, он вполне нормальный, но революция этого не пережила. «Война» изменила дух народа, и возврат

к прошлому был уже невозможен. Да и у тех, кто вопреки всему решил продолжать сопротивление и был верен себе все последующие годы, дух тоже изменился. Изменился их язык, их восприятие действительности, их иерархия ценностей и то, как они ощущали связь с другими людьми. И эти изменения не всегда происходили в желательном направлении.

* * *

<...>Одно несомненно — во времена военного положения «Солидарность» изменилась существенным образом. Исчезло массовое рабочее движение, облеченное в структурные формы профобъединения, а на его месте появились кадровые антикоммунистические конспираторы-нелегалы. Знамя оставалось прежним, но совершенно иной стала общественная суть движения.

Изменился и наш язык. Военное положение вынудило нас принять риторику войны. Понятие «наших» теперь определяла не столько общественная база, от имени которой мы выступали, сколько антагонизм в отношении смертельного врага. Мысль о том, что с «вороной» можно разговаривать «как поляк с поляком», как правило, не укладывалась в головы наших бойцов. Тем более что для серьезного разговора вообще не было никаких шансов. Наш язык теперь опирался на исключении противника из всего того, что есть польское. «Мы» были народом, «они» же — оккупантами, ведущими с народом войну по указке Советов. «Ярузельский — это советский генерал, только в польской форме» — так отзывался о Ярузельском американский генерал Вайнбергер. Эту фразу перенесли за океан и сделали популярной польские эмигранты из «Солидарности».

Наши сторонники вытащили из запасников запыленные антикоммунистические лозунги довоенных времен. Речевка «Долой коммуны!» входила в обязательную программу каждой демонстрации. Изменилось отношение и к слову «социализм». Еще летом 1981 года наши неподцензурные журналы с гневом отвергали обвинение нас в антисоциалистической деятельности, и это не было лицемерием. Редакторы нашей прессы доказывали, что антисоциалистическая сила — это как раз аппарат правящей партии, ибо это он выступает против рабочего

класса (то есть против нас). Но в годы войны такая риторика уже не могла появиться среди нас. Правда, «социализм» еще не вызывал такой агрессии, как «коммуна», однако произносилось это слово с издевкой, и никто не пытался вернуть ему первоначальный смысл. Изменение языка связано с изменением мышления, что приводит к поправкам, а иногда и к пересмотру в иерархии ценностей.

Великая «Солидарность» 1980–1981 годов была эгалитарным, весьма коллективистским и, в принципе, социалистическим движением.

Спустя два года после объявления военного положения ни одно из этих определений не соответствовало идейному облику подпольной «Солидарности». То же самое относилось и к интеллектуалам, особенно экономистам, бывшим советникам нашего профобъединения. Они и дальше ориентировались на «Солидарность», точнее, на то, что от нее осталось, тем не менее говорили и думали уже совсем не так, как в 1981 году, когда вместе с нами редактировали съездовскую программу «Самоуправляемая Речь Посполитая».

Их компас показывал теперь иной азимут. На Западе, к которому ныне были обращены взгляды польской интеллигенции, кончилось время Кейнса и Брандта, пришло время Мильтона Фридмана, Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана — время неолиберализма в экономической мысли и неоконсерватизма в политике.

Центры неолиберальной мысли появились на периферии «Солидарности» в Гданьске и Кракове. К этой мысли подключился не только уже давно проживающий в Лондоне известнейший экономист Станислав Гомулка, но и недавний советник «Солидарности» Лешек Бальцеревич и даже заместитель Тадеуша Мазовецкого в газете «Тыгодник Солидарность» — Вальдемар Кучинский. Близилось время, когда это направление экономической мысли получит свое развитие в Польше под историческим знаменем «Солидарности».

На Первом съезде «Солидарности» одним из оппонентов Леха Валенсы, претендующих на пост председателя профобъединения, был Анджей Гвязда. В свободной Польше наши с ним дороги разо-

шлись, но и как в 1981 году, так и сегодня я бы обеими руками подписался под словами, сказанными им на съезде. Он полемизировал с теми, кто пренебрежительно относится к людям, для которых важна лишь колбаса, а не свобода слова. Он также предостерегал от чрезмерной веры в мощь десяти-миллионного движения, которое якобы никому не удастся победить. Привожу его слова по памяти: «В годы оккупации Армия Крайова вместе с гражданскими структурами подпольного государства и обучающим в тайных университетах персоналом составляла не более 3% взрослого населения. Мы тоже, если нам глянет в глаза настоящая опасность, не сможем рассчитывать на большее. И в час испытаний 98 процентов наших людей покинут нас. Тем не менее мы должны помнить, что именно для этих людей, для этих 98 процентов, что уйдут от нас, мы и создали наш Профсоюз».

Святые слова. Но мы не помнили о них ни в час испытаний, когда после подавления забастовок нас за горло держала военная диктатура, ни позднее, когда история перелистнула страницу, и мы торжествовали победу.

<...>В декабре 1982 года власть предержавшие ПНР решили «приостановить» военное положение, продлив некоторые его важные предписания. Объявили, что на Рождество все интернированные вернутся домой. Кроме некоторых... Нам выдали ордер на арест, после чего перевели на противоположную сторону Раковецкой и поместили в III корпусе мукатовской тюрьмы. Там я оставался вплоть до 6 августа 1984 года.

* * *

<...>В середине восьмидесятых главным козырем подполья были не заводские структуры и оказываемая ими поддержка, а симпатия и содействие довольно многочисленных, особенно со времени военного положения, противников коммунизма. Этой симпатии и готовности к сотрудничеству подпольщики были обязаны разветвленной сети печатников и распространителей нелегальных изданий. Находящихся в розыске подпольщиков эти люди, несмотря на серьезный риск, готовы были прятать у себя дома. Там, где подполье смыкалось с неза-

висимой общественной активностью, развивалась неофициальная просветительская деятельность. Помещение и прибежище для таких инициатив предоставляла Церковь. А Общественный комитет науки давал возможность уволенным по политическим мотивам сотрудникам университетов и институтов ПАН продолжать свои исследования. Я сам вплоть до возвращения на работу в ПАН (то есть до конца 1987 года) получал из кассы этого комитета стипендию в размере зарплаты тогдашнего доцента, что дало мне возможность не заниматься поисками работы, а писать и публиковать статьи по истории Средневековья, не имеющие ничего общего с политикой.

Независимая культура переехала в частные дома, там показывали фильмы и спектакли, а в костелах организовывали выставки художников. Снимали также фильмы на кассетах. Это напоминало феномен демократической оппозиции 1970-х годов, только в большем масштабе.

Среди людей, участвующих в такой деятельности, встречались, разумеется, и рабочие, но в основном это были интеллигенты — теперь они читали, печатали и распространяли работы ведущих либеральных мыслителей. Фридрих Хайек и Карл Поппер вели своих польских читателей по пути свободной мысли, но не по пути революции. Да, конечно, иногда подполье прибегало и к радикальным методам борьбы, в основном в виде уличных демонстраций и столкновений с милицией, но и на этом поприще оно становилось все слабее и теряло свою мобилизационную действенность...

<...>Случались и многотысячные митинги и манифестации. Они укрепляли волю к сопротивлению и влияли на соотношение сил, однако это были события исключительные.

К таким исключениям относятся манифестации во время паломничества в Польшу папы Иоанна Павла II в 1983 и 1987 годах. Тогда в приветствующей папу толпе было полно эмблем и лозунгов «Солидарности», и, казалось, что в проповедях Иоанна Павла II оживал прежний дух профобъединения.

Исключением была также массовая (в полном значении слова) демонстрация сторонников «Солидарности», приехавших в Варшаву на похороны

ксендза Ежи Попелушко 3 ноября 1984 года. Символ запретного профсоюза сплывал широкие массы противников диктатуры, но сам потенциал сопротивления был лишен ударной силы, а следовательно, и политической действенности.

Оппозиция, вышедшая из «Солидарности», а также симпатизирующие ей люди, осознавали, что они выстоят, но преобладало чувство невозможности изменить «послевоенное положение», а с этим они не могли примириться.

<...>Неолиберальная мысль мощным потоком текла с запада на восток и встречалась с неподдельной заинтересованностью даже в окружении Войцеха Ярузельского, где вице-премьер Раковский ратовал за свободный рынок.

Партийный реформатор, профессор Юзеф Калета из Вроцлава, который в 1989 году был моим самым серьезным оппонентом на выборах в Сейм, не скрывал своего разочарования, что генерал Ярузельский не предпринял реформ под прикрытием военного положения. На это рассчитывали и связанные с «Солидарностью» краковские либералы, сосредоточенные вокруг Мирослава Дзельского.

Казалось, что отстранение от власти партии и ее аппарата, совершенное армией, а вместе с тем и преодоление сопротивления профобъединения давало Ярузельскому возможность радикальной либерализации экономики на манер Пиночета. Хотел ли этого генерал Ярузельский, я не знаю, но думаю, что он не мог... Реформу, основанную на инициативе людей и свободном рынке, не делают в казармах или полицейском участке.

К тому же ни Леонид Брежнев, ни Юрий Андропов, ни Константин Черненко не позволили бы Ярузельскому сменить экономическую систему и вступить в экономические отношения с Западом. Даже несмотря на заслуги генерала в ликвидации «Солидарности». Ярузельский расправился с независимым профсоюзным движением, ослабил «бетон», устранил в тень партию и с помощью генерала Кишака в некотором смысле контролировал спецслужбы. На первый взгляд, он был всемогущим диктатором. Однако руки у него были связаны — во всяком случае до тех пор, пока не произошли существенные изменения в политике Москвы.

* * *

16 декабря 1986 года Андрею Сахарову, диссиденту, критиковавшему советское вмешательство в Афганистане и пребывавшему в Горьком в ссылке, позвонил сам Горбачев и попросил вернуться в Москву — к научной работе и общественной деятельности. Со стороны Горбачева это был довольно красноречивый жест, впоследствии широко озвученный, который произвел на советское общество огромное впечатление. Сахаров вернулся в Москву, принял активное участие в процессе демократизации, называемой «перестройкой», а в парламентских выборах 1989 года, проходящих в условиях больших политических свобод, получил мандат депутата Верховного Совета. В СССР тогда ограничили цензуру, в прессе разрешили далеко идущую свободу публикаций, а в некоторых республиках появились и окрепли независимые политические движения. По сравнению с Польшей «послевоенного положения» СССР в 1986–1988 годы оказался более свободной страной.

Среди политологов бытует фраза: для плохого режима самый опасный момент — это когда его пытаются исправить. Трудно считать подобное наблюдение «законом истории», если вообще таковые существуют, но в этом что-то есть. В случае советской империи это подтвердилось в буквальном смысле слова. К моему стыду я, в отличие от Адама Михника, сначала не оценил по достоинству важность «перестройки».

<...>Я отправился в Москву, где корреспондентом «Le Monde» работал мой друг Бернар Гетта. В 1980–1981 годах он был корреспондентом той же газеты в Варшаве. Я сказал ему, что у меня есть четыре дня на Москву, и в этот страшно короткий срок мне бы хотелось хоть как-то ее осмыслить. «Тогда не ходи к диссидентам, — заметил он резко. — Начнут рассказывать про моральные правды, а ты о них уже давно все знаешь. Жалко времени. Иди к сотрудничающим с Горбачевым интеллектуалам». И дал мне парочку адресов, точнее телефонов. Был среди этих людей и заместитель главного редактора «Коммуниста» (теоретического органа ЦК КПСС) Отто Лацис¹⁵.

Шел я на эту встречу с чувством вот, мол, сейчас переступлю порог «храма храмов» идеологической

номенклатуры. Отто Лацис оказался человеком непосредственным. Пожал мне руку, сказал «здравствуйте» и без всяких официальных церемоний сообщил: «*Это развал империи*. Теперь речь идет лишь о том, чтобы нам удалось сохранить нечто наподобие *Commonwealth*¹⁶». Оставалось два года до роспуска Советского Союза и образования СНГ. Меня поразило не только то, что сказал Лацис (я и сам после Киева стал сомневаться в прочности СССР), меня поразила та терминология, которой пользовался редактор журнала «Коммунист». Лацис говорил как западный политолог. В его словах не было и следа «новояза».

Сомневаюсь, чтобы сам Горбачев говорил и думал с той же холодной трезвостью. Безусловно, генсек не хотел ликвидировать империю, он хотел лишь модернизировать ее<...>

Видел ли Войцех Ярузельский во второй половине 1980-х годов с той же ясностью, как и Отто Лацис, что наступает *развал империи*? Не имею понятия. Тем не менее я сам стал замечать, что перестройка изменила международные реалии, в рамках которых строилась и польская политика.

<...>Весенние стачки 1988 года носили ограниченный характер... Следующая волна забастовок, прокатившаяся по всей стране в период с 15 августа по 3 сентября 1988 года, выглядела уже более устрашающе с точки зрения как размера протестов, так и характера постулатов.

<...>Нужен был лозунг, объединяющий всех, лозунг, очевидный для всех, пробуждающий массовую поддержку по всей стране. Такую роль в августе 1988 года сыграло требование реактивации «Солидарности». Ее подполья уже не существовало, а Всепольская исполнительная комиссия и ее региональные филиалы не располагали такой организационной структурой, которая смогла бы объявить забастовку. Это был только миф. И вот именно-то и он оказался силой, с которой генералам пришлось считаться. Первая «Солидарность» была для значительного большинства поляков единственным пережитым ими опытом свободы. Пережитым сообща, с ощущением братства. Подобное не забывается. Об этом рассказывают детям. Этой памятью и жил миф. Миф — сущность нематериальная. Его нельзя раз-

давить танками, расстрелять или посадить в тюрьму. Все это не может повредить мифу. Наоборот, это только упрочит его. Уничтожить миф может только глубокое разочарование его приверженцев, если они почувствуют себя обманутыми.

У гэбэ была информация, которую она, несомненно, передала правящей команде: мол, «Солидарность» как массовое и организованное движение уничтожено, а инициаторы майских и августовских стачек не подчиняются Леху Валенсе. Тем не менее 31 августа 1988 года генерал Чеслав Кищак встретился с Валенсой. Разговор касался подготовки к «Круглому столу».

Генерал поставил условие: Валенса должен призвать протестующих прервать забастовку. Не исключено, что это был своего рода тест, может, даже не лишенный издевки: «Ну что ж, пан Валенса, если вы так сильны, то скажите своим людям, чтоб они перестали бастовать». Кищак знал, что это не были люди Валенсы. Но Валенса согласился и призвал. И стачки прекратились. Генералы поняли, что Валенса, сплоченные вокруг него «отцы-основатели» и советники «Солидарности» являются правомерными хранителями мифа. Это у них в руках находится та волшебная палочка, по мановению которой в стране может воцариться спокойствие.

<...>В конце августа — начале сентября 1988 года представители высшего руководства КПСС заявили западным журналистам, что не видят ничего страшного в возможном возвращении «Солидарности» на политическую арену.

Отсутствие возражений со стороны Москвы могло быть понято так, что путь к «Круглому столу» открыт. Однако процедуры, существующие в коммунистическом государстве, требовали того, чтобы решение о переговорах вынес Центральный комитет ПОРП. Такое решение было принято в ходе заседания на X пленуме ЦК (16–18 января 1989 года). Проект постановления предусматривал переговоры «Круглого стола» и возвращение к профсоюзному плюрализму, что означало восстановление «Солидарности». В прениях большинство членов ЦК высказалось против. Но это уже не был «бетон» образца 1981 года, то есть пользующаяся поддержкой Брежнева фракция противников Кани и Яру-

зельского. Это был новый «бетон», который идентифицировался с военным положением, гордящимся уничтожением «Солидарности», но который считал это достижение смыслом своего политического существования.

Тогда генералы решили сыграть ва-банк. Ярузельский, Кишак, Сивицкий (на тот момент министр обороны) и Раковский (премьер-министр), а вслед за ними все члены политбюро подали в отставку. Однако она не была принята. «За» — не проголосовал никто, а воздержались всего лишь четверо. Позднее пленум подавляющим большинством голосов утвердил то самое постановление, против которого во время прений высказывалась большая часть участников. Те же самые люди, считавшие Ярузельского предателем, вдруг испугались, что он может уйти.

«Бетон» был в ярости, но не был лишен чувства реальности. Эти люди знали, что Ярузельский пользуется поддержкой Горбачева, что у него есть разрешение Москвы начать переговоры с оппозицией. А вдобавок отклонение идеи переговоров усилит и без того опасную напряженность в обществе.

<...>Между тем офицерские кадры Войска Польского грудью стояли за Ярузельского. Отшедшая на задний план в годы военного положения партия была скорее бутафорией, нежели реальной «руководящей и направляющей силой». Она уже не могла защищаться и проголосовала так, как и следовало. 6 февраля 1989 года начались заседания «Круглого стола». Я не принимал участия в переговорах.

<...>Однако то, что я не участвовал в переговорах «Круглого стола», вовсе не означает, что я не имел понятия о ходе переговоров. Владек Фрасынюк подробно рассказывал мне, что происходит в президентском дворце и в пресловутой Магдаленке¹⁷. И тем более комичной кажется мне мрачная легенда о заговоре элит за «Круглым столом». Да, не спорю, обе стороны там хитрили, стараясь обвести друг друга вокруг пальца. Но ни замыслы, ни результаты такого «заговора» не остались тайной — всем стало известно, что они предпринимали, и прежде всего что из всего этого вышло (а скорее, чего не вышло).

<...>Власти боялись возврата «Солидарности» к легальной деятельности, зато рассчитывали на то,

что элита постсолидарности займет посты в ключевых государственных ведомствах — и это позволит избежать опасных общественных конфликтов и модернизировать экономику в атмосфере всеобщего согласия.

Причем партийно-правительственная сторона намеревалась сохранить за собой важнейшие инструменты власти. Но, как известно, выборы принесли руководству страны политическое поражение, в результате чего ПОРП потеряла поддержку парламентских союзников. К тому же часть партийных депутатов перестала соблюдать партийную дисциплину. К власти пришло правительство Тадеуша Мазовецкого. Спустя несколько месяцев из его состава вывели последних коммунистических министров-силовиков. Вскоре с президентского поста ушел генерал Ярузельский, а его место — по результатам всеобщих выборов — занял Лех Валенса. Коммунистическая формация (пожалуй, это не совсем удачное определение, но лучшего я не нахожу) потеряла власть, а государственный строй, уставленный по окончании Второй мировой войны, окончательно развалился.

Шок

<...>1 августа 1989 года правительство Мечислава Раковского отменило карточки на продукты питания и одновременно освободило цены на продовольствие. Уровень цен — за исключением хлеба и нежирного молока — с того момента должен был формироваться спросом и предложением, а не путем правительственных субвенций и административных решений... Для бедного большинства поляков расходы на продовольствие составляли львиную долю семейного бюджета.

Вместо того чтобы в очередной раз снизить нормы отоваривания карточек и повысить госцены на продовольствие, правительственная команда решила сделать скачок в сторону рынка продовольствия. Это был последний скачок, сделанный этим правительством и этой партией.

Сельскохозяйственной продукцией население ПНР снабжали преимущественно частные крестьяне. Значит, структура сельского хозяйства позволяла функционировать рынку, чего нельзя сказать

об институтах кооперативных закупок и торговли, особенно оптовой. Они были монополизированы, а демомонополизация, в отличие от решения об освобождении цен, не могла наступить со дня на день. В условиях государственной монополии на посредничество между сельскохозяйственными производителями и рынком не существовало тормоза, способного удержать рост цен. Освобожденные цены взвились в поднебесье, пока не столкнулись с барьером спроса. 31 июля, то есть в день зарплаты, пачка масла в 250 граммов стоила 17 злотых, а спустя месяц, в конце августа, — уже 70 злотых. Домашние хозяйки хватались за голову: как в условиях галопирующего повышения цен накормить семью?! Тогда еще не было блокады на рост зарплаты в виде налога на ненормативную заработную плату (ННЗП), но все-таки возможное повышение зарплат — как правило, недостаточное — приходилось ждать в лучшем случае до первого числа. А ведь есть надо было каждый день.

Стоит ли объяснять, как все это отражалось на общественных настроениях и на политической ситуации в стране?

<...>3 июля, то есть за две недели до выбора Ярузельского, Адам Михник опубликовал в «Газете wyborчей» статью под заголовком «Ваш — президент, наш — премьер». Поначалу идея, чтобы во главе коалиционного правительства встал политик из оппозиции, встретила обеими сторонами новой политической сцены в штыки. Я был против этой статьи и в полемике на страницах той же газеты (в статье «Правительства не формируем, остаемся на своем месте») изложил свои аргументы. Я считал, что по геополитическим причинам ПОРП должна получить в «нашем» правительстве министерство национальной обороны, внутренних и иностранных дел. А поскольку в руках у команды генерала Ярузельского фактически находится армия, милиция и аппарат управления государством, то под прикрытием «нашего» правительства она сохранит контроль за главнейшими рычагами реальной власти. Нам же останется лишь заведовать экономической катастрофой, то есть на нас падет ответственность за предпринимаемые нами жесткие меры, что

быстро лишит нас общественной поддержки, какой мы в тот момент еще располагали. Одновременно, войдя в роль правящей формации, мы лишим Польшу истинной оппозиции.

<...>Так оно и случилось: в правительстве Мазовецкого министром обороны стал Флориан Сивицкий, министром внутренних дел — генерал Чеслав Кищак. Только иностранное ведомство было передано беспартийному профессору Кшиштофу Скубишевскому, который у «наших» имел солидную репутацию, да и «они» его поддерживали.

На первый взгляд, вопрос «Кто тут правит?» мог показаться неуместным. Однако мое понимание, хотя и логичное, оказалось ошибочным. Я не принял во внимание ни психологического фактора, состоящего в том, что правящая партия уже отслужила свое, ни позволения Москвы на то, чтобы ПОРП передала свою власть другим.

<...>Аргумент, который тогда привел Мазовецкий, что, дескать, только правительство «Солидарности» сможет сдерживать общественный гнев, сыграл существенную роль в решениях и переговорах политиков обеих сторон <...> Тут не было дискуссий на экономические темы. Ключевую роль в кулуарных договоренностях сыграл Лех Валенса. <...> И когда генерал Кищак, которого Ярузельский назначил премьером, не смог сформировать правительство, Валенса встретился с лидерами этих партий, сфотографировался с ними перед камерами ТВ и предложил Войцеху Ярузельскому кандидатуру премьера — Тадеуша Мазовецкого. Ярузельский согласился, после чего «наше» правительство было быстро сформировано. Сейм утвердил его, и лишь после этого оно начало работу над экономической программой.

План Бальцеровича

<...>План Бальцеровича был весьма радикальной опцией, о которой (когда она начала возбуждать общественные протесты) писалось и говорилось, что «иного пути нет». Такая постыдная пропагандистская пошлость удобна в политической полемике, но в серьезных и ответственных спорах ученых и в честных дискуссиях экспертов она недопустима.

Когда о «единственном пути» говорит журналист, можно лишь пожалть плечами, поскольку трескучие фразы — насущный хлеб этой профессии. Но если то же самое произносит экономист, можно считать, что он меняет кожу: перестает быть ученым или ответственным экспертом и становится агитатором. Однако стоит задуматься над смыслом этой фразы и над тем, могло ли тогда первое правительство свободной Польши пойти по иному пути и, если да, то с каким успехом?

Незадолго до своего назначения на пост премьер-министра Тадеуш Мазовецкий писал, что он не имеет понятия, что делать с польской экономикой, после того как стала разваливаться коммунистическая диктатура. У него (как и у большинства польских гуманитариев) не было экономических знаний. Идею формирования премьера можно назвать ныне выходящим из моды термином «христианский социалист». Тадеуш был христианским социалистом в лучшем понимании этого слова. Общественные последствия плана Бальцеровича, несомненно, причиняли ему боль.

Выбор стратегии оказался в некоторой степени производной от выбора кадров. Надо было назначить вице-премьера и поручить ему переустройство всей экономики. Известно, что «наш премьер» сформировал правительство, пользуясь своей записной книжкой... Лешка Бальцеровича порекомендовали Мазовецкому находящиеся на Западе польские экономисты. Мне думается, что особенно веским оказался голос Вальдемара Кучинского, который, прежде чем покинуть страну в годы военного положения, был заместителем Мазовецкого в еженедельнике «Тыгодник Солидарность»... Бальцерович принял предложение, занял в правительстве Тадеуша Мазовецкого пост вице-премьера и министра финансов, а позднее — те же посты в правительствах Яна Кшиштофа Белецкого и Ежи Бузика. Всем известный план стабилизации экономики и ее преобразования связаны с его именем.

Тем не менее следует заметить, что одним из серьезных критиков его политики был Витольд Тшециakovский. Публично он критиковал политику Бальцеровича довольно мягко, но я помню, что он сказал лично мне в перерыве заседания сената: «Это

прыжок в бассейн вниз головой. Причем еще неизвестно, есть ли там вода».

<...>Существует довольно распространенное (хотя и преувеличенное) убеждение, будто план Бальцеровича был навязан Польше Международным валютным фондом. Польша тогда находилась в ловушке долгов, она до невероятности нуждалась в договоренностях с иностранными кредиторами, и контракт с Фондом был одним из условий таких договоренностей.

<...>Тут важно было не столько политическое давление, сколько доктринальное единодушие обеих сторон — с польской стороны стола сидели горячие сторонники той же самой теории, которой в мыслях о глобальной экономике руководствовались и ведущие эксперты МВФ. Это было характерно для состояния умов наших интеллектуальных элит, а также их отношения к неоконсервативной и неолиберальной мысли, господствующей с начала восьмидесятых годов в США и Англии. Поэтому не следует сбрасывать со счетов состояние умов и даже интеллектуальную моду как фактор, определивший выбор правительственной стратегии.

Освобождение цен и преднамеренная стимуляция их роста шли одновременно с административным сдерживанием зарплат. Ключевую роль здесь сыграл введенный в рамках плана Бальцеровича штрафной налог от ненормативного роста зарплат (ННЗП). Правительство решило, что государственное предприятие имеет возможность без какого-либо финансового наказания компенсировать рабочим лишь одну пятую роста расходов на прожиточный минимум. За превышение предприятие должно было заплатить в государственную казну пять злотых от каждого ненормативного злотого.

Чтобы обуздать инфляцию, авторы плана экономической стабилизации резко и в одночасье (с 1 января 1990 года) повысили процентные ставки по банковским кредитам. Те, кто до этого взял кредит, попал в долговую ловушку, в быстром темпе ведущую к банкротству, если в течение месяца не имел возможности возратить одолженную ссуду.

Пожалуй, самый черный сценарий выпал на долю крестьян, особенно тех из них, кто брал инвести-

ционные кредиты, делая первые шаги в фермерстве, нацеленном на товарное производство. В Польше их было не так много, но они представляли шанс для развития польской деревни... Отчаяние и гнев этих людей — категория политическая. Такими эмоциями был вскормлен политический феномен Анджея Леппера¹⁸ и популизм основанной им партии «Самооборона». Эти эмоции подпитывала популярность его лозунга «Бальцерович должен уйти!»

В рамках плана Бальцеровича по распоряжению правительства была также повышена на 200% и оценка производственных фондов предприятия... Это был налог, добивающий те государственные предприятия, которые переживали финансовые трудности. Думается, что именно таков и был замысел авторов польской трансформации.

Правда, они что-то говорили о необходимости избавляться от ненужных составляющих имущества, но, с другой стороны, не скрывали, что хотят не только стабилизировать валюту и бюджет, но в первую очередь в ускоренном темпе изменить структуру собственности и унаследованную от коммунистов экономическую систему.

Крупные государственные предприятия должны были как можно скорее перейти в частные руки или объявить банкротство. «Общество нам не простит, если через год мы будем жить все в той же экономической системе», — заявил Стефан Кавалец, тогдашний заместитель Лешека Бальцеровича в министерстве финансов.

Должен признаться, что это от нас, деятелей первой «Солидарности», интеллигенты следующей декады — выходцы из постсолидарности, взяли привычку представлять свои «глубоко осмысленные» личные убеждения, как взгляды «всего общества».

Спустя годы Тадеуш Мазовецкий в разговоре с журналисткой Терезой Торанской признался: «Не легко было представить себе, что крупные предприятия потерпят крушение... Я рассчитывал на то, что раскручивание свободного рынка пойдет в ногу с социальной политикой».

В отличие от премьера, вице-премьер Бальцерович на это не рассчитывал. Напротив, он следил за бюджетным равновесием. Уступил лишь столько,

сколько сумел у него выцарапать министр труда и социальной политики Яцек Куронь. Это позволило хоть немного смягчить драму, но не могло остановить упадка крупных промышленных предприятий.

<...> Уже в начале 1990 года промышленное производство упало не на 5%, а на все 30%, и приблизительно на столько же, а не на 8%, снизилась реальная заработная плата. Спустя два года была она более чем на одну треть ниже, чем в 1989 году... Национальный доход (это приблизительно то же самое, что сегодня мы называем валовой национальный продукт, но он рассчитывается иначе), в 1990 году снизился почти на 11%, а в течение двух лет — более чем на 18%.

Это была самая глубокая рецессия со времен американской «Великой депрессии» 1929–1933 годов. То, что результаты программы по стабилизации экономики так быстро разминувшись с допущениями проекта, вовсе не дисквалифицирует авторов этой программы как профессионалов, хотя должно немного поубавить высокомерия и самоуверенности, с какими экономисты готовы трактовать свои сомнительные прогнозы как продукты точной науки. Команда Лешека Бальцеровича двигалась, а точнее, вела Польшу в неизвестном направлении. Предугадать результаты было невозможно. Российские, чешские и венгерские последователи наших реформаторов тоже набили себе и своему народу шишек, иногда гораздо более серьезных.

Поэтому странно не то, что команда Бальцеровича просчиталась со своими прогнозами. Внимания заслуживает тот факт, что огромное расхождение между предполагаемыми и фактическими результатами не заставило ее исправить взятый курс. Совсем наоборот: когда оказалось, что в монополизированной экономике, полученной по наследству от социализма на следующий день после «скачка в свободный рынок» механизмы саморегуляции не появились автоматически как результат конкуренции, кормчие польской экономики не сделали вывода, что тут нужен более длительный переходный период и соответствующая политика государства. Они продолжали шагать к намеченной цели кратчайшим путем. И еще усиленнее внедряли экспресс-приватизацию государственных предпри-

ятий — и тех, которые приходили в упадок, и тех, что правительство решило продать потому, что они были рентабельны и на них легко находились частные покупатели.

На мой взгляд, это показывает, что в их намерениях задача образования нового социально-экономического строя взяла верх над задачей остановить гиперинфляцию, оздоровить финансы и уравновесить бюджет. Им прежде всего хотелось как можно быстрее «построить капитализм».

<...>В начале восьмидесятых термин «капитализм» все еще имел негативную окраску. Сторонники либеральных реформ предпочитали говорить о «рыночной экономике», а самые заядлые противники «Солидарности», посягая на наши идеалы, утверждали, будто мы стремимся к реставрации капитализма. Эти обвинения мы трактовали как гнусную клевету. Десять или двенадцать лет спустя экономисты из нашего правительства, а вслед за ними публицисты и журналисты, сторонники «Солидарности», старались, чтобы слово «капитализм» в массовом сознании начало ассоциироваться со светлым будущим.

Это вело к парадоксальным ситуациям. Лет восемь назад мне довелось принять участие в панели, организованной журналом «Тыгодник Повшехны» в Зале охраны труда на Гданьской судоверфи. Шел я туда через вторую проходную и присматривался к вымершим производственным цехам с выбитыми стеклами. Где-то тут все еще строили корабли, где-то тут работали почти две тысячи человек из некогда двенадцатитысячного коллектива, но судоверфь выглядела как агонизирующий гигант. Зато Зал охраны труда выглядел как шикарный музей памяти. Вместе с Лехом Валенсой, Тадеушом Мазовецким, Янеком Скужинским и главным редактором «Тыгодника» Петром Мухарским исполняющим обязанности модератора, я сидел за столом президиума. Лех, тонко чувствующий, какие слова в настоящий момент пользуются успехом, вспоминал о нашей борьбе за капитализм, но для приличия добавлял, что, мол, такого мы тогда не говорили — люди бы нас не поняли.

Кто-то из зала обратился ко мне и напомнил, что за эту борьбу я не один раз заплатил свободой.

Янек предоставил мне слово, и я, не задумываясь, выпалил:

– Видимо, Валенса знал больше меня. Я за капитализм не боролся. Я отсидел свои восемь с половиной лет, но за капитализм ни дня бы не согласился просидеть.

Похоже, я глух на модные слова. Ведь знал же, что после падения коммунизма нас неотвратимо ждет какой-то тип капитализма. Но чтобы такой?!

В результате реформ, проведенных в промышленности в революционном темпе и режиме, реформаторам девяностых неоднократно ставили в вину огромные материальные потери производственных активов... Примеров можно привести массу. Но, пожалуй, здесь важны не сами по себе примеры, принципиально важное значение имеет широко распространенное явление: жесткое, сокрушающее столкновение с конкуренцией, перед лицом которой встали крупные социалистические предприятия после падения диктатуры.

<...>Одновременно с ликвидацией предприятий были разорваны общественные связи, делающие коллективы рабочих сообществом солидарных людей. Вроцлав я знал лучше всего, но подобное случилось и в других городах, где я бывал. Уже не существует варшавский завод легковых автомобилей и судоверфь «Гдыня». Впрочем, ликвидация польской корабельной промышленности была результатом решений брюссельских чиновников, решений, принятых во имя неолиберальной догмы. Это, пожалуй, завершающий аккорд большого процесса деиндустриализации страны.

* * *

Польша не является исключением. Так же, а иногда даже хуже, выглядит баланс «скачка в рыночную экономику» в других странах рухнувшего коммунизма — в России, на Украине, а особенно в ГДР. Причем не везде там брали за образец идеи Лешека Бальцеровича. Восточные земли в Германии были попросту объединены с Федеральной Республикой, что автоматически повлекло за собой принятие единой валюты и ликвидацию в один момент всяческого государственного протекционизма в отношении конкуренции со стороны западных фирм — а ведь

это были немецкие фирмы, функционирующие в рамках одного государства, общего рынка и общих юридических правил. Никто не собирался добывать там социалистические предприятия ни «дивидендом», ни ННЗП — они рухнули сами. Общественный шок был амортизирован щедрой помощью социального государства, возможностью переехать на Запад (по принципу обычного переселения) и нахождения себе работы — в той же Германии, не на чужбине.

Повсюду, где пал коммунизм, наступил экономический и социальный шок. В связи с этим стоит задуматься, существовала ли альтернатива для политики, реализуемой польским правительством. Речь идет не о плане Лешка Бальцеровича как пакете конкретных инструментов и шагов. Тут многое можно было сделать иначе, но споры на эту тему уже ничего не изменят и кажутся мне бесполезными.

Речь идет о чем-то более важном, а именно: **можно ли было уберечь оставшийся от коммунистической системы промышленный потенциал от краха, вызванного внезапным столкновением с конкуренцией самых современных и самых эффективных фирм в мире?**

Можно ли было вместо «скачка в рыночную экономику» выбрать стратегию постепенных преобразований отечественного потенциала под защитой государства, сохраняя и модернизируя его так, чтобы со временем он мог конкурировать с западным? На подобные вопросы нет простых и однозначных ответов.

<...>Во всех коммунистических государствах (за исключением Югославии) господствовала командно-административная система управления хозяйством. Все мы проклинали ее, поскольку она становилась все более архаичной и никуда не годной, но, несмотря ни на что, она — плохо ли, хорошо ли — функционировала пока функционировала политическая диктатура... И когда диктатуре пришел конец, в экономике не осталось никаких механизмов координации. Угроза хаоса навязала экстренную, а не эволюционную, то есть распределенную во времени, трансформацию экономического устройства государства. От всеобщей регуля-

ции экономики на основе приказов диктатуры надо было сразу, а не долгим маршем перейти к рынку.

Путь постепенной, регулируемой государством трансформации избрали Китай и Вьетнам, однако там политическая диктатура не рухнула, она не была даже расшатана, значит, могла эффективно управлять процессами, ведущими к рыночной экономике. На этом пути им удалось избежать рецессии, особенно — значительного сокращения экономического потенциала, наращенного в годы коммунизма. В этих странах сегодня отмечается экономический рост, достойный восхищения.

Однако для нас этот путь был невозможен: следует не забывать, что «китайский путь» проходил через массовые расстрелы на площади Тяньаньмэнь. Вот так, в нескольких словах, можно было бы сформулировать историческое, а точнее, историческое оправдание плана Бальцеровича.

Представляю эту интерпретацию для проформы, не будучи в ней особо убежденным. Гораздо более обоснованным кажется мне предположение, что в те времена не существовало *политической альтернативы*.

Если с экономической точки зрения после упадка диктатуры можно было выбрать эволюционный путь трансформации, то у нас не оказалось ни *способствующего тому интеллектуального климата, ни политических и общественных сил, способных выбрать иной путь, разработать и провести его в жизнь*.

Ярузельский проложил дорогу Бальцеровичу

<...>В годы военного положения мы утешали себя лозунгом ««Солидарность» жива». Это была иллюзия, но она придавала силы. Первая «Солидарность» была задущена и не вернулась к жизни. Именно здесь содержится ответ на вопрос, который мне задавали Лионель Жоспен и Эмилио Габальо: как «Солидарность» могла позволить реализовать план Бальцеровича? *Она не сопротивлялась, ибо ее уже не существовало*.

Претензии отечественных либералов к Ярузельскому (дескать, он не использовал военного положения, чтобы провести в Польше радикаль-

ную экономическую реформу по образцу Пиночета) в некотором смысле неправомерно. Ведь использовал же!

Это Ярузельский проложил дорогу Бальцеровичу. Как бы мы ни оценивали итог польской трансформации (а оценки, естественно, будут разными и будут меняться), одно кажется очевидным: *план Бальцеровича был принят к реализации потому, что в решающей фазе не встретил на своем пути сильного, широкомасштабного и организованного общественного сопротивления.*

Совсем наоборот: миф «Солидарности» был использован лозцами польской трансформации в качестве щита. Когда появились общественные протесты, изменения социально-экономического строя уже прошли критическую точку.

Провести Великую Трансформацию позволило отсутствие скоординированного общественного сопротивления, хотя само по себе это отсутствие не вынуждало польское правительство (а вскорости и власти других стран, где коммунизм пришел к концу) выбрать такую стратегию.

Тут огромное влияние оказало преобладающее на Западе течение неолиберальной мысли и неоконсервативной политики... Это течение плыло к нам с Запада невероятно мощным потоком. И польские интеллектуалы, особенно те, кто считал Запад своей Меккой, принимали неолиберальное кредо, глубоко убежденные в его жизненной силе.

<...>В лице рабочих коллективов реформаторы видели своего противника, можно даже сказать, врага — такова была логика тогдашней ситуации. В правящей команде рабочие советы, профсоюзы и дирекцию называли не иначе, как «бермудским треугольником», поскольку в этом треугольнике мог сесть на мель и пропасть без вести корабль великих реформ. Рабочие советы (то есть то, что осталось от наших успехов 1981 года) действовали в интересах рабочих и старались сохранить свои предприятия. Реформаторы — совсем наоборот. Нечего удивляться, что рабочее самоуправление оказалось под прицелом вице-премьера и его команды. Реформа не принимала во внимание партнерскую активность рабочих, поскольку противоречила их элементарным интересам.

* * *

Мои возражения против неолиберальной реформы были консервативными в том смысле, что я настаивал на своей, а еще так недавно — нашей общей — традиционной иерархии ценностей. Лояльность по отношению к незнакомым людям с крупных государственных предприятий я ставил выше лояльности по отношению к своим коллегам и друзьям из демократической оппозиции, которые теперь стали управлять страной и считать эти предприятия вместе с рабочими коллективами «свалкой социализма». Только не объясняйте мне, пожалуйста, кто прав в этом споре — каждый был прав по своему. Но победа тех, против кого я выступал, была predetermined, поскольку альтернативная политическая сила так и не появилась.

«Травмой Великих Перемен» — как назвал видный социолог Петр Штомпка состояние духа большого числа поляков, пострадавших в результате преобразований в стране, — занялись популисты правого толка. Но не левые. А это существенная разница.

Цена

Трансформация модернизировала Польшу, но цена, которую заплатило за это общество, была довольно высокой, а что самое главное — ее последствия оказались весьма длительными.

До сего времени экономические преобразования отрицательно отражаются на уровне жизни многих поляков. Если принять во внимание различие в доходах и шкалу неравенства в обществе, Польша находится в первой десятке европейских стран. Это неравенство непреходяще, оно удерживается из поколения в поколение.

Большому разбросу в доходах соответствуют все более глубокие различия в возможностях доступа к медицине, образованию, в шансах на продвижение последующих поколений. В конечном счете эти различия носят характер почти устойчивого деления на привилегированных и дискриминированных.

О равенстве шансов остается только мечтать. Дети и внуки тех, кого корабль неолиберальной модернизации оставил за бортом, в большинстве сво-

ем уже не смогут вскарабкаться на палубу. А это оказывает на их восприятие свободной Польши куда большее влияние, чем морализирующие поучения. Дело тут даже не в глубоком неравенстве зарплат и доходов. Пожалуй, самую существенную травму Великой Перемены нанесли своей массовой и длящейся продолжительное время безработицей.

Число зарегистрированных безработных в Польше в течение последних двадцати лет колебалось между двумя и тремя миллионами. Преобладающая часть из них уже не имеет права на пособие, поскольку чаще всего это долгосрочная (застойная) безработица. Но это лишь верхушка айсберга.

В 2007 году экономист, профессор Института труда и социальных проблем Мечислав Кабай оценивал, что Польша находится на последнем или предпоследнем месте в Европе по проценту профессионально активных людей. По его расчетам, подтвержденным социологом Лешекком Гилейкой, «в период 1990–2005 годов ликвидировано около пяти миллионов рабочих мест, а численность населения в продуктивном возрасте за это время увеличилась более чем на два миллиона человек». Причем уровень занятости в последние годы в Народной Польше составлял 80%, а сегодня — 53%. Это результат деиндустриализации в процессе Великих Перемен.

Разумеется, люди, «лишние» с точки зрения неолиберальной рациональности, как-то живут. Крестьяне, занятые в городе, вернулись в деревню, где хотя бы есть что есть; пределом же их мечтаний является пусть даже самая низкая пенсия. Большинству «лишних» людей в трансформированной экономике легкой рукой раздали пособия по инвалидности или при досрочном выходе на пенсию, что сильно сказалось на бюджете страны, но, пожалуй, не гарантировало свободной Польше благодарности со стороны этих людей. Многие из них ищут разовую работу или занятие в теневой экономике, живя в вечном страхе за свое будущее. Безработица среди молодежи намного выше средней, что является главной причиной массовой экономической эмиграции.

Молодые поляки, эмигрирующие в Англию, обзаводятся там семьей, рожают и воспитывают детей. Большинство из них на родину уже не вернутся. В периоды экономического спада, особенно

при нынешнем глобальном кризисе, боязнь оказаться безработным — главное негативное чувство, формирующее социальные установки также и среди молодежи, которая в какой-то мере уже нашла себя в новой действительности.

Осенью 2007 года эти молодые люди с помощью СМС-ок завязали между собой контакт, чтобы всем вместе прийти к избирательным урнам и обеспечить победу «Гражданской платформе» Дональда Туска над «Правом и справедливостью» Ярослава Качиньского. Сегодня эта молодежь еще как-то справляется с трудностями, но у нее все больше причин беспокоиться о своем будущем.

Тех, кто справляются с обстоятельствами и могут считать, что трансформация изменила их жизнь к лучшему, все еще большинство, но число тех, кого Великая Перемена оставила за бортом, в целом составляет 25–30% общества.

Шляхта и люд

Между предприимчивыми и пострадавшими уже нет братской любви. Интеллигенция в основной своей массе осталась на солнечной стороне, то есть в зоне среднего класса, хотя до нее доходят отголоски гнева, разочарования и агрессии со стороны пострадавших собратьев.

<...>Польская интеллигенция в течение всего двадцатого века, а в некотором смысле еще и сегодня остается наследницей шляхетской культуры. Однако багаж традиций шляхты имеет различное, к тому же меняющееся обличье. Когда надо хвататься за саблю, восстать против оккупантов, революционно настроенная шляхта с надеждой поглядывала на братьев-мужиков, а поэт идею братания выражал словами «С польской шляхтой польский люд». Когда же времена становились более спокойными, прозе жизни скорее отвечала «Сатира на ленивых мужиков» анонимного автора (1483 год). Вспоминался и Якуб Шеля — предводитель польского крестьянского бунта против шляхты в Галиции в 1846 году. Этот бунт вошел в историю как «Галицийская резня». «Только мы со всем забыли, как моего деда распилили», — написал Станислав Выспанский по сему поводу.

1980–1981 годы были периодом повстанческих настроений, и тогда польскую интеллигенцию пере-

полняло чувство братства с «рабочим классом». Десять лет спустя интеллигенция разошлась с народом. Это был взаимный разлад, и с обеих сторон появилось негативное отношение друг к другу, что по сей день оказывает существенное влияние на психическое состояние свободной Польши и на ее политическую жизнь.

«Популизм»

<...>Я понимаю «популизм» как такую политику и политическую риторику, которая старается выразить и использовать враждебность простого человека по отношению к элитам. Предметом враждебности простого народа являются правящие и финансовые элиты, а также авторитеты с высшим образованием — интеллектуальные, моральные и профессиональные.

На политической сцене свободной Польши популизм впервые заявил о себе во время президентских выборов 1990 года. В некотором смысле это был голос Леха Валенсы и его избирательных комитетов, созданных структурами профобъединения «Солидарность». Когда профсоюзный зонг, защищающий «трудные реформы», сложили и отставили в угол, народ отнесся к этому с облегчением и с восторженным энтузиазмом подхватил лозунг «Бальцерович должен уйти». Тем сильнее было разочарование профсоюзников, когда после победы Валенса оставил в новом правительстве на постах вице-премьера, ответственного за экономику, и министра финансов Лешека Бальцеровича. Но настоящим правозвестником ширящегося «популизма» стал на тех выборах относительный успех приехавшего тогда в Польшу американца польского происхождения, Стана Тыминского. Человек из ниоткуда, апеллирующий к тем, кто был разочарован реформами, ищущий поддержку тех, кто уже не хотел ни «Солидарности», ни возврата «коммуны», Тыминский собрал 22% голосов и в первом туре исключил из участия в президентской гонке Тадеуша Мазовецкого. То, что «наш премьер» проиграл Валенсе, — это всего лишь поражение, но проиграть никому не известному демагогу из-за океана было для Мазовецкого настоящей катастрофой. Таким образом сограждане выставили ему высокий счет за план Бальцеровича.

Фрустрация и агрессия миллионов людей, пострадавших от преобразований, оборачивалась против политической элиты, которая инициировала и реализовала Великие Перемены. В решающей фазе преобразований в качестве политического щита реформаторы воспользовались мифом «Солидарности». Это была действенная защита, но за всё в жизни приходится платить. Миф был использован, но вот у людей, осознавших, что их обманули, осталась травма.

Ведь это они (а сегодня следовало бы сказать: «их отцы и старшие братья») некогда были оплотом великой «Солидарности». В годы военного положения большинство из них смирились с поражением, поэтому на выборах 1989 года голосовали не все, но ввиду успеха кандидатов «Солидарности» почти все почувствовали вкус победы: «А все же мы выиграли!»

Но вскоре они стали проигрывать — терять и зарплату, и работу, лишаться своих корней в коллективах ликвидируемых предприятий, утрачивать уверенность в завтрашнем дне и общественный престиж. Наверняка они задавались вопросом: «Как же так?! Ведь мы же выиграли, а я и мои товарищи — в проигрыше. Кто украл у нас победу? Они! Взобрались на вершину власти по нашим спинам, и, снюхавшись неизвестно с кем, теперь разворачивают наше достояние». В представлении этих людей кража победы (категория чисто политическая) ассоциировалась в народном сознании с кражей имущества, совершаемой реформаторами сообща с иностранным капиталом.

<...>Популизм может приобретать различные оттенки. Он может воспользоваться гостеприимством правых, а может — и левых.

Однако в Польше популярностью пользуется правый популизм. Наиболее массовый характер он приобрел не в партиях, а в особом рода общественном движении, мощно укоренившемся в многочисленных приходах. Например, в так называемых семействах «Радио Мария» (Radio Maryja)¹⁹.

<...>Главным идентификатором популизма является авторитаризм — приверженность к полицейскому государству. «Право и справедливость»

выиграло выборы, представляясь партией справедливых шерифов, и, взяв власть в свои руки, начала перестраивать государство в соответствии с философией полицейского. Процесс этот не оказался бы возможным, не поддержи его значительная часть общества.

<...>Непреходящая популярность этой формации немало говорит о состоянии польского общества. Устойчивое деление на сторонников и противников «ПиС» обнаруживает нечто более существенное, нежели обычные (и, как правило, меняющиеся) политические предпочтения. Оно обнаруживает культурное расслоение.

Две Польши

С одной стороны находятся более образованные люди, с лучшим положением в обществе и лучше оценивающие баланс польской трансформации и свои собственные перспективы. Это Польша просвещенная. Этих поляков легко убеждает критическое мнение о «Праве и справедливости», голос профессоров права имеет у них большой вес, а решения и хамские слова министра о них самих вызывают жалость и злость.

По другую же сторону водораздела находится масса людей, в ходе либеральной модернизации деградировавших и оставленных ею за бортом. Это народная Польша (не путать ее с государством Народная Польша). И здесь никого не убеждают аргументы защитников либеральной демократии<...>

Для жителей народной Польши жители Польши просвещенной — это воры, отступники и ренегаты, чуждые истинному польскому духу. Для жителей Польши просвещенной жители Польши народной — это «мохеровые береты»²⁰. Как же далеко отошли мы от братства времен первой «Солидарности»! Мне иногда даже кажется, что мы утрачиваем ощущение того, что мы — единый народ... Люди, пострадавшие в ходе Великих Перемен, не слишком верят в то, что «ПиС» после возвращения к власти улучшит их условия жизни. Они скорее рассчитывают на то, что очередное правительство Ярослава Качиньского рассчитается с теми подлецами, которым «повезло» при трансформации. Опыт 2005–2007 годов дает этим надеждам серьезные основания.

<...>Польша же просвещенная, испугавшись перспективы IV Речи Посполитой — то есть строящегося полицейского государства, мобилизовала все силы и, проголосовав в своей массе за «Платформу», отстранила «ПиС» от власти. Те же опасения гарантировали «Платформе» победу и на очередных выборах. Но у избирателей короткая память. В будущем на избирательские предпочтения могут повлиять и пессимизм, связанный с международным кризисом, и потеря веры в завтрашний день.

Наша демократия все еще развивается на минном поле. Роль взрывчатки играет здесь раскол общества. Призывы к терпению во имя всеобщего добра не находят понимания в народной Польше. Ее представители отвечают так: ваше добро — это наше несчастье. Когда число тех, кто так чувствует и думает, возрастет, демократическое государство может потерять стабильность... Свобода без равенства и братства — ненадежный дар. Демократия сильна поддержкой граждан. Она может погибнуть, если не будет согласия в обществе по основным ее ценностям. И тогда от свободы останется лишь свободный кругооборот глобального финансового капитала.

Чары и разочарование

<...>Лет тридцать назад я даже не думал, что доживу до свободной Польши, а потому ее гипотетические очертания виделись мне в розовом свете. Но вот она пришла, и я чувствую разочарование — она не идет в сравнение с тем, как я себе ее представлял. Возможно, что мои претензии не совсем обоснованы, однако стоило бы учесть их.

В качестве утешения можно напомнить, что у россиян дела обстоят еще хуже. В тысячелетней истории их государства демократия продолжалась всего восемь месяцев — с Февральской революции 1917 года до большевистской Октябрьской революции в ноябре того же года. Спустя семьдесят лет, когда разваливался Советский Союз, никто уже не помнил тех восьми месяцев. Россияне знали демократию не по собственному опыту, а по иностранным фильмам и книгам. Вдобавок они намного тяжелее пережили свою Великую Трансформацию, совпавшую в распадом многонационального госу-

дарства, разрывом экономических связей и потерей имперских позиций. У них даже не было возможности радоваться, что сбросили с себя московское ярмо, как, к примеру, украинцам, литовцам или нам. Когда мы учим их тому, чем является демократия, не следует забывать, что наши отцы знали и практиковали ее не в течение восьми месяцев, а в течение восьми лет — с 1918 года вплоть до майского переворота 1926 года.

Да и позднее тоже, ведь под авторитарными правительствами «санации»²¹ гражданские свободы все-таки существовали, с той лишь разницей, что они никак не влияли на функционирование исполнительной власти.

Впрочем, нашего демократического опыта тоже не так уж много. Старшее поколение нынешних поляков сохранило главным образом память о конформистских образцах поведения времен ПНР. Поэтому приверженцам власти силовиков, которых вполне хватает и в III Речи Посполитой, есть на что сослаться. На устах у них — лозунги правых, а в сердцах — самая обычная «коммуна».

<...>Пока нас преследовали, жажда мести приносила вред только нам самим, поскольку были теми узниками, у которых самое большое желание — остаться в тюрьме, только поменявшись местами с охранниками. Когда же мы одержали победу, когда «наши» оказались в парламенте и правительстве, стало еще хуже. Связи между борцами за общее Дело, героями подполья, которые поддерживали друг друга по принципу «Один за всех и все за одного», неожиданно превратились в свою карикатуру, именуемую «Речь Посполитая дружков». Теперь травмы, обиды и всяческого рода мания могли уже материализоваться в проектах правовых актов.

Самым жестким оказался законопроект о декоммунизации. Он лишал бывших активистов ПОРП (от секретаря низовой парторганизации или члена гминной исполнительной власти и выше) возможности работать в качестве юристов, юрисконсультов, адвокатов, правоведов, занимать руководящие посты в общественных школах, быть преподавателями в вузах. Проект закона лишал всех их пассивного избирательного права. Такая идея на-

поминала введение большевиками сразу же после революции категории «лишенцев».

Авторы сенатского законопроекта в семидесятые годы были деятелями демократической оппозиции. Много лет боролись они за практическую реализацию принципа равноправия всех граждан. Однако не заметили противоречия между этим принципом и собственным проектом. <...>Законопроект о декоммунизации в польском Сейме не прошел. Возможно, потому, что не оказалось оккупантов. Зато прошла люстрация. <...>Не сомневаюсь, что источником непреодолимого желания люстрировать была навязчивая идея добраться до документов гэбэ и заняться разоблачением информаторов в наших рядах. В подполье, а в некоторой степени и в демократической оппозиции 1970-х годов вражеский агент был угрозой для всех нас. Я знал таких, что массу времени посвящали разгадке: кто среди нас может быть «засланным казачком»?

<...>Коммунистическая диктатура — позволю себе это вновь повторить — опиралась не только на террор. А то, что она сеяла страх, не было единственной и даже самой важной причиной покорности граждан. Основой основ диктатуры в первую очередь был конформизм. Он был настолько распространен, что считался нормой. Даже участники демократической оппозиции поначалу тоже были конформистами. Обычный гражданин ПНР, несмотря на то что он идейно не идентифицировал себя с коммунизмом, в таком поведении не видел ничего зазорного. Но его послушание, даже если и было притворным, служило оплотом мощи и долговечности режима. После падения коммунизма, когда стали обязывать новые критерии политкорректности, наш домашний конформист послушно признал их и открыл: то, что он считал в ПНР нормальным, в действительности было большим позором... Повсеместная подозрительность (не только на фоне люстрации) и разрешение на тотальный контроль — это благодатная почва, на которой может возникнуть полицейское государство. Его ростки присутствуют в нашей сегодняшней жизни и являются поводом не только для стыда, но и для беспокойства за судьбу недавно завоеванной свободы.

* * *

<...>Эмоциональное отношение поляков к соседним народам несет на себе бремя воспоминаний о пережитой несправедливости, о ранах (разумеется, полученных нами, а не нами нанесенных), а также о желании рассчитаться. Случается, что политики занимаются этим для профита в их сиюминутной избирательной кампании. Такой профит впоследствии оборачивается проигрышем и вредом. Отношения с соседними государствами зависят от психологической материи взаимоотношений между народами. Для каждого польского правительства — будь в нем премьером Качиньский или Туск — подогреваемая враждебность к русским, немцам или украинцам явится серьезной помехой, что не позволит построить взаимные экономические и политические отношения в лучшем понимании национального интереса. И нам придется заплатить за это сполна.

* * *

Национализм возвращается в Польшу и Европу в давно не виданной версии, которая живо напоминает фашистскую идеологию и ее общественные движения. Конечно, точного повторения того, что было в Веймарской республике, пока нет, но отрицать подобие и делать вид, что ничего не происходит, нельзя. К фашизму тех лет привела Великая депрессия. Сегодняшним аналогам фашизма благоприятствует глобальный кризис, всеобщая неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие жизненных перспектив и фрустрация молодежи. И здесь также будут к месту пророческие слова, которыми Бертольд Брехт заканчивает свою пьесу: «Ещё плодородно чрево, которое вынашивало гада».

Состояние умов в польском обществе заботит наших серьезных публицистов. Складывается впечатление, будто значительная часть общества подверглась каким-то параноидальным иллюзиям. Набирает силу вера в смоленские бредни о покушении, о двух взрывах и трех уцелевших пассажирах «туполева». Рациональная аргументация тут не поможет, да и неудивительно: здесь мы имеем дело отнюдь не с рациональным мышлением, а с чем-то типа коллективного психоза. Его источник можно отыскать во фрустрации и страхах людей, чувствующих себя

обманутыми, потерпевшими поражение, поэтому судорожно ищущих виновных в том, что с ними произошло.

Польшу преследует синдром обманутого доверия — а это последствие мифа «Солидарности», использованного и израсходованного в качестве прикрытия Великих Перемен. Это также одна из составляющих счета, который мы платим за экономические преобразования. Не стоит делать вид, будто мы с этим не имеем ничего общего. Я понимаю, что горечь, с которой я подвожу итоги своего опыта, может вызывать возражение у моих друзей. В свое время их уязвило то, что я писал о первых результатах польской трансформации в маленькой книжице «В какую сторону от коммунизма?», опубликованной в 1993 году...

Наши друзья, участвующие в строительстве демократического порядка в III Речи Посполитой, видимо, считают, что поскольку у нее есть враги, ее следует защищать, а не бросать в нее камень. Я тоже считаю, что ее надо защищать, но автоцензура этому не послужит. Общественные язвы, деформирующие и разрушающие завоеванную свободу, являются для нее смертельной угрозой. Их не следует маскировать, но их не следует и замалчивать. Их следует вскрывать, дабы избежать худшего. Нас разделяет отношение к свободной Польше, нас разделяет различие во мнениях по многим вопросам, о которых следует говорить...

Примечания

¹ Главы из книги ©Кароль Модзелевский. «Клячу истории загоним» (Признания заезженного ездока), выходящей в издательстве Художественная литература». Публикуется с согласия автора, переводчика и издательства «Художественная литература».

© Karol Modzelewski Zajezdzimy kodyle Historii. Wyznania poodijanego jezza. ©ISKRY, Warszawa 2013&

² Курсивом в тексте выделены слова, которые в оригинале написаны по-русски (здесь и далее прим. перев.).

³ На референдуме предлагалось три вопроса, на которые агитационные плакаты рекомендовали ответить трижды «да»: об упразднении высшей палаты парламента (сената), о национализации экономики и нерушимости восточных и западных границ, которые были изменены перед началом и по окончании Второй мировой войны.

⁴ Związek Młodzieży Polskiej (ZMP) — эквивалент комсомола.

⁵ Władisław Gomułka (1905–1982) — партийный и государственный деятель, генеральный секретарь Польской рабочей партии (1943–1948), затем первый секретарь Польской объединенной рабочей партии в 1956–1970 годах.

⁶ Как тут не вспомнить Сталина, который называл поляков глупыми.

⁷ Речь о погроме в деревне Едбавне (Jedwabne) (вблизи Белостока) в 1941 году. Считалось, что погром совершили немецкие каратели, но в конце прошлого века выяснилось, что массовое убийство евреев было совершено руками местных жителей.

⁸ Западная граница Польши после окончания Второй мировой войны была отодвинута на Запад, на территорию Германии. Это было своего рода компенсацией за то, что польские восточные земли отошли к СССР. Решение о перемещении границ было принято державами-победительницами.

⁹ Бывшее довоенное название — Бреслау.

¹⁰ Ныне Ивано-Франківськ.

¹¹ Немецкая общественная организация, куда входят лица, депортированные после Второй мировой войны, или их потомки.

¹² Prymas — церковный иерарх в Польше, аналог православного предстоятеля.

¹³ Jerzy Gedroyc (1906–2000) — польский публицист, политик, мемуарист, основатель и редактор парижского журнала «Kultura» и издательства «Instytut Literacki».

¹⁴ Komitet Obrony Robotników (KOR) — Комитет защиты рабочих (КОР) — оппозиционная организация, действующая с 1976 до 1977 года. Позднее был преобразован в Комитет общественной самообороны (Komitet Samoobrony Społecznej "KOR"). Нес помощь лицам, потерпевшим в результате репрессий.

¹⁵ Отто Рудольфович Лацис (1934–2005) доктор экономических наук, один из самых глубоких и влиятельных советских и российских журналистов 80–90-х годов. «Известинец», сосланный за изъятую при обыске рукопись книги про Сталина на четыре года в Прагу (1971–1975) в редакцию журнала «Проблемы мира и социализма». С начала «перестройки» Лацис — первый заместитель главного редактора журнала «Коммунист», куратор экономической политики журнала. Это он

пригласил на работу в «Коммунист» Егора Гайдара.) (И меня — я тогда работал в отделе экономики, возглавляемом Егором Гайдаром. В. Ярошенко.)

Позднее О.Р. Лацис вернулся в родную газету «Известия», откуда в новые уже времена были выдвинуты «хозяйствующими субъектами» все ее лучшие авторы. Был членом ЦК КПСС (1990–1991), о чем написал книгу «Тщательно спланированное самоубийство» (Московская школа политических исследований. М., 2001).

При Б.Н. Ельцине был членом Президентского совета (1993–1996), откуда вышел в знак протеста против чеченской войны, что не помешало стать лауреатом лауреат премии Президента РФ (1997). О.Р. Лацис умер 3 ноября 2005 г. на 72-м году жизни, находясь в коме после сентябрьской аварии. За два года до этого он был зверски избит в подъезде собственного дома с тяжелым сотрясением мозга.

Кароль Модзелевский попал в правильное место — именно Лацис и Гайдар были тогда лидерами поисков нового экономического курса. (Примечание главного редактора журнала «Вестник Европы» В.А. Ярошенко.)

¹⁶ Содружество (англ.)

¹⁷ В подваршавской местности Магдаленка осенью 1988 года началась подготовка к «Круглому столу». Переговоры обеих сторон велись втайне, без участия масс-медиа, что впоследствии стало причиной подозрений «Солидарности» в том, что она сторговалась с партийно-правительственной стороной.

¹⁸ Andrzej Lepper (1959–2011) — крестьянский лидер, политик. Получил известность благодаря организованным им скандальным акциям гражданского неповиновения и радикальным высказываниям в адрес своих оппонентов.

¹⁹ Польское «Радио Мария», несмотря на одинаковое название, никак не связано с международной христианской просветительной радиостанцией «Радио Мария».

²⁰ Распространенный головной убор у сторонников «Радио Мария» — мохеровый берет. «Ватники» — вот лучшая аналогия «мохеровым беретам».

²¹ Санация — обиходное название политического движения, возникшего в связи с провозглашением Юзефом Пилсудским лозунга «морального оздоровления» общественной жизни в Польше, выдвинутого им в ходе подготовки и во время майского переворота 1926 года. Речь шла о борьбе с коррупцией и инфляцией.

Перевела с польского Ольга Лободзинская

© Текст: К. Модзелевский

© Перевод: О. Лободзинская

© Фото: В. Ярошенко

КАК ЭТО БЫЛО

Стабилизация и реформы в Польше в чрезвычайных и нормальных политических условиях

Лешек БАЛЬЦЕРОВИЧ¹

Я описываю здесь мою роль на посту министра финансов, отвечающего за налогово-бюджетную политику, и заместителя премьер-министра, отвечающего за общую координацию экономических реформ, когда Польша была первой постсоциалистической страной, которая запустила и претворила радикальную программу стабилизации и реформирования. Этот период также называется «чрезвычайные политические условия»².

В основе этой главы лежат не только мои личные воспоминания, но также и многочисленные документы, записи, заметки, а также статьи из информационных источников, которые я просматривал, когда писал книгу о моей государственной деятельности за последние 25 лет. Я воспользовался также комментариями Станислава Гомулки, Стефана Ковалеца, Ежи Козьминского и Рышарда Петру.

Я также опишу и другой период стабилизации и ускоренных реформ в Польше с октября 1997 г. вплоть до мая 2000 года, когда я опять стал заместителем премьер-министра и министром финансов, а также лидером «Союза свободы». Эти реформы были осуществлены совершенно при других политических условиях — в «нормальной» политической ситуации.

Этот второй период реформ не так хорошо известен, как первый, но в некотором роде он более интересен. По сравнению с первым периодом реформ он отличается исключительными контрастами. Рассматривая оба периода, я обсуждаю три взаимосвязанные темы: содержание политики, управленческие аспекты её начала и выполнения, а также политическую экономику стабилизации и реформ. Я пытаюсь быть по возможности честным при определении ошибок в политике, за которую я отвечал. Ошибками я называю здесь имевшиеся негативные отклонения от определённой эмпирически возможной модели. Они могут произойти при составлении или при проведении реформы, и могут быть ошибками как при проведении мероприятий, так и ошибками по упущению, то есть они могут возникнуть в результате действия или бездействия.

До лета 1989 года я не планировал делать карьеру в политике. Но политические изменения, происходившие тогда в Польше, убедили меня в обратном, и в тот год я пошёл в политику, или, вернее, на государственную службу и остался там до начала 2007 года с непродолжительными «каникулами» в 1992–1995 годах.

Моё интеллектуальное путешествие

До поздней осени 1989 года я был уверен, что Советский Союз будет существовать на протяжении всей моей жизни и что польская институциональная система, таким образом, сохранит свои основные характеристики, такие как однопартийность и доминирование государственного сектора в экономике. Такого же мнения придерживалось и большинство польского народа.

Несмотря на это, будучи молодым экономистом, в 1970-х годах я верил, что есть хорошая возможность улучшить экономику посредством реформ, которые по необходимости будут уважать эти фундаментальные основы. Если предположить, что политическая система останется в основном неизменной, то единственный логический путь к реформам состоял в том, чтобы убедить в этом партийные власти. Как член Польской объединённой рабочей партии (ПОРП) я чувствовал себя морально обязанным поступить именно так.

В 1978 году Йозеф Солдачук, руководитель Института международной экономики при Центральной школе планирования и статистики (ЦШПС; с 1990 – Варшавская школа экономики, ВШЭ), где я работал, попросил меня помочь ему организовать отдел экономической политики при Центральном институте партии. Я совсем не обрадовался этому имени института — Институт марксизма-ленинизма. Однако та работа, которую мы делали, не имела никакого отношения к марксистской идеологии. Мы предупреждали, что Польшу ожидает серьёзный экономический кризис, являющийся следствием неэффективности, свойственной её социалистической экономике, и высокого совокупного внешнего долга, и мы призывали к радикальным изменениям в экономической политике.

Бесполезное хобби

Вто время я собрал в ЦШПС неформальную группу молодых экономистов из разных организаций для работы над программой более эффективной экономической системы, которая уважала бы геополитические ограничения, чтобы

иметь таким образом минимальный шанс претворить её в жизнь. Группа собиралась один раз в неделю. Я попытался сделать так, чтобы мы серьёзно, а не поверхностно обсуждали все важные сегменты институциональной системы: сектор предприятий, финансовую систему, режим внешней торговли, местные администрации и так далее.

Моделью, которая родилась в результате наших дискуссий, была *рыночная экономика, основанная на предприятиях, управляемых советом коллектива или выборным директором*. Она пошла дальше югославской системы, поскольку призывала к отмене права партии назначать директоров или вмешиваться в управление предприятиями (механизм номенклатуры). С этой точки зрения, она нарушала предположение геополитического реализма.

Предлагавшиеся реформы были официально представлены в сентябре 1980 года, сразу после появления движения «Солидарность». Новая ситуация вызвала к жизни огромную потребность в «общественных» (то есть неофициальных) предложениях для реформ, а мы были единственные, кто систематически работал над ними более двух лет. В результате информационное пространство начало говорить о «команде Бальцеровича», а «Солидарность» в значительной степени приняла наши экономические предложения.

Волнения, вызванные «Солидарностью», закончились с введением военного положения 13 декабря 1981 года. Накануне я поехал в Брюссель на международную конференцию. На следующее утро я увидел по телевидению танки на улицах Варшавы. Без малейшего колебания я решил вернуться в Польшу. Сразу после возвращения я с огромным облегчением отдал свой партбилет.

Встречи нашей группы продолжались в 1980-е годы. К этому времени мы уже больше не заботились о политическом реализме и обсуждали фундаментальные темы, такие как либерализация, приватизация, рынки капитала и режим внешней торговли. Мы уделяли меньше времени системе налогообложения и социальному обеспечению в государстве. Наши обсуждения были интересным хобби, но мы не видели никакого света в конце

туннеля. Однако, к счастью, значительная часть нашей подготовительной работы пригодилась во второй половине 1989 года.

Главный урок, усвоенный во время этого периода, заключался в том, что надо быть готовым понять возможности того, чем человек занимался в качестве бесполезного хобби.

Помимо наших семинаров в группе, я самостоятельно изучал проблематику, что также повлияло на мои взгляды на саму экономическую систему и на то, как реформировать социалистическую экономику.

Я окончил факультет внешней торговли ЦШПС, который, возможно, был самым открытым экономическим факультетом в советских странах. В учебниках и на лекциях по международной экономике нас предупреждали об опасности импортозамещения и преподавали преимущества открытой экономики. Я очень хорошо усвоил это убеждение.

Улучшатели социализма

Моя докторская диссертация, которую я защитил в 1975 году, основывалась на широком изучении западной литературы о техническом прогрессе. Я также читал работы, печатавшиеся в социалистических странах. Из этой литературы я понял, что технический прогресс фундаментально важен для экономического роста, что он требует свободного предпринимательства и конкуренции, и что социалистическая экономика по своей природе не может соответствовать этим институциональным условиям. Я продолжал изучать эти идеи в конце 1970-х и 1980-х годах. Тем временем, росло моё убеждение, что советская экономическая система и даже реформированные системы по венгерскому типу были антиинновационными (Бальцеревич, 1955, 59-83)³.

В начале 1980-х годов я изучал дискуссии по эффективности социализма («споры о преимуществе плановой экономики перед рыночной»). Я был поражён наивностью «социалистической стороны», представленной Оскаром Ланге и др., и разумностью «антисоциалистического» лагеря, пред-

ставленной Людвигом фон Мизесом и Фридрихом Хайеком (Бальцеревич, 1995, 35-50). Я полностью разделял ироническое предсказание Мизеса, что эффективные реформы социализма влекут за собой возврат к капитализму.

Изучение азиатского экономического чуда и социалистических экономик привело меня к «вере по Хайеку» (ещё до того, как я прочитал Хайека) в преимущество общего правила капитализма и соответствующего равноправного отношения как к фирмам, так и к индивидуальному предпринимателю. Эта точка зрения позднее стала одним из моих основополагающих принципов в экономической политике.

Я также провел много времени, изучая реформы при социализме, которые все провалились. Эти реформы обычно были недолговечными и приводили к незначительным улучшениям эффективности, если вообще приводили. Я пришёл к выводу, что у социалистической системы была своя логика построения. Она опиралась на цели, нормирование и административные цены, требовавшие монопольных организационных структур, которые поддерживались только в том случае, если права на собственность в большей своей массе находились в руках государства. Для того чтобы разрушить эту логику, необходимо, чтобы пакет реформ набрал огромную критическую массу: он должен был убрать остатки централизованного планирования, разрушить внутренние монополии, ввести свободу предпринимательства и либерализовать цены и внешнюю торговлю (Бальцеревич, 1995, 52-58).

Я штудировал реформы Людвига Эрхарда 1948 года в Западной Германии, где я был осенью 1988 года. Политика Эрхарда состояла в массовой либерализации экономики и радикальной стабилизации посредством валютного реформирования. Я отметил, что реформы после социализма должны быть более всеобъемлющими. Кроме либерализации и стабилизации они должны были бы включать глубокие институциональные изменения (например, приватизация государственных фирм или организация биржи). Причина этого лежала в следующем: при военной экономике в Германии

капитализм был приостановлен, в то время как выход из социализма приводил к разрушению его институций.

Мои исследования в 1980-х годах включали также и проблемы стабилизации в странах с большим дефицитом бюджета и высокой инфляцией, особенно в Латинской Америке. Не удивительно, что я пришёл к выводу: подобные ситуации требуют быстрых и радикальных действий как на фискальном, так и на кредитно-денежном фронте. Я считаю, что макроэкономическая стабилизация в социалистических экономиках должна была бы включать жёсткий контроль за зарплатами, чтобы разрушить спираль роста заработной платы и цен. Это и стало частью польского плана стабилизации в 1990-1991 гг.

Дефицит

В конце 1970-х и в 1980-х г.г. я провёл много времени, думая о причинах массового дефицита в экономике. В отличие от Януша Корнаи (1980), я пришёл к выводу, что дефицит вызван негибкостью контролируемой экономики, а не мягкими бюджетными ограничениями. Таким образом, широкомасштабная либерализация является необходимым и достаточным условием для того, чтобы ликвидировать дефицит (и сделать экономику более эффективной). Я считал, что мягкие ограничения бюджета Корнаи явились причиной открытой инфляции и что они также внесли свой вклад в неэффективность экономики. Но я считал, что этот фактор имел более глубокие корни, особенно мелочный политический контроль за экономикой посредством доминирующей государственной собственности. Таким образом, избавление от мягких бюджетных ограничений требовало ликвидации и этого обременения.

Все меняется

В весной 1989 года я написал программную работу по политике реформирования польской экономики. Эта политика включала быструю и масштабную либерализацию, конвертируемость

злого, жёсткую и быструю макроэкономическую стабилизацию и все это — как можно быстрее⁴.

Работая над этим теузом, я, конечно, не представлял, что через несколько месяцев я лично буду отвечать за реализацию программы стабилизации и трансформации Польши.

Круглый стол

В феврале и марте 1989 года прошёл Круглый стол между Солидарностью и властями. Эта встреча завершилась историческим соглашением, подписанным 5 апреля, а несколько дней спустя оно было одобрено Парламентом. Соглашение предусматривало легализацию «Солидарности» и других объединений, а также почти свободные выборы. Экономические результаты этого оказались довольно смешанными. Частный сектор должен был получить такие же права, как и государственный, но речь не шла о приватизации государственных предприятий (ГП — state-owned enterprises — SOEs) или о каких-либо других более глубоких институциональных реформах. «Солидарности» удалось добиться щедрой индексации зарплат на 80 процентов от повышения цен за предыдущий квартал, и эта уступка была представлена как основная победа. Самые крупные группы — шахтёры, железнодорожные рабочие, фермеры — проводили отдельно свои переговоры и достигли разных уступок. Эти уступки показали, что между «Солидарностью», с одной стороны, «профсоюзной» природой экономических экспертов «Солидарности», и допущением, что ПОРП должна будет следить за выполнением экономических обещаний, — с другой, отсутствует какая бы то ни была координация⁵.

Соглашение, достигнутое за Круглым столом, явилось историческим и политическим прорывом, но его влияние на экономику было сомнительным. Инфляция росла, уступки по зарплатам добавили масла в огонь. Позднее они были упразднены. Привилегии, дарованные сильным и хорошо организованным группам, усилили их недовольство и создали давление во время претворения в жизнь радикальной программы. Позднее политические

группы и лидеры, не представленные на переговорах за Круглым столом, оказались наиболее популярными критиками экономической программы, запущенной в начале 1990 года.

Выборы 4 июня 1989 года окончились удивительно широкомасштабной победой «Солидарности» во главе с Лехом Валенсой. Летом партия попыталась сформировать правительство, но ей это не удалось. Затем, через два месяца колебаний и сомнений, «Солидарность» решила взять на себя ответственность за формирование правительства. Один из её наиболее влиятельных советников, Тадеуш Мазовецкий (Tadeusz Mazowiecki) был назначен премьер-министром 24 августа. Он сформировал коалицию из Солидарности и двух партий, бывших сателлитами ПОРП, а его кабинет включал двух министров (обороны и внутренних дел) из ПОРП. Таким образом, первое посткоммунистическое правительство Польши после Второй мировой войны было коалиционным, несмотря на то, что доминирующую роль играла «Солидарность».

Реформы в чрезвычайных политических условиях

В конце августа 1989 года премьер-министр Т. Мазовецкий попросил меня стать как бы его «Людвигом Эрхардом». Изучив реформы Эрхарда, я знал что работа в Польше предстояла гораздо более сложная и всеобъемлющая. Поэтому, сначала я отказался, но потом всё-таки согласился.

На моё окончательное решение повлияло несколько причин. Во-первых, я чувствовал, что почти случайно уже сделал значительную часть подготовительной работы, необходимой для этой должности. Во-вторых, я знал, что могу положиться на членов той команды, с которыми работал в течение нескольких лет; не будь их, я бы не принял предложение Мазовецкого. В-третьих, я ясно дал понять, что меня интересуют только жёсткая стабилизация и радикальная трансформация экономики. Премьер-министр принял такое положение. И, в-четвёртых, я просил позицию председателя в Комитете по экономике (the Economic Committee)

Совета министров, чтобы координировать экономическую политику всех министерств. Премьер-министр согласился на моё председательство, а также и на то, чтобы я мог влиять на выбор министров экономического блока правительства. И действительно, большинство из них выбирал я, и поэтому между нами не было проблем.

Риски

Я прекрасно понимал, что я очень рисковал, зная, что экономическое положение Польши было драматическим. Я чувствовал, что у меня есть интеллектуальная хватка для необходимой стратегии, но также понимал, что не знаю многих важных деталей. Более того, я никогда не руководил ничем иным, что было бы больше семинара, и не был проверен на стрессоустойчивость и на способность принятия решений при нехватке времени и наличии давления и риска. На основе изученного материала я знал, что «медовый месяц» радикальных реформаторов короток и что успех реформ зависит от настойчивости самих реформаторов в продолжении своего курса при наличии всё растущих общественной критики и протестов. Я не собирался становиться профессиональным политиком, но, конечно, был заинтересован этой работой, которую считал исторически значимой для Польши. Совершенно очевидно, что я был *«техно-полом»*, то есть технократом в политически ответственной роли (Уильямсон (Williamson), 1994).

Мне было несложно определить цели экономической программы. Краткосрочная цель состояла в том, чтобы удалить катастрофические дисбалансы и вытекающую из этого гиперинфляцию. Долгосрочная цель — догнать Запад. Первая цель достигалась в основном быстрым и радикальным ужесточением фискальной и кредитно-денежной политики, а вторая — всеобъемлющей трансформацией, которую мы подразделили на массовую либерализацию, включая конвертируемость валюты, и более глубокие институциональные изменения (приватизация ГП, создание биржи, реструктуризация государственного управления и т.д.). Либерализация была необходима также

и по причине необходимости борьбы с массовым дефицитом.

При разработке и анализе политики использовалась простая аналитическая схема, которая состояла из четырёх переменных величин:

- исходное положение вещей, которое необходимо было проанализировать;
- внешние условия, которые необходимо было предугадать;
- желаемый конечный результат (система целей);
- политика, которая в случае её проведения и поддержания приведёт к успеху.

Исходная ситуация

Что касается исходной ситуации в 1989 году, то польская экономика проявляла системную недостаточность, общую для всех социалистических экономик: низкая и падающая эффективность и соответствующая отсталая структура экономики. Польша также была первой страной в советском блоке, пострадавшей от отрицательного экономического баланса и огромной инфляции — почти гиперинфляции. При сравнении поражала разница между Польшей, Чехословакией и Венгрией. Кроме того, Польша, так же как Болгария и Венгрия, в отличие от Чехословакии и Румынии, столкнулась с огромным государственным долгом. С практической точки зрения, эти отличия означали, что команде экономистов придётся уделить больше внимания хозяйственным проблемам, а не институциональным реформам.

Но ситуация в Польше оказалась ещё более тяжёлой, чем я ожидал. На третий день моего пребывания на работе я узнал, что предыдущее правительство потратило значительную часть накоплений в твёрдой валюте, которые люди вложили в государственные банки (совершенно очевидно, что это открытие мне пришлось держать в тайне; удивительный подъём нашего экспорта в 1990 году помог выплатить этот долг). Я также узнал о другой части внутреннего долга, состоявшего из платежей людей за машины и квартиры, которых они не получили.

Внешние условия оказалось сложно предугадать. В 1991 году разразилась война в Персидском заливе, что явилось значительным шоком и привело к соответствующему росту цен на нефть.

Мне нетрудно было определить желаемую конечную цель. Для макроэкономики это была низкая инфляция и разумно сбалансированный бюджет. За исключением времени начала 1970-х годов, когда я находился под влиянием кейнсианства, я никогда не верил в действенность фискального стимулирования экономики; находясь под сильным влиянием идеи долгосрочного роста, я таким образом поддерживал реформы, ориентированные на рост предложения товара на рынке. Всё, что касалось преобразований после социализма, относилось к части предложения товаров. (Поэтому традиционная западная макроэкономика, фокусирующаяся на спросе, была плохо подготовлена для использования при реформах после социализма.)

В 1989 году мне было несложно определить, какой должна быть целевая институциональная экономическая система: нашей целью должна была стать такая система, которая смогла бы обеспечить быстрое, постоянное выравнивание с Западом. Эта система служила в качестве ориентира для реформ. На основе своих предыдущих исследований я был достаточно уверен в основных характеристиках такой системы: частная собственность с интенсивной конкуренцией, ориентированная на внешний рынок; основанная на общих правилах, макроэкономически стабильная. Из этого описания легко вывести основные направления необходимых реформ, особенно касающихся массовой приватизации и либерализации экономики.

Пробелы

Но к 1991 году я понял, что в познаниях о целевой системе у меня имеются пробелы. Я недостаточно знал о «государстве всеобщего благосостояния», особенно это касалось пенсионного обеспечения. Этот пробел, возможно, помогает объяснить, почему более глубокие реформы социальных расходов не были включены в пакет

реформ, запущенных в декабре 1989 года, а также почему (что было ещё хуже) команда экономистов не предотвратила претворение в жизнь фискально деструктивных предложений Министерства труда. Я также недостаточно знал о системе налогообложения. Второй пробел объясняет, почему в 1990 году команда приняла предложение Международного валютного фонда (МВФ) о введении обыкновенного прогрессивного налога на доход частных лиц с тремя ставками. Такая политика оказалась не совсем оптимальной.

Концептуальный аппарат и различные стратегии реформ

Настоящие интеллектуальные и практические вызовы возникли по поводу некоторых аспектов при выборе оптимальной переходной политики, т.е. политики, которая смогла бы вывести экономику из отчаянного исходного состояния и довести её до желаемой целевой системы. Я отделяю здесь общую стратегию (содержание и временные рамки всего пакета политики) от некоторых аспектов переходной политики.

Я всегда рассматривал популярное противопоставление «шоковой терапии против градуализма» как псевдонаучную чепуху, которая мешала ясному мышлению и служила антиреформистской пропаганде. Само выражение «шоковая терапия» пугает обычных людей, и в реальности было часто использовано именно с этой целью. С другой стороны, «градуализм (постепенность)» — безнадёжно расплывчатое слово. Дихотомия «шоковая терапия/градуализм» не улавливает наиболее важных проблем, с которыми приходится сталкиваться при выборе экономической стратегии после коллапса социализма. По этой причине с самого начала я использовал другой концептуальный аппарат⁶.

Сначала я провёл разграничение между двумя типами политики: макростабилизация и институциональная трансформация, которую я подразделил на либерализацию (то есть увеличивая объём экономической свободы) и более глубокое институциональное изменение, такое как приватизация ГП, организация независимого центрального бан-

ка, и трансформация системы государственного управления.

Однако эти политики различаются максимальными возможными скоростями: макростабилизация и либерализация могут принести более быстрые результаты, чем большая часть более глубоких институциональных изменений. Стратегии реформ различаются с точки зрения того, когда они были начаты, их объёмом и скоростью, с которой они осуществляются. Основываясь на этих различиях, я определил *радикальную стратегию* в качестве пакета макростабилизации, либерализации и институциональной политики трансформации, которые запускаются в одно и то же время, они имеют широкий спектр и осуществляются как можно быстрее.

Менее радикальные подходы могут включать последовательные временные рамки различных политик, как, например, сначала — макростабилизация, затем — институциональная трансформация или наоборот, или же узкий спектр политики, как, например, частичная либерализация цен или более медленное осуществление, как, например, постепенная приватизация.

Рискованная стратегия лучше безнадежной

Основываясь на опыте изучения реформ и понимая, насколько драматична экономическая ситуация в Польше, я был убеждён, что только радикальная стратегия, даже рискованная, могла бы иметь успех, потому что Польша в 1989 году оказалась в «неисследованных морских просторах». Для нас было очевидно, что рискованная стратегия была предпочтительнее, чем безнадежная.

Именно это разумное предположение, а не эмоциональный радикализм, дало мне психологическую силу настойчиво продвигать радикальные реформы.

Экономические доводы для радикального подхода включали опыт, полученный при проведении предыдущих реформ, строгую цельность эффективной либерализации и тесные связи между либерализацией и макростабилизацией, а также

решающее доказательство, что гиперинфляция требует быстрой и радикальной стабилизационной политики (см.: Бальцерович, 1995). Эти аргументы явились для меня достаточными, чтобы настаивать на радикальной стратегии.

Неэкономические аргументы

Неэкономические аргументы также свидетельствовали в пользу такого подхода. Мы понимали, что политический прорыв в Польше открыл дорогу краткому периоду того, что я назвал «чрезвычайной политической ситуацией», когда протолкнуть сложные реформы проще, чем в обычное время (Бальцерович, 1995, 202-31). Претворяя в жизнь радикальную экономическую стратегию, мы наилучшим образом использовали этот подарок истории.

Второе: люди часто скрепя сердце меняют своё поведение, если они видят радикальное изменение среды, с которой они сталкиваются, и считают, что эти изменения необратимы. Я никогда не считал, что можно запустить крупномасштабное изменение ментальности людей, но был уверен, что радикальные реформы так сильно меняют стимулы, которым люди подвержены, что могут вызвать радикальные изменения в массовом поведении.

Ещё несколько специфических моментов явились причиной для споров или неуверенности. Я считал приватизацию экономики (т.е. увеличение доли частного сектора) в качестве абсолютно необходимой фундаментальной реформой как с экономической, так и с практической точки зрения. И быстрая «трансформационная» приватизация, т.е. приватизация полученных в наследство госпредприятий, была основополагающей составляющей. Я с самого начала был уверен, что для того, чтобы ускорить этот процесс, нам необходимо было выйти за рамки традиционных методов приватизации, применённых в западных странах в совсем иных условиях.

И действительно, начиная с 1989 года команда экономистов, вовлечённая в интенсивные дебаты об относительной важности традиционных путей приватизации по сравнению с нетрадиционными,

искала, какие именно методы должны были быть использованы. Дискутировали и о том, должна ли быть предпослана приватизации широкомасштабная «корпоративизация» госпредприятий, т.е. замена совета рабочих на назначаемые государством наблюдательные советы. Я был против такой возможности, опасаясь, что это увеличит контроль государства над экономикой и, возможно, усилит барьеры на пути к приватизации.

Я считал, что радикальный подход к реформам, который мы выбрали, — начать макростабилизацию, либерализацию и политику институционального преобразования примерно в одно и то же время, — означал и то, что нам надо добиться стабилизации по большей части в социалистической экономике, поскольку приватизация неизбежно займёт больше времени, чем макростабилизация и либерализация. Мы никогда серьёзно не рассматривали последовательность действий (сначала приватизация, а затем — стабилизация). Мы считали это безнадёжным вариантом, потому что проистекающий из этого хаос гиперинфляции обречёт на неудачу всю программу. И я до сих пор считаю верным, что по причине ранней гиперинфляции нам пришлось быстро приступить к жёсткой программе стабилизации. Прекрасно понимая, что ГП при отсутствии частных владельцев, ориентированных на получение прибыли, не смогут устоять перед требованиями повышения заработной платы, мы ввели жёсткие меры по урегулированию зарплат на основе налогооблагаемой базы. Однако я всё ещё не был уверен насчёт реакции экономики с государственным регулированием на радикальную экономическую программу (особенно это касалось реагирования по поставке товара на рынок). Мы не исключали массового банкротства ГП, но этот сценарий в 1990 году не осуществился.

Я считал, что введение единого обменного курса и его конвертируемости в рамках операций по текущим счетам является решающим элементом в экономической политике. Обменный курс, введённый в начале 1990 года, послужил бы в качестве номинального якоря в политике стабилизации и, таким образом, был бы удержан определённое время на этом уровне. Уровень обменного курса и

период, в течение которого он бы поддерживался неизменным, являлись исключительно сложными вопросами. Министерство внешней торговли настаивало, чтобы мы установили курс на уровне 12 тысяч злотых за доллар, утверждая, что даже на этом уровне польский экспорт в западные страны пострадает. Однако совместно с Национальным банком Польши мы установили курс на уровне 9 500 злотых за доллар. Экспорт твёрдой валюты в 1990 году намного превысил наши предположения, и первоначальный уровень обменного курса продержался до мая 1991 года — намного дольше наших ожиданий.

Примерно в середине 1990 года мы осознали, что осуществлённая программа оказалась более ограничительной, чем планировалось. Команда экономистов дискутировала о соответствующей ответной политике. Большинство моих советников, включая Станислава Гомулку, которому я очень доверял (и продолжаю доверять), предложили, что было бы уместным ввести некоторое ослабление в фискальную и монетарную политику. Так что мы отпустили и первую, и вторую. Когда же, после быстрого спада в первой половине 1990 года, осенью инфляция начала расти, монетарная политика была вновь ужесточена, несмотря на приближающиеся президентские выборы.

Описание результатов экономической программы, осуществлённой в Польше в 1990–1991 годы, выходит за рамки этой статьи. Однако в сравнительной оценке, которую я написал в 1993 году, я указал, что польская «трансформационная рецессия» («рецессия в ходе реформ») была наиболее мягкой среди посткоммунистических экономик и что результаты её стабилизации были относительно хорошими (Бальцеревич, 1995, 224–31). Радикальная стабилизация и либерализация способствовали восстановлению и переходу к частнособственнической экономике. Я считаю, что всё это вместе с другими решениями устояло перед судом времени⁷.

В соответствии с моими ожиданиями радикальная программа быстро уменьшила массовый дефицит и сократила инфляцию. Однако корректи-

рующее повышение цен в январе 1990 года было намного выше прогнозируемого, а статистический спад ВВП за 1990 год был более резким. Эти данные разожгли огонь критики на ранней стадии программы. Чуть позже я понял, что официальные данные преувеличивали спад ВВП, потому что они по большей части не включили быстрорастущий частный сектор.

На политическом фронте мы пользовались возможностями «чрезвычайной политической ситуации». Парламент утвердил пакет фундаментальных реформ в конце декабря 1989 года подавляющим большинством, включая депутатов от реформированной посткоммунистической партии. Внепарламентские протесты в 1990 году были спорадическими, организованными большей частью фермерскими лобби. Тем не менее во время президентской гонки во второй половине 1990 года премьер-министр Тадеуш Мазовецкий, к удивлению всех, оказался на третьем месте после Стана Тымински, который представился успешным бизнесменом из Канады и сыграл на мрачной критике экономической программы, и Леха Валенсы, который выиграл выборы, став президентом. Мазовецкий подал в отставку, а Ян Кшиштоф Белецкий был назначен премьер-министром. Мои отношения с ним в 1991 году были гармоничными (в то время он относился к либеральному крылу).

1991 год

1991 год оказался более трудным, чем 1990-й, по причине взаимодействия экономических и политических факторов. На экономическом фронте выгоды, которые могли быстро проявиться, проявились в 1990 году. Однако реагирование экономики в части предложения товаров и услуг на рынке шло медленнее, несмотря на то что частный сектор продолжал быстро расти. Рост ВВП был гораздо медленнее, чем предполагали те, кто составлял проект бюджета, потому что внешние потрясения (повышение цен на нефть и коллапс торговли с посткоммунистическими странами) оказались более мощными, чем ожидалось. В дополнение ко всему были допущены серьёзные

ошибки в пенсионном законодательстве 1990 года, что привело к повышению расходов на пенсионное обеспечение. Все эти факторы вместе взятые заставили пересмотреть бюджет: 80% дефицита в доходах было компенсировано урезанием расходов и 20% — за счёт бюджетного дефицита. Всё это явилось для меня неприятным шоком.

Ко всему прочему, во второй половине 1991 года бушевала ещё одна избирательная кампания — перед парламентскими выборами. Из более чем шестидесяти партий, участвовавших в ней, бóльшая часть была критически настроена по отношению к экономической программе, осуждая то, что они называли излишним «монетаризмом» и «планом Бальцеровича», и играя на экономических проблемах. В новом Парламенте теперь заседало 28 партий, а для формирования правительства было необходимо всего шесть–восемь партий.

Я оставил правительственный кабинет 18 декабря 1991 года очень усталым и не имел намерения возвращаться туда. Я всё равно был убежден, что принятие любой другой стратегии, кроме радикальной, будет ужасной ошибкой, но не был уверен, что экономика сможет оптимально отреагировать и поставлять на рынок товары и услуги. Однако позже появились хорошие новости: ВВП опять начал расти.

Оглядываясь назад

Оглядываясь на период с сентября 1989 по декабрь 1991 года, я думаю, что выбор радикальной стратегии был правильным. Я основываю это утверждение на всей той эмпирической литературе о постсоциалистических экономиках, которую я прочитал. Я не могу найти ни одного-единственного примера нерадикальной стратегии (откладывая реформу или стабилизацию, замедляя политику макростабилизации и либерализации и т.д.), которая при подобных исходных внутренних и внешних условиях дала бы более высокий результат. В частности, я всегда рассматривал заявление, что «учреждения были проигнорированы», как претенциозное, которое было направлено против радикальной

стратегии, подобное соседству шоковой терапии и градуализма.

Особенно важными и успешными были либерализация и ранняя и массовая организационная демонополизация польской экономики, значительное ужесточение бюджетных ограничений ГП, унификация обменного курса, введение конвертируемости польского злотого и учреждение независимого Центрального банка. Помимо этого пакета реформ, я бы выделил соглашение с нашими кредиторами, заключенное весной 1991 года, по уменьшению огромного внешнего долга Польши на 50% — на условиях чистой приведённой стоимости два раза: в 1991-м и 1994 году.

В некоторых важных моментах осуществлённая политика отклонилась от первоначальных намерений команды экономистов. Некоторые из этих отступлений были вызваны определёнными предпосылками, поскольку они отличались от того, что мы ожидали. Все основные ошибки были ошибками упущений: команда экономистов, включая и Министерство финансов, приняла плохие предложения от некоторых других министерств, особенно от Министерства труда, которое отвечало за социальную политику.

Но самая большая ошибка касалась пенсий. Эта ошибка, допущенная в начале 1990 года, имела взрывоопасные последствия в 1991-м и в последующие годы. В то время в Польше был бум выхода на пенсию, усиленный быстрым повышением соотношения средней пенсии к средней зарплате: с 43 процентов в 1989-м до 63 процентов в 1992 году (Бальцерович, 1995, 223). Таким образом, пенсионеры в Польше были хорошо защищены. Однако общепринятая точка зрения была такова, что шоковая терапия особенно тяжело ударила по пенсионерам, и это мнение вдобавок было усилено популистскими политиками.

Другие ошибки включали утверждение предложения о специальной пенсионной системе для фермеров (эта система всё ещё ждёт своего часа для реформирования) и провал контроля за сверхщедрой системой льгот по безработице, предложенной Министерством труда, которая расширила льготы выпускникам средних школ и уни-

верситетов, таким образом увеличивая количество безработных.

Эти ошибки упущений, возможно, отражали сочетание следующих факторов: относительную неосведомлённость команды экономистов в вопросах социальной политики; унаследованную экономическую ситуацию, на которую команда экономистов потратила много внимания; и наличие команды с благими намерениями, но технически некомпетентной, в Министерстве труда.

По прошествии нескольких лет я понял, что мы могли бы ввести простой единый налог в начале 1990-х, вместо того чтобы соглашаться с традиционным прогрессивным индивидуальным подоходным налогом, предложенным МВФ, который мы и ввели в 1992 году. Эта ошибка явилась следствием неосведомлённости команды (я не помню, чтобы кто-нибудь в Польше предложил бы единый налог в 1989–1991 годах). Я настойчиво продвигал предложение о едином налоге в качестве комплексной реформы налогообложения в период 1998–2000, но единый налог встретился с сильным сопротивлением и так и не был введён.

Темпы приватизации ГП были гораздо медленнее, чем бы хотелось, по причине политической ситуации в Польше. Комплексный законопроект о приватизации был принят в феврале 1990 года, но Парламент проголосовал за него только в июле 1990 года из-за конкурирующих мнений о методах приватизации.

...Мы были более успешными с другими процессами приватизации. Приватизация мелких предприятий была быстрой⁹. Новый частный сектор быстро рос, подпитываясь приватизацией активов: ГП, оказавшись в более жёсткой ситуации ввиду жёсткой политики макростабилизации и либерализации, продавали или сдавали по лизингу свои машины, оборудование или здания частным фирмам (первый анализ — см. Ростовский (Rostowski), 1993). В 1990 году я принял некоторые дополнительные меры для поддержки роста нового частного сектора: освободил новые частные фирмы от налогов, поддержал схемы микроссуд и убедил польско-американский Фонд предпринимательства сосредоточить своё внима-

ние на схемах субсидирования малых и средних предприятий⁹.

В общем и целом я всегда считал, что производительность польской экономики была бы выше, если бы приватизация ГП пошла бы быстрее, что потребовало бы раннего введения некоторых схем массовой приватизации. Я критически относился к точке зрения Корнаи о том, что рост нового частного сектора для приватизации социалистической экономики был достаточен (Бальцеревич, 1995). Несмотря на свидетельства, что госпредприятия в Польше значительно перестроились в ответ на жёсткую политику макростабилизации и либерализации (Пинто, Белка и Краевский (Pinto, Belka, Krajewski), 1993), я остался убеждён, что со временем государственный сектор будет иметь тенденцию к возвращению к старому, отравляя как экономику, так и политику.

Команда

Хотелось бы особо подчеркнуть, как важно создать сплочённую команду экономистов, имеющую чёткое и решительное руководство к действию. Наша команда включала некоторых членов первоначальной «Группы Бальцеревича» конца 1970-х и 1980-х годов, новых министров, отвечающих за экономическое развитие и некоторых избранных людей из Министерства финансов, которых я знал по учёбе в ЦШПС. Были также две группы советников: одна — в моём ведомстве заместителя премьер-министра, а другая состояла из выбранных мною ученых. Первая группу занималась текущими делами, а вторая — стратегическими экономическими советами. В дополнение к этому была ещё создана специальная группа под умелым руководством моего бывшего студента Ежи Козьминского, которая занималась политическим окружением, общественным мнением и средствами массовой информации. Сотрудничество с Национальным банком Польши было плодотворным, между нами никогда не было крупных разногласий.

Без таких вот межличностных договорённостей и определённых координационных механиз-

мов (Бальцеревич, 1995, 340-70) мы бы никогда не смогли действовать так быстро, как мы это делали, или способствовать осуществлению радикальной экономической программы.

Команда экономистов смогла радикально изменить направление экономической политики, работая с государственным управлением, практически не изменившимся. Её опыт показал, что руководство с командных высот иногда может изменить поведение всей армии.

В качестве министра финансов я отвечал за огромный аппарат, занимавшийся налогами. Быстро уволив всех глав региональных бюро, я заменил их новыми людьми, выбранными на открытых конкурсах. Это действие, наверное, помогло разорвать связи между налоговым аппаратом и государственными предприятиями и таким образом ужесточить бюджетное ограничение, с которым они столкнулись. Возможно, это также помогло нам избежать широко распространённой коррупции в налоговом ведомстве.

Критики

В то время, когда готовилась и осуществлялась радикальная экономическая программа, в период чрезвычайной политики, которая закончилась весной 1991 года, со стороны политиков или средств массовой информации было еще относительно мало критики. Однако экономический истеблишмент либо не поддерживал, либо критиковал её. Однако по прошествии времени критика и протесты со стороны политиков и заинтересованных групп стали усиливаться, особенно это стало заметно в 1991 году.

Радикальная экономическая программа была введена в тот период, когда в Польше проходили три тура выборов: выборы местных органов власти весной 1990 года, президентские выборы осенью 1990 года и парламентские выборы в годом позже. Наиболее шумные протесты были со стороны радикальных политических групп, которые не были приглашены на переговоры за Круглым столом весной 1989 года, и со стороны лучше всех организованных лобби (шахтёры, железнодорожни-

ки и фермеры). Парадоксально, но большинство протестов доносилось именно со стороны частных фермеров, которым в последние годы социализма принадлежало около 70 процентов земли. Они не сталкивались ни с какими трудностями при продаже своей продукции при экономике дефицита, но были потрясены, когда в начале 1990-х эти проблемы появились. Более того, в 1989 году они получили неожиданно высокие доходы, поскольку последнее коммунистическое правительство резко подняло цены на их продукцию, намного меньше повышая затраты на их производство. Фермеры потеряли свои доходы в период радикальной экономической программы, принятой в начале 1990, которая была раскритикована как суровая и разрушительная¹⁰.

Тем временем, я сосредоточился на экономической политике и тратил мало времени на её объяснение общественности. Я считал, что это было самое лучшее использование короткого периода «чрезвычайной политической ситуации».

Деятельность после оставления службы

Период чрезвычайной политической ситуации закончился весной 1991 года, когда власть перешла к нормальной демократической политике, что означало более значимую роль политических партий. Однако нормальная политика в Польше в период 1992–1997 годов была достаточно своеобразной (по крайней мере, в соответствии с западными стандартами). Польшей последовательно правили три коалиции. Последнюю коалицию, правившую между концом 1993-го и октябрём 1997 года и включавшую посткоммунистические партии, возглавляли три разных премьер-министра.

Я оставил службу и не имел намерения идти в политику. Конечно, я понимал, что реформы в Польше не были закончены и что их будущее зависит от плеяды политических партий. Но, как я уже отметил, я считал, что я — «техно-пол» (пол — сокр. от слова «политик»), который был призван к действию в период чрезвычайной политической ситуации.

В период 1992–1994 годов я был занят совсем другими делами: я следил за развитием дел в Польше и продолжал быть активным в польском информационном пространстве. Кроме всего прочего, раз в две недели я писал эссе для одного из наиболее популярных польских еженедельников, что продолжал делать вплоть до 2005 года. Я также подготовил книгу о польских преобразованиях («800 дней контролируемого шока»), которая была продана в объёме 50 тысяч экземпляров, и которую активно комментировали. Также провёл много времени за границей (включая пребывание в качестве приглашённого учёного в МВФ, Европейском банке реконструкции и развития, а также во Всемирном банке) и проводил исследования по развитию в бывших социалистических экономиках. Я посетил некоторые из них, встречался с крупными политиками. И, наконец, занялся изучением «государств всеобщего благосостояния» (включая пенсионную систему, приватизацию, налогообложение, образование, экономический рост, правоприменение и юстицию, а также и другие темы).

Мне нравилось то, чем я занимался. Однако, что касается дел дома, то я всё больше и больше убеждался, что так необходимые Польше реформы либо блокируются, либо замедляются. В 1994 году некоторые члены Союза свободы, реформистской партии, возглавляемой Тадеушем Мазовецким, убеждали меня принять участие в конкурсе на должность её председателя.

Я считал, что эта партия лучше всего отражает мою точку зрения и что ей необходимо подкрепление. Но всё же психологически мне было ещё очень сложно заняться регулярной политикой. После долгих колебаний, за две недели до начала конгресса партии я решил вступить в Союз свободы. В начале апреля 1995 года значительным большинством голосов я был избран председателем партии, и это послужило началом нового этапа в моей профессиональной деятельности в качестве руководителя самой большой оппозиционной партии Польши. Моей целью было сделать из Союза свободы дисциплинированную, современную партию, что позволило бы дать новый толчок реформам в Польше.

Работа была нелёгкой, потому что в партию входили три бывших премьер-министра и большинство бывших диссидентов. В конце 1995 года мы потерпели поражение на президентских выборах. В начале 1997 года популярность партии упала почти на 5 процентов, но на парламентских выборах в сентябре 1997 года мы получили почти 14 процентов голосов, заявив в нашей кампании о «втором плане Бальцеровича». Я был избран в парламент Силезии (район тяжёлой промышленности), баллотируясь от списка кандидатов за свободный рынок против Мариана Кржаклевского, лидера профсоюза Солидарность.

Находясь в оппозиции, Союз свободы систематически критиковал посткоммунистическое правительство за замедление реформ, включая приватизацию. Однако, работая с посткоммунистическими партиями (и против Солидарности), мы провели новую Конституцию, принятую на референдуме в мае 1996 года.

Приняв предложение Союза свободы, она запрещала государственный долг, превышающий 60 процентов от ВВП, и разумно предлагала хорошую защиту экономических и гражданских свобод. Конституция же, предложенная Солидарностью, была значительно слабее в этих и других отношениях.

Несмотря на то, что мы сотрудничали с посткоммунистическими партиями, предлагая новую Конституцию, у меня не было никакого намерения сформировать с ними правящую коалицию; что подорвало бы политические шансы Союза Свободы. У меня было много возражений против их политики. Мариан Кржаклевский смог выстроить огромный политический конгломерат (Solidarity Electoral Action, или AWS — Избирательная Акция «Солидарность» или AWS — Коалиция правых сил), в котором господствующее положение занимал профсоюз «Солидарность», и еще примерно 40 маленьких партий, многие из которых вовсю критиковали «план Бальцеровича». AWS выиграла выборы в сентябре 1997 года, но ей был необходим Союз свободы, чтобы контролировать парламентское большинство. Когда пришло время, я был готов войти в эту непростую коалицию, поддерживаемую большинством моей партии.

Стабилизация и реформы в период нормальной (но своеобразной) политической ситуации

После трудных переговоров в октябре 1997 года я опять был назначен министром финансов и заместителем премьер-министра, ответственным за общую координацию экономической политики в качестве председателя экономического подкомитета Совета министров.

Я имел чёткое представление об экономической ситуации и о целях, связанных с ней. Основной целью было увеличить долгосрочный экономический рост путём ускорения реформ, особенно приватизации, а также настойчиво продвигать дерегулирование и реформирование пенсионной системы, образования, системы правосудия, местного самоуправления и убыточных секторов экономики, особенно угольной промышленности.

Тем временем быстро рос дефицит по текущим счетам, и я хотел избежать макроэкономического кризиса. Таким образом, я настаивал на сокращении дефицита бюджета посредством уменьшения расходов, что также было важно для укрепления долгосрочного роста.

На фронте труда Польша входила в период роста предложения рабочей силы благодаря увеличившемуся притоку выпускников средней школы. Такая возможность усилила позиции для ускорения долгосрочного экономического роста. Я также хотел добиться либерализации Кодекса законов о труде.

Коалиционное соглашение включало большинство из этих реформ, но очень часто в обобщённой формулировке. В частности, правительство согласилось, что для укрепления экономического роста приватизацию необходимо ускорить. Оно также согласилось финансировать переход к накопительной пенсионной системе, которая должна была быть введена в рамках комплексной пенсионной реформы. Это была моя идея: я хотел сделать так, чтобы приватизация выглядела более привлекательной с политической точки зрения. Коалиционное соглашение подчёркивало необходимость более простых и более низких налогов, но

не указывало детали реформы налогообложения. Посреди конфликтной ситуации, во второй половине 1998 года я добавил их.

Руководить совместно с AWS было нелегко. После относительно спокойного первого года стали проявляться напряжения и конфликты, большей частью по той причине, что сама AWS представляла собой неоднородную коалицию. В конце концов, группы внутри AWS начали голосовать против правительственных предложений или же настойчиво продвигать парламентские законопроекты, противоречившие согласованной программе.

Посткоммунистические партии поддерживали и те и другие меры. Я назвал этот феномен двойной оппозицией: одна — официальная, а другая — от AWS¹¹.

Это была совершенно другая политическая ситуация по сравнению с той, с которой я уже столкнулся в период чрезвычайной политической ситуации. Несмотря на это, я намеревался продолжать дисциплинированную фискальную политику и реформы¹². Для того чтобы сделать это, я использовал различные механизмы.

Я собрал другую великолепную команду экономистов. У меня также была отличная группа молодых помощников из бывших студентов. Мы сделали акцент на разъяснение наших предложений обществу. Я создал очень хорошую команду по связям с общественностью из более молодых людей, и активно общался со средствами массовой информации. Мы постоянно отслеживали протесты и пытались занимать наступательную позицию. Например, ещё до протестов медработников мы напечатали и широко рекламировали «Чёрную книгу по утилизации отходов в здравоохранении» (A Black Book of Waste in the Health Service). Мы также предугадывали наиболее резкие формы демонстраций. Таким образом, я не был шокирован, когда бизнесмены, пользовавшиеся абсурдно щедрыми налоговыми льготами при найме на работу инвалидов, организовали демонстрацию в инвалидных колясках перед Министерством финансов. После жёсткой борьбы в Парламенте мы уменьшили эти налоговые льготы.

Мы подготовили стратегические документы, которые должны были служить в качестве координирующего и дисциплинирующего средства в коалиционной политике, и убедили правительство принять их. Самым важным был документ о долгосрочной стратегии экономического роста и государственных финансах, принятый в 1998 году. Другой документ — это закон о государственных финансах, который сделал их более прозрачными и ввёл два уровня «потолка» для государственного долга: 50 и 55 процентов от ВВП (если этот «потолок» превышен, то автоматически необходимо было принимать фискальные меры). Я также ввёл практику издания «чёрного списка» предприятий с самыми большими неуплаченными налогами и с решениями налогового ведомства об отсрочке или уменьшении уплаты налогов.

Мы привязали менее популярную реформу (приватизация) к более популярной реформе (создание накопительной пенсионной системы). Я пытался мобилизовать различные группы или организации в поддержку определённых реформ, организовал Комиссию по дерегуляции, где являлся председателем, состоявшую из государственных служащих, негосударственных экспертов и журналистов. Когда я обнаружил, что местные общины, на чьих территориях расположены угольные шахты, очень ими недовольны по причине неуплаченных налогов, то я создал коалицию с местными властями от этих общин для оказания давления по реструктуризации угольных шахт. Я утвердил заём от Международного банка для финансирования этого процесса, надеясь, что эксперты банка помогут мне контролировать этот процесс и оказывать давление для приватизации угольных шахт¹³.

...Ввиду непростой коалиции, а также внешних экономических ударов 1998 года (Восточно-Азиатский кризис, Русский кризис) макроэкономические и системные результаты политики ноября 1997-го и мая 2000-го ретроспективно выглядят не так уж плохо.

Налоговый дефицит был значительно уменьшен, а отношение госдолга к ВВП начало падать... Приватизация была радикально ускорена. Она включала большую часть банковского сектора,

большую часть металлургического сектора, телекоммуникации и многие из оставшихся производственных ГП (за исключением угольной промышленности или железных дорог).

Мы провели фундаментальную пенсионную реформу, которая радикально ускорила систему «за-работал — плати» (уплата налогов при получении зарплаты), а также обязательную накопительную систему. Переход к этой системе начался с финансирования из доходов, полученных от приватизации. Связь между приватизацией и пенсионной реформой работала в течение 1998–2000 годов.

Невзирая на протесты профсоюза шахтёров, угольные шахты были значительно реструктурированы. Количество шахт было радикально сокращено, хотя меньше, чем я планировал.

Аналогичным образом, несмотря на протесты профсоюза железнодорожных рабочих, инфраструктура железных дорог была отделена от других операций.

Что касается дерегулирования, то мы с большим успехом ликвидировали различные министерские инструкции, чем ненужное или вредное законодательство. Всесторонняя либерализация Кодекса законов о труде, подготовленная Комиссией по дерегуляции, не была пропущена политической системой. Как я и опасался, провал либерализации Кодекса законов о труде внёс свой вклад в увеличение безработицы среди молодёжи. Политика в Польше упустила возможность воспользоваться демографическими дивидендами¹⁴.

Учитывая политические ограничения, я сомневаюсь, что мы смогли бы достичь лучших макроэкономических и системных результатов. Возможно, нам следовало бы убрать различные профессиональные пенсионные привилегии и повысить пенсионный возраст¹⁵.

Я направил всё свое внимание на подготовку Союза свободы к парламентским выборам 2001 года. Нашей перспективой после выборов было находиться в оппозиции. Я был далеко не в восторге быть лидером оппозиционной партии, но я чувствовал своим моральным обязательством остаться с Союзом свободы и продолжать делать свою работу как можно лучше. Однако именно внутри

партии вызрела оппозиция к моему руководству. Она состояла по большей части из людей, которые считали, что Союз свободы должен поменять свой имидж с чересчур «экономического» на более традиционный «заботящийся о социальной помощи». Другая группа хотела продолжить предыдущий курс. Я бы выиграл выборы на партийном конгрессе, проводимом в декабре 2000 года, но пришёл к выводу, что складывавшаяся в партии ситуация освобождала меня от морального долга продолжать быть её председателем. И тогда я заявил, что не буду участвовать в выборах 2001 года.

После того как я принял это решение, освободилось место главы Центрального банка. Президент Квасьневский предложил мою кандидатуру на эту должность, на которую я был избран парламентом в конце декабря 2000-го. В январе 2001-го я начал работать в Центральном банке, где и прослужил до января 2007 года.

В течение срока моей службы Национальный банк Польши столкнулся с двумя сменявшимися друг за другом недружелюбными правительствами — посткоммунистическим, а затем правительством, возглавляемым Ярославом Качинским. Оба правительства предприняли агрессивные атаки против монетарной политики Центрального банка и его независимости. При поддержке Европейского Центрального банка и бóльшей части польских средств информации мне удалось отразить эти атаки, что усилило независимость Национального банка Польши.

Заключительные замечания

Опыт Польши показывает, что стабилизация и реформы возможно проводить как при чрезвычайных, так и при нормальных политических ситуациях, при условии следования определённым критериям. Во время чрезвычайных политических ситуаций, скорость их проведения чрезвычайно важна. Необходимо действовать быстро, но необходимо, чтобы план был готов до того, как представится возможность его реализовать. Скорость и предварительная работа также важны и в период нормальных политических условий.

В обоих периодах аналитические проблемы решались легко. Более сложными проблемами являлись управленческие и стратегические.

Чтобы быть успешным, реформатору нужно иметь интеллектуальную хватку в части экономической стратегии. Реформатор также должен обладать личностными характеристиками и умением для того, чтобы иметь дело с управленческими и политическими аспектами запуска и осуществления радикальных реформ.

Только немногие люди счастливо сочетают интеллектуальные, управленческие и политические качества, необходимые для того, чтобы стать успешными реформаторами. Но удаётся ли таким людям занять лидирующее положение? Во многом это дело случая. Иногда они появляются, но сталкиваются с такими преградами, которых никто не может преодолеть. Таким образом, удача или неудача радикальных реформ является результатом комплексного взаимодействия между личностью и переменными величинами конкретной ситуации. Как при чрезвычайных, так и при нормальных политических условиях успех зависит от наличия сплочённой, хорошо организованной, решительной команды с чётким и ясным руководством.

В Польше, как и в других посткоммунистических странах, реформы проходили быстрее и были более успешными на предприятиях, чем в других областях, благодаря приватизации. Оставшиеся в Польше ГП потерпели убытки или стали почти монополистами.

Реформа государственных учреждений и систем оказалась гораздо медленнее и менее эффективной, особенно в здравоохранении, высшем образовании, правоприменении и системе правосудия. Таким образом, именно в государственном секторе экономики ещё остается больше всего проблем. Пенсионная система была затронута наибольшим количеством реформ, но самые большие изменения произошли при правительстве Туска в 2011 и 2013 годах с апогеем, когда де-факто была разрушена обязательная накопительная система.

Политическая критика стабилизации и реформ в Польше шла почти всегда со стороны людей из

государственных организаций, что препятствовало денежно-кредитной консолидации, приватизации и дерегулированию, особенно рынка труда.

<...>Монетарная политика в целом играла важную дисциплинарную и стабилизирующую роль. Это было возможным благодаря независимости Центрального банка, который защитили и усилили, отбросив политические атаки.

С 1989 по 2013 год ВВП Польши увеличился более чем вдвое, что явилось, по-моему, наивысшим достижением политики переходного периода. Этот невероятный рост стал результатом накопления реформ сектором предприятий, а также и результатом макроэкономической политики (особенно кредитно-денежной), что предотвратило появление ситуаций бума, чередующегося с крахом.

Примечания

¹ С любезного разрешения Л. Бальцеровича публикуем его статью, подготовленную на основе публикации из книги: *The Great Rebirth. Lessons from the victory of Kapitalism over Communism*. Editors Andreas Aslund & Simeon Djancov. Peterson institute for international Economics. Washington 2014.

В публикации использованы также лекция проф. Бальцеровича в московской ВШЭ 19 марта 2014 г. и материалы бесед гл. редактора «Вестника Европы» Виктора Ярошенко с Л. Бальцеровичем в Москве и Варшаве.

² Лешек Бальцерович, профессор экономики Европейского Колледжа (the College of Europe); Заместитель премьер-министра и министр финансов Польши (1989–91, 1997–2000); управляющий Национального банка Польши (2001–07).

³ Моя книга 1995 года включает работы, которые я написал в 1970-х и 1980-х годах (до того, как я вошёл в правительство)

Также в 1980-х годах я очень заинтересовался «экономическим чудом» (“growth miracles”), особенно в Южной Корее и на Тайване, и я читал соответствующую литературу. Популярная точка зрения была такова, что за кулисами феноменального роста этих и других стран были государственные инвестиции. Однако я пришёл к выводу, что настоящей причиной было необычное аккумулирование фундаментальных основ для роста, таких, как превалирование частного владения, высокий уровень сбережений и инвестиций, низкое фискальное бремя и ориентирование на экспорт. Эмпирически я всегда скептически относился к государственным интервенциям по части инвестиций.

⁴ Штефан Кавалец, член нашей первоначальной команды Бальцеровича и мой ближайший экономический советник, написал подобную работу в 1988 году, пока я был в Германии (Кавалец 1989).

⁵ Я не участвовал в обсуждениях за Круглым столом и критически относился к обсуждаемым там экономическим предложениям.

⁶ О критике шоковой терапии и градуализма и об альтернативных концептуальных рамках см.: Бальцерович (1992, 4-6; 1995).

⁷ Сравнительный анализ посткоммунистического переходного периода — см.: Аслунд (2013) и Хартвелл (2013).

⁸ Соавтором концепции ваучерной приватизации, введённой в 1988 году, Левандовский был (Левандовский и Шомбург, 1989 / Lewandowski and Szomburg 1989).

⁹ В результате этих мер, доля занятости в частном секторе, за исключением сельского хозяйства и кооперативов, с 13 процентов в 1989 году выросла до 34 процентов в 1992-м.

¹⁰ Общественное мнение в 1991 году было полярным (*Gazeta Wyborcza*, 30 октября 1991 г.). Больше поляков было за свободные цены, чем против них, за приватизацию, чем против неё, и за иностранный капитал, чем против него. Что касается опроса о соответствующей для меня должности, то 23 процента респондентов заявили, что мне не следует занимать должность в правительстве, и 4 процента думали, что в правительстве не должно быть никого, кто бы продолжал мою политику. Напротив, 6 процентов хотели видеть меня премьер-министром, 21 процент хотели, чтобы я оставался на моей текущей работе, и 26 процентов хотели, чтобы я остался в правительстве, но на менее значимой должности.

¹¹ Для принятия некоторых мер, которые казались относительно бесспорными, я попытался заручиться поддержкой оппозиции, но она обычно отказывалась и поддерживала фискально разрушительные законопроекты, даже когда стало достаточно вероятным, что оппозиция всё-таки выиграет выборы в 2001 году и возьмёт ответственность за правительство. Эта модель деструктивной оппозиции в Польше стала нормой.

¹² В этом стремлении я был поддержан Ханной Гронкевич-Вальц (Hanna Gronkiewicz-Walcz) — председателем национального банка Польши, и недавно созданным кредитно-денежным советом.

¹³ Я был разочарован пассивностью, выказанной экспертами Международного банка. Ещё худшее поведение было выказано в 2011 и 2013 годах, когда польское правительство Дональда Туска начало демонтировать накопительную пенсионную систему, введённую по совету Банка.

¹⁴ Основной причиной (и достаточной), почему реформа была заблокирована, было то, что федерации профсоюзов имели очень большое влияние в двух крупных конкурирующих политических блоках — в посткоммунистическом и в Солидарности.

¹⁵ Оппозиция утверждала, что единый налог выгоден только богатым за счёт бедных, в то время как предложенный налог, благодаря увеличенной квоте необлагаемых налогами людей, будет выгоден людям с низким доходом. Обе реформы были внесены на рассмотрение правительством премьер-министра Дональда Туска.

Список использованной литературы

Åslund, Anders. *How Capitalism Was Built*. 2d edition. New York: Cambridge University Press. 2013.

Balcerowicz, Leszek. *800 dni skontrolowanego szoku [800 Days of Controlled Shock]*. Warsaw: Polska Oficyna Wydawnicza (BGW). 1992.

Balcerowicz, Leszek. *Socialism, Capitalism, Transformation*. Budapest: Central University Press. 1995.

Hartwell, Christopher. *Institutional Barriers in Transition: Examining Performance and Divergence in Transition Economies*. New York: Palgrave Macmillan. 2013.

Kawalec, Stefan. *Privatization of the Polish Economy*. *Communist Economies* 1, no. 3: 241–56. 1989.

Kornai, János. *Economies of Shortage*. Amsterdam: North Holland. 1980.

Lewandowski, Janusz, and Jan Szomburg. *Property Reform as a Basis for Social and Economic Reform*. *Communist Economies* 1, no. 3: 257–68. 1989.

Pinto, Brian, Marek Belka, and Stefan Krajewski. *Transforming State Enterprises in Poland: Evidence by Manufacturing Firms*. *Brookings Papers on Economic Activity*, no. 1. Washington: Brookings Institution. 1993.

Rostowski, Jacek. *The Implications of Very Rapid Private Sector Growth in Poland*. CEP Discussion Paper No. DP0159. London: Centre for Economic Performance. 1993.

Williamson John, ed. *The Political Economy of Policy Reform*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 1994.

Перевод с английского Марина Бушинская

Лешек БАЛЬЦЕРОВИЧ

То, что я хочу вам представить, опирается на аналитическую схему, изложенную в книжке «Загадки экономического роста». Эту схему можно применять по отношению к разным странам и разным периодам, включая период после падения социализма. Схема простая: она показывает, от чего в общем зависит долгосрочный экономический рост — не на два года, а, скажем, на десять–двенадцать–двадцать лет. Есть такие факторы, которые вне контроля, как внешние шоки. Но прежде всего рост зависит от институтов (Domestic Institutional System). Среди этих институтов можно выделить два типа. Первый тип я назвал по-английски *propelling institutions* — это институты, которые определяют систематический рост. То есть прежде всего право собственности и защита этого права, конкуренция, бюджетная ситуация и так далее. А второй тип институтов — это такие институты, от которых зависит то, будут или нет внутренние шоки, внутренние кризисы. Они называются *constraining institutions* и определяют политику — бюджетную, монетарную. Конечно, есть ещё роль личности, которая тоже влияет на политику (*determinant of policies*).

Отчего происходят кризисы

Есть такая популярная точка зрения, в том числе и на Западе, что если случается внутренний кризис, то в этом виноват капитализм. Но эта точка зрения не подтверждается эмпирикой, потому что, если посмотреть на историю XX века и раньше: где случались самые глубокие кризисы,

© Текст: Л. Бальцеровичко, Т. Щербина

© Перевод: М. Бушинская

© Фото: В. Ярошенко

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ ДОЛГОСРОЧНЫЙ РОСТ

которые были также связаны с геноцидом? При Сталине в 1930-е годы, при Мао Цзэдуна в Китае, где было глубокое падение экономики (в три раза) и погибло 50 миллионов, в Камбодже.

Так что именно *концентрация политической власти* является самой важной причиной самых глубоких кризисов, а не рыночная экономика. Если посмотреть на кризисы в рамках капитализма, то в качестве примера возьмем Грецию. Глубокий кризис в Греции не был вызван свободным рынком, потому что такого рынка не было. Кризис был вызван очень плохой фискальной политикой (такой, какая существовала в России до 1998 года): повышение бюджетных издержек, громадный дефицит, рост долга.

Плохая экономическая политика вызвана плохой политикой даже в рамках капитализма. Если посмотреть на такие кризисы, как в Испании или в Ирландии увидим: частный кредит рос слишком быстрыми темпами. На первый взгляд, может показаться, что это аргументы против капитализма, против рынка. Но если посмотреть детальнее, то видно, что финансовые кризисы были деформированы интервенционизмом государства. Посмотрим на Испанию: где самые главные проблемы, в каких банках? В банках, которые поддерживались политическим контролем. Они называются по-испански *cajas*. Там были региональные политические лидеры, и они говорили, кому надо дать кредит. Последствия известны. То же самое — в Германии: там тоже есть *Landesbanken*, это политические банки, и почти во всех случались кризисы. В США были два института — *Fannie Mae* и *Freddie Mac*, это они

финансировали дешёвые кредиты, что и привело к кризису.

Итак, я хочу подчеркнуть: та популярная точка зрения, согласно которой кризис — это кризис рыночной экономики, просто не опирающейся на эмпирику. Она очень популярна не только на Западе — ее проводят такие лауреаты Нобелевской премии, как Стиглиц, которые очень популярны вне этих стран. Хочется сократить число глубоких кризисов? Во-первых, если политическая власть слишком велика, следует сократить ее давление. Но это политическая, а не просто экономическая реформа.

Политика и экономика

Нужно прямо сказать, что самые важные (и самые трудные) экономические реформы — это реформы политические. Если политическая власть слишком велика, тогда в большинстве случаев другие институты (*propelling institutions*) очень слабые, потому что нет защиты прав частной собственности, существует большая неуверенность. Если же есть условные права собственности (например, вы сегодня являетесь частным собственником), то завтра всё может измениться. При такой системе нельзя ожидать капиталовложений или капиталовложений за границей. Инвестиции капиталовложений низкие, а надо помнить, что капиталовложения важны с точки зрения инноваций — ведь для инноваций и новых технологий требуется много капиталовложений. Эта схема может быть применена при рассмотрении разных эпизодов.

Сейчас я хотел бы просто упомянуть, что причинами кризиса приведшего к трансформации в СССР и в Восточной Европе, были социализм или коммунизм. Я думаю, что это самое главное. Во-первых, частный сектор был нелегален, и этого хватало, чтобы не было долгосрочного роста. В первые годы, если есть концентрация власти, можно сделать всё. Во-вторых, это не была рыночная экономика, это была командная экономика. При этих двух чертах необходимы третья и четвёртая — то есть недемократическая система. Демократия, конечно, не означает только выборы, это прежде всего свободная политическая конкуренция. Если выборы проходят без свободной конкуренции, то это вовсе не демократия, это фарс. Чтобы удержать такую систему, нужны специальные криминальные меры, то есть очень длинный список преступлений против политического режима. Помните — всё было запрещено? И надо было быть настоящим героем, особенно в бывшем Советском Союзе, чтобы против этого выступать. Так что одна из мер измерения политического режима — это составить список: сколько преступлений совершено против режима? Если список длинный, то это означает, что это плохой режим, с точки зрения отдельных личностей.

С экономической же точки зрения, при таком социализме эти *propelling forces*, то есть институты, от которых зависит дальнейший экономический рост, были очень слабые, и чем дальше, тем слабее. Быть может, во времена Петра Великого можно было сделать модернизацию *top down*, но эти времена давно прошли, это просто невозможно — в современном мире я не знаю ни одного примера успеха экономического роста при политизации экономики. Это невозможно, хотя и были слабые ограничения политического давления. Поэтому происходили и глубокие кризисы, и политические авантюры. Одной из них, как я уже сказал, был геноцид, потом был не геноцид, но тоже плохо. При Хрущёве что было? Кукуруза? Да, везде кукуруза. А при Фиделе Кастро везде — сахар. А в Венесуэле (она тоже переходит к социализму)? Если есть концентрация власти, в голову тех, у кого эта власть, начинают приходить разные идеи. Власть без

контроля очень опасна для людей, и это — мудрость тысячелетий.

Последствия социализма

Далее я хотел бы напомнить: экономические последствия социализма были очень плохими. Я помню, потом что я там жил. Это была жизнь в официальной лжи, это была пропаганда против достоинства человека. Но то же происходило и в экономике. Некоторые говорят: может быть, благодаря такой политической системе мы будем экономически успешны. Нет — я не помню ни одного примера экономического успеха, и его нет в истории, при такой системе. Если сравнить Польшу и Испанию, то в 1950 году у нас было то же самое: тот же низкий уровень ВВП на одного человека; в 1990-м у нас было лишь 42% от испанского ВВП, и только с 1989 года Польша начала догонять, и теперь мы уже приблизились к Испании, это последние 25 лет. То же самое — если сравнивать Венгрию и Австрию. Конечно, если сравнивать Северную и Южную Корею, то будет громадная разница. Северная Корея — это ГУЛАГ в рамках страны, это сталинизм. Южная Корея — та же самая культура, но довольно динамичный капитализм, и вы видите, что хватило пятидесяти лет, чтобы нарастить громадную разницу по стандарту жизни: в 2003 году у Северной Кореи только 7% от уровня жизни Южной Кореи. Для многих людей Куба — это модель, а Чили — это плохая модель. Но это неверно, если сравнивать экономические итоги, будет громадная разница в пользу Чили. Экономически это самая успешная страна. Бразилия — это экономически не успешная страна, это не экономический «тигр».

Китай и Россия

Китай двух периодов: Китай при маоизме и после. Помимо того, что там были очень тяжёлые проблемы в экономике, там также были очень слабые институты и очень медленный рост, Китай рос даже слабее, чем Западная Европа. Но с конца 1970-х годов начался быстрый экономический рост. Некоторые люди думают, что китайцы

изобрели лучший социализм. Но они переходят от социализма к капиталистической экономике. Хотя у них есть много препятствий, они отходят от социализма. Если сравнить Китай с Россией, видно что у них разные траектории. Но в 1989-м, 1990-м или 1991 году казалось, что все бывшие соцстраны идут в одном и том же направлении, то есть к демократии, к правовому государству и к свободному рынку. Это было в первые два-три года, а потом эти траектории начали различаться. И можно сказать, что Центральная и Восточная Европа по политической системе — это демократии. Конечно, в демократии случаются разные вещи, но никто не отрицает принцип политической конкуренции, которая, конечно, нуждается в гражданских свободах. Никто не отрицает этого в Польше, в Чехии, в Словакии и т.д. Но если речь идёт о Центральной Азии, странах бывшего СССР, это, конечно, не демократия. Выборы есть, но без демократической конкуренции. То же — и в Китае, во Вьетнаме. Но было бы ошибкой говорить, что Китай успешен благодаря тому, что у них нет демократии. Нехватка демократии может означать очень разные системы. В случае Китая есть множество факторов, объясняющих, почему в экономическом плане он пока успешен.

Изменение экономической системы

Важнейший показатель динамики постсоциалистического развития — доля частного сектора. Есть такие страны, которые немного отошли от социализма, но это квазисоциализм (Туркменистан, Беларусь, Узбекистан). В других странах по этому показателю преимущество у частного сектора. Этот показатель не говорит о том, каков это частный сектор. Я бы здесь сделал различие между частным сектором в Польше и странах Восточной и Центральной Европы и частным сектором в России и других странах. В чём разница? В том, что отдельные фирмы, бизнес, скажем, в Польше, не зависят от политиков. То есть экономическая обстановка там не нуждается в том, чтобы был политический протекторат, и нет частных фирм, которые старались бы путём этих связей выигрывать конкурен-

цию, то есть использовать государственный аппарат, чтобы практиковать рэкет.

Политический капитализм

Для меня с самого начала было абсолютно ясно, что есть разные капитализмы. Одна из черт хорошего капитализма — чтобы для всех фирм действовали единые принципы. Потому что есть другой тип капитализма — *политический капитализм*, где положение отдельных фирм, особенно больших, зависит от политических связей. Это не только несправедливый, но и неэффективный капитализм, потому что он сокращает конкуренцию. Если выигрывает тот, у кого лучше политические связи, а не тот, у кого лучше организована экономика, то и конкуренции нет, либо она очень слабая. Когда я приезжаю в Москву (а я бываю тут раз в два года) или в другие страны, меня удивляет, что здесь всё дороже, чем в Польше. Может быть, водка дешевле. Но почему? Логично было бы ожидать, что будет дешевле, потому что здесь громадный рынок. Но одни монополисты не дают развиваться другим. И это одно из последствий такого типа капитализма, политического капитализма, где все в значительной степени решает политическая власть, а не успехи или фиаско отдельных предприятий.

Конечно, политическая власть особенно явно проявляется, если есть государственная собственность; тогда на основе этого легального института можно взять трубку и сказать: я ожидаю от вас, чтобы вы сделали так. Это принцип номенклатуры, и он царит везде, где есть государственная собственность. Конечно, принцип номенклатуры невозможно связать с экономическим успехом, но можно себе представить капитализм, где принцип номенклатуры властвует более неформально. Так что этот показатель очень важен, хотя он не показывает разницу между типами капитализма. Хочу добавить, что Беларусь — это отнюдь не пример успеха, потому что 16% ВВП Белоруссии — это субсидии из России путём поставки дешёвого топлива. Лукашенко, может быть, думает, что он успешен, но, увы, нет.

Что можно сказать после прошедших 25 лет?

Если речь идёт о Центральной и Восточной Европе, там произошёл переход к западной модели, то есть возникли демократия, рыночная экономика и в некоторой степени правовое государство. Конечно, есть разница, многое ещё надо сделать, в той же Польше надо многое сделать в некоторых направлениях, но переход произошёл. Только в странах, в которых произошёл переход к капитализму, есть демократия. Мы знаем, что без капитализма нет демократии, но можно себе представить капитализм и недемократию. Мы это знаем из истории: Южная Корея с начала 1960-х до конца 1980-х годов сочетала капитализм и недемократию, лишь потом наступила демократизация. Другая группа стран — это те, где демократия была, но исчезла, хотя были попытки перейти. Здесь я вижу два типа: один тип — в экономике есть особый вид капитализма (это как в России), а другой тип — в экономике существует квазисоциализм (Беларусь и Центральная Азия), Конечно, и типы капитализма, которые существуют при демократии и при недостатке демократии, разные.

О Гайдаре и его команде

В России, если посмотреть на 1990-е годы, было падение, и в этом падении, по-моему, несправедливо обвиняется команда Гайдара. Я хочу сказать несколько слов об этом. Во-первых, у Гайдара было гораздо меньше времени, чем у нас в Польше. У меня первый этап был 800 дней, то есть больше двух лет. Я думаю, что у Егора на первый этап был всего год, мы могли сделать больше. Во-вторых, политические и экономические препятствия в период работы команды Гайдара были более существенные. У меня в Польше в первый год была политическая поддержка, так что мы могли сделать всё, что считали нужным сделать, и провели массовую либерализацию, стабилизацию, начали более глубокие социальные реформы. Но я помню, что в России было не так, было растущее сопротивление со стороны Верховного Совета. В-третьих, мы про-

вели успешную стабилизацию. Мы тоже начали с гиперинфляции, потому что у нас был контроль над монетарной политикой, а в России этого не было: во-первых, потому что существовала рублёвая зона, и это продолжалось два года; во-вторых, мне кажется, что России не повезло с первыми лицами, которые возглавляли Центральный банк. Я помню, как я встречался с Геращенко: у него самая главная забота была, что не хватает денег. Для меня главная забота была, что денег слишком много. Конечно, нельзя подавить инфляцию, если печатаешь деньги. Мне кажется, это было вне контроля Гайдара. То, что было одним из главных ранних успехов в Польше, то есть стабилизация, в России было невозможно из-за этих ограничений. В течение восьми лет было очень трудно (и, по-моему, невозможно) добиться, чтобы начался экономический рост, если инфляция 10%, 20%, 30% в месяц. Но ещё более несправедливо то, что команда Гайдара обвиняется в том, что делалось после Гайдара. После 1996 года проводилась очень плохая бюджетная политика — дефицит 6-8% ВВП решали путём наращивания внешнего долга, что и привело к кризису 1998 года. Это была самая низкая точка, потом могло стать только лучше. И было лучше, но не потому, что политика была очень хорошей, а благодаря другим условиям. Насколько я знаю, после 1998 года три года проводились некоторые важные реформы по консолидации бюджета, потому что было просто невозможно выплатить зарубежные долги. Но потом повысились цены на нефть и газ, а это не очень хорошо для реформ: всё зависит от воли лидера, а у него большой соблазн больше не проводить реформы. У вас был экономический рост до 2008 года, и в то же самое время постепенно происходило ухудшение системы — о политической я уже сказал, но и экономической тоже. И момент истины наступил в 2008 году, когда начался кризис, падение экономического роста в России, и вы видите, что произошло с того времени. Я, конечно, не пророк, но, по-моему, при такой системе наступающей политизации экономической жизни невозможно быть экономически успешным, то есть развиваться в среднем на 4-5% в год — не знаю ни одного примера в мире, чтобы так было.

Россия зависит от экспорта природных ресурсов, и эта зависимость со временем увеличивается. Это очень плохой показатель — 50% в 1992 году и 72% в 2012 году. То есть другие секторы по экспорту сравнительно не растут и не будут расти. Никакая страна — ни Польша, ни Россия — не в состоянии развиваться при такой модели, как в России, без трансфера технологий, что, конечно, зависит от системы. Откуда может поступать трансфер технологий? Из Китая? Но Китай тоже зависит от трансфера технологий. От Запада? Если наступит изоляция России от Запада, то надежда на решение проблем, которые накопились, будет равна нулю. Можно, конечно, развивать некоторые секторы путём государственных инвестиций, но в большинстве случаев государственные капиталовложения опираются на плохой экономический выбор, и на Западе тоже. Это называется *white elephants*. Это, очевидно, сегодня стоит на повестке дня.

<...>Накопилось немало исследований, изучавших разницу между странами по неэкономическим показателям. Если взять ожидаемую продолжительность жизни, то везде она становится лучше, но улучшения разные. Разница же состоит в том, что после социализма в некоторых странах даже мужчины ожидаемо должны жить дольше, но не во всех. Я здесь представляю два главных фактора, и они связаны с переменами в системе после социализма. Во-первых, страны, где проводилось больше рыночных реформ, более успешны. Это не только Польша, но и страны Прибалтики. В них было накопление реформ, и эти реформы укрепили то, что я называю *propelling institutions*, то есть политически независимую частную собственность. Это нуждается, конечно, в аппарате справедливости (или несправедливости), который не связан с властью. Если же он связан, тогда трудно ожидать политически независимого частного сектора. Много конкуренции, массовая либерализация, отсутствие или очень маленький государственный сектор в экономике, открытая экономика, что, конечно, в малых странах очень важно, — это первое наблюдение.

Во-вторых, бывшие страны соцлагеря очень отличались по шокам, и самые главные шоки были

не внешними, а внутренними вследствие неэффективной политики. В России внешние шоки были полезными, но были и негативные шоки внутренней политики. В заключении я хотел бы сказать, что мы не знаем всего, но знаем довольно много, чтобы сказать: что верно, а что неверно, с точки зрения экономического роста.

О российских реформах

<...> Очень важные проблемы, которые проявились при Ельцине и Гайдаре, были заложены прежде — в последние годы правления Горбачёва, когда экономическая политика была плохая. Речь идёт о бюджете, о растущей зависимости от импорта зерна, об очень низких резервах. Одной из причин, конечно, было падение цен на нефть. Были введены законы, которые делали возможной стихийную номенклатурную приватизацию под лозунгом кооперативов, громадные ренты — там было начало олигархов, и было очень трудно это затормозить. (У нас, кстати, этого не было.)

Кроме того, насколько я знаю, экономические программы при Горбачёве не казались весьма реалистическими, включая «500 дней». Я думаю, что невозможно делать успешные институциональные реформы при толерантности к очень высокой инфляции. И я бы сказал, что, по-моему, Запад должен был финансировать реформы Ельцина и Гайдара гораздо больше, чем это было, и одной из самых главных ошибок Запада является то, что они этого не сделали. Можно понять, почему западные лидеры много разговаривали с Горбачёвым и не очень много — с Ельциным: просто тогда никто не знал, что случится, была большая неуверенность. Они пришли к выводу: лучше меньше риска, если удержится такая структура, которая была при Горбачёве, чем то, что предлагал Ельцин. Для меня Ельцин первых годов — это великий антиимпериалистический лидер, он недооценивается на Западе. Мне было приятно с ним говорить. Я был первым политиком не из России, когда я приехал после путча и говорил с Горбачёвым, говорил с Ельциным — это было очень интересно: другие лица.

А когда я приехал во второй раз в декабре 1991 года, когда Горбачёва уже не было, у власти был Ельцин, я говорил с Гайдаром и всей его командой, мы ели бутерброды и говорили как друзья. Потом у меня была встреча с Борисом Ельциным. Он мне сказал (это написано, это не тайна): а сколько будет длиться инфляция? На основе польского опыта я ответил: долго, и она будет выше, чем вам говорят. Это было не очень трудно предсказать. Так что, возвращаясь к этим годам, ошибка Запада была в недостатке финансовой поддержки для первых, важных, трудных реформ в России при Ельцине.

<...>Вы знаете, невежество — очень плохая вещь, но есть кое-что хуже невежества — это плохое знание. Социалистическая экономика была хуже, чем невежество. Это как исламский фундаментализм: тоже знание, можно изучать в пять лет, но лучше не изучать, чем изучать в пять лет исламский фундаментализм. То же самое касалось социалистической экономики. Я это знал. К счастью, мне не пришлось преподавать политэкономии социализма или капитализма, я специализировался на международных экономических отношениях. Но я знал, что когда мы начинали, большинство экономического истеблишмента были против. Самыми худшими были академики. Что делали академики в Польше при социализме? Они развивали теорию развитого социализма. Это был *bullshit*. Писали разные фантазии насчёт этого развитого социализма. В моей команде не было никаких социалистических профессоров. У меня было несколько человек, прежде всего — математики, физики, которые интересовались экономикой, но я знал, что у них хороший ум и нет исламского фундаментализма. Мы также пользовались услугами экспертов польского происхождения из-за рубежа, и мы знали, в чём мы нуждаемся. Так что команда была не из академиков. И самая главная критика шла от таких социалистических профессоров. Самые глупые высказывания — это не от студентов, а от социалистических профессоров по экономике. Они всегда говорят очень долго, потому что социалистический

профессор не может говорить коротко. Долго, долго — и несли чушь. Критика была от таких людей.

В первый год в Польше по реформам был практически консенсус, а потом приблизились выборы. Мы начали в сентябре 1989 года, и первые выборы были в конце 1990 года, а потом снова выборы в парламент в 1991-м. В 1990 году ещё не было плохо. Но в 1991-м некоторые политики пришли к выводу, что они могут сделать капитал на критике программы. Просто надо было знать об этом. Я смотрел на них как на зло, понимая, чего они хотят. Надо было знать, какова цель этих высказываний, просто чтобы не терять время. Я не был фанатиком этих реформ, но откуда взялось то, что я старался ввести их в жизнь вопреки критике? У меня была очень хорошая команда, были умные советники: я сделал первую неформальную группу в конце 1970-х годов. И тогда мы пришли к выводу, что политическая система не изменится при нашей жизни, тогда это казалось вероятным, но возможно немножко улучшить этот социализм. Мы работали неформально два года, и мы шли с таким рыночным социализмом. Когда в Польше возникла первая «Солидарность», это стало очень популярно. После введения военного положения в Польше мы не стремились быть террористами и работали над такими фантазиями, как приватизация, стабилизация, либерализация. И по воле случая оказалось так, что мы были в общем подготовлены, когда в Польше в июне 1989 года случился политический перелом. На основе анализа реформ были сделаны выводы, что есть два пути. Одни называют его радикальным, другие «шоковой терапией». Радикальный — значит быстро и на широком фронте: одновременно приватизация, стабилизация, либерализация. Понимая, что приватизация потребует больше времени, чем либерализация и стабилизация, я знал, что это очень рискованно, но альтернативный вариант вообще не давал никаких шансов. Я знал, что, быть может, не повезёт, но альтернативный вариант вообще не был бы удачен. Ну и — повезло!

Примечание

* Конспект лекции в ВШЭ 19 марта 2014 г.

ЛЕШЕК БАЛЬЦЕРОВИЧ

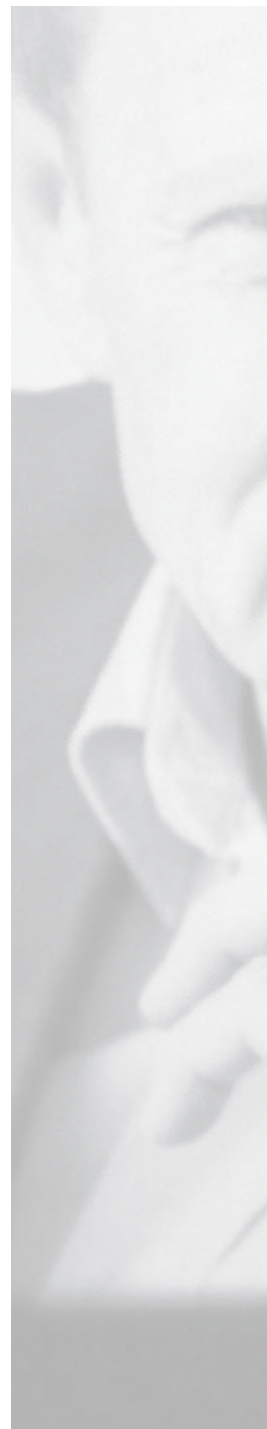
С легендарным польским реформатором Лешек Бальцеровичем я познакомился в конце августа 1992 года, когда прилетал в Варшаву с Егором Гайдаром, будучи внештатным его советником... Егор очень ценил сделанное Бальцеровичем и вспоминал эту поездку.

А в марте 2014 года, после вручения в Москве Бальцеровичу Премии имени Егора Гайдара, мы долго говорили с ним и тогдашним послом Польши Войцехом Зайончковским. Тогда-то и родилась идея этого польского номера. Теперь мы снова встретились в его рабочем кабинете в Варшавской школе экономики. Даем краткое содержание нашей долгой и откровенной беседы.

В беседе с Лешек Бальцеровичем принимали участие Ирина Буйлова, Станислав Усачев, Адам Садовник и Виктор Ярошенко. Разговор шел по-русски.

---

*Лешек Бальцерович
Фото: В. Ярошенко*

За
выдающийся
вклад
в развитие
международных
связей
с Россией

Бальцерович

– *Как вы видите общеевропейскую ситуацию?*

Лешек Бальцерович: Я полагаю, самые проблемные страны в ЕС сейчас — это Италия и Франция. Потому что Греция все-таки малая страна, и она не слишком угрожает общей стабильности. Но если кризисная ситуация возникает в большой стране — это угроза всей интегрированной экономике Европейского Союза. Так что я внимательно слежу за развитием реформ во Франции и Италии. Особенно во Франции.

– *А насколько во Франции сейчас возможны серьезные реформы? Там всегда были сильны социалистические, перераспределенческие настроения...*

Лешек Бальцерович: Они еще и не начали ни-

чего делать. Но скоро будут выборы, посмотрим. У них очень хороший премьер-министр Мануэль Вальс. Социалистический либерал. Он, кажется, пытается что-то делать. Но Франция и Италия сегодня в критической зоне.

– *А Испания?*

Лешек Бальцерович: Там тоже много левого популизма, как в Греции у Ципраса. Но с точки зрения Европы, важно, чтобы Ципрас не мог сказать: смотрите, я выиграл, и вы так можете. Это путь к экономической катастрофе, к самоубийству. Это может полыхнуть по всей Европе, пойти как цепная реакция. Германия сегодня — важнейший стабилизирующий фактор в Европе.

Из книги Егора Гайдара “Дни поражений и побед”

«Вспомнил свою встречу с Лешком Бальцеровичем — министром финансов, исполняющим обязанности премьера Польши, год назад, в декабре 1991-го. Мы раньше лично никогда не встречались. Пару раз разминулись на экономических конференциях... Лешеку выпало первым начинать серьезные реформы после развала социалистической экономики, поэтому ему было особенно тяжело. К концу 91-го за ним — серьезные преобразования, либерализация экономики, открытие внешней торговли, постепенное становление частного сектора. И вместе с тем — крутое падение объема промышленного производства, сохраняющаяся довольно высокая инфляция, рост дифференциации доходов. Общая оценка произошедшего хорошо выражена в названии вышедшей к этому времени книги Г. Колодко «Упущенный шанс». Еще никто не знает, что проведенные в Польше реформы заложат основы динамичного индустриального роста, который начнется в 1993 году. Что в 1996 году Польша, с ее впечатляющим ростом промышленного производства, станет самой быстрорастущей страной в Европе, одной из самых динамичных в мире. Что пройдет не так уж много времени, и весь мир заговорит о начинающемся польском экономическом чуде. Но все это будет потом. А в это время Бальцерович — один из самых непопулярных и ненавидимых в Польше людей, «ограбивший» народ, — на грани отставки. Она произойдет через несколько недель после нашей встречи. Лешек явно это понимает. Разговариваем, пытаюсь в максимальной степени почерпнуть практический опыт, особенно детали, которые не найдешь ни в каких аналитических материалах, статьях, книжках.

Польша раньше вошла в режим интенсивного финансового кризиса разваливающегося социализма, начала реформы. Давно привык, при всех различиях наших экономик, рассматривать ее как точку отсчета, позволяющую выявить, проанализировать те проблемы, с которыми предстоит столкнуться России в ходе рыночных преобразований.

В декабре 1991 года думаю о происходящем в Польше и с личной точки зрения. Примерно

таким будет мое положение, так же будут ненавидеть через пару лет и меня, даже если в неизмеримо более сложных российских условиях сумеем включить рыночные механизмы, не допустим гиперинфляции, введем конвертируемый рубль, наполним рынок, создадим базу экономического роста. Что и говорить, не слишком вдохновляющая перспектива.

Летом 1992-го был с визитом в Польше. К этому времени Лешек уже ушел в отставку, думал, писал. Поздно вечером, после официального протокола, пошли посидеть с ним в один из варшавских кабачков. Говорили об экономике, о сути проблем постсоциалистической трансформации. Казалось, что Польша уже начинает выбираться из кризиса, указывая путь, по которому пойдут другие страны. На жизнь и превратности политической судьбы Бальцерович не жаловался, но глаза были грустные, как у летчика, которого отстранили от полетов. Я думал, что если доживу до отставки, такое же настроение, некоторое время спустя, будет и у меня.

Потом мы не раз встречались, обменивались экономическими материалами, подружились. Бальцерович возглавил польскую либеральную партию «Союз свободы». Постепенное понимание того, что было им сделано для Польши, в общественном сознании шифрилось. И все же никогда не забуду выражения лица одного из самых выдающихся экономических реформаторов двадцатого века через несколько месяцев после его отставки.

– А Венгрия, по вашему мнению, как-то связана с этой тенденцией повсеместного наступления авторитарического популизма?

Лешек Бальцерович: Венгрия — это Виктор Орбан... Я давно его знаю, я старше его. Он приезжал еще во время первой «Солидарности». Был милый молодой человек, такой либеральный антикоммунист. Что время делает с людьми!

– Как происходит эта эволюция, этот внутренний путь в голове человека?

Лешек Бальцерович: Это вопрос. Я думаю, есть люди, для которых власть — это всё. Для них нет ничего ценнее власти. И тогда возникает идеология, оправдывающая эту несменяемую власть.

– А на Польшу эта тенденция может перекинуться?

Лешек Бальцерович: У нас есть главная оппозиционная партия, которая довольно похожа по экономической политике, по националистической риторике. Но по внешней политике — нет. По отношению к Путину, не России. Я думаю, все-таки надо различать Путина и Россию. Россия отличается от Путина, как поляки от ПНР.

По внешней политике я думаю, что это невероятно, я был бы очень удивлен.

– А откуда это в Венгрии?

Лешек Бальцерович: Он сделал сдвиг в политике государства, но следуя за обществом. Он это сделал, как мог сделать монарх. Захотел и сделал. Некоторым нравится такая решительность.

– Возможен ли такой дрейф в современной Польше? Тяга к «сильной руке»?

Лешек Бальцерович: В Польше, во-первых, к счастью, никакая партия не в состоянии добиться конституционного большинства, и это очень хорошо. Потому что, как показывает история, с этого начинается путь к тоталитаризму.

Во-вторых, у нашего президента не очень большие компетенции. Есть вероятность, что наш нынешний президент Коморовский не будет снова избран. Но даже если случится самое худшее, выиграет опять партия «ПиС» Качиньского, это не станет катастрофой. В сентябре будут парламентские выборы, хотя и здесь уже не очень ясно, каким будет итог. Но возможно, что коалиция, которая правит уже

семь лет, может обновиться. Эта коалиция по экономической политике, на мой вкус, не самая хорошая... Они перед выборами не хотят принимать необходимых решений, которые не понравятся избирателю. Популисты всегда перед выборами раздают обещания, которые не могут делать ответственные политики... У нас есть серьезные проблемы. Без некоторых реформ у нас будет падение темпов экономического роста, долгосрочное, я полагаю, не на один год. Здесь причиной являются глубокие структурные проблемы. Во-первых, старение населения, которое может породить сокращение трудоспособного населения, сокращение занятости. Во-вторых, у нас мала доля частных инвестиций (15-16 процентов валового продукта), наконец, у нас наступает падение производительности. Сейчас у нас темпы роста около трех процентов – для Европы это очень хороший показатель, такой уже маленький тигр. Но возможно и падение темпов.

– Как вам видится украинская ситуация? Можно ли провести большие серьезные реформы, которые приведут к подъему экономики?

Лешек Бальцерович: Я встретился с президентом Петром Порошенко, премьером Арсением Яценюком, председателем парламента, министром финансов... Что сказать о ситуации? Конечно, если ситуацию нельзя улучшить – тогда совсем плохо. Но если ее улучшить можно, то глубокий кризис для этого – самое подходящее время. Война, как ее ни называй, которая идет, еще не означает полную невозможность реформ. Конечно, если она, например, занимает все мысли и все время президента, премьер-министра, – в этом есть опасность... Но моё впечатление – сейчас там собралась самая квалифицированная команда за все время. А я там бываю регулярно. Кучма, Кравчук, Ющенко, Юлия, Янукович...

А этим не надо говорить, что надо делать. Они, в общем, всё знают. Вопрос – в координации, в последовательности и неуклонности, четкости действий. В том, чтобы люди понимали, что и зачем они должны делать сегодня, завтра и послезавтра. По своему опыту я знаю, что есть интеллигентные, квалифицированные люди, которые просто не в состоянии сделать то, о чем они говорят. Здесь я вижу желание переломить ситуацию. Но нужен контроль над административными органами. Осуществить это очень трудно. И хотя у меня есть ощущение, что там есть большинство, которое за глубокие реформы, но большинство не подавляющее. Им приходится согласовывать, идти на компромиссы. И это тормозит. Но это лучше, чем ничего не делать.

– То есть вы оптимистично видите будущее Украины?

Лешек Бальцерович: Я избегаю таких слов, надо действовать и не терять времени. Делать все, что возможно.

– Какие первые шаги они должны были сделать? Им собираются сделать?

Лешек Бальцерович: Прежде всего я им говорил, и они согласны с этим: нужно сделать многое и сразу. Целый пакет взаимосвязанных реформ. И не просто принять, но и добиться их осуществления, в полном объеме, и ничего не пропуская из намеченного.

По политическим и экономическим причинам, скажем, надо повысить цену на газ. Она у них расточительная. Это элементарно сделать, но это неприятно политически. Но надо, чтобы политика не сводилась к этому. Им надо в это же время сделать что-нибудь с государственным аппаратом, чтобы показать, что они будут реально бороться с коррупцией. Например, нужно просто распустить некоторые организации. Но, боюсь, они этого не сделают... Когда делаешь что-

то болезненное, надо сделать что-то и популярное.

– *Нужна ли там пенсионная реформа? Ее не отнесешь к числу популярных.*

Лешек Бальцерович: Популярна только раздача денег. Но она приводит к инфляции. Пенсионная реформа тоже необходима. У них низкие пенсии, много пенсионеров и очень низкий возраст выхода на пенсию. В Польше это было сразу сделано. Это элементарные вещи, технически несложные. Война должна быть не аргументом *против* реформ, а, наоборот, за реформы. Советников у них много. Но по стратегии, на основании опыта я думаю, что мог бы и я чем-то им помочь.

– *И вы будете регулярно их консультировать?*

Лешек Бальцерович: Это зависит от спроса и предложения. Я представляю предложение. Будет ли спрос на наши советы, покажет время. Мне не нужна официальная должность – советник, консультант. Консультанты не принимают решений. У меня тоже было много консультантов. Я готов сказать, что я думаю, прежде всего общественному мнению, масс-медиа. Это очень важно – разъяснять смысл предложений, необходимость и логику реформ, то, чего по ряду причин не делали в России. Критично важно. Есть такой положительный миф Польши, его нужно использовать. Они к нам приезжают, смотрят: да, вы это сделали, потому что у вас была эта система реформ... Но у нас была определенная общественная атмосфера, было **согласие общества**.

У нас было много иностранных советников – из МВФ, Всемирного банка, из ЕС. Не всех я принимал, но некоторых принимал и слушал, потому что они представляли наших кредиторов, а кредиторы хотели знать, что мы будем делать.

– *Грозит ли Украине дефолт?*

Лешек Бальцерович: Это вопрос всего нескольких миллиардов долларов. По срав-

нению с Грецией, где нужно 300 млрд. долларов – сущий пустяк. Я думаю, что Украина получит больше десяти млрд. долларов.

И потом, очень многое зависит от хода конфликта, будет ли он разрастаться. От парламента. Они не могли провести в жизнь пакет реформ при прежнем парламенте. Только с созданием нового парламента возникла эта возможность.

– *Можно ли говорить, что у них недореформирована постсоветская экономика?*

Лешек Бальцерович: Ситуацию можно сравнить с той, что была в России десять–пятнадцать лет назад, когда олигархи были важной и отдельной силой.

– *Вернемся в Польшу. Что вы сейчас делаете, чтобы донести до общества вашу позицию?*

Лешек Бальцерович: Между политикой и обществом должны быть компетентные независимые организации, которые дают свои оценки для избирателей. У избирателей ведь очень мало времени для политиков, люди заняты своими проблемами, это везде так. Но очень важно, чтобы им давали хорошие и честные оценки того, что делают политики. Именно это я стараюсь делать. Работаем над созданием такой организации.

– *Уточните, пожалуйста, что это – экспертная организация, политическая протопартия, что это?*

Лешек Бальцерович: Мы не участвуем в политике, в том смысле, что не выдвигаем кандидатов на выборах. Но мы стараемся влиять на политическое сообщество.

– *То есть все-таки экспертное сообщество? Как у нас фонд «Гражданская инициатива» Алексея Кудрина, который предоставляет доклады по важным для общества проблемам?*

Лешек Бальцерович: Мне трудно сравнивать, я не слишком осведомлен об их деятельности. Обычно экспертные группы работают на заказчика, политически они пас-

сивны. Мы очень активны, и внешнего заказчика у нас нет. Через СМИ мы стремимся влиять на общество, на экономическую и социальную политику. Иногда надо быть провокативными, устраивать скандалы, чтобы привлечь всеобщее внимание к проблеме. Затормозить плохое решение, продвинуть что-то хорошее. Но и здесь надо быть эффективными в своей работе, особенно по координации разных ее этапов. Ученые эксперты любят собраться, поговорить, на этом все и кончается. Мы стараемся организовывать клубы, которые все это обсуждали бы. Мы не академический институт. Мы академичны с точки зрения качества подготовки докладов, обзоров, но мы огромное внимание уделяем результату. Важна продажа. Надо работать с масс-медиа, идти к обществу. Нашу работу должны знать, о ней должны говорить.

Мы не занимаемся одной экономикой, мы стремимся влиять на законодательство.

Так много плохих законов, еще больше вредных законопроектов, которые продвигают разные лоббисты.

– Как затормозить это?

Лешек Бальцерович: Надо внимательно следить за этим процессом.

– Кто это должен сделать? Прокуроры?

Лешек Бальцерович: У нас независимая проку-

ратура, и конкретные люди, работающие там, даже если очернят или осудят невиновного, — они ничем они не рискуют. Это серьезная проблема. Суды у нас тоже независимые, но очень неэффективные, у них просто плохая организация.

Мы непопулярны среди судей, но они внимательно следят за нашей работой.

– А как вы занимаетесь тем, что называете «продажей»?

Лешек Бальцерович: Или маркетингом. Это продвижение результатов. Мы активно работаем в интернете, имеем популярные сайты, работаем в сетях, проводим лекционные курсы, конкурсы. Награждаем премиями. Издаем книги. Не только свои, но и собираем лучших авторов, не только экономистов, но и юристов, социологов, историков...

Вот толстая книга под названием «Надо бороться». В ней собраны самые лучшие либеральные тексты из разных газет, журналов, из интернета. Я сам это выбирал, вступительную статью написал. Издали тиражом 30 тысяч, уже разошлась.

Ирина Буйлова: Давайте подумаем, что мы могли бы сделать вместе с Фондом Гайдара. У нас очень много общего в целях и методах работы.

Лешек Бальцерович: Отличная идея. Давайте сотрудничать.

5 марта 2015 г. Варшава

Ежи КЛЕЕР

ИСТОРИЯ УСПЕХА

ИЗ ОПЫТА ПОЛЬСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Последние четверть века польской истории можно рассматривать с разных точек зрения и по-разному оценивать. Наиболее распространено мнение, что результаты перемен, которые произошли в этот период, в целом можно назвать Большим Успехом, и что этот период принадлежит к числу лучших на протяжении последних двухсот лет истории Польши. И это успех не только в польском измерении, но и в сравнении с результатами остальных стран на постсоветском пространстве Европы.

Но если согласиться с этим мнением, существенным становится ответ на основной вопрос: каковы были предпосылки этого успеха? Является ли он лишь случайным стечением обстоятельств? А может быть, существовали также и внутренние, нараставшие

в течение длительного периода времени силы и условия, которые в конечном итоге стали движущей силой этой, не побоюсь этого определения, безоговорочной и быстрой адаптации к новой экономической и политической системе.

И — что еще более важно — данная адаптация к новой политико-экономической системе происходила не революционным, а мирным путем, который в прошлом, по крайней мере, до польской трансформации, ранее никогда не успехом не пользовался. В этом смысле польский случай уникален.

Ежи Клеер, профессор. Работает в Институте экономических наук Польской академии наук. 10 лет руководит научно-исследовательскими проектами Комитета прогнозов «Польша-2000 Плюс» при президиуме Польской академии наук на посту вице-президента комитета. Награжден премией имени Кондратьева в Москве в 2010 г. На русском языке вышли 2 его книги: «Анализ общественно-экономических структур стран третьего мира» и «Мировое хозяйство: закономерности развития». Преподавал в нескольких университетах в Германии и Финляндии, был докладчиком примерно на 100 международных конференциях. Отмечен многочисленными научными наградами. В течение многих лет был членом Коллегии и Руководителем экономического отдела еженедельника «Политика».

ОСОБЕННОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ

До 1989 года в Польше, как и в большинстве центральных и восточно-европейских государств, работала модель, основанная на действующих в СССР правилах. Однако в нескольких важных областях, особенно в экономике, существовавшая в ПНР модель значительно отличалась от классической командно-распределительной модели.

Не вдаваясь в подробный анализ данного вопроса, хотелось бы только указать на несколько существенных, как представляется, различий, которые в период системных изменений сделали более легким переход польской экономики, а также и общества в целом, к рыночной модели и демократической системе управления.

В Польше, как и в остальных странах Центральной Восточной Европы, в основных отраслях промышленности, торговли, а также в других сферах действовала административно-командная система хозяйствования, и с этой точки зрения такая модель экономики была сходна с остальными социалистическими странами. Но были также и сферы экономики, механизм регулирования которых значительно отличался от остальных.

Основная разница касалась сельского хозяйства. Хотя в Польше и существовало определенное количество совхозов (так называемые ПГР), а также кооперативов, объединявших мелких крестьян, но подавляющее большинство сельских хозяйств (мелких производителей) были *частными*. Частные хозяйства обрабатывали около 80% земли. И в этих условиях, хотя и в ограниченном виде, существовал рынок, а также соответствующие данным правилам формы работы и получения доходов. Кстати, земля в Польше никогда не была национализирована.

Это имело существенное значение с точки зрения как предложения на продовольственном рынке, так и фактического понимания, что такое рынок и рыночные правила в целом.

В похожей ситуации находилась и значительная часть ремесленных производств и хозяйств, которые также были в частных руках, и где цены

определялись не властями, а правилами рыночной игры.

Однако указанные факторы не имели решающего значения в удовлетворении потребительских нужд общества и не влияли в существенной степени на характер отношений в сфере народного хозяйства. Тем не менее за сорок с лишним лет они никогда не были вычеркнуты из хозяйственной деятельности, а тем более из общественного сознания. Но данная проблематика не проявлялась вплоть до 1956 года, когда к ней относились как к нежелательной форме экономической деятельности (по крайней мере, в большинстве социалистических стран), но, что более существенно, была предметом научного изучения и обсуждения.

В 70-е годы XX века, в результате частичного открытия польского рынка для Запада, данная проблематика, являясь постоянным предметом обсуждений в рамках научных дебатов, явилась катализатором начальных сдвигов в народном хозяйстве. Создавались коллективные работы, которые в своих рекомендациях призывали хотя бы к частичному использованию рыночных механизмов для улучшения эффективности польской экономики.

Насколько удалось внедрить данные постулаты на практике, это уже другой вопрос, тем не менее споры и дискуссии на тему рынка и его механизмов перестали обсуждаться исключительно в научной среде. Данная проблематика привлекла внимание широких групп общества не только из сугубо экономико-управленческой сферы, а вопрос рынка вышел за рамки чисто экономической сферы и в значительной степени приобрел политический характер.

Можно с уверенностью сказать, что проблематика рыночной экономики в рамках социалистической системы, примерно со второй половины XX столетия стала предметом постоянных обсуждений в научных или политических дебатах. Не прекращались и попытки ее внедрения на практике, по крайней мере в некоторые отрасли народного хозяйства.

С учетом всего этого было неудивительно, что последнее действующее в ПНР правительство во

главе с Раковским, не только создало Комиссию по экономической реформе, но в 1988 году приняло и внедрило в жизнь так называемый «Закон Вильчека — Раковского», касающийся свободы ведения экономической деятельности. Как принято считать, этот закон в свое время оказался самым либеральным во всей Европе. Благодаря ему на протяжении нескольких месяцев на рынке появилось несколько сотен тысяч частных предприятий (в большей степени торговых, чем производственных), которые существенно изменили порядок приобретения материальных благ и пользования услугами, предоставив свободный доступ к рынку. То же самое правительство (до своей отставки и начала системных изменений) в августе 1989 года ввело свободные цены на сельскохозяйственную продукцию первой необходимости, применительно к потребностям домашних хозяйств и их бюджетов.

Неудивительно, что после договоренностей «Круглого стола», достигнутых между правительством и оппозицией (6.II–5.IV.1989 г.), путь к рыночной экономике был уже проложен, правда, с некоторыми ограничениями, предложенными сторонниками оппозиции, главной движущей силой которых в то время была «Солидарность», представляющая значительную часть трудящихся.

Тем не менее польское народное хозяйство в то время находилось в весьма плачевном состоянии (спад производства, очень высокий уровень инфляции). Поэтому можно сказать, что при введении модели свободного рынка работа главного «архитектора» начального этапа экономической реформы Лешека Бальцеровича была в какой-то мере «облегчена», поскольку самый болезненный и основной вопрос, связанный с началом хозяйственной деятельности частными субъектами, уже заранее был решен: действовали свободные цены на сельхозпродукцию. Во главу угла были поставлены вопросы реформирования государственного сектора, стабилизации экономики и прежде всего — борьба с инфляцией и другие связанные с ней проблемы.

Здесь уместно подчеркнуть, что к тому времени у значительной части общества сформировалось, хотя бы частично, что-то вроде понимания ценно-

стей рыночной экономики. При этом люди отмечали исключительно позитивные качества данной экономической модели. И только будущее показало ее обратную сторону.

Но не только в экономической сфере существовали предпосылки для перехода к системной трансформации, то есть перехода от социалистической системы (или, как она называлась в Польше, *реальный социализм*) к рыночной модели. Существенные предпосылки также можно было наблюдать и в политической сфере.

ПУТЬ К СВОБОДЕ

Путь к свободе и демократической системе был долгим. Его начало уходит к 1956 году, когда система политической и общественной жизни показала свою слабость.

Появились разные формы оппозиции, начиная от критики некоторых элементов социалистической системы (в виде статей в СМИ и организации оппозиционных клубов) до относительно организованных форм критики деятельности государства и его органов, писем протеста против очередных законодательных решений государственных органов. Наконец сформировалось широкое диссидентское, а впоследствии оппозиционное движение, в основном (хотя и не только) среди рабочего класса. Центральную роль в этом движении играл профсоюз «Солидарность».

Немаловажным фактором в изменении общественного менталитета было своеобразное начало взаимодействия с Западом, которое отчасти было выражено в предоставлении кредитов западными странами, но и в возможности осуществлять частные поездки в западноевропейские и другие капиталистические страны, получать стипендии от многих престижных университетов, особенно американских. Контакты данного типа повлияли не только на изменение менталитета, но также и на отказ (может быть, и неполный) от социалистических догматов. Идеи социализма стали подвергаться серьезной критике и ревизии.

Результатом указанных внутренних и внешних процессов в политической и экономической жиз-

ни страны стало проведение переговоров между представителями правительства и оппозиции, известных как «Круглый стол». По итогам данных переговоров, длившихся два месяца (6.II.–5.IV.1989 г.), были выработаны мирные формы перехода к новой, противоположной политико-экономической и общественной системе. Реальный социализм был заменен капиталистической системой, хотя предполагалось, что сохранятся и некоторые, социально ориентированные составные элементы прежней системы («достижения реального социализма»).

Это был первый в истории случай перехода от одного строя к другому, совершенно противоположному, мирным путем, в ходе которого не возникло вооруженных столкновений и никто не погиб.

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ СИСТЕМЫ

Описание достижений, а также выявившихся проблем и недостатков, возникших в ходе формирования новой политической и экономической системы, не укладывается в рамки краткого эссе, поэтому я сконцентрируюсь в основном на нескольких избранных вопросах (по-моему, наиболее главных) и, по всей вероятности, существенных в рамках современной интерпретации. До настоящего времени данные вопросы не нашли своей идентичной оценки.

В частности, это касается некоторых вопросов экономического регулирования социальных и политических последствий реформы, связанных с именем Бальцеровича. Идеология данной реформы, а также ее практическая реализация вызвали (и до сих пор вызывают) многие противоположные суждения. Поэтому этим вопросам стоит уделить немного внимания.

Не подлежит сомнению тот факт, что реформы, связанные с планом Бальцеровича, в относительно короткий срок изменили экономическую систему Польши. Так, уже в начале 1990 года вступили в силу новые законы (всего 10), призванные прежде

всего стабилизировать народное хозяйство. На первый план выдвигались проблема борьбы с инфляцией, окончание процесса высвобождения цен в остальных отраслях экономики, введение внутренней конвертируемости польской валюты (злоты) и ряд других вопросов, которые должны были привести к оздоровлению польской экономики и финансовой системы.

Разногласия в оценках основном касаются двух вопросов: темпов реализации изменений и ненадлежащего внимания (либо полного игнорирования) социальной цены реформ, темпов и модели экономических перемен. Пожалуй, споры в связи с данными разногласиями никогда не прекратятся, поскольку время нельзя повернуть вспять. Теоретический подход к сути и последствиям произошедших изменений, скорее всего, будет изложен в учебниках истории.

В этом контексте я хочу сделать лишь два замечания. Лешек Бальцерович, независимо от того, что в будущем он стал сторонником свободного рынка, в соответствии с философией неолиберальной модели, фактически не мог изменить темпы реализации реформ во время проведения польской трансформации. Решающими факторами при этом являлись, с одной стороны, Закон об экономической деятельности, а с другой — высвобождение цен на сельхозпродукцию. В данной ситуации единственным рациональным выходом было скорейшее внедрение правил рыночных механизмов экономики, поскольку это являлось единственным способом борьбы с гиперинфляцией и экономическим кризисом. Налицо была необходимость в кратчайшие сроки стимулировать предпринимательскую активность и творческий потенциал народа, а также создать надежный плацдарм для развития частного сектора.

Это происходило действительно очень быстро, и являлось, по-моему, преимуществом, а вовсе не недостатком. Растянуть во времени борьбу с гиперинфляцией, экономическим кризисом, огромной внешней задолженностью и высоким уровнем бюджетного дефицита не означало достижения желаемого результата, скорее наоборот.

БЫЛА ЛИ ЭТО ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ?

Была ли это шоковая терапия? С моей точки зрения — нет. Рыночные правила игры могут быть введены очень быстро, но рыночную систему в целом быстро внедрить невозможно, потому что рынок требует наличия соответствующих институтов и структур, которые формируются в течение длительного отрезка времени, отличаются своеобразной преемственностью и, что более существенно, подвержены значительному влиянию как культурной системы (с весьма медленными темпами изменений), так и некой, если можно так выразиться, институциональной преемственности.

Но с другой стороны, надо признать, вопрос чувствительности общества к происходившим изменениям, пожалуй, не присутствовал в процессе польской трансформации. И это было ясно с самого начала указанных изменений.

Основной вопрос, на который требуется дать ответ в этом контексте, непросто: возможно ли вообще учитывать фактор чувствительности общества при проведении такого рода изменений?

Я считаю, что в ходе революционных изменений (а к их числу также относится и трансформация) вышеназванный фактор практически не принимается в расчет. При революционных преобразованиях всегда есть и победители, и проигравшие. По крайней мере, об этом свидетельствует исторический опыт, и это касается разных системных изменений в любые исторические эпохи.

Однако именно в польских условиях данный вопрос вызывает бесконечные споры о характере или, точнее говоря, о способе проведения трансформации. Главенствующее значение, как представляется, здесь имеют два обстоятельства. Первое, о чем уже частично говорилось, заключается в том, что трансформация совершилась не в форме открытого, агрессивного общественного протеста или революции, но началась и происходила в форме переговоров между реальной властью и оппозицией. Второе важное обстоятельство состоит в том, что участники переговоров очень по-разному представляли себе будущую систему. Немаловаж-

но также и то, что возникающая модель рыночной экономики в Польше в странах Западной Европы отличалась разной степенью чувствительности общества к проводившимся реформам. Данное явление наиболее наглядно демонстрируется при сравнительном анализе польской экономики с рыночными экономиками Великобритании, Германии или скандинавских государств.

Означает ли это, что уже на первоначальном этапе не допускались существенные ошибки при проведении системных изменений? Конечно, нет. Напротив, ошибок было допущено довольно много. Здесь мне хотелось бы остановиться на двух из них.

Первая связана с процессом упразднения совхозов, в результате чего в регионах, где ранее были расположены данные сельскохозяйственные предприятия, в течение длительного времени наблюдался сравнительно низкий уровень жизни.

Вторая ошибка связана с существенным снижением числа кооперативов, в эпоху социализма представлявших собой хорошо развитую сеть. В условиях плановой экономики данная сеть была мало на что способна, но с приходом рыночных методов хозяйствования, обладая большим производственным потенциалом, данная сеть получила огромные шансы для успешного развития. Однако, несмотря на то что в настоящее время кооперативы еще продолжают существовать, их влияние на реальный сектор экономики сводится к незначительному минимуму.

Как же выглядела рыночная модель в указанный период?

Во многом данная модель носила имитационный характер, что неудивительно, поскольку в данной ситуации использовался уже наработанный опыт других стран при отсутствии достаточных условий для развития отечественных инноваций и новых технологий. При этом важно отметить, что государственный сектор сохранил прежнюю бюрократическую нагрузку, и в дальнейшем это сказалось на ходе реформ в различных отраслях экономики.

Следует также подчеркнуть два существенных фактора: с одной стороны, государство никогда не заявляло об отказе от рыночной модели эко-

номики, но с другой — частые смены кабинетов министров приводили к тому, что государство не стало придерживаться единого курса развития и в ходе проведения реформ принимало совершенно разные, иногда противоположные решения. Некоторые решения были продолжением мероприятий, начатых Лешекком Бальцеровичем; другие же существенно отклонялись от ранее избранного курса.

Если бы сейчас кто-то задался целью дать точное определение польской рыночной модели, то вряд ли можно было получить однозначный ответ. Несомненно, что данная модель не укладывается в рамки привычных типов классификаций, изложенных в академических учебниках, поскольку процесс трансформации до сих пор не окончен, особенно в государственном секторе. Кроме того, польская экономическая модель неоднократно видоизменялась в соответствии с требованиями законодательства Европейского Союза, куда Польша вступила в 2004 году.

ПОЗИТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ

Презентация положительных последствий результатов трансформации в кратком эссе очень сложна и по своей природе всегда носит селективный характер, поэтому я сосредоточусь на некоторых, по-моему, основных аспектах. Самым важным результатом следует считать получение обществом права и возможности пользоваться свободой в широком смысле этого слова. Сюда относятся свобода слова, свобода объединяться в партии разных политических направлений, возможность не только участвовать в свободных выборах, но также и в общенациональных и местных референдумах по существенным вопросам, связанным с основными свободами; право перемещаться в рамках зоны Шенгена без ограничений, право на труд в подавляющем большинстве стран ЕС, а также в некоторых странах вне Европейского Союза, возможность добиваться своих прав в судах и даже обжаловать постановления национальных судов в Европейском суде в Страсбурге, и, наконец, право пользоваться

многими другими благами, гарантирующими гражданские свободы.

В этом контексте следует вспомнить ключевые события политического и экономического характера. В 1991 году Польша стала членом Совета Европы; в 1996 году — Организации экономического сотрудничества и развития (OECD); в 1997 года вступает в силу Конституция Республики Польша, а в 1999-м Польша входит в Организацию Североатлантического договора (NATO), в 2004 году становится полноценным членом Евросоюза. Гарантами всех политических и экономических свобод являются демократическая система и членство в вышеперечисленных организациях. Демократическая система, несмотря на некоторые недостатки, до сих пор является лучшей системой взаимодействия общества и государства в современном мире.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Наиболее важным результатом трансформации экономической сферы явилось вступление Польши на путь экономического роста. Общим признаком этого является тот факт, что за последние 25 лет валовой внутренний продукт вырос более чем в два раза. Следует подчеркнуть, что если в течение первых двух лет трансформации ВВП находился на уровне ниже 1989 года, то в более поздний период и до настоящего времени не было ни одного случая, чтобы ВВП упал ниже уровня предыдущего года. Таким образом, очевидно, что независимо от взлетов и падений на мировых рынках, включая в том числе и всемирный кризис 2007-08 годов, польская экономика сохраняет весьма устойчивое положение, хотя и с определенными колебаниями темпов роста ВВП. С этой точки зрения, Польшу, несомненно, можно причислить к европейским лидерам по темпам роста ВВП.

Также следует отметить, что за период проведения реформ произошли существенные изменения в структуре ВВП. Так, если в 1995 году доля сельского хозяйства в добавленной стоимости составляла 7,0%, то в 2013 г. эта цифра составляла всего лишь 3,4%. Доля промышленности уменьшилась с 25,1%

до 22,0%, а сектор оказания услуг вырос с 50,2% до 57,6%. Указанные изменения показывают, что польская экономика развивается в соответствии с современными мировыми тенденциями. Уровень ВВП на душу населения в 2014 году значительно превысил 60% среднего уровня ЕС, в то время как в 1990-м он был менее 40%.

Конечно, можно поспорить относительно того, допустимо ли называть темпы роста достаточно удовлетворительными, но один факт является бесспорным — за последние 23 года Польша всегда справлялась с последствиями кризисных явлений. И этому есть много объяснений. К сожалению, в рамках данного эссе невозможно провести комплексный глубокий анализ. Отметим лишь, что общий процент потребления за период реформ вырос вместе с ВВП.

Анализируя общие изменения, произошедшие в народном хозяйстве, надо обратить внимание на два существенных вопроса. Первый связан с изменением пропорций в количественной структуре субъектов экономической деятельности по признаку формы собственности за период с 1990 по 2013 год. В 1990 году действовало 8453 государственных предприятий, в то время как в 2013 году их количество сократилось до 1650 (т.е. более чем в пять раз). С другой стороны, количество индивидуальных предпринимателей выросло с 1 млн 135 492 чел. до 2 млн 961 733 чел., то есть почти в три раза. Напомним при этом, что согласно «Закону Вильчека–Раковского» частные предприятия были вправе осуществлять предпринимательскую деятельность еще с 1988 года, когда возникло несколько сот тысяч частных компаний. Конечно, в тот период данный процесс пока не касался сельскохозяйственных предприятий. С учетом изложенных данных можно с уверенностью сказать, что роль частного сектора в экономике значительно увеличилась. Однако это не означает, что процесс приватизации, как я уже упоминал раньше, полностью завершен.

Второй вопрос касается изменений в направлениях развития внешней торговли, которые имели место за последние 25 лет. Прежде чем привести данные, показывающие изменения доли нескольких главных партнеров (стран, участвующих в

польской внешней торговле), следует напомнить, что изменения начались уже в 1970-е годы. Привожу данные по трем наиболее важным государствам, с точки зрения их доли в экспорте и импорте.

	Импорт		Экспорт	
	Страна	Доля	Страна	Доля
1990	СССР	18,1	СССР	20,8
	ФРГ	15,7	ФРГ	14,2
	Австрия	6,0	Великобритания	6,5
2013	Германия	21,5	Германия	25,0
	Россия	12,3	Великобритания	6,5
	Китай	9,4	Чехия	6,2

Переориентация внешней торговли, особенно экспорта, более чем на две трети направлена в ЕС, хотя, как часто говорится, Польша нуждается в новых рынках сбыта, особенно (но не только) в отношении экспорта, поскольку рост темпов развития внешней торговли существенно превышал ВВП. Принимая 1990 год за 100, экспорт в 2013 году вырос более чем в 8 раз, а импорт — почти в 10 раз. Следовательно, польская экономика становится все более открытой, а обороты внешней торговли являются существенной составной экономической экспансии, влияют на модернизацию не только предприятий, но также общественной сферы, значительно изменяя образ и условия жизни общества.

Позитивный эффект экономических изменений в процессе трансформации появлялся не только в результате польской предприимчивости, но и благодаря, с одной стороны, иностранным инвестициям и списанию внешнего долга, образовавшегося еще при Гереке, а с другой — рост поддерживался благодаря притоку значительного объема иностранного капитала и финансовой помощи Евросоюза в объеме сотен миллиардов евро (!), направленных на модернизацию сельского хозяйства, выравнивание различий между регионами, образование, развитие предпринимательской деятельности, а также инновационных отраслей экономики.

ОБЩЕСТВЕННАЯ СФЕРА

Особенно следует отметить возросший интерес общества к образованию и науке. Не останавливаясь на подробном анализе данного явления, следует сказать, что в пропорциях уровня образования населения можно наблюдать весомые изменения. Если в 1988 году доля населения с высшим образованием составляла в общем 6,5%, то в 2011 году она выросла до 17,0%, то есть более чем в 2,5 раза. Немаловажным элементом данного процесса является повышение уровня образования женщин. Если в 1988 году всего 6,5% женщин имело высшее образование, то в 2011-м этот показатель уже достиг 19,0%. В то время как процент мужчин с высшим образованием изменился с 7,2% до 14,8%. С этой точки зрения, эмансипация женщин была особенно сильной, что в какой-то степени можно назвать функциональным качеством не только трансформации, но и принятой определенной культурной модели.

В завершение краткого обзора вопроса об образовании следует дополнить указанную информацию данными о проценте населения, имеющего основное базовое образование. В 1988 году доля людей с базовым образованием составляла 38,8%, а в 2011-м лишь 18,3%. Несомненно, трансформация дала возможности получать образование. Благодаря появлению частных вузов были созданы условия для невиданного прорыва в сфере образования. В этой связи следует обратить внимание, что переход к системе рыночной экономики вызвал по крайней мере частичную коммерциализацию многих публичных благ, в частности, образования и здравоохранения. Это означает рост роли денежных средств, которые тратятся домохозяйствами для обеспечения важных потребностей, таких как образование и здравоохранение.

Наибольшие перемены произошли на рынке труда. Вместе с рыночной экономикой появился совсем новый тип мотивации общества. Государство утратило роль главного работодателя. На смену ему пришел частный предприниматель. В 1990 году доля работающих граждан в зависимо-

сти от формы собственности предприятия составляла: государственный сектор — 52,1%, частный сектор — 47,9%, в то время как в 2013-м данные пропорции составляли: государственный сектор — 23,7%, частный сектор — 76,3%.

Несмотря на существенный уровень приватизации предприятий во всех отраслях экономики, государственный сектор тем не менее занимает значительное место в общей доле работодателей, что, между прочим, говорит о том, что процесс рыночных перемен еще не полностью завершен. Если провести более подробный анализ структуры занятости, то выясняется, что в государственных органах, а также на многих, еще не приватизированных предприятиях заметен переизбыток рабочей силы. Кроме того, исследование обоих типов трудоустройства свидетельствует о том, что о создании зрелой рыночной экономики пока говорить еще рано.

Однако рыночная экономика, особенно если темпы ее формирования идут слишком быстро, вызывает многочисленные системные дисфункции. Особенно следует обратить внимание на некоторые из них, так как в предыдущей системе они не были столь заметны.

СИСТЕМНЫЕ ДИСФУНКЦИИ: БЕЗРАБОТИЦА

Первая связана с изменениями на рынке труда. Уже на завершающей фазе старой системы появилась безработица, хотя еще в небольших размерах. Однако вместе с распространением рыночной экономики, продвижением приватизации, ликвидацией государственных предприятий она усиливалась и продолжала возрастать.

В 1990 году безработица в абсолютных числах коснулась 1126,1 тысяч человек, а в 2013 г. уже 2157,9 тысяч, то есть почти удвоилась (уровень зарегистрированной безработицы составлял в 1990 г. 6,5%, а в 2013-м — 13,4%. Насколько реально она была выше или ниже, определить сложно, поскольку существенный процент населения был занят в теневом секторе). Несомненно, есть отрасли экономики, где процент безработицы был значительным, например, в сельском хозяйстве и строитель-

ство. Независимо от масштаба безработица всегда является социальным бедствием, особенно для молодого поколения, которое входит на рынок труда. Если считать совокупно две возрастные группы: от 15 до 24-х и от 25 до 34-х лет, их доля в безработице в целом составляет почти 40%, из них почти 6% — это люди с высшим образованием.

Следует учитывать также, что примерно два миллиона граждан, в основном молодых людей с высшим образованием, эмигрировали.

Безработица, а также различные формы неполного трудоустройства являются одной из наиболее серьезных проблем современной Польши, хотя можно сказать, что это всеобщая проблема, в мировом масштабе — универсальная.

Считается, что примерно одна треть всех ресурсов рабочей силы в мире не используется. Проблема безработицы решается по-разному в разных странах: в одних — более успешно, в других — менее, но до сих пор нигде не удалось полностью ликвидировать ее — в том числе и в Польше.

БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ

Другой серьезной проблемой, с которой сталкивается каждое общество, особенно государства, проходящие трансформацию, является очень быстрая дифференциация доходов, которая на практике укладывается в логику рыночной экономики. Основными вопросами здесь являются темпы дифференциации и ее уровень.

Трансформация и быстрые системные изменения всегда ведут к неизвестной ранее дифференциации доходов. Так было и в Польше, несмотря на то, что за 25 лет доходы постоянно росли, потому что доходы домашних хозяйств выросли по сравнению с 1989 годом почти на 60%. Можно поспорить — много это или мало (темпы роста ниже, чем темпы увеличения ВВП), но суть проблемы — в распределении доходов среди разных слоев населения.

Принимая в качестве измерителя коэффициент Джини, можно сделать два вывода: первый, что его уровень более менее совпадает со средней в Евросоюзе, и второй, что его уровень примерно 0,30–0,33. В мировом масштабе это не очень внуши-

тельный результат, но тем не менее для общества, которое только становится на ноги, он относительно высокий. Такая цифра существенна, особенно для среднеразвитой страны, а ведь степень внутренней дифференциации всегда высока. Поэтому применяются также другие единицы измерения. Например, доля лиц с затратами ниже условной черты бедности в разные периоды в Польше достигала уровня от почти 13% до более чем 18%. По последним данным за 2012 год, коэффициент держится на уровне 16,3%, а лиц, затраты которых ниже прожиточного минимума, — почти 7%.

Однако стоит привести результаты нескольких проведенных в Польше опросов, из которых следует, что большинство респондентов при ответе на вопрос об уровне жизни и доходах сообщили, что им живется лучше, чем при старой системе, и даже лучше, чем 10 лет назад.

С какой стороны ни подойти к проблеме, вопрос дифференциации доходов в настоящее время решить очень сложно, более того — это вопрос глобальный.

Однако контекст, в который вписывается дифференциация доходов, существен. Дифференциацию доходов следует отнести к проблемам функционирования публичной сферы, в частности, с учетом публичных благ, которые предлагает государственный сектор. А здесь, по крайней мере в Польше, это предложение довольно скромно, потому что введенная рыночная модель, скорее всего, способствовала коммерциализации государственного сектора. И за многие публичные блага, которые необходимо получить быстро и качественно, надо платить.

ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ

Системные изменения, начавшиеся несколько десятков лет назад, не должны ограничиваться только продолжением начатого курса. Польша стоит перед новыми задачами, создающими определенные проблемы. При этом необходимо перенаправить усилия государства и общества на реализацию новых приоритетов. Не углубляясь в полный список всех вызовов, которые появятся пе-

ред польским обществом в будущем, мне хотелось бы обратить внимание на несколько, на мой взгляд, наиболее существенных.

Одним из главных вызовов, которые появятся в ближайшем будущем, — это *старение общества*. Несмотря на то, что в Европе это повсеместное явление, тем не менее, с точки зрения долгосрочной стратегии развития Польши, старение общества становится серьезной проблемой.

В 2010 году численность населения Польши составляла 38 млн 277 тысяч жителей. Доля людей пенсионного возраста (65 лет и старше) составляла 5 млн 167 тысяч, то есть 14% всего населения. В 2020 году численность населения увеличится до 38 млн 375 тысяч (то есть почти на 100 тысяч), но количество людей пенсионного возраста увеличится до 18%, то есть почти на два миллиона. При постоянно уменьшающейся численности населения доля людей пенсионного возраста систематически будет увеличиваться и, согласно прогнозам, к 2035 году составит 23%, а к 2050-му — 29%. Таким образом, каждый третий поляк станет пенсионером.

Такие далеко идущие демографические изменения создают крупные вызовы по обеспечению роста национального продукта и его перераспределения между поколениями. Но они также весьма существенны для будущего пенсионной системы, и что, возможно, еще более важно, это грозит притоком иммигрантов в Польшу на постоянную работу. При этом могут возникнуть определенные конфликтогенные проблемы, связанные с различными культурными особенностями.

Проблем, связанных со старением общества, конечно, гораздо больше, но уже те, которые были перечислены, показывают сложности, связанные с созданием соответствующей стратегии для преодоления барьеров развития.

Важнейшей задачей и вызовом является создание постиндустриального, информационного, или, как говорят некоторые, общества «цивилизации

знаний». Сегодня существенным является создание соответствующих предпосылок для будущего развития. При этом хочу обратить внимание на один аспект. Модель развития в будущем потребует новаторства, креативности, высокого уровня человеческого капитала. Это, в свою очередь, означает, что дальнейшее развитие по модели «имитационного характера» невозможно. Не говоря уже о том, что такое развитие может привести к прекращению роста численности среднего класса. Такого рода явление угрожает польской экономике, в том числе и из-за того, что на протяжении последних 25 лет сектор научных исследований и развития получал недостаточное финансирование. Сфера образования быстро развивалась, а вот наука — нет. Затраты на исследования и развитие никогда не превышали 1% в общей структуре ВВП. Как показывает мировой опыт последних десятилетий, наиболее инновационные страны тратили 2% и более на сектор исследований и развития. Если имитационное развитие на первом этапе было оправдано выходом из застоя, то при отсутствии последующих изменений оно может превратиться в постоянную стратегию политико-экономической трансформации страны.

Специфическим и тем не менее очень существенным для Польши вызовом является завершение или хотя бы смягчение последствий так называемой «польско-польской войны». В основном это касается политических партий. Но в какой-то степени в данный процесс вовлечена и значительная часть общества. Суть этой «войны» заключается в том, что главные политические партии и поддерживающие их группы населения не в состоянии вести диалог и решать путем переговоров и компромиссов вопросы будущей стратегии развития.

Это — одна из важнейших проблем политического и культурного характера, которую необходимо преодолеть, чтобы и в будущем Польшу можно было бы называть членом группы лидеров европейского развития.

Перевод Малгожаты Эвы Бокшнайдер

© Текст: Е. Клеер

© Перевод: М. Э. Бокшнайдер

НОВАЯ И СТАРАЯ ЕВРОПА

Войчех ПШИБЫЛЬСКИ

Помпезное чествование столетия со дня начала Первой мировой войны напоминает нам, что для сегодняшнего политического класса самым крепким связующим элементом Европы остаётся память об общем кладбище. Вопрос только в том, кто в понимаемой таким образом общности находит своё место? Не должен ли её смысл заключаться в практической реализации идеала свободы? Таким образом, задачей для Польши, и вообще государств региона, будет рассказывать о возможностях, которые открыли перед нами и могут еще открыть новые идеи. Отсутствие тщательности выбора важных годовщин, связанных с возвращением в Европу, – это не только вопрос нашего слабого PR и плохой заботы о собственных интересах, но также пренебрежения картиной будущего.

Стоит задать вопрос: приносит ли ожидаемый эффект наше присутствие в Европе? Цель, обозначенная 25 лет назад, – «европеизация польского мышления» – так же хорошо реализуется, как мы планировали? И, в свою очередь, какой вклад мы вносим в строительство лучшего мира?

Если уже нет пропасти между «Европа» и «Мы», то можем ли мы, в свою очередь, утверждать, что Европа – это Мы? Или же так, как когда-то писал Марчин Круль: – мы научились говорить и думать европейским языком о политике и культуре, но одновременно не утратили ли мы 25 лет тому назад такого сильного повода, для которого мы должны были это делать?

Норма, которой мы считали Европу, освещает ли по-прежнему наши действия? Влияем ли мы на её направление? Если да, то в достаточной ли мере, а если нет, то почему, и что делать дальше?

Это коллективное «Мы» касается в той же степени Польши, сколько вообще Новой Европы – нашего места во времени и в пространстве, особую идентичность которого определяет как дух обновления, так и парадоксальная в сопоставлении с этим вечная позиция недовольного. Мы присоединялись к Европе, веря в обновление мира, подхваченные волной энтузиазма, который постепенно угасает и эхо которого мы вспоминаем на киевском Майдане. А ведь современная политика и культура, к которым мы уже официально принадлежим, были построены в равной мере идеей Европы-нормы, как и предостережением о европейском кладбище. Именно поэтому в год, в котором мы должны напоминать европейцам о триумфе свободы и успехах реформ, мы будем совместно с США вспоминать начало Первой мировой войны и безнадёжность уничтожения. Дэвид Кэмерон, открывая четырёхлетнее чествование, уже успел напомнить о роли Великобритании, которая защищала Европу от доминирования Пруссии. Франсуа Олланд назвал его временем международного братства, а созданная при американской администрации комиссия по чествованию столетия должна проводить

мониторинг церемоний с 2013 по 2019 год, не забывая упомянуть об американском участии в Первой мировой войне.

Достаточно сказать, что мы к этому не готовы. До настоящего момента никто не может представить чёткий ответ на вопрос, почему триумф над наследниками тоталитаризма уступает место памяти о самых крупных поражениях нашей цивилизации. Может быть, потому, что не хватило воображения, чтобы осмысленно включиться в мировое чествование павших и умело провести нити, касающиеся опыта нашего региона таким образом, чтобы поставить акцент на этих существенных пунктах. Хотя опоздание в подготовке серьёзное, однако ещё можно наверстать упущенное. Столетие Первой мировой войны ещё ведь продлится четыре года. Может быть, мы тоже сможем повлиять на его проведение?

Однако неподготовленность вытекает из чего-то гораздо большего. Подлинной причиной является отсутствие основательного обдумывания отношения к Европе, с одной стороны, учитывающего материальные аспекты политики, о которых мы до сих пор исправно заботимся, а с другой – духовность, которую мы хотим формировать в её рамках. Ведь невозможно скрыть, что в чествовании столетия окончания некоего этапа в истории мира заложен более глубокий смысл.

В самом деле, обращение к этой годовщине в каждой стране носит несколько иной оттенок, тем не менее повсеместно ощущается. Об этом пишут самые уважаемые издания немецкой, британской, французской и американской прессы. «Шпигель» прямо называет чествование самым большим историческим событием XXI века. Не без основания – внимание, которое уделяется этому событию, отражает характер проблемы, с одной стороны, политического единства, а с другой – границ европейского воображения.

Память о жертвах войны ещё раз подтверждает слова Фукидида, что только над

гробом рождается политическое единство. Это история и память народов создают политическую тождественность больше, нежели общность интересов. Единственное, что нас отрывает от этой могилы и подталкивает вперёд, — это идеи всерьёз, то есть проекты утопий. Этого современная Европа боится как огня. Она так сильно обосновала своё самосознание на памяти, что какое-либо веяние нового доводит её чуть ли не до тошноты.

Нежелание контактировать с идеями и отсутствие склонностей хотя бы к интеллектуальной смелости вызывают, однако, ситуацию более опасную, нежели опасность рецессии. В истории нет обратного пути. Можно только пробовать идти дальше — и с большей отвагой. То, что вообще возникла идея изменения в Центральной и Восточной Европе, а её часть вошла в круг официального сообщества, было как раз реализацией этой утопической идеи. Произошло нечто невозможное, подобно тому, как когда-то было трудно представить выделение государств, которые сегодня разделяют границы Шенгена. Сегодня эта динамика кажется утраченной.

Мы окрепли в политике и культуре, которые изначально казались чуждыми. Однако мы не можем потерять из виду перспективу,

давшую нам эту возможность. Мы сделались тем, кто мы есть, поскольку мы всегда считали, что действуем во имя одной нормы. Европа является чем-то бóльшим, нежели краем вечной памяти. Она является утопией, местом, которого нет, но который миллионам, в особенности за его границами, всё ещё даёт обещание, будто жизнь здесь достойная и хорошая. Сила Европы заключается также в том, что она постоянно создаёт себя заново.

Хорошо вместе чтить память павших, но будущее не получится построить исключительно на истории, воспоминания о которой ведут к исключениям и ограничивают других. Необходим ряд идей, обещание будущего. У континента их нет, а он мог бы их иметь, если бы обратился к опыту перемен, которые всё ещё бурлят в Новой Европе. Задача для нас заключается в том, чтобы этот ряд идей наметить между безнадежностью увековечения и опасением перед лицами иммигрантов по соседству. По поводу юбилея это сводится к вопросу: каким образом по случаю мировых церемоний создать благоприятную возможность к беседе о будущем. Это задача для всех нас, кто знает, что игнорирование потенциала прошлого по меньшей мере является опасным.

Перевод с польского Дениса Беляева

Публикуется с согласия журнала

Res Publica Nowa

Войчех Пшибыльский (*Wojciech Przybylski*) (1980) — историк идей, главный редактор ежеквартального журнала «Res Publica Nowa» и «Visegrad Insight».

© Текст: В. Пшибыльский

© Перевод: Д. Беляев

© Фото: В. Ярошенко

Анна ВУЙЧИК¹

ВЗРОСЛЕЯ С ПЕРЕМЕНАМИ

(ВЗГЛЯД МОЛОДЬХ)

Не знаю иной Польши, нежели Польша времён общественно-экономических перемен, поскольку я родилась в день последнего национального праздника Польской Народной Республики — 22 июля 1989 года, спустя полтора месяца после первых частично свободных парламентских выборов. Последние 25 лет были для меня, как и для моей страны, временем непрерывной подготовки к неизвестной взрослости. Из несовершеннолетия мы выходили похожим образом: сдавая экзамены, поступая в «клубы», о которых давно мечтали (НАТО, ЕС), перевоплощаясь визуально и ментально. Этот путь был полон кризисов и поворотов сюжета, но он был ярким и приносил удовлетворение от принятых вызовов.

Мне трудно поверить, что советские войска покинули польские гарнизоны только в 1993 году. Спустя шесть лет, в марте 1999 года, мы вступили в НАТО. Через несколько недель войска Альянса произвели авианалёт на Республику Югославию. Война в Косово, хотя и происходила совсем близко, казалась тогда весьма далёкой. В то время я много смотрела телевизор. В «Новостях» часто говорили о новой валюте евро, на богатом, идеализированном Западе заменившей марки и лиры — красивые банкноты, которыми расплачивались во время первых заграничных путешествий.

Когда Польша 1 мая 2004 года вступила в Европейский Союз, ученики, с затынутыми на шеях голубыми галстуками со звёздочками Евросоюза, вместе с польским гимном — «Мазуркой Домбровского», пели «Оду к радости» Бетховена. На проведенном в 2003 году референдуме по вопросу присоединения 77,45% проголосовавших одобрили вступление в ЕС. Несколько лет ранее этот успех еще не был очевиден. Сегодня поляки являются самыми горячими евроэнтузиастами среди государств — членов ЕС, частично потому, что как общество с крестьянскими корнями, мы прагматично подошли к выдаче дотаций из фондов Евросоюза. Однако весной 2004 года практические последствия членства в ЕС ещё не были известны.

Когда я была подростком, моя семья перестала покупать одежду на рынках. Мы начали ездить в торговые центры, которые выросли на окраинах городов. Я носила футболки с ярлыками „Reserved“, будучи уверена, что это английская марка. Однако её владельцем оказалась гданьская фирма LPP, которая сегодня имеет свои магазины во многих странах Новой Европы. Одежда доставляется из Азии. До недавнего времени только в продовольственной отрасли отметку „MADE IN POLAND“ считали козырем. Сейчас мы постепенно начинаем должным образом оценивать качество польских продуктов и услуг. Конечно, эти блага не являются в одинаковой степени доступными для всех. Когда-то все мы были приблизительно одинаково бедными. С 1989 года, несомненно, мы обогатились как общество, но в разной степени и в разном темпе.

В самых больших городах формируется стиль жизни, не очень сильно отличающийся от того, который ведут молодые люди в Берлине или Вене. В Польше когда-то все встречи с друзьями происходили в квартирах, сейчас популярнее есть вне дома и посещать бары. Анклавы комфорта становятся

всё больше, поэтому многие жители решают перебраться из маленьких городов и посёлков, которые пустеют. На праздники мы возвращаемся к родителям бюджетными авиакомпаниями из Варшавы, Гданьска, Лондона. Мы массово переезжаем за границу: на короткое время, например, на образовательный обмен в рамках программы «Эразмус», на более долгий срок, а может быть, и навсегда.

Разглядеть шансы на хорошую работу в современной Польше вовсе не просто. В этой связи возможность выехать рассматривают как образованные молодые люди, так и те, кто не имел возможности получить высокую квалификацию. Мы сравниваем себя с друзьями из старых государств — членов ЕС, и наши амбиции к комфортной жизни растут быстрее, нежели зарплаты, которые мы будем получать в ближайшие годы (согласно прогнозам, Польша достигнет 74% среднего ВВП Евросоюза в 2017 году²). Одновременно с ростом благосостояния изменяются и наши стремления относительно профессионального карьерного пути — мы не хотим, чтобы Польша была только большим центром аутсорсинга, привлекательным исключительно дешёвой квалифицированной рабочей силой. 81% опрошенных поляков и полячек в возрасте до тридцати лет позитивно настроены к предпринимательству³, но нам всё ещё необходимо набраться больше смелости и риска, чтобы создавать собственные фирмы.

К счастью, в последние 25 лет много примеров, говорящих о том, что активность, решительность и принятие на себя риска дают хороший эффект.

Примечания

¹ Анна Вуйчик (Anna Wójcik) [1989 г.р.] — редактор Vise-grad Insight и Res Publica Nowa. Изучала юриспруденцию, культуроведение и философию в Варшавском университете.

² <http://www.ekonomia.rp.pl/artukul/1102616.html>

³ <http://pierwszymilion.forbes.pl/mlodzi-polacy-stawiajajana-przedsiębiorczosc,artykuly,166660,1,1.html>

Перевод с польского Денис Беляев

Эльжбета ЧИЖЕВСКАЯ

ПОЛЬСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО Какое оно сегодня и что его ждёт?

Если «Солидарность» была каким-то воплощением гражданского общества, а думаю, что это так; если её появление внесло что-либо для понимания задач и характера гражданского общества, то, задумываясь над тем, что нам удалось построить в течение последних 25-ти лет, следует обратиться к её наследию: Свобода слова, собраний и объединений, территориальное самоуправление, социальная экономика, законодательная инициатива или — еще более популярное — бюджетирование с общественным участием и общественные консультации — вероятно, это слишком очевидные последствия деятельности «Солидарности», чтобы о них говорить.

Общественное движение, которому мы обязаны демократическими переменами, сформировало специфическую модель гражданского общества: сеть активности с сильным стихийным характером, строившаяся не только параллельно по отношению к государственным институтам, но также часто и вопреки им; функционирующая благодаря общественному труду, неформализованная, а скорее формализованная только в необходимой степени, требующая морального обновления, мышления в категориях общего блага, а не индивидуального интереса...

1989 год вместе с экономическими переменами принёс другую модель гражданского общества: сеть активности с прогрессирующей формализацией и профессионализацией, действующая не только благодаря поддержке государственных институтов и бизнеса, но также конкурирующая за неё, закладывающая в основу плюрализм ценностей и стилей жизни. Многие неправительственные организации были основаны и развивались прежними оппозиционерами, а их стартовым капиталом были умения, приобретённые в восьмидесятилетние годы XX века.

Первая модель основывается на создании культуры, другая — на создании процедур, и обе имеют сильные и слабые стороны: первую трудно исследовать, вторую относительно легко можно подвергнуть измерению. Проявлением первой модели являются общественные движения (почти отсутствующие в современной Польше) и встречи при храмах или в сельской школе после занятий; проявлением же другой модели являются хорошо работающие организации, добивающиеся успеха в борьбе за гранты. Обе ведут к активности, к деятельности и созданию связей, обе также могут конфликтовать между собою. В последние годы стала перевешивать вторая модель.

То, что будет иметь для нас значение в ближайшем будущем, касается характера, который приобретёт польское гражданское общество, и того, в какой степени оно сумеет использовать культурные обусловленности. В действительности ещё многое необходимо сделать: сеть организаций не так развита, как в крепких демократиях; польский общественный капитал является одним из самых низких в Европе, но несомненным успехом последних 25-ти лет является то, что «третий сектор»

в Польше сформировал собственные процедуры и собственную систему информации, в состоянии сам себя исследовать, описывать и ставить себе диагноз, а также пытаться ответить на свои потребности, добиваясь соответствующего юридического решения и передавая это ноу-хау возникающим организациям. Юридические и институциональные рамки, а также профессионализация гражданской и общественной деятельности — с одной стороны, это пока ещё очень мало, но с другой — очень много. Профессионализация, при всех своих несомненных достоинствах ослабляет гражданскую спонтанность и чувство личного влияния. Она должна иметь поддержку в культуре, в токвилевских душевных склонностях, в нравственной системе, позиций и ценностей, которые должны поддерживать и подвергать проверке институты и процедуры. Следовательно, речь идёт об умелом сочетании двух моделей, или, скорее, о новой оценке значения первой. Поляки обладают большими мобилизационными способностями, однако проблемой является переход от нерегулярности к постоянной вовлечённости (например, в форме волонтерской деятельности). Поэтому представляется необходимым должным образом оценить формы активности и объединения, в меньшей степени присутствующие в старых либеральных демократиях (от которых мы черпали знания о гражданском обществе), но всё же до сих пор существующих в польском обществе — таких, как активность сельских общин или интеграционная роль прихода.

Важным способом формирования культуры гражданской активности могла бы также стать волонтерская деятельность в выбранной общественной организации на базе средней школы или бакалавриата.

*Перевод с польского Денис Беляев
Публикуется с согласия журнала
Res Publica Nowa*

АДАМ МИХНИК

Михник встречается нас у лифта в ультрасовременном здании редакции «Выборча».

Ему Кароль Модзелевский насчет нас звонил, беспокоился, и Адам реагирует на просьбу друга.

Такого служебного кабинета я никогда не видел у важного лица.

Маленький, стандартный, живописно заваленный книгами, журналами, рукописями, коробками с файлами и пустыми пачками из-под сигарет.

Мы начинаем разговор с того, что наши официальные круги считают, будто бы Польша не любит русских, а «Выборча» — русофобская газета.

Михник заводится с пол-оборота:

Я не люблю? Русофобская?! Я русофил! Я дружу с половиной Москвы! И Петербурга! Но за что мы должны любить Путина?!

Собственно, я пришел не за интервью, я пришел поговорить о том, как начинали мы и они... почти одновременно. И к чему пришли. А интервью... может, он статью напишет? Михник обещает. (И не пишет.)

В.Я.: Мне кажется, Польша — большая европейская страна и у нее есть большая европейская роль, не вполне и не всеми у нас здесь осознанная, — она могла бы стать особым партнером в отношениях с Россией, в силу исторической, культурной и географической близости; не Германия, во всяком случае, не только Германия.

А.М.: Знаете, в конце концов, когда-то это был Привислинский край. Они до конца еще не поняли, что старая истина «курица не птица — Польша не заграница» уже не работает. Это уже не так, уже все по-другому...

В.Я.: Многие мои здешние собеседники не считают роль событий в России в польском освобождении значительной.

А.М.: Были, были здесь люди, которые это понимали, писали и трезво говорили об этом. Например, Анджей Дравич^{*}. Отца его расстреляли в 1941-м, в Луцкой тюрьме, перед приходом немцев. А он стал крупнейшим специалистом по русской литературе, писал про Паустовского, Булгакова, Надежду Яковлевну [Мандельштам], первым перевел Бродского, когда его никто не знал. Бродский ему стихи написал по-польски.

Адам Михник —

знаменитый журналист,
бывший диссидент,
оппозиционер,
заключенный,
один из лидеров «Солидарности»,
главный редактор и основатель
газеты «Выборча».

Роль России — огромна! Это все комплекс польского эгоцентризма. Они не понимают, что без перестройки ничего бы не было. Ничего!

Или был журналист, такой оппозиционный, Леон Буйко, большой поклонник России. Работал потом спецкором нашей «Выборчей» в Москве, умер в 1993 году. Он очень пристально изучал процессы в России и понимал их важность.

В.Я.: Там ведь развилки были, и могло все пойти по-другому. Или не могло? Вспоминаю 89-й. Все начиналось почти одновременно.

А.М.: У Вас все началось гораздо раньше! Я помню, писал статью «Большие надежды. Советские дискуссии вокруг сталинизма». А в Польше слово «сталинизм» еще было не подцензурное. А в России уже всю шли дискуссии... я тогда всё читал, что у вас публиковалось! Нет-нет, Перестройка для Польши — это было самое важное, ключевое событие! Без перемен в Советском Союзе не было бы такого серьезного

нажима на наших секретарей и генералов. Каждую неделю я рассказывал Валенсе, что происходит в СССР. Я был вроде «заведующего советским департаментом» нашего «теневого МИДа». Потому что ни Валенса, ни Мазовецкий, ни Геремек не доверяли новостям с Востока: «Ты наивный человек. Ты веришь Горбачеву, ты веришь в его искренность?»

А я говорил: «Я просто читаю! Верю, не верю, это вопрос для его жены, я смотрю, что он делает. Каждый день что-то происходит». Но Валенса не доверял... И Мазовецкий не доверял. Он не читал по-русски. Даже наши генералы не воспринимали ситуацию адекватно; они тоже думали, что это просто маскировка для Запада.

В.Я.: Весной 89-го я был в Чехословакии. А до этого я там был в студенческом стройотряде в 1967-м. Вторжение в августе 1968-го изменило всю мою жизнь.

А.М.: Да, понимаю...

В.Я.: И вот Прага, март 89-го. Что было самое непривычное: я приехал из свобод-

ной страны в запуганную, трусоватую Чехословакию, где только на лестнице или в курилке смели разговаривать со мною.

А.М.: Абсолютно! Совершенно так и было! И боялись слово сказать, всё правда. Были, конечно, откровенные диссиденты, как Гавел, они в тюрьме сидели, или за границей.

Наши французские друзья говорят про таких, как мы: «люди 68-го года». Я был в движении, меня арестовали, я в тюрьме сидел.

В.Я.: Меня тюрьма обошла, но я, вернувшись из Праги осенью 1967-го, организовал в Энергетическом институте, где учился, дискуссионный клуб «Камертон». Мы туда многих приглашали — поэтов, переводчиков, художников... выставку опального Эрнста Неизвестного повесили прямо на факультете. А осенью 68-го провели в нашем ДК общемосковский фестиваль экспериментального искусства, пригласили студентов всех творческих вузов Москвы.

А.М.: О-ля-ля! В ту-то осень!

В.Я.: До сих пор не понимаю, почему нас тогда не повязали, не выгнали. Вместе собрались — ВГИК, Суриковский, Строгановка, Литературный, ГИТИС, Щукинское училище...

А.М.: ...взрывчатая смесь!

В.Я.: Партком, когда пришел, ошалел: на стенах картины невозможные, абстракционизм, сюрреализм, со сцены стихи нелитованные цензурой читают, кто во что горазд. Они настолько обалдели, что сделали вид, будто ничего не произошло.

А.М.: Вам повезло, повезло...

* * *

Михник перебрасывает разговор в современность.

А.М.: Я боюсь, что в Европе есть две угрозы: с одной стороны, это модель суверенной демократии, имитационной демократии, а с другой — феномен Берлускони. И эта

связь «путинизма» с «берлусконизмом» довольно близка. Жесткая вертикаль власти, корпоративизм, концентрация капитала у друзей, власть и контроль над СМИ. И безудержный популизм... Таких всё больше. В Польше не до конца понимают, что Путин не славянофил. Он в каком-то смысле западник. Но он воспринимает с Запада совсем не либеральные идеи. Национализм — как во Франции, Марин Ле Пен, Венгрия, Словакия, Греция. Это ведь находит отклик в массах: подозрительность, агрессивность, ненависть к чужим, даже расизм. Невозможно установить демократию, если нет демократов. Если за нее не борются, если ее принципы и процедуры не соблюдаются. Но нет и возврата к классической диктатуре, несмотря на все то, что делает власть. Власть идеологии исчезла. Но появилась власть телевизора, власть популизма. Люди не хотят думать, не хотят брать на себя ответственность. В этом секрет успеха тех, кто легко обещает им то, что они хотят слышать. В этом феномен Анджее Дуда. Это такой радикальный популист, председатель современной «Солидарности», демагог, очень опасная фигура. Говорят: он защищает рабочих. Но это бред сивой кобылы!

Я два года был рабочим. После своего освобождения из тюрьмы работал на варшавском заводе имени Розы Люксембург сварщиком. Так что я знаю, что такое рабочий класс. Я был там, и у меня нет такой идеализации. В Европе уже практически нет традиционного рабочего класса, того нищего пролетариата — в старом смысле слова. Его просто не существует.

Я думаю, что немного знаю Россию. Ваши социологи говорят, что есть несколько разных России. Но есть и миллионы образованных и свободных людей, которым нельзя запудрить мозги. От Владивостока через Хабаровск, Красноярск, Иркутск, Томск, Новосибирск, Екатеринбург, Ниж-

ний Новгород — по всей этой линии в городах живут миллионы образованных, свободных молодых людей, которые не приемлют диктатуры.

* * *

Наш разговор происходил в Варшаве 5 марта 2015 года. 10 мая в Польше прошел первый тур президентских выборов, на которых Анджей Дуда набрал больше всех голосов (34,8%). Его предвыборная программа:

- семейные ценности, патриотизм и чувство национального единства;
- 500 злотых (125 евро) за каждого следующего ребенка;
- бесплатные детские сады и здравоохранение;
- понижение пенсионного возраста;
- отказ от введения евро валюты в Польше.

В своем первом предвыборном выступлении Анджей Дуда заявил, что Лех Качиньский — его учитель, который оставил «большое незаконченное дело» («Радио Польша»).

Адам Михник прокомментировал итоги первого тура президентских выборов: «Демократия бывает жестока по отношению к тем, кто за нее боролся и о ней заботился. Результаты первого тура выборов показывают, что Польша может попасть в руки безответственных и некомпетентных людей... Я помню эпоху правления Ярослава Качиньского и «Права и Справедливости». Я помню сверхвласть спецслужб, политические провокации, камеры, устанавливаемые в кабинетах врачей. Это было время, когда Польша казалась страной подозрений и страха. Сегодня многое указывает на то, что возвращение к тем временам вполне возможно».

Из выступления Адама Михника в клубе «Билингва» (2008 г.):

«...последние 20 лет мы верили, что Россия идет хорошим путем. Никто из нас не

думал, что возможен возврат к имперскому мышлению. (Мы — это настоящие антисоветские русофилы.) С разными черными дырами, через ловушки, шаг вперед, два назад.

...С моей точки зрения, с точки зрения польского демократа, очевидно, что место демократической России — в структурах европейского демократического мира. Почему? Нет европейской культуры без русской культуры. Без Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева и других. И нет европейской культуры без русской музыки: Глинки, Шостаковича и т. д.

Во-вторых, с польской точки зрения, исторически самой великой угрозой для нас были конфликты с нашими соседями: с Россией и с Германией. Позитивный сценарий — это хорошие отношения и с Россией, и с Германией.

В-третьих, психологически, по своей природе, поляк очень близок русскому человеку. Один из наших дипломатов сказал, что Польша ближе к немцам. Я его спросил: «Ты читаешь русские романы или немецкие, слушаешь немецкую музыку или Высоцкого и Окуджаву? Где тебе ближе? Ты можешь так хорошо выпить водки с немцами? Нет, не можешь». Это очевидно.

Далее. Я бы сказал, что есть связь между внутренней политикой власти в России и зарубежной политикой. Но я уверен, что естественные интересы России и потенциальные враги России — это не Европа и не США. Это или исламский фундаментализм, или Китай, если там что-то пойдет не так... Я думаю, что в Кремле прекрасно знают: США не хотят войны с Россией. Но 70 лет постоянно шла антиамериканская пропаганда. Это уже как код. Как в Польше с Германией. Если хочешь иметь высокие рейтинги, надо сказать, что видишь в Германии реваншизм, только потому, что какой-то идиот что-то сказал. Но если вы посмотрите на то, что происходит

сегодня в Венгрии или в Словакии, вы увидите схожие механизмы. Я боюсь, что в наших странах власть может оказаться в руках демагогов.

...Я вообще не люблю государственную историческую политику... Надо знать правду. Но если премьер или парламент имеют возможность решить — это первый шаг к катастрофе. И с этой точки зрения, я критикую историческую политику. Но есть и другой аспект. Мы говорим, что надо понять до конца, чем был коммунизм или фашизм. Это очень важно. Но что случилось в Польше? У нас есть представление, что коммунисты и фашисты были или иностранцами, или предателями Родины. То есть это были не поляки. Это очень опасная мысль. Потому что если мы, поляки, генетически неспособны к тоталитарной философии, то не надо и бояться. Можно говорить и делать, что хочешь. Ведь ты демократ по природе.

Из статьи А. Михника (2005 г.): «Нам, ворчунам из секты недовольных и испуганных, грезится нечто подобное. Мы не хотим новых моральных революций, натягивания вожжей, специальных комиссий для выслеживания противников добродетели или божьего порядка, проскрипционных списков врагов и т. д. Нам, брюзгам, грезится именно такое

одеяло — сотканное из компромисса и здравого смысла...»

*С Адамом Михником беседовал
Виктор Ярошенко (по-русски).*

Примечание

Вот отрывок из его интервью 1992 года («Новая Польша», 3.2011) Татьяне Косиновой:

Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете роль, которую может играть русская культура для Польши, для польской культуры?

А.Д.: Я думаю, во-первых, это может быть тип вызова для нашей культуры. <...> Я думаю, что мы должны с пониманием смотреть друг на друга, обмениваясь опытом, стараясь там, где возможно, помогать друг другу в этой новой ситуации. Но вы в более выгодном положении, потому что вы принадлежите к культуре огромной нации, которая для Запада всегда была более привлекательна<...> Что тут говорить — у нас средняя нация, средняя литература. Великая русская литература очень давно сыграла свою большую историческую роль. Чехов стал английским, международным писателем; Достоевский стал пророком нашей современности, он ее предвидел; как известно, все знают Льва Толстого. У нас таких аргументов нет. Наш польский язык всё-таки является языком более провинциальным. У нас такого широкого выхода в Европу, в мир быть не может, потому что нет у нас таких потенциалов... Так что, я думаю, я ожидаю, честно говоря, когда вы немножко очухаетесь, у вас назреет новый скачок, вы можете удивить мир абсолютно чем-то таким, вроде «русского Серебряного века». Мне кажется, что это возможно. Я уже сказал полякам, что я продвигу такое. Честно говоря, я не хотел бы быть польским антипатриотом, но от нас я ожидаю нормальной, более средней экзистенции, без подобных вспышек. Что делать — это есть жизнь» (Комментарий В.Я.). ●●●

АДАМ ПОМОРСКИЙ РЕН-ЦЕНТР

Адам Поморский — писатель, переводчик, эссеист, председатель польского РЕН-центра. С ним мы встречались в респектабельном «Литературном доме» на Ратушной площади Варшавы. Уютный кабинет, приятный полусумрак, за окнами старая Варшава, вдоль стен — шкафы с книгами виднейших польских писателей.

Варшава встретила туманом, который вскоре рассеялся, открыв солнечный и ясный октябрьский день.

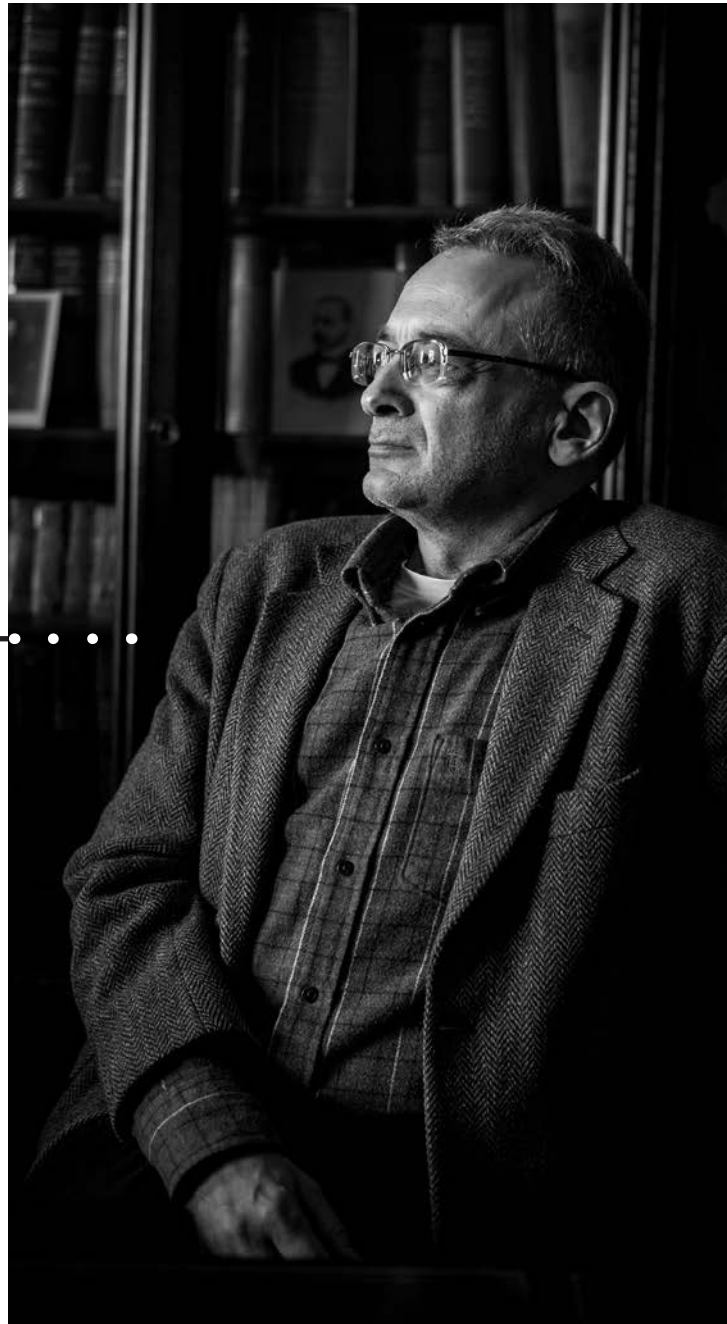
*Варшава — город постсоветский, в войну уничтоженный, после войны был поднят из руин. За исключением скрупулёзно, по кирпичику, восстановленного исторического центра и новых стеклянных бизнес-центров — город скромный, небогатый. Вечерами — даже довольно сумрачный, где за тысячами окон коротают вечера самые разные, выбравшиеся из социализма люди: совсем старые, стареющие и полные сил. И совсем молодые, которые своим органическим оптимизмом делают лицо города. Большинство из них живут в своих маленьких квартирках с потолками два с половиной — наследие социализма, от которого не скоро можно избавиться. На каждом шагу — узнавание, думаешь: как у нас, но и понимаешь тут же, что **все равно** не как у нас, а по-другому, совсем иначе.*

Польская литература — одна из самых развитых европейских литератур: поляки — люди книги и слова. Ежегодно проходят книжные ярмарки и выставки, присуждается множество литературных премий, главная из которых — «Ника»: в нее входят сотни наименований. Польские писатели популярны у себя в стране и в мире, но, увы, уже не в России.

Адам Поморский
Варшава, 2014

В Польше знают практически всех значимых российских авторов; у нас — почти никого из польских. На Российские ярмарки не приезжают польские писатели — нет издательского интереса. Серию польских книг издала Ирина Прохорова, Центр книги Рудомино издает библиотеку польского романа, но это почти все. Отдельных авторов печатает Иван Лимбах в Петербурге, историю публикует «Летний сад», издательство «Астрель» издало легендарную книгу Яна Карского «Я свидетельствую перед миром. История подпольного государства» (в переводе с французского), но в целом современная польская литература, не говоря уже о поэзии, остается за пределами интересов русских издателей.

Адам Поморский — писатель, переводчик, эссеист, председатель польского PEN-центра. С ним мы встречались в респектабельном «Литературном доме» на Ратушной площади Варшавы. Уютный кабинет, приятный полусумрак, за окнами старая Варшава, вдоль стен — шкафы с книгами виднейших польских писателей.

Разговор с *Адамом Поморским*, знатоком русской классической и современной литературы, ведется по-русски, он переводчик нашей поэзии — Пушкина, старых и новых поэтов. Блестяще знает нашу литературную историю и современную литературную жизнь. Сыплет именами современных писателей, с которыми знаком визуально (по книгам) или лично.

Адам Поморский переводит Достоевского, уже перевел «Преступление и наказание», сейчас заканчивает «Подростка».

Считает, что каждому новому поколению необходимо новое прочтение и новый взгляд на Достоевского: прежде переводили слишком буквально, не обращая внимания на эмоциональную атмосферу его прозы.

Разговор начинается с России, с XVIII века, с Елизаветы, планов Н.И. Панина. Россия всегда — между деспотией и хаосом...

Адам Поморский озабоченно говорит:

На наших глазах создается ультраправый интернационал.

Националисты-нацисты — это всегда антилибералы, враги единой Европы и, конечно, Украины, тянущейся к Европе. Они влиятельны, и их влияние не следует недооценивать. Кто к ним идет? В Польше это — молодежь, техническая, даже технократическая. Ультраправые видят здесь социальные лифты, в других местах для них закрытые.

Они усилились уже в прошлом году, когда проводились международные акции в защиту свободного Интернета. Здесь проявились и ультраправые, и откровенные нацисты. Что побуждает молодежь идти за ними?

Альтернативность: простые и четкие ответы на сложные вопросы, открытое наименование врагов, радикализм, демонстративная неполиткорректность, взывание к национальным, общим, а не к личностным ценностям и достижениям.

Радикалы слева и справа сходятся. Очень характерен пример Венгрии, его следует внимательно изучать: в центре Европы возникает очень радикальное правое государство. В Польше две правых партии могут взять две трети электората. Налицо кризис системной демократии.

При этом страна все-таки процветает, никогда она еще не жила так хорошо. Европейские деньги дали мощный толчок развитию, меняется инфраструктура, происходят колоссальные перемены в экономике, меняется и

общество. Да, есть расслоение общества, и оно растет, да, есть безработица, которую либералы трактуют как резерв для создания новых замещающих производств.

Но в деревне явный подъем, сельское хозяйство просто расцветает. Крестьяне любят традиции, они в целом консервативны, но ни за что не хотят возвращать европейские деньги...

Кто же подкормил этих ультраправых? Ну, вам виднее.

Этот «тонкий намек» мы не стали развивать.

Общий процесс: потеря культуры, ее упрощение, сокращение ареала. Вообще мировой тренд — это снижение роли словесной культуры, возрастание роли визуальной. Падение популярности поэзии и прозы, «фикшн». Люди читают все меньше классических романов.

Однако растет интерес к широкому кругу гуманитарной литературы, истории, философии, политики, — это общеевропейский процесс. Растет роль литературы нон-фикшн, растет популярность смешанных жанров, книг-эссе, путешествий, где присутствует и авторская позиция, субъективность, и фактология, и исторический экскурс, и какая-то доля фантазии; все это востребовано. В Польше всегда были сильны традиции книги-репортажа, но новая литература этого жанра уже другая, более субъективная, нервная, это все-таки уже литература, не журналистика факта. Здесь велика роль словесного образа, вообще качества языка, высокий уровень рассказа; идет сращивание этой литературной традиции с антропологической, этнографической. Пожалуй, сегодня — именно здесь главное русло польской литературы.

Анджей Стасюк с женой основали издательство документалистики, очень успешное.

Очень интересна писательница Малгожата Шейнерт (Malgorzata Szejnert).

Она издала трилогию документальных книг об истории одного района города Катовице. Район был построен немецкими архи-

текторами-модернистами (и утопистами) для рабочих-шахтеров. В этом регионе Силезии, имевшей сложную и трагическую историю края, повествование перемежается с документальными историями отдельных людей. Первая часть этой трилогии книга «Черный сад». Вторая — «Остров» повествует об острове Элис, через который прошли десятки тысяч эмигрантов со всей Европы. Третья книга — «История острова Занзибар» — рассказывает о взаимодействии культур, религий, цивилизаций на конкретных судьбах отдельных людей и семей. Получилась такая впечатляющая глобальная антропология, очень интересная. Пожалуй, это следующая ступень после Рышарда Капушинского...

Возможно, это самое интересное, что сейчас есть в польской литературе.

Читают ли люди? Исследования показывают, что интерес к чтению не пропал. Читает пролетариат, бедные люди: в каком-то смысле книга остаётся самым доступным культурным продуктом, доступным везде и повсеместно. Интересно, что нижний средний класс книг не читает. Поселковая молодежь читает; мужчины пролетариата не читают, зато женщины читают практически все. Они проходят домой и после всех дел, после забот, когда уложат детей, непременно читают, за полночь, порой вполне элитарные книги.

С 1990-х годов, после распада социалистической системы, упал интерес к России, зато и резко вырос интерес к другим соседям. В России, мы знаем, читают западные книги.

Наша молодежь на следующий день после падения коммунизма стала читать литературу бывших соцстран: болгар, чехов, украинцев, белорусов. Почему-то литература балтийских стран в эту волну интереса не вошла; их, пожалуй, раньше читали больше. Возможно, они слишком рано вошли в ЕС и выпали из восточноевропейского движения, но восточноевропейские страны стали очень интересны друг другу. Но есть проблема — в Польше не осталось переводчиков этих литератур, старое поколение уходит, новое увы, не нарождается.

В Польше переводят практически всех интересных русских писателей. Всех мы знаем — от Прилепина до Быкова...

Адам Поморский сделал сейчас «Антологию украинской поэзии», в ней значится 80 имен.

— Мы знаем, что в России никогда особенно не интересовались ни украинской, ни белорусской литературой, относились к ней пренебрежительно.

Почему понадобились новые переводы Достоевского?

Прежние переводы были слишком уж буквалистскими, но не учитывали его стиль, его нерв, но Достоевского без стиля, без интонации этой срывающейся, завихренной фразы, нервической скороговорки диалога, — вообще нет. Нужно было вернуть эту экспрессию. Недавно по польскому радио целиком читали «Братьев Карамазовых», а потом и «Бесов» — целиком. Вся Польша слушала.

Wszystko
ZIENNIK
944 4947
ANDRZEJ
ończy PRL
MIŁOŚĆ
ZŁAZU
Czesarżowa
PWN

IRIS CHANG
Liao Yiwu Prowadzący umarłych
Liao Yiwu BÓG JEST CZERWONY
Roger Faligot
TAJNE SŁUŻBY CHIŃSKIE
Od Mao do igrzysk olimpijskich
Saïra Shah córka bajarza
BIEŚLAN
BIEŚLAN
ZBIGNIEW PAWLAK
JERZY A WLAZŁO
WIELKA GRA
Peter Hopkirk
ANATOL KRAKOWIECKI
ANATOL KRAKOWIECKI
KSIĄŻKA O KOLYMIE
KSIĄŻKA O KOLYMIE
ZDZIŚLAŃ NOWIECKI
IKONA z kawalkiem chleba i cebuli

KORWIN PIOTROWSKA
CWIARTKA RAZ
KABOLINA
1944-1947

труп, триллер, чужбина

Для начала добавлю к повествованию Эльжбеты Яницкой о прогулках по Варшаве собственный рассказик¹. Итак, некоторое время назад я присела на лавочку неподалеку от перекрестка улиц Анелевича и Андерса: пахнут цветы, ребенок на роликах куролесит, сквозь листья пробиваются солнечные лучи, пташка щебечет. Поднимаю глаза — и выясняется, что сижу я в Сквере политических узников сталинизма.

Но — узников, да не всех. Потому как: вот памятный камень, сообщающий о том, что название сквера касается тех жертв сталинизма, которые были верны девизу «Бог, честь, отчизна». То есть полностью название должно звучать следующим образом: «Сквер политических узников сталинизма, верных девизу “Бог, честь, отчизна”». А как же иначе — ведь другие жертвы в расчет не берутся? Камень выносит их за скобки.

«Труп, триллер, чужбина» — гласит пародия этого девиза. А как тут не пародировать?

Название этого места — даже в сокращенной версии — в свою очередь, выносит за скобки настоящее. Топоним не гармонирует с погожим днем, не гармонирует с роликами, тюльпанами и птичками. Атмосфера могилы, мученичества и смерти, нивелирующая живых и даже вполне довольных жизнью, которые — опять-таки — как-то не к месту, не *a propos* по отношению к названию и комментирующему его камню.

За последние пятнадцать-двадцать лет подобных мстительно-мартирологических топонимов в Варшаве появилось множество. Я говорю «мстительных», потому что, похоже, главная цель этих названий — месть предшествующей эпохе, ПНР, нанесение новых «меток» поверх старых. А также — неприятие жизни вообще и витальности этого города, в частности, — чтобы не был слишком живучим, слишком жизнерадостным. Названия не в духе улицы Винни-Пуха, а в духе памятника Маленькому повстанцу. Эта мартирологическая топонимика окутала город тошнотворной атмосферой неудовлетворенных претензий пополам с мученической гордыней.

(1 августа у памятника Маленькому повстанцу родители фотографируют своих детей, часто в немецком камуфляже, который носили участники Варшавского восстания, в сползающих на глаза больших касках. Очевидно, видя в них очередные «камешки на шанец»², жертвы богу Войны и Народа. Интересно, что даже ацтеки приносили своим кровожадным богам в жертву все-таки захваченных пленников — а не своих соплеменников.)

В этих названиях заключен также элемент гротеска — вероятно, непреднамеренного. Например, дотошная описательность топонима «Сквер узников...» отсылает к не столь давним временам китайской «культурной революции»: «Сквер замученных на смерть несчастных крестьян, жертв Гоминьдана». Однажды в Силезии я видела что-то вроде «Перекрестка пилота, инженера, магистра авиации, майора ХУ». Не помню фамилию, помню только ощущение комизма, которого пилот вовсе не заслужил.

Что ж, перехожу на другую сторону улицы. Да, это поистине *другая* сторона. Улица Мордехая Анелевича³. Она ведет к памятнику Героям Варшавского гетто и строящемуся Музею истории польских евреев⁴. Здесь все еще существует улица Левартовского⁵, который был и евреем, и коммунистом, но его не тронули — это ведь территория заповедная. А вот улица Люциана Шенвальда⁶ на Жолибоже не выстояла — пала от руки названия «улица Битвы под Рокитным» (1920), как и пристало пасть еврею и коммунисту, хотя сам Шенвальд (кстати, хороший поэт и прекрасный переводчик) погиб вовсе не на той войне.

Что ж... Жолибож лежит за пределами заповедника.

* * *

Так о чем же эта книга Эльжбеты Яницкой? О сражающемся городе, а вернее — об общественных группах памяти и/или политиках, захватывающих территории: дома, улицы и парки. В зоологии это называется «мечением территории». Прежняя неправота повержена, наша правота увековечена. В свою очередь прежняя неправота, пока еще имела статус правоты, противопоставлялась другой неправоте — замалчивавшейся, стирившейся, заслонявшейся. И так без конца.

Страны, которым повезло больше, обладают историей значительно более цельной — и в пространстве географическом, и в пространстве текстуальном. События откладываются слой за слоем, создавая более многоэлементное повествование. Там не принято каждый раз устраивать «культурную революцию», дабы вымести из истории предыдущую эпоху, взявшуюся неведомо откуда — то ли свалившуюся с Луны, то ли подброшенную кукушкой, во всяком случае, не имеющую к НАМ никакого отношения. Конечно, и у других народов есть свои мифы, но там нет нужды требовать, подобно Мао, чтобы трава, служившая не нашим удовольствиям или идеям, была вырвана с корнем. В отличие от Варшавы, в Хельсинки не пришлось взрывать возведенный царем великолепный собор.

Топонимы современной Варшавы навязывают мысль о том, что главное историческое событие, имевшее здесь место, — это Варшавское восстание⁷. Есть музей и, разумеется, памятник (уродливый), но сверх того — десятки микроплощадей и перекрестков имени харцерских батальонов, лидеров и отрядов АК⁸ времен восстания. Перекрестки, площади и газончики, ранее свободные и безымянные, взяты на короткий патриотический поводок и едва дышат, придавленные названиями значительно более масштабными и громоздкими, чем они сами.

Город, в предшествующую эпоху «отредактированный» с целью превознесения польских коммунистов и радикальных левых движений (площадь Парижской коммуны, ранее Вильсона и ныне — тоже Вильсона), теперь «редактируется» с целью превознесения правых и национализма. Тогда поставили памятник Дзержинскому, теперь — Дмовскому⁹. («Ах, да не был он таким уж ужасным антисемитом!» — заметил один историк и политик, в прошлом связанный с левыми. Дело не в том, был ли Дмовский антисемитом — да, был, и ужасным, — а в том, что возможно ли не принимать это во внимание). В Гданьске улица коммуниста и одного из учредителей SDKPiL¹⁰ Юлиана Мархлевского¹¹ отдана все тому же Дмовскому... похоже, и впрямь ради мстительного контраста... В Варшаве бывшая улица Мархлевского превратилась, как известно, в улицу Иоанна Павла (Мархлевского)¹².

(В восточном Берлине улица Юлиана Мархлевского существует с 1950 года и по сей день, близ улицы Розы Люксембург. Берлину это не мешает, Берлин способен это принять.)

Итак, сегодня город отредактирован с целью превознесения Варшавского восстания — восстания, без которого можно было обойтись, но в результате которого были убиты 200 тысяч жителей города, а сам город был превращен в руины. Viva la muerte!¹³

* * *

Историческая политика подобна литой железной маске, надетой на лицо истории — наконец-то ни ко-согласия, ни морщин! Но этот жест свидетельствует о глубокой неудовлетворенности собственной внешностью, то есть собственной историей. При этом очередная идеологизация и политизация, очередные манипуляции с историей приводят к тому, что она прирастает к нам намертво. Невозможно перейти от «вчера» к «сегодня», а уж тем более — к «завтра». Порочный круг — в который уж раз власть имущие, на свой идеологический вкус, выбирают подходящую версию истории. Все прочее предается анафеме. Был Дзержинский — отлично, теперь будет Дмовский, чтоб и духу Дзержинского не осталось. Область Символического по-прежнему довлеет над эмоциями и идеями больше, чем область Реального, поскольку является пространством конфликтов и побед хотя и символических, но также и реальных. Исторические события и персонажи — территория сегодняшней борьбы за сегодняшний день, это нормально, таким и должен быть фон общественной жизни. Однако создается ощущение, будто в Польше дело обстоит совсем наоборот: фоном оказывается общественная жизнь.

Так историю не выстроишь.

* * *

Тоталитарная природа господствующего в публичной сфере право-националистического дискурса такова, что он неизбежно завладевает всем повествованием, стремится к полному контролю над языком истории. Цель — создание гомогенной, однородной версии истории однородного племени. От Пяста Колодзеля¹⁴ и на веки вечные «тут — мы, а там — милиция»¹⁵ — если вспомнить один из наиболее пустопорожних и наглых лозунгов на тему исторических водоразделов. Требуется максимально упрощенная версия истории, опирающаяся на слова-пароли — желательно, чтобы они действовали, подобно командам: «Смоленск!», «Милиция!», «Катынь!». Посвященные тотчас же реагируют взрывом эмоций.

Это многократно опробованные средства из арсенала популизма — новой версии фашизма, — опирающиеся на идею национального подъема, чувство принадлежности и упование на единственного спасителя, который знает, как уберечь нас от утраты национальной идентичности и конца (национального) света. Кроме того, он крепит «мужественность, которой славятся поляки» (как гласит реклама одного фильма), то есть готовность презреть жизнь — как свою, так и чужую. Готовность ее отдать — в обмен на подтверждение собственной мужественности. Эта воинственность, как и любая другая (если без нее можно обойтись) — свидетельство того, что в процессе социализации в гражданах воспитывается большее уважение к коллективной идентичности, за которую они не несут ответственность, чем к собственной, индивидуальной. Подобные общества, почитающие готовность стать «камнями на шанец», небезопасны. Ведь люди камнями не рождаются — в камни их можно только превратить.

Шанец, окоп — коллективное отсутствие Дома, отсутствие удовлетворения жизнью, отсутствие жизни, которую хочется защищать, отсутствие позитивных связей. Именно это отсутствие он и призван компенсировать. Но — не компенсирует. Более того — отберет и то немного, что оставалось.

* * *

Это польское переписывание истории заново — реакция восторжествовавшего ныне национализма на переписывание истории в духе торжествовавшего в послевоенный период реального социализма. Реакция, свидетельствующая о родственных узах этих «антагонистов». И тому, и другому свойственны авторитаризм и патриархальность. Да и антагонизм их, в сущности, преувеличен, ведь реальный социализм (во всяком случае, после 1968 года¹⁶), прекрасно сосуществовал с национализмом и антисемитизмом, был пуританским и антифеминистским, и хотя Костел не играл той политической роли, к какой стремился (то есть безграничной), но все же играл роль немалую. Да и цель была схожей — единая версия истории, единая формула нации. Цель господствующего сегодня в Польше правого дискурса — та же самая: достижение максимально однородной версии истории

и идентичности однородной нации; единая модель судьбы, сформированная согласно единой системе ценностей, а если кто вздумает настаивать на своей индивидуальности — будет вычеркнут из национального реестра. Национализму приходится всегда быть бдительным, поскольку предмет его интереса и манипуляций — народ никогда не бывает достаточно однороден и един. Неоднородность же попахивает национальной изменой («закамуфлированная немецкая опция», как назвал бывший премьер-министр¹⁷ ощущение силезцами собственной самобытности). Любой тоталитарный проект — от «Государства» Платона до «Третьего рейха» — базируется, в частности, на том, что список разрешенных к употреблению элементов идентичности и воззрений обедняется вплоть до полной нежизнеспособности. Вспоминаются слова Павликовской: «Значит, жить без воздуха можно?» (хотя она, на первый взгляд, говорила о другом¹⁸).

* * *

Текст Эльжбеты Яницкой — эссе с развернутым научным аппаратом и одновременно увлекательное повествование, четко выстроенное и несущее огромный эмоциональный заряд. Автор рассказывает о существовании горожан одновременно в двух пространствах — официальном и неофициальном, означенном и обезначенном, предназначенном для вписания смыслов (прежде всего национально-патриотических) и для отсутствия смыслов, погружения в небытие. Это также описание механизма характерного для Польши отношения к евреям — со времен войны и до наших дней, рассказ о переписывании заново исторического пространства города, где до войны проживало самое большое в Европе количество евреев. Переписывание заново — дело нехитрое, и цель у него нехитрая: ликвидация гетерогенных, чуждых — еврейских — элементов. Насколько этот процесс осознанный? Не знаю, корректен ли этот вопрос. Это заполнение уже заполненного пространства так, словно оно представляет собою чистый лист бумаги. Подобно тому как на мацевы, использовавшиеся в качестве католических польских надгробий, поверх еврейских букв наносили польские... как рассказывает экспозиция «Мацевы повседневного пользования»¹⁹. Тот покойник, на чьей могиле первоначально стояла мацева — мацева, на которой затем выгравировали крест и фамилию умершего поляка, католика, — тот первый, подлинный покойник, не имел человеческого значения, в сущности, он вообще не имел никакого значения. Его надгробие «одичало», вернулось к природному состоянию. «Одичало» — то есть снова приобрело черты необработанного камня, стало словно бы произведением природы, естественным полуфабрикатом, несколько причудливой формы и причудливо изукрашенным, но природа ведь имеет право на капризы. Этот камень ничего не значил — знаки могли быть в него вписаны, поскольку он, по сути, не был «исписан», он был «чист».

Синоним Чужого в Польше — «еврей». Он уже на веки веков останется — с националистической точки зрения — символом Чужого, нерастворяемым и нерастворившимся, нестыкующимся. Поэтому переписывание пространства заново связано также с «одичанием» следов и знаков еврейского прошедшего времени в польской реальности. Эти вторичные природные образования, подобно мацевам, имеют свою рыночную ценность, хоть она и невелика. Вообще все еврейское имеет лишь рыночную ценность — другие в расчет не берутся. Икона и венец данного принципа — знаменитые «еврейчики»: нарисованные, вырезанные, наклеенные на стену, на холодильник... «Денежные еврейчики» — продаваемые в качестве национального символа финансового благополучия, поскольку, как гласит реклама в одном магазине: «Еврей в сених — деньги в карманах». Как прелестно это сочетается с тысячами военных воспоминаний, с фотографиями и фильмами, запечатлевшими последних представителей еврейского социума в Польше — заморенных голодом, оборванных, обезумевших, умирающих на улицах, в закоулках гетто, в лесах, в концлагерях. Ободранных в самом буквальном смысле этого слова. Покровители имущества! Польские лары и пенаты от кошелька. Но эти картинки, эти «еврейчики», выжимающие (как символично!) лимон для лимонада, а по ночам пересчитывающие монетки, — так вот, эти картинки существуют вне истории, вне фактов с их неоднозначностью, но зато в исключительной гармонии с природой антисемитизма. Это иллюстрация доэмпирического знания обо «всех евреях»: я знаю еврея вне зависимости от того, встречал ли его когда-либо, знаю о нем всё, знаю его мысли, его действия, его кровь, его суть; это знание извечно. Отдель-

ного, индивидуального еврея не существует — разве что постольку, поскольку он является клоном «еврея как такового».

«Еврей как таковой» остается поэтому покровителем хитрости, финансов, удачи. Везет ему, хорошо устроился. Нам бы, полякам, так — но мы ведь по природе своей такие честные... Он отлично устроился, не страдает. Еврейские страдания как-то размыты — в числах, названиях и понятиях. В тексте, посвященном «Детским сценам» Ярослава Марека Рымкевича²⁰, Эльжбета Яницкая проанализировала специфический способ изображения польского опыта, польских потерь, которые определила как «холокостизацию»²¹. Холокостизация — подобно полонизации еврейских жертв — существовала и раньше, просто не была названа. Например, когда в школе детей учили, что во Второй мировой войне погибло шесть миллионов поляков²². Или в том факте, что я, окончив среднюю школу, полагала, будто Корчак был добрым поляком, по каким-то неведомым причинам оказавшимся в гетто и заботившимся о еврейских детях. Считала я так не потому, что мне это сказали, скорее — потому, что мне не сказали о чем-то другом. Иначе говоря, когда предполагается, что Холокост касается Польши и поляков и мир не знал иных страданий, кроме польских.

Помню свое удивление, когда, случайно оказавшись в Модлине, я увидела на памятнике солдатам, погибшим в сентябре 1939 года, множество еврейских имен и фамилий! Массу. Сколько всего я слышала в Польше о евреях (в основном об их корысти, предательстве, а также о том, что они тут хозяйничают), но ни разу не слышала о евреях, погибших, защищая Модлин или еще какой-нибудь польский город. Как не слышала и о том, что около семи процентов офицеров, убитых в Катыни, были евреями²³. Фильм Вайды, который — боюсь — теперь надолго окажется главным источником знаний о Катыни, показывает офицеров только и исключительно поляками и католиками (таким образом, впрочем, вынося за скобки и некоторых поляков).

Так ведь, говорят, евреи не сражались, а история их никак не пересекалась с историей поляков... Существовала отграниченно. Да, конечно, в значительной степени она существовала отграниченно. Когда откроется Музей истории польских евреев, можно будет сказать: теперь у вас есть СВОЙ музей! И утвердить эту границу на веки вечные.

К сохранению этой отграниченности, к отсутствию памяти и уважения стремится Festung Warschau — крепость, отстреливающаяся национальными снарядами от еврейского праха, на котором она воздвигнута: пожалуй, так можно кратко изложить стержень книги Эльжбеты Яницкой.

Перевод Ирины Адельгейм

Festung Warschau

<...>

Сквер Ксендза Ежи (бывшая Площадь у льва)

Сыночек мой любимый единственный!<...> Ты хотел, чтобы я и только я отвел тебя на деревянный мост.<...> Когда ты спросил меня, не боюсь ли я, что мост рухнет, я ухватился за это, словно за спасательный круг.<...> Он может рухнуть. Он должен рухнуть.<...> Каждый раз, поднимаясь на мост и спускаясь вниз — каждый раз — я молю Бога, чтобы этот их деревянный мост разлетелся на мелкие кусочки.

Йосеф Кирман²⁴

Сквер Ксендза Ежи на улице Хлодна. Он начинается у ступеней костела. Заканчивается — неподалеку от пересечения Хлодной и Железной. Лицом к храму — спиной к Железной — стоит бронзовая Богоматерь²⁵. На цоколе из черного гранита. В нимбе из золотых звездочек. Мать Единого Бога.

«Все мы в Польше уповаем на Божью Матерь». «В который раз Мария является миру, желая помочь человечеству в его страданиях и муках. Она хочет помочь нам». Так учил Примас тысячелетия²⁶. Улица Хлодна, правда, чудес не знает. Богоматерь стоит и разводит руками. Она ни разу не оглянулась назад. И не заплакала²⁷. Избежала судьбы жены Лота. Окаменела раньше. Ave Maria.

У ног фигуры — в окружении цветов — фотография римско-католического священника белорусского происхождения Ежи Попелушко, капеллана профсоюза «Солидарность», убитого сотрудниками Службы безопасности МВД ПНР. На фотографии надпись: «Он был одним из нас». По бокам таблички: «Сквер Ксендза Ежи».

На другом конце сквера — близ перекрестка с улицей Железной (западная граница гетто) — стела с портретом священника: «Ксендзу Ежи Попелушко (*23 IX 1947 +19 X 1984), мученику за веру и отчизну — приход св. Апостола Андрея, жители варшавского района Миrow, Anno Domini 1996». Под стелой букет — бело-красный, цветов польского флага. В двух шагах — еще одна табличка: «Сквер Ксендза Ежи». Ксендз Ежи Попелушко жил в соседнем доме. Этим исчерпывается связь места с увековечением памяти ксендза²⁸.

Есть еще распятие. Большое. В непосредственной близости и лицом к тому месту, где был знаменитый мост между большим и малым гетто. Поскольку распятие стоит на площадке, с которой хорошо видно это историческое место, возле него останавливаются — а зачастую и молятся — израильские и еврейские туристы²⁹. Это нередко воспринимается как провокация — например, посетителями находящейся рядом кондитерской «Калип-

со». И не только ее, как утверждает исследовательница: «В 2002 г. в Варшаве я стала свидетельницей поведения двух девочек-дошкольниц: они швыряли камни в израильских экскурсантов, молившихся на том месте, где был мост между большим и малым гетто, возле улицы Хлодной»³⁰.

Крест. А на кресте добрый арийский Иисус. Евреями распятый. В это верят сегодня 15 процентов молодых поляков. В два раза больше, чем десятью годами ранее. 46 процентов в еврейскую вину не верят. А 39 процентов — не имеют определенной точки зрения по этому вопросу³¹. Что все равно выгодно отличает молодежь от польского общества в целом. < ... >

**Сквер Матери-сибирячки
(бывшая улица Мурановская и Мурановская площадь)**

Смрад.

Смрад.

Грязь.

Смрад.

Повсюду.

Невозможно дышать...

... грязные улицы.

Нервозность.

Напряжение.

Безумие.

Это было на Мурановской площади.

На углу.

Какие-то дети играют.

Тряпками.

Бросают друг в друга тряпки.

Он сказал:

«Видите, они просто играют

Жизнь продолжается.

Жизнь продолжается».

Тогда я ответил:

«Они делают вид, что играют.

Они не играют».

На углу Мурановской площади.

Нет-нет, не в помещении, на открытом пространстве.

Я сказал: «Они делают вид».

Несколько деревьев.

Рахитичных...

... деревьев.

Мы просто шли по улицам.

Ни с кем не заговаривая».

Ян Карский³²

В 2008 году в Варшаве помимо Сквера сибиряков³³, улицы Польских ссыльных, перекрестка Сибирских ссыльных и перекрестка Жертв преступления в Катыни появился Сквер Матери-сибирячки³⁴. Вокруг таблички с новым названием высадили символические березки³⁵. Сибирь. Гроттгер³⁶. Катынский лес. Кресты на

могилах польских повстанцев. Маленькая березка из школьной хрестоматии: на руинах польской столицы. Польская идентичность. Польский этос. Польская борьба и польское мученичество.

Сквер Матери-сибирячки расположен в конце улицы генерала Владислава Андерса. Примерно там, где когда-то находилась, — в конце бывшей улицы Налевки³⁷ — Мурановская площадь. Площадь — символ еврейской Варшавы — в конце улицы-символа. Во время восстания в гетто — один из трех главных пунктов Сопrotивления. Территория Еврейского военного союза. «У сражавшихся там отрядов Еврейского военного союза имелся пулемет, который установили в удобной точке на высоком чердаке дома по адресу Мурановская, 7»³⁸. Здесь же отряд Армии Крайовой попытался пробить стену гетто — отвлекающий маневр, потерпевший неудачу. Наконец тут на третий день восстания «евреи вывесили еврейские и польские флаги»³⁹ — прежде чем гетто сожгли и сровняли с землей.

На послевоенном здании, стоящем на холме из щебня⁴⁰ — сегодня это Мурановская, 1 — висит табличка с информацией на трех языках (польском, английском, иврите). «19-22 и 27-28 апреля 1943 в этом месте произошли одни из самых ожесточенных боев за время восстания в Варшавском гетто, поднятого еврейским движением Сопrotивления. Еврейские бойцы под командованием Павла Френкеля, лидера Еврейского военного союза, в течение многих дней отражали атаки немцев. Еврейские и польские флаги, которые развевались над Мурановской площадью и которые были видны из многих районов Варшавы, стали для жителей символом борьбы с немецкими оккупантами».

Табличку эту я обнаружила недавно — случайно, когда пришлось долго ждать в этом месте человека, с которым я договорилаcь встретиться. Табличка прозрачная. Заслонена деревьями. Сливаеcь с пастельных тонов фасадом дома. Короче говоря, ее просто не видно. Что же тогда видно? Кресты. Вагон. Вагон с крестами. Памятник погибшим и убитым на Востоке. В центре, на виду, где протекает наша жизнь.

Памятник напоминает о советском вторжении и оккупации восточных территорий довоенной Польши на основании пакта Молотова-Риббентропа. Четыре волны депортаций, в результате которых в глубь СССР было вывезено в общей сложности около 330 тысяч польских граждан нескольких национальностей — поляков, евреев, белорусов, украинцев, литовцев, татар⁴¹. Депортируемых лишали польского гражданства. Несмотря на чудовищные условия, большинство людей выжили. После войны полякам и евреям, как правило, удавалось вернуться в новую Польшу. Вторжение, оккупация и депортации не коснулись ни Варшавы, ни ее окрестностей.

Если подойти к памятнику поближе, становятся видны детали. Например, позеленевшие чугунные шпалы с крестами и названиями местностей (в частности, Боровичи, Свердловск и Катюнь). Затем табличка с орлом в короне, крестом и надписью: «Погибшим, убитым на Востоке, жертвам советской агрессии 17 IX 1939 — народ (17 X 1995)». Дальше стела с гербом Ватикана: «Здесь 11 июня Anno Domini 1999 за жертв советской агрессии молился святой отец Иоанн Павел II».

Центральный элемент памятника — уже упоминавшийся лес крестов в железнодорожном вагоне без стен. Один крест возвышается над другими. Сбоку вагона — орел в короне с крестом. Птица опутана веревками. Внизу дата — 17.IX.1939. Среди крестов — колючая проволока, автоматы, шлем, военная фуражка и торчащие отовсюду руки в драматических жестах. Можно заметить мацеву со звездой Давида и множеством человеческих ладоней — на линии орла, с другой стороны, с севера, так что всегда против света. И мусульманский (татарский) блазон с полумесяцем и пятиконечной звездой — в углу. Пять православных крестов.

Rien n'y fait⁴². Варшавяне знают этот монумент как «вагон с крестами» и именуют его памятником Голгофы Востока⁴³. Так — на детских рисунках⁴⁴. На открытках. В Интернете⁴⁵. В «культовом» — «альтернативном» — путеводителе по городу⁴⁶. В живописном цикле Ежи Дуды-Грача «Ясногорская Голгофа Третьего Тысячелетия»⁴⁷. Словно снова — освенцимские кресты⁴⁸.

Ночью памятник подсвечивается. Синим. Магия восточноевропейских специалистов по тюнингу⁴⁹. Излучающий ультрафиолетовое зарево вагон с крестами удивительно напоминает автомобили дембелей, распугивающие местных жителей на дорогах Польши и СНГ.

Примечания

¹ До того, как Эльжбета Яницкая закончила главу «Мои Налевки», я написала предисловие. Оказалось, что мы обе, независимо друг от друга, заметили Сквер и описали его, каждая по-своему. Пусть же он присутствует в этой книге в двух обличьях.

² Шанец — оборонительное сооружение. «Камни на шанец» (аллюзия со строкой из «Моего завещания» Юлиуша Словацкого: «Как камни Богом бросаемые на шанец...») — культовая книга А.Каминьского (1943) о варшавском подполье в первые годы нацистской оккупации, неизменно входящая в программу польских школ (Прим. пер.).

³ Мордехай Анелевич (1919–1943) — деятель движения Сопротивления, комендант Еврейской боевой организации, официальный руководитель Восстания в Варшавском гетто 1943 г. (Прим. пер.).

⁴ Музей истории польских евреев (Muzeum Historii Żydów Polskich) в Варшаве открылся в 2014 г. (Прим. пер.).

⁵ Юзеф Левартовский (1895–1942) — польский политик, общественный деятель, коммунист, один из создателей и руководитель Антифашистского блока в Варшавском гетто, один из инициаторов еврейского движения Сопротивления (Прим. пер.).

⁶ Люциан Шенвальд (1909–1944) — польский поэт, коммунистический деятель (Прим. пер.).

⁷ Варшавское восстание (1944) — восстание против нацистских оккупантов в Варшаве, организованное и начатое командованием Армии Крайовой и представительством польского правительства в изгнании (Прим. пер.).

⁸ Армия Крайова — вооруженные формирования польского подполья во время Второй мировой войны, действовавшие в пределах довоенной территории польского государства. АК была основной организацией польского Сопротивления. Подчинялась польскому правительству в изгнании (Прим. пер.).

⁹ Роман Дмовский (1864–1939) — польский политический деятель и публицист (Прим. пер.).

¹⁰ Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy) — польская социал-демократическая марксистская партия (1893–1918) (Прим. пер.).

¹¹ Юлиан Мархлевский (1866–1925) — польский коммунист (Прим. пер.).

¹² Проспект Иоанна Павла Мархлевского — разговорное название улицы Мархлевского, переименованной в 1989 г. в проспект Иоанна Павла II (Прим. пер.).

¹³ «Viva la muerte, y muera la inteligencia!» («Да здравствует смерть, и да погибнет разум!») — вошедшая в историю фраза генерала Хосе Астрыя, первая часть которого стала боевым кличем Испанского легиона (Прим. пер.).

¹⁴ Пяст Колодзей — легендарный предок династии Пястов. (Прим. пер.)

¹⁵ «Мыстоимтамже, гдеитога, аони — там, гдестояла милиция («Myjesteśmytu, gdzie wtedy, onitam, gdzie stało ZOMO») — вызвавшие скандал слова Ярослава Качиньского о политической оппозиции, произнесенные в 2006 г. на Гданьской верфи. (Прим. пер.)

¹⁶ Т.е. развернутой антисемитской кампании 1967-1968 гг. (Прим. пер.).

¹⁷ Ярослава Качиньского (2011) (Прим. пер.).

¹⁸ Мария Павликовская-Ясножевская (1891–1945) — польская поэтесса. Строка из стихотворения «Любовь» («Вот уж месяц мы не встречались. // Ну и что? Я бледней немножко, // чуть сонливей, молчаливей малость... // Значит, жить без воздуха можно?» (пер. Н.Астафьевой) (Прим. пер.).

¹⁹ Выставка: Лукаш Баксик. «Мацевы повседневного пользования», куратор — Эва Тоняк, дизайн выставки — Малгожата Щесняк, профессиональная консультация — Иоанна Токарска-Бакир, Центр современного искусства, Уяздовский замок (Галерея «Вход»), Варшава, 2010.

²⁰ Ярослав Марек Рымкевич (1935) — польский прозаик, поэт, эссеист, драматург (Прим. пер.).

²¹ См.: Elżbieta Janicka. Holocaustization // Polish and Hebrew Literature and National Identity. Red. Alina Molisak I Shoshana Ronen. Warszawa, Dom Wydawniczy Elipsa, 2010. S.275-290. Ср. также: Elżbieta Janicka. Mroczny przedmiot pożądania. O "Kinderszenen" raz jeszcze — inaczej // Pamiętnik Literacki. 2010, nr. 4. S.61-86.

²² Речь идет о входящих в это число трех миллионах польских евреев (*Прим. пер.*).

²³ См.: Benjamin Meirtchak. Żydzi — żołnierze wojsk polskich polegli na frontach II wojny światowej. Tłum. Zbigniew Rosiński. Warszawa, Dom Wydawniczy Bellona, 2001.

²⁴ Josef Kirman. Między życiem a śmiercią. Oprac. i przeł. z jidysz Bernard Mark. Warszawa, 1995. Цит. по: Jan Jagielski. Niezatarcie ślady getta warszawskiego. Warszawa, Oficyna Wydawnicza "Mówią Wieki", 2008, cz.14, bez paginacji.

²⁵ «Для жителей улицы Хлодной важным событием, главным образом с точки зрения религиозно-патриотической, стало открытие в 1889 году фигуры Божьей Матери Милосердной на маленькой площади у входа в костел св. Карла Борромея, поблизости устроена трамвайная остановка <...>. Фигура установлена на средства Саломеи Лентцкой, владелицы пивоварни на улице Гжибовской. Фигуру Богородицы Милосердной по проекту Анджее Прушиньского отлили на фабрике Братьев Лопеньских» (Artur Nadolski. Pani Chłodna. Opowieść o warszawskiej ulicy. Warszawa, Bellona, 2008. S.154).

²⁶ Максимы Стефана Вышиньского взяты автором из сувенирных открыток, купленных в месте рождения будущего примаса Польши — в деревне Зузеля — неподалеку от деревни Треблинка.

²⁷ Эпоха чудес — период значительно более поздний. Во второй половине пятидесятых годов на колокольне костела св. Августина, который находился в самом центре гетто, «явилась <...> варшавянам Богородица» (см. Jarosław Marek Rymkiewicz. Umschlagplatz. Gdańsk, Oficyna Wydawnicza MJM, 1992. S.144). Долгое время вокруг костела на Новолипках собирались толпы, парализующие автобусное и трамвайное движение по улице Юлиана Мархлевского (теперь проспекту Иоанна Павла II). Ян Стшелецкий — живший на Жолибоже, а следовательно регулярно наблюдавший столпотворение по дороге на работу в центр города — произнес следующую фразу: «И с этим людьми мы делали Октябрь?» (польская «оттепель» 1956 г. — И.А.) (устное свидетельство Ежи Едлицкого). В качестве комментария см.: «Totalne zaskoczenie» inteligencji polskiej // Elżbieta Janicka. Mord rytualny z aryjskiego paragrafu // Kultura i Społeczeństwo. 2008, nr.2. S.246-247). О чуде говорили в Люблине в 1949 году (см. научное издание: Izabella Main. Cud lubelski // Izabella Main. Trudne świętowanie. Konflikty wokół obchodów świąt państwowych i kościelnych w Lublinie (1944–1989). Warszawa, Wydawnictwo TRIO, 2004. S.74-90). Тех, кто особенно активно занимался этим чудом — так называемых чудаков — арестовали и посадили в люблинский Замок: «Было создано специальное собрание: из Варшавы приехал важный человек. <...> маленький, худой, с пылающими черными глазами. «Когда немцы разбивали головы еврейских детей о стену, Богородица не плакала, да? А когда отчизна свободна, так Богородица плачет, да?» — кричал важный человек. <...> Чудаки догадались, что важный человек — еврей» (Hanna Krall. Wyjątkowo długa linia. Kraków, Wydawnictwo a5, 2004. S.106-107).

²⁸ Центр культа блаженного кс. Ежи Попелушко расположен, впрочем, в другом районе города, где находятся его бывший приход, его могила и памятник, а также улица его имени (бывшая Столечна). На тему патристического мартирологически-героического аспекта римско-католическом костела св. Станислава Костки см.: Marcin Kula. Elementy wystroju kościołów katolickich jako wyraz i zarazem instrument kształtowania potocznego spojrzenia na historię // Marcin Kula. O co chodzi w historii? Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2008. S.244-248.

²⁹ «На улице Хлодна в Варшаве вот уже много лет находится кондитерская, в которой мы с родными часто бываем. <...> Из кондитерской видно, как молодые иностранцы в кипах стоят под дождем. Слушают экскурсовода. Молятся. Однажды на всеми забытом сквере на Хлодной начались строительные работы. Вскоре там появился крест и табличка с названием «Сквер имени ксендза Ежи Попелушко». Не думаю, что теми, кто назвал сквер на Хлодной именем польского священника-мученика, двигали какие-либо нехорошие, ресентиментальные побуждения. Однако скверов в Варшаве много, а мост между большим и малым гетто над улицей Хлодной был только

один. Ни я, ни варшавские чиновники не помнили об этом мосте. Наша память — место, в котором отсутствуют евреи» (Joanna Tokarska-Bakir. *Obsesja niewinności // Joanna Tokarska-Bakir. Rzeczy mgliste. Sejny, Pogranicze*, 2004. S.15-16; pierwodruk: “Gazeta Wyborcza”, 13-14 stycznia 2001). Что же касается последнего — будто наша память является местом, в котором отсутствуют евреи — я как раз не уверена.

³⁰ Joanna Tokarska-Bakir. *Legends o krwi. Antropologia przesađu. Warszawa, W.A.B., 2008. S.616.* «После обеда польские хулиганы швыряют камни через стену на Холодную. Мы собрали валявшиеся на Холодной кирпичи и камни, теперь у них меньше оружия» (Adama Czerniakowa *dziennik getta warszawskiego 6 IX 1939 — 23 VII 1942. Organizowanie i przypisy — Marian Fuks. Warszawa, PWN, 1983. S.298. Zapis z 9 lipca 1942.*)

³¹ Результаты опросов, проведенных Центром исследования Холокоста при Йгеллонском университете под руководством Иоланты Амбросеич-Якобс в 2008 г. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Несут ли современные евреи ответственность за распятие Христа?»

³² Фрагмент свидетельства Яна Карского [1914–2000; участник польского движения Сопротивления, Праведник мира. В ходе встреч в 1942 г. с президентом США Рузвельтом, членами английского правительства и др. первым передал на Запад достоверную информацию об уничтожении евреев и о концлагерях на территории Польши. — И.А.] в фильме «Шоа» Клода Ланцмана (1985). Карский побывал в варшавском гетто дважды в начале октября 1942 года, то есть вскоре после Большой акции (в результате «ликвидационной акции» 22 июля — 21 сентября 1942 г. в лагерь смерти в Трешлинке было вывезено около 300 тыс. жителей гетто из примерно 370 тыс. — И.А.). Карского сопровождал Леон Файнер, член президиума Жеготы (польское кодовое название подпольного Совета помощи евреям. — И.А.), представитель Бунда в Еврейском координационном комитете на арийской стороне.

³³ «Сибиряками» («sybiracy») в Польше называют сосланных в Сибирь поляков (в царской России и СССР).

³⁴ «Порой разные социумы посредством своих памятников поклоняются одним и тем же событиям. Пример — памятник, посвященный мариологии поляков на Востоке, воздвигнутый на улице Подвале, независимо от памятника жертвам Катыни на Повонзковском кладбище и памятника Погибшим и убитым на Востоке на ул. Мурановской» (Marcin Kula. *Kamienie mówią — ale to, co my chcemy powiedzieć // Historyk i historia (studia dedykowane pamięci Prof. Mirosława Francicia)*. Red. Adam Walaszek, Krzysztof Zamorski. Kraków, 2005. S.186. В 2011 г. в День матери, в Сквере Матери-сибирячки появился тщательно отполированный, округлый гранитный камень с таблицей следующего содержания: «Вам, людям-ангелам, без которых синева неба не была бы синевой...». Максимилиан Бискупский — автор памятника. «Прохожий! Стоя у памятника Погибшим и убитым на Востоке в 1939–1955 (sic! — E.J.), почти память наших польских матерей, которые — сосланные на «бесчеловечную землю», преследуемые советским режимом, принуждаемые к рабскому труду, обреченные на голод, холод и болезни, спасли для нас, детей, жизнь и достоинство быть поляком и человеком, чтобы мы умели также и прощать. Пускай милосердный Господь вознаградит их на небесах, а нас избавит от беспамьяства. Варшавское отделение Общества Сибиряков — 26 мая Anno Domini 2011 в 71-ю годовщину начала депортаций».

³⁵ Березовые кресты стояли на могилах польских повстанцев, став затем символом жертвенной любви к родине (Прим. пер.).

³⁶ Артур Гроттгер (1837–1867) — польский художник, прославившийся своими «повстанческими эскизами». Запечатлевшие идеал поляка-повстанца «гроттгеры» висели во множестве польских домов. (прим. пер.).

³⁷ От улицы Налевки осталась часть мостовой и фрагмент рельсов, ближе к центру города (если считать, что у Варшавы вообще есть центр). Мостовую с рельсами назвали улицей Героев гетто. Название Налевки — экстрагированное и абстрагированное — досталась зеленой улочке в другом месте.

³⁸ Barbara Engelking, Jacek Leoiak. *Getto warszawskie. Przewodnik po nieistniejącym mieście. Warszawa, Wydawnictwo IFIS PAN, 2001. S.734.* «Часть отрядов Еврейского военного союза отступила по подготовленному туннелю на арийскую сторону». Выданные немцам — вероятнее всего, группой «Меч и Плуг» из Конфедерации Нации Болеслава Пясецкого — они погибли в бою по дороге на Отвоцк. «Другая группа Еврейского

военного союза заняла (также с помощью представителя «Меча и Плуга») квартиру на арийской стороне на ул. Гжибовской. Они тоже были выданы немцам» (Ibid. S.737).

³⁹ Stanisław Srokowski. Zapiski — Dziennik 1 IX 1939 — 29 V 1944. Archiwum Polskiej Akademii Nauk, sygn. III-22. Днем позже, 23 апреля, Еврейская боевая организация совершила жест менее демонстративный, но подобный по сути, издав воззвание: «Поляки, Граждане, Солдаты Свободы <...>. Среди дыма пожаров и пыли, крови убиваемого варшавского гетто — мы, узники гетто, шлем вам сердечный братский привет. <...>Идет борьба за нашу и вашу Свободу. За ваши и наши — человеческие, общественные, национальные — честь и достоинство. <...>Да здравствует братство оружия и кровь сражающейся Польши! Да здравствует свобода! <...>» (Archiwum Akt Nowych, 202/II-31, cyt. za: Barbara Engelking, Jacek Leociak. Getto warszawskie... S.745-746).

⁴⁰ Послевоенный район Муранов был выстроен на руинах и частично из руин Варшавского гетто (Прим. пер.).

⁴¹ О подробной статистике депортаций: Piotr Eberhardt. Migracje polityczne na ziemiach polskich (1939-1959). Poznań, Instytut Zachodni, 2010.

⁴² И хватит об этом (фр.) (Прим. пер.).

⁴³ Хотя существуют и исключения из правила. В июле 2011 года Кшиштоф Водичко попросил таксиста отвезти его к памятнику Героям гетто. Тот привез художника к памятнику Погибшим и убитым на Востоке. Кшиштоф Водичко заплатил, поблагодарил водителя и дальше отправился пешком.

⁴⁴ Подобные рисунки, сделанные для детского художественного конкурса, который организовал Музей истории польских евреев в 2009 году, я видела в семье моих друзей.

⁴⁵ Памятник «представляет собой груду крестов в железнодорожном вагоне без стен, стоящем на путях, а на шпалах написаны названия мест на территории СССР, куда депортировались и где погибали поляки. Памятник был создан для увековечения памяти поляков, погибших и убитых на Востоке, то есть прежде всего тех, кто был помещен в лагеря, а также жертв катынского преступления (сохранен стиль оригинала — Э.Я.). За памятником ухаживают, в первую очередь, члены Союза катынских семей и ветеранских организаций. В 1999 г. здесь молился Иоанн Павел II во время седьмого паломничества в Польшу. Рядом с памятником в 2006 г. во время паломничества в Польшу на своем папамобиле проезжал также Бенедикт XVI» (pl.wikipedia.org/Wiki/Pomnik_Poległym_i_Pomordowanym_na_Wschodzie — stan hasła z kwietnia 2009).

⁴⁶ «Памятник Погибшим и убитым на Востоке — самый жуткий памятник в Варшаве. Груда крестов в большом товарном вагоне символизирует поляков, вывезенных в глубь СССР» (Agnieszka Kowalska, Łukasz Kamiński. Wagon z krzyżami. Ul.Muranowska // Zrób to w Warszawie! Alternatywny przewodnik “Gazety Co Jest Grane / Do in In Warsaw! “Gazeta Co Jest Grane” presents an alternative guide to Warsaw. Warszawa, Agora, 2008. S.58). Это фрагмент главы «Найди самый уродливый памятник».

⁴⁷ Jerzy Duda-Gracz. Golgota Jasnogórska Trzeciego Tysiąclecia. Częstochowa, Wydawnictwo Zakonu Paulinów “Paulinianum”, 2004.

⁴⁸ Имеется в виду многолетний конфликт вокруг установки католических крестов на территории Освенцима (Прим. пер.).

⁴⁹ Благодарю Хенрика Холлендера, обратившего мое внимание на это необыкновенное явление. Анну Яницкую благодарю за предоставление мне иконографического материала для сравнительного анализа.

Перевод Ирины Адельгейм

Михал БУШЕВИЧ

МИССИЯ

*вóйны,
от которых
я сбежал*

Действующие лица:

ВЛОДЗИМЕЖ

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР

ВТОРОЙ ОФИЦЕР

МАТЬ

СЕСТРА

ПЛАНЕТА ЗИМА

КОМАНДИР ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

МЕДСЕСТРА

ЖЕНЩИНА

ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ

ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ

СЕКРЕТАРША

ЛИТЕРАТУРА

Владзимеж, один.

ВЛОДЗИМЕЖ. Нечего тут рассусоливать. Всё. Ближайшие три года — говорю. Ближайшие тридцать — думаю. Важная миссия — говорю. Неужто миссия для тебя важнее, чем мать и сестра? — слышу. Ага, важнее, это моя миссия — говорю. Моя миссия приступить к широкомасштабным поискам в горах и найти там себя — думаю. Ну, допустим, не важнее, просто актуальнее — говорю. Найти там себя так, чтобы никто больше меня не нашел — думаю. Афганистан был, Ирак был — думаю. Важные для родины миссии были, теперь будет миссия для меня — решаю. Не думаю. Ну правда ведь, раз уж ты дома, неужто хоть на минутку остаться не можешь? — слышу. Нет — думаю. Нет — говорю. Ну хоть на чуточку — слышу. Не могу, у меня приказ — говорю. Не могу, хотя, с другой стороны, забавно, что я сам себе приказы отдаю, ведь это значит, что я сам себе старший по званию — думаю. Востока не было, восток — думаю. Восток — говорю, — мам, сестра, — говорю. Что за хрень я несу — думаю. Отправляюсь с миссией на восток — говорю. Убегаю на восток, но недалеко. Чем ближе убежишь, тем труднее найти — думаю. Теплое что-нибудь прихвати, а то холодно — слышу. Я спальник возьму — говорю. И беру спальник. У меня есть спальник. И на хрен мне этот спальник мать дала. И сестра тоже. Он же мне вообще на миссии не нужен. Выброшу по дороге — думаю, совсем как раньше, когда зимой сразу за углом шапку с головы стаскивал, уходило я в шапке, чтоб не расстраивались, а за углом надо держаться, и на морозе уши уже потихоньку отваливаются, хоть по кусочку отламывай. Но я шапку не напялю. И спальник не возьму тоже. Ну и ушел, а спальник за углом выбросил, как и сказал. Хотя и не надо было выбрасывать, пригодился бы, но я старый какой-то нашел и прихватил. Через неделю. Я ведь уже неделю как здесь. Не такой теплый, как тот, из дому. Но как-то хоть греет. Спальник этот. Справляется. Я в нем мерзну как собака, но он справляется. Снаружи минус семь. Здесь внутри минус два. Спальник до минус десяти. Справляемся. Справимся. Да будь даже

минус тридцать, все равно здесь лучше. Здесь войны нет. Там вот-вот война начнется. Я бежал от надвигающейся войны. Я просто хочу уцелеть. Здесь последний бастион без войны, и я буду защищать его до последней капли крови. Не находите меня, пожалуйста. Пожалуйста, не находите меня! Там уже вот-вот все начнется. А может, и началось уже, кто знает. Кто знает, что там творится. Катастрофа? Неизвестно, план миссии не предусматривает влияния внешних катастроф на мое местонахождение. Военные действия не затрагивают домики в Татрах. Военные действия ведутся вовне. Эта война вот-вот начнется. Но я в ней участвовать не буду. Что бы ни случилось, не буду я в ней участвовать. Не думать о войне. Всего-навсего. Не думать о том, что там может случиться.

Первый офицер, Второй офицер, Владзимеж.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. В глаза мне смотри, если мне в глаза не смотришь, как врагу в глаза смотреть станешь? И не стыдно тебе будет?

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Мы ему не враги.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Мы ему не враги, пока он наш друг.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Ты наш друг?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. (*Второму офицеру*). А что это ты такой няшка?

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Может, мы софт-версия.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР (*орет во весь голос*). Никакой софтверсии, твою мать! Это война! Не доходит, ублюдок долбаный, что, если не начнешь говорить, я тебе башку об ворота расхреначу?

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Слышь, чего-то ты круто берешь.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Я старше по званию.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Кого старше?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Себя.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Ну так, может, это только я софтверсия.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Ты фитюлька безмозглая.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Так точно, звиняйте, я фитюлька безмозглая. В берцы, как всех?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. В берцы. Семья у него есть?

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Мать и сестра, но контакта с нами не поддерживает.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Может, будет мать и сестру содержать на пособие для инвалидов войны.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Да, но как его мобилизовать-то?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Форму выдай, вот тебе и мобилизация.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. У него старая, с Ирака еще.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Ирак уже давно passé. В Ираке тепло было. А здесь минус семь. В комнате, по ощущениям, минус два. А в бараке еще хуже будет.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. У него, похоже, после Ирака боевая депрессия.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Надо это в бумагах исправить на боевую агрессию.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Готово. Медицинское заключение?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Выдано, печать в ящике стола.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Пожалуйста, хотя мне это не слишком-то нравится.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Без лишних слов, тут тебе не Версаль, я не охренею, если ты мне «пожалуйста» не скажешь. Когда эти гниды с востока начали подкапывать наши пограничные столбы и передвигать их на запад, тоже никаких «извините-подвиньтесь» не говорили. Хотели по-тихому все провернуть.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. По имеющимся у меня данным, это партизанщина...

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Пограничные столбы передвигали.

ВЛОДЗИМЕЖ. И из-за этого сразу война?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Война, милок, это гастроли. Сегодня там, завтра здесь. Сегодня здесь. К тому же мы предупреждали. И не раз. Нас должны слушаться, а не игнорировать. Нашу родину не игнорируют. И вообще, на что тебе причины, ты одно знать должен: кому надрать задницу... (*Второму офицеру*). Покажи его бумаги... Владек. Ну да. Ты, Владек, должен знать одно: кому надрать задницу (*Машет фотографией*). Вот этим вот, как на картинке, задницу надрать, этим вот, мать их растак (*рвет фотографию*).

ВЛОДЗИМЕЖ. Мне очень жаль, но это не моя забота, я бы оставил все как есть.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Ну, тут мы с тобой во мнениях расходимся.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Такое спускать нельзя, иначе нас уважать не будут.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Такое спускать нельзя — не заведено у нас такое спускать.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. У нас только своим всё с рук сходит.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Ну.

ВЛОДЗИМЕЖ. Так. Ну что, я уже могу уйти?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Откуда, мать твою, уйти?

ВЛОДЗИМЕЖ. Отсюда.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Пожалуйста, в дверь прямо и в джип, который отвезет вас на фронт.

ВЛОДЗИМЕЖ. Значит, я обречен?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Ты удостоен чести.

ВЛОДЗИМЕЖ. Какой чести?

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Сражаться на фронте.

ВЛОДЗИМЕЖ. Позвольте заметить, я для этого уже не гожусь, не могу я по людям стрелять.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. А по кому же ты хочешь стрелять, по консервным банкам?

ВЛОДЗИМЕЖ. Может, и по банкам.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Боевая агрессия. Но алюминий-то тут при чем?

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Да что ты мудака этого недоношенного всерьез принимаешь? Пусть валит отсюда на хрен!

ВЛОДЗИМЕЖ. Спасибо. Я хотел бы пойти домой.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Домой, пада неблагодарная, получишь право пойти, только когда войну выиграешь!

ВЛОДЗИМЕЖ. Не буду я выигрывать войну.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Он, видать, нарочно проиграть хочет!

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Плохо себя показываешь, Владек.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. А ты изрядный сукин сын, таких, как ты, надо в младенчестве со скалы сбрасывать или в мешке топить.

ВЛОДЗИМЕЖ. Я пошел домой.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР. Через твой труп.

ВЛОДЗИМЕЖ. Может, и так.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕР (*доставая пистолет*). Стой! Ни с места!

ВЛОДЗИМЕЖ. Все равно меня здесь нет.

ВТОРОЙ ОФИЦЕР. Что?

ВЛОДЗИМЕЖ. Меня здесь нет (*выхватывает писто-*

лет у Первого офицера и стреляет себе в голову. Падает).

Влодзимеж, один.

ВЛОДЗИМЕЖ. Я попросил приятеля выслать от меня матери с сестрой по письму в месяц, чтобы я мог об этом не думать, забыть. Только не день в день раз в месяц, а с разными промежутками, не то сообразят. У меня же здесь почты нет. А уж о датах на штемпеле я и не говорю — тут ведь вместо дат зарубки, я их ножом на дереве делаю, чтобы не сбиться со счета. Сегодня — сто восемнадцатый день. Всё холодает и холодает. Минус три. Не знаю, почему здесь все время зима. А этот приятель. Он хороший. Интроверт и говорит только по делу. Простыми короткими фразами. Не станет слишком уж ударяться в ностальгию. Если б другая была миссия — скажем, отправиться на настоящую войну, — я бы тоже приятеля писать попросил. Впрочем, меня могло бы уже давно не быть в живых. Если семьдесят лет назад, когда Вестерплатте от немцев обороняли, там через неделю одни щепки остались, то уж что через сто восемнадцать дней творится... Наверняка ведь не из четверок шпарят, а из восьмерок. Нельзя было там оставаться. А впрочем, я бы и так там долго не задержался. Сколько ж можно. Через три дня после начала войны был бы уже на боевых действиях в Чехии. Сто восемнадцать дней с момента отъезда. Миссия есть миссия. У меня своя миссия. Свалить на хрен от моей миссии. Моя миссия — та, в которой я не участвую.

Влодзимеж, Мать, Сестра.

МАТЬ. Дай бумагу.

СЕСТРА. Чистой нету.

МАТЬ. Не важно, может, на обороте старого письма?

СЕСТРА. Брось, мам, пусть хоть на что-то похоже будет.

МАТЬ. На грязной тоже прочесть можно.

СЕСТРА. Это неуважение. Влодек туда отправился родину защищать.

МАТЬ. Так ведь это же мы напали.

СЕСТРА. Да, потому что нас чехи спровоцировали.

МАТЬ (*поддразнивает*). Не будь мы такими упертыми, не напали бы.

СЕСТРА. А что, по-твоему, вооруженное нападение за то, что нашим миссионерам закрыли границу, — это неадекватный ответ?

МАТЬ. Смотря на что.

СЕСТРА. Ладно. Давай письмо писать.

МАТЬ. А с бумагой что?

СЕСТРА. Ничего, какая есть, такая есть.

МАТЬ. Пиши ты, у меня руки трясутся.

ВЛОДЗИМЕЖ. Не важно.

СЕСТРА. Что ты говоришь?

ВЛОДЗИМЕЖ. Не важно.

СЕСТРА. А, ладно.

МАТЬ. Так что напишем?

СЕСТРА. Дорогой брат, дорогой сын.

ВЛОДЗИМЕЖ (*Сестре*). Напишите: любимый.

СЕСТРА. Мам, Влодек хотел бы, чтобы мы написали «любимый».

МАТЬ. Ну пусть будет любимый.

СЕСТРА (*Влодзимежу*). А ты почему с матерью не разговариваешь?

ВЛОДЗИМЕЖ. Смущаюсь как-то.

МАТЬ. Что вы там бормочете себе под нос? Влодек, не мешай, мы же тебе на южный фронт пишем.

СЕСТРА. Влодек, любимый, мы рады, что ты не струсил и родину защищаешь. И пусть лавры героя тебя увенчают.

МАТЬ. Патетические стихи, давай не будем.

СЕСТРА. Но в такие минуты?

МАТЬ. Нет.

ВЛОДЗИМЕЖ. Я тоже попросил бы без рифмы.

МАТЬ. Ну, родная кровь.

ВЛОДЗИМЕЖ. Интересно, что сказал бы папа.

МАТЬ. Уехал бы.

СЕСТРА. И не стыдно? Пишешь?

МАТЬ. Надеемся, что ты здоров, что у тебя нет расстройства желудка от ихних свиных кнедликов или еще какой гадости.

СЕСТРА. Что ты, он чешского не ест. Мало что мизантроп, так еще и ксенофоб.

ВЛОДЗИМЕЖ. Не так сурово. Напишите что-нибудь душевное, а потом проверьте почту.

МАТЬ. А что почта, когда ты раз в месяц пишешь.

ВЛОДЗИМЕЖ. Не совсем.

СЕСТРА. Но почти.

ВЛОДЗИМЕЖ. Напишите мне, что соскучились, что вам меня не хватает, что любили, даже когда я весь изгваздывался в вермишели, что я не такой затраханый и придурочный, как кажется, и так далее, по максимуму.

МАТЬ. Не выражайся.

ВЛОДЗИМЕЖ. Спустись к ящику.

МАТЬ. Заклинивает, при минус трех уже заклинивает, открыть трудно.

ВЛОДЗИМЕЖ. К ящику, я тебе помогу.

МАТЬ. Что?

СЕСТРА. Говорит, что очень просит.

ВЛОДЗИМЕЖ. Кончайте спорить, к ящику.

МАТЬ. Ну ладно, иду уже.

ВЛОДЗИМЕЖ. Ну и па.

МАТЬ (*держит вынутое из ящика письмо*). Что «па»?

ВЛОДЗИМЕЖ. Просто па-па.

СЕСТРА. Ты должен был помочь нам писать.

ВЛОДЗИМЕЖ. Я передумал (*выходит*).

Мать рыдает.

СЕСТРА. Что случилось? Мам? Мы пишем дальше?

Мать не отвечает.

Влодзимеж, один.

ВЛОДЗИМЕЖ. Я и забыл уже, как ходят на лыжах. Помню только, как выглядит заснеженный склон. Знаю, что с каждым днем в горной хижине я пропускаю еще один день потенциальной войны. Меня не беспокоит даже минусовая температура на дворе. Боюсь, что умру с голоду. Но лучше с голоду, чем на войне.

Влодзимеж, Планета Зима.

ПЛАНЕТА ЗИМА.

Здравствуйте.

Зима все ближе.

Минус пять, весь мир морозит, кроме...

... центра мира, а центр мира — здесь!

За горами, за лесами.

(Он думает, далеко — это хорошо?)

Да, там. Чем дальше, тем лучше.

Сезон начинается

Открыта лыжная секция

Организована новая секция сноубордистов

Мы готовы ознакомить со всеми предложениями

Вы покупаете?

Максимум информации по зимним направлениям

Лучшие цены на шикарные отели

Самые дальние зимовки

Затерянные в глуши

Сердце колотится?

Это от восторга

От нетерпения

Если у вас есть бабло

Приглашаю

Экскурсия

В лыжный мир

В котором не надо бояться

Нужно ведь и отдохнуть иногда

А русские

Гораздо лучше бегают на лыжах

И значит надо сравняться с ними на случай

Всяких

Фигурных вооруженных конфликтов на снегу.

ВЛОДЗИМЕЖ.

Покупаю.

У вас найдется что-нибудь съедобное?

Я очень голоден.

ПЛАНЕТА ЗИМА

(Он покупает

А парень даже очень ничего

Но я не пожимаю ему руки)

Я вручаю комплексный зимний пакет

Открываем буклет

Вместе

С ним

И видим ошалелых детишек в красных комбинезонах

(Надеюсь, мы не встречаемся взглядами

Фуй)

Нет.

Здесь не едят.

ВЛОДЗИМЕЖ. А почему здесь дети?

ПЛАНЕТА ЗИМА.

Дети лучше всего иллюстрируют

Характер нашего предложения
Это безопасная игра
Понимаете
Безопасная
И
Игра
Известно что сегодня
Когда всюду русские
Надо играть
Без
о
пасно

ВЛОДЗИМЕЖ

Ноги у них свисают с канатки, как у мертвых детишек, которых волокут за руки
На глазах у них защитные очки, будто они в противогазах
Они бросают снежки, похожие на гранаты
Они не топчут
Тяжелыми ботинками
А должны бы
Улыбка ребенка
Вот что
Я покупаю

ПЛАНЕТА ЗИМА

Покупай покупай покупай

ВЛОДЗИМЕЖ

Я принимаю это за чистую монету
И подаю ему руку
И мы смотрим на ошалелых солдат в зеленой форме.

ПЛАНЕТА ЗИМА

Наличными или по карте
Он достает из кармана банкноты
Покупает покупает покупает
Всё
Продано, с улыбкой из буклета.

ВЛОДЗИМЕЖ

Спасибо

ПЛАНЕТА ЗИМА

На здоровье
Сделка состоялась
Каникулы — на фронте
Детишки — всего лишь реклама
Улыбка ребенка

Комплексный пакет включает защиту ребенка
От банды взбесившихся русских
Удачи
Удачи
За три трупа врага сауна в подарок
Счастливо

ВЛОДЗИМЕЖ

Я улыбаюсь в камеру
Я смотрю фильм с собой в главной трагической роли.
Улыбка ребенка
Внезапно я вижу себя
Лежащего на земле
В животе у меня нож
Я медленно истекаю кровью
Пока до этого сукина сына
Доходит, что
Уже очень давно
Нельзя
Кататься
На лыжах
Безнаказанно.
Улыбка ребенка
Пик
Пик
Пиииик
Вращающиеся двери с пропускным контролем
Возле своего глаза вижу ботинок
Ботинок тридцать седьмого размера
Маловат для солдата
Пас.

(тупо смотрит прямо перед собой.)

Вчера я видел туриста с телефоном. Он меня не видел. Вроде бы. Я довольно быстро скрылся в доме. Он говорил по телефону, а я его не слышал. Старался только стоять, застыв как мертвый, и не дышать. Удалось.

Командир подразделения, Влодзимеж.

КОМАНДИР ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ. Влодзимеж. Влодек. Однополчанин, если можно так выразиться. Я был твоим командиром, и хотя ты частенько всё просирал и неспособен был выполнить даже простейший приказ, потому как ты — мудака

египетский и жополиз сирийский, мне жаль, что ты грызешь песок, вместо того чтобы и дальше драть задницы афганским террористам, которые покусились на то, что для нас свято. Я знаю, что ты не хотел бы жить в стране, где тебя больше нет, потому ты и лежишь где лежишь. Ты всегда был эгоистом, но это я тебе тоже прощаю, что тут поделаешь. Мне много чего приходит в голову ад хос, иначе говоря — в данный момент. Когда мы вместе служили в Ираке, я не знал, что мы встретимся еще и здесь, на собственной территории, встав стеной навстречу джихаду, который на нас напал. Потому как джихад — он и есть джихад. Если бы тебе хватило ума хотя бы не высовывать голову из окопа, мне не пришлось бы сейчас попусту разливаться над твоим дешевым, безвкусным, тесным гробом, но это уже случилось, а прошлого не воротишь, разве что на Страшном суде, хотя подозреваю, что там мы будем стоять в двух абсолютно разных группах, и случая поговорить не представится. Поскольку, дорогой Владек, ты в последний момент решил свалить на хрен, вместо того чтобы защищать меня и остальных, если можно так выразиться, однополчан, то теперь ты уже, наверное, догадываешься, какими это грозит последствиями. Раз уж хотел, так мог бы слить и пораньше, еще до того, как начался этот ад. Итак, хрен моржовый, знай, что чести у тебя ни на грош, и твоим сучьим долгом было уничтожать врагов, а не драпать на хрен, обосравшись со страху. А значит, лежи где лежишь и не двигайся. Мне тебя не жаль, и никому тебя не жаль, кроме твоих матери с сестрой, которые наверняка еще не знают, что ты сдох. Я отправил им письмо, как каждый месяц, но ты же сам знаешь, пока вести до них дойдут, пройдет еще какое-то время. Лежи как лежишь, а я сваливаю, как видишь, если ты это видишь, но, сам понимаешь, не буду же я тут стоять как вилы в навозе, особенно в пургу и при минус девяти. Аминь.

Больница. Мать и Медсестра.

МЕДСЕСТРА. 1944 — погиб в авиакатастрофе Джо-зеф Кеннеди-мл. 1948 — погибла в авиакатастро-

фе Кетлин Кеннеди. 1963 — убит выстрелом Джон Фитцджеральд Кеннеди. 1964 — ранен в авиакатастрофе Эдвард Кеннеди. 1968 — убит выстрелом Роберт Фрэнсис Кеннеди. 1969 — свалился на машине с моста пьяный Эдвард Кеннеди (ехавшая с ним женщина утонула). 1984 — умер подсевший на героин Дэвид Энтони Кеннеди, его тело нашли в гостинице. 1997 — убился, катаясь на лыжах, Майкл Ле-Мойн Кеннеди. 1999 — погиб вместе с женой, пилотируя самолет, Джон Ф. Кеннеди-мл. Вот видите, на самом деле бывает и хуже. У вас это еще только в первом поколении.

МАТЬ.

Убит выстрелом ранен утонул убился погиб. Знаешь, сколько у меня сценариев в голове?

Это все богатство и наглость

Они сами все эти беды заслужили

На то и эти фильмы,

Чтобы мы видели, что они заслужили

За свое богатство и наглость

МЕДСЕСТРА. Ваш муж перенес за последнее время какие-либо инфекционные заболевания?

МАТЬ.

Но это мой...

Но я...

Но мое...

МЕДСЕСТРА. Я понимаю, что вы уже длительное время в шоке, но не могли бы вы припомнить, были ли какие-нибудь инфекционные заболевания? Был ли риск какой-то эпидемии или микробов? Какие условия?..

МАТЬ

Я живу в квартире, которую я, САМА, убираю!

Мой сын — мальчик, который приносит одни пятерки

Я сама о себе забочусь, помню, когда надо в парикмахерскую

И сижу одна

Знаешь, сколько у меня сценариев в голове?

Я жду — он возвращается

Тогда я швыряю свои черные сценарии в корзину

И мы сидим и смотрим друг на друга

Вспомнила: я должна прибраться, объяснить ему всё, чтобы он получал пятерки, и идти к парикмахеру

Вообще-то я хотела бы уже тебя оставить и идти к парикмахеру

Волосы — это несколько деликатная тема

У меня в семье

Во всяком случае, с тех пор как он вернулся

потому что

потому что

МЕДСЕСТРА. Всё в порядке?

МАТЬ

Ну потому что первый раз, когда он ко мне вернулся, он был лысый

Ужасающе, омерзительно лысый

Как будто у него раковая опухоль

А они там так бреют

Не люблю лысых

Лысые — это гангстеры и футбольные фанаты

А не сын

МЕДСЕСТРА. Ваш муж раньше не попадал в аварию?

МАТЬ

А теперь

Знаешь, сколько у меня из-за тебя новых сценариев в голове?

Мертвая голова, разбитый окровавленный череп

Голова с модной прической и гордо поднятым лбом

Большая голова, вся волосатая, будто швабра

Честно тебе скажу, только ты обо мне плохо не думай

Большой и мертвой головы я не боюсь

Я боюсь живой.

Боюсь, что это ему вредно

Что он должен это бросить

я о себе заботилась, ждала, сколько раз себе (на) с диска праздники в Ираке прокручивала.

Включает телевизор, на экране Влодзимеж преломляет облатку с другими солдатами, обнимает каждого, потом выходит, садится в машину и поворачивает ключ зажигания. Машина взрывается.

И я боюсь

Что что-то случилось

Понятное дело, шок, военный шок.

МЕДСЕСТРА. А он не мог не ехать?

МАТЬ. А чего ты такая настырная?

МЕДСЕСТРА. Вы моя пациентка, это естественно.

МАТЬ. Если хочешь обо мне позаботиться, отопление

включи. Холод адов. Минус десять, не иначе. И это забота называется?

Влодзимеж один.

Влодзимеж вытаскивает маленький карманный приемник, из него доносится какая-то попсовая песня. Мало-помалу песня исчезает, превращаясь в новое произведение, записанное специально для радиостанции по случаю десятой годовщины начала военных действий. Поет женщина, извиваясь соответственно тексту песни.

ЖЕНЩИНА (поет)

Слезы струились из глаз

Помнишь, ты их утирал

Хочется вспомнить сейчас

Как отступила печаль

Понимала, долг свой знаешь

Не рассталась бы с тобой

Плакала, не что уходишь,

Что идешь в нелегкий бой

Влодек мой

Будь и вправду ты смелей

Хей-хей-хей

Я б тебя не проклинала,

Уж поверь

Врал мне, что без устали

Будешь бить врага

Удрученно слушала

Ложь в глазах была.

Я же знала, что не любишь

Грохот, визги и пальбу

Меня любишь, со мной плачешь,

Не того хочу я, знаешь?

Влодек мой,

Лучше б в бой пошел,

Как отец родной

Я б тебя не проклинала,

Уж поверь, друг мой.

Патруль в вертолете, прочесывающем окрестности домика в Татрах.

ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. Никаких признаков жизни.
 ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ. Сейчас тепловизором проверим.
 ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. Нет у нас тепловизора.
 ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ. От, бля.
 ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. А вы уверены насчет того явления?
 ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ. Проверить надо. Мужик говорил конкретно. Сказал, что тот, другой, укрылся в доме.
 ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. Ладно, оставим это, вернетесь, когда тепловизор будет.

**Влодзимеж, Первый банковский служащий,
 Второй банковский служащий,
 Секретарша**

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Вы не можете завести счет.
 ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Нет базы.
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Никакой.
 ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Нет системы.
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Неисправна.
 СЕКРЕТАРША. Я уже потеряла работу, так что я помолчу.
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Ядя, давайте будем сохранять хотя бы видимость.
 ВЛОДЗИМЕЖ. Но я не хочу заводить счет.
 Я хочу внести деньги в фонд помощи жертвам войн
 И на вооруженную борьбу с боевым страхом
 И военным стрессом
 И поствоенным шоком
 ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Поствоенного шока нет, потому что война еще не окончена. Почему вы не на фронте?
 ВЛОДЗИМЕЖ. Я на фронте. Я из жалованья откладываю.

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Это делает вам честь.
 СЕКРЕТАРША. Я за вас боюсь, вы погибнете.
 ВЛОДЗИМЕЖ. Конечно, погибну. Я всегда гибну.
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Ха-ха, это хорошо: я всегда гибну. Хорошо, ничего не скажешь.
 ВЛОДЗИМЕЖ. Ну, неплохо.
 СЕКРЕТАРША. Так чем я могу помочь?
 ВЛОДЗИМЕЖ. А чем вы можете?
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. В общем, уже ничем. Мы не ведем деятельности.
 ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Мы поддерживаем видимость, чтобы казалось, что наша страна еще чем-то располагает.
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. По правде сказать, у нас был переломный момент. (Второму банковскому служащему). Помнишь, как мы запаниковали и стали швырять в окно все купюры и облигации клиентов?
 ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Ну, это было гениально.
 СЕКРЕТАРША. Господа...
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Да? (опомнившись). Приносим свои извинения.
 ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Знаете, в войне на экономической почве солдаты в самом деле не важны. Тут речь скорее идет о том, кто первый умрет от голода и холода. Минус пятнадцать. При такой температуре отсутствие отопления достает круто. Поэтому приходится себя развлекать.
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Проехали. Мы теперь из тех бумаг, которые выбрасывали, костры жжем.
 ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Так мы себе зарабатываем репутацию. У нас можешь согреться!
 СЕКРЕТАРША. Согреться.
 ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Так что вы хотели?
 ВЛОДЗИМЕЖ. Я оставляю вам деньги.
 ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Но это бессмысленно. Мы вернулись к натуральному обмену. Деньги уже не работают.
 СЕКРЕТАРША. Работают.

ВЛОДЗИМЕЖ. Работают?

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Нет, это у нее эхолалия.

ВЛОДЗИМЕЖ. Простите?

СЕКРЕТАРША. Простите.

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. У нее припадки с тех пор, как наша работа утратила смысл.

ВЛОДЗИМЕЖ. Ага.

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Ну так что будем делать?

ВЛОДЗИМЕЖ. Теперь уже, наверное, ничего.

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Ага.

СЕКРЕТАРША. Ага.

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Вы не могли бы повернуться еще чуть-чуть анфас?

ВЛОДЗИМЕЖ. Зачем?

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Не знаю, хоть какое-то разнообразие.

ВЛОДЗИМЕЖ. Пожалуйста.

СЕКРЕТАРША. Пожалуйста.

ВЛОДЗИМЕЖ. Сколько продолжается такой припадок?

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Не меньше часа.

ВЛОДЗИМЕЖ. Ага.

СЕКРЕТАРША. Ага.

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Но это уже не важно.

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Именно.

СЕКРЕТАРША. Именно.

ВЛОДЗИМЕЖ. Почему?

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Потому что час — это слишком мало.

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Ну да.

СЕКРЕТАРША. Слишком мало.

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Потому что мы уже взялись.

ВЛОДЗИМЕЖ. За что?

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Ну потому что через час, когда у нее пройдет припадок, все уже будет кончено.

ВЛОДЗИМЕЖ. То есть?

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Бомбу, которая взорвется в ближайшие пять минут, даже за час обнаружить не удастся.

ВТОРОЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ. Значит, ты не успеешь.

СЕКРЕТАРША. Ты не успеешь. Дорогой Владзимеж, даже экономическая война способна тебя погубить. Если ты вынужден развлекать себя таким образом, то лучше визуализируй ситуации, в которых тебе есть что сказать. Дай себе шанс. Дай миссию, которую надо выполнить. Чтобы было известно, что у тебя тоже есть какие-то положительные качества, помимо желания сохранить собственную задницу.

ВЛОДЗИМЕЖ. Припадок у нее прошел?

ПЕРВЫЙ БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ.

Справилась.

Взрыв.

Листовка.

Ее может зачитать любой персонаж. Или она может появиться в каком-нибудь другом виде.

Служба спасения в горах призывает к осмотрительности. Из-за низкой температуры воздуха и повышенного уровня опасности схода лавин несанкционированные походы и пребывание в Татрах запрещены. Всех, кто слышал о каких-либо экскурсиях в горы, запланированных туристами, или заметил какие-либо тревожные признаки, просят связаться с ближайшей станцией ССГ.

Владзимеж один.

ВЛОДЗИМЕЖ. Я здесь! Когда кричишь, кажется, будто тебя кто-то слышит. Но это неправда. У меня перед глазами возникают всё новые сценарии самоуничтожения, становится всё холоднее, мне уже не до шуток. Я забываю мир. Вижу только войны, которые еще не начались. Вижу только очередные миссии, от которых я себя уберег. Точно! Я берусь за очередное задание. Отыскать друга. Миссия состоится в случае, если я останусь в армии через два года, во время польско-шведской войны за вновь открытые залежи балтийской нефти. Командир говорит: сейчас чертовски холодно, а ваш однополчанин Мартин Кларк пропал вместе с секретными сведениями о шведских

планах, надо его отыскать вместе с этими сведениями. Знайте, что это один из наших лучших солдат и мы не можем его потерять. Можете принести только сведения о планах. Я посылаю отряд под командованием Генрика Каспера. Ну вот, отряд под командованием Каспера ищет. Ищет и ищет, изо всех сил. Не находят Мартина Кларка. И, стало быть, возвращаются, а командир говорит: вы не нашли Кларка, придется мне в наказание отрубить вам кисти рук. И отрубает им кисти. Командир говорит: чертовски холодно, а ваш однополчанин Мартин Кларк пропал вместе с секретными сведениями о шведских планах, надо его вместе с этими сведениями отыскать. Знайте, что это один из наших лучших солдат и мы не можем его потерять. Я посылаю очередной, милый моему сердцу отряд под командованием Михала Рожновского. Ну, отряд Рожновского ищет и ищет, но они тоже не могут найти. А стало быть, возвращаются и говорят: не нашли, мол, а командир на это: вы не нашли Кларка, придется мне в наказание отрубить вам головы. И отрубает им головы. Командир говорит: чертовски холодно, двадцать градусов мороза, ваш однополчанин Мартин Кларк пропал вместе с секретными сведениями о шведских планах, надо его отыскать вместе с этими сведениями. Знайте, что это один из наших лучших солдат и мы не можем его потерять. Я посылаю отряд под командованием Владзимежа Нитраса. Это я. Ну, и я не нахожу Кларка. Никто из моего отряда не находит Кларка. Командир отрубает нам стопы. Я истекаю кровью. Миссия окончена.

Патруль в вертолете, прочесывающем окрестности домика в Татрах.

ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. На тепловизоре какие-то помехи.
 ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ. Может, там действительно кто-то есть.

ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. Ну да. При минус двадцати пяти там может быть самое большее труп.
 ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ. Иди на посадку.
 ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. Что-то виднеется. Чем ниже, тем более отчетливо.
 ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ. Иди на посадку.

Владзимеж, Мартин Кларк

ВЛОДЗИМЕЖ
 Подступают к моему бастиону.
 Но у меня есть нож.
 Этого я не ожидал.
 Этого я не ожидал.
В дом входит Первый Спасатель.
 ВЛОДЗИМЕЖ. Кларк, сукин ты сын, из-за тебя командир отрубил мне стопы.
 ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. Спокойно, пожалуйста.
 ВЛОДЗИМЕЖ. Посмотри на мои стопы (*пробует встать, падает навзничь*).
 ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. У него отморожены стопы.
 ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ (*входит*). Заворачиваем его, быстро.
 ВЛОДЗИМЕЖ. Ты ... не Мартин Кларк! (*пытается вырваться. Безрезультатно*).
 Из-за болевого шока не могу сказать ни слова
 Арабские солдаты заворачивают меня в персидский ковер
 И вывезят в свою страну.
 Наверное, настал конец света.
 Я не знаю откуда я здесь взялся.
 Я не знаю, почему меня не убили на месте.
 Говорят, у меня отморожены стопы.
 Это значит
 Что я больше не могу убежать
 И мне придется сражаться
 ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. Говорит по-арабски.
 ВТОРОЙ СПАСАТЕЛЬ. Но почему?
 ВЛОДЗИМЕЖ. Кто выиграл войну?
 ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬ. Ты. Ты выжил. Браво.
 ВЛОДЗИМЕЖ. Значит, еще ничего не началось.

*Перевод с польского Елены Барзовой
 и Гаянэ Мурадян*

© Текст: М. Бушевич
 © Перевод: Е. Барзовой, Г. Мурадян
 © Фото: Г. Ярошенко

Сильвия Хутник

в стране чудес

В ходе предварительного следствия установлено:

Ян Станислав С. проживал в Варшаве совместно с женой. Супруги имели летнюю дачу в поселке Рыня (гмина Доброе). Неоднократно случались ситуации, когда Ян Станислав С. приезжал на дачу один и проводил там время, а его жена приезжала позже. Когда Ян Станислав С. был на даче один, он связывался с женой по телефону три раза в день — утром, в обед и вечером.

24 августа 2011 года Ян Станислав С. приехал на летнюю дачу в поселке Рыня один с целью распилить дерево, которое раньше повалил ветер. 25 августа 2011 года приблизительно часов в 11:00 Ян Станислав С. позвонил жене с просьбой, чтобы она купила какое-нибудь средство от комаров, когда поедет на дачу. В тот день Ян Станислав С. не звонил жене больше ни в обед, ни вечером. Барбара С. забеспокоилась, что от мужа нет звонка, и стала звонить на его мобильный телефон, но муж не отвечал. В связи с этим Барбара С. позвонила в полицейский участок в Добром и обратилась с просьбой проверить ситуацию на ее даче в поселке Рыня. По распоряжению дежурного офицера полицейского участка в Добром в поселок Рыня выехали трое полицейских. Когда полицейские проникли на участок, они обнаружили тело мужчины, лежащее возле поленьев распиленного дерева. Рядом с телом лежала электрическая пила для распиливания дерева.

На место происшествия была вызвана машина «скорой помощи», врач которой засвидетельствовал смерть Яна Станислава С.

В ходе проделанных на месте происшествия оперативных расследований был проведен осмотр места обнаружения тела, в процессе которого не обнаружено следов, указывающих на участие третьих лиц в смерти вышеупомянутого.

Касательно причин смерти Яна Станислава С. в ходе расследования была произведена экспертиза патоморфологом. Из полученного заключения следует, что внешний осмотр тела вышеупомянутого выявил отдельные поверхностные ссадины в области бедра и локтя с левой стороны. Вышеуказанные ссадины могли появиться в результате контакта с твердой поверхностью, непосредственной связи со смертью они не имеют. В качестве причины смертельного исхода эксперт указал острую недостаточность сердечно-сосудистой системы.

Присутствия этилового спирта в проведенном анализе крови Яна Станислава С. не обнаружено.

Когда я была совсем еще молодой, я была небольшого роста и ничему не удивлялась.

Когда я была совсем еще молодой, я писала в тетрадку стихи. Я открыла смерть темной холодной лестничной клетки. Открыла массу разных вещей. Теперь я знаю, что смерть может случиться также в кустах, в листве и мягкой траве, которая до сих пор была зарезервирована для русалок, муравьев и окурков. Она (то есть смерть) присутствует даже в невинной природе. Может, кто-нибудь этим займется, какое-нибудь правительство или общественное движение? Я настаиваю! Потому что лично я была в шоке, когда умер Ян Станислав С. Вот так взял и умер в траве. Растянулся, как тень после обеда. Распластался беспомощно под деревом.

Я поверить не могла, что это случилось с ним, потому что Ян был такой сильный и огромный. Он нередко стоял надо мной, как если бы гора надо мной стояла. И заслоняла все, что только можно увидеть. В такие моменты он говорил, что может одной рукой поднять что только захочет: большую трубу, автомобильную покрывку или меня. И я ему верила, потому что выглядел он, как герой комикса, не хватало только пелерины и рейтузов, а так был бы очень похож на Бэтмена. Он влезал по лестнице, и я верила, что сможет залезть на самое небо. Просто ему не хотелось, а потом он, наверно, не питал особых чувств к Богу.

Прошу прощения, но вы согласны, что такие, как он, не умирают?

Я как та Алиса с дефицитом чудес: если в ее жизни что-то происходит не так, она начинает то нервно расти, то уменьшается. Трусливая девчонка в жмущих туфлях и великоватом платье.

Я стараюсь закрыть глаза, случись что где-то поблизости — сразу возникает черный кот с широкой улыбкой. Замираю в своем личном коконе ответственности и обязательств. Кажется, что уже до самой смерти я останусь настолько маленькой, что помещусь под цветочным стеблем. Но тут приходит великан и начинает косить газон.

Слева направо, ни травинки не остается. Цветок лежит, и не под чем теперь спрятаться.

Происходит изгнание из рая.

В нашей семье слышалось: дача. Туда надо поехать, скосить траву, внести оплату. Уезжали в пятницу вечером, но когда в Польше произошли изменения, и люди стали всюду ездить на машинах, то в пятницу уже не имело смысла. Страшные пробки в сторону Седлец. И тогда либо в субботу с самого утра, либо в ту же пятницу, но пораньше. Сначала мы ездили на белом «фиате-12бр»¹: руль как бы из дерева и коричневая обивка из кожзаменителя. Летом кожзаменитель припекал задницу и ляжки — хамский пластик с варшавского автозавода, та еще липа.

Сильвия ХУТНИК (*Sylvia Chutnik*)

[р. 1979] — польская писательница, журналистка, культуровед, общественная деятельница. Лауреат Общественной Нобелевской премии международной компании «Ашока» за укрепление гражданского общества в Польше (2008 г.). Лауреат престижной литературной премии журнала «Политика». Рассказ «В стране чудес» опубликован в одноименном сборнике [*“W krainie czarów”, Znak, 2014*]

Дачу Ян Станислав и Барбара С. купили в том самом году, когда родилась я. Сначала это был только участок, неогороженный и заросший травой. Редкие столбики, вбитые геодезистом, давали представление о масштабе покупки. Немалом, если говорить только о земельном участке. Вокруг лес, в основном сосняк, в лесной подстилке полно грибов. Белые, подберезовики, подосиновики, лисички и моховики. Люди лазили по неогороженному участку, думая, что это еще общая поляна, но это уже было наше. Мы разбивали палатку, рядом ставили машину и дорожный мини-холодильник с молочными продуктами и напитками. Мало-помалу Ян Станислав огораживал территорию и строил дом. Дом привозили по частям, модель — как в Миколайках, но его быстро переделали, обшили вагонкой, навели внешнюю красоту. Особой заботой Яна была крыша, он ведь много лет проработал кровельщиком.

Крыша — это архетип. Это ощущение безопасности, повод, чтобы поддержать внутри дома порядок и чистоту. Это спасение от дождя, молний и слеза. Когда создаешь свое место на земле, начинаешь с фундамента, но именно крыша является концом дела, точкой над «i», подведением итогов. И Ян Станислав с толем в руках влезал по лестнице, разводил в ведре всякие мази-грязи, а потом выливал их в просвет между черепицами. И сидел верхом на самом гребне, огромный и могучий. Насвистывал себе под нос старые дворовые песни. О Черной Маньке, о Стахе и Антеке. Выросший там, где кончается Охота и начинается Воля², между железнодорожными путями Варшавы-Западной и Щенсливицкой горкой — куда после войны вывезли груды кирпича из развалин домов, засыпали землей, вот и получилась горка, — он всю свою жизнь прожил как люмпен-пролетарий. Интеллигентные фраера не понимали, как можно ходить с краской под ногтями, с татуировками по всему телу. Не понимали, как можно сморкаться без носового платка и рубить правду-матку. Пан Ян, ну что вы такое говорите?! Говорю то, что думаю: пирог у вас не получился, невкусный он, и что я могу поделаться.

Дед, перестань, тетеньке неприятно будет.

Да уж прям неприятно, чего неприятного-то, говорю, как оно есть.

Проходили месяцы, дом рос. А я, маленькая, проводила там почти все каникулы между деревьями и постукивающим дятлом. Было немного скучно, немного страшно. Тогда я залезала под стулья или стол и становилась совсем крохотной, как такое полное ничто.

Или же часами смотрелась в зеркало и тогда не чувствовала себя одинокой. Но перейти в зазеркалье совсем не хотелось. Просто мне нужна была компания, и я, не переставая, воображала, как из меня рождаются все новые и новые человеки. Как Алису, меня пригласят на чаепитие. Удивят ее, выведут из ступора.

Будучи единственным ребенком в семье, я умела играть в одиночестве, довольно рано пристрастилась к чтению, в связи с чем минуты считала в страницах. В памяти остались проблески себя самой в восьмилетнем возрасте — вот я полулежу в шезлонге и читаю «Лесси». Вспоминаю надувной бассейн и матерчатый домик, где сидели мои куклы. Иногда ко мне приходил сосед с дачи напротив, Мариуш. Он был постарше, а потом — мальчишка, с таким особо не поиграешь.

Солнце выжигало узоры в выгоравшей с годами ткани, я уже едва помещалась в своем раскладном домике. На смену куклам Барби пришли кассеты и первые бунты. Странные наряды, любимая музыка. Это история взросления, приходящего волнами. Вписанная в историю дачи, но в то же время и городская. События одно за другим происходили, как в той толстой умной книге, лежащей где-то на чердаке или в библиотеке, типа «тут найдешь все, что захочешь, да и твоя жизнь тоже записана на пергаменте». Так что будь осторожной.

Дача всегда была Летним домом, подчинявшимся всем мероприятиям по уходу за землей, по которой ходит человек. Пересаживание цветов, тачки компоста для унавоживания. Перепачканные землей перчатки висели на изгороди возле веранды. Поливалось два раза в день. Сколько же воды вылито в этот песок, а она тут же, так сказать, без лишних разговоров впитывалась в него. Страшно сухая почва. Чтобы тут что-то выросло, надо было другой землей подкормить. Зеленый длинный шланг, подключенный к крану с тылу пристройки, раздавал свои капли цветам, кустам, траве и деревьям. И длилось это бесконечно, в общем-то нудно, но в то же время торжественно и величаво. Ян Станислав, раскорячившись на своих кривых ногах, крепко держал в руках разбрызгиватель.

Сильвия, распрями-ка мне шланг, перекрутился где-то.
О, пошла вода, спасибо.

Когда я теперь подхожу к месту смерти и начинаю к нему приглядываться, то сразу перестает дуть ветер.

Лежать там
это сон какой-то
надо выйти с собакой
покрасить веранду
полить цветы
надо пойти, надо сделать
радио играет, в кружке остывает чай
а я тут разлежся
это сон, наверно
но подняться невозможно
а потом уже только
ночь фонарик скорая осмотр носилки покойницкая
всю неделю холодно
и часа два или три невыносимо жарко
ну ладно
но мне просто интересно
кто выйдет с собакой покрасит веранду польет цветы

В мастерской стоит деревянный стол с тисками и тысячью мелочей. Плюс маска сварщика. Предметы сильно выигрывают, когда их много, когда их сверх меры, когда всего не охватишь взглядом, не можешь использовать. Трудно их оценить должным образом — глаз ведь не проникнет во все эти коробочки, ящики и сумки. У барахольщика уже давно был бы бардак, но в мастерской бардак только на первый взгляд. Тут, в принципе, все имеет свою внутреннюю логику, надо лишь понять, что с чем сочетается и каково назначение. Вот коробочка от маргарина — а внутри гайки. Вот баночка, вся измазанная, — но ее ведь можно наполнить чем-то другим.

Есть также специальный широкий пояс, чтоб на деревья влезать. Человек прижимается к стволу и отклоняется на тридцать градусов. Но не падает, потому что сначала привязал себя к дереву этим самым поясом и теперь висит, отклонившись. И в данный момент может себе пилить, собирать шишки или чистить скворечники. На ногах у него старые ботинки, в каких уже не покажешься людям на глаза, но здесь никому нет дела, что в подошве дырка, а пятка стоптана.

Старая краска, черная какая-то. Наверно, для крыши. Если так, то к ней подходят слова: толь, циркулярная пила, водосточная труба, металлочерепица. Изоляционные материалы, снегозадержатели, выходы на крышу, каминная лестница, вытяжка на крыше, коньковая черепица, гребневое полотно, обработка каминна. Эти слова так и кружились в воздухе на веранде, пока он шумно хлебал кофе. Отдыхал, иной раз выходил из мастерской и садился. Смотрел. Думал. Крякал и чего-то там обмозговывал. Ужасно громко зевал, похлопывал себя по животу. Ну и брюхо же я отрастил. Во, барабан какой! Совсем остыл этот кофе, я бы такой ни за что не стала пить, а он любил, две ложки сахару.

Ну и эти предметы. Повсюду его вещи. Теперь, конечно, никому не нужные, ни к селу ни к городу, бессодержательные в своей невзрачности.

Особенно эти кружки ёханные, из которых он кофе пил. Стекланные. Раздолбала бы одну за другой. Об стенку или об пол. Сбросила б со стола, а осколки ботинком раздавила. Или об землю, и тарелки туда же. Дочиста не

вымоешь, только раздражают. Напоминают. Каждый угол напоминает, охренеть можно, а ведь из города выбираешься, чтоб отдохнуть. Люди как говорят: «О, у тебя дача, вот здорово, отдохнуть можно». Верно: семья в земле ковыряется, чинит что-то, ремонтирует. А я из угла в угол слоняюсь, места себе не нахожу. Только другими командую или высказываюсь по любому поводу. Принести, отнести, приготовить обед. А так ведь ничего не делаю, не умею ничего. Обо всем рассказать могу, о каждом предмете на даче, но в руки ничего не возьму — напоминает.

Детство. В каждом углу мое прошлое.

Не знаю, как у вас во дворе, а у нас это называлось — «секретики». Но иногда говорили — «клад». Выкапывалась ямка, на дно клали лоскуток, на него — камешки, блески, веточки, иногда даже фотки. Все это прикрывалось стеклышком, например, от разбитой бутылки. Можно было сделать целую такую галерею или устроить конкурс с подружками, чьи лучше. «Клад» — это понятно, потому что внутри что-то есть. А вот «секретики» — совсем другое дело. Тайное, не для всех. Поэтому на стеклышко еще накидывали листья или даже засыпали его землей, а место метили, чтобы потом знать, что там — галерея. Для избранных.

Пол-участка было в «секретиках». Если все перекопать, нашлась бы сотня разбитых стеклышек. А под ними частицы моего детства, потерявшие смысл. «Секретик» должен быть грязный, нежеланный, какой-то такой... незаконнорожденный. Зато мои были — офигеть, парчовые, пахнущие. Как в Америке или в дорогих магазинах.

Сгрэбаю листья на участке, изо всех сил вдавливаю грабли в землю. Острые зубья разрывают растительность и открывают голую землю, но под ней же ничего нет. Пропалываю весь огород, выбрасываю сорняки. Там тоже ничего нет. Всё, игры кончились.

До каких же пор это может продолжаться, прошло почти два года. Сколько ж можно размазывать себя по участку, как сопли по носовому платку. Муха в стакане. Таращит глаза, и я недоумеваю. Как же такое могло случиться? Как могло так закончиться?

И опять беспомощная Алиса стоит посреди божьего мира и поправляет фартучек. Кот-чудак трется о ее ноги.

— А почему вы знаете, что я ненормальная? — спросила Алиса.

— Потому что ты тут, — просто сказал Кот. — Иначе бы ты сюда не попала.

— А почему вы знаете, что вы ненормальный? — спросила она.

— Начнем с собаки, — сказал Кот. — Возьмем нормальную собаку, не бешеную. Согласна?

— Конечно! — сказала Алиса.

— Итак, — продолжал Кот, — собака рычит, когда сердится, и виляет хвостом, когда радуется. Она, как мы условились, нормальная. А я? Я ворчу, когда мне приятно, и виляю хвостом, когда злюсь. Вывод: я — ненормальный³.

И Алиса превращается в кота. Плачет, вытирает нос хвостом. И думает: не надо было столько плакать. Теперь меня за это ждет наказание: могу утонуть в собственных слезах.

Плачет и смеется, совсем свихнувшись.

Вот ты как раз и тонешь, девушка, жаль слов твоих и рыданий. Возьмись-ка за работу: столько всего принесено со двора, ни к чему на кухне не притронешься — полно листьев, земли, грязи. А пылищи!

Но я иду в мастерскую. Хочу сделать себе закладку для книжки из старой пластиночки. Отрезаю и подпиливаю, насвистывая за деда. Дотрагиваясь до его вещей, необходимых для ремонта и починки.

Что у тебя? А у меня

Гайки, трубы, силикон

Перчатки, обляпанные краской, копировальный карандаш

Механическая пила
 Газонокосилка
 Тиски средние
 Комплект ключей с полной нумерацией
 Запас наждачной бумаги, грабли
 Насос, тачка, фталевая эмаль
 Ножницы, трубогиб, топор, перочинный ножик
 Закрытые двери и
 Все, что осталось от запаха березовой воды на подушке
 Потому что у деда в последнее время появились залысины на лбу
 А что у тебя?
 У меня все эти вещи, которые уже теряют смысл

У Яна Станислава были страшно кривые ноги. О таких говорят — «на бочке выпрямляли». Как-то во дворе кто-то из ребят сообщил, что в близлежащей школе сидит балетная комиссия и приглашает детей на просмотр. Что нам мешает, сказал Янек и выбросил окурочек в мусорку. Перед комиссией как раз предстали Пётрек с Копинской и Хенек, отца которого переехал трактор. Стол в гимнастическом зале был накрыт скатертью, на нем — вода в бутылках с отскакивающей крышечкой. Толстые пальцы директора школы обхватывали стакан, принесенный по случаю из конуры дворника. Дорогие гости, прибывшие аж с Медовой, уважаемые дамы и господа смотрели на стадо тощих ребят в трико, выделяющих где-то увиденные пируэты. Этаким показ типа «как мы себе представляем балет». Присутствовали также девчонки с мамашами, которые, наверно, с малолетства мечтали о пуантах и вывихнутых щиколотках. Выглядели как примерные ученицы, умеющие вытягивать тело в струночку. И вот меж них появляется Янек. Встал он перед столом и попытался выпрямиться. По залу прокатился приглушенный хохоток. Слишком коротковат свитер, изношенные кеды. Ну и ноги. Один из комиссии так даже привстал и молча воззрился на паренька, будто тот ему плюнул в лицо или надел майку с надписью «Балет — это дерьмо».

А другая дама так начала буквально верещать: «Вон отсюда, иди футбол гонять, с такими-то ногами!».

Теперь и у меня такие же ноги, хотя они скорее похожи на отцовские. Тоже не очень-то прямые, вывернутые какие-то, со странными голеньями, как две ветки. Просто у меня совершенно не девичьи ноги. Если б я ходила в платьях, все бы сразу заметили — телка-то поддельная, сказали бы. Нету у меня блондинистых локонов, сладкого взгляда да и ножкой дрыгать не умею.

Это как наследие людей, не имеющих задатков к балету: высок порог для дворовых ног.

Так и в ловушку сравнений легко попасть. Что, мол, я на него похожа, одинаковое чувство юмора, вечно что-то себе под нос мурлыкала и была его любимой внучкой. Ну, была и была. Только, когда он позвонил во вторник 23 августа, в обед приблизительно, фиг была на него похожа, исключено, ничего ему не сказала, только что-то там пробормотала. И исчезла.

Со временем это выглядит как выжимка из памяти
 как-то он мне сказал...
 как-то он мне дал...
 посмотрел на то посмотрел на это
 и еще
 последний разговор

алё это пани редактор?
Де-е-е-е-д
ну, ладно, кончаю дурака валять, только не забудь вытащить грибы
из сумки
и разложить в духовке
или прямо на газете
а то
бабка два кило грибов загубила, плесенью пошли
а я ему
де-е-е-е-д
а он будто опомнился
потому как говорит: а что ты сейчас делаешь
а я: работаю
а он сразу: тогда не буду мешать
и всё
а теперь я могу вдоволь наговориться
с кем?
да ни с кем
поезд ушел, на один телефонный звонок опоздала

В углу на веренде стоит шезлонг. Обычно там два стояли. В одном сидел он, в другом — я. И пили пиво. Или чай после завтрака. Напротив был огород, потом шли кусты и маленький пруд. С шезлонга можно было наблюдать за птицами, как они подлетали к воде и купались. Как перелетали через ворота и с любопытством ходили по траве. И все такое. Короче, природа. Можно было часами смотреть и чувствовать, как мысли проплывают в голове, не вызывая ненужного беспокойства.

В ту ночь, когда прокурорша уже составила все документы и когда так страшно лил дождь, было начало второго, молнии кинжалами пронзали небо и бушевали в сосновом бору, в ту ночь, я тоже уселась в шезлонг. Рядом играло «Радио Зет», но я, как только вошла, сразу его выключила. Теперь у меня все время в голове бренчит их заставка: «Радио-о-о Зэ-э-эт». Но тогда я села и смотрела в темноту кустов. И вдруг стало тихо-тихо, и вспышка, как прожектор на съемках фильма, осветила угол участка. Внимание, начинается последний акт спектакля об уходе. Двое мужчин склонились над дедом и засунули его тело в чехол. И было так: тишина, эта неслышная ослепительная молния и среди наступившей тишины звук застегиваемой молнии на чехле. Тело тогда наподобие шикарного костюма, который висит в шкафу для особых случаев. Хотя, как в чемодане, спрятано вместе с головой. И в морг.

Этот звук так отозвался у меня в голове, что я почувствовала, как кто-то взрезает мне живот и застегивает его на молнию или как будто навсегда захлопывает мне черепушку. Захотелось что-то закричать, но я не знала что.

Я собиралась подбежать к ним, но было уже поздно. И вот так я сидела в шезлонге, и оказалось, что дед сидит рядом. Смотрит вместе со мной на все это и не знает, что делать.

Вот тогда я перестала бояться.

Может, стоило бы по-другому начать рассказ? Например, так: когда бабушка позвонила в полицию в Добром, то потом перезвонила мне: «Плохи дела, дед не подходит к телефону. Что-то стряслось. Еду туда».

«Я тоже», — сказала я. И не успела еще туфли надеть, как сползла по стене в прихожей и спрятала лицо в ладонях. Ведь могло случиться все, что угодно. Мы уже это понимали. Я еще подумала: о нет, теперь-то я точно буду часто ездить в Минск-Мазовецкий, там больница, его, наверно, туда положат. Может, инфаркт, может, еще что.

Чуть позже я бежала по улице и дрожащим голосом ловила такси.

Дождь припустил, в середине пути началось форменное светопреставление, разбушевалась гроза, назло, наверно, но скорее всего из-за климата. Километрах в шести от дачи полицейский сказал по телефону, что врач уже был. Засвидетельствовал смерть.

А теперь задумаемся над этим словом.

Уже?

Смерть. Странное словечко, ничего не скажешь. Даже короткое какое-то для всего этого дела.

Возле ограды стояла полиция с мерцающей мигалкой и сосед, который поцеловал мне руку одновременно с соболезнованиями. Бабушка тут же вошла через калитку и вместе с полицейским пошла опознавать. Я тоже хотела пойти, но, как мне кажется, только один человек мог подойти, самый близкий. Бред! Захотела бы — пошла. Если честно, мне страшно было взглянуть на мертвеца, а вдруг кожа потрескается, говорят, примета такая, потом хлопот не оберешься.

Вот это как раз то, что я упустила в своей жизни, — не видела! Но что было, то было. Время назад не вернешь, не пойдешь в кусты на опознание. Сейчас можно только вырубить весь этот кустарник и скрыть грехи своего страха.

А бабушка мне потом говорила: очень хорошо, что я не пошла. Не на что там смотреть. Запомни деда живым, так оно лучше будет. И еще сказала: «Я вот до сих пор, когда ночью иду в ванную, все время вижу в темноте его лицо. Лежит себе на боку и как-то странно спит. Жуткая картина, все время он у меня перед глазами».

О том и речь. Вот что я упустила в своей жизни.

Просматриваю видео с мобилы. В какой-то момент Ян Станислав оборачивается лицом к камере и смотрит мне прямо в глаза. Аж мороз по коже.

Что ты сейчас сделаешь, Алиса? Какой пузырек выберешь?

Внезапный дождь. Что делать, непонятно, а ведь дед лежит в кустах и мокнет. Но рядом в машине полиция, не разрешает ничего трогать, потому что должен приехать прокурор. Мы с бабушкой сидим на кухне при свече, электричество из-за грозы отключили. И думаем, что делать.

— А он там мокнет, — говорю я.

А у бабушки вдруг слезы на глазах:

— Ага.

Сидим дальше. А что оставалось делать?! Неужели мы, как две психопатки, должны были прикрывать мертвого мужчину, спасать его от дождя?

Так я и не знаю, где он точно лежал.

И думается, что это до конца жизни не даст мне покоя, а потому — говорю себе на будущее — уж лучше пойти и посмотреть на тело, а то потом получится, что ты чего-то недоделал. Ощущение такое, как вроде бы ты что-то забыл, выходя из дому.

Помощники прокурорши, той, что приехала тогда в страшную грозу. Двое их. Общелкали место события. Потом, когда просматривали на цифровике разные кадры с разным увеличением, я стояла рядом. Они хотели проверить, не убил ли его кто, не было ли там третьих лиц. Интересно, что и они не верили в обычную смерть, что кто-то может вот так внезапно упасть. И нет его. А ведь столько лет жил, собирал предметы, тратился на дачу, старался. Распиливал деревья, поваленные бурей. Наводил порядок, и вдруг его нет.

— Извините, сигареткой не угостите?

— Пожалуйста.

И тут же бабушка: что я делаю, почему курю? Я ничего не сказала, только выпустила колечко в черную смоль ночи, как бы разжижая грозу.

Мужчины рассматривали снимки, а я краем глаза ухватила кадр: вокруг зелень, трава всякая, ветки, а рядом что-то оранжевое. И больше ничего. Смелости не хватило посмотреть, повернуть голову и взглядеться. Боже, даже вот на такую правду не хватило смелости взглянуть. Ничего бы со мной не случилось из-за этого снимка. Ведь в конце концов на самом деле дед лежал чуть подальше. Но я отвернулась, и знай себе пускаю колечки, как в кафе.

Потом надо было ехать на кремацию, но я тоже не поехала. Это было бы как-то бессмысленно, тогда бы пришлось самой поехать в Минск-Мазовецкий и там попрощаться с телом. Или уже сразу в Вышукв, туда, где кремация. В обоих случаях женщина из похоронного бюро обещала устроить церемонию, но не знаю, какая тут может быть церемония, когда сердце к чертям разрывается, а ты сидишь на стуле или стоишь, но в таких случаях лучше сидеть. Поехать туда на поезде? — у меня тогда еще не было машины, — это уж слишком. Все надо было осилить самой, в одиночку. Но я впервые в жизни боялась саму себя. Панически.

Теперь меня мучают угрызения совести: сначала он в одиночку умирает, потом в одиночку лежит в кустах и мокнет, потом почти две недели лежит в морге (вскрытие), а потом в одиночку горит.

Когда его уже привезли в шикарной урне, он, кажется, был возмущен. Чужой такой, к себе не подпускает. Чего уж тут удивляться?!

Помню, идем мы на похоронах за машиной, багажник открыт, внутри урна, а сын спрашивает: «А в том ящике только голова от дедушки, правда? Целый бы он там не поместился». Я на это: его, мол, до пепла сожгли. А сын: если дед похож на песок и такой маленький, то он к нему серьезно относиться не может. Или вот еще вижу: сын мой сидит на корточках возле открытой могилы — там плита треснула и сползла в сторону. Показалась черная яма, где труп лежал. Не будем преувеличивать, трупа не было видно, но он ведь там находился, ведь кто же, извините, в могиле лежит? Сын приседал и заглядывал, но как-то так издали, чтоб в случае чего успеть отбежать. В случае, если костлявая рука высунется из черноты и захочет утащить его с собой в могилу. А могила эта находилась неподалеку от могилы его прадеда. Довольно близко. Удобно было бы навещать родственничков.

Бессмысленно заглядывать в открытую могилу, несерьезно это.

Я выбрасывала вещи и наводила порядок. Я была в ярости — рядом суетилась моя семейка, в присутствии которой нельзя было позволить себе расплакаться. У меня создалось впечатление, что все это время они не отходили от меня ни на шаг и следили за мной. Стоило мне только состроить кислую мину, как они тут же включали свою подбадривающую говорильню.

Не знаю, что бы с ними случилось, если бы они оставили меня хоть на секунду в покое и дали бы возможность устроить конкретную истерику здесь, посреди комнаты. С соплями, рыданиями, с размазанной тушью. Ясно, что не совсем приятно стоять вот так и смотреть, но, с другой стороны, истерика — это скорее сольное выступление, тут особо и помогать не надо. Если б у меня тогда был шанс нормально попрощаться со всей этой одеждой!

Я собирала вещи под музыку с кассеты (Стасек Веланек). Закидывала блузки, брюки, спортивный костюм в огромные синие мешки. Метала в них все подряд, даже не смотрела: пригодятся, не пригодятся. Хватит с полки, хватит с вешалки — и в пластик. Аж мешки рвались.

Потом отнесла все в гараж. Я старалась навести порядок как домработница, она же не привязана к предметам, среди которых ловко прибирается. Эмоционально не привязана к выбрасываемым вещам.

Операция не удалась. Всю ночь голова была полна этих мешков, до утра задышалась от них. Из глаз вылезали тонны никому уже не нужного барахла.

Утром говорю сыну (якобы такая материнская мудрость, годами приобретенная, пусть помнит):

«Вот так оно и бывает с этими вещами — после смерти они оказываются совершенно ненужными. Поэтому не стоит собирать их всю жизнь. Ведь как только мы умрем, все пойдет на помойку. Только и всего».

Противно вот так вот рационально рассуждать. Потому что коснись чего — и ни хрена не помнишь, а только плачешь над парой носков. Еще нераспакованных. Потому что дед, блин, не успел даже хотя бы раз их надеть.

Взрослая Алиса поправляет бантики в косичках и соображает, как бы тут протиснуться в дверь.

Будь же, наконец, взрослой, прочла я где-то, разные у людей случаются неприятности, и не всегда о них надо всем рассказывать. Чем быстрее человек повзрослеет, тем ему же лучше — быстрее придет конец всем этим детским переживаниям.

Вот я и тру могильную плиту. Грязь, говорят, лучше всего сходит от обычного средства для мытья посуды.

Примечания

- ¹ Относительно дешевый автомобиль особо малого класса.
- ² Охота и Воля — окраинные районы Варшавы.
- ³ «Алиса в Стране чудес» (пер. Бориса Заходера).

Перевела с польского Ольга Лободзинская

Юстына Баргельская

разумеется, дождь

Разумеется, дождь

Смотрю в окно — все лучше меня. У одного вон даже квадроцикл! Вместо того чтобы работать, я готовлю ветчину в кока-коле и пью что-то с нижней полки. На нижней полке стоят бутылки, которые дарят мужу мои родственники, а на верхней — те, которые ему дарят на работе. Нет, он не врач. Мне разрешается брать бутылки только с нижней полки, потому что в смысле качества они попроще, но зато этикетки более причудливые. Таким образом, я по крайней мере подчеркиваю свое женское начало, раз уж выпиваю, как только остаюсь дома одна.

Во сне я видела одного из приятелей моей сестры, и мне немного неловко. Он поинтересовался, зачем на пикнике профсоюзных организаций я сплетничала о нем с девушкой из фонда. А перемывала я его не первой свежести косточки потому что, он убедил мою сестру, будто выкидыш произошел из-за ее генетического дефекта. Даже оплатил обследование, потом отсканировал результаты и послал Г. У него самого, как он выразился, «все в порядке». Клянусь, до этого обследования я не клеила парня моей сестры! Но человек, готовый пойти на такие траты, чтобы доказать, что у него все в порядке, — крепкий кадр, и такого я атакую с лёту. Конечно, крепость подобного кадра заканчивается в постели, но по причинам эпидемиологическим и мировоззренческим это для меня факт, с точки зрения медицины, несущественный.

Пол балкона залит солнцем, а лоскуток неба, который виден из-за компьютера, тщательно прикрыт сизостальной разбухшей губкой. Такая тяга! Вот бы сунуть ноутбук в рюкзак, и выйти в это, и отдаться этому, этой войне светлого с темным, вне зависимости от того, чем она закончится. Правда, я еще только жду курьера с новым рюкзаком.

Жду-пожду. На балконе красивые цветочки, муж работает, дети здоровы.

Почему, напоминая себе, что у меня одна жизнь, которая закончится быстрее, чем я мечтаю и планирую, я ставлю плейлист с барочной музыкой, вместо того чтобы послушать целиком «Искусство фуги»? Почему мои митохондрии не взывают: «Дура! Да послушай же “Искусство” целиком! У тебя еще есть время!»

Может, потому, что у меня его нет?

Седьмой ребенок Анджелины Джולי

А

нджелина Джולי снова беременна. Ай-ай-ай. Однако:

— Если мужчина — хороший отец, это не значит, что быть отцом — его призвание и жизненная цель, — говорит хороший отец моих тоже хороших, но катастрофически немногочисленных детей. — Нет, и точка.

Он немного сердит на меня, потому что ему приснилось, что моя сестра присматривала за нашей дочкой и дочка пропала, а сестра потеряла обе руки. Потом моя сестра зашла к маме, чтобы сменить ей повязку. А мама вообще не заметила, что Г. меняет эту повязку окровавленными обрубками.

— Что у тебя за сестра такая, это просто за гранью моего понимания, — говорит муж.

Едем за зимними сапогами для дочки. На виадуке — неподвижная пара, двое мужиков: вышли из машины, стоят, пьют кефир, смотрят на гору угля возле электростанции, а мой муж смотрит на них.

— Я схожу как-нибудь на неделе поглядеть на железнодорожные пути, а? — спрашивает он.

— Сходи, — отвечаю, — только, блин, мне хотя бы не говори, что идешь поглядеть на железнодорожные пути. У ребенка сапог на зиму нет, а он на пути будет смотреть. Офигеть можно, что у меня за муж. Железнодорожные пути! Ты бы лучше курсы энергетического аудита закончил, а не на пути ходил смотреть.

Осень, твою мать. Прокладывают эти пути где только не лень, а там, где были раньше, снимают. Тайское кино какое-то. Я продала серию летней туалетной воды и смотрю в Интернет-магазине, сколько стоит приличный меч — буду сражаться с этой вездесущей паутиной.

— У ребенка сапог на зиму нет, а она себе меч покупает. Но знаешь, я готов доплатить — если тебе так приспичило, то бери, по крайней мере, дамасскую сталь, — говорит муж.

— Что ты лезешь, во сколько ты собирался малыша купать?

— В семь.

— А сейчас, блин, сколько?

— Шесть тридцать.

— Господи, какая же ты свинья.

Информация о беременности Анджелины Джולי — неофициальная. Папарацци застукали ее, когда она выходила из клиники, говоря кому-то по телефону: «Ну, мы с Брэдом Питтом попались». Их младшим близняшкам по четыре месяца каждому. Кажется, Анджелина Джולי еще заявила, что подумывает об окончании карьеры Анджелины Джולי: хочет посвятить себя усыновлению и рождению.

— При всем моем уважении, до Анджелины Джולי тебе далеко, — говорит муж.

— Возможно... примерно как тебе до Брэда.

После купания я пробую зайти с тыла и задницы:

— А если я скоплю пятьдесят тысяч — заведем еще одного ребенка?

— Дело не в деньгах, — отвечает муж. — Хочешь вишневой наливки?

— А если сто тысяч?

— Господи!

Тесть делает отвратительную наливку, на всякий случай с польнью, словно всю жизнь провел возле железнодорожных путей.

Ежегодная статистика летит псу под хвост, но вскоре возвращается обратно

Не

выйдет больше фотографировать голубей, гадающих на соседский балкон или спящих на сиденье соседского велосипеда. Похоже, сосед сдал квартиру семье с детьми. Другой вариант — с соседом что-то случилось, и надо бежать его спасать (но — куда? кого? и в самом ли деле такова логика истории нашего дома в чистом поле?).

Это тот сосед, который потерял жену и дочку в автокатастрофе, тот, который: «Вы слышали, какая трагедия?! Под Кельце!», тот, у которого сахар в прихожей и одежда болтается, как на вешалке.

— Какой же он, получается, был раньше толстый, — говорит мой муж, озабоченный своим якобы лишним весом.

— Твой якобы лишний вес, — объясняю я мужу, — следствие твоего страха перед быстротечностью и брэнностью жизни, страха, обостренного твоим атеистическим взглядом на мир. Несмотря на прекрасную рекламную акцию «“Тыгодник” для друга», благодаря которой вместо одного «Тыгодника Повсехного»¹ мы еженедельно получаем два, ты свой экземпляр используешь для пересаживания араукарии. Тебя бы от лишнего веса смерть жены и маленькой дочки не спасли, по way.

Да, так почему больше не выйдет фотографировать? Дело в том, что сосед, похоже, начал новую жизнь — а детские шмотки я могу фотографировать и на собственном балконе. В соседском меня интересовала борьба с хаосом и то мизерное сопротивление, которое сосед ему оказывал. Оказывал, оказывал — и наконец оказал, разве что я ошибаюсь и все совсем наоборот — тогда беда на наши добрососедские головы. Семнадцатого августа в понедельник в пять тридцать утра я вышла на балкон пошпионить, пока не проснулись близлежащие балконы, и обнаружила у соседа ни больше ни меньше как висящие на сушилке детские вещички. А потом муж пошел в магазин и заметил детский велосипед, стоящий у самой соседской двери, чуть ли не на коврике.

Не может быть на одной лестничной клетке двух семей, попавших в аварию со смертельным исходом, это просто выходит за рамки ежегодной статистики — присутствие соседа было для нас добавленной ценностью, спасительным обстоятельством, своего рода промессой Провидения. Отъезд соседа означает истечение срока действия этой промессы в самый неподходящий момент, накануне отпуска.

Назавтра муж относит баулы в гараж, сопровождаемый одиноким ажиотажем старшей дочки. Если бы не договоренность о сроках и уплаченные деньги, мы бы поехали завтра или даже во вторник. Нет настроения. К тому же у сына температура.

— Температура? — спрашивает муж.

Почти тридцать девять. Здоровый малый, хорошо сосал, а тут вдруг температура. Даем парацетамол и ждем.

Через два часа температура падает, и мы трогаемся. Перед Серпцем встаем в пробке — двумя часами ранее на перекрестке, к которому мы подъезжаем, произошла авария — по причинам, которые газеты и телевизор упорно именуют невыясненными, черный «БМВ» врезался в бок красной «тойоты», разбросав содержимое отпускного багажника в радиусе пятидесяти метров и оставив находившихся в «тойоте» детей полусиротами со стороны тридцатидвухлетней матери. Поскольку прибавить скорость нельзя, муж разглядывает, что люди берут с собой на каникулы. Отец из «тойоты», возможно, тоже стоит, смотрит на вещи и думает: «Что-то я не припоминаю, чтобы мы брали этот большой черный мешок».

А он, может, вовсе не вам предназначался.

Перевод с польского Ирины Адельгейм

Примечание

¹ Польское еженедельное католическое общественно-культурное издание.

Игнаций Карпович

Сонька

(Фрагменты)

<...>

Соня потихоньку двинулась вперед, даже через плечо не глянула (через левое — для глаза, через правое — для снятия чар), знала: буренка дорогу найдет — узкой тропкой проторенную, полого спускающуюся к самому речному берегу, истоптанному копытами; там корова выпьет пару ведер воды, а бабуля вытащит из кармана пачку «мятных» — тех, что подешевле. Потом в горку — придется раза три остановиться, чтобы дыхание тебя догнало, потому что, как утверждала Соня, дыхание за человеком не поспевает, и если он чересчур быстро вперед бежит, может свое дыхание потерять, а коли дыхание потеряешь, так то дыхание уж ни святому Николаю Чудотворцу, ни святому Мине не сыскать — ну, а когда покажется из-за кустов песчаная полоска, тогда уж можно не суетиться и позволить ногам отвести себя в избу.

На песчаной дороге промелькнет порой машина с белостокскими или даже варшавскими номерами, украдкой пронесется, прикрываясь пылью, будто дымовой завесой.

И точно — словно в сказке, когда проезжающий верхом королевич узнает в крестьянской девушке свою судьбу, свое счастье, будущих детей и проклятие мезальянса, — едет пятисотлошадный лимузин. Едет, однако в конце концов останавливается.

Обтекаемая туша «мерседеса» С-класса, отливающая серым, словно жук-переросток, замирает. Пеструха чихает, пережевывает траву, складывающуюся в одном из многочисленных — а если быть точным, четырех — желудков, переступает копытами и интересуется исключительно оводами, пытающимися пристроиться у нее на носу. Соня же ставит руку козырьком, и рука — теперь огрубевшая, с вросшими занозами, волдырями, крестиками на судьбе — позволяет разглядеть детали: «Тьфу, — думает Соня, — *пристанули и будут ссать*»¹.

Опорожнения мочевого пузыря на лоне природы не происходит. Соня выбрала не те слова, но не ошиблась в сути прогноза, ибо не имела в виду ничего конкретного; как за зимой следует весна, так за остановкой автомобиля с варшавскими номерами следует нечто непотребное.

¹ Тьфу, остановились и будут мочиться. До недавних пор в Полесье, особенно в деревнях и маленьких городках, существовали параллельно две языковые реальности: польская и белорусская. Они жили порознь, оберегая свою особость, но при этом прекрасно друг друга понимали. Эта эпоха, увы, безвозвратно уходит в прошлое. Поэтому я решил в одном месте, в конце книги собрать белорусские слова, не столько ради того, чтобы их объяснить, сколько — и это, пожалуй, гораздо важнее — чтобы дать возможность погрузиться в иной, параллельный языковой мир, экзотический, но столь близкий.

«Мерседес» замер, пыль оседала, из колонок — передняя дверь, та, что со стороны водителя, открылась — загремела музыка, и вынырнул городской королевич. Вместо: «Я вас люблю, я вас искал, гонцов повсюду рассылал» — вместо этого самым обыденным образом дверь захлопнулась, а музыка стихла.

Пыль оседала, автомобиль умолок своими восемью цилиндрами, по краешку дороги шла пеструха, за пеструхой (не разберешь, кто кого ведет) — Соня, а за ней вроде ничего не тянулось: что имела, то давно отдала другим, а чего не имела, того ни дать, ни украсть не могла. На той же стороне, на той же обочине стоял городской королевич с рюкзачком вместо скипетра и улыбкой вместо королевства. Были на нем шорты, украшенные армейскими пятнами и бесполезными карманами, была и рубашка с короткими рукавами, оранжевая, цвета резцов нутрии, были сандалии из замши, по мягкости превосходящей даже каракулеву шубу самой модной модницы в райцентре, Веры из конторы в Грудеке, что раз в неделю ездила в Белосток на собственном автомобиле по имени «Гольф» (made in Germany), как и кошмар, пережитый Соней, так что если машина хотя бы отчасти не уступала по качеству войне, то Вере можно только позавидовать — автомобиль будет служить ей верой и правдой и вовек не покинет ее мысли и голову.

«Ого-го, — подумала заинтригованная и немного встревоженная Соня, — какой, однако, красивый этот королевич, прямо хоть ставь его в залу и раз в неделю стирай тряпочкой пыль, а на праздники украшай золочеными оборками, буфами и воланами, зажигай свечку, доставай из носка последнее материно кольцо да гляди, гляди, пока хорошенько не наглядись, а после — спать».

У городского юноши было имя, о чем Соня догадывалась, было положение в свете, о чем Соня догадаться не могла, а кроме того, было явно плохое настроение, от которого появляются лишние морщины, какие даже Д-р Ирене Эрис с Ланком не по плечу. Он долго рылся в карманах, заглядывал в рюкзачок, словно где-то там затерялся листок с ответами и советами на все случаи жизни: что делать и как жить, чего избегать и с кем, где избегать и за сколько, а прежде всего — где грёбаный номер телефона этого чертового ассистента? Извлек, однако, не клочок бумаги, а сигареты в золотистой пачке — кто курит и много летает по свету, тот бы понял, что из duty-free, — закурил, затянулся и закашлялся.

— *Здыхлина*², — шепнула Соня на ухо буренке, остановленной в своем неуклонном движении у куста и размышлявшей о природе оводов.

Королевич извлек сотовый весьма новейшей модели, такой красивый и блестящий, что хоть вешай его над Царскими воротами, чтобы в час величайшей нужды и бедствий — наводнения, войны, победы правых — позвонить Шефу и пожаловаться, открыть сердце и неограниченный пакет бонусных минут: *Спаси, Госпади, спаси*. Но этот сотовый, хоть и был так красив и сверкал под августовским солнышком, все же не соединил своего хозяина с хозяином аналогичного чуда чудного по ту сторону, где-то там, в настоящем мире — с кинотеатрами, универсамами и пиццей по телефону, ноль восемь два нуля, звонок бесплатный, доставка — тоже, при заказе на сумму от тридцати золотых.

Соня знала, что городской житель остановился в дыре, причем в дыре стократной, поскольку ни один оператор этот кусочек земли не покрывал, ни один социолог этих жителей в статистиках не учитывал, и даже священник на своем «дэу эсперо» заглядывал сюда неохотно, затем лишь, чтобы скоренько посвятить, машинально благословить, конверт в карман сунуть — и всё, только его и видели, от трех до пяти раз в год, в зависимости от количества смертей, поскольку количество праздников остается неизменным.

Здесь, на краю небытия, в деревне Крулёве Стойло, близ Случанки — центра цивилизации, стояло всего четыре избушки. В самой крохотной жила Соня, в двух резвились мыши, поскольку хозяева лежали в могиле, в последнее время иногда заявлялись городские наследники на уик-энд, хоть и не часто и уж точно не в каждый; и жаль, что не часто — всё разнообразие, всё шум в тишине, всё жизнь в глуши; а вот четвертая изба — совсем из другой оперы: новая, возведенная из пустотелого кирпича при втором Квасьневском, украшенная пластиковыми окнами, посверкивающая бутылочным стеклом, из которого выложили мозаичные красоты — кружочки, листочки и прочие цветучки; пухлые гномики стояли в саду рядком, точно в концлагере, меж грядок

² Дохлак.

капусты и лука, согласно принципу, что красивое должно быть упорядоченным, да еще гипсовая балюстрада на балконе, да колонны, да крылечко, да карнизик — чистейшей воды барокко случанско-кацапского разлива.

Королевич спрятал телефон и стоял неподвижно, оборотившись спиной к дороге, а глазами — к лугам и линии недалекого леса. Он стоял и курил, подставив загорелое лицо солнцу, чуть заметно улыбаясь. «*Муси яки дурак, без струка*»³, — подумала Соня про улыбку городского красавчика — здесь, пока не забыли, следует отметить, что мнение Сони разделял круг влиятельных театральных и литературных критиков, а также — хоть это уже отдельная история — еще несколько знакомых золотиносного, а может, всего лишь позолоченного юноши.

Удивительный персонаж звался Игорем Грыцовским и был известнейшим и талантливейшим (как утверждали одни), а возможно, претенциознейшим и напрочь лишенным чувства сцены (как утверждали другие) театральным режиссером младшего по сравнению со старшими поколения, а также автором романов с трудноуловимой фабулой. Игорь сделал себе имя и покрыл его славой пару лет назад, поставив на сцене Драматического театра в Варшаве пьесу под названием «Условный рефлекс».

После премьеры разразилась гроза — сухая, как и полагается грозе в прессе: и чем больше громыхало, гудело, сверкало и злопахало, тем больше гремели «Условный рефлекс» и сам Грыцовский-режиссер. А уж дальше всё покатилося, словно под горку, хоть и в горку, эге-гей! Опера, либретто, Париж и Нью-Йорк. Новые пьесы в количестве три штуки и романы в количестве ноль закрепили за ним репутацию художника относительно молодого по сравнению со старыми, в том числе в области человеческих взаимоотношений, но прежде всего — отношений финансовых.

Королевич, покинувший кондиционируемое нутро «Мерседеса», ожидал, очевидно, какого-нибудь чуда, вроде манны небесной — к примеру, мобильной связи, хоть в виде одной-единственной черточкой, всего одной — сжался над нами, Господь! — ибо даже не пошевелился, когда пеструха с Соней приблизились к нему на расстояние столь ничтожное, что уже никак не избежать было обмена мнениями, неважно, по какому поводу: добрый день, как дойти до... или доехать, или где тут берет сотовый? Королевича, очутившегося не совсем там, где он предполагал, и не совсем с тем, с кем планировал, явно охватил восторг горожанина относительно окрестных красот. Что-то они ему болезненно напоминали. Пейзаж как пейзаж, вид как вид, луг да деревья — но вся эта природа, река и небо, дорога и аисты, всё заключало в себе некую угрозу. Он пытался угадать, из прошлого ли эта угроза или, может, предупреждение на будущее. Наконец махнул рукой, плюнул на всё и бибикнул ключом, закрывая машину. Стремительно обернулся и внезапно, едва не перепугав корову, хоть та пугливостью и не отличалась, заглянул Соне в лицо.

И буквально онемел, а губы — верхняя и нижняя, более выдающаяся — сложились в трубочку, ибо лицо Сонино было лицом неподдельным, каких жизнь уже не лепит, каких теперь не встретишь. Ибо лицо Сонино сошло с иконы — коричневое, твердое, покрытое трещинками, простое и бесхитростное, но заключающее в себе силу, со светлыми линиями морщин, а морщин этих там, наверное, пердильон, вот уж было бы чем заняться пластическим хирургам: полировать, натягивать, подрезать — лишней кожи хватило бы на три новых лица, не меньше. Ибо лицо Сонино — лицо как оно есть: видно, что она свое пережила, видно, что о своем мечтала, но прежде всего это лицо служит тому, для чего его *Гистодь* сотворил: слушать, смотреть, есть, мыть, целовать, нюхать, икать, плакать, сморкаться.

Игорь Грыцовский, сложивший губы в трубочку, окаменел, словно сказочный королевич, и вмиг уразумел, что стоит перед ним та, которую он ждал всю свою жизнь, и дело не в буренке, вполне, впрочем, дородной и зазывно трепетавшей длинными ресницами, дело даже не то чтобы в Соне, во всяком случае, не в той Соне, какой Сонькой она была в повседневной жизни. Дело в Соне новой, не открытой и позабытой, Соне ошеломляющей, которую угадал и разглядел Игорь Грыцовский, когда голубой старушечий глаз остановился на нем, хоть и сквозь него: сперва с легкой опаской и неприязнью, но мгновенно прояснился, словно небо, и погас, загорелся и сверкнул.

<...>

³ Должно быть, какой-то дурак, без члена.

Август сорок первого, миллион с лишним лет назад, словно бы в допотопные времена, давным-давно. Была я молодая, и было у меня двое братьев, старших, Витек и Янек, и вся жизнь впереди, и сработанные руки, и маленькие радости, и тайные чувства, мне нравилось сворачивать язык трубочкой, а волосы заплетать в косу. Даже отца я не умела ненавидеть по-настоящему, до мозга костей. — *Дитя люби як душу, а траси как грушу*⁴, — говорили отец, а уж потом начинали бить, я однако предпочитала, чтобы они меня били, а не любили, ведь побой вынести легче, чем любовь родного отца, особенно учитывая, что любить меня он начал, как только я созрела. Отец подстерегали меня с малых лет. «Жёнку мою убила, теперь искупай грех», — говорили. Да я бы мать в жизни не обидела! Я ее даже не знала!

Такого августа даже старики не помнили, всё росло тяжелым, дородным, казалось, что предела этому росту нет, словно добрый Бог решил поменять в мире масштабы — мол, с августа все станет крупнее. Так оно и было, я и сама уже витала в облаках — настолько небо прогибалось под тяжестью звёзд, что ложилось на мой платок, повязанный на затылке или под подбородком. В тот август солнце почти не заходило, река почти не текла, и больше в ней было рыб и раков, чем воды. Пчелы возвращались в ульи пешком, по песку и траве, навьюченные пылью так, что не в силах были взлететь. Куры несли дюжины яиц, каждое с двумя желтками и птенцом. Жернова ходили легко и плавно, влажные от жара. Жито и картофель начинали бродить на четвертый день, а пьянили через четверть часа.

Никогда нам не жилось так легко — ни в Пруссии, ни в царской или советской России, ни в яснопаньской Польше, — твердили *старыки*. Мы знали, что теперь — подданные Гитлера Адольфа, ходили слухи, что Адольф Гитлер есть воплощенное зло — зло, потому что ненавидит нас и наших соседей, ничегошеньки о нас при этом не зная, однако нам это ничуть не мешало, поскольку новая война обошла наши деревни стороной. Ибо то было время многочисленных войн, ни одна из которых не была нашей. *Паляки* бились с немцами и русскими, теперь русские с немцами, нас же это не слишком касалось, поскольку мы не ихние, мы ничьи, мы сами свои — может, дальше, в Белостоке, да, но не здесь, может, отчасти в Грудеке, да, но не в деревне Крулёве Стойло. Край света тем и отличается, что война до него добирается редко, разве что в виде оборванцев-беженцев, нескладных слухов да перекатывающегося по горизонту грома; однако если уж доберется, то формы принимает чудовищные. Нам суждено было узнать об этом позже.

В тот день, управившись по хозяйству, я вышла посидеть на лавочке, одна-одинешенька, потому что братья как сквозь землю провалились, небось, у девок Грыковских, а отец по-соседски — к соседу. Я сидела тогда наедине с собой на лавочке, солнце заплетало лучи в косы и наигрывало на поленнице бликами, а на зеленых листьях и моем платье, в мелкие незабудки, — звуками, словно короед в древесине. Не знаю, что мне взбрело в голову, но я надела свое лучшее платье — то, в котором ходила в церковь, на свадьбы и похороны. Я и правда не знаю, с какой стати. Сидела: умытая и нарядная, немного печальная и сильно уставшая, абсолютно не представляющая себе, как доживать жизнь. Отец не хотели выдавать меня за приличного *мушину*, я ему самому требовалась, вместо матери.

Кабы отец меня увидели, досталось бы и мне, и моей матушке, светлой уже памяти, отец, однако, пошли к соседу, а следовательно, вернуться должны были затемно. Сперва я ощутила легкое колебание воздуха: тяжелые прозрачные слои пошли волнами, начали расслаиваться, отходить друг от друга, точно эмаль от зуба, теряя прозрачность. Воздух делался матовым. Потом — я говорю «потом», но это было давным-давно — потом на песчаной дороге поднялись маленькие столбики пыли, она висела в воздухе, постоянно подбрасываемая вверх, словно дорога была решетом, отсеивающим зерно от плевел, словно кто-то снизу выдувал через соломинку воздушные трубки.

Я услышала звук, вроде того, какой издает крупный вырвавшийся рой, когда ищет место для улья. Звук нарастал, приближался, а столбы пыли вращались, образуя расплывчатые серо-бурые фигуры, клубки кошачьей шерсти — я любила вычесывать нашего кота. Я испугалась. Земля дрожала, и вдруг мощным взрывом взревели моторы, заскрежетами трущиеся друг о друга куски металла, и из-за поворота выехал серый грузовик, а за ним еще и еще. Дальше ползли полугусеничные бронетранспортеры, а еще — страх, точно дождевой червяк, рассеченный лопатой, панический.

⁴ Ребенка люби, как душу, а траси, как грушу.

Казалось, цвета исчезли, все покрыто пеплом. Я посмотрела на ткань моего лучшего платья — уже не выходного, в мелкие незабудки, а грязного, обыкновенного: цветочки увяли, клумбу посыпали пеплом. Я расплакалась, и, наверное, эти слезы смыли с мира серость и пепел, потому что я отважилась взглянуть на лица мужчин, сидевших в кузовах, в кабинах, на бронетранспортерах.

Они казались мне очень похожими друг на друга, словно их родила одна и та же — большая и трудолюбивая — мать. У них были красивые черты лица, розово-золотистая кожа, светлые волосы — точно оклад иконы, а глаза — цвета ткани, из которой сшили мое платье. У них были тела атлетов. Они казались прекрасными, грозными и благородными. Казалось, они заблудились в этом закутке мира, словно очутились тут по ошибке, на мгновение выпав из своей настоящей истории, превратившись в ошибку, слух, который еще не начали передавать из уст в уши.

Эти солнечные лица превратились для меня в сплошную полосу света, утратили детали. Прежде чем осела пыль, возвращая миру цвета, передо мной остановился мотоцикл — такой большой, что сбоку у него было третье колесо и что-то вроде коляски, блестящей, черной, похожей на брюшко жука. С мотоцикла соскочила фигура. Я трижды перекрестилась и опустила глаза, потому что мне почудилось, будто это дьявол или его слуга: весь в черной коже, даже лицо скрыто за диковинными очками, а хвоста не видно, потому что он стоит ко мне лицом.

Он приблизился к *лавачке*, я видела носки его пыльных сапог. Начал что-то говорить, но говорил безобразно, ничем не понять было, чего он хочет, он говорил на каком-то хриплом, адском наречии; в его языке трещали стволы молодых берез, ломались стропила и ничто ни с чем не вязалось, а лишь распадалось на части. Я просила Бога забрать от меня нечистую силу, всё просила и просила, стискивая веки, пока у меня перед глазами не закружились оранжевые буханки хлеба. Лишь тогда все стихло, а я ощутила прикосновение чужой голой кожи. Запах крахмала. Подумала, что это моя мать вернулась, чтобы заставить меня посмотреть на дорогу. Что зло уже отступило, дочиста выметенное материной юбкой: вместе с мотоциклом и черной фигурой.

Я позволила чужой голой коже, взявшей меня за подбородок, повернуть мое лицо к солнцу. И мои глаза утонули в других — невиданно голубых, глубоких и веселых, огромных, блестящих и бесконечно печальных. Я подумала, что так, должно быть, выглядит море, о котором когда-то толковали евреи в Грудеке. Именно об этом я подумала: бесконечная вода, которую не переплыть — разве что утонуть, и тут же зарыдала, поняв, что заколдована, взята в плен и влюблена, на веки вечные. Я поняла, что в этот миг *Гасподь* поставил печать, ощутила запах воска. Господь соединил наши судьбы — его, в черной коже, и мою, в цветастом платье.

Мужчина, указывая ладонью на свое сердце, сказал:

— Иоахим.

Он смотрел на меня.

— Иоахим, — повторил он. — *Und Sie?*⁵

Я почувствовала, что краснею. Еще горело под подбородком, там, где меня коснулась его кожа. Еще жгло там, где катились слезы.

— Соня, — ответила я как можно тише, но он услышал.

— Соня, — улыбнулся он. — *Sehr gut*⁶.

Он подошел к этой черной коляске сбоку мотоцикла и что-то из нее вынул. Подал мне спящего кудлатого щенка: маленькую овчарку с рыжим подпалом. Протянул красивый кожаный ошейник.

— *Sonia und Joachim*⁷, — сказал он еще, потом сел на мотоцикл и уехал, поднимая клубы пыли.

Я осталась со спящей псиной. Не знала, что делать. Чувствовала себя зернышком, брошенным в каменистую почву. Вертела в руках ошейник, пытаюсь прочитать диковинные буквы. Читала я не слишком бегло — так, поп немного выучил — и потом, это были не те буквы, которые я знала — у нас-то в церкви буквы похожи на стульчики, — но каким-то чудом мне удалось разобрать.

⁵ А вы? (нем., прим. пер.)

⁶ Очень хорошо (нем., прим. пер.)

⁷ Соня и Иоахим (нем., прим. пер.)

— Борбус, — сказала я, и щенок поднял ко мне морду.

Так он получил имя. Борбус Первый.

<...>

Однажды вечером, когда уже половина листьев гнила под кронами деревьев, отец вернулся от Грыков пьяные и настолько злые, что не повалились сразу на землю. В таком бешенстве, что глаза у них были красно-сизые, каждый с пятнышком пустоты посредине, ни дать ни взять нацеленный ослиный причиндал.

— *Трымайта добра*⁸, — велели отец моим братьям.

Янек и Витек взяли меня под руки. Мы с братьями никогда не были близки. Жили в одном доме, потому что так сложилось. Я гадала, кому достанется хозяйство — младшему или старшему. Они тоже гадали, а если человек слишком много гадает, то думает совсем мало и попросту слушается.

Янек казался ласковым — наверное, в мать, однако за его ласковостью крылась необычайная воля к выживанию и главенствованию. Я мало ему доверяла, потому что он мало говорил. Витек другой. Вырос крупным, ширококостным. Не умел ничего скрывать. Оба послушны отцу, всё как он скажет.

*Игнат*⁹, я не хочу жаловаться, но ты должен понимать, что значило тогда — давным-давно — быть женщиной. За нашими холмами и лугами, за сараями и хлевами цена женщине была не больше, чем козе, причем шансов выжить у козы было больше, поскольку она давала молоко, а женщина — не всегда и не всем.

Витек и Янек крепко держали меня, а отец подошли и плюнули в лицо. Потом размахнулись, чтобы ударить — так, наотмашь. Бить отец умели. Губа вспухла, крови вылилось — полная кружка. Никто ничего не сказал. Отец взяли вилы и пошли на меня. Содрали кафтан, обнажили тело.

(«*Занавес поднимается*, — подумал Игорь, — *начало второго действия*»).

Тело белое и — тогда — исхудавшее. С округляющимся животом. Тело, отцу хорошо знакомое.

— *Гэта чый баструк?*¹⁰ — спросили они.

Я пыталась представить себе Иоахима. Чтобы он меня защитил. Дал силы. Святой Иоахим Сони из деревни Крулёве Стойло, помоги мне. Святой Иоахим Завоеванных Земель, спаси меня. Иоахим Случанского моста, ни-спошли покой, Иоахим, Сражающийся с Медведями и огненно-красными звездами, заслони черным плащом, а врагов моих покарай молнией с воротничка твоего мундира.

Ты не знаешь, что это такое — полюбить без толку, совершенно без толку... Я видела, как ягодицы Иоахима приподнимаются и опускаются в лунном свете. И эта картинка — два полушария голых, немного волосатых ягодиц моего возлюбленного, словно луна, рассеченная надвое, — наложилась на опухшие отцовские щеки.

Но отец повторил вопрос:

— *Гэта чый баструк?*

Разозлившись, я хотела было ответить: *твой*, да страх меня удержал. Злость слабее страха. Я боялась за себя, но гораздо больше — за нашего ребенка. Ответ удивил всех: и отца, и братьев, и меня саму.

— Карецкого, — бросила я.

Я назвала того, кого меньше всего любила. Миша Карецкий, третий, младший сын старого Ваньки, браконьера и кулака. Не свети, Господи, слишком сильно над его душой, но и не гаси лампу совсем, ведь не по-людски проводить свободное от жизни время впотьмах.

Репутацию Миша, самый младший и самый красивый сын седого Ваньки, имел паршивую и в Случанке, и в деревне Крулёве Стойло, и в других деревнях. Говорили, что он бегаёт за юбками. Говорили, что ограниченный и жестокий. Много чего говорили, как всегда, когда знаешь мало, а развлечь себя хочется.

Видела я его редко и видеть чаще не хотела. Не знаю, почему я назвала именно его.

⁸ *Держите крепко.*

⁹ Игнатом — его настоящим, а не городским именем — называет Игоря Соня (*Прим. пер.*).

¹⁰ *Это чей байструк?*

Я могла сказать правду или солгать. Могла солгать как минимум десятью разными способами. Могла обременить своим животом столько мужчин, менее и более неподходящих, хотя живот — так или иначе — неумолимо обременял лишь меня одну. Но я выбрала Мишу. Выбрала именно его, потому что в это никто бы не поверил.

<...>

Больше отец меня не били, братья ослабили хватку. Отец соображали: Миша — лучшая партия в наших краях, стоит проверить его реакцию. Если — почти наверняка — он скажет «нет», ничего не изменится. Но если — что маловероятно — он скажет «да», отец войдет в ряды случанской элиты.

— *Иди папратать, а ты,* — крикнул он Витеку, — *паклич на вечар Ваньку с Мишай*¹¹.

Я пошла убирать, хотя все было убрано. Но я все равно убирала, и от этой уборки убранное делалось вовсе не новее или красивее, а лишь более старым и потертым, зато время шло, хоть и кое-как.

Я слышала, как отец встречал на пороге Ваньку и Мишу. Они уселись за стол, я вынесла самогон, сало и маринованные грибы, соленья, колбасы и огурцы. Припасенные на черный день или к празднику.

Они пили и болтали.

Я резала лук, когда отец сказал:

— *Знайш, Ванька, маю дочку, Соньку?*

— *Знаю. Яна удана вельми, выкапана Галя*¹².

Услышав имя матери, я порезала палец.

— *Яна ни фека, только што,* — продолжали отец, — *я тебе скажу итось вельми смешнаго. Сонька, хади сюды, падыди, доченька*¹³.

Я подошла, облизывая палец.

— *Ты гляди, яна панна, а с живатом как жонка*¹⁴.

Ванька, седой, сухопарый, снисходительно скользнул по мне взглядом.

— *Живот не узьяся с паветра. Живот Соньки узьяся з Миши*¹⁵.

После отцовских слов наступила тишина. Ванька понял, зачем их пригласили. Мишин взгляд прыгал с одного лица на другое, точно блоха с собаки на собаку: он — багровеющий нос на красивом лице, набитая жратвой утроба, в жилах вместо крови самогон — прикидывал: в самом ли деле может отвечать за мою фигуру, или — зная наверняка, что нет — пытался разгадать затеянную отцом игру.

Ванька засмеялся, рассчитывая обратить всё — а следовательно, и причину встречи — в шутку. Отец ему вторили. Именно такого ответа и такой реакции они ждали. Я плохо помню, что чувствовала. Сосала порезанный палец. Я вообще плохо помню то, что не было связано с Иоахимом. Он был зеницей моего ока. Пупком моего тела. Языком моих уст. Узором на подушечке каждого пальца. Пределом женственности. Золотой мой Иоахим.

В хохот Ваньки и моего отца внезапно вторгся Мишин голос:

— *Гэта прауда*¹⁶.

<...>

«Это правда?», — сказал Миша (сказала Соня). Это было вовсе не правда. Я уронила тарелку. Никто меня не отругал. У отца глаза на лоб полезли: вот-вот лопнут — точно у мыши, которую душит какая-нибудь гадасть. Ванька, и так уже порядком раскрасневшийся, сделался свекольного цвета; на этом фоне выделялись только седые усы да фиолетовые жилы. Никогда не думала, что у человека на лице умещается столько жил — точно сорняки на неполютом огороде, пырей и куколь.

¹¹ *Иди прибери, а ты пригласи на вечер Ваньку с Мишей.*

¹² *Ты, Ванька, знаешь мою дочку, Соньку? — Знаю. Очень удалась девка, вылитая Галя.*

¹³ *Недурна, я тебе только одну очень смешную вещь скажу. Сонька, иди сюда, дочка.*

¹⁴ *Гляди, девушка, а с пюзом, как жена.*

¹⁵ *Пузо не из воздуха взялось. Пузо Сонькино из Миши взялось.*

¹⁶ *Это правда.*

Миша моментально посерьезнел, только эта его серьезность была какой-то не слишком серьезной. Я не знала его, но заметила в глазах насмешку и дерзость. Может, это было что-то другое? Говорят, что глаза не лгут, а еще: чего глаза не видят, о том сердце не болит. Болит.

Болит.

Мой светлый Иоахим.

Еще как болит!

Миша поднялся из-за стола. Подошел ко мне, стараясь не наступать на осколки. Встал рядом. Положил руку на плечо. Рука показалась мне тяжелой, точно коромысло. Никогда я не чувствовала на своем плече такой тяжести.

— *Эта правда. Мы ни знали, як вам сказать. Устыдна было*¹⁷.

После этих слов во мне словно что-то надломилось. Или сломалось. Я платила за собственную ложь и трусость. Я не сумела бы придумать себе наказания более горького и жестокого. Моя ложь приобрела видимость правды.

Я не могла выдать ни слова. Хотела возразить. Хотела рассказать об Иоахиме. Я любила только его. Он, хоть и далекий в этот момент — на каком-то восточном фронте — был во мне. Он, мой лучезарный Иоахим.

У меня разорвалось сердце. Не впервые. Сердце рвалось и рвалось, и казалось, оно так и будет рваться, без конца, как не кончаются яйца у несущки, река, боль, пуца, голод, треск льда зимой.

Я заплакала. Долго оплакивала себя. И когда Миша заставил меня опуститься на колени перед нашими отцами. И когда поцеловал меня в висок. И когда брат вывел меня, рыдающую, во двор. И когда я сидела на лавочке, а Борбус глядел на меня и тихонько скулил. Я сидела и оплакивала себя. В человеке больше воды, чем крови.

С Иоахимом — это была правда. Мы не знали языков друг друга, не могли солгать. С Мишей нас соединила ложь. Она тоже связывает накрепко. Не хуже ненависти. Облепляет, словно паутина, лишает свободы и — прежде всего — обрекает на одиночество. Кому я могла рассказать? Иоахиму, которого не было? Отцу, довольному таким оборотом дела и бутылок самогона? Братьям? Батюшке в церкви? Кому?

Я могла рассказать только Мише. Но не хотела. Вот так — шаг за шагом, смерть за смертью, месяц за месяцем — я становилась все более одинокой.

Свадьбу наметили на ноябрь. Деревни Крулёве Стойло и Случанка, Валилы и Мелешки, даже Грудек — все гудело от сплетен. Не хочу вспоминать, что народ болтал — истории были настолько фантастические, что рядом с ними блекла даже война. Блекла, потому что люди в деревне живут жизнью, а война — это смерть. Потому что люди в деревне живут ближайшим будущим, а война — всегда настоящее или прошлое.

В те недели, что оставались до свадьбы, Миша старался вести себя как положено, то есть — как полагается у нас жениху. Навещал меня через день, разговаривал с отцом и братьями о хозяйстве и войне, потом мы шли гулять в какое-нибудь укромное место. Поначалу я избегала тех, где бывала с Иоахимом. Потом перестала обращать на это внимание. Мы сидели над рекой, я закрывала глаза и смотрела на Мишу. И Миша превращался в Иоахима. Как будто Иоахим изменился, как меняются черты от времени и расстояния.

Я так неистово гнала самой себе, что вскоре начала радоваться Мишину появлению. Потому что — извращенным образом — мои прогулки с Мишей становились прогулками с Иоахимом. И Миша мне не мешал — не пытался ни прикоснуться ко мне, ни целовать, не спрашивал ни о чем, и говорил мало. Просто был рядом.

Порой — особенно на берегу реки — где-то в глубине, в самой сердцевине, там, где висок, я чувствовала, что это только имитация покоя, тишина перед криком, вилы в стоге сена. Я твердила себе: лучше эта ложь и имитация, чем то, что случилось бы, скажи ты правду. Так я повторяла себе с упорством коровы, рвущейся из хлева к теленку, которого режут во дворе, и наконец сама поверила в это, хоть ни разу не попыталась представить себе, что могло случиться, если бы я солгала.

Помню одну прогулку. Мы сидели над рекой. Я вспоминала Иоахима, он был скорее бледен, чем светел, такой... смазанный, далекий — дальше, чем святые на иконах. Я посмотрела на Мишу и увидела только того, на кого смотрела: ни следа Иоахима, от первой до последней черточки — один Миша.

¹⁷ *Это правда. Мы не знали, как вам сказать. Стыдно было.*

Я смотрела на него в изумлении и страхе. Сказала: — Этого не может быть. — Покачала головой. — *Эта ни можа быть*, — повторила я.

— *Мусит*¹⁸, — ответил он.

Потом он начал меня целовать и касаться. Нежно. Наверное, он действительно многому научился, бегая за юбками. Я не сопротивлялась, поскольку не видела ничего, что имело смысл защищать. Что? Блекнущую память? Попранную чистоту? Ребенка?

Его поцелуи и прикосновения нравились моему телу. Настолько нравились, что меня охватила ненависть. Как это так — любить одного и дать любить себя другому? Получается, сердце может так бесконечно расти? А кожа — так бесконечно отвечать на прикосновения?

Тогда, над рекой, мы извелись ложь. И, вопреки моим ожиданиям, это нас не убило. Не освободило.

Это случилось.

<...>

Говорили, что война продлится уже недолго. Немцы проигрывали, но это не имело для меня никакого значения. Не было Иоахима, не было Миши, не было Миколая. Не было Янека и Витека, не было отца. Не было многих соседей. Из всех этих небытий меня радовало лишь небытие отца. Однако чем дольше его не было, тем меньше я умела радоваться. Ведь человек умеет радоваться тому, что имеет, а не тому, чего у него нет — кроме *палляков*: они устроены иначе, но их у нас мало, это после войны их развелось. Откуда их столько, они же якобы все умирали во время восстаний и войны?!

От прежней жизни остались у меня только кот Василь, две коровы — Зорька и Малина — да Борбус. Борбус вырос крупнее других собак. Больше теленка, а мне его кормить было нечем, с едой туго. Суп из крапивы, выловленные в реке *калючки* — рыбки чуть больше ногтя старой бабы. Мы ели всё, чем можно было набить желудок. А Борбус рос и рос. Словно кормился отсутствием, словно каждая смерть прибавляла ему сил и величины. Несколько раз Борбус ловил зайца и приносил домой. Это был праздник. Потому что праздник — это теперь было не кадило и иконы, а настоящее мясо.

Кажется, начинался сентябрь. Немцы внезапно окружили Случанку и Крулёве Стойло. Никаких особых задач у них не было. Вероятно, им приказали убить столько, сколько удастся, желательна экономия при этом пули. Большинству жителей удалось укрыться или бежать. Тех, кому не достало удачи или укромного места, согнали на дорогу. У моста стоял грузовик. Нам велели лезть туда. Я была последней, немного отстала от остальных, потому что после смерти Иоахима хромала — меня даже прозвали Хромой Сонькой. Я подумала, что если сяду в грузовик, меня убьют. Я не хотела ждать смерти. Я всё уже потеряла, пусть же и это — жизнь — закончится поскорее.

Так что я побежала к прибрежным зарослям. Мне удалось оторваться — кажется, возникло какое-то замешательство, и потом, немцы не ожидали неповиновения. Это очень дисциплинированный народ — если надо погибать или убивать, они погибают и убивают. Будь русские такими же дисциплинированными — проиграли бы войну как пить дать.

Я перепугалась, что мне удастся выжить. *Игнат*, представь себе только, каким жалким было это мое бегство. Именно я, единственная хромоножка на две деревни, спускалась, вернее, ковыляла к реке. Немцы тоже не сразу спохватились — меня выдал сосед из Случанки. Немцы начали кричать, а я — хоть мне и хотелось жить, потому что человек всегда хочет жить, даже если ему кажется, что он всё потерял и ждать больше нечего — я бежала, одна-единственная. Немцы кричали, кто-то в меня прицелился. Я знаю, потому что обернулась.

(*Жена Лота*, — пометил себе Игорь; — жаль, что нельзя использовать эту *аллюзию*.)

И тогда на этого немца бросился Борбус. Не знаю, откуда он взялся. Немец выстрелил два раза. Я закричала — раз. Пули — одна с моим именем, другая с моим прозвищем — попали в мою собаку. Они умирали одновременно.

¹⁸ *Это невозможно. — Так должно быть.*

Мой любимый Борбус и немецкий солдат с разорванным горлом. Поэтому мне удалось скрыться. Когда я побежала, я не подумала, что могу о чем-то пожалеть. Я забыла о своей собаке. Борбус меня спас.

Мне всегда было кого оплакать. Плохая память; у кого плохая память, у того долгая жизнь.

Нагруженный грузовик уехал. Мы больше никогда не видели тех, кого увезли тогда. Говорят, за Валилами им велели выкопать глубокую яму, потом связали руки и ноги, потом живьем сбросили в яму. Потом яму засыпали. Потом земля шевелилась, гусеницы бронетранспортера молотили землю. Потом из земли выросла трава и березы. Потом мы забыли. А может, они и не существовали? Может, их и не было никогда?

Я весь день просидела в зарослях. Лишь вечером осмелилась посмотреть на дорогу. Нашла тело Борбуса. Немцы бросили его там, где он упал. Я пошла в избу. Взяла тачку, привезла останки. Во дворе, неподалеку от курятника, выкопала глубокую яму. Была уже ночь, я почти ничего не видела. Споткнулась, упала в яму. Не было сил выбраться. Я знала, что никто мне не поможет. Никого не было. Я знала, что война скоро кончится, потому что уже не было людей. Их поубивали. А когда людей нет, то и войны нет.

Утром я вылезла из ямы. Бедро горело огнем. Куры клевали тело Борбуса. Тело Борбуса окоченело, но глаз — открытый — не помутнел. Язык посинел, торчал между зубами, словно ледяной лизун¹⁹. Сгустки свернувшейся крови. Это была кровь немецкого солдата. Она ничем не отличалась от крови моего пса. Меня учили, что человек важнее зверя. Судя по крови — нет. Борбус был больше, чем человек. Я сняла ошейник. Стокнула тело в яму. Засыпала. Села на холмик свежей земли.

Я бы просидела так до конца войны, если бы не коровы. Нужно было идти в лес, нужно было их подоить, потому что спрятаны-то они спрятаны, но доились, как будто на виду стояли. Я и пошла. Поковыляла.

Когда вернулась — а меня долго не было, — уже пришли русские. Пришли поляки. Говорили, что будет лучше, чем до войны. Никто им не верил. Некому было верить. Те, кто мог, давно ушли. А те, что пришли, вскоре отправились рассказывать свои сказки дальше.

Давным-давно. Лучше бы не помнить, не слышать, лучше быть с теми, кого нет. Если кто-то умер, значит ли это, что когда-то он на самом деле был? Или уже нет? Никогда?

<...>

Я чистила картошку. На лавочке перед избой. Было тепло и сухо. Тихо. Борбус лежал, свернувшись в клубочек. Василь грелся на камне. Отец и братья в поле. Миша помогал свекру. Миколай спал, выпил молоко из одной груди, на другую скривился. Я чистила картошку. Думала о рыбе. Очень захотелось рыбы. Думала о порвавшемся бараньем кожухе. Надо залатать.

И тогда, давным-давно, в самый неподходящий момент, вернулся Иоахим. Я ждала его. Это правда. Но ждала не затем, чтобы дождаться. Я ждала, чтобы он не вернулся. Чтобы его кожа остыла, как остыли мои воспоминания. Чтобы глаза его оказались на уровне развешенных моих щиколоток, а не так, чтобы в них утонуть.

Я ждала, чтобы не дождаться. И все же: он возник передо мной. Я увидела носки запыленных сапог. Снова был август. Тот август пульсировал соками, а в этом, давным-давно, пересыхало в горле, как перед Потопом.

Я сидела не в выходном платье. Сидела в буром кафтане. Ненаряженная, всего лишь немного уставшая. Худая и забегавшаяся. Мозолистая и исхудавшая. Я увидела носки запыленных сапог, и картофелина выпала из моих рук. Покатилась по утопанной земле. Я не смела поднять голову, а Иоахим не смел коснуться моего лица. Борбус принес картофелину. Пихал ее мне в руку и, виляя хвостом, ждал награды.

Иоахим присел. Вынул бульву²⁰ из собачьей пасти. Приласкал пса. Потом прочитал серебряные буквы на ошейнике.

— Борбус, — сказал он.

Борбус радостно гавкнул. Я ничего не ответила.

¹⁹ Снежный нанос.

²⁰ Картошку.

— *Zu spat?*²¹ — спросил он.

Я поняла. Не знала, как ответить. Ни на одном языке. А как скажешь, что уже слишком поздно и одновременно слишком рано? Что он не давал мне жить, потому что его не было, а теперь убивает, потому что есть? Как сказать все это? Как рассказать? Как?

В этот момент заплакал Миколай. Я оставила его в колыбельке, в сених. Миколай плакал все громче. Надо встать, дать вторую грудь. Но я бы сейчас и нож в руках не удержала, где уж ребенка. Миколай плакал.

Иоахим встал и вошел в сени. Никто его не приглашал, он зашел сам, как все немцы. Ребенок замолчал. Иоахим вернулся с Миколаем на руках. Миколай гулил. Что-то рассказывал. Может, так делают все немецкие дети, потому что я ничего не понимала, а Иоахим понимал всё. Они разговаривали, как отец с сыном. Как кровь с кровью, как кузнечик с колоском.

Мой Госпади, я даже взглянуть на них не могла. Сидела над ведром, рассыпавшийся картофель — точно ореол святых, мои руки с волдырями — пустые чаши, и кафтан — *накрова*²².

Иоахим встал на колени.

— *Danke, vielen Dank*²³, — сказал он так, а может, иначе — не мне судить, что он говорил.

Он коснулся меня. И коснулись его слова. Коснулась меня его рука. Я почувствовала запах воска — печати, которой Бог скрепил наши жизни. Эта печать, сметана и клубника, медовые соты и кадило, грех и вино, материна юбка и звезда с неба.

Он коснулся меня. А я поняла: Сонька, ты подымеешь глаза и погибнешь. Сонька, посмотришь и убьешь. Подымеешь глаза, Сонька, и убьешь всех, поняла я. Этот август — конец, если ты подымеешь глаза.

Если.

Подымеешь.

Глаза.

Я стиснула веки. Я хотела, чтобы Иоахим положил Миколая — в колыбельку, в картошку, куда угодно. Хотела, чтобы он ушел. Чтобы не приходил. Чтобы никогда не уходил. Я стиснула веки.

Я стискивала веки.

Стискивала веки так сильно, что им впору было задохнуться, но они жили. Трепетали. Слабели, но жили, точно рыбы на песке.

Сколько я могла держать отпор? На кого опереться?

Я не знаю, что это такое. Представь себе только, *Игнат*, возвращается человек, которого ты любишь больше жизни. И ты понимаешь, что такое «больше жизни». Что речь идет вовсе не о твоей жизни. Что «больше жизни» — это жизнь твоего мужа, твоего сына, твоей семьи.

Я стискивала веки. От ужаса. Я никогда не чувствовала такого ужаса. Я боялась, что проиграю, что вот-вот взгляну на него. Боялась. Боялась за себя, за Иоахима, за близких, за время. Так боялась, что на мои веки пал траур. Я соскользнула с лавки, кажется, меня вырвало.

Когда я открыла глаза, наткнулась на его лицо. Я знала, что это конец. Почувствовала облегчение. Это случилось. Больше от меня ничего не зависит. Я пыталась. Пыталась изо всех сил. По-честному.

Когда я открыла глаза, наткнулась на его лицо, словно на стену, со всего маху. Он постарел за то время, что мы не виделись. Огромные глаза, исхудавший, и в его глазах я видела себя. Но не эту себя — в буром кафтане, с растрепавшейся косой и пустыми гляделками.

Когда я открыла глаза, наткнулась на его лицо.

Он изменился, но ничего не изменилось.

Когда я открыла глаза, всё было кончено.

²¹ Слишком поздно? (нем., прим. пер.)

²² Покров.

²³ Спасибо, большое спасибо (нем., прим. пер.)

<...>

Иоахим ушел. Я знала, что назавтра мы встретимся. Я сделала то, что должна была. Ночью Мише захотелось любви. Я отдалась ему, ведь только тела моего хватало на всех. Сердце, обжигающее и несвободное. А мой муж не был плохим человеком. Он поделился со мной всем. Поделился даже моей ложью. Мой муж не был плохим человеком.

Миша лежал на мне. Ровное дыхание согревало мое правое ухо. Я думала, что он уснул. Думала, что эта ночь — наше прощание. Шепнула: — *Чаму ты мне узял, чаму?*²⁴ — То не был вопрос. То была жалоба и была благодарность. Я думала, что он спал.

Миша не спал. Я почувствовала, как напрягаются его мышцы.

— *Йон вярнулся*, — сказал он. — *Йон вярнулся зноу*²⁵, — сказал. — И его *зноу* прозвучало в моем ухе, в его теплом дыхании, как *кроу*²⁶.

На сцене большая кровать со снежно-белой постелью. На кровати двое: актеры, которые играют Соню и Мишу. Они лежат обнявшись. На заднем плане — пурпурная ткань, окаймляющая кровать полукругом, словно занавес или война. Кровать стоит так, что зрителям кажется, будто они смотрят на Соню и Мишу сверху. Будто они парят в воздухе, будто вправе судить, хотя это всего лишь трюк сценографа. Первая Сцена Пробуждения.

СОНЯ. Зачем ты меня взял? Зачем?

МИША. Он вернулся. Снова вернулся.

Соня не отвечает.

Назови имя отца нашего ребенка.

Соня не отвечает.

Назови. Я никогда ни о чем не просил. Теперь прошу. Назови.

СОНЯ. Иоахим.

МИША. Иоахим.

После долгой паузы.

Какой он?

СОНЯ. Лучезарный.

Миша молчит.

Зачем ты солгал?

Зачем спас меня?

МИША. Для меня ты — лучезарная.

Актер должен произнести эту реплику словно бы против воли; если ему не хватает мастерства, можно говорить сквозь зубы.

Твоя ложь была, словно вымоленный дар.

Я получил то, что хотел — так я думал.

Небо развернулось передо мной.

СОНЯ. Хватит. Не надо.

МИША. Помнишь, четыре года назад, в Грудеке, мы хоронили мою мать.

Помнишь?

Соня молчит.

Я знаю, что ты помнишь.

Что помнишь, как четыре года назад, давным-давно, на кладбище в Грудеке подошла ко мне. На тебе было твое лучшее платье. То, в голубые цветочки. Это было твое единственное приличное платье, его перешивали по мере того,

²⁴ *Почему ты меня взял, почему?*

²⁵ *Он вернулся. Он снова вернулся.*

²⁶ *Кровь.*

как ты росла, у тебя не было ничего темного, ничего более подходящего. Поэтому ты надела такое радостное платье на похороны.

Я очень любил мать. Я стоял над могилой со своей любовью, ненужной, нелепо большой. Матери не было. Любовь осталась. Влекла к земле. Как всякая любовь, рано или поздно. Ни одна любовь не долетает до небес, всегда земля. Земля.

И тогда ты подошла ко мне в своем платье в цветочек. Коснулась моей руки и что-то сказала. Я не знаю, что ты сказала, потому что ты коснулась меня. Когда ты коснулась меня, это было, как будто во мне взорвалась шаровая молния.

Я знаю, что ты помнишь. Такое не забывается.

Что-то взорвалось во мне. Я вздрогнул всем телом.

Почувствовал большую радость и большую печаль. И всё от твоего прикосновения.

Я понял, что пропал. Что Бог скрепил наши жизни печатью. Я ощущал запах воска этой печати, запах свежей земли и аромат цветов, кадила и пота, студеной воды и сала.

Я понял, что пропал, когда посмотрел в твои глаза. Твои серые полевые камешки. Каждый день, когда я просыпаюсь, у меня перед глазами твои серые полевые глаза. Вот уже четыре года. Четыре года я вижу после пробуждения твои глаза, и лишь потом солнце; камни, а после них свет. Такая судьба.

СОНЯ. Не надо.

Не надо.

Стыдно.

МИША. Я понял, что пропал. Что не принадлежу себе. Я отважился накрыть своей ладонью твою, лежавшую на моей руке. А потом ждал. Ждал, чтобы что-то нас связало. Чтобы тот запах воска не пропал зря. Почти четыре года ждал.

Когда ты солгала, передо мной развернулось небо. Я снова мог почувствовать твою ладонь на моей руке. Мы опустились на колени перед нашими отцами.

Признались в любви. Ты молчала, а мне молчать было необязательно. Я лишь подтвердил то, что произошло на кладбище в Грудеке. Чего я ждал столько лет.

Я знал, что у тебя был какой-то немец. Все знали. Хотели обрить тебя наголо, изнасиловать, убить. Я тебя защищал. Говорил им, что убью того, кто тебя тронет.

Потому-то они так легко поверили в нашу любовь. Все, Сонька, все знали, что я за тобой света белого не вижу. Поэтому так легко поверили. И твой отец, и мой. Все знали, кроме тебя. Все, кроме тебя.

Я ни на что не рассчитывал. Вернее — да, рассчитывал, что со временем ты ответишь на мои чувства. И голова, и сердце просто отказывались верить, что ты можешь не ответить. Как же — ты, весь мой мир — как же ты могла меня отвергнуть?

Я терпеливо ждал. За столько лет можно научиться ждать. Уметь ждать. Я ждал.

И обретал счастье. Просыпался рядом с тобой. Это уже много. Спал с тобой. Это много. Но главное — ты иногда смотрела на меня, смотрела своими серыми полевыми камешками, и я знал, что ты смотришь именно на меня. Не на того немца, а на меня. Иногда ты касалась моей щеки. Иногда гладила по голове.

Эти мелочи, они дороже клятв.

Скажи, этот Иоахим — он лучше меня?

СОНЯ. Мишка...

МИША. Я рад, что мы разговариваем. Что я говорю. Это тяготило меня. Теперь будет тяготить и тебя. Я знаю, что ты выдержишь. Выдержишь, потому что тот для тебя — всё. Ради него ты выдержишь всё. Я говорю, потому что это меня тяготило. Говорю, чтобы ты знала, что я тебя понимаю.

Я не могу на тебя обижаться, но немного обижаюсь. Я знаю, что ты ничего не можешь сделать. Не можешь — и все же я ненавижу этого фрица.

Я бы убил его! Но поднять на него руку — все равно, что поднять руку на тебя. А убив тебя, я убил бы и себя. Это грех.

Грех.

Грех — это безвыходная ситуация.

СОНЯ. Я с тобой.

МИША. Что?

СОНЯ. Я с тобой.

Я сказала это на кладбище, давно.

Первая Сцена Пробуждения. Игорь считает, что это одна из лучших сцен в пьесе «Крулёве Стоило». Он редко ее смотрел. Эта сцена глубоко его ранила. Он завидовал Мише, который любил. Завидовал Соне, которая любила и была любима.

Будь Игорь кем-то бóльшим, чем только режиссером, он бы заставил Соню понять, что Иоахим — иллюзия, а Миша — счастье. Игорю хотелось отредактировать, окончательно отредактировать сюжет, пусть даже вопреки воле персонажей.

Если бы у него была настоящая власть над жизнью персонажей, занавес опускался бы после слов Сони: «Я с тобой».

«Но это, черт возьми, не последняя сцена, увы», — думал он.

В первый и, как оказалось, в последний раз мы по-настоящему говорили с Мишей. Разговаривали до поздней ночи. Больше говорил мой муж. Я — немного. Это и не требовалось. Нам нужно было поговорить. После этого разговора я чувствовала себя и тяжелее, потому что Миша избавился от того, что его тяготило, и легче, потому что то, что я прежде скрывала, вышло наружу. Я крепко уснула. Он, кажется, не спал. Мы лежали обнявшись. Прижавшись друг к другу. Пот смешивался и склеивал наши тела, словно мед — пальцы. Уста к устам — не знали, сон ли это или, быть может, последний поцелуй; мы дышали друг в друга, губы — как в слоеном пироге — его губа, дыхание, моя, дыхание, его губа, дыхание, моя, война.

Потому что мой муж — хороший человек. Он был хорошим человеком. Может, я бы не кинулась за ним в огонь, но уж точно побежала бы за ведром воды, чтобы этот огонь загасить. Я могла бы привязаться к нему. Думать о нем. Тосковать. Кто знает?

Будь у нас еще несколько лет, я думаю, у нас была бы хорошая жизнь. Обычная, тяжелая, хорошая жизнь. Самого лучшего цвета — серого, но того серого, в котором наступает весна, летом голубеет река, а зимой балагурят колядники.

Следующий день, воскресенье. Мы встали утром. Собирались ехать в церковь. Да *Гарадка*²⁷. Я думала об исповеди. Что я скажу батюшке и Господу? Что супруг мне грехи отпустил, так и Бог пускай отпустит? Что я уже исповедовалась и исповедь мне не требуется? Что просфору он может себе в задницу засунуть или в бороде на день еще более черный припрятать.

Я управилась по хозяйству. Согрела воду. Мы хорошенько вымылись. Я надела свое лучшее платье, то, с незабудками. Отец запрягли лошадь. Недалеко мы уехали, до развилки за мостом: направо — Случанка, налево — полевая дорога, прямо — Грудек.

Недалеко мы уехали. На развилке сидели двое немцев. Рядом — мотоцикл и грузовик. Чуть поодаль — группа солдат. Негде было развернуться. Впрочем, если бы мы и попытались, наверняка привлекли бы к себе внимание, а так оставалась тень шанса, что они лишь лениво махнут рукой.

²⁷ В Грудек.

Недалеко мы уехали. Все боялись. Отец вцепились в вожжи. Я прижимала к себе Миколая. Янек и Витек напрыглись, стиснули кулаки и поглядывали на вилы, лежавшие на дне повозки. Только Миша казался спокойным. Он положил руку мне на затылок и легонько массировал, как когда нащупывал яйца у кабачника перед тем, как его кастрировать.

Недалеко мы уехали, я увидела Иоахима — он стоял среди солдат. Немцы остановили телегу. Велели мне выйти. Вытащили пистолеты. Я вышла, прижимая Миколая к груди. Я боялась, боялись мои ноги и мои руки, мои легкие и сердце, грудь и женское нутро. Я обмочилась от страха, хотя вроде должна была бы высохнуть. Вся я состояла из ваты и ужаса, из окровавленного гусиного пуха, который выщипывают догола. Миша хотел выйти вместе со мной, ему не разрешили.

Так я и стояла, в ожидании, на дрожащих ногах, осина и мимоза. И камыш, побитый первыми заморозками. Иоахим что-то сказал, солдаты рассмеялись. Потом Иоахим отвернулся и подошел ко мне. Его товарищ, помладше Иоахима, подошел к телеге и угостил всех папиросами. Мои родные взяли и закурили, хотя обычно никто не курил — ни мой отец, ни братья, ни Миша. Я ничего не понимала. Я боялась. Страх не требует понимания.

Иоахим остановился передо мной. Я видела по его глазам, что он ждал, что рад меня видеть. И подумала — еще до того, как он ко мне прикоснулся — что он ничего не понимает, ничего не знает о моем муже, не отдает себе отчета, на чьих глазах разыгрывается эта сцена.

Я не могла знать, чего он хочет. Может, спасти меня и увезти с собой? Освободить? Но, Господи Боже мой, не надо освобождать меня от моего мужа на глазах у мужа, освобождать от семьи на глазах у семьи!

Иоахим остановился передо мной. Солдаты разговаривали вполголоса. Мужчины в телеге курили, хотя обычно никто не курил. Я прижимала Миколая к груди. Жалела, ох, как жалела, что не говорю на языке Иоахима. Что не могу предостеречь ни себя, ни его.

Иоахим остановился передо мной. Миколай заплакал. Иоахим что-то сказал. Я не поняла. Миколай заплакал громче. Иоахим протянул руки к ребенку.

А потом все произошло так быстро.

Так быстро.

Не успела я подать ребенка Иоахиму, с телеги соскочил Витек. И Миша. Витек держал вилы. Он был проворнее. Всегда вялый, в этот единственный раз он оказался проворнее. Не успел Иоахим прикоснуться к своему сыну, как Витек пронзил Иоахима вилами.

Витек пронзил Иоахима вилами. Всю жизнь вялый, в этот единственный раз он оказался проворнее других, проворнее. Иоахим покачнулся и упал на меня.

Мы опрокинулись назад, моей спиной о землю, вместе, навзничь. Кубарем. Семья, которой никогда не было. Отец, мать и сын. И вилы.

Один-единственный раз он оказался проворнее. Все закричали. И побежали. Принялись стрелять.

Побежал Витек, недалеко убежал. Пуля была проворнее. Один-единственный раз он оказался проворнее, а после опять стал вялым. Пуля его догнала. Ей не пришлось спешить.

Побежали отец. Бежали и убежали. Негодяям наш *Господь* позволяет жить долго.

Побежал Янек. Бежал и убежал. Его убили позже. Через три недели, но словно бы в следующую секунду.

Миша бросился к нам. Выхватил пистолет из кобуры Иоахима. Потом побежал. Все случилось так быстро. Миша побежал и убежал.

А мы лежали. Иоахим лежал на мне и на Миколае. К нам подбежал солдат. Все происходило так быстро. Он дернул. Вытащил вилы. Влажный звук. Так быстро. Влажный звук и хруст, с каким ударяется клювом о камень еще живая петушиная голова.

Этот звук. Я никогда не забуду. Он снится мне. Снится, и тогда я не могу ни проснуться, ни оглохнуть. Я слышу, когда сплю. Слышу, когда вижу вилы. Слышу в церкви.

Этот звук. Словно кто-то хотел оглушить теленка камнем. Шлепок по воде. И хруст, приглушенный плотью. Плеск.

К нам подбежал солдат. Все происходило так быстро. Он дернул. Вытащил вилы. Я почувствовала что-то теплое на животе. И ниже.

Глаза Иоахима гасли. Когда солдат выдергивал вилы, Иоахим чуть приподнялся. На какое-то мгновение, а потом упал на меня. И на Миколая. Как куча тряпья. Я почувствовала что-то теплое на животе. И ниже.

Это тепло не было добрым и сухим, как возле печки. Не было добрым и влажным, как рядом с женщиной. Это тепло было тяжким и густым, липким. Чужим. Как разогретый воск или металл.

Я почувствовала что-то горячее на животе. И ниже. Все произошло так быстро. И Витек, который лишь один раз оказался проворнее и один раз нет. И Янек, который убежал и убежал, прямо под крышку гроба. И отец... Так быстро.

Чужое. Тяжелое. Липкое.

Глаза Иоахима погасли, а лицо — белое, как полотенце, рот белый, только в уголке красная черточка, сначала одна, потом другая, красные, словно ленточки — я бы завязала их бантиком, как бинт, чтобы он не умирал. Чтобы не умирал, только не это. Не теперь и никогда. Никогда.

Чужая — такой была кровь Иоахима, хотя тело его было таким близким. Тяжелая — такой была кровь Иоахима, хотя сам он весил немного, так исхудал.

Солдаты подняли тело Иоахима. Пытались остановить кровь, взволнованно вскрикивали, я знала, что напрасно. Что больше я его не увижу. Что слишком много жизни вытекло через эти отверстия от вил. Так быстро.

Так быстро вытекло столько жизни.

Я лежала, словно луг с голубыми цветами. И пурпурным озером. Долго лежать мне не позволили. Рядом лежал Миколай. Он пищал. К нам подошел другой солдат. С пистолетом. Никто ничего не успел сделать — он выстрелил в Миколая. Может, я и могла бы любить сыночка больше, могла бы больше, он был из меня, но еще больше из Иоахима, только времени не хватило. Слишком быстро. Так быстро.

А солдат хотел выстрелить в меня, но пистолет заклинило, а товарищ стал вырывать у него оружие. Они подрались.

Второй солдат вырвал пистолет. Он что-то кричал, я не понимала, что. Всё происходило слишком быстро и не на моем языке. Второй солдат отобрал у первого оружие, но оставил тяжелые сапоги. Пуля сделала бы свое дело быстрее. Сапоги были тяжелее и ближе.

Обезоруженный солдат пнул меня ногой. Хрустнула кость. Я потеряла сознание. Быстро. Но слишком медленно. Слишком медленно. Слишком медленно.

<...>

Стемнело, а может, это в глазах у меня было темно. Кто-то взял меня под руки и потащил к деревне. Я не хотела, но как не хотеть, когда бедро сломано, во рту земля, а тело пустое, как сброшенная змеиная кожа?

По сопению я поняла, что это отец. Отец так сопели, когда меня любили. Я знала это сопение и ненавидела. Больше, чем побои.

Отец доволокали меня — пустую наволочку, снятое молоко — до избы. Согрели воду. Помогли мне вымыться и одеться. *Пакликали*²⁸ шептуху, чтобы перевязала и заговорила раны — впрочем, не даром. Воздухом и водой. Лняной тряпицей и пеплом в стекле. Войной и историей. Закапывая пепел на распутьях и шепча заклятия: «Кто говорит о победе? Выстоять — это всё».

(«*Рильке?* — задумался Игорь, — *нет, пожалуй, это будет слишком.*»)

²⁸ *Позвали.*

Я не предполагала, что отцовские руки, старые и натруженные, могут быть такими ласковыми. Неужто эти руки настоящей любовью вылепили меня из тела моей матери? Принимали в себя и укачивали, как ореховая скорлупа, в которой колышется ядрышко? Впервые эти прикосновения не жгли меня раскаленной головней, хотя кожа у меня была, как жестянка. Руки из плоти, пальцы из костей не могли меня обидеть, даже поцарапать бы не сумели.

Я лежала, свернувшись калачиком под перинами на *лежайке*. Отец зажгли на столе лампу, хотя вечно экономили; такие скупые всегда, такие впотьмах, как закуток в церкви. Отец смотрели на меня так, как если бы я действительно была их дочерью. Отец смотрели на меня, как если бы я действительно появилась из его чресел, а не — эти чресла обязана была ублажать.

Отец смотрели на меня, как отец.

Вот почему, думала я, дети любят родителей. Ради такого взгляда. Ради рук, которые не только наказывают и делают больно, но и врачуют раны.

— *Гэта усё мой грех* — сказали отец. — *Я тэбе пеганпрашаю*²⁹.

Я опустила веки — мол, да. Да, это твой грех, но наша смерть. Это было так просто — пробубнить грехи и ждать подачки прощения. Так просто, но так далеко от правды. Так просто, достаточно позволить коже век скользнуть вниз по гладкому главному яблоку, словно по кусочку мыла, выскочившему из ладони в *балейке*³⁰.

— *Ты мне даруяшь?* — спросил он. — *Ты можашь?*³¹

Я смотрела на отца. Такой *напсаваны*³² он сидел, маленький и несчастный. Такой не похожий на отца, который любил меня против моей воли и вопреки ей бил, унижал меня и обижал, вымещал на мне злость, но всегда вовремя отступал. Разные люди, ничего общего. Как отпустить этому, который просит прощения — маленькому и несчастному — грех, совершенный тем — большим, сильным и жестоким?

Может, я бы и смогла простить того, который меня насилывал и унижал, но не умела простить того, который скулил и извинялся — незнакомого.

— Нет, — сказала я. — *Ни магу. Ни хачу*³³.

Такой он был маленький, несчастный, что только кивнул. Мне было его жаль. Но того большого и крепкого, состоящего из жил и мышц, я жалеть не умела, потому что он не умел пожалеть ту меня — маленькую, несчастную и доверчивую. Здоровую. Тот брал, что хотел, а теперь пришло время и мне схватить то, что причиняет боль, ненужное.

— Узнав, что ты мертв, я заплачу от счастья, — сказала я, и, кстати, так потом и поступила, на болотах.

Он кивнул.

— Я умру счастливый, потому что буду знать, что ты плачешь от счастья, — сказали отец.

— Я только хочу, чтобы ты умер. Без могилы и похорон.

Последующие дни, тяжелые, словно пласт земли, начинались вопреки моей воле, вопреки ей продолжались и, несмотря на нее, заканчивались. Я выжила благодаря любви отца. Я ненавидела его, однако моя ненависть не устояла перед его преданностью. Он кормил меня, мыл и укрывал. Возил в лес, когда приходили немцы, днем и ночью жег костер. Подбегал, когда дыхание мое становилось тише, чем у дерева, клал ладонь на лоб и бормотал молитвы. Наконец, это он принес с дороги мое платье.

Отцу я обязана жизнью, во второй раз.

Я хотела умереть. Не затем, чтобы присоединиться к Иоахиму и Миколаю. К матери и Витеку. Я хотела умереть наперекор отцу. Не потому, что мне незачем было жить. Я хотела, чтобы последнее усилие отца оказалось тщетно. Чтобы он остался абсолютно одинок — маленький, скукоженный и живой; надолго живой.

²⁹ *Это все мой грех. Прости меня.*

³⁰ *лохани.*

³¹ *Ты простишь меня? Ты можешь?*

³² *изнуренный*

³³ *Не могу. Не хочу.*

Ненависть, даже истовая и твердокаменная, — ничто перед любовью. Она тонет песчинкой в воде, а не всплывает высохшей вишневой косточкой.

<...>

Он сел рядом с Соней, у ее постели. Он мог взять ее за руку, как в кино, но ведь никто на них не смотрел, так что он просто сидел рядом, на стуле, сложив руки на коленях. Сперва ладонями вверх, словно занимался йогой, но заметив это, он сменил позу на символически нейтральную, ничем не наполненную.

Он и не думал всматриваться в Соню — это было бы невежливо, бесцеремонно. Он посмотрит, когда она уйдет, выйдет. Он ждал последнего вдоха.

И услышал.

Услышал последний вздох.

Он был громче других, на подкладке из шелковистого стона. А после него еще цепочка звуков, как будто осторожно дуют на горячее, почти беззвучных, однако уже безжизненных. Пуфф, пуфф. Это тело, тело как оно есть, тело, оставленное хозяйкой, освобождало в себе место для смерти, червей и тлена. Теперь оно принадлежало себе, стало *самосвоим*, как сказала бы Сонька, то есть ничьим.

Ему нужно заняться организацией Сонькиной смерти. У нее никого не было. На ее пути попадались лишь те, кто брался организовать ее жизнь, и ни одного человека, который организовал бы смерть.

Представив себе, что мог бы просто уйти и довериться течению, словно они никогда не встречались, он почувствовал такой ужас, что у него перехватило дыхание.

Его ударило током — сильный разряд, синяя молния.

Тогда он услышал мычание. Это буренка.

Да. Соньке придется подождать. Сперва нужно подоить корову. Хорошо бы это оказалось проще, чем топить печь.

Он вышел во двор. Снова свет.

И Борбус, свернувшийся клубком под лавкой.

Он даже не стал проверять. Знал, что тело пса окоченело или едва теплое.

Пусть кто-нибудь выключит наконец солнце.

<...>

Перевод с польского Ирины Адельгейм

Мачей Милковский

татуировка

Рассказ

У нас тогда даже своего офиса не было. Снимали маленькое помещение почти в центре, на первом этаже, на пару с салоном тату. Вообще-то, называлось заведение просто «Татуировка» — все эти салоны, студии, галереи появились только спустя несколько лет. А мы себя именовали «Бюро путешествий». Времена были пионерские, и мы, как всякие пионеры, были наивны, прямолинейны и немного ребячливы. Делали вид, будто руки у нашего брата дрожат от энтузиазма, хотя у большинства тряслись исключительно от старого доброго страха.

«Татуировкой» управлял Лысый — глядя на него, никто бы не подумал, что это остроумная кличка: Лысый и вправду был лыс и безволосье свое регулярно поддерживал с помощью одноразовой бритвы. Часто он брился на моих глазах — я имею в виду: брил голову; бороду Лысый не брил никогда, не знаю, может, она у него тогда еще не росла. В подсобке у нас был умывальник, но единственное зеркало висело в главном помещении, причем ближе к моему столу, так что Лысому за время бритья доводилось здорово набегаться. Там он намывливал и смывал, здесь брил, изворачиваясь невероятным образом, чтобы увидеть в зеркале собственный затылок — Лысый никак не желал смириться с тем, что при наличии только одного зеркала это в принципе невозможно. Был у него, правда, еще один метод: он ощупывал голову против роста волос, — и тем не менее под конец все равно просил меня кое-где подправить. Я загонял его в подсобку и подправлял над умывальником. Теперь-то я думаю, что он специально брил башку в конторе, потому что дома подправлять было, видимо, некому.

Надо сказать, Лысый с этим своим прозвищем был довольно-таки подозрителен. Самое интересное, что практически все приходившие к нему так называемые коллеги были безволосы, однако называть вещь своим именем явно позволялось только ему. Вероятно, в глазах своих дружков он был не просто лыс, а лыс начальственно или перво-зданно. Их лысость была вторична, его — самобытна и неподдельна, хотя сотворялась над облупленной раковиной в неприглядной каптерке при участии моей — неумелой — руки.

Делал ли он тогда кому-нибудь татуировки, не помню. У самого — как и у остальных — татуировки, конечно, были; иногда он что-то рисовал (набрасывал какой-нибудь «узорчик» — слово «проект» еще не было в ходу). Но делал ли? Может, не в офисе, может быть, здесь он только принимал заказы, а накалывал где-то в другом месте. Хотя в подсобке лежал кое-какой инструмент для художественных пыток. Значит, все-таки делал? Ничего я уже теперь не помню. Вероятно, это было просто-напросто отмывание грязных денег. Сейчас бы наверняка так сказали, но тогда? Деньги в то время, пожалуй, уже были — хотя еще старые, с коперниками и шопенами, — ну а как насчет грязных? Не знаю.

Русские танки в ту пору еще стояли. А даже если уже не стояли, то убрались совсем недавно и в любой момент могли вернуться. Такой у нас был свободный рынок — под сенью русских танков. Все с облегчением вздохнули только, когда президентом стал тот, что еще не так давно в красном свитере... А полегчало потому, что когда президентом стал именно он, а танки не вернулись, появилась робкая надежда, что теперь, возможно, уже и не вернуться.

Но произошло это лишь спустя несколько лет, когда нашего «Бюро путешествий» давно уже не было в помине. Продержались мы каких-нибудь полгода. Потом рухнуло головное отделение в столице — ну и наш филиал, соответственно, тоже. Не знаю, сколько я за эти полгода продал турпутевок. Пять? Семь? Народу приходило много, но все только чтобы спросить: неужели и впрямь можно в этот самый Париж вот так взять и поехать? Да, можно было. Правда, на автобусе. Тогда всюду ездили автобусами. Париж, Вена, Италия, Англия, Греция, Испания. Сутки, двое суток, трое. Без кондиционера, без туалета, с копченой колбасой и консервированными огурцами в багажном отделении. Были еще такие супы в коробочке: упаковку надлежало встряхнуть, и суп каким-то таинственным образом разогревался. Не знаю, как это получалось. Вообще, не знаю, как все получалось — что супчик, что эти турпоездки. Лично я никогда не встряхивал и ни в какие автобусные экскурсии не ездил.

Автобус отправлялся из столицы, и до нас ему было несколько часов пути. Выезжали всегда на ночь глядя, чтобы не терять день — завтрашний или послезавтрашний, который можно провести в Париже, — поэтому в наш город автобус обычно прибывал в сладкий предрассветный час типа четыре — полпятого. Теперь, вероятно, наши немногочисленные клиенты называли бы мне по ночам, но тогда никто не звонил, поскольку еще не было телефонов — то есть телефоны были, но только дома, а не в кармане, что, согласитесь, не одно и то же.

Телефонов не было, да и туристов, если можно так сказать, немногим больше. Действовали все по одной схеме: приходят в турагентство, спрашивают, можно ли, в ответ слышат: да-да, можно, — но чаще всего это ничем не кончается: что ж, хорошо, но как, куда, каким образом? С чем в гости? С консервированными огурчиками? В Париж?! Зайдут поглядеть «что дают» (все интересовались: ты сам-то уже там побывал?), напустят на себя вид знатока, глянут презрительно и уйдут с пустыми руками. Продавщица даже не вставала. Привыкла. Секс-шопы разорвались молниеносно.

В общем, ко мне посетители ходили, пускай без толку, а у Лысого их было кот наплакал, зато все деловые. Приходили лысые, быстро что-то обтяпывали и уходили, захватив его с собой, а чуть погода являлись очередные безволосые и спрашивали Лысого. Я отвечал, что он только что вышел с какими-то двумя. «С такими, лысыми?» — уточняли они. Я подтверждал, они соображали, с кем именно. Были у них свои приметы. Телефонов не было.

С Лысым у нас был уговор: если вдруг кто-то к нему, а его нет, то я клиенту все расскажу и покажу, — и уговор обоюдный, только другой стороне, то есть мне, без надобности, поскольку я всегда был на месте, а вот Лысый часто отсутствовал. Не было у меня деловой жилки, и в тогдашнем дарвиновском водоеме раннего капитализма мою персону помалу заглатывала более крупная безволосая рыба.

Лысый, впрочем, через пару месяцев после нас обанкротился — без нашей доли ему не хватало на аренду, и подменять его было некому, и подправлять на затылке и на макушке тупой бритвой над грязной раковиной тоже.

Но до того как мы синхронно свернули бизнес, одностороннее джентльменское соглашение строго соблюдалось, и я даже отскерокопировал их ценник, чтобы не бегать от стола к столу, хотя, честно говоря, много бегать не приходилось. А ксерокс тогда уже был — у кого-то этажом выше. Страница засовывалась снизу — надо было следить, чтобы ровно шла, — а наверху перемещалась такая большая крышка. Множительный аппарат для самиздата.

Происходило это в самом-самом начале. Когда система рухнула, мне еще не исполнилось двадцати. То есть рассчитывать было не на что. В полные двадцать становишься хоть председателем совета директоров, хоть замминистра. Иначе — сидеть тебе с Лысым в съемной конторе.

Время я делила на две части: половину отводил на ответы пенсионерам («В Париж уже можно»), половину — на обслуживание непокорной растительности на черепе Лысого. Больше о времени мне сказать нечего. Но было еще межвременье, обычно растягивавшееся на долгие часы. Ни Лысого, ни пенсионеров; я погружался в межвременье и в основном читал классиков. Достоевского на этих дежурствах прочитал всего. Не пошло впрок.

Кроме чтения классиков у меня было еще одно занятие: я ждал. Этим, впрочем, занималась вся страна. Жили словно бы вполсилы, спустя рукава — чего-то ждали, но, если разобраться, чего? Ясно было: все у нас временное, промежуточное, но во что-то должно превратиться, что-то из этого должно вылупиться. То ли вернутся русские танки, то ли, наоборот, мы построим вторую Японию — это пока еще неизвестно, зато известно другое: пока все смётано на живую нитку и так ли, сяк ли скоро развалится. В общем, ждали, уклонялись от жизни в твердой надежде, что жизнь впереди. Надо как-то перекантоваться в этом предбаннике с Лысым, пока не впусьят в парадную залу.

В том, что касалось жизни, макроэкономики, поездок за границу и татуировки, в целом ожидания оправдались. Ну а литература? Что с литературой? Я в ту пору думал, что нужно читать классиков и каким-то образом выбираться из туннеля переходного времени, прорубиться через Урал из Азии в Европу, додержаться до момента, когда и у нас будут красивые шмотки, красиво внутри и красиво снаружи, когда и у нас будет Париж с круассанами, вином и сыром с песенью — вот тогда сиди себе в мансарде с видом на Сену (которая в межвременье станет вытекать из Вислы) и вайя роман за романом.

А сейчас я думаю, что именно то время идеально подходило для сочинения романов. Возможно, без этой мансарды они бы не сочинялись, но надо было хотя бы делать заметки. Роман ведь сам ломился в дверь, стучал в ворота (как в «Макбете»), сам лез к тебе в постель. И не один роман, нет, целые трилогии, тетралогии, циклы романов — целые серии, библиотеки, эпохи, переломные этапы, прусты и набоковы. Я не говорю, что нужно было описывать происходящее, воспевать смену строя, экономическую и культурную трансформацию. Или писать о тогдашней круговерти (что я как раз делаю, но никаким романом тут и не пахнет) — следовало просто в нее погрузиться. Ведь вокруг была эдакая гиперреальность, когда резко обостряется восприятие. Мы-то думали, это анабиоз, время спячки, а на поверку — самое время проснуться. Стены вокруг были голые, из них торчали пустые крюки, вот и надо было на них вешать холст за холстом. Хорошо, в других сферах обошлось без подобных иллюзий и ошибок, поэтому сегодня у нас есть, к примеру, автомобили (или татуировки). А романов нету. Мы проспали нужный момент, читая классиков в полувиртуальных бюро путешествий. То, чего не было, миновало. Следующее совпадение через сто лет.

Ну а если бы мне пришлось выбрать одну из неиспользованных ситуаций — вроде тех, что разяье-форварду снятся потом по ночам? Одну девушку, следом за которой не решился выйти из автобуса? Один роман, который стучался в ворота?

Наверно, я выбрал бы тот, который стучался — но не ко мне, а к Лысому. В принципе, тут нет никакой разницы: во-первых, у Лысого я тогда был кем-то вроде привратника, а во-вторых, вряд ли он с нетерпением ждал чего-либо в этом роде. Скорее опасался, как бы к нему кто-нибудь не постучался внезапно, — так я сейчас думаю.

«Послушай, если я ненадолго выскочу, а понадобится сочинить роман, выручишь меня, ладно?» — ничего такого Лысый ни разу мне не сказал. Но разве требовалось говорить?

Лысого не было. Вошел мужчина — сильно пожилой, нелепо одетый: вроде как по довоенной, но склепанной из пээнэровских частей моде. Все, казалось бы, при нем: шляпа, пиджак, галстук (а может, и фуляр — хотя нет, вряд ли фуляр) — но все некрасивое, дешевое, цвета просто никакие, буро-серые, будто еще на фабрике полинявшие.

— Я насчет татуировки, — сказал он.

— Коллеги нет на месте, — сообщил я. — Но у меня где-то здесь его прейскурант и каталог. Показать?

— Прейскурант показать, — ответил он.

Я протянул ему прейскурант, который он внимательно изучил (я тем временем изучал его), после чего сказал:

— Того, что я ишу, здесь нет.

— А что вы ищите? Хотите сделать себе татуировку?

— Татуировка у меня уже есть, — прозвучало в ответ. — А коллега ваш когда вернется?

— Честно говоря, не знаю. Но я ему все передам. У нас с ним такой уговор. У меня тут филиал бюро путешествий. Если захотите, например, в Париж...

— Я был в Париже, — не дал он мне договорить.

Татуировка у него есть. В Париже был.

— Тогда чем я, вернее, мой коллега ... — начал я.

— В преискуранте этого нет, — сказал он, — но я знаю, сейчас такие вещи уже делают. Я хочу удалить татуировку. Спросите у коллеги, возможно ли это.

— Спрошу, конечно. А большая у вас татуировка?

— Могу показать, — ответил он и стал расстегивать пиджак.

— Она что, в интимном месте? — на всякий случай спросил я.

— Не так чтобы очень ...

Он расстегнул манжет рубашки и завернул рукав. Пять цифр на внутренней стороне предплечья. Не очень высокий номер. Долгонько там просидел.

— Вы знаете, что это? — спросил он.

— Знаю.

— Уточняю на всякий случай, — сказал он, а я сразу подумал: и правильно делает, Лысый, к примеру, наверняка не знал бы. Может, и хорошо, что не знает, — на случай, если придется удалять ...

— Понимаю, — сказал я.

— Пока была жива жена, — сказал он, — я не мог этого сделать. Она говорила, что нужно помнить. А я, представьте себе, и без того неплохо помню. Просто не хочу, чтобы меня с этим похоронили. Хочу предстать перед святым Петром таким, каким меня сотворил Господь Бог, а не Генрих Гиммлер.

— Понимаю, — повторил я.

— Не уверен, — усмехнулся он, застегнул рукав рубашки и надел пиджак. — Поговорите с коллегой. Я загляну на днях.

— Непременно поговорю, — заверил я его.

— Разрешите откланяться, — сказал он (значит, не здешний), действительно поклонился и ушел.

Так что же — это и есть роман? Нет, пока еще нет. Роман рождается только на следующий день, когда я все это пересказываю Лысому, а он с простодушием благородного варвара подкидывает мне недостающий элемент мозаики. Ведь не бывает такого: хоп! — и сразу тебе сюжет романа. Чтобы написать роман (как и рассказ, впрочем), нужны два сюжета — одинаково сильные, одинаково развернутые, — и лишь потом окажется, что сюжет все-таки один: двуединый фундамент.

Я был прав. Лысый не знал. Лысый ничего не знал и не видел, и потому так метко попадал в точку. Собственно, он меня обслуживал, а не я его.

— А чего это он? — вопрошает Лысый. — Бабы своей номер телефона не мог запомнить?

— Всего пять цифр, — уточняю я. — Слишком короткий.

— Но ты говорил, клиент — старикан, верно? Чтоб ты знал: до войны, — поучает меня Лысый, — мало у кого были телефоны, вот и номера были короткие. Небось, дедуля наколол спьяну, а теперь жалеет. Не он один такой. А у меня закон: по пьяни не делать. То есть, чтоб ни я поддатый, ни клиент. Кое-кому иногда хочется перед этим дерябнуть, но со мной хрен получится. Нет, и до свиданья. Рекламаций мы потом не принимаем.

— Но удалить-то можно?

— Не сказал бы. Вроде чего-то там впрыскивают, какое-то молочко. Посветлее — да, становится, но совсем не пропадает. Будет знать. Пить не надо было. Но если хорошо сделано, то и претензий не будет. Делать нужно в салоне (выходит, салоны тогда уже были), а не у кого попало. Деду этому как делали: профессионально или, как говорится, в походных условиях?

— Профессионально, но в походных условиях.

— Ну, не знаю. Скажи, что ничего не получится. Старый уже, какая ему разница? Недолго осталось мучиться с этой татуировкой. На пляж, небось, тоже не ездит, а? Я, в любом случае, не удаляю. Никто ко мне никогда с этим не обращался. Хотя, погоди... один раз было дело. Тоже, кстати, старик. В Германии.

— Ты был в Германии?

— Да. На заработках. Был там один старый немец, классный мужик. Как увидел мои татуировки, сразу спросил, кто делал, а я ему: мол, сам...

— Ты знаешь немецкий?

— Откуда... Он отлично шпрыхал по-польски. А я по-немецки только: *Heil Hitler!* — говорит Лысый и вскидывает руку — не совсем, как те вскидывали, но, в конце концов, он же для наглядности. — А немец мне на это, что у него тоже есть татуировка, и он хотел бы ее убрать.

— Показал?

— Да. Под мышкой. Фигня какая-то, две буквы: А и В. Я говорю: этого ж не видно, — а он: в морге будет видно, да и неохота ему, чтобы с наследством вышел облом.

— Группа крови, — сказал я. — Кстати, довольно редкая.

— Ладно, допустим. Но в чем проблема, блин? Татуировку, что ли, нельзя иметь? Я знал одного, потом стал большой начальник, так у него на жопе был поросенок, ну знаешь, этот, из «Маппетов»... или из «Муми-троллей».

— И что ты сказал немцу?

— Что убрать не получится, но я могу добавить сколько хочешь букв дальше по алфавиту. Для отвода глаз, если это, например, инициалы бывшей жены, типа того.

— А он что?

— Не захотел.

Нужно было тогда встать и уйти, а не оставаться в обществе Лысого ждать банкротства. Нужно было сказать: «*Sorry*, Лысый, меня ни для кого нет, а если кто-нибудь придет и спросит, можно ли в Париж, скажи, что нельзя, но на Хельской косе тоже красиво. А я испаряюсь. Бегу искать твоего деда — и своего тоже, не физически, конечно, а в собственном блокноте, с помощью авторучки. Вернусь года через три. Или через пять. А ты здесь банкроться и обрастай, грёбанный бандюк с недобритой башкой!»

Нужно было уйти и не ждать деда, который, разумеется, больше не пришел. Нездешний был — может, ему где-нибудь в другом месте удалили. А может, помер. Такое иногда случается.

Ага. Татуировки теперь удаляют лазером — в Германии, верно, уже не первый год. Бесследно. Но делать это лучше у врача, а не у Лысого. Самого Лысого я недавно видел на улице — волосы у него, кстати, не отросли. А какие романы сейчас пишутся и какие стучатся в ворота, я не знаю и, похоже, никогда уже знать не буду.

Перевод с польского Ксении Старосельской

Януш Рудницкий*

на подъемнике

Рассказы

Будь проклят тот, кто выдумал однокресельные подъемники. Сажусь в кресло, опускаю поручень, подъемник тянет меня вверх и останавливается. Не там, где положено, а раньше. Там, где я вижу у себя под ногами собственную тень. Достаточно маленькую, из чего следует, что вишу я в этом кресле довольно высоко. Передо мной никого, оборачиваюсь, и за мной никого. Какой нормальный человек сядет на подъемник в День поминовения усопших? Я хочу наверх, поставить свечку усопшим. Я взял с собой громницу с моего первого причастия, большую, полуметровую, чтобы с вершины издалека видать было, даже с чешской стороны, пускай видят, что поляк с усопшими запанибрата, надо будет — в разведку с ними пойдет.

Ну и пес с ним, с подъемником. Постоит немного, а потом раз — и тронется, сломалось что-то, всяко бывает. Холодно, кручусь, верчусь — ничего. Сижу. Метрах в пятнадцати над землей. Вися. И сидя. Сижу, вися, или вишу, сидя? Событие-то одно, и проблема, стало быть, не в одновременности событий, а в одновременности проблем. Да и не в том суть, суть в подъемнике, они что, обо мне забыли?

Ничего особенного не происходит. Моя тень: тихонечко движется. Ветер: тихонечко шумит. Деревья: тоже тихонечко шумят. Воздух: морозный.

А это что такое поскрипывает? Трос надо мной. Подул ветер. Ну хоть что-то новое. Снова поскрипывает, снова ветер. Крепчает, и тень подо мной колеблется все сильнее. А сейчас меня так раскачивает, что я вцепился в эту трубу, как человек в человечество. Не отпущу ее — все руки себе отморожу, а отпущу — упаду и переломаю все кости.

Нет, ну меня ж правда полощет, будто тряпку! Как так можно? С человеком?! Поступать?! Забыть и оставить полоскаться на ветру! Бог — если б Он был и меня узрел — сказал бы: «А это что за горе горькое висит там, вцепившись в трубу?» И вдохнул бы в канатку ток, ибо Он есть ток мира, и поехал бы я наверх, счастливый и вольный, как муха, под которой вдруг липучка высохла.

Но Бога нет, и я всё сижу тут, как муха на липучке времен ПНР, купленной из-под прилавка (ведь в те времена липучку с клеем только из-под прилавка и продавали, а так — пожалуйста, сухую, без клея). Темнеет, тень моя расстается со мной.

От сидения разболелись все кости. А если встать? Встаю — медленно, с трудом, ноги от страха трясутся, — но встаю. Вижу внизу, в долине, зарево, бьющее от свечек на кладбище, вижу далекие огоньки домов, словно звезды падали. Но меня снизу не видит никто. Меня вообще никто не видит, разве что я сам.

В голову внезапно прокрадывается спасительная мысль о громнице в рюкзачке, что у меня за плечами, зажгу ее, может, тогда кто и увидит? А не увидит, так хотя бы руки себе согрею.

А и правда теплее. Сижу и свечу, чтоб хоть кто-то меня увидел, так нет, никто. Может, я слишком низко громницу держу? И заслоняю ее собой, потому что сижу книзу задом, а передом кверху. Сверху меня видно, но там ведь давно уже никого нет, главное — чтобы снизу. Следующая спасительная мысль: поставлю-ка я громницу на голову. То есть не вверх ногами, а себе на голову. Поставил, сижу. Вися. И горя. Все одновременно. Паршиво, что шевельнуться не могу, не то погасну, но вообще — вполне, вполне. Даже чуточку светло, ну и теплее.

Что-то подо мной похрюкивает, движется, кабаны? Или волки, толком не разглядишь, а может, и кабаны, и волки. Человечинку учуяли. Ждут, пока упаду. Не дождетесь!

Тепло, всё теплее и теплее, на лицо падают капли воска. Большие, теплые, с ними можно свыкнуться... Засыпаю...

Просыпаюсь, не могу открыть глаза. Воск, повсюду воск. На глазах, в ушах, на лице, на голове, на шее — и ниже, на груди, на плечах, на руках. Шевельнуться не могу. Весь как в гипсе, только напротив губ маленькая дырочка. Не вижу, не слышу. Я — безвыходная ситуация. Которая громко сопит. Я достиг статуса абсолютного субъекта, моя экзистенция единственна, братья мои в отчаянии.

И тут вдруг эта ситуация дергается, вперед, назад, и едет. Подъемник тронулся, я скольжу вверх, еду наконец-то! Наверху слышу грохот падающего тела — это при виде меня хлопнулся в обморок Обслуживающий Верх, который должен был приостановить кресло, сам-то ведь я не спрыгну вслепую да еще и закоченевший, пригвожденный к креслу, словно Христос к кресту.

Описываю полукруг и съезжаю, еду вниз, на каждом пролете приплясывая туда-сюда, беспомощный, словно банка, привязанная к лимузину новобрачных, ну что за судьба такая? А судьба чуть ли не плачет, чтобы я взял ее в собственные руки, которые сперва бы еще неплохо высвободить. Начинаю ими шевелить, онемели, больно, но все же высвобождаюсь потихоньку из белой смирительной рубашки, из моей второй кожи, затвердевшей, жирной и скользкой. Руки ожили, блуждают в районе глаз, пытаются их протереть — что-то я ведь должен видеть — и там, в районе глаз, наткаются на очки. Воск протек под стекла, прямо на глаза, и очки сидят на мне прочно, зацепившись за уши, спрессовавшись с ними. Я, наверное, выгляжу сейчас, как мумия, на которую сорванец из школьной экскурсии очки нацепил. И таким я должен предстать людям внизу?! Подергал очки вверх-вниз, получилось, сдвигаю их куда-то на уровень бровей и пальцами проделываю себе две дырки напротив глаз.

Я начинаю видеть — мир, рассвет.

Стягиваю пласты воска с плеч и с живота, кое-как получается, выше хуже, ну и ладно, вот вам одна из тех масок, что прирастают к лицу. Придется с ней смириться, хотя вид у меня, наверное, как у замглавы ку-клукс-клана на больничном. Съезжаю, спускаюсь, и вот я внизу и падаю в объятия Обслуживающего Низ. Он собой владеет — не иначе, уже позвонил Обслуживающий Верх. После целой ночи в сидячем положении выпрямиться трудно, и какое-то мгновение я вишу над Обслуживающим, а потом он подхватывает меня и сажает на лавку. Сижу, разгибаю ноги, ноги приходят в чувство, поднимаюсь и иду к вокзалу, успеть домой, пока совсем не выгорел — я ведь вижу в витринах, что еще горю, люди на меня оглядываются, детишкам показывают: вот, мол, живая свечка, дети за мной идут, подпрыгивают, задуть меня хотят, но не могут: я со времени первого причастия изрядно вытянулся.

Все думают, что я с кладбища возвращаюсь после Дня поминовения, откуда им знать, что я с подъемника, что я прямо с Голгофы, что я — Сизиф из воска, а воск наконец сходит, отваливается с шеи, с ушей, с лица, и остается только череп, так, словно я восстал из мертвых и пошел со свечой, зажженной в мою честь. Или словно на голове у меня берет с маленькой антенной, которая всё еще пылает, когда поезд въезжает в горный тоннель.

Сам себя зажег — сам себя погаси. Я слюнявлю пальцы, поднимаю руку, хватаю фитиль, короткое шипение — и темнота. Опять. И опять меня не видно, но ведь это же я.

Перевод с польского Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян

© Текст: Я. Рудницкий

© Перевод: Е. Барзова, Г. Мурадян

* opowiadania 'Na wyciągu', 'Na barykadzie' oraz 'Na wzgórzach' pochodzą z tomu «Śmierć czeskiego psa» Janusza Rudnickiego. Dzięki uprzejmości Grupy Wydawniczej Foksal. copyright © by Grupa Wydawnicza Foksal, 2009.

Януш Рудницкий*

на баррикаде

Поляки предпочитают сдавать кровь немцам. В центре Гёрлица немецкая фирма скупает кровь. Половину доноров составляют поляки из ближайшей окрестности. Зарабатывают себе на отпуск, на тряпки, на пиво. <...> в Польше за сдачу крови или плазмы можно получить в лучшем случае шесть плиток шоколада. В Германии на этом зарабатывают. Все представительства фирмы расположены в восточной части Германии. Несколько месяцев назад она вложила миллион евро в пятнадцатую станцию, в Гёрлице, который отделяет от польского Згожецеца только река Ныса («Газета выборча», 2007).

— Холера ясная, гром и молния, слышит меня кто-нибудь?! Алло?! Пришлите подкрепления! Одному мне баррикаду не удержать, их слишком много!

Передо мной наши, наступают со всех сторон. За мной, в здании в самом сердце города, армия немецких солдат в белом, и все со шприцами в руках!

Я правительственный спецагент. Моя специальность — горячие точки; когда они разгораются так, что не погасить, гашу их я, спец по особым поручениям. Примеры? Помните белый шквал на Мазурах? Это я, тот самый мнимый ясновидец, который нашел его последнюю жертву. Это благодаря мне ни одна иностранная армия не вошла в Тбилиси, а в Грузии не сменилась власть. Это я способствовал прорыву в поисках могилы Николая Коперника. И если бы это я ехал с профессором Геремеком, то он бы никогда не заснул за рулем. А если чехи и дальше будут тянуть с установкой двуязычных указателей на Заользье, то в одно прекрасное утро сильно удивятся. И это я, если не погибну и если стороны не договорятся, это я решу проблему балтийской трубы, потому что именно я, а не газ, вылезу из нее с немецкой стороны. Достаточно?

Горячей точкой стал город Згожелец: сто наших начали еженедельно сдавать кровь по ту сторону Нысы. Если бы торговали только кровью, дело бы сошло на нет само собой, сдавать-то ее можно всего четыре раза в год (двадцать евро за порцию), но собака зарыта в этой чертовой плазме! Она дешевле, чем кровь (одна порция пятнадцать евро), но в год ее можно переливать тридцать шесть раз! Сколько выходит ежегодно? Плюс кровь? Вот именно. Сто наших еженедельно — это, повторяю, устаревшие данные, нынче ситуация накалилась настолько, что иного выхода не оставалось: на арене згожелецких событий должен был появиться я.

Выпугиваюсь из парашюта — зрелище катастрофическое. Люди — словно невесты вампиров, бледные, белые, синие, едва бредут по улицам. Мэр города, извиняясь слабым голосом, что не может для приветствия под-

няться с кресла, докладывает мне, что я должен отомстить за нашу кровь, потому что те, за рекой, от которых, черт бы их побрал, нам никуда не деться, брали больше чем по пол-литра. А платили за пол. И что половина жителей идет переливать кровь, а те, что не идут, не идут потому, что уже ходили. И что идет беднота из барачков для выселенных из муниципального жилья, и что идут еще из окрестных деревень, потому что крестьяне ведь всегда кровь сдавали. И что неизвестно, кто сколько раз подряд сдавал, потому что полиция отмечает экстремальный рост числа похищенных и фальшивых документов. И числа нелегальных прерываний беременности, потому что, известно ж, беременным...

Мэр еще не закончил, а я уже на улице, и уже у самой границы, мать вашу, и правда толпы, и чем ближе к мосту, тем бесчисленнее! В смысле: одни возвращаются, другие идут туда. Стоп! — кричу я из армейского джипа, через мегафон, — стоять, нечисть! Вас обманут, вам пустят кровь как на свиной бойне! И кому вы жизнь спасаете, давалки-продавалки? Поляки! Мужики-скоты! Бабы-стервы! Им? Вот этим вот?! А у нас, мать вашу, люди погибают на месте аварии, потому что кровь взять негде?!

Нет, не реагируют польские паломнички, проходят мимо, словно я невидимка! Вот оно, первое следствие того, что снесли границы: они у нас бутылки сдают, а мы у них кровь.

Поставил на мосту ограждения — изодрались в кровь, но прошли.

В центре Гёрлица, на площади, там, где институт, пустил слезоточивый газ, петарды и дымовые шашки, — помогло чуток, отступили, но ненадолго.

— Холера ясная, гром и молния, слышит меня кто-нибудь?! Алло?! Повторяю: пришлите подкрепления! Одному мне баррикаду не удержать, их слишком много!

Меня не слышат, нет связи с базой в этом дыме и грохоте. Один я не справлюсь. Лягу поперек дороги — через меня пройдут, затопчут, и буду я выглядеть, как скатерть после свадьбы. В деревне. Рубаху на себе порву — то же самое, да еще и замерзну, кто ж долго выдержит-то в январе с голым пузом?

А ладно. Гори оно все синим пламенем! Взорвусь, другого выхода нет. Вбегу в институт и подорву себя. И их всех с собой заберу. Вместе с этой ихней штаб-квартирой. К чертям собачьим. И все попадут в ад, а я в учебники. А мои органы, если еще будут пригодны, в какие-нибудь другие персональные тела.

Перевод с польского Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян

© Текст: Я. Рудницкий

© Перевод: Е. Барзова, Г. Мурадян

* opowiadania 'Na wyciągu', 'Na barykadzie' oraz 'Na wzgórzach' pochodzą z tomu «Śmierć czeskiego psa» Janusza Rudnickiego. Dzięki uprzejmości Grupy Wydawniczej Foksal. copyright © by Grupa Wydawnicza Foksal, 2009.

GDZIE SKARB TWOJ, TAM I SERCE TWOJE
ŚW. MATEUSZ VI-21

FRYDERYKOWI
CHOPINOWI

RODACY

UR. 22 LUTEGO 1810 R.
W ŻELAZOWEJ WOLI
ZM. 17 PAŹDZIERNIKA 1849 R.
W PARYŻU

TU SPOCZYWA SERCE
FRYDERYKA
CHOPINA
HERE RESTS THE HEART
OF
FREDERICK CHOPIN

Евгений РАШКОВСКИЙ

из книги

«Перстень изумрудный...»¹

страницы польской поэзии

XIV—XX веков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Zalóżże twój szmaragdowy pierścień...
*Konstanty Ildefons Gałczyński*²

Это — ни в коей мере не антология, но, скорее, поэтический дневник 1960-х — 2010-х годов. Действительно, польская поэзия как некий невещественный «изумрудный перстень» сопровождала меня всю сознательную жизнь: от студенческой юности до последних лет. С моей точки зрения, польская поэзия, от средневековых ее форм до нынешнего изощренного верлибра, как и всякая подлинная поэзия, есть поэзия метафизического удивления. Удивления сокровенной сутью жизни. Парадоксальным образом она была для меня и учебником моей родной русской поэзии. Ибо, несмотря на все различия — фонетические, грамматические, смысловые, — русский и польский языки близкородственные. И судьбы обеих поэзий — от времен ранней кириллической словесности до нынешних времен — также переплетены. Но это — тема особого разговора филологов и литературоведов, благо, конкретным сторонам этих поэтических связей посвящены сотни монографий и статей. Мои же переводы, предлагаемые здесь читателю, осуществлялись вольно и спонтанно, безо всякого заведомого плана, безо всякого соблюдения принципа представительности или пропорциональности. «*Ёже писа́хъ, писа́хъ*».

Разумеется, польская и русская поэзия — при всех (если вспомнить стихи Пастернака) «скрещеньях» их судеб на протяжении всей их истории — не идентичны одна другой. Не идентичен их образный строй, не идентична их просодия — эта воистину *внутренняя музыка* поэзии. Не идентичен и стоящий за каждой из них человеческий опыт. Но внутренняя сопричастность судеб обеих поэзий, равно как и обоих народов, — налицо.

Был в моей жизни один далеко не поэтический эпизод, заставивший глубже пережить эту внутреннюю сопричастность языков, истории и слова. Но также — и сопричастность поэтических смыслов.

Это было в Варшаве, на исходе мая 1989 г., на предвыборном митинге «Солидарности» в кинотеатре, что напротив костела св. Станислава Костки (на тогдашней площади Парижской Коммуны). Предвыборную программу «Солидарности» представляли правозащитник Яцек Куронь и филолог-русист Анджей Дравич. Оба, к сожалению, уже ушедшие из жизни.

Так вот, несмотря на ропот и возмущение некоторой части публики, оба оратора говорили о необходимости для будущей, возрожденной Польши дружеских отношений

с будущей Россией. И говорили они как бы в один голос.

По их словам, российская ситуация того момента, когда на первый план истории выдвинулись Горбачев и его сподвижники, опирающиеся на передовую интеллигенцию, сулит этой родственной полякам славянской стране большие и грозные испытания. Ибо Россия, по мысли Куроня и Дравича, накопила в себе такую массу социальных, этнических, региональных и культурных противоречий, что рано или поздно они непременно выйдут наружу. Так что «перестроечная» эйфория, по определению, обречена. И будущие судьбы России заслуживают понимания и сострадания.

И я, уже в те годы чувствовавший историческую обусловленность наших «перестроечных» иллюзий, почувствовал и другое: как ни сложен и ни противоречив политический процесс, — сколь важен и спасителен в истории настоящих и будущих поколений тонкий нерв живой культуры! В частности, и тонкий нерв культуры польской, воспитанной поэзией Мицкевича и Норвида, Стаффа и Тувима, Милоша и Херберта ...

После каждого стихотворения дается датировка: в числителе — примерная дата создания подлинника (если только я сумел ее восстановить), в знаменателе — дата перевода.

Eugeniusz B. Raszkowski

BOGURODZICA (XIV в.)

Гимн “Bogurodzica” — первый дошедший до нас памятник польской поэзии. Однако памятник, до сих пор сохранившийся в литургическом обиходе Польской церкви и любимый миллионами поляков. Язык этого памятника — старопольский, с мощными церковнославянскими влияниями. Язык, еще не сложившийся в современном его облике.

... Влияние восточнохристианской духовности на этот ранний гимнографический памятник польского католицизма сказывается не только в его близости древнеславянской языковой стихии. Текст гимна вольно или невольно ассоциируется с основной «триадою» деисусного чина: Спас в Силах — Пречистая Дева — Иоанн Креститель.

Богородица Мария,
 Всечестная, Пресвятая,
 Как у Господа Владыки
 Ты, возлюбленная Мати, —
 Снизойди и прости.
 Кирие, элейсон!³

Со Предтечею и Сыном
 Помыслы возвысь людские,
 Мы к Тебе мольбы возносим,
 У Тебя усердно просим
 Долю честную на свете,
 Радость вечную по смерти.
 Кирие, элейсон!

/ 17.02.1988

РЫДАНИЕ У КРЕСТА (вторая половина XV в.)

“Lament Świątokrzyski” — один из ранних памятников польской духовной поэзии.

Читался (или, точнее, рецитировался), по всей видимости, на богослужениях Великой Пятницы, о чем явно свидетельствует текст первой строфы.

По мнению специалистов, это — возможно — лишь сохранившийся фрагмент пассиона (большой мистерии о Страстях).

Послушайте, милые мои братья!
 О злой беде должна рассказать Я.
 Беспощадный исполнился срок:
 У Креста стою в Великий Пяток.

Послушайте, старые и молодые:
 Годы жестокие, годы злые!
 Был Сын единственный Мне предназначен, —
 Отняли Сына. Стою и плачу.

Какая печаль, какая година!
 Гляжу на истерзанного Своего Сына,
 Сын — в руках человека лихого,
 Но в ответ — ни вздоха, ни слова.

Гляжу на Тебя, Сынок, с тоскою:
 Болью Своей поделись со Мною,
 Я под сердцем Тебя носила,
 При жизни Твоей верно Тебе служила.
 Надежда Моя, скажи Мне хоть слово,
 Уходя из мира земного.

Окровавленный, уходишь, страдая,
 А как облегчить страданье — не знаю:
 Головушка Твоя виснет без силы,
 Кровь по телу — Я бы раны омыла,
 А чтобы жаждущему напиться —
 Пригоршней подала бы водицы,
 Да только к Телу Твоему святому — Мне не пробиться...

Архангел Божий, Гавриил,
 Ты Мне такие слова говорил,
 Ты Мне такую радость сулил!
 Со слов твоих благодатной Меня называли,
 А теперь стою Я в тоске и печали,
 Всё тело болит, все кости устали.

Добрые матери! Услышьте Мою мольбу, —
 Чтобы не знать вашим деткам такую злую судьбу,

Которую нынче претерпеваю:
Вместе с Сыном Своим страдаю,
Муки Его безвинные — на Себя принимаю.

И вот, стою в тоске, в немоте.
Сын Мой прекрасный гвоздями прибит на Кресте.

/ 26.11.2010

СТАНИСЛАВ ТРЕМБЕЦКИЙ (1739–1812)

Из вступления к поэме «Софиевка»

Станислав Трембецкий — один из крупнейших поэтов-эрудитов польского классицизма. Поэт, чья поэтика сложилась в XVIII столетии, был близок кругу последнего короля Польши Станислава Августа Понятовского, позднее — к аристократическому кругу кн. Адама Ежи Чарторыйского. В первые годы XIX столетия этот круг связывал свои надежды на возрождение Польши с ожиданием культурного и гражданского расцвета России, с тем скоротечным чаянием законности, конституционализма и свобод, которым было отмечено «дней Александровых прекрасное начало»⁴.

Созданная в 1802-1804 г. поэма «Софиевка» (“Sofijówka”, или “Zofijówka”) представляет собой подробное поэтическое описание одноименного парка графа Щенсного Потоцкого, выстроенного им в честь графини Софии (Зофьи) под Уманью. Последние годы жизни Трембецкий провел в имении графа Потоцкого в Тульчине. После революции могила поэта была уничтожена.

Адам Мицкевич считал Трембецкого одним из своих предшественников, имея в виду не только красоту его стиха, но и мастерство обстоятельного поэтического повествования. Так что без «Софиевки» на было бы, возможно, и «Пана Тадеуша»...

Приветствую тебя под южным небосводом,
Страна, текущая и молоком, и медом,
Где под присмотром многомурых пастухов

• Пасутся табуны игривых скакунов!
• Найдутся ль на земле еще такие страны,
• Где гордые собой курдючные бараны
• В сознании своей бараньей правоты
• Колесами влачат тяжелые хвосты?⁵
• На жирной сей земле, на сей земле зеленой
• Растут колосья ввысь, как башни Вавилона,
• А от разъятых тел да от людских кровей
• Украйны чернозем теперь еще жирней...
• Эпохи и века проходят друг за другом.
• И так случается, что, шествуя за плугом,
• Вскрывая целины слезавшийся покров,
• Находит пахарь бивни боевых слонов⁶.
• Чтó было? —
• Под степным пространным небосводом —
• Один порядок — век за веком, год за годом, —
• Один порядок, заведенный навсегда:
• За царством царства шли, а за ордой — орда.
• На здешних рубежах Востока и Европы
• Боролись меж собой дворяне и холопы,
• И от вражды людей дичала вся земля,
• Змевшийся ковыль поработал поля.
• В былые времена — година за годиною —
• Безумием людей терзалась Украина,
• Но выдавались столь жестокие года,
• Что запорожская и крымская орда
• В совместной ярости и в злобе сладострастной
• Железом и огнем терзали край несчастный⁷.
• Кровавые бунты да южный злой сосед
• В степях оставили опустошений след⁸.
• И людям был удел: всё грабежи да войны,
• Да выживание по милости разбойной...
• От ярости судеб спасла наш мирный кров
• Великодушная царица Северов⁹
• И оградила нас державною рукою
• От запорожского и крымского разбоя¹⁰,
• И под защитою миротворящих сил
• Истерзанный сей край — очнулся и ожил.
• Над неприютными морскими берегами¹¹
• Ордесса¹² расцвела веселыми холмами,
• За груды золота морские корабли
• Вывозят хлеб — живое золото земли...

• 1802–1804 / 17.11.2009
•

**АДАМ МИЦКЕВИЧ
(1798–1855)**

Имя Адама Мицкевича — воистину, короля польских поэтов — говорит само за себя.

Двустихие «Знак» входит в сборник коротких стихотворений Мицкевича 1834-1835 гг. “Zdania i uwagi” («Воззрения и заметки. Из трудов Иакова Бёме, Ангела Силезского и Сен-Мартена»).

Знак

Каждый из избранных — свыше отмечен, но не одинаков.

Только вот горе народу, прошедшему мимо божественных знаков.

1834-1835 / 12.10.2003

Gdy tu mój trup...

Когда теряю сам себя в собрание глупом,
Когда вокруг меня снуют и мельтешат, —
Я посреди людей живу ходячим трупом,
Но далеко от вас скорбящая душа:

Душа моя живет в покинутой отчизне —
Я силой памяти к себе ее зову —
Реальнее моей реальной полужизни,
Роднее всей моей родни по естеству.

Забросив все долги, заботы и забавы,
Забросив все труды безумные свои, —
Спешу к себе в Литву. Благоуханны травы,
Шумят аллеи пихт, играют воробы...

И видится еще: со светом, спозаранку,
Оставя позади свой неприметный кров,
Спешит, или — верней — плывет ко мне белая
Среди зеленых волн мерцающих хлебов.

Париж, 1839-1840 / 12.09.2011

**ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ
(1809–1849)**

Бесподобный перевод стихотворения Словацкого “Mój testament” («Мое завещание») принадлежит Борису Пастернаку. Бесподобный — но, как мне кажется, за одним исключением: пастернаковский перевод последней строфы, прекрасный сам по себе и немало дающий для понимания Пастернака, не вполне отвечает замыслу и смыслу оригинала¹³.

**Из стихотворения “Mój testament”
(последняя строфа)**

... Я несу в себе силу таких принуждений, —
Это стбит при жизни тоски и морщин, —
Но отродье людей, хлебоедное племя,
Всё же выйдет когда-нибудь в Ангельский чин.

1839-1840 / 27.04.1994 (Великая Среда)

**ЗЫГМУНТ КРАСИНЬСКИЙ
(1812–1859)**

Красиньский — один из плеяды великих романтических и метафизических польских поэтов XIX столетия.

Пока солнце взойдет...

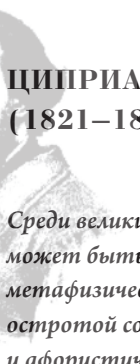
За Польшу правый бой ведется дни и ночи.
Я твердо верую: вовек она не сгинет!
Предвижу славу я. Но всё ж терзаюсь ныне:
До солнечных лучей — росую выест очи...

Я твердо верую: счастливой быть и сильной
Стране моей родной, — но волны камень точат,
И плоть людскую разьедает червь могильный, —
До солнечных лучей росую выест очи...

Неумолимые текут века и годы,
Но Божеская мысль — о будущем пророчит.
Дождемся ль торжества? Дождемся ли свободы? —
До солнечных лучей росой выест очи...

Сжигали нас любовь, предвестие, томленье, —
Нам так хотелось жить, — но путь во тьму
бессрочен...
Увидят ли рассвет иные поколения? —
До солнечных лучей росой выест очи...

Рим, 1852 / 12.05.2011

ЦИПРИАН КАМИЛЬ НОРВИД (1821–1883)

Среди великих польских поэтов-романтиков, может быть, именно Норвид отличался особой метафизической глубиной, изысканностью ритмов, остротой социального и культурного критицизма и афористической отточенностью поэтического мышления. Стихи Норвида легко «читаются», но интерпретация их — дело нелегкое. Их смысловая насыщенность — залог их особой исторической прочности.

Из двустихий

... Да будет воля Сына Твоего
В отчизне нашей — так же, как и в Небе...

Берлин, 1845 / 14.05.2008

Из стихотворения “Jeszcze słowo”

Миротворцы — блаженны. Клянусь: ты увидишь,
Как они нарекутся сынами у Бога¹⁴.
И клянусь: не наследует Царства подкидыш.
И не будет конвоя к родному порогу¹⁵.

Рим, 1848 / 14.10.2011

Когда лавры созревают¹⁶

1

Каковы к потомству пути-дороги?
Честолюбив от самого детства,
Ты сам назначаешь себе чертоги,
Только вот в этих чертогах — не засидеться.

2

Не твоею волею двери тебе открыли,
И не сам по себе вознесся ты от земли, —
Только мнится тебе: за спиной — огромные крылья,
А что разглядят потомки? — Разве что след в пыли...

3

Славословия — льстивы они и бурны,
Словно некий фанфарный зов...
С тихим звоном круглые камешки падают в урну.
А потом — Тишина. В Тишине — подсчет голосов¹⁷.

1865-1866 / 02.10.2011

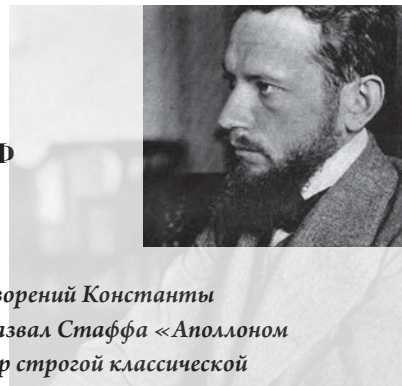
Smutno...

Печальное дело — замкнуться в своей скорлупке.
Но много печальней и сердцу еще темней —
Стоять пред могилою жизни, бедной и хрупкой,
И духу навязывать помыслы юных дней¹⁸.

07.03.1881 / 31.10.2011

ЛЕОПОЛЬД СТАФФ (1878–1957)

В одном из своих стихотворений Константы Ильдефонс Галчиньский назвал Стаффа «Аполлоном поэзии польской». Мастер строгой классической формы, он виртуозно «обручил» польскую традиционно-силлабическую поэзию с искусством силлаботонического стихосложения; в последние же годы жизни он немало потрудился над становлением лапидарного и насыщенного польского верлибра.

Мечислав Яструн писал о нем: «Слава его (вопреки самой природе славы) была тиха»¹⁹.

Kto szuka Cię...

Тобой утешится скорбящий,
Отведает голодный хлеба,
Кто ищет — навсегда обрящет,
И в небе тот, кто жаждет неба.

Недосыгаемый, незримый,
Не слышный здешними ушами ...
Но и во тьме необоримой,
В тоске моей неисцелимой —
Неумолкающее Пламя.

1927 / 1967

Высокие деревья

Нет на свете прекрасней деревьев высоких!
Может, самое главное в жизни моей —
Наблюдать, как земли поднимаются соки
По разводам и сводам стволов и ветвей.

Эти ветви в игре расходящихся линий,
Этот шелест листвы, отходящей ко сну,
Эти реки в мерцании красок павлиньих,
И кузнечик, который стрижет тишину,

И медлительный август, сходящий на кроны,
И густеющий воздух свободы моей —
Золотой, голубой, темно-синий, зеленый —
По разводам и сводам стволов и ветвей!

1932 / 06.08.2006

Три городка

Были три городка на свете —
Такие маленькие,
Что все могли бы
Уместиться в одном.

Нет их на нынешней карте,

• Всех их спалило войною,
• Потому что
• Жили в них люди
• Мирюлюбивые,
• Кроткие,
• Работящие...

• Братья мои ленивые,
• Братья мои безразличные, —
• Почему вы не ищите
• Эти три городка?

• Жалок человек —
• Проходит по лику Земли,
• Ни о чем,
• Никого
• Не вопрошая.

• 1954 / 31.10.2004

• **Stojąc sam...**

• Перешагнув рубеж последний,
• Припомню ль, как зовешься Ты,
• Мой неумолчный Собеседник
• Из мира вечной немоты?

• 1957? / 1967

• **Вечер**

• Покачиваясь в лодке,
• Лежу в тишине.
• Надо мною звезды,
• Подо мною звезды,
• Звезды — во мне.

• 1957? / 1967

• **Толстой**

• Владея всем —
• И ничем не владея,
• Бежал от печали
• Толстой.

Бреду́
Владыкою собственной тени.
Радость.
И зной дорог.

1957²⁰ / Декабрь 1967

БОЛЕСЛАВ ЛЕСЬМЯН (1878–1937)

Лесьмян (псевдоним Болеслава Лесмана) — один из самых мелодических, фантастических и вместе с тем трагических польских поэтов прошлого столетия. Первоначально писал стихи на русском языке, частично опубликованные в символистских «Весех».

Зрелое творчество поэта связано прежде всего с природой, фольклором и историей юго-восточной Польши (он служил нотариусом в Сандомире). Одно из последних его стихотворений — как бы невольное и страшное предчувствие бедствий Второй мировой войны и Холокоста, тем паче, что воеводства юго-восточной Польши лежали в сердцевине театра военных действий Первой мировой, сражений между польскими и украинскими отрядами, Советско-польской войны 1920 года, об ужасах которой мы читаем в «Конармии» Исаака Бабеля.

Бессонница (вариант)

Кто там дробно так и страшно
Бьет по ставням и воротам? —
Этой ночью вихорь влажный
Разрыдался отчего-то...

Кто во тьме, в тумане сонном
Причитает так напевно? —
Этой ночью бор зеленый
Воет на краю деревни...

Волны, звезды, колокольцы...
Наплывают сны рекою...

• Если кто-то не с тобою —
• Успокойся, успокойся.

• 1915 / Март 1964

• Mrok na schodach...

• Пустота и тьма в дому.
• Видно, здешним никому

• Не нашлось в лихую пору
• Ни пощады, ни опоры.

• Дом стоит пустым-пустой.
• Тьма на лестнице крутой.

• Но понять и не проверить, —
• Только ветром дом проветять

• Да ближайšie пути
• Белым снегом занести...

• Ранее 1936 / 08.07.1997

• ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ (1894–1980)

• *Стихи Ивашкевича — одного из самых известных и популярных польских писателей XX столетия — взяты из сборника «Книга Ночи» (1929).*

• Книга ночи, VII

• Задувает фонарь предместья
• Осеннего ветра струя.
• Мы снова все трое вместе:
• Женщина, пес и я.

• И всё, что во тьму забвенья
• Кто-то когда-то унес, —
• В парке ночном, осеннем
• Оживает...

Мы бродим, как тени:
Женщина, я и пес.

Столько смеха, слез и нерадостных дел
В темном городе нам завещано...
Кто мы? Откуда? И где предел?
Амур златокрылый давным-давно отлетел...
И мы во тьме.
И пес, и я, и женщина.

1929 / 1964

Альбом из Закопаня, № 17

Тщедушен, грозен, обмундирован.
Что за воинствующий вид!
И что это за такая за новость:
«Назад, панове! Проход закрыт!

Добром прошу: отойдите скорей!
Птицы такие у нас нередки.
Небось, беспартийный? Небось, еврей?
Небось, пописываете в газетки?

Где проживаете? В какой такой хате?..
В Польше?.. — Да Польша тут не при чем!..» —

Хотя бы денек, оболваненный братец,
Прожить бы мне в бедном сердце твоём...

Zakopane, 1975 / 16.09.2014

**АНТОНИЙ СЛОНИМСКИЙ
(1895-1976)**

Антоний Слонимский — поэт, писатель, активный либеральный общественный деятель. И одновременно — тонкий и проникновенный лирик.

Из дневника

Из коробки достали шуршащую скользкую пленку.
Потушили огни. На экране — журнал

• «Парамаунта»²¹.
• С моста в реку прыжок. Труп китайца с Маньчжурского фронта.
• Марш-парады. Маневры. Модели новейшего танка.
• Чередуются кадры. Теперь на Аляску поедем.
• Крайний Север. Повсюду культура видна.
• Шансонетки танцуют с полярным медведем.
• Мистер Жопсон²² бежит по канату и прыгает вниз через бочки вина.

• Воскресенье. Семья — в ку-клукс-кланьем наряде.
• Моцион совершают. Пугают кого-то тряпьем.
• А на зал — из глазниц неприязненно глядя — пятилетний мальчонка грозит деревянным ружьем.
• Жгут зерно. В океан молоко выливают потоками.
• А из вод океана — подлодки железное рыло.
• Доведется увидеть вам все эти кадры, потомки, —
• Не забудьте о том, что меня, современника, тоже тошнило.

1932 / 1964

Скрипичный концерт²³

• В полунищей клетушке, в долине карпатской, там, где запахом трав опоем горный воздух, то едва причитает, то бьется в припадке итальянская скрипка в руках виртуоза.

• То глубоко вздыхая, то звонко и быстро рассыпаясь и звук унося в отдаленье, — плачет мертвое дерево в пальцах артиста, как не плакало прежде под бурей весенней.

• Ветер горный, холодный, и эха раскаты...
• Я лечу, — а на сердце творится такое...
• Мой маэстро! Чем жил, что сгубил я когда-то — ты вспугнул на минуту дрожащей рукою.

1932? / 1963

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ (1897–1962)

Владислав Броневский — при всех его крайне левых общественных убеждениях, при всей содержательной новизне его стихов — исторически оказался едва ли не последним представителем польской шляхетской романтической поэзии. И в то же время муза Броневского испытала на себе сильнейшее влияние словесности российской — поэзии (Блок, Маяковский, Есенин²⁴, Пастернак) и прозы (Броневский — переводчик Достоевского). Данью русских поэтов Броневскому стало недавнее монументальное издание переводов его произведений, в которое вошли и 22 моих перевода²⁵.

Лично для меня Броневский оказался одним из центральных поэтов моей жизни. Ибо муза Броневского сочетает в себе глубину погружения в поэтическую традицию с ошеломляющей новизной современности.

Перун

В небе — хриплые трубы,
ветры — равнину косят,
рвутся под ветром грубым
черные стяги сосен,

пляшут отблески лунные,
топот в заоблачных кручах, —
не колесница ль Перуна
носится ночью по тучам?..

Заоблачная погоня
напролом всё мчится и мчится,
четыре ветра — как кони,
и стучит-гремит колесница ...

С колесницы быстрой твоей,
словно змеи, рвутся огни!
Эту ярость живых огней
гробовым плащом осени,
гробовым дождем оберни!

1924 / 1961

Мавзолей Тамерлана²⁶

Вроде бы, люди добры и спокойны,
вроде бы, им ненавистны разом
беснования, казни и войны.
В людях — вроде бы — творческий разум ...

Тихо стою среди резьбы и глазури.
Как я попал через дальние страны,
тюрьмы, скитанья да всякие бури
в этот последний дворец Тамерлана?

... Мчались по Персии конные орды,
мечеть за мечетью, за домом дом —
рушили, рушили, рушили к черту —
так же, как нынче: огнем и мечом!

Силы монгольской всё больше и больше —
рвы или стены — всё нипочем!
Русь и Багдад, Украину и Польшу —
так же, как нынче: огнем и мечом!

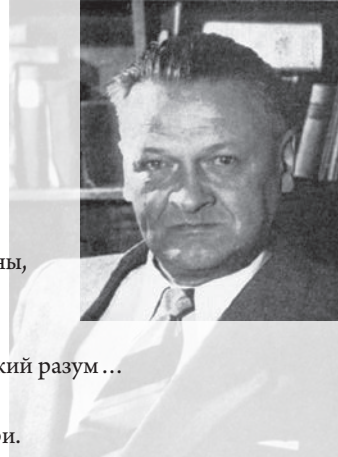
Смерть оборвет победные громы.
В память об огненной круговерти —
возведут мертвецу хоромы.
Жалобы жизни — спишутся смертью.

Гибнут народы, гибнут поверья,
гибнут империи и твердыни,
гибнут завоеватели-звери
вместе с воинствами своими.

Как всё закручено в человеке!
Немощна память, немощно слово!
В землю уходят кровавые реки,
кости становятся зеленью новой.

Хочется верить:
добры и спокойны, —
люди придут на пахоту жизни,
чтобы отбросить казни и войны.
Чтобы поверить себе ...
И Отчизне.

1943 / 06.07.2008

«Повести из Освенцима»

Прочел я записки Марии, —
рыдать бы да выть без конца.
Тáк ведь не пишут живые.
Это — рассказ мертвеца,

случайно ожившего... Рядом
с тобою, в смертной истоме,
в Освенциме, в гуще ада,
где вместо имени

— номер,

я не был... Но вижу: узницы, как парадом,
перед эсесовцем с мордой песьей, —
раздеты-разуты, под снегопадом,
под дождем, на жаре, на морозе...

Звала меня... В злые пространства брошена,
во власти взбесившихся зверей —
моя Мария. Одна-одинешенька.
В аду. Вдали от любви моей.

1949 / 27.12.2008

I zamyślić się nad Szopenem...

Пробудить в себе звуки Шопена
или Норвида с «Памятью Бема»,
и на миг — если только возможно —
повстречаться с твоим Утешителем Скорым —
Адамовым Водным Простором,
Чтоб на воды пролить серебристые
твои слезы — Лучистые, Чистые²⁷...
Ты об этом мечтаешь, художник?

1957 / 27.11.2008

ЯН ЛЕХОНЬ (1899–1956)

Ян Лехонь (псевдоним Лешка Серафиновича) — *но-
ситель как бы «блоковской» линии в польской по-
эзии: сочетание отточенной формы и надрывного*

*содержания. Не случайно он был одним из лучших
польских переводчиков поэзии Блока.*

*Человек, время, история — под Божьим судом. Тако-
ва одна из важнейших тем поэзии Лехоня.*

*Поэт-изгнанник покончил с собой, бросившись из
окна нью-йоркского небоскреба.*

Chorału Bacha słyszę dźwięki...

Хоралов Баха слышу звуки.
Такое чувство — вся земля
Сама слетается мне в руки:
Ее осенние поля,

И туч ее набухших серость,
И уносимый ветром дым...
Как много нам понять хотелось,
Ощупать и испить — самим!

А на ветру звенит шиповник,
От холодов увядший цвет, —
Настанет суд за путь греховный,
И от него — открытья нет.

Ранее 1954? / 1961

Страшный суд

Ирене Уайли посвящается

Прозорливое знание о том, что проявится завтра,
Добродетели, ведомые везде,
Наша гордая воля, наша монументальная правда, —
Я боюсь, — не зачтутся на Страшном Суде.

И повыползет вся наша злоба, как нежить,
Но проявится вдруг в ослепительной силе
От людей утаенная тихая нежность —
Та, которую мы почему-то под спудом носили.

Если перечни наших заслуг — бесполезны,
И шумит, и немотствует жизнь, и ее не дано
побороть, —

Что́ останется? — Разве что вспышки да бездны, —
Их объемлет любовью Единый Господь.

Ранее 1954? / 31.10.2011

ВЛОДЗИМЕЖ СЛОБОДНИК (1900–1991)

Слободник — тонкий и по-польски ироничный лирик. По словам русско-польского поэта и филолога Льва Николаевича (Леона) Гомолицкого, в его «простых, утонченных до последней скудости словесных строчках — истинный человеческий трагизм, большая тема»²⁸.

Липовая ложка

Гордо стояла меж лесом и полем,
Соки земли по корням текли,
Но — перегрызли древесную волю
Злые зубья железной пилы.

Липовой ложке в хозяйстве нашем
Жребий от Бога — самый простой:
Пурпур борща, серебристая каша —
Скромная служба погребе людской.

А ночью, рядом с огрызками хлеба,
Липовой ложке видится сон:
Плещется в синей кастрюльке неба
Утренних туч золотой бульон.

1929 / 07.02.2012

Глухота Бетховена

Недоступное слуху, —
Как Ангелы стонут от боли,
Как путник одинокий падает наземь,
Как ропщет море и плачут камни, —
И всё это он расслышать сумел
Своей глухотою...

1957 / 08.02.2012

ЕЖИ БРОНИСЛАВ БРАУН (1901–1975)

Поэт и религиозный философ, участник антигитлеровского Сопротивления. Подвергался репрессиям в первые годы коммунистического правления в Польше. Реабилитирован в 1956 г. Последний десяток своих лет провел в Риме, активно участвуя в жизни Церкви и европейского философского сообщества.

Природа (отрывки)

Странники — мы сами,
и небеса над нами,
и обращается земля
под нашими ногами ...

.....
Времен круговороту
свои дары приносим:
яблочную падалицей,
золотую падалицей —
мы впадаем в осень ...

1960? / 26.07.2011, дер. Леоново
(Тверская обл.)

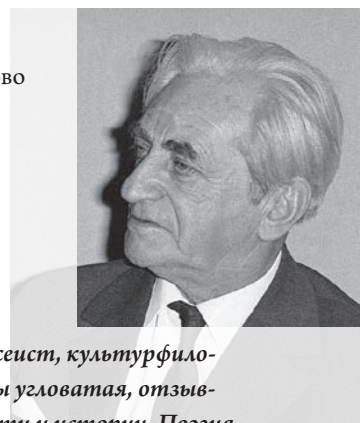
МЕЧИСЛАВ ЯСТРУН (1903–1983)

Мечислав Яструн — поэт, эссеист, культурфилософ. Его муза — резкая, как бы угловатая, отзывчивая ко всей боли социальности и истории. Поэзия Яструна насыщена философскими и литературными ассоциациями — библейскими, античными, средневековыми.

Ярославна

Тот край не за семью горами.
Обетованная земля
еще раскроется пред нами.

Пора — пришла.

Огонь и хлеб, и всю природу
недаром человек обрел.
Он зачерпнет ладонью воду
из синих волн.

Кому-то не удастся выжить.
Пощады жди или не жди, —
назавтра люди встанут выше
былой вражды... —

Так Ярославна на Путивле,
рыдая, закликает степь.
Шум дальних ратей, шум ковыльный, —
всё ближе, ближе шум всеильный...
Огонь и хлеб...

1944 / 26.02.1988

Исход из тюрьмы

Просидел пять лет в ожидании смерти.

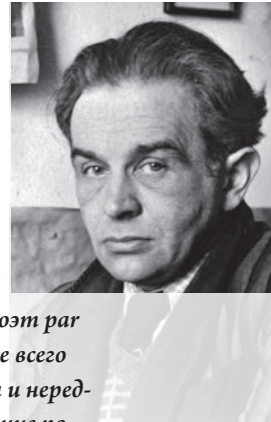
А в это время
Кружилось солнце,
Проносились звезды,
И алкоголь разливался
В густом зловонии жилплощадей.
И песнопенья репродукторов,
Выдавливая рамы
На улицы текли.
Материализм, справедливость, —
говорили одни.
Духовник, на исповеди, —
говорили другие.
Бляди, кино, —
говорили третьи.

А в это время
Будили его среди ночи,
Слепили рефлектором,
Обливали водой,
Выламывали пальцы, —
И тело его
Стало легким и прозрачным,
Таким прозрачным,

• Что в нём засветилась душа,
• Маленькая,
• Словно зародыш.
•
• Но однажды
• Распахнулись двери,
• И в столпе, воздушном и дымном,
• Предстал ему страж незнакомый.
• Он разглядел
• Жены своей губы
• И глаза сына.
• (Оба умерли, покуда сидел).
• И услышал ревущие трубы.
• И Ангелов увидел Содома.

1956 / 1966

• КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНС • ГАЛЧИНЬСКИЙ • (1905–1953)

• *Константы Ильдефонс Галчиньский — поэт par excellence. Певучие, элегические темы чаще всего сопряжены у него с темами ироническими и неред- ко — с самоироническими. Тонкое сочетание поэтического восторга с незлобивой иронией — одно из «тайнств» поэзии Галчиньского. И не случайно образ изумрудного перстня из его стихотворения «Снова осень» как некоего волшебного примирителя осени и весны, тоски и надежды, смерти и жизни скрепил собою всю нашу книгу.*

• Под старой вишней...

• Трансатлантические пилоты
• спят в лунно-синей мгле,
• в МИДовском кресле, устав от работы,
• почил референт Молле,
• гроза любовников, муравейник,
• притаился в тени...
• Тихо у стойки в доме питейном, —
• дядюшка, друг, усни!
• Уснем, родимый, под старой вишней,

спи сладко — лишь бы
беды не вышло.

Уснули собачки и блошек стаи,
тучкой накрылась луна,
поддался даже бдительный аист
гипнозу летнего сна,
на лавке дышит котенок мерно,
свернулись на ночь цветы,
уснула тетя, старая стерва,
дядя, усни и ты!
Уснем, родимый, под старой вишней,
спи сладко — лишь бы
беды не вышло.

В гардеробе — мундир привычный,
премьер — в пижаму одет,
спят Геббельс, Геринг, дрозды, синички
и целый белый свет,
уснула в кухне мисочка с кашкой, —
тише, дверь, не скрипи ...
Дяденька, будь, как Божия пташка:
усищи в кулак — и спи!
Уснем, родимый, под старой вишней,
спи сладко — лишь бы
беды не вышло.

1935 / 1964

Снова осень

Осень подошла с дождями нудными,
скуку и тоску неся с собой ...
Так надень же перстень изумрудный:
он взыграет зеленью живой.

Казнь тепла последнего — свершайся.
Кровью лес обрызган докрасна, —
но едва мерцает в тонких пальцах
весточка, что в мире есть весна.

1937 / 03.07.1986

СВ. ФАУСТИНА КОВАЛЬСКАЯ (1905–1938)

Св. Фаустина — одна из великих польских святых XX столетия, молитвенница Божию Милосердию за всю Вселенную, за живых и за отошедших, включая узников чистилища и ада. Беатифицирована в 1993 г., канонизирована — в 2000.

Столь любимый польским народом, а вслед за ним — и за пределами Польши, образ Спасителя с потока-ми Крови и Воды из Его Сердца был явлен через Св. Фаустину.

День канонизации сестры Фаустины, пришедшийся на Вторую неделю по Пасхе, был объявлен Папой Иоанном Павлом II праздником Милосердия Божия²⁹.

Медитация

Сколь бесконечно Милосердь Божье!
По праву кто тебя восславить может?
Ты — Божья суть, Ты — вечное Сиянье,
Единое для смертных упованье!

? / 01.07.1985, Звенигород (у Боголюбской иконы
Божией матери)

ЯН ТВАРДОВСКИЙ (1915–2006)

Поэт, философ, богослов, до конца жизни трудившийся как практикующий священник. Мастер искреннего, подчас ироничного, лапидарного и отточенного польского верлибра.

Jesze nie ...

Ежели ты, мил-друг,
не научился быть наедине с собою,
ежели ты
хвататься за память, как за распатанные перила,
ежели роешься в побитых молью своих

воспоминаях,
 ежели ты, отошедшему не давая покоя,
 пытаешься выволочь его за пуговицу с того света,
 ежели бросаешься на шею первой попавшейся
 кукле³⁰,
 ежели, словно козу,
 пытаешься доить чужое сердце,
 ежели ты
 раздуваешься перед людьми тромбоном,
 ежели ты
 выстукиваешь, словно копытами, зернами розария
 твоего, —
 так уж и быть:
 по предмету «религиоведение»
 натяну тебе с минусом тройку.

1966 / 01.04.2011

Он

Тень какая-то
 зависла под окном
 а надо мной
 бесприютные тучи
 сделаю вид
 что нет меня дома
 а он всё стучится
 а я не отворяю...
 и мысленно отвечаю:
 — Поздно уже. И темно³¹.
 Спрашиваю наконец:
 — Да кто ты такой?
 — Твой Бог
 с любовью Моей неразделенной

1991 / 19.09.2011

КАРОЛЬ ВОЙТЫЛА / СВ. ПАПА ИОАНН ПАВЕЛ II (1920–2005)

Таинство Пасхальное

*К поэтике Кароля Войтылы:
 введение от переводчика*

*Предложенный читателю перевод стихотворного
 цикла Кароля Войтылы (будущего Папы Иоанна
 Павла II) требует некоторых предварительных
 пояснений. Тем паче, что цикл этот, написанный в
 1975 г., представляется мне одним из вершинных в
 его поэтическом творчестве³².*

*Непривычностью своей проблематики и поэтики
 этот цикл может представить некоторую труд-
 ность для нынешнего российского читателя<... >*

КАРОЛЬ ВОЙТЫЛА

Таинство Пасхальное

1.

Нас омывают, смывают потоки времен, —
 многое множество потоков неудержимых.
 Текущие силовые поля,
 в которых меняешься сам.
 И смиряешься
 с уносящим этим теченьем,
 ибо на уносящих водах его
 возрастает окружающий мир.
 И осталось во мне самом
 что-то от мудрости былых времен:
 текут потоки,
 уносят, смывают, —
 изменяя самого тебя.
 И знаешь наверняка:
 поплывешь по теченью,
 и во прах обратишься,
 потому что
 всё существованье твое

уносится к будущей смерти,
и сама вливается смерть
во внутренний твой поток.
И вызовет ли она
из текучих этих полей?
И возвратит ли смерть
и прошлое твое,
и будущее твое — в существованье едином?

2.

Таинство Пасхальное — Переход, Прохождение.
Прохождение — в обратном порядке:
не от жизни к смерти,
как учит опыт,
но —
Прохождение от смерти к жизни.
И во всём этом — запись о смыслах таких глубоких,
что до сих пор
не прочитаны, не разгаданы до конца.
Но — ошутимы.
И Таинство это — не во вражде с существованием
нашим,
ибо, скорее, — с нами враждует смерть...
Но если Кто-то
Тайнопись эту раскроет,
и расшифрует,
и на Самом Себе испытает,
совершив ПРОХОЖДЕНЬЕ, —
только тогда
мы обретаем следы Бытия
и только тогда
приобщаемся Тайне,
в которой обрел Себя Тот, Кто ушел...
И мы — Ему вослед,
проходя сквозь разломы смерти, —
в пространствах Таинства себя обретаем.

3.

И не сдержат это множество уходящих потоков,
и с каждой смертью людской
всё возрастающий мир
входит в орбиты сознания
лишь кружением атомов неповторимых...
Потому что
в самих уходящих потоках творенья

любой человек уходящий
записан ударами сердца,
потому что
любой человек уходящий,
который превыше всякого мира,
любой человек уходящий,
этот мир воздвигающий через себя и самим собою, —
изничтожается,
уходит во прах,
в темные первоосновы творенья...
И более нет человека,
а есть лишь Мир,
прорастающий сквозь наши останки.

4.

И лишь из немногих ЕДИНЬИЙ
совершил Свое Прохождение —
наперекор убегающим всем потокам, —
потокам, всех и вся уносящим, —
наперекор самому движенью силового поля Бытия,
которым уносится каждый из нас:
одиноким,
непомерно огромный,
неповторимый,
заложенный в основу всего творенья.
Имя этому Прохождению —
Таинство ПАСХИ.
Ради Пасхи спешили люди к вертепу, —
к пещере,
где место было только скотине;
ради Пасхи люди чужих земель
спешили за звездой далекой;
ради Пасхи спешили люди к пустому гробу, —
пустому, но исполненному света,
а потом подымались люди на гóру крутую,
превознесенную над потоком Кедрона,
и всё глядели оттуда на громоздящийся — весь в
разломах — Город,
в котором ОН доведен был до смерти.
А ОН —
сдвинул Собою, собственной смертью —
не только что камень гробный, —
но и самую Землю,
а с нею —
и поток Кедронский,

и городские разломы,
и самый город ...
И, вроде бы,
течет Кедрон в направлении прежнем,
вроде бы,
и потоки наших кровей опускаются к смерти ...
Но в каждом из нас
ОН заложил начаток
такого рожденья и такой жизни,
что перерастают они смывающие нас потоки
и смерть нашу — перерастают.
И сей начаток —
в текучем, всесмывающем и всегда возрастающем
мире —
восстает против смерти.
Превыше всякого разуменья,
силою веры —
сей начаток
победил, опроверг, переспорил
уносящийся мир.

1975, Kraków / Przekład: 06.01.2011, India,
Thondvaddo

ЮЛИЯ ХАРТВИГ (1921–2009)

*Переводчица и исследователь истории европейской
и американской поэзии, биограф Гийома Аполли-
нера, и сама — оригинальный поэт. Рефлектив-
ность и лиризм ее поэзии подпитывается тонкой
самоиронией.*

Жалоба на Святых

Ох, уж эти мне Святые Господни,
задерганные Святые Господни!
Выручают они нас,
когда лишний кусок застревает в горле,
когда мы поминаем их пустынножителство и
пощенья.

Задерганные нами, —
встают они до рассвета
и, постукивая зубами от холода ночного,

• обнажают кровотокающие раны сердца
• и улыбаются как-то странно.
•
• Задерганные Святые Господни, —
• они обезоруживают нас внезапной хваткой
• в те самые моменты,
• когда
• рушатся наши надежды и притязанья,
• и приходится им
• за волосы
• выволакивать нас
• из наших трясин.
•
• Близкие по родству, —
• но —
• без тени всякого панибратства,
• ведают Святые,
• что притязания наши —
• лишь капризы недоумков малолетних,
• и всё же —
• по великому снисхожденью —
• отыскивают оброненные нами ключи или колечки.

• А в остальном —
• как ни дивиться стоическим их нравам,
• их искусству
• не отчаиваться
• при виде нас, грешных?

• 1992 / 23.08.2012

АРТУР МЕНДЗЫЖЕЦКИЙ (1922-1996)

• *Поэт и переводчик. В юности прошел через совет-
скую репрессивную машину, освободился от кото-
рой благодаря созданию в советских тылах армии
генерала Андерса (параллель с судьбой Владислава
Броневского). Участник исторической битвы с гит-
леровцами при Монте Кассино.
• Стихотворение «Мандельштам» (не случайно
• Мендзырецкий переводил стихи этого великого
• русского поэта) в годы коммунистического прав-*

ления в Польше было под запретом и распространялось в списках.

Мандельштам

Бой колес и конвойных посвист...
Кто-то шепчет строки "Inferno"...
Страстотерпец российский — Осип...
Даль земная — немилосердна.

Только ветры да грай вороний,
только версты волчьей печали...
Эскимосская Персефона
молча дышит в стальные дали.

1970-е гг. / 08.06.1989

ЗБИГНЕВ ХЕРБЕРТ (1924–1998)

Збигнев Херберт — один из самых прославленных польских поэтов второй половины прошлого века. Трагизм истории, трагизм пребывания поэта в истории, трагизм извращения мысли и столкновения мысли с людской пустотой, претенциозностью и нечувствием — едва ли не стержневая тема поэзии Херберта. Сама поэзия — как бы вечный «репортаж из осажденного города» (название одной из программных поэм Херберта). «Осада» же города мысли и поэзии не прекращается никогда. Человеческий дух — всегда в «осаде» на этой земле...

Надгробное слово Фортинбраса

И вот
остался наедине с тобой
поговорим же принц
как мужчина с мужчиной
хоть ты и лежишь на ступенях
и видишь не больше
дохлого муравья

Черное солнце с поломанными лучами
О руках твоих
и вспомнить-то не могу без улыбки
И теперь
эти вот самые руки
словно разоренные гнезда
разбросаны по ступеням
Безоружные бестолковые руки И это значит — конец
Руки лежат отдельно Шпага — отдельно И
голова — отдельно
И ноги рыцаря в туфлях домашних
Похоронят тебя по-солдатски хоть и не был солдатом
Это — единственный ритуал в коем чуточку
разбираюсь
Без свечей и без певчих...
Простимся пушечною пальбою
простимся шелестом плащей черных
простимся грохотом сапог о мостовую
и дробью дробью барабанной дробью
Противная по совести говоря картина —
но это —
необходимый демарш перед занятием трона —
я возьму сей город за горло
и легонько встряхну...
Что тебе оставалось кроме смерти! —
ты жил в хрустальном мире понятий
отвергая людскую глину
вся твоя жизнь — это спазмы и порывы
вся твоя жизнь — это ловля фантомов
ты жил
кушая зубами — воздух
ты жил
разрывая руками — воздух
ты жил
ничего не умея делать как люди
даже как люди дышать не умея
Земля тебе пухом Гамлет —
ты сделал всё что тебе надлежало —
земля тебе пухом

Принц Гамлет

тебе принадлежит молчанье³³

а всё остальное — мое

Ты выбрал легчайшую долю на свете
но что твои жесты геройской смерти
пред бдением вечным

когда

вознесенный на троне

сжимаешь яблоко ледящего металла

глядя в упор то на стрелок движенье

то на копошащийся в ногах муравейник

Прощай же принц дела меня ожидают:

проект канализационной сети

декреты о проститутках и бродягах

реорганизация тюремной системы

(ты ведь сам как-то очень верно изволил подметить
что Дания — это тюрьма)

Итак

дела меня ожидают

Но этой ночью

вспыхнет в небе звезда

имя которой — Гамлет

Трагедийных сюжетов на долю мою не осталось

Нет нам с тобою ни встреч ни прощаний

живем на разных архипелагах...

А слова слова слова — водица

Что они могут мой принц что могут?

1964 / 1965

ЛЕХ КОНОПИНСКИЙ

(р. 1931)

Лех Конопиньский — поэт-сатирик, много сделавший для осовременивания традиционной польской «фрашки» (краткой сатирической максимы).

Краткие стихотворения Конопиньского — как бы поэтическая транскрипция польской городской сме-

ховой культуры послевоенной эпохи. Этим стихи могут шокировать поэтического или морального пуриста, — но такова была жизнь в условиях послевоенной деморализации и разрухи. А смеховая культура, как известно, — одна из предпосылок исторического выживания народов.

Rok'n'rollista z Maroko...

Рок-н-ролист из Марокко,

вздыхая глубоко-глубоко,

глаз не спускает с окон...

С каким упоением сам бы

сплясал он фокс или самбу...

Бедная жертва рока,

бедная жертва Рока —

заезжий танцор из Марокко...

1950-е гг. / 1960

Расписание

В понедельник —

ухитрился выпить без денег.

Во вторник —

четвертинку дернул.

В среду —

шарахнул к обеду.

В четверг —

душа заправки просит:

в четверг вечером иду к Зосе.

Суббота-воскресенье —

пир да похмелье!

А вот пятница —

исключается:

читаю лекцию в средней школе.

Тема лекции:

«О вреде алкоголя».

1950-е гг. / 1962

ЕЖИ ХАРАСЫМОВИЧ (1933–1999)

Ежи Харасымович — один из выдающихся польских поэтов второй половины прошлого века. Лирик по преимуществу. Тонкая и певучая лирика зачастую оттеняется элементами самоиронии, стремящимися как бы снизить, «обыграть» и замять столь свойственное лирическим поэтам искушение нарциссизма.

Образы леса, пейзажей и истории юго-восточной Польши (в частности, и обезлюдившей после Второй мировой войны Лемковщины, этой разрушенной людьми «страны красоты — kraju łagodności»³⁴, придает поэзии Харасымовича особый колорит. А таинство леса — этого, по словам поэта — «зеленого абсолюта», — несомненно, от Лесьмяна...

Хокусай

Который год
в одежде
от старости истонченной
в одежде пропыленной
блуждаю по лесам
словно Хокусай

Который год
влагой золотою
влагою лесною
всё рисую удлинённые глаза
летних вечеров

Но
тот ли настой тягучий
омытый кровью вишневой —
моя смолистая влага?

Который год
рисую я подсолнух
пропетый воробьями

Но
тот ли настой тягучий

• тот ли закат осенний
• стекает каплями воска
• на золотой подсвечник?

• Который год
• о лес
• отче мой и владыко
• рисую твои вершины
• в венце шумящей листвы

• Но
• как настой тягучий
• пахнут осенние буки —
• неужто они твои?

• Всё как будто по-твоему —
• и дым горьковато-синий
• и слезы твоих дождей
• растекшиеся
• по ветвям

• Но
• не настой ли тягучий —
• воздух
• осенних дней?

• 1961 /1962

ЗБИГНЕВ СТИШАЛКОВСКИЙ (род. 1933)

• *Збигнев Стишалковский — поэт и скульптор. Отец его был расстрелян в Катыни. Сам будущий поэт воспитывался в приютах, свои «университеты» начинал с ремесленного училища и с работы в цеху. Получил искусствоведческое образование в Люблинском католическом университете. Тема сиротства — личного, национального, универсального — и тема тоски по отечеству земному и Небесному — стержневые темы в поэзии Стишалковского.*

Катынь

напрасно ты стучишься в стволы деревьев
 умерли деревья давным-давно вместе с ними
 и в листве следы их ищешь ты напрасно
 давным-давно опал кровавый багрянец
 еще прежде самого убиенья
 телá их были спрятаны сокрыты
 и на каждом дереве
 на травинке каждой
 поставлен был светильник молчанья

но мы забывать — не в праве

возводил их на Голгофу
 автобус черный
 им стреляли в затылки
 с методичностью фашистской
 каждому — по отверстию — по алой звезде
 и эта звезда
 вовек не погаснет над Польшей —
 так зачем же безмолвствует она
 зачем не взрывается гневом
 в небесах холодных России?

кого-то расстреляли чуть ли не нагого
 кто-то сумел проглотить пуговицу мундира
 прежде чем в ров опуститься смертный
 кому-то —
 наверное трижды обреченному смерти —
 руки проволокой скрутили
 а кто-то сумел зажать зубами
 ладанку родовую
 чтобы в конце концов привела она его в Отчизну

а кому-то из живых мишеней —
 под грудю тел —
 смерть досталась в рассрочку
 воистину —
 каталог безыменных тел
 и каждое — словно бы исторической сноской —
 помечено алой звездю
 и вся эта свалка тел в лесу белорусском —
 лишь малая доля в расходных журналах войны
 но женщины оплакивающие их — всё еще живы

и всё еще жив поэт
 что оплакивает отца родного
 которого
 выволокли на рассвете
 в одной рубахе босым
 листопады апелляций безмолвных
 под плитами могил Неизвестного солдата
 черными пальцами записаны местá постоев
 и сама совесть
 обязывает посылать в бесконечность
 тысячи апелляций безмолвных
 только Тому
 Кому разрешить прошения наши под силу —
 Господу нашему Богу
 и нужно
 чтобы трав белорусских покровы —
 эти святые целования смерти —
 стали бы Трапезою Пасхальной
 и сливались бы православные песнопенья
 с легкими взлетами пуховыми аллилуйи польской³⁵
 нужно
 чтобы белой скатертью прощенья
 убелились польские мундиры³⁶
 отче мой — да будет тебе упокоение Господне

Lublin 1989 / 15.11.2011

ЛУКАШ ПЕРКОВСКИЙ

Лукаш Перковский — поэт и музыкант. В стихотворении, приводимом ниже, явно прослеживается музыкальный, сонатный характер композиции.

Свеча

Когда стечет последняя капля воска
 и всё вокруг обойдется тьмою —
 сам не ведаешь чем охватит твою душу
 и что́ за слова́ с губ твоих сорвутся

когда стечет последняя капля надежды
и всё вокруг одиночеством обойдется —
горечь горькая овладеет душою
и болью жгучею заклеится сердце
а в устах — полуслышное бормотанье

когда стечет любви последняя капля
и всё вокруг тебя гневом обойдется —
ярость охватит твою душу
а из уст — выплеснутся проклятья

• а уж как стечет последняя капля веры
• и всё вокруг тебя хаосом обойдется —
• сам не ведаешь чем охватит твою душу
• и что за слова с губ твоих сорвутся
•
• когда стечет последняя капля воска —
• всё вокруг обойдется тьмою
•
• 18.07 — 30.08.95 / 11.05.2002
•
•
•

РЕСПУБЛИКА ПОЭТОВ:

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Самое уместное дело — добавить к поэтическому сборнику поэтическое же послесловие. Послесловие о республике поэтов.

На мой взгляд, полноправные граждане этой республики — не только сами поэты, но и их вдумчивые и благорасположенные читатели³⁷.

Ибо какая же поэзия — без читателя? Более того, я писал в одной из своих книг, что поэзия всегда предполагает (предполагает в самой себе!) некоего адресата: сам процесс поэтического труда, или, по Пушкину, — «пламень труда»³⁸, предполагает акт воздвижения поэтом в самом себе адресата: читателя-собеседника.

А кто же «пан президент» в этой республике, одна из неотъемлемых областей которой — польская поэзия вкупе с огромным массивом ее русских переводов? — Толком не знаю, да это и едва ли важно. Может быть и Мицкевич, и Норвид, и Стафф, и Броневский, и Милош... Для меня, скорее всего, — мой старший современник Леопольд Стафф... — Но это едва ли важно. Поэзия свободна в своих предпочтениях. Главное, что мы находим друг друга в пространствах общей нашей республики.

... а нынешнюю ночью снилось мне,
что я живу в республике поэтов,
которая повсюду и нигде...

Примечания

¹ Полный текст сборника польской поэзии «Перстень изумрудный...» в переводах Е.Б. Рашковского на сайте «Вестника Европы» <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/a-collection-of-polish-poetry.html>

² «Так надень свой перстень изумрудный...» — Константы Ильдефонс Галчиньский.

³ Господи, помилуй! (греч.).

⁴ Пушкин, «Послание цензору».

⁵ Имеются в виду особые тележки для курдюков, подпругаемые к овцам и баранам. — Е.Р.

•
•
•
•
•⁶ “La guerre de Darius, fils d’Histaspes” («Военная экспедиция Дария, сына Гистаспа»). — Прим. Трембецкого. Однако речь, скорее всего, не о Дариевых слонах, но о костных останках мамонтов, которые ныне экспонируются в краеведческих и природоведческих музеях Украины. — Е.Р.

•
•
•⁷ Имеется в виду участие крымско-татарских, а также и турецких войск в Украинско-польской войне на стороне Хмельницкого (1648-1651); последние проявляли особую жестокость не только в отношении поляков и евреев, но и в отношении украинцев. — Е.Р.

⁸ “Turc, qui nous communiquait la peste” («Турки, которые за- несли нам чуму»). — Прим. Трёмбецкого.

⁹ Екатерина II. — Е.Р.

¹⁰ Имеется в виду ликвидация правительством Екатерины гайдамацкого движения на Украине и Крымского ханства. — Е.Р.

¹¹ “Pontos Ahenos appelè ensuite Euxinos” («Неприятное море стало позднее называться Гостеприимным»). — Прим. Трёмбецкого.

¹² “Ordessa est le vrai et ancien nom; aujourd’hui Odessa” («Ордесса — имя подлинное и древнее; ныне — Одесса»). — Прим. Трёмбецкого.

¹³ Подробнее об этом (и вообще — шире — о проблеме «Пастернак и Словацкий») смотри в статье: Рашковский Е. Б. К самопознанию поэта: польская дворянская романтическая культура в поэтическом логосе Бориса Пастернака // Польская культура в зеркале веков. — М.: Материк, 2007. С. 399-401.

¹⁴ См. Мф 5:9.

¹⁵ По всей видимости, Норвид имеет в виду евангельскую Притчу о блудном сыне (Лк. 15:11 — 32). Возвращение в Дом отчий невозможно насильем: только с искренним сердцем и по доброй воле.

¹⁶ Заглавие оригинала: “Laur dojrzały”. — Е.Р.

¹⁷ В древних Афинах голосовали, бросая гальки в сосуд: белые — за, черные — против. Отсюда и нынешнее русское выражение — «подбросить черный шар». — Е.Р.

¹⁸ В этом стихотворении — несомненная переключка с непере-водимым, как мне кажется, стихотворением Юлиуша Словацкого «Автору Трех псалмов». Для Словацкого, человеческий дух — некий «вечный революционер», пронизающий собой и перекрывающий отъединенность и страдания наших индивидуальных существований. Да и само начало стихотворения сознательно отсылает нас к «Гимну» Словацкого: “Smutno mi, Boże...” — Е.Р.

¹⁹ *Jastrun M. Wstęp // Staff L. Wybór poezji.* — Wr., etc.: Osolineum, 1963. S. XXXVI.

²⁰ В майский день 1957 г, уже немощный и больной, уничтожив личные бумаги и юношеские записные книжки, поэт ушел из своей варшавской квартиры. Ушел, чтобы умереть в домике старого друга, у которого некогда, после разрушения гитлеровцами Варшавы, нашел приют, — у скромного приходского священника А. Боратынского в местечке Скаржиско-Камённая. Тадеуш Ружевич заметил, что миниатюра «Толстой» — последнее слово Стаффа о самом себе перед уходом в Скаржиско-Камённую (см.: *Jastrun M. Op. cit. S. XXXVI*). Исход из земной жизни для поэта — воссоединение с недосказанным, Вечным.

²¹ “Paramount” — одна из голливудских кинофирм.

²² В оригинале — mister Dupson.

²³ Как полагают некоторые комментаторы, стихотворение, скорее всего, навеяно творчеством композитора Кароля Шимановского. Мне не хотелось бы фантазировать, но, как мне кажется, возможным музыкальным прообразом этого стихотворения могла послужить Соната для скрипки и фортепьяно.

²⁴ На мой взгляд, одна из вершин переводческого мастерства Броневского — есенинский «Пугачев»

²⁵ Броневский Вл. Два голоса, или Поминование / Поэзия. Проза. — М.: Этерна / Вахазар, 2010. — 906 с.

²⁶ У этого стихотворения — глубокая автобиографическая подоплека. В сентябре 1939 г. Броневский идет добровольцем в Войско Польское. В январе 1940 поэт по грязному навету был арестован советскими «органами» во Львове. Намаялся в советских тюрьмах и лагерях, а затем — через Среднюю Азию — был направлен на Ближний Восток в составе польских частей генерала Андерса. Горестный опыт пребывания на «родине мирового пролетариата» в сочетании со страшными вестями из Польши, оккупированной гитлеровцами, смутное чаяние будущего возрождения родины — всё это и обусловило содержание и тональность стихотворения «Мавзолеем Тамерлана».

²⁷ Здесь используются при переводе уже прочно вошедшие в нашу словесность переводы из позднего Мицкевича, принадлежащие Владимиру Галактионовичу Короленко («Над водным простором...») и Вере Клавдиевне Звягинцевой («Отялились мои слезы, лучистые, чистые...»). — Е.Р.

²⁸ *Гомолицкий Л. Н. Владимир Слободник // Гомолицкий Л. Н. Сочинения русского периода. Т. 3.* — М.: Водолей, 2011. С. 225.

²⁹ Разумеется, по западной пасхалии. См.: blogslowieni-i-swieci.blog.pl/id,586813,title,SwFaustyna-Kowalska,index.html?..

³⁰ «Кукла» — намек на знаменитый роман Болеслава Пруса. — Е.Р.

³¹ Намек на речения из Нового Завета (Лк 11:5-8, Откр 3:20) — Е.Р.

³² Перевод осуществлен по изданию: *Wojtyła K. Poezje i dramaty.* — Кр.: Znak, 1987. S. 95-97.

³³ Последние слова Гамлета в шекспировском оригинале: “The rest is silence”.

³⁴ О малоизвестной историком, не говоря уже о широкой публике, трагедии Лемковщины см.: G. Motyka. *Od Wołynia do akcji “Wisła” // Więź. W-wa. 1998. # 3 (473) / S. 109-133.*

³⁵ В католическом богослужении экстазический возглас «Аллилуйя!» (евр.: халелу Йа! — «хвалите Господа!») отменяется от начала Великого Поста до Пасхи. Так что возглас этот является знаком облегчения, знаком катарсиса, знаком Пасхальной радости. — Е.Р.

³⁶ Опять-таки — литургический символ. В дособорном католическом богослужении перед Евхаристической трапезой алтарная преграда накрывалась белой скатертью. — Е.Р.

³⁷ Конечно же, в этой республике — как и во всяком царстве-государстве — есть не только законопослушные граждане, но и свои преступники: халтурщики, претенциозные недоучки, недобросовестные толкователи, сикофанты... Но речь — не о них.

³⁸ «Разговор книгопродавца с поэтом». Четыре десятилетия спустя это же словосочетание — не знаю, какими судьбами — появилось в Первом томе «Капитала» Карла Маркса.

Перевод Евгения Рашковского ● ● ●

© Перевод: Е. Рашковский

Пять польских поэтов

(в переводах Игоря Белова)

СТАНИСЛАВ БАРАНЧАК (1946–2014)

— польский поэт, переводчик, эссеист. Крупнейший представитель «новой волны» в польской поэзии 60-х, видный переводчик с английского, немецкого и русского (в частности, поэзии Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского; с последним Баранчака связывала многолетняя дружба). Активный участник польского протестного движения, член «Солидарности». После введения в 1981 году в Польше военного положения эмигрировал. Преподавал в Гарварде. Скончался 26 декабря 2014 года в Ньютоне (США).

На одном дыхании

На одном дыхании, одной скобкой дыхания, закрывающей фразу, одними скобками ребер вокруг сердца, сжимающегося, словно кулак, словно невод вокруг скользких рыб выдоха, на одном дыхании закрыть всё и закрыться во всем, одной верткой стружкой пламени, соструганной с легких, опалить стены тюрем и втянуть их пожар за костяные прутья грудной клетки и в башню трахеи, на одном дыхании, прежде чем подавишься

• кляпом воздуха, загустевшего от
• последнего вздоха расстрелянных
• и дыхания теплых стволов и пара
• от еще дымящейся на холодном бетоне крови,
• воздуха, в котором твой голос не то раздается,
• не то разлагается, глотатель шпага,
• холодного оружия, бескровных, но до крови
• ранящих гортань скобок, в которых,
• как сердце между ребрами, как рыба в сетях,
• трепещет фраза, заикающаяся на одном дыхании
• до последнего вздоха

• * * *

• «Зайди, но ненадолго», —
• из ледяных квартир
• предложит втихомолку
• никчемный этот мир.
• Мы не толклись при входе,
• врывались, как сквозняк.
• Мы не толклись при входе,
• врывались, как сквозняк.
• Мы на минутку, вроде —
• казалось бы, пустяк.
• Уйти же не выходит,
• да и не знаешь, как.

Мы храбро замерзаем
на сходке биомасс.
Так рад гостям хозяин,
что стынет кровь у нас.
«Вам хорошо, коллега?» —
нам не хватает слов.
«Вам хорошо, коллега?» —
нам не хватает слов.
Здесь у зимы аптека,
клыки бродячих псов,
наркоз шального снега
и новолунья шов.

Открыть бы дверь, без шуток,
в невидимой стене.
Две третьих части суток
в снегу, а треть во сне.
Здесь нами правит нежить
и холод вековой:
все карты побережий
солгали нам с тобой.
*Дыхание всё реже
под коркой слюдяной,
и пахнет воздух свежий
морозом и бедой.*

Нас кто-то в шар стеклянный
со снегом поместил,
тут блески над поляной
танцуют, что есть сил.
Мы в королевстве грусти,
мороз зажмет нам рот —
он вдоха не пропустит,
и выдох не пройдет.
*Мы в королевстве грусти,
мороз зажмет нам рот —
он вдоха не пропустит,
и выдох не пройдет.
И выдох не пройдет.*

Гражине¹

Помнить о сигаретах. Пусть будут всегда под рукой,
чтобы сразу в карман их сунуть, если за ним придут.

Помнить наизусть правила, касающиеся передач
и свиданий.

Владеть искусством принужденной улыбки.

Одним холодным взглядом гасить вопль
полицейского,
спокойно заваривать чай, когда они роятся в ящиках.

Из лагеря или больницы писать письма — всё, мол,
в порядке.

Столько сноровки, такие навыки. Я серьезно.
Хотя бы для того, чтобы они не пропали,
наградой за всё это должно быть бессмертие
или, как минимум,
его неудачная версия — жизнь.

Смерть. Нет, это ерунда, слышать об этом не хочу.
Ты решала вопросы и посерьезней.
Если я кем-то и восхищался, то как раз тобой.
Если что-то и было постоянным, то как раз это
восхищение.

Сколько раз я хотел тебе это сказать. Не получалось.
Стеснялся пробелов в словарном запасе и микрофона
в стене.

А теперь слышу, что поздно. Нет, не верю.

Ведь это всего лишь небытие. И как же «ничто»
может встать между нами? Назло запечатлю навсегда
эту черточку на радужке, эту морщинку в уголке губ.
Ладно, я знаю, ты не ответишь на мою последнюю
открытку.

Но я буду винить в этом кого-то реального,
почтальона, авиакатастрофу, цензуру,
не небытие, которого, согласишься, не бывает.

XI–XII 1982

¹ Стихотворение посвящено Гражине Куронь (1940–1982) — польской диссидентке и правозащитнице, активистке движения «Солідарность», жене Яцека Куроня (1934–2004), известного деятеля оппозиции в ПНР (здесь и далее прим. пер.)

* * *

Антенн и труб сплошная каша,
облитый заревом восток —
всё это с нами, в сердце нашем,
как дыма желтого глоток.

Пусть мы на пароходе белом,
но даже теплые моря
не перебьют, такое дело,
тот горький выхлоп декабря.

Пошли нам бриз, морская бездна;
и вздох перехвати
во сне,
давно знакомое нам место,
и желтый дым, и черный снег.

*Пошли нам бриз, морская бездна,
а вздох
нам перехватит снег:
мы четко знаем свое место,
мы четко знаем свое место
и желтозубый его смех.*

19.12.79: Чистыми руками

Пальцы молодого лейтенанта службы безопасности,
который в комиссариате на вокзале перелистывал
извлеченные из моего багажа рисунки

Яна Лебенштейна²,

то и дело глядя на меня с укоризной,
не оставили на бумаге никаких следов.

Странно.

Не то чтобы я ожидал увидеть следы крови, разводы
пота, грязь

или хотя бы жирные пятна, которые, кажется,
оставлял на страницах книг

великий вождь и учитель, любивший читать за едой:
работа молодого лейтенанта службы безопасности
чиста,

сам он дипломированный юрист
с навыками личной гигиены, усвоенными
в культурной,
интеллигентной семье.

И всё же
естественней было,
если б на наших стихах, дневниках, рисунках, мозгах
эти пытливые потребители современного искусства
оставляли, хотя бы на память,
свой неповторимый (папиллярные линии!) след;
особенно когда они спасают их от неминуемой гибели
одной небрежной фразой:
«Ну ладно,
так и быть,
это можем не конфисковывать».

29.12.79: Снег III

Напрасно ты здесь разлегся на сантиметр целый —
тебя уберут и вывезут, хоть ты и бледнее мела,

и ты уже точно не будешь слоями своих белил
с гордостью намекать, что небом ты послан был

сюда, где от тяжкой работы сознание мы теряем,
и стал нашим падшим ангелом-хранителем-вертухаем

собьем, как с окурка пепел, мы хлипкую твою спесь
чтоб ты нам глаза не мозолил — мол, вот он я, в белом
весь

мы с грязью тебя смешаем, гори себе со стыда
к земле тебя приравняем, а к облаку — никогда

и ты не посмеешь больше уже никому напеть,
что наша гибель страшнее, чем белая эта смерть

² Ян Лебенштейн (1930–1999) — польский художник-сюрреалист, известный своей гротескной визионерской манерой.

БОГДАН ЗАДУРА (р. 1945)

– польский поэт, прозаик, эссеист, переводчик с русского, украинского, английского и венгерского языков. Главный редактор «Твурчосци», одного из старейших польских литературных журналов. Автор более двух десятков поэтических книг, среди которых: «В пейзаже из амфор» (1968), «Маленькие музеи» (1977), «Старые знакомые» (1986), «Проявленные снимки» (1990), «Тишина» (1994), «Кашель в июле» (2000), «Птичий грипп» (2002), «Курган крота» (2002), «Всё» (2008), «Ночная жизнь» (2010), «Воскресение птички (стихи и сны)» (2012), «Точка над i» (2014). Видный популяризатор современной украинской поэзии в Польше, автор антологий переводов венгерской и украинской поэзии. Живет в Пулавах и Варшаве.

Поглаживая Эйнштейна

посмотрим правде в глаза, младенцы
вы и впрямь отвратительны и степень родства

ничего не изменит И это один из многих примеров
того

что жестокая теория безотносительности
неопровержима

и это в таких относительных плоскостях как эстетика
С учетом доступа к секретам и тайнам

наши спецслужбы собираются
просеивать личную жизнь

трех миллионов граждан Больше солнца
больше света и сформировавшихся зрелых фруктов

у кого есть сад тот знает что это работа
которая не кончается никогда

сейчас я думаю о Свободе
ведущей народ на баррикады

знамена знаменами
но главное всё-таки груди

такова уж твоя природа,
о аллегория

скажем себе раз и навсегда
хорошо иногда оказаться в чужой голове

но при мысли о серой субстанции наполняющей
самый
прекрасный из всех ящиков Пандоры мне становится
дурно

с понедельника я не чищу зубы
это может выдать меня

с понедельника я не пишу метафизических стихов
пусть специалисты просеивают творчество Венцеля с
Келером³

позвонил Павел и с гордостью сообщил что здоров
вот только сделался вялым как старый валенок

я хотел было ответить мол по голосу слышно
но прикусил язык

я знаю твою тайну Азор тебя должны были звать
Эйнштейном но такое имя ребенку не выговорить

Я знаю твою тайну Делакура
свобода ведет народ под дулом пистолета вот она
сзади

Что-то мне снилось я думал что слышу свой крик в
тебе

а это была всхлип бензопилы неизвестного мне
садовника

³ Войцех Венцель (р. 1972), Кшиштоф Келер (р. 1963) — польские поэты, эссеисты и литературные критики, известные своими ультраправыми взглядами.

Поэт говорит с народом

Пока нет лучших книг — меня читает двор.

А. Мицкевич

Уже неделю он не разговаривает со своим сыном
(было бы у него больше детей
то уж если не с этим
наверняка разговаривал бы с другим)

Уже месяц он не разговаривает с тещей
(хорошо что у него их не две
поскольку не разговаривает он
лишь с одной)

Уже шесть месяцев он не разговаривает со своим
издателем
(издатель обанкротился и занялся
разведением павлинов и попугаев)
Могло быть и хуже

ведь дочки фрейлины все же в порядке
на молодежь вообще нет повода жаловаться
ксероксы работают директрисы домов культуры
улыбаются и шлют поцелуи

У него много времени
так что мог бы уже поговорить с народом
вот только народ должен
избрать какую-то делегацию

Или дирекция телевидения
должна этим заинтересоваться

Или нужно было бы взять каких-нибудь заложников
и требовать эфирное время
в качестве выкупа (время — деньги)

Но ведь кто-то же должен
отдать народу последние почести

Хоть он и не умеет играть на трубе
нет у него ни винтовки ни даже барабана
это его профессиональная обязанность

В конце концов это его старшие коллеги по перу
однажды сотворили
этот народ (и его, не считая биологических
родителей)

Так кто как не он должен отдать ему
последний долг

(А ведь раньше казалось
что всегда будет наоборот)

Телекоммуникация

Есть такие люди благодаря которым начинаешь
чувствовать
что кое в чем преуспел
Беседуешь с ними планируешь что-то на месяц вперед
и вот уже нет времени размышлять есть ли в жизни
какой-либо смысл
И неважно что потом ты думаешь Боже
как же они наивны невинны слепы А есть и другие
те что перекрывают весь кислород так что даже нет
сил истерически крикнуть
да отвалите вы сил уже нет В моей жизни не больше
смысла чем в вашей

Что бы это ни значило живешь всегда на поверхности
Если и опускаешься
на глубину то лишь за тем чтобы зачерпнуть легкими
воду
и создать проблемы спасателю он хочет как лучше
но вынужден вызвать у тебя рвотный рефлекс иначе
жизнь обратно тебя не примет а ему не продлят
контракт
на следующий сезон а это единственный охраняемый
пляж в этих местах

А это был единственный трамвай Из этого городка в
другой
и не слишком симпатичные окрестности хотя городок
вполне сошел бы за американский
если бы можно было представить себе трамвай в
американской глубинке

Час на кольце в ожидании потом полчаса езды и два
 часа пешком
 через поля и леса где на лицах уже не лежит печать
 безработицы и мордобоя

Это были первые за много лет светлые и сладкие
 черешни и вот интересно
 выросло ли что-нибудь из косточек которые
 выстреливались пальцами Вряд ли
 Они остались лежать словно тасуемые по карманам
 колоды магнитных карт
 на железнодорожных вокзалах иных городов и
 местечек из которых ни у кого
 не вышел пасьянс В лучшем случае путеводитель
 Какой-то последний импульс
 словно пузырек воздуха в легких утопленника
 Припоминание о долге

Даже если это отчаяние подписывает векселя и
 долговые расписки
 и ты уже знаешь что отправишься в путь без того
 рюкзака
 ибо всё заберет судебный исполнитель сначала
 отбирая у предметов цвета
 эти слезы в оправе смеха подвижны словно шарики
 ртути
 так что к чертям стеарин и ты улыбаешься
 красным облезлым пластмассовым сиденьям
 скрежещущего трамвая
 мерзким ромам пассажиров а также водителю

С кем я только не спал

не спал с матерью Терезой
 не спал с сестрой Фаустиной
 не спал с Иолантой Квасневской

и если бы я должен был сказать
 читательницам вашего замечательного журнала
 всю правду

это интервью никогда бы не закончилось

ПЕТР МИЦНЕР (р.1955)

– польский поэт, писатель, эссеист, переводчик,
 театровед, заместитель главного редактора жур-
 нала «Новая Польша». С 1991 г. — член общества
 «Мемориал». Автор 12 поэтических сборников,
 а также ряда работ о польском самиздате, фило-
 софах и поэтах русской эмиграции, Катынском
 расстреле и сталинизме. Живет в Варшаве.
 В настоящей подборке представлены переводы сти-
 хотворений из книг «Дом под сознанием» (2008),
 «Точка» (2011), «После точки» (2013).

В музее

Было
 было
 было
 и кому мешало?

Перемена мест

1.
 Слово стало
 телом
 тело голодно
 тело жаждет
 тело руководит
 Слово не сожалеет

2.
 Столик и зеркало
 Ты говоришь: я кладу ключи на столик под зеркалом
 но зеркало уже висит в другом месте
 и ты говоришь: я кладу ключи на столик
 под зеркалом которого нет
 и глядя в зеркало не говоришь:
 вот зеркало под которым я не кладу ключи

3.

дневник написанный в обратном порядке
никуда не ведет

ты рассыпался в разговоре
нить сама себя перерезала
мое начало погрузилось в нас
про запас
stihija stichła w stichie

Пост

Боги не съедают жертв
мы не съедаем жертв
никто не съедает жертв
продолжается траур
жертвы съедают нас

в сухом горле
язык взбивает черную пену

Lupus Domesticus

он сидит
на кухне

смотрит на Луну
в окне
и воет

лопнула лампочка
и не стало Луны

это просто свет отражался в стекле

и все же он был
на Луну

и был волком

пока был

***

В Поти

Искорка над черным
морем

искорка танцует
перед грозой
переливается

пишет на песке

пальцем:

ПОЭЗИЯ

море

пытается надпись смыть

но у него слишком короткий язык

смывает ПОЭЗИ

Я остается

МАРТИН СВЕТЛИЦКИЙ (р. 1961)

– польский поэт, прозаик, вокалист рок-группы «Świetliki» («Светлячки»). Принадлежит к дебютировавшему в конце 80-х годов «поколению брульона» (по названию литературного журнала). Автор девятнадцати книг стихов и трех книг прозы. С группой «Świetliki» выпустил пять долгоиграющих альбомов. Лауреат многих литературных премий, в том числе премии «Гдыня», премии им. Георга Тракля. Живет в Кракове. В подборке представлены переводы стихотворений из книг «Холодные страны» (1992), «Схизма» (1994), «37 стихотворений о водке и сигаретах» (1996), «Третья половина» (1996), «Возврату подлежит» (2001), «Сломанный» (2003), «Музыка сердцевины» (2007), «Один» (2013).

Польша

И когда мы стоим рядом перед складом с оружием, и от нас несёт нашими снами.

И когда в кинотеатре она касается меня мокрым пальцем, чтобы я знал, что она плачет.

И когда второй дуб в саду продаётся, и я получаю за него свою долю.

И когда сержант орёт на меня *ах ты сука*, а я бледнею, говоря с ним одним лишь взглядом.

И когда я — призрак Центрального вокзала, бродячая нечисть в неоновых огнях.

И когда она суёт мне в рот свой треугольный язык, не соглашаясь на большее.

И когда мама в который раз говорит *кажется, мне только снилось, что у меня был сын*.

И когда они дерутся на площади Рынок, на улице май, а я спокойно смотрю по ТВ фильм *Easy Rider*.

И когда зимним утром мы входим с Ясем на мол в Сопоте.

И когда я прихожу в себя в больнице, и в эту минуту по радио звучит *Norwegian Wood*.

И когда на свадьбе старшей сестры вдруг пропадает младшая — я сажусь в такси и еду её искать.

И когда отключают свет, а мы садимся за стол, зажигаем свечи, болтаем.

И когда я падаю в колодец в Сандоже, смотрю в небо со дна колодца и смеюсь.

И когда Рыжий фотографирует нас на Казимеже в последний день апреля.

И когда она идёт со мной через мост, она прекрасна, дует холодный ветер, она прекрасна.

И когда мне приходит письмо от старшей сестры, письмо, в котором говорится о моём лицемерии.

И когда я вижу, как пьяный прапорщик стреляет в часового — это всего лишь секунда.

И когда мы собираемся пойти на «Санаторий под клепсидрой», но тут как раз вводят военное положение.

И когда она уезжает после первого визита, а я нахожу её туфли, рыжий волос на свитере.

И когда я получаю телеграмму от Петра *если хочешь поговорить приезжай можешь переночевать*.

И когда мы женимся в пустом Дворце бракосочетаний в присутствии двух свидетелей.

И когда я смотрю на международный экспресс, стоя в рабочем комбинезоне, в августе 80-го.

И когда моя жена выступает на митинге против закона о запрете абортгов.

И когда я пытаюсь закурить сигарету, как Богарт, и не очень-то получается.

И когда мы идём с ней не спеша, шаг за шагом, и я чувствую, как напряжено её тело.

И когда умирает мой дед, а я украдкой расписываюсь гвоздём на гробе.

И когда я читаю говённый правый журнал «Молодая Польша», и мне даже не смешно.

И когда эта идиотка говорит, что ей нравятся мои стихи, в особенности один.

И когда заседает Сейм и я слышу всё это по радио в парикмахерской —

им кажется, что у них есть свой поэт.

А я делаю ироничную горькую паузу, выдавливаю ухмылку

и торжественно отрекаюсь.

***

Посмертная корреспонденция

Итак, в какой-то степени я не был тебе верен.

Мир существовал, а это отвлекает. Я просыпался и жил, двигался, ел, разговаривал,

пил вино и играл в людские игры, ездил

поездом и позировал перед камерами, отвлекался, прости.

Итак, в какой-то степени я не была тебе верна,

чем-то была занята в других городах, с другими людьми, кроме тебя, у меня были времена года,

животный мир, деревья, войны, дети, большое

жизненное пространство. Лишь теперь я останусь с тобой,

прости.

И теперь всё будет? Ничего не будет.

Шляпы и крыши, кроны деревьев, высоты,

шоссе и железнодорожные пути, реки —

всё расплывается перед твоими глазами.

Я позволила себе
кое-что дописать на твоей открытке,
прости.

Касабланка

Нелюбимый не предаёт.
Нелюбимый бродит,
звеня в кармане
никчёмным ключом.

Из подворотни выглядывает старик,
подозрительно похожий на Богарта.
«Целюсь прямо в твоё сердце, сынок!» —
«Ты же знаешь, это у меня самое нечуткое место».

В соседней подворотне нашли
семидесятилетнюю Мэрилин Монро.
Она только и успела прохрипеть:
ПУ ПУ ПИ ДУ.

«Кто вы по национальности?»
«Пьяница.
Внебрачный сын
Богарта и Мэрилин Монро.
Это я
убил Лору Палмер».

И довольно об этом.

30 апреля 94

Ещё вечер, ещё Польша не сгинула в сумерках.
Ещё апрель, но уже в темноте притаился май.
Есть ещё водка, полезная, сладкая, с привкусом
драмы.
И остался язык — язык остаётся всегда.
Даже трупы как-то ещё ворочают языком.
И ещё остаётся прошлое, бывшие встряски
и горести, что вспомнились только сегодня,
прилетевшие из вчера, пожелтевшие, тёплые,
сладкие, мягкие, липкие. Кругом одни
прилагательные.

Среди них — личное имя существительное,
что в срочном порядке, с каждой секундой
приходит в себя.

Враньё

Брылевскому

Лжёт рассвет.
Лжёт алкоголь.
Лжёт саксофон.
Троллейбус лжёт.
Большое предательство.
Большое предательство.
Мы остались одни.

Мёртвые только
не лгут.

К.

Сегодня мне пришла повестка.
Государство хочет, чтобы я вдруг явился
в соответствующее учреждение.
Государство не просит, государство требует.
Ведь не дождёшься, чтобы
государство просило,
государство требует.
Но я же умер,
я умер.

Я не ходил голосовать
за высших чиновников.
Сам виноват.
Не получал от государства талонов
на водку, сигареты и гречневую крупу.
Не получал облигаций госзайма.
Сам виноват.
Признаюсь, однако,
что нелегально пользовался
общественным транспортом
и услугами почты.
Но я же умер,
а мёртвые сраму не имут.

Иногда по привычке
я бреюсь, борода ведь растёт
и у мёртвых.
Иногда про привычке
вхожу в разных женщин,
могу сделать кому-то ребёнка,
но родятся одни лишь
бастарды-призраки.
Я умер.

Бывает, пишу стихи
и знаю — подобная деятельность
наносит ущерб государству.
Если повестка связана с этим,
оправдываться не стану.
Мертвецам ли оправдываться?
Если мёртвые представляют
угрозу для государства,
если их тоже можно наказывать,
то так тому, очевидно, и быть,
я не могу умереть ещё раз...

Вступление к ночи

По земле бродят тени
– серые, они светлее, чем земля,
которая безвозвратно темнеет,
угли костра,
минута, когда мужчины
встают, чтобы его погасить,
женщины отворачиваются,
угли шипят,
что-то движется по земле, днём и ночью,
это последний очаг сопротивления,
который остыл,
удерживая свет.

Утром

Вчера ночью небо должны были осветить
обломки хвоста погибшей кометы.
Но в таком тумане ничего не было видно,
кроме тусклых огней супермаркета.

• В последнее время
• всё кажется каким-то нечётким.
• Придёт конец света,
• повздыхает и уйдёт.

Сюрприз

• Снег сойдет, зима растает,
• оживет весной река.
• И покойник, дорогая,
• выйдет из снеговика.

• Что досель укрыто было,
• повсплывает налегке.
• К нам весна придет. Как мило —
• труп в снеговике!

Вычеркнутое посвящение

• Славный денек, хотя всё обратилось в руины,
• и те, с кем я говорю, окопались в прошлом,
• а вчерашнее солнце освещает всё это,
• но славный, однако, денек, ясный и абсолютно
• несуетливый, прошлое явно не настроено
• на забвение, прошлое ярко тлеет,
• тлеет с неслабым блеском, земля, погруженная
• в радость последнего света, закусон, запивон,
• затычка, и всё время входят-выходят
• герои этой жизнерадостной драмы.

И Мартину спокойной ночи

• Есть у меня ну разве что домофон.
• Правда, выключенный.
• И ношу я его в кармане.
• Так что со мной можно связаться.
• И это не ты исчезла. Это я потерялся.
• Не задирай нос.

Наступила зима. По-быстрому прячусь
внутри снеговика.

ЯНУШ ДЖЕВУЦКИЙ (р. 1958)

– польский поэт и литературный критик. Редактор отдела поэзии литературно-художественного журнала «Творчосць». Автор семи поэтических сборников, четырех сборников критических эссе, а также книги прозы «Жизнь на бегу». Живет в Варшаве.

Варшава в тумане

Конец ноября, декабрь налегает на весла,
отступают дожди, морозы уже на подходе,
как в прошлом году, в колодцах вода замерзла,
окно в ледяном белье, по последней моде.

В Лазенках листва попадала замертво,
озябший тополь к ели пушистой льнёт,
на востоке тлеет холодное зарево,
воробьиное сердце рвется в тайный полёт.

В такие дни денег совсем не жалко
на армейскую куртку и банку с русской икрой,
вчерашие новости ждет городская свалка
и «Легия» не вдохновляет скучной игрой.

По Новому Свету едут верхом чьи-то тени,
Млечный путь стекает на шоколадный торт,
вдоль крепостной стены несется глухое пение,
в очередь в кинокассу пристроился Харрисон Форд.

И я отдаю себя воздушным потокам этим,
ночью бунтует Висла и спать не дает земле,
а я ничего не чувствую, только поёт южный ветер,
и, наклонившись на бок, Варшава тонет во мгле.

Колодец

Художники
и поэты
встречаются
возле
колодца.

Их лица
всегда
упрямы,
а вода опять
ядовита.

А рядом
летают голуби.

Садятся людям
на плечи.

Художники
и поэты
встречаются
возле
колодца.

И ждут.

Кто-то
из них
еще ждет.

Ты — моя единственная тайна

С книги, лежащей передо мной,
я стряхиваю хлебные крошки. Вот и весна,
хотя деревья еще поводят плечами
в сверкающем инее. Когда я остаюсь один
в темной комнате, видно, как на ладони:
ты — моя единственная тайна, доставшаяся
мне. Нет никого, кроме
тебя. И хотя кажется иногда,
что кроме нас ничего нет, ни лжи,
ни правды, ты явишься нам, слабым,
неблагодарным и подлым,
спокойной молитвой
ветхих
крестов.

Арканджело Корелли. Саксонская каденция

Осень приходит всегда слишком рано,
ржавыми письмами в желтых конвертах,
в окраинном парке голые статуи,
опираясь о ветер, играют на скрипках.

Из бездны молчания льются звуки,
юный бродяга скулит в подворотне,
хриплый щебет схватился за ветку,
горьким плачем пытаюсь разжалобить вечер.

Деревьям под кожу врывается холод,
и белая кровь под корой струится,
мертвые пчелы в мертвых фонтанах
разложили полный загадок пасьянс.

По крыльцу монастырскому бродит инок,
старик без лица в перепачканной рясе,
он грызет свой молитвенник скороговоркой,
и холодное эхо тает в стенах костела.

Нищий замерзший ищет, где спрятаться,
котомка его в ненасытных прорехах,
крысы ныряют в ущелья помоек —
вкушать с господских столов обеды.

В придорожном трактире расселись евреи,
отрешенно глядят на коптящее пламя,
то и дело стих выпадает из книги,
медленно сидр остывает в кувшине.

Осень приходит всегда слишком рано,
ржавыми письмами в желтых конвертах,
в окраинном парке голые статуи,
опираясь о ветер, играют на скрипках.

Бруно Ясенский. Заговор равнодушных

Перестань дышать с последним ударом сердца.
Запрети дыханию драться до последней капли крови.

Найди подходящее, безболезненно убивающее
слово, единственное слово, кроме молчания; надежду,

которой не скроешь, даже если ты веруешь в ангела
Сибири, на самом деле знаешь не намного больше;

ничего ты не видел, ничего ты не помнишь.

Идут сердечным приступом стихи твои на рекорд.

Изабела Мейза
Витольд Шабловский

наша маленькая ПНР

Полгода в трешке с шестимесячной завивкой, усами и «малюхом»

(Фрагменты из книги)

Нашим родителям, которые в серые восьмидесятые подарили нам яркое детство

*«Кто не скучает по Советскому Союзу, у того нет сердца.
Кто хочет вернуть его обратно, тот лишился ума».*

В. Путин

*«Изменилось и место, и время, и я приблизился к тем краям земли и к тем эпохам истории, которые влекли меня
более всего. Я обитал в краях столь же отдаленных, как те, что созерцают по ночам астрономы».*

Генри Дэвид Торо

Перед нами мужчина и женщина с ребенком. Не слишком толстые, не слишком худые, он бритый налысо, у нее волосы зачесаны за уши.

Они стоят в одних трусах, мы видим их как на экране компьютера, со стороны, они словно вращаются вокруг своей оси. Вообще-то это мы сами, но при этом мы создаем их заново.

Сначала он. Меняем белье, трусы-боксеры долой. <...> Только трусы мужские поп-игон, только белые, одного размера, одного фасона, сшитые тридцать лет тому назад.

Потом джинсы. Но не всякие там *wrangler, levi's* и т.д. и т.п. Нет. «Варёнки», привезенные в большом мешке из Турции, выторгованные у таможенника, обдуваемые всеми ветрами на мазовецких базарах, купленные за деньги, заработанные халгурой. И куртку еще в придачу, у которой рукава отстегиваются, и тогда она превращается в жилетку, и пятна на ней такие специальные, под мрамор. Под куртку рубашку, тоже поп-игон, пусть попотеет. Забираем дезодоранты и любимые гели: для бритья, после бритья, под мышку, для ванны — все забираем, оставляем только серое мыло и одеколон «Brutal».

Ему бы кроссовки Adidas. Но перебьется. Хватит с него кожаных сандалий. И махровые носки в придачу. И пусть так в город выйдет, пусть его разглядывают, пусть он почувствует себя, как те, что годами ходили в таких сандалиях и носках, как те, чьи головы были так заняты строительством коммунизма, что о задрипанных сандалиях и носках им и думать было некогда.

Усы сделаем ему рыжие, пусть почувствует себя мужчиной, пусть смотрит по утрам в зеркало и думает о Валенсе, Пилсудском, Яне III Собеском. Волосы пусть отращивает. Лысеет? Ничего, лысину пусть длинной прядью прикроет. Бакенбарды тоже годятся.

Теперь ее черед. Шестимесячная завивка, дешевая блузка. Пусть ворчит. Пусть пашет с утра до ночи, на работе, с ребенком, шмотье пусть стирает, полы моет, а потом еще и суп пусть варит и второе. Пусть полы моет серой тряпкой из старой ночной рубашки и в очередях стоит за туалетной бумагой. И пусть этой бумаги ей пару раз не достанется. Пусть почувствует, что значит два часа стоять и не купить.

Амбициозная? Еще лучше. Мы с нее спесь-то собьем. Работать любит? Любит потрендеть о развитии и карьерных перспективах? Марш к кастрюлям! Пусть возьмет отпуск по уходу за ребенком, сидит дома, в одной кастрюле кипятит пеленки, во второй варит варенье, а в третьей суп, потому что муж вернется голодный и закатит скандал. Потом пусть ему тапочки принесет, а он возьмет газетку, включит радио, усядется поудобнее и будет думать, какой он важный. Ну прямо директор.

Ребенка немножко жалко. Взрослые с ума посходили, это еще понятно. Но эта двухлеточка? Ничего, наряжаем ее в кофточку х/б и марлевый подгузник. Может, быстрее горшок освоит. Бананы отбираем, и апельсины, и шоколад. И капиталистические игрушки, которые так чудесно играют и поют. Взамен держи, малышка, кулек изюма и старые плюшевые игрушки. Соргу, все претензии к родителям. То есть к нам.

Теперь берем эту троицу и отправляем ее в середину лета 1981 года. Пусть постоят в очередях, пусть без электричества посидят, пусть лопаются от злости. Привыкли ценить каждую минуту? Вот и считайте эти минуты, когда они у вас сквозь пальцы ускользать будут. Так они тогда и ускользали. Вся жизнь, бывало, ускользала.

<... >

Пусть помучаются. Пусть узнают, каково было их родителям. Получилось бы у них детей растить? Знали бы они, какие ценности им прививать? Сумели бы объяснить, что нет фруктовых соков и леденцов, нет йогурта с маракуйей и мандаринов? Смогли бы они дружить без телефонов и электронной почты? И, пожалуй, главное: а их друзья смогли бы?

Ну что, готовы? Тогда вперед.

(Из главы «Припудрить Ленина»)

<... >

— ПНР? Вообще-то, их было несколько, — говорит нам Р., бухгалтер на пенсии, которого хлебом не корми, дай поговорить о тех временах. — Сразу после войны, когда Берут¹ еще балдахин носил за примасом на праздник Божьего тела, чтобы затем начать войну с Католической церковью и перекраивать Польшу на советский манер, — это одна история. Унылый Гомулка² — другая. Отдающий капитализмом Герек³ — третья. Полудиктатура Ярузельского⁴ — четвертая. Все это совершенно разные эпохи. Вам нужно выбрать одну из них.

¹ Болеслав Берут (1892–1956) — польский партийный и государственный деятель, первый президент ПНР. — *Прим. перев.*

² Владислав Гомулка (1905–1982) — первый секретарь ЦК ПОРП в 1956–1970. — *Прим. перев.*

³ Эдвард Герек (1913–2001) — первый секретарь ЦК ПОРП (1970–1980). — *Прим. перев.*

⁴ Войцех Ярузельский (1923–2014) — польский военный и государственный деятель, министр обороны Польши (1969–1983), первый секретарь ПОРП (1981–1989), премьер-министр ПНР (1981–1985), председатель Государственного Совета ПНР (1985–1989). В 1981 году ввел военное положение и интернировал многих оппозиционных лидеров, при этом выступал против ввода советских войск на территорию

Долго думать нам не приходится. Мы выбираем последнюю. Именно при Ярузельском наши родители были примерно на том же жизненном этапе, что и мы: обставляли квартиру, покупали первую машину, рожали детей, находили друзей на взрослую часть жизни. Именно генерала Ярузельского мы с Изой помним как зловещего солдата в темных очках, но какого-то нестрашного: невероятное количество цветных орденов у него на груди на меня, ребенка, производили неизгладимое впечатление. Время его правления мы вспоминаем как самое счастливое детство на свете. С турниками, штаб-квартирами в кустах, домиками на дереве, коллекционированием пивных банок и прочих ярких упаковок, рассказами о странах, в которых «если что-то ломается, то сразу выбрасывают» (у нас это в голове не укладывалось). Так что ответ очевиден: выбираем восьмидесятые.

— Ну хорошо, — говорит Р. — Только правление Ярузельского тоже было разным. Карнавал «Солидарности». Потом военное положение. Эти события в календаре отделяют лишь несколько месяцев, но в головах людей это как несколько десятилетий. Впрочем, у военного положения тоже были разные оттенки: вначале полная безнадежность, потом немного прояснилось, до визита папы в 1983-м. В 1985-м в Москве к власти пришел Горбачев, началась перестройка, а у нас — последние попытки реанимировать социализм.

И здесь уже загвоздка. Должны ли мы выбрать конкретный год? Разве нельзя просто сказать: «мы постараемся восстановить восьмидесятые» — и всем все станет ясно?

Увы, Р. не знает снисхождения.

— От года к году все могло измениться, — говорит он. — В ходу были карточки на совершенно разные продукты. В разное время разные товары привозили контрабандой из ФРГ, и разные товары возили отсюда. Разную мебель покупали в квартиры, в разной длины очередях за этой мебелью стояли.

— Он прав, — соглашается Иза. — Нам нужно выбрать год...

Допустим. Но какой?!

В 1980 году в Польше дефицитными считаются 80% продовольственных товаров, поляки половину жизни проводят в километровых очередях за самыми простыми вещами, в Москве проходит своя (бойкотируемая Западом) Олимпиада, а на польском побережье зарождается «Солидарность» — самое массовое, независимое от власти движение Сопротивления против коммунизма, в которое за несколько месяцев запишутся десять миллионов поляков.

В 1981 году уже семьдесят тысяч человек пытаются купить дачный участок (в четыре раза больше, чем культовый автомобиль «малюх»), турок Мехмет Али Агджа стреляет в Иоанна Павла II (к счастью, пуля проходит в миллиметре от важнейших органов, и папу удается спасти), мир следит за свадьбой британского принца Чарльза с прекрасной Дианой Спенсер, а на берегах Вислы продолжается карнавал «Солидарности», то есть невероятный всплеск национального энтузиазма. В декабре генерал Ярузельский сворачивает карнавалу шею, введя военное положение.

В начале 1982 года ПНР-овский сейм утверждает военное положение. Януш Пшимановский, автор «Четырех танкистов и собаки», чуть не кричит с трибуны, что оппозиция готовила списки членов партии, которых нужно повесить на фонарях.

В каждом году происходит что-то необычное. Каждый стоит того, чтобы внимательнее к нему приглядеться.

— Я знаю! — говорит Иза. — Давай попробуем восстановить то, что было ровно тридцать лет назад!

<...>

Если мы перенесемся в то время, нас ждет несколько месяцев карнавала «Солидарности», карточки на мясо, талоны на «малюх», и наконец военное положение. Словом, ПНР во всей красе.

Мы смотрим с Изой на свои записи, на цветные бумажки, уже разлетевшиеся по всей квартире, и нам обоим понятно без слов: это именно то, что нам нужно.

Польша. — Прим. перев.

Когда наша дочка Марианна засыпает, мы берем очередной листок бумаги и выписываем все, с чем у нас ассоциируется ПНР.

— У меня она ассоциируется с супердетством в Гибах, на границе с Советским Союзом, — говорит Иза.

— У меня со школьным харцерским⁵ отрядом «Красные божьи коровки», — говорю я. — Я еще успел помахать флажком на первомайской демонстрации. Мне было восемь лет, годом позже вся система развалилась к чертям.

— Маловато воспоминаний, — беспокоимся мы оба.

— К счастью, живы многие свидетели эпохи! — замечает жена, и с тех пор мы мучаем всех знакомых и родственников расспросами о ПНР. Что было главным в то время? Что было сутью эпохи?

Тут-то и начинаются проблемы.

— Главным была плохая одежда, — говорит А. — Если вам самим не довелось поносить все эти *non-iron*, если вы в них сами не попотели, то ни за что не поймете, о чем речь.

— Плохая одежда?! — возмущается И. — Да люди никогда так хорошо не одевались. Конечно, многие ходили в обносках, но ведь и сегодня многие так ходят. Кто хотел, тот шил вещи у портного. И благодаря этому у людей была красивая одежда по фигуре. Не то, что сегодня, все в трех размерах.

— У меня ПНР ассоциируется с унижением, — говорит П. — Каждый, у кого было хоть чуточку власти, начинал издеваться над другими. Совсем как в эксперименте американского социолога Филипа Зимбардо, который поделил участников эксперимента на заключенных и надзирателей и с ужасом обнаружил, что надзиратели начали по-настоящему мучать заключенных. В то время продавщицы издевались над клиентами, чиновники над просителями, цензоры над писателями, а каждый вшивый начальник издевался над подчиненными. Слова «моббинг» тогда не знали, но значение его было хорошо известно.

— Да ладно! протестует А. Не знаю, кто такой этот Зимбардо, но тогда люди были очень доброжелательны. Иначе и быть не могло, потому что все друг от друга зависели. Продавщица выбрала тебе хороший кусок мяса, а ты в следующий раз пропустил ее в очереди к врачу.

Кому верить? Кто прав? Люди спорят по мельчайшим деталям, дают нам противоположные ответы. Чем дальше, тем хуже:

— Еда была ужасная, вспоминает М. — Колбаса успевала позеленеть, прежде чем ее домой донесешь, рыба уже с моря приезжала несвежая.

— Что, еда плохая?! Да это сейчас еда плохая! — Ф. не может прийти в себя от возмущения. — Тогда не было пластиковых упаковок, не было усилителей вкуса в колбасе. Молоко день стояло и скисало. А сегодня колбаса может полгода пролежать в холодильнике, а молоко пять лет, и ничего им не случается.

— Люди постоянно куда-то торопились, — вспоминает Й. — Половина дня на работе, вторая половина в очереди. В банк, в магазин, за папиросами, за какими-нибудь документами. Абсурд какой-то. Люди были вечно уставшие, и все равно ничего не успевали.

— А я вот все успевала, — не соглашается А. — Времени хватало с избытком. Можно было взять отпуск, и не было чувства, будто что-то упускаешь. Больше такого уже никогда не было.

Все объясняет Зузанна Грембецкая, антрополог из Варшавского университета: «Образов ПНР столько, сколько их авторов».

Один из участников дискуссии о ПНР, которая состоялась в девяностые годы на страницах журнала «Tygodnik Powszechny», уточняет: «Каждый, кто успел пожить в Народной Польше, будет спорить с оценкой политиков и историков, будет смеяться над обобщениями, будет возмущаться похвалами, будет подвергать сомнению слова критиков. Каждый из нас лучше знает, как тогда было».

⁵ Союз польских харцеров — польская скаутская организация. — Прим. перев.

< ... >

Так что же нам делать? Как достоверно реконструировать реалии жизни в ПНР, зная, что этих ПНР было тридцать восемь миллионов. Как это реконструировать, если даже об очередях один наш знакомый говорит, что провел в них полжизни, второй — что стоял лишь изредка, а третий — что стоять в очередях вообще было не нужно, вместо этого нужно было правильно договариваться с продавщицами.

— Это как раз самое простое, — говорит Р., который уже настолько увлекся нашим персональным строительством ушедшей системы, что отыскал несколько своих тетрадей с записями того периода. — Вам нужно построить ВАШУ маленькую ПНР. Таковую, которая у вас наверняка бы была, родись вы на двадцать лет раньше.

В точку! Маленькая ПНР людей с нашими возможностями, нашими эмоциями и нашими ограничениями. Попробуем представить себе, что было бы, окажись мы на месте наших родителей. И что было бы, доведись нам нынешним жить в совершенно иных декорациях. Жизнь обычных людей в ПНР, о которых история обычно умалчивает и которых — как и в капитализме — больше всего волнуют вовремя оплаченные счета, благополучие детей и возможность время от времени съесть бутерброд с колбасой.

(Из главы «Волосы на лице»)

< ... >

В ПНР усы обладали значением политическим. Вот как Ежи Эйслер описывает декаду Герека: «Со временем появилась — также импортированная с Запада — мода на бороды и усы. И хотя сегодня это звучит абсолютно несерьезно, это тоже было своего рода сопротивление. Я бы не стал относиться к этому легкомысленно. В диктаторском государстве отличия во внешнем виде, одежде, речи и т.п. исподволь создавали трещину в монолите, ведь все утверждалось сверху <...>. Индивидуализм не приветствовался».

Правда, Яцек Курчевский обращает мое внимание на то, что в 1980-е усы любили носить сотрудники органов безопасности, тем не менее все члены свежизбранного в июле 1981 года Политбюро ПОРП гладенько выбриты. Борода есть только у краковского ученого Хиеронима Кубяка.

Другое дело оппозиция. Там все ходят с заросшими лицами: бороды, усы и бакенбарды. Причины могут быть самые прозаические: у правящей верхушки есть возможность купить бритвы, у подчиненных — не всегда. Как бы то ни было, если верить профессору Эйслеру, отращивание волос на лице автоматически ставит меня на сторону оппозиции. Трудно представить себе более легкий путь оказаться с правильной стороны баррикад. Тем более что с перспективы 2011 года я хорошо знаю, какая сторона оказалась правильной.

Я беру в руки бритву, намазываю помазок и сбрываю все, оставляя лишь усы. Потом смываю с лица остатки мыла, вытираю лицо полотенцем, смотрюсь на себя в зеркало. Рыжие волосы сверкают у меня под носом как броня. Я чувствую себя мужчиной. Я чувствую себя сильным. Чувствую, что стоит мне захотеть, и я могу кому-нибудь врезать.

Но я не хочу. Вместо этого иду показаться жене.

< ... >

О том, каким значением обладают в Польше усы, свидетельствуют результаты сравнительного исследования, проведенного несколько лет назад журналистом журнала «Wprost»: «С момента обретения независимости из девяти глав польского государства (включая последнего президента в изгнании) усы были у шестерых. Для сравнения: среди сорока четырех лидеров США усы были только у трех. Последний усач покинул Белый дом в 1913 году. С 1948 года ни один политик с усами всерьез не претендовал на Белый дом». Судя по всему, на Западе усы ассоциируются с отсутствием гигиены и неопрятностью.

У меня же в ПНР усы ассоциируются с настоящими мужчинами. Правда, дальше автор статьи в журнале «Wprost» приводит данные, от которых у меня учащается сердцебиение: «Из результатов исследования, про-

веденного в 2007 году центром Pentor Research International SA по заказу компании Gillette, следует, что лишь 4 процента полек любят целоваться с усатыми мужчинами, в то время как 70 процентов предпочитают гладко выбритых мужчин, а 7 процентов — трехдневную щетину». Тем не менее я решаю не обращать на это внимания и следовать традиции, подарившей полякам Владислава Ягелло, Юзефа Пилсудского, Збигнева Бонека и Леха Валенсу.

<...>

(Из главы «Страдать нужно уметь»)

<...>

Когда-то люди не просто стояли вместе в очереди и жаловались. У них был общий враг: продавщица.

— Для меня, кормящей матери и домохозяйки, которая целыми днями охотится за куском мяса, мир делился очень просто. На тех, кто стоял за прилавком, и на тех, кто стоял перед ним, — рассказывает мама подруги. — Те, что стояли перед прилавком, могли быть хорошими или плохими, могли даже жульничать. Но нас объединяла перспектива пустой кастрюли. А вот за прилавком стоял враг. Тот, который у нас и наших детей кусок изо рта вырывал, чтобы себе чужки достать или еще что-нибудь.

<...>

— Тогда я искренне верил, что продавщицы — причина всех моих страданий, — со стыдом рассказывает Олек Гавлик. — Теперь мне это кажется странным, но все мы купились на государственную пропаганду. И все мы верили, что во всем виноваты какие-то неведомые спекулянты, а не идиотская система и идиоты из правящей верхушки.

После краха ПНР все резко поменялось. Из полубогинь продавщицы превратились в службу, которой велено улыбаться, во всем угождать клиенту и не приносить свои личные проблемы на работу. И которой теперь не приходится рассчитывать не только на чулки или шоколад, но и на доброе слово.

— Исполнители ролей у прилавка поменялись местами, — рассказывает Анна Рожек, продавщица магазина готового платья на пенсии, мама нашей подруги. — Более того: те клиенты, которые еще два года назад первыми летели подкупать нас шоколадкой или гвоздикой, вдруг стали самым невежливыми. Словно они хотели отыграться на нас за всю ПНР. Люди часто обвиняют продавцов во всем плохом, что есть в магазине. Хуже, когда они начинают кричать на нас за все, что им в жизни не удалось. Попадают и те, кто целыми днями получают нагоняи от шефа, жены, свекров, а вечером идут за покупками и хоть на продавщицу поорать. Ну что же, в капитализме всем нам пришлось многому научиться.

В лучшем случае продавщицам пришлось просто научиться улыбаться. Менее удачливым пришлось засунуть свое чувство достоинства в карман и, по сообщениям СМИ в девяностые годы, научиться надевать памперс на восьмичасовую смену.

Директора магазинов до сих пор отпираются, но проблема существует до сих пор, от этого никуда не деться. В 2010 году в одном из супермаркетов в Пясечно кассирша описалась, потому что начальница не позволила ей выйти в туалет.

В худшем случае работникам торговли пришлось переквалифицироваться.

Например, пани Ядвиге с запада Польши. Бывшую заведующую мясным магазином незадолго до развала ПНР обвинили в растрате и уволили, а при капитализме она стала... «мадам» в ночном клубе.

(Из главы «Страдать нужно уметь»)

«В ПНР ни у кого нет времени на психотерапию, потому что мы все время бегаем по магазинам. Зато американцу, который проводит в супермаркете пять минут, приходится ходить к психиатру, потому что ему скучно».

Янина Ведель

«Сегодня сложно себе представить магазин без очереди», — пишет в мае 1981 года журнал «Przyjaciółka» («Подружка»). Похожие выводы делает психолог Збигнев Чвартош, проводивший в очередях свои исследования: «Как-то раз я послал своего (пятилетнего на тот момент) сына за петрушкой в один из близлежащих овощных киосков. В окно я видел, как он быстро бежал, гордый доверенным ему поручением. Покрутившись возле овощной лавки, он с плачем вернулся домой.

— Почему ты плачешь?

— Потому что я не купил петрушку.

— Почему?

— Потому что не было очереди».

Очереди казались чем-то настолько само собой разумеющимся, что без них невозможно было что-то нормально купить!

Но очереди были не во всех магазинах.

— Иногда их вообще не было, — пенсионерка Марта Попшецкая, в ПНР бухгалтер в предприятии заграничной торговли, качает головой. — Но это были такие магазины, которые затоваривали раз в месяц...

— Что с ними делали, простите?

— Ну, завозили товар. Помню один такой магазин с кожгалантереей в Мокотове⁶. Каждый день мимо него проходила. На витрине лежали красивые сумки, кошельки, портфели. Но это была лишь витрина. Внутри сидели скучающие продавщицы: одна ковыряла в зубах, вторая пила кофе, третья с унылым видом смотрела в окно. Как-то раз я зашла туда, потому что мы собирались с мужем в Париж, и я хотела купить дорожную сумку. Продавщицы посмотрели на меня так, будто я с луны свалилась. Им казалось странным, что кто-то входит в магазин кожгалантереи и интересуется, можно ли купить сумку. В конце концов одна из них соизволила ответить, что, мол, узнавать надо. А в то время это могло значить только одно: все сумки отложены родственникам и знакомым. Так что были и магазины без очередей. Но стоило кому-то шепнуть, что где-то «выбросят» какой-то товар, там сразу же вырастала очередь. Очередь была хорошим знаком. Раз есть очередь, значит, что-то выбросили. Значит, будут продавать.

В восьмидесятые годы люди проводили в очередях по полдня. Стояли за всем: хлебом, мясом, мебелью, бензином, туалетной бумагой, березовым соком, мылом, стиральной машиной, телевизором.

— Я состарилась в очередях, — сетует мама нашей подруги. — Когда мы с мужем были в первой десятке в списке за стиральной машиной, то несколько ночей спали у магазина, а в последний момент какой-то проныра сумел пролезть перед нами.

— Моя семья стояла несколько недель, чтобы купить мебельную стенку и кресла, — вспоминает однокурсница Марта. — Мама шла на работу, ее сменил папа. Папа работал во вторую смену, его сменил дедушка. А я после школы носила им бутерброды и чай в термосе. Дедушка, учитель со стажем, возглавлял комитет очереди. Именно он каждый день отмечал присутствующих. Большой начальник. Если кого-то не было, он его вычеркивал. Я помню, что очень дедушкой гордилась и обещала себе, что когда я вырасту, тоже стану начальником очереди.

Мы переглядываемся с моей ПНР-овской женой, и нам кажется страшным, что у ребенка могла быть такая мечта. Я вспоминаю друга, которого после пяти часов, проведенных в очереди за хлебом, рвало от усталости.

⁶ Район Варшавы. — Прим. перев.

Иза — очередь в магазине в Гибях, в которой она, четырехлетняя девочка, стояла полдня, чтобы уже у прилавка ... забыть, за чем стояла.

— Одно из моих худших детских воспоминаний, — она вздрагивает от одной только мысли об этом.

Без очередей наша маленькая ПНР не будет настоящей. Но как быть, если очереди исчезли из нашей жизни, как коллекции заграничных банок и бутылок исчезли из наших гостиных, Людвик Варыньский⁷ с банкноты в сто золотых, а слова о вечной дружбе с Советским Союзом — из нашей конституции?

И тут нам в голову приходит безумное решение: мы решаем сделать вид, будто очереди не исчезли вовсе.

Для нас главное в очередях — это бесконечная трата времени. В 2011 году время — важнейший капитал, которым обладает человек. От правильного распоряжения часами и минутами зависит, какое образование мы получим, какой вуз закончим, какую найдем работу и наконец, какую нам будут платить зарплату. В капитализме время материализовалось: оно смотрит на нас глазами Мешко Первого с банкноты в десять золотых. Или нескольких Мешек Первых, если повезет.

В ПНР время материализовалось намного конкретнее: в виде куска колбасы, вырезки, ветчины. А если потратить еще немного времени — в виде стиральной машины, мебели или паркета.

За покупками я отправляюсь в Гроховский универсам и стою перед ним полтора часа. С секундомером в руке я каждые две минуты продвигаюсь вперед на два метра — по нашим с приятелем подсчетам, именно таков темп среднестатистической очереди за мясом в ПНР.

Внезапно как из-под земли передо мной вырастает низшее звено охранных служб капитализма — охранник.

— Запрещается распивать спиртные напитки на территории магазина, — рявкает он.

— Нет-нет! Я просто так стою, — оправдываюсь я.

— Здесь нельзя стоять, — охранник не сдается.

— Как это нельзя? Это общественное пространство, каждый может здесь стоять!

Охранник оглядывается по сторонам, а потом цедит сквозь зубы:

— Проваливай! Здесь уже стояли одни такие, а потом магазин ограбили!

Мне не терпелось узнать подробности, но охранник был явно не настроен на беседу. Впрочем, стоять с таймером под магазином оказалось бессмысленно. Можно измерить потраченное впустую время, но нет того, что было в очередях главным: их общественной роли. Люди плачивались, знакомились, становились друзьями, объединялись против пройдох, которые пытались пролезть без очереди.

— Мой друг со своей будущей женой познакомился в очереди за мясом, — рассказывает нам мама нашего друга. — Я со всеми соседями познакомилась в очередях. А сегодня даже не знаю, кто живет подо мной.

После приключения у универсама нам приходится немного скорректировать наши планы. Не будем изображать очереди — будем стоять во всех настоящих. Согласно принципу Марты Поппецкой: «Есть очередь? Значит, что-то выбросили». Итак, в нашей маленькой ПНР мы стоим:

— четырнадцать минут на рынке в Грудзёндзу за, как выяснилось, бесплатным энергетическим напитком;

— двадцать две минуты на вокзале Варшава–Центральная за билетами на поезд во Вроцлав;

— восемь минут на рынке на площади Вашингтона в какой-то исключительно популярный хлебный ларек.

Увы, такое стояние в очередях мало что дает. Конечно, мы понимаем, сколько времени тратили наши родители на такие простые вещи, как покупка хлеба или мяса, но мы не находим в этих очередях даже тени общественной жизни.

— Люди уже не умеют стоять, — жалуется учительница на пенсии из Мокотова. — Раньше в очереди люди узнавали, что происходит в стране и за границей. Споры велись об экономике, футболе, политике.

— О политике? — переспрашиваю я, потому что восьмидесятые не ассоциируются у меня со свободными дискуссиями на эту тему. Да, конечно, это время «Солидарности», карнавала, борьбы за свободу. Но и пресле-

⁷ Людвик Варыньский (1856-1889) — польский социалистический деятель. — *Прим. перев.*

дований и вездесущих спецслужб. Войцех Ярузельский еще не большой старичок, которого таскают по судам, а генерал в темных очках, который вот-вот введет военное положение. Люди другого генерала, шефа МВД Чеслава Кищака, проводят налеты на квартиры людей, связанных с оппозицией.

— Говорить, что думаю, я боялась в школе, — учительница машет рукой. — Там всегда кто-то доносил. Но очереди для меня — это настоящий свободный обмен мнений. Да, приходил иногда один такой, и все говорили, что он гэбэшник и донесет обо всем, что мы расскажем. Но я даже при нем говорила, что думаю, и последствий не было. Что я думала? Да то же, что и все! Что Ярузельский хочет нас голодом заморить. Я это говорила совершенно открыто. Сегодня хуже: в магазинах все есть, но никто не разговаривает. Молодые втыкают в уши наушники, и каждый стоит в своем мире. Даже о времени неловко их спрашивать. Когда-то мы стояли вместе. Сегодня каждый стоит сам по себе.

(Из главы «Галстук мужской и серна на льду»)

< ... >

В сентябре я еду во Вроцлав на Европейский конгресс культуры, приуроченный к председательству Польши в Европейском Союзе. Я отправляюсь туда в отцовском костюме, с усами и пятью килограммами лишнего веса, которыми я успел обрасти за несколько первых недель ПНР-овской кухни. Мне предстоит провести дискуссию на тему «Культура в действии».

Сложно найти ПНР-овское соответствие польскому председательству в Евросоюзе.

Зато вспоминается незавершенный Конгресс польской культуры, который начался тридцать лет назад и должен был дать ответ на вопрос, в каком польская культура находится состоянии. Конгресс — первый за четверть века — был назначен на 11 декабря в конференц-зале Дворца науки и культуры в Варшаве. «Я столкнулся с мнением, что конгресс будет напоминать концерт корабельного оркестра на борту «Титаника», — говорил на открытии Ян Юзеф Щепанский⁸. — В этом сравнении есть доля правды. Однако нужно расширить метафору: наш корабль проходил через много штормов, испытал драматические катастрофы, и если он и дальше удерживается на плаву, то в значительной степени благодаря упорству оркестра».

Несмотря на упорство оркестра, Конгресс завершился быстрее, чем начался: 13 декабря 1981 года, в день введения военного положения, его участники увидели на дверях карточку «Конгресс отменяется». Я думаю об этом, когда слушаю речи политиков, открывающих Конгресс, на сей раз европейской культуры.

Дискуссия, на которую я приглашен модератором, идеально вписывается в ПНР-овский контекст, поскольку касается роли культуры в революциях в Египте, Тунисе, Ливии и других арабских странах, но нам нужно втиснуть все в рамки беседы о роли культуры в нашей революции восьмидесятых годов прошлого века.

В дискуссии принимают участие:

- Гай Сорман — французский интеллектуал, бывший советник президента Ширака и Саркози, автор книг о переменах в Польше и арабском мире.
- Рашида Трики — профессор искусства в университете Туниса, написавшая в начале тунизской революции письмо властям с требованием освободить искусство от политических влияний.
- Ганзеер — египетский уличный художник, автор граффити на площади Тахрир, появившихся во время революции.

Сорман, вслед за Токвилем, говорит, что революции происходят не тогда, когда людям живется очень плохо, а тогда, когда у них пробуждается потребительский аппетит, но при этом они видят, что не смогут потреблять больше. Примером тому Польша после Герека и как раз Египет с Тунисом.

— Молодые египтяне вышли на улицу, потому что хотят новые айфоны, — говорит Сорман.

⁸ Ян Юзеф Щепанский (1919-2003) — польский писатель, эссеист, сценарист. — Прим. перев.

— Ничего ты не понимаешь в нашей революции! — возмущается Ганзеер. Он считает, что речь шла о человеческом достоинстве и о том, что люди были сыты по горло унижением. Я тоже не до конца понимаю механизмы революции в Египте, может, потому, что у нас в ПНР нет айфонов.

После дискуссии я встречаюсь с Ганзеером, чтобы поговорить о цензуре при Мубараке.

«У нас были очень интересные игры с цензорами, — рассказывает Ганзеер. — Однажды у меня была выставка во Дворце искусств. Инсталляция была нарисована на стекле, похоже на витражи. Изо рта у избранных людей высывались длинные языки, оплетая тело. Идея была в том, чтобы показать, что ничего в Египте не меняется, потому что мы в плену у языка. Мы даже боимся вслух произнести слово «перемены» или «революция». Но я подумал, что это слишком очевидно для цензора. Я долго думал и наконец придумал, что на входе я поставлю египетского мачо. Мужика с бородой, длинными волосами, увешанного печатками и золотыми часами. Я поставил его в углу, совершенного голого, с большим penisом на взводе. И цензор тут же прицепился к penisу. — Это что такое?! — кричал он. — Это недостойно Египта. Тогда я подумал, что страна, в которой нельзя даже пипиську показать, обречена. Мне хотелось смеяться. Но я часами с ним спорил, защищал penis, как нечто очень важное. Наконец мы договорились, что я penis прикрою. Но главное послание выставки, на мой взгляд, гораздо более важное и опасное для власти, прошло в неизменном виде».

Мне это очень напомнило рассказы польских писателей и журналистов о стычках с цензорами. Взять к примеру Барбару Лопенскую, которая в репортаже «Лапа в лапу» так писала о дрессировке тигров в цирке, что каждый читатель понимал: цирк — это страна, тигр — гражданин, а дрессировщик — власть. «Лучше всего живет дрессировщик в Советском Союзе. Там в каждом городе есть постоянный цирк. У них хорошие условия и с точки зрения дрессировки они на голову выше всех», — пишет Лопенская, а читатели смеются до слез.

— Должно быть, ужасно жилось в стране, где что бы ты ни прочитал в газете, скорее всего, это оказывалось неправдой, — говорит Иза, когда я возвращаюсь с Конгресса и рассказываю ей обо всем, — а если и правдой, то показанной единственно верным способом. Где ты не можешь доверять ни СМИ, ни журналистам, никому. Чему верить?

— Сплетням, — говорю я. И рассказываю Изе самые свежие сплетни, которые мы, как люди из ПНР, должны знать, потому что они кружили по польским улицам на рубеже семидесятых и восьмидесятых. Итак:

— дома у католического воеводы Грудзеня висят картины из Национального музея, а в самом музее висят копии;

— Анна Янтар⁹ не погибла в авиакатастрофе, ее за большие деньги продали арабскому шейху, а катастрофу инсценировали;

— в доме отдыха для правительственных чиновников в Арламове проводятся выступления голых негрятюнок;

— больной Леонид Ильич Брежнев жив только потому, что его лечат кровью польских новорожденных младенцев;

— в Польше нет ветчины, потому что вся она уезжает, прикрытая для маскировки углем, в Советский Союз.

— Вот ветчины кусочек я бы съела, — Иза вздыхает и забывает о сути разговора.

— Я бы съел копченую колбаску, — вздыхаю я.

— А я шоколадку с орехами...

— А я сникерс ... И суши ...

Первой опомнилась моя жена.

— Ну что же, всего этого у нас нет, — говорит она и встает с кресла. — Зато в холодильнике тебя ждут пызы с зажаркой. Подогреть или холодные съешь?

⁹ Анна Янтар (1950–1980) — известная польская певица. — *Прим. перев.*

(Из главы «На работе»)

«У всех здесь есть время, и все смирились с ситуацией <...>. Они хотят продержаться и дожить до пенсии. Очень мало людей, которые, несмотря на все, работают».

Рышард Капуцинский в беседе с Марекком Миллером.

— На работу? — заговаривает со мной в лифте пан Марек, и я грустно киваю головой: мол, куда же еще. Синяки у меня под глазами и серая кожа, неделями не выдавшая крема, должно быть, наводят его на мысль о некоем собирательном образе нужды и отчаяния.

— Что, опаздываете? — Пан Марек мне подмигивает, словно мы с ним вместе воровали сливы в саду ненавистного барина.

Вообще-то не совсем. У меня, как представителя свободной профессии, ненормированный рабочий график, и то, что сегодня мне нужно в порядке исключения приехать немного раньше, лишь напоминает мне о том, как я люблю свою работу. Я уже открываю рот, чтобы ему об этом сообщить, но вовремя прикусываю язык. Жаловаться на работу (и вообще жаловаться) в ПНР считается хорошим тоном, а если работу хвалить, это может быть воспринято как афронт. Поэтому вместо того, чтобы нахваливать свою работу, я глубоко вздыхаю. Этому я научился у старших коллег. Если еще возвести очи горé и горестно покивать — работает безотказно. Это значит: жизнь нелегка, мой дорогой сосед.

— И правильно, что опаздываете, — сосед благожелательно улыбается.

Наверное, он почувствовал во мне родственную душу прогульщика, и это сблизило нас больше, чем тонкая стенка между нашими квартирами.

— Я туда никогда вовремя не прихожу, — говорит он, понизив голос. — При капитализме нужно все тщательно просчитывать. Еще подумают, что мне это очень важно. Немножко опаздываю, кофейку выпью, и вот тогда можно уже приниматься за работу.

Этот подход мне так нравится, что как только сосед скрывается за углом, я достаю блокнот и записываю слово в слово то, что он сказал. Несколько дней спустя я читаю это моей ПНР-овской жене Ане, которая, как она сама о себе говорит, работает офисным гномом в прекрасном стеклянном небоскребе в центре Варшавы.

— Невероятно, как это в людях сидит, — Аня кивает. — Двадцать лет капитализма, а ведут себя как в ПНР.

— Ты о чем?

— В моей фирме польский, немецкий и шведский капитал. Белые воротнички, каждый прилично зарабатывает. Пока швед и немец сидели на месте, все работало как часы. Когда они уехали и остался только начальник-поляк, началось постоянное увиливание от работы. Простое дурацкое письмо некому подписать! Этот не считает себя компетентным, тот пьет кофе, а у бухгалтерши целыми днями голова болит, и она ни на чем не может сосредоточиться.

— Неплохо...

— Вот-вот. Но поговоришь с ними, и выясняется, что они страшно заняты. Я училась в годы плановой экономики. И знаете что? Невероятно, как большие корпорации ее напоминают. Всем плевать на работу, ведь она не их. Шеф виртуальный, еще виртуальнее, чем Герек или Ярузельский, потому что те хотя бы ежедневно выступали по телевизору, время от времени посещали предприятия, и на них можно было хоть где-то наткнуться, а о нашем самом главном начальнике я знаю только то, что он сидит в Швеции.

— А ты уверена, что это влияние ПНР? — мы недоверчиво покачиваем головами, потому что в последнее время наши знакомые в разговоре с нами все сравнивают с коммунистической Польшей. — Наверное, в каждой корпорации наступает такой этап...

Но Аня настаивает на своем диагнозе.

— За границей тоже есть большие корпорации. Но там люди не посвящают столько времени и сил увлечению от работы, как у нас. Я два года работала в Великобритании и знаю, о чем говорю.

Марек Гожковский, в восьмидесятые журналист местной газеты, затем таксист, а сегодня предприниматель, задумывается. Я спрашиваю его, что делать, чтобы было хоть немножко, как в ПНР.

— Может, тебе что-нибудь с работы вынести? Бумагу? Ручку? Конверты? Фломастеры? Тогда это было нормой. Строители крали доски, водители — бензин, поварихи — мясо. У знакомой учительницы я видел на полках половину школьной библиотеки. И так никто этого не читает, сказала она при виде моего удивленного лица.

Гениальная идея! Мы слышали много таких рассказов. О водителях автобусов и машин «скорой помощи», которые сливали бензин со своих служебных машин и продавали его налево (наш знакомый К., участник «Солидарности», покупал бензин у мужика, который был водителем в ЗОМО¹⁰). О работниках мясных магазинов, выносящих колбасу в штанах, и работницах, выносящих мясо под юбками. О библиотекарях, присваивающих библиотечные книжки. О типографских работниках, приватизирующих бумагу. О строителях, у которых к рукам прилипали доски, проволока и мешки с цементом. О поварихах, которые так делали котлеты, что у их семей всегда был бесплатный обед. Примечательный факт: почти никто не считал, что выносить вещи с работы — это воровство. Даже сегодня в этом контексте используют не слово «красть», а слово «достать».

— Как это возможно? — спрашиваю я у пани Зофьи, которая в ПНР работала на кондитерской фабрике и чей сын Марек, мой университетский приятель, вспоминает, что она приносила оттуда целые сумки шоколадных конфет.

— И вообще, правда ли это, пани Зося?

— Конечно, правда! Тогда никто не мог на одну зарплату прокормить семью. Государство нам плохо платило, так что никто себя и не корил. Я брала эти конфеты и несла врачу, чтобы Мачуся принял без очереди. Или продавщице в магазине одежды, чтобы она мне придержала чулки.

— А вы не думали, что это воровство?

— Воровала, уж простите, власть. У нас украли время, возможности, будущее. А мы только приспособлялись к ненормальной эпохе.

— А вы в этом исповедовались? — спрашиваю я пани Зося, увидев у нее четки.

— Нет, — она категорически не согласна. — Говорю вам, что это не было воровство. Все так считали. А когда началась Солидарность, тот, кто выносил что-нибудь с работы, ощущал себя практически оппозиционером. Потому что так мы русских с их властью ослабляем. Мой дедушка говорил тогда, что это точь-в-точь как при разделах Польши, тогда все считали себя обязанными плохо работать.

Эту двойную мораль прекрасно иллюстрирует сцена, описанная американским антропологом Янин Ведель: «Работник государственной фабрики вынес письменный стол, с тем чтобы его потом продать. Он оставил стол в фургончике возле дома, чтобы в нужное время перевезти покупателю. К его возмущению, стол пропал. Работник горестно жаловался соседям: «Люди нечестные и аморальные»».

Можно с этим соглашаться или нет, но фактом остается то, что у людей в ПНР был заключен пакт с властью, согласно которому власть делает вид, что платит, а человек делает вид, что работает (по крайней мере им казалось, что такой пакт существует). Но я-то работаю не на государственной службе, а в частной конторе. Как переключиться на ПНР-овскую культуру работы?

Марек Гожковский пишет мне несколько рекомендаций для ПНР-овского работника:

1. Плотнo обедай и не забывай о десерте — на его переваривание уйдет дополнительных полчаса.
2. Как только тебе дадут ставку, выходи на пенсию.
3. Если не можешь уйти на пенсию, иди на больничный.

¹⁰ Польская силовая структура времён коммунистической Польши. — *Прим. перев.*

4. Если врач не дает тебе больничный, подкинь ему сотню. Если он по-прежнему сопротивляется, поменяй врача.
5. Если кто-то увидит, что ты ничего не делаешь, и обратит на это твое внимание, театрально возмущайся. Если ты женщина, попробуй расплакаться.
6. Если ты чего-то не знаешь, не понимаешь или не укладываешься в сроки, делай вид, что ты очень занят/занята. Вообще выработай навык имитировать занятость.
7. Если кто-то пытается делать за тебя твою работу, не препятствуй!
8. Если кто-то пьет из твоей чашки, устрой скандал. Позвони шефу и в СМИ. Нужно отчетливо устанавливать границы.
9. Если заканчиваешь работу в шесть часов, помни, что ты должен быть готов/готова к выходу как минимум за полтора часа. Никогда (!) не засиживайся на работе позже своего шефа.
10. Время от времени выноси что-нибудь с работы.

Если кому-то эти пункты пригодятся в корпорации, это лишь доказательство, как хорошо живется хомо советикусу в капитализме. Увы, быстро выясняется, что в моем случае нелегко будет следовать заповедям пана Марека. Я работаю сдельно, поэтому меня не касаются пункты 1–7. Конечно, я могу подольше обедать или делегировать свои рабочие обязанности (читай: идеи репортажей) другим, но тогда я меньше заработаю. Или не заработаю ничего. То же самое случится, возьми я больничный. О пенсии даже думать не хочу. Во-первых, она была бы не очень большая, а в капитализме нас ждет ипотека. Во-вторых, вредное капиталистическое правительство усложняет полякам получение пенсии. Еще в девяностых на пенсии было 2,7 миллиона человек, в те годы абсолютный рекорд Европы.

Сегодня получить пенсию гораздо сложнее, она есть только у полутора миллионов соотечественников, а врачи очень жестко контролируют всех, кто хочет ее получить.

Мне пришлось бы чем-нибудь на самом деле заболеть, а этого бы не хотелось.

Что касается чашек, то я сам порой заимствую чашки коллег, потому что своей до сих пор не обзавелся. На работу я прихожу и ухожу, когда мне вздумается, так что пункт 9 тоже отпадает. Странная у меня работа. Слишком уж тут все по-западному, даже курить нельзя, так что мой хомо советикус не может расправить крылья.

Остается только 10-я заповедь. Хм, вот только с приходом кризиса в моей редакции забыли о цветных фломастерах и даже конвертах с пузырчатой пленкой. Стибрить-то нечего! Может, хоть немножко бумаги?

Бумага бы нам с женой пригодилась. Я могу подкрасться, открыть принтер и попробовать вытащить бумагу. Но... как-то неудобно. Принтер стоит прямо возле лифта, прямо возле секретариата руководства. Если кто-то увидит, что я в нем копаюсь, стыда не оберусь. А к тому же... Даже как-то стыдно признаваться: я никогда ничего не выносил с работы и не очень-то знаю, как за это взяться.

Во время учебы я несколько месяцев работал официантом во французской пекарне, и хотя мне полагался только один блинчик за смену, иногда я просил у повара два или даже три. Пожалуй, это единственный рабочий грех на моей совести, по крайней мере, единственный, который я помню. До ПНР-овских виртуозов мне далеко.

Но учиться никогда не поздно. Несколько минут я кручусь возле принтера, делая вид, что жду кого-то, и при этом пытаюсь понять, как он открывается. Я начинаю нервно разглаживать волосы, и у меня такое чувство, будто каждый проходящий смотрит мне на руки. Я потею, глупо улыбаюсь, но уже через пятнадцать минут понимаю, что ничего из этой затеи не выйдет.

— Эй ты, в ПНР не было принтеров! — бросает кто-то. Я ухожу несолоно хлебавши, ведь не торчать же мне здесь до вечера. Бумагу все равно не добуду. Болван я, а не ПНР-овский работник.

Однако через минуту мне в голову приходит гениальная мысль. У нашей секретарши (в капитализме говорят ассистент отдела) есть коробка с карандашами. Я жду, пока все выйдут, подкрадываюсь и беру пять штук. А на следующей неделе дважды звоню за счет работодателя по личным делам — один раз в Радом, второй раз в Белосток.

Мелочь, но начинать с чего-то нужно.

(Из главы «Неожиданная перемена настроения»)

< ... >

А почему это я должна со своим страхом прятаться по углам?

Почему я должна скрывать от Витека, чего мне стоят все эти попытки попасть к врачу? Когда я была беременна Марианной, он с гордостью меня поправлял:

— Не ты, а мы беременны.

Пришла ПНР, и «мы» улетучилось. Осталась «я» и мои одинокие мучения.

— Дорогой, у меня проблема, — робко начинаю я.

— Да? — Витек выглядывает из-за газеты.

— Вот уже несколько недель я не могу попасть к гинекологу. Я уже на втором месяце, и мне нужно пройти обследование.

— Уже на втором?.. Ну так посоветуйся с подругами. Ты говорила, что у Марты есть хороший гинеколог.

— Марта ходит к платному врачу.

— Ты звонила в консультацию? Неужели так сложно записаться к врачу? Не берут трубку? Ну так позвони в другую.

— Нигде не берут трубку. Мне уже надоело звонить, вымаливать снисхождение у медсестер и часами простаивать среди женщин, которые считают меня мошенницей, мечтающей пролезть без очереди, — я начинаю реветь.

— И чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты мне помог. Это и твой ребенок тоже.

— Но мужчина в ПНР...

— Да знаю. Мужчина в ПНР возился со своей машиной, вместо того чтобы брать штурмом поликлинику. Он прятал под кроватью бутылку, вместо того чтобы стоять у плиты. Ходил пропустить с друзьями по стаканчику, а не драил унитаз. Но ты не настоящий мужик из ПНР, а меня этот карнавал уже бесит. Хватит с меня того, что ты копаешься в моторе, вместо того чтобы помочь мне попасть к врачу. Ты ведешь себя так, будто тебе плевать на ребенка.

Я говорю это и сама поражаюсь своим словам. Это как будто не мои слова. Как будто во мне сидит огромный волк из советского мультфильма и рычит на маленького зайца.

Через минуту молчания заяц смотрит на волка, словно хочет его обнять. Но боится, что волк снова громко зарычит, и воздушная сила выбросит зайца в окно. Заяц знает, что это не воздушная сила, а сила сопротивления. Сопротивления женщины, которая сыта по горло игрой в ПНР-овскую домохозяйку, готовящую нечто из ничего и дрящую ванну допотопной пастой. Сыта по горло рыданиями в подушку, когда на нее накатывает хандра (ведь перед мужчиной нельзя показывать свою слабость). Сыта по горло жизнью с мужчиной, который все больше входит в роль ПНР-овского мачо. < ... >

— Ты играешь хомо советикуса или на самом деле им становишься?

— Я выгляжу, как он. Безупречные усы, да и нарядец тоже, — он смотрит на свои темно-синие треники. — На работе кручусь, на «малюхе» езжу.

— А моя беременность тебе побоку?

— Я думал, таковы правила игры.

— Для тебя это игра? Мой токсикоз, обзвон врачей, которые не берут трубку? Мой страх, что из-за этого дурацкого ПНР что-нибудь случится с ребенком?

— Знаешь, мне тоже нелегко. Я ведь не должен был вмешиваться в твою беременность.

— Я уже не справляюсь. Начни уже вмешиваться!

ПНР-овская одежда крепко к нам пристала. Так крепко, что ее трудно отделить от нас самих. Этот мужик

с усами, с которым я живу в квартире с мебельной стенкой, это все еще мой муж или сценический образ? Я, стоящая перед зеркалом в платье тридцатилетней давности, с шестимесячной завивкой, свисающей на лицо, это по-прежнему я или кто-то другой?

Мы чувствуем себя марионетками, которых кто-то убрал со сцены. Театр закончился. Закончились приятные переодевания, собирания предметов эпохи и волнение перед возвращением в рай детства. Закончилось мастерское подкручивание усов и накручивание волос на бигуди. Начались эмоции мужчины, который пытается сыграть шовинистичного хомо советикуса, и женщины, изображающей самоотверженную польскую мать.

Споры о том, кто помоеет посуду или приготовит суп, отошли на второй план. Случилось нечто, что выбросило нас за рамки эксперимента.

Знакомый психолог:

— Раньше вы создавали свою маленькую ПНР. Теперь она контролирует вас. Если вы согласитесь дальше оставаться в этой ситуации, вам придется принять, что случится нечто, чего вы не предвидите. Или что в вас произойдут столь глубокие изменения, что по окончании эксперимента назад пути не будет.

— Завязываем, — Витек подает мне привезенный из капиталистической квартиры мобильник. — Позвони в платную клинику и запишись к врачу.

Я смотрю на современный телефон с большим экраном и кучей контактов. Тогда до меня доходит нечто важное.

— Ты помнишь, какова была наша цель? Взглянуть на современную Польшу сквозь призму ПНР. Встать в стороне, стать кем-то, кем все мы были еще двадцать лет назад. И задуматься, что от прежней системы осталось в нас сегодняшних. До сих пор мы лишь скользили по поверхности.

Когда весть о том, что мы переезжаем в ПНР, разносится по городу, нам начинают приходить письма. Я помню письмо от пана Томека из Замостья: «Больше всего я завидую вам в том, что вы в любой момент можете из своей ПНР выйти. Я, живя в настоящей ПНР, такой возможности не имею».

Сейчас я это вижу. Мы окружили себя ПНР-овскими предметам. Готовим в ПНР-овских кастрюлях и носим прически, характерные для той эпохи, но это лишь элементы тоски по прошлому. Возможно, мы продвинулись на шаг дальше, чем коллекционеры социалистических гаджетов, но до понимания того, что было у людей в головах, нам еще далеко.

— Как поступили бы на нашем месте люди из настоящей ПНР? Те, которые не могли просто выйти из социалистического поезда и позвонить по мобильному в альтернативный мир благополучия? — спрашиваю я Витека.

— Если что-то угрожает твоей беременности, то бери телефон и не философствуй.

Я протягиваю руку.

Но через секунду ее отдергиваю.

— Знаешь, я только сейчас осознала, какая разница между тоской по ПНР и настоящей жизнью в те годы. Дело не в том, что у нас нет каких-то деликатесов: что вместо сыра мы едим творог, а вместо ветчины вареную колбасу. Только теперь ПНР-овское отсутствие чувства безопасности касается чего-то по-настоящему важного.

Я боюсь выйти на улицу, потому что знаю: если случится что-то, я не смогу просто достать телефон и позвонить врачу из частной клиники. Этот страх становится невыносим.

Но в ПНР женщинам приходилось как-то справляться: без телефонов, тестов на беременность, современных пренатальных исследований и витаминов.

Поэтому я выключаю мобильный телефон и убираю его на дно шкафа.

— Попробую с этим справиться.

— Как?

— Так, как люди справлялись тогда. Найти дыру в системе и перехитрить ее. < ... >

НА ДЕМОНСТРАЦИИ

*«Почему люди участвуют в демонстрации перед домом Ярузельского?
Потому что так они малой ценой получают ощущение,
будто входят в историю через правильную дверь».*

Гай Сорман

13 декабря 2011 г.

Уважаемый господин генерал!

Сегодня в ночь с 11 на 12 декабря я выдернул шнур нашего телефона из розетки. Потом еще немного подумал и выкрутил предохранители.

Тридцать лет назад люди тоже проснулись с неработающими телефонами, а многие без электричества. Их страх, их эмоции — страх за себя, за близких, отсутствие надежды, ненависть к Вам — сегодня, когда Вы уже большой старичок в коляске, конечно, не восстановить. Тридцать лет назад люди из «Солидарности» шутили, что поляки разделились на оптимистов и пессимистов. Оптимисты считали, что поедут в Сибирь. Пессимисты — что пойдут туда пешком. Но когда люди Вашего коллеги Чеслава забирали из дома очередных оппозиционеров, и те, и другие боялись, что окажутся не в Сибири, а в каком-нибудь рву, засыпанные землей.

Откуда им было знать, что это лишь интернирование, хитрый ход, чтобы сажать людей без суда и следствия? Нет, нам никогда не понять, что чувствовали те люди и их близкие. Что чувствовал Славомир Кретковский, деятель KOR¹¹ и «Солидарности», которого милиция бросила на полу автозака во время приступа эпилепсии. Яцек Куронь, которого высадили из автозака и велели идти к стене, а он думал лишь о том, как бы поскорее дойти до стены и успеть взглянуть им в глаза, прежде чем они выстрелят. Дошел, взглянул. Не выстрелили.

А точнее, выстрелили, но иначе. Целились тщательно. Любимая жена Куроня, Гайка, не пережила интернирования. Военный врач, тоже один из людей Вашего коллеги Чеслава, не потрудился даже взять в руки стетоскоп, когда она пожаловалась на проблемы со здоровьем. Она умерла от осложнения после перенесенного воспаления легких.

Сегодня даже декабрь не такой морозный, как тридцать лет назад. По радио сплошь веселые песенки. И сообщения, что префект Бялоленки спародировал Ваше выступление. Той Бялоленки, куда тридцать лет назад Вы отвезли интернированных. Префект таким «забавным» образом хотел привлечь внимание к проблемам района. Восстановить тот день тридцатилетней давности? Нет, это невозможно. Точно так же, как мы не можем передать ту безнадежность, которую Вы обеспечили миллионам поляков. То отчаяние. То отсутствие перспективы. Отсутствие желания жить.

Но вот уже без малого пять месяцев мы с женой и дочкой пытаемся вернуть то, что вернуть невозможно, поэтому одно это событие ничего не меняет. Нам приходится жить по календарю тех времен, когда Вы были демиургом.

Изе, моей жене, я ничего не говорю о выключенном телефоне, она бы не согласилась. Узнав о своей беременности, она перешла в оппозицию ко всему ПНР-овскому. Она наш домашний Валенса, который бьется за каждый глоток свободы: за возможность хоть иногда покупать Марианне апельсины, за возможность ей самой купить фолиевую кислоту или другие витамины для беременных. А ведь, черт побери, в ПНР не было таких витаминов! Апельсинов, впрочем, тоже не было. Когда раз в год приплывал корабль из Кубы, Ваше телевидение делало об этом специальный репортаж.

¹¹ Комитет защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników). — Прим. перев.

Я в нашем доме — это Вы, то есть генерал Ярузельский образца 1981 года, который печется, чтобы «временные трудности» были достаточно болезненными. Чтобы и дальше не было слишком много туалетной бумаги, слишком много колбасы и слишком много западных влияний. Одним словом: чтобы мы не ослабили на пути к социализму.

Но нам в целом не так уж и плохо. Нам не удается восстановить ничего из драматургии тех времен, из драматургии тех решений, которые порой достигали высот античной трагедии и которые только изредка до нас доходят — в виде отголосков очередных процессов, затеянных инквизиторами люстрации.

Утром мы съели на завтрак по булке с творогом и по бутерброду с колбасой, после чего жена снова стала жаловаться на отсутствие электричества. Я объяснил ей, что наше отечество стоит над пропастью и что восставший из пепла польский дом может рухнуть.

Не знаю, что из этого она поняла. В последнее время она живет с мыслью о капитализме и о том, какое светлое будущее нас ждет после возвращения к нашей нормальной жизни.

Днем теща не смогла нам дозвониться, и жена даже удивлялась, ведь накануне они договорились созвониться. А потом она нашла выдернутый из розетки шнур и спросила, что это. И я ей напомнил, что умирающей экономике каждый день приходится терпеть новые удары. Жена взглянула на меня так, что я предпочел вынести мусор и выкурить сигарету.

Тридцать лет назад Вы отправили на улицу 70 тысяч солдат, 30 тысяч милиционеров, 1750 танков, 1900 боевых машин, 9 тысяч машин, несколько вертолетных эскадрилий и транспортные самолеты.

Но сегодня на улице вместо танков я увидел несколько десятков автомобилей, на которые у меня денег нет и долго еще не будет, вместо уличных костров — билборд с рекламой дурацкого капиталистического фильма, а вместо солдат — моего соседа, который пожаловался, что у его собаки воспаление мочевого пузыря и ему приходится с ней гулять два раза в час, чтобы песик не писал дома.

Я выкурил две сигареты и спросил соседа, какие у него воспоминания о военном положении. Он ответил, что хорошие, потому что «Солидарность» разошлась не на шутку и блокировала главную развязку в Варшаве, а кроме того, в магазинах появился сыр. Еще он вспоминал, что Брежнев — тот, что Вас так страстно лобызал, — действительно мог ввести войска и сделать из Польши колбасу, которую, кстати, очень любил.

Я напомнил соседу, что во время военного положения сыр, может, и был, зато продукты подорожали на двести с лишним процентов. Но сосед объяснил мне, что у него с провизией проблем никогда не было: брат жены работал в аэропорту и доставал шоколад, кофе и ветчину в банках, а эти сокровища можно было выменять на все что угодно. Вот вам, пожалуйста, обычный диссонанс между частной и коллективной памятью.

Я вернулся наверх и увидел, что электричество есть, жена вкрутила пробки. Морозильник не успел разморозиться, как я рассчитывал, потому что из наших бесед с людьми, жившими в стране под Вашим управлением, следовало, что он размораживался минимум раз в месяц. Я посмотрел на жену, но ничего не сказал. Так бывает, когда атмосфера бесконечных конфликтов, непонимания, ненависти порождает психическое опустошение, калечит традиции толерантности.

Я слушал радио, которое передавало празднование тридцатилетней годовщины Вашего важнейшего выступления по телевидению. Когда третий по счету взрослый человек начал трепаться о программе «Телеутро», которой утром вдруг не оказалось, я не выдержал и снова пошел курить (да, я знаю, я слишком много курю; кажется, Вы бросили, узнав, во что это обходится). Я снова встретил соседа с собакой, что подтвердило его версию с воспалением мочевого пузыря у собаки.

Потом я снова слушал радио, и какой-то ученый человек Вас обвинял, а другой ученый Вас защищал. Первый на вопрос, как бы он поступил на Вашем месте, сказал, что не знает. Но как ученый он имеет право на оценку. Слова «патриотизм», «честь», «достоинство» склонялись по всем падежам, впрочем, так бывает всегда, когда говорят о Вас Ваши противники и сторонники.

После обеда я поехал принять участие в демонстрации на Замковой площади в Варшаве. Если быть точным,

это была реконструкция демонстрации: сегодня, как Вы, возможно, знаете, царит мода на реконструкцию всего, что довелось нам испытать в истории. 13 декабря реконструировали и выстрелы на шахте Вуек, и забастовку шахтеров, и атаку танка на ворота Щецинской судовой верфи.

Я с группой молодежи встал с левой стороны, и мы кричали: «Солидарность!» «Вороне орла не победить!» А с правой стороны стояла группка мужчин, изображающая ЗОМО с их автозаками, щитами и дубинками. Выглядели они грозно, поэтому я обрадовался, что, может, хотя бы эта реконструкция приблизит меня к правде о тех временах. Но грозными мужчины были лишь на расстоянии. Стоило подойти поближе, как сразу выяснилось, что они флиртуют с девушками, подходившими погреться у костра, и фотографируют друг друга на телефоны. ЗОМОВцы, чтоб их.

Еще до начала реконструкции их главный выбрал меня и еще двух крепких парней, чтобы мы инсценировали избиение товарища. Потом они бросали в нашу сторону дымовые шашки, мы бросали в них, а под конец они поймали одного из тех крепких, мне со вторым парнем пришлось его отбивать, и я чувствовал себя как минимум так, будто отбиваю «Зоську» под Арсеналом¹². Конечно, нам удалось парня отбить, но потом в автозак повинтили другого парня, разбрасывавшего листовки (разумеется, обо всем договорились заранее).

Потом я получил дубинкой по спине — впервые в жизни. Но это было понарошку, поэтому не могу Вам сказать, очень это больно или нет. А еще позже приключилась забавная вещь, потому что к нам присоединился некий господин из толпы и начал избивать парней-реконструкторов из ЗОМО, но по-настоящему. Он подмигивал нам, демонстрантам, что, мол, я их совсем даже не бью, но валил кулаком со всей силой и метил в лицо. Я не знаю, что Вы ему сделали. Он вел себя так, будто у Вас с ним какие-то счеты, которые он теперь сводит с реконструкторами-ЗОМОВцами. Удивленные ЗОМОВцы уворачивались, пока кто-то из них не сообразил огреть его дубинкой. И этот странный господин схватился за спину, потом улыбнулся и пошел себе дальше.

После схватки я поехал домой ужинать (на ужин яйца в майонезе и горошек) и стал ждать своего приятеля Збышка. Когда он приехал, мы выпили по пиву «Żywies» и отправились к Вашему дому.

А там — кошмар. Точь-в-точь как Вы говорили тридцать лет назад: звучат призывы расправиться с «красными», с людьми других взглядов. Люди, считающие себя настоящими патриотами, — опять это слово! — жгут свечи и выкрикивают ругательства в Ваш адрес. И неважно, что Вы больны раком, что Вам осталось, скорее всего немного.

Это вызывает у меня отвращение.

Скажу Вам честно. Будь здесь семь шахтеров из Вуека — интернированные, арестованные, униженные, — я был бы на их стороне. Я понимаю, что Вы не Пиночет, я понимаю, что стоило Вам и Вашему коллеге Чеславу захотеть, и вы утопили бы всю страну в крови. Я понимаю. Но меня это мало интересует. Мне важно, что Вы сломали хребет одному из прекраснейших движений за всю польскую историю. Что Вы послали туда своих агентов, своих людей, и что из-за Вас мы до сих пор не можем гордиться Солидарностью так, как должны бы. Весь мир нам из-за этой «Солидарности» завидует, а мы только собак на нее спускать умеем.

Но здесь, возле Вашего дома на улице Икара — какое символическое название! — нет людей из Вуека, нет интернированных. А если и есть, то они умело скрываются. Зато хорошо видно фанатов, у которых еще не схлынул адреналин, ударивший им в голову во время уличных столкновений с полицией месяцем ранее. Они закрывают капюшонами лицо, показывают в телекамеры средний палец, выкрикивают непристойности.

Мне самому хочется набить им морду. Но я один, а их сотни.

Есть еще, правда, Збышек, но вдруг я вижу, как он сжимается, как он боится. Это не наша Польша, хотя, по мнению тех, что кричат, другой и нет. В нашей найдется место и для Вас, господин генерал, и для Вашей закрученной истории. Не нужно становиться ее апологетом, но без нее современной Польши не понять. Вдобавок у

¹² Тадеуш «Зоська» Завадский, подпоручик Армии Крайовой; Операция под Арсеналом — вооруженная акция, проведенная солдатами Армии Крайовой 26 марта 1943 года в Варшаве. — *Прим. перев.*

Збышека нос как у еврея — одного из тех, кого Ваши коллеги выдавили из страны в 1968 году. Остается только ждать, пока один из фанатов поинтересуется формой его носа с помощью металлического прута. Ждать нечего, линияем.

Я приехал сюда, чтобы оживить страх перед Вами. Перед Вашими зловещими очками. Перед сфабрикованными процессами, увольнением с работы, запугиванием. Перед убийством, потому что у 13 декабря свой список жертв, в которых кто-то умышленно выстрелил боевыми патронами. Перед вынужденной эмиграцией. Перед закрытием границ.

Но вместо всего этого я боюсь обдолбанных придурков в натянутых на рожи капюшонах. Они залезают на дерево, фотографируются, выставив пальцы в победном жесте «Солидарности». Какое у них, к черту, на это право?

Мы уезжаем чертовски злые. По дороге выкуриваем по несколько сигарет каждый — да, слишком много. А они там поют Вам польский гимн и какие-то свои фанатские кричалки.

Я пытаюсь ненавидеть Вас так, как Вас ненавидели тридцать лет назад. Но вижу лишь старичка, решения которого я не вправе оценивать. Старичка из другой эпохи, который в мире супермаркетов, иномарок, одуряющих телепрограмм по-прежнему рассказывает нам сказки тридцатилетней давности и удивляется, что никто его не хочет слушать.

Господин генерал. Через полтора месяца я возвращаюсь в капитализм и позволю себе сказать Вам кое-что с той перспективы. Военное положение больше никого не волнует. Мне жаль Вам это говорить, потому что Вы годами этим живете, но так и есть. Люди в моем возрасте помнят уже только это идиотское «Телеутро». Нечего и не от кого защищать, потому что больше, чем военное положение в Польше и Ваши муки выбора, нас волнует, что положить под елку в декабре и из чего сделать шашлык в мае. А для тех, кто моложе нас, это уже такая же древняя история, как восстание, в котором сражался Ваш дед, битва под Грюнвальдом или вовсе даже библейский потоп.

С уважением,
В. Ш.

Перевод с польского Мдины Алексеевой

Анджей Стасюк*

4 эссе

HIBERNATUS

Отцу Войцеху Леманскому

Пытаюсь вспомнить Костел моего детства, но всегда получается костел с маленькой «к». Это было воскресное единение в тесном неоготическом строении на песчаном холме, скорее напоминавшем часовню, чем полноценный храм. Затем, в середине 1970-х, приходу вернули довоенное имущество — здание кинотеатра «Уголок». С этого момента мессы отправлялись в холодном бетонном помещении, из которого вынесли все кресла, проекторы и экран. Теперь, чтобы посмотреть кино, приходилось ехать семь автобусных остановок до мрачного кинотеатра «Химик» при тархоминской фармацевтической фабрике «Польфа». Я так и не смог с этим смириться — ведь в «Уголке» я посмотрел свой первый в жизни фильм. Это был «Виннету-3». Не исключено, что именно тогда я почувствовал: костел — не только воскресное единение верующих, но также равнодушная безличная сила, отбирающая у меня кинотеатр, в котором я заливался слезами, когда умирал Виннету.

Довольно долго я не подозревал о существовании епископов. К конфирмации приступил с годичным или даже двухлетним опозданием и к тому времени был уже настолько пропитан духом то ли бунтарства, то ли эмансипации, что в священнике, совершавшем таинство, видел лишь опереточный персонаж. Даже если я и целовал перстень, сей факт напрочь стерся из моей памяти. Существовала ли вообще какая-то иерархия в моем или общем сознании? Я помню черно-белую, старую, напечатанную на твердом картоне фотографию кардинала Вышиньского. Она стояла у нас дома в каком-то не шибко заметном месте. Для папы римского Павла VI тоже, наверное, нашелся где-нибудь кусочек пространства. Может, в молитвослове? И все же вся эта епископско-кардинальско-чиновничья мишура не ставилась во главу угла. Не затмевала повседневной веры. Мы ходили в костел. Ходили на уроки Закона Божия в тенистую комнату, даже не при костеле — он был слишком далеко, — а в частном доме на опушке леса. Благодаря этому в наших уроках было что-то сказочное и таинственно-мистическое. Одно можно сказать наверняка: тогда никто не сталкивался ни с чванством, ни с грубостью церковных иерархов.

* Публикуемые эссе с разрешения автора взяты из сборника «На желтых дорогах нет экспрессов» (изд-во «Czarne», 2013).

Годы «среднего» коммунизма были для костела — этого, с маленькой «к», будничного — самыми лучшими. В меру преследуемый, украдкой принимаемый, он был таким же символом протеста, как и компромисс. Ни нарочито богатый, ни демонстративно бедный, сопутствовал обычным людям в их обычной жизни. Да, мой ксендз и законоучитель разъезжал на «Фольксвагене-жуке», но это, скорее, свидетельствовало о его темпераменте, нежели о таких качествах, как *luxuria*, *superbia* или *avaritia*². Кроме того, он охотно этой роскошью делился, сажал нас в машину по семь-десять человек и развозил по домам.

Кто знает, не был ли именно тогда польский Костел ближе всего к евангелическим временам? Ведь нет ничего хуже Костела-триумфатора, Костела-властолюбца, идущего на союз с тронем, больше того — посягающего на трон. Костел должен быть преследуем, так же как преследовались те, кому был ниспослан Господь. Если я ошибаюсь, пожалуйста, поправьте меня.

В июне 1979 года я всю ночь пролежал на прогретой мостовой Старого Города и вместе с другими ждал, когда утром придет папа и мы сможем его приветствовать. Я был тогда довольно далек от Церкви, но разделял радость и надежду толпы. Не мог себе представить, что столь долгий понтификат Иоанна Павла II погрузит польский Костел в спячку и загонит его на духовные задворки. Мир начал радикально меняться, а у нас был Иоанн Павел II.

Пал коммунизм, предстояло срочно строить нечто вроде новой действительности — а у нас был папа. Капитализм, глобализм требуют неизвестных доселе добродетелей — а у нас папа. Биотехнологическая благая весть гласит, что человек (богатый) вот-вот урвет у Господа Бога кусочек бессмертия — а у нас польский папа. Другие боги становятся столь же реальны, как наш Бог, — польский папа нас защитит. Прав был бывший священник: мы остались с золотым племенным тельцом, довольные и зашоренные. Там, где я живу, кошмарные скульптурные изображения папы стоят во дворах и огородах, будто садовые гномы. Торуньское радио транслирует его голос чуть ли не как рождественские заставки. Теперь, когда его уже наконец причислят к лику святых, он станет символом церковной и национальной гордости.

Да. Я считаю, что в коммунистические времена Костел был лучше. В любом случае, — более христианским. Его смирение было вынужденным, но все же ближе тому, кто нашу Церковь основал. Епископы не маячили по телевидению, их голоса не доносились из радиоприемников, их высказываниями не пестрели газеты. Они жили себе своей жизнью, и мы видели их только во время миропомазания. Приходской священник был таким же, как и все: и Богу свечку, и черту огарок. Более того, я считаю, что до нашего папы Костел был лучше. Был одним из многих в этом мире. Ни лучше, ни хуже остальных. Тем более что главным наследием польского папства стали монстры из бетона, гипса и органопластиков, рассеянные по всей стране. Кроме этого, сложно заметить какие-либо перемены, которые вследствие вмешательства Святого Духа коснулись бы нашей земли. Полно мест, где и без Его содействия всё так же и даже лучше.

Не было никаких епископов в телевизоре моей молодости. Не было их в газетах. У Костела было лицо приходского священника и викария. Их, ксендзов, и нас, паству, деликатно и ненавязчиво преследовали. Благодаря этому мы чувствовали единение. И я совсем бы не возражал, чтобы прежние — в религиозном смысле — времена вернулись.

ЛЕТНЯЯ ПРОГУЛКА С ДОЧЕРЬЮ В СТРАНУ ДЕТСТВА

Раз, может, два раза в году я должен туда съездить. В отцовское родное село на востоке Польши, недалеко от белорусской границы. В этой глухомани до сих пор живет моя тетка, сестра отца. Она вдова и живет одна. У нее два сына. Каждый с радостью взял бы ее к себе в город. Но тетка не хочет. Предпочитает коротать век в глуши, в своем доме с видом на сосновые рощи, заброшенные ветшающие хозяйства и другой берег Буга.

² Страсть к роскоши, высокомерие, корыстолюбие (лат.).

Теткины владения состоят из нескольких построек, образующих четырехугольник. В давние времена, которые я чем дальше, тем лучше и отчетливее помню, на песчаном дворе шла обычная деревенская жизнь. Рыжие коровы брели из хлева на пастбище, куры копались в земле, свиньи принимали солнечные ванны, лошадь, пользовавшаяся особыми привилегиями и свободой, степенно прохаживалась и дремала стоя в тени высоких тополей. Ко двору примыкала пасека и огород: лучше всего мне запомнились грядки с табаком. Я проводил дни напролет, наблюдая за переменчивыми позами животных и отбрасываемыми ими тенями. Куры, собаки, овцы, кошки, сидящие в пятнах солнечного света. Запах раскаленного песка, сена и конюшни.

Я был городским ребенком, но именно эти образы и запахи повлияли на меня во стократ сильнее, чем пейзажи Варшавы. Поэтому я при первой возможности туда возвращаюсь. Двор порос травой. Нет живности, кроме одного-единственного пса и нескольких кур. Теткины сыновья и внуки привозят из города цветочную рассаду и сажают ее во все свободные места. Участок похож на сад, но жизни в этом саду уже нет. Нет запаха скотины. Все застыло. Во всей округе абсолютная тишина. По песчаной дороге за весь день не проехала ни одна машина.

Я был там в начале августа в день Преображения Господня — он совпадает с местным храмовым праздником, иначе говоря, ярмаркой. Самый большой деревенский праздник в году. Сценарий всегда бывал одинаков: торжественное богослужение, потом ярмарка у костела, лотки с разноцветным ширпотребом, тир, в которых можно выиграть цветы из раскрашенных перьев, лотереи, фанты, прилавки со сладостями и мороженым, — словом, рай для детей и настоящее поле чудес. Обычный плебейский праздник, во время которого религия смешивалась с магией и коммерцией в соответствующих пропорциях. А вечером танцы в пожарном депо: играла музыка, молодежь отплясывала, а по стенкам сидели старухи в платках и бдели, чтобы все шло чинно-гладко. Сидели, перемывали косточки и призывали к порядку, будто хор из греческой трагедии. Парни периодически выходили в темноту, чтобы вкусить девичьих прелестей, алкоголя или просто-напросто подражаться на кулаках.

В этот раз не было никаких тиров и лотерей. На нескольких лотках продавали пластиковую китайскую дешевку: немецкие «шмайсеры», американские «ингрэмы», итальянские «СПАСы». Покупателей почти не было. Наша дочка, которой я столько всего рассказывал об этом странном празднике и о своей мифологии детства, мгновенно заметила в траве «пакован» — пакетик из-под амфетамина. Среди бела дня прямо у костела мы увидели голого по пояс, окровавленного парня. Он бежал за подмогой. Вскоре на старом авто приехали четверо. Бритые наголо, мускулистые, с лицами, на которых деревенское добродушие смешивалось с дистиллированной ненавистью. Припарковались между деревьями, недалеко от реки, и, оставив двери открытыми, пошли мстить.

У костела несколько мужиков совещались, нервно и растерянно, пытаясь принять какое-то решение, но все, на что их хватило, — это позвонить в полицию. Не было ни подпирающих стен старух в черных платках, ни парней, то и дело скрывающихся во мраке. Я пытался объяснить все это дочке, рассказать, что когда-то действительно было иначе и что я, вспоминая старые времена, говорю правду. Но Антонина только твердила: «Папа, пойдем отсюда». В общем, мы вернулись к тетке, где цвели привезенные из города красные, желтые и голубые цветы.

КУРЕНИЕ

Я бросил курить семь лет назад. Теперь мне осталось только вспоминать, и я делаю это почти с таким же удовольствием, с каким курил. Двадцать восемь лет воспоминаний, а на самом деле больше, — прежде чем начать курить, я смотрел, как это делают взрослые: мой отец, дяди и тети. Кажется, в то время, в шестидесятые, курили все. В воздухе висел резкий запах темного табака. Светлый, «Вирджиния», появился, видимо, позже и встречался только в самых дорогих сигаретах. Все курили темный. Его запах был вездесущ. В домах, на улице, в поездах. Водители садились в автобусы, заводили двигатели и немедленно закуривали. Автобус отъезжал, а стелившееся над головой шофера серое облако расплывалось по всему салону.

Да, мое детство было окутано табачным дымом. Я и теперь мог бы перечислить с дюжину марок, которые давно уже канули в Лету. Мог бы до мельчайших деталей описать, как выглядели пачки и коробочки. Помню, какие сигареты были без фильтра, какие с фильтром, а какие с архаичным мундштуком — специальной картонной трубочкой. Помню, как в середине 1970-х на фоне посконных изделий коммунистической промышленности появились красные пачки «Мальборо» и толстенные синие пачки «Голуаз». «Голуаз» в версии «хард» были толщиной с мизинец и без фильтра. В ожидании утреннего автобуса, отвозившего меня в школу, я украдкой выкуривал одну. Когда автобус подъезжал, с трудом попадал в открытую дверь и тут же плюхался на сиденье или хватался за поручень.

Однако моим лучшим другом в те золотые времена табачной инициации были сигареты «Арберия». У них был ужасный вкус, и они страшно воняли. До сих пор не пойму, почему я их курил. Они вовсе не были дешевыми. Их производили в Албании. Кроме сигарет, в Польше нельзя было купить ничего албанского. И все же едва ли албанская экзотика способствовала моей привязанности к ядовитому аромату.

Мир взрослых был насквозь пропитан дымом. Половина вагонов в электричках предназначалась для курящих. Работяги, ездившие в них каждый день, занимали четыре места, клали на колени портфель и резались в какую-нибудь незатейливую карточную игру. Над их головами вились серые струйки дыма. Сигарета мгновенно создавала иллюзию дома или пивной. Да, мужики ехали трудиться, но до самого конца сохраняли свой маленький частный мир. В автобусах дела обстояли несколько хуже. Курение было под запретом, но поздним вечером на задних сиденьях загорались красные огоньки. Впрочем, не исключаю, что во времена, недоступные моей памяти, курить в автобусах все-таки было можно — около сидений сохранились пепельницы.

Однако самая привилегированная позиция была у курильщика, лично знакомого с водителем. Счастливчик просто-напросто подсаживался к нему, заводил непринужденный разговор и курил почти что официально, внося свою табачную лепту в облака шоферского дыма.

Я силюсь вспомнить, что в те времена не пахло дымом. Наверняка свежий воздух. Возможно, в поликлиниках и больницах? Но в этой стерильной атмосфере тем острее ощущался запах сигарет, источаемый курящими врачами. Темный табак проникал в их одежду и тела, и запах неотступно следовал за ними по кабинетам и коридорам. Конечно, я могу ошибаться — везде, абсолютно во всех без исключения учреждениях, конторах, в тех самых больницах, в присутственных местах стояли пепельницы из хромированной жести на высокой тонкой ножке с массивным основанием. Кажется, одинаковые во всей Польше: в военкоматах и в министерствах. Потому что курение в те времена было знаком эгалитаризма. Никому и в голову не приходило демонстрировать свое превосходство из-за отсутствия вредной привычки. Ни один курильщик не чувствовал себя человеком второго сорта или принадлежащим к угнетаемому меньшинству. Вообще-то, я с трудом могу вспомнить тех, кто тогда не курил, — чтобы их сосчитать, хватит пальцев одной руки. Преследования и никотиновая стратификация общества пришли гораздо позже.

До того как начать курить, мы — я говорю о себе и своих ровесниках, — исповедовали что-то типа табачного культа: собирали пачки из-под сигарет, но только импортных. Кажется, эти пачки пробуждали в нас нечто похожее на тоску по далеким недоступным мирам. Разумеется, доминировал Запад, все эти вариации на тему «Филипп Моррис», «Мальборо», «Честерфилд», «Кэмел», «Пэлл Мэлл», но были в наших коллекциях и экзотические образцы из Египта, Вьетнама и Турции. Самые заядлые и смелые коллекционеры отправлялись в международный аэропорт, расположенный на другом конце города, и там охотились за бесценной добычей, часто просто заговаривая с иностранцами. Все эти коробочки и мягкие пачки действовали на наше воображение куда сильнее, чем прежде почтовые марки. Они позволяли нам соприкоснуться с далекой, почти что сказочной действительностью, и одновременно символизировали чувственный, практически грешный мир взрослых, куда все мы так стремились.

Я не курю уже семь лет. Двадцать восемь лет я курил с большим удовольствием. В конце дело доходило до трех пачек сигарет без фильтра в день. Ушла одышка, и я привык к утреннему кофе без сигареты. Наверное, умру чуть

более здоровым. И все же печально смотрю я на уходящий мир табачного дыма. И обещаю себе, что, скажем, лет через пятнадцать, если доживу, вернусь в лоно вредной зависимости, ибо в глубине души я счастлив, что мое детство и молодость окутывал сигаретный дым.

РОК-Н-РОЛЛ

Мне было пятнадцать, когда я впервые сбежал из дома на концерт. Мы жили на окраине Варшавы, и в нашем пролетарском доме если уж что и слушали, то популярные шлягеры. У нас был проигрыватель марки «Бамбино» — серый ящик с двухваттным, если я правильно помню, динамиком — и несколько пластинок с хитами. Небольшой приемник играл еще тише, но зато ночь напролет, прижав к нему ухо, я мог слушать одну из нескольких радиостанций, передававших не простенькие песенки и классику, а нечто совсем другое. И все же, чтобы послушать первый в жизни рок-концерт, пришлось сбежать из дома. С нашей окраины в центр, где в цирковом шатре должны были играть голландцы из «*Living Blues*», ехал на перекладных — сначала на автобусе, потом на трамвае. У меня не было ни гроша за душой. Музыканты уже начали, и я слышал мощные басы, которые, строго говоря, скорее чувствуешь нутром, чем слышишь. Такое чувство я испытывал впервые, от музыкантов меня отделяла только ткань шатра. Но у меня не было ни гроша. Поэтому я просто присел и проскользнул под жесткий и холодный брезент. Маневр остался незамеченным. Был вечер, и трава подо мной была мокрой от росы. Затем я обнаружил над собой десятки ног. Цирковые лавки спускались амфитеатром к круглой арене. Был 1975 год. Домой я попал за полночь. Отец был в бешенстве.

Я читал книги и слушал музыку. Книги — это было одиночество. Сладостное отчуждение, сны наяву. Музыка же слушали совместно, о музыке говорили, музыкой делились. К примеру, возведенными в фетиш западными пластинками, которые при коммунизме были практически недоступны. В любом случае их стоимость на «черном рынке» в десять раз превышала цены пластинок, доступных в варшавских магазинах. Я до сих пор ощущаю знакомую дрожь, когда слышу первые такты «*Hey Joe*» Хендрикса. Это была первая пластинка, которую мы купили вместе с друзьями. Она годами передавалась из рук в руки, пока не стерлась настолько, что игла скользила по ней, как по черному стеклу.

Не было концертов, не было пластинок, радио нормировало и цензурировало рок-музыку. Поэтому мы жили воображением. По крохам, фрагментам, обрывкам строили альтернативный мир, в котором могли существовать. Таким способом мы могли уйти от мира наших родителей, не подозревавших ни о существовании «*Hey Joe*», Хендрикса и Дилана, ни всего того, что для нас было гораздо более ощутимым и реальным, чем наши будни. Впрочем, скоро они вошли в нашу жизнь. Мысленно переносясь в те времена, я отчетливо вижу, как мы предаем родителей, как уходим из их жизней, чтобы никогда уже не вернуться. Как оставляем наших отцов, беспомощно вслушивающихся в первые такты «*Hey Joe*», в дилановскую гармонику, в хриплый голос Джоплин. Родители были не в состоянии понять, что с нами произошло. А мы их предали, предпочтя иллюзию настоящей жизни, в которую они были погружены с головой и которая была одновременно их творением и гордостью.

Литература и рок-музыка сбили меня с пути истинного. В один прекрасный день оказалось, что есть вещи поважнее школы, родного дома, рассудка и заботы о собственном будущем. Даже сильнее инстинкта самосохранения. У меня был приятель, с которым мы по ночам грабили магазины. Просто вламывались и забирали остатки наличности из кассы. Иногда прихватывали пару бутылок спиртного. Чувствовали себя при этом отчасти пиратами или благородными разбойниками — магазины ведь принадлежали коммунистическому государству, поэтому мы осуществляли нечто вроде экспроприации. Деньги мы тратили на неприлично дорогие западные пластинки, которые слушали, потягивая краденый алкоголь. «*Imagine*» Леннона навсегда будет для меня отдавать молдавским бренди «Белый аист».

В то время рок-музыка действительно отождествлялась с бунтом. А мы — наивные провинциальные умишки — понимали это буквально. Однажды моему приятелю стукнуло в голову, что он не может слушать такую клёвую музыку на таком убогом оборудовании: у него был какой-то монопроигрыватель, и качество звука было немногим лучше, чем в телефонной трубке. Он отправился один ночью в центр, чтобы банально залезть в магазин с электроникой и вынести какой-нибудь солидный стереомагнитофон. Его поймала милиция, и он загремел на два года в тюрьму. Вышел совершенно другим человеком. В любом случае наша дружба прервалась.

Несколько лет спустя я сам оказался в тюрьме. В начале 1981 года я дезертировал из армии. На первый взгляд, это не имело ничего общего с рок-музыкой. Но только на первый взгляд. Военная служба была тогда обязательной и длилась два года. Я не хотел (никто не хотел) идти в армию. Носил длинные волосы, слушал Дилана и читал Гинзберга в самиздате. Когда мне было шестнадцать, я перестал ходить в школу и начал вести свободную жизнь маргинального элемента. Путешествовал автостопом, пил, читал и слушал музыку. Создал себе этакую собственную религию. В этом культе музыка занимала самое важное место. Иногда я чувствовал себя одним из эпических героев Дилана. За год мог проехать сорок тысяч километров. Польша оказалась довольно большой страной. Я пересаживался из грузовика в легковушку, из легковушки в пикап. Зимой ездил «зайцем» на электричках. Like a Rolling Stone. В погоне за чудесной, мерцающей, гипнотизирующей материей мира. Родись я на поколение раньше, наверное, чувствовал бы себя героем Артюра Рембо, но я родился приблизительно тогда, когда Дилан начинал петь.

Анджей Стасюк (р. 1960) — прозаик, публицист, драматург, совладелец издательства «Czarna». В 80-е гг. активный деятель пацифистского движения. Обладатель многочисленных польских и зарубежных литературных премий, в т.ч. самой престижной польской премии «Нике» за книгу «По пути в Бабадаг». Его книги переведены на английский, немецкий, французский, венгерский, чешский, испанский, шведский, итальянский, русский, украинский языки, а также на корейский. По мотивам его «Галицийских рассказов» был снят фильм «Клубничное вино» (реж. Дариуш Яблонский, 2008 г.). Литературный манифест Анджея Стасюка: «писать, вычеркивать, думать, смотреть, слушать, писать и вычеркивать, вычеркивать, вычеркивать...».

Семь месяцев, проведенных в армии, я ощущал себя предателем. Единственным актом неповиновения было опоздание на пару дней к началу службы. И все время потом, на полигоне, в военной форме, с советским «калашниковым», я чувствовал, что предаю собственную жизнь. Чувствовал, что предал все книги, которые прочитал, все пластинки, друзей, с которыми слушал музыку и с которыми в эту музыку верил. Однажды я просто вышел из

казармы и больше не вернулся. Военная жандармерия³ поймала меня через два месяца. Когда я входил в тюрьму, мне было страшно, но я вновь чувствовал себя свободным. Я опасливо посвистывал, но при этом был уверен, что все они, в форме, со своими ремнями и винтовками, на вышках, могут поцеловать меня в задницу.

Мы здесь, на востоке Европы, наивны, простодушны и доверчивы. Приходят к нам идеи, и мы верим в них, как в непоколебимую истину. Мы верили в коммунизм и шли за него в тюрьмы.

Потом верили в антикоммунизм и во имя него отправлялись за решетку сотнями и тысячами. Я сел за рок-музыку и люблю мысленно возвращаться к тем дням. Когда устаю и место воображения занимает рассудок, это придает мне сил.

Перевод с польского Полины Козеренко

© Текст: А. Стасюк

© Перевод: П. Козеренко

³ Особый орган в составе польских вооруженных сил, осуществляющий надзор за соблюдением воинской дисциплины.

Анатолий Макаров
писатель,
проходивший
сквозь стекло
Про Марека Хласко

Как происходит, с чего начинается симпатия к чужой стране? С личного ли знакомства, с географической ли близости, с постижения ли исторического родства?

На мой простодушно-грубоватый взгляд, всё дело в яркости художественного впечатления, в остроте эстетического переживания. Причём независимо от масштаба предмета, это самое переживание вызвавшего. В современном мире это особенно очевидно: случайно залетевшая мелодия нарушает все традиционные стереотипы восприятия чужой страны, провоцирует неосознанное, чисто эмоциональное тяготение. Во всяком случае, в массовом сознании.

Так было с Польшей. Великое кино, так поразившее русскую душу, замороченную соцреализмом, авангардная живопись, к тому времени почти забытая на своей родине, в СССР; джаз, в годы борьбы с космополитизмом изгнанный из советского быта, — всё это было потом. А начиналось просто с песенок, в середине пятидесятых еженедельно звучавших по официальному советскому радио в формате передачи «Говорит Варшава», которая не пропагандировала, не убеждала оптимистической статистикой, а просто заражала непочтительной иронией и артистизмом польского национального характера.

Какая-нибудь неотвязчивая «Тиха вода», исполняемая опять же в изжитой в СССР интимно «кабаретовой» манере, подготовила почву для экспансии и замечательного кинематографа, и трагически изысканной литературы, и модернистского театра на бескрайние просторы истомлённой идеологическими директивами великой соседней страны.

Сильно рискуя разозлить современных польских интеллектуалов, стремящихся решительно отмежеваться от России, предъявить ей массу непреходящих исторических претензий, замечу, что, должно быть, никогда ещё польское культурное и чисто человеческое влияние на Россию и русское сознание не было столь сильным и благодарно воспринимаемым, как во времена ныне презируемой польско-советской дружбы. Или, во всяком случае, тесного культурного общения. Причём не только официального, одобренного в сферах, но и совершенно стихийного, на самом, что называется, личном уровне. Полагаю также, что у польских «звёзд» эстрады, кинематографа, литературы нигде в мире не было (и не будет) такой благодарной аудитории, какая была в Советском Союзе.

Позволю себе воспоминание именно такого рода.

У меня в школе был лучший друг, обитавший на правах писательского сына в построенном литераторами доме на углу проезда Художественного театра и улицы Горького (ныне соответственно Камергерского переулка

и Тверской). В этом же доме проживал ещё один писательский отпрыск, некто Марат Брухнов (его мать Зинаида Шишова была замечательной детской писательницей, одесситкой, а в юности входила в одну компанию с Олешей, Багрицким и Катаевым), человек яркий, бывший полковой разведчик, знаток иностранных языков, завсегдатай кафе «Националь», послевоенный бретёр и плейбой, хотя слова этого тогда не знали, — и к тому же литературный редактор в популярном издательстве. Короче говоря, персонаж в хемингуэвском жанре.

К нам, по выражению Зощенко, «молодым начинающим умам», недавний освободитель Европы и литератор относился с доброжелательным покровительством, делился с нами фронтовыми байками и неотделимыми от них писательскими размышлениями.

Однажды он буквально затащил нас к себе домой:

– Не могу не рассказать об одном своём открытии ...

Тон у фронтовика и плейбоя был непривычно серьёзный и, пожалуй, даже взволнованный. Я впервые оказался тогда в писательском кабинете, с просторным письменным столом и книжными стеллажами до потолка. Хозяин усадил нас на диван, налил кофе и почти с торжественным выражением лица раскрыл небольшую книжку в бумажном переплёте, по виду явно иностранную.

– Купил на днях в книжном магазине стран народной демократии. Называется «Первый шаг в тучах». Прочёл и не могу успокоиться. Автор — какой-то неизвестный поляк. Послушайте, я переведу вам с листа.

Переводил Марат классно, без запинок и не подыскивая слов, что, разумеется, усиливало впечатление. Вернее, было достойно текста, который, подозреваю, даже в косноязычном изложении тотчас бы заворожил. Именно так. С самых первых строк.

Это не значит, что мы не знали настоящей литературы. Очень даже знали, потому и вздрогнули от первых строк рассказа.

Они были нескрываяемо, откровенно романтичны, но в этом романтизме мгновенно ощущалась столь же откровенная горечь. Вот начало рассказа «Ломбард иллюзий»: «Улица была так красива, что иной раз так и хотелось всю её проползти на коленях». Не правда ли, неизбежность жестокого разочарования заложена уже в этой короткой фразе?

А вот первый абзац рассказа «Красивая девушка»: «Эта девушка в ком угодно могла поколебать веру в материальность мира; поравнявшись со скамейкой, где она сидела, люди испытывали странное ощущение, будто попали в иной мир».

Иллюзии и тут скоро рассеются под влиянием обыкновенных мерзостей обыденной жизни, однако пограничная поэзия всё равно не покинет читательского сердца.

У нас тогда так не писали. Не только потому, что цензура оберегала читателей от гнусностей «низкой» жизни, но и по той причине, что сочетать свинцовую грубость обыденности с гордым, несмотря ни на что, романтизмом, не было свойственно тогдашним советским писателям.

Да и для польских, при всей их взвинченной, заносчивой эмоциональности, это было непривычно. Как и то, что двадцатидвухлетний дебютант, грузчик, чернорабочий, шоферюга, не закончивший даже средней школы, превосходил именитых коллег изысканностью стиля и способностью претворять ежедневное отчаяние в «перл создания».

Есть знаменитое выражение, рождённое в тот век, когда именно литературная слава воспринималась как образ известности и общественного признания: «проснуться знаменитым». Кажется мне, что в послевоенной Европе примеров такой мгновенной абсолютной известности, как у Марека Хласко, почти не случалось. Разве что юная француженка Франсуаза Саган приходит на ум, но её счастливый дебют был лишь в меру скандальным (что почти непонятно теперь) нарушением приличий традиционного буржуазного романа, а Хласко предьявил читающей публике, что называется, «дымящийся кусок действительности», политой и кровью, и потом, и слезами, но не утратившей ни высоты чувств, ни мучительной жажды красоты.

В отличие от всемирно известных нигилистов типа Луи-Фердинанда Селина или Генри Миллера, Марек Хласко не был ни циником, ни чернушником, ни тотальным отрицателем всего святого и чистого. Он был именно оскорблённым идеалистом, поэтом, осознавшим, что в современном мире счастья не бывает без тоски, а надежды — без отчаянья.

Конечно, послевоенная Польша, взрастившая из хулигана и приклатнённого работяги истинного писателя, наградила его этим мироощущением, словно наследственной болезнью. Будничный ужас оккупации сменился истеричным надрывом социалистического строительства. Лозунги, навязчивый социальный оптимизм, в котором с каждым днём прибавлялось казёнщины, печально знаменитая «безпека», то есть госбезопасность, с её энкавэдэшным подходом к действительности, — и всё это на фоне послевоенной разрухи, бедности и очередей, в сочетании с вечным польским бунтарством и столь же национальным свойством «держатъ фасон» вопреки всем нехваткам и трудностям.

Мне рассказывали очевидцы, что в разрушенной до основания Варшаве среди руин и развалин, среди голода и разрухи прежде всех общественных институтов затеплился огонёк кафе, классической «кавярни», без которой поляки не представляют себе жизни. Искусство и литература играли не только в элитарном, но и в массовом сознании ту же роль, выполняли ту же духовную функцию: оттого-то вдруг в убогих комнатках Лодзинской провинциальной киношколы зародилось всемирное польское кино; потому-то на плохой, почти обёрточной бумаге, вопреки идеологической прессе, воплотилась непочтительная и заносчивая, блестящая и злоязычная польская печать.

Позволю себе ещё одно воспоминание личного свойства.

У меня в школе был ещё один дорогой друг, российский поляк, Станислав Самуцевич, по-домашнему и по-школьному — Стива. Между прочим, его отец, замечательный кинооператор, во время войны служил в Войске Польском, в киноподразделении, в знаменитой «Чолувке фильмовой», из которой потом и развился современный польский кинематограф. Так вот, Стива регулярно покупал польские еженедельники и знакомил с ними всю нашу честную компанию. Прежде всего с легендарным «Пшекруем», ухитрившимся на шестнадцати тесных страничках сосредоточить больше информации и мыслей, нежели глянцевики журналы — на своих двухстах роскошных; а также с целиком посвящёнными кино журналами «Экран» и «Фильм», благодаря которым у нас создавалось довольно точное представление о мировом кинопроцессе, о его направлениях и сенсациях.

Андрей Битов шуточно заметил, что все события в мире совершаются «как бы» в рифму. То есть парами. Вот доказательство этому. Однажды Стива обзвонил всю нашу бражку: «Приходите вечером, я купил на улице Горького потрясающую польскую книгу». Почему-то я сразу понял, что речь идёт о «Первом шаге в тучах» Марека Хласко.

И не ошибся, вновь услышав и «Ломбард иллюзий», и «Красивую девушку», и ещё потрясающий рассказ «В поисках звёзд» — про девятилетнего мальчика, на глазах у которого гестаповцы расстреляли его ровесницу и первую любовь, восьмилетнюю еврейскую девочку Эву. «Время от времени мальчик плакал. Особенно когда вспоминал, что у него теперь не будет жены и детей — ведь он уже однажды поклялся в верности. И что любовь — она ведь на всю жизнь» Это последний абзац рассказа. Хласко вообще умел двумя-тремя штрихами создать образ любви, погубленной и опозоренной войной, оккупацией, нищим бытом, человеческой пошлостью и всё равно — ничем на свете не заменимой.

Стива переводил с листа не столь гладко, как профессионал Марат Брухнов, зато из тех же польских журналов многое знал о Мареке Хласко. О том, например, что по его рассказам замечательными мастерами кино было снято не менее пяти фильмов. Про то, что кроме прозы и сценариев Хласко писал острые репортажи в стиле сложившегося позднее в кино «общественного беспокойства», то есть самой что ни на есть суровой жизненной правды, грубой и неприглядной, разве что не претендующей на чисто политические выводы.

Бывшим советским гражданам, в особенности из литературной среды, трудно поверить в то, что идеологическое начальство в ПНР не так уж и прорабатывало молодого автора, несмотря на его художественное бун-

тарство и постоянные скандалы в богемных кабаках, повторяющие житейский трен Сергея Есенина. Недаром ссылки на русского поэта так часто возникают в прозе и эссеистике певца варшавских окраин. Так вот, партийное руководство долго смотрело на выходы знаменитого хулигана сквозь пальцы. Хласко, как говорится, даже создавали условия. Дали квартиру. Выдвигали на литературные премии, упоминали в качестве надежды польской литературы в разного рода докладах. Как и положено свободомыслящему польскому сочинителю, двадцатидвухлетний талант относился к этому покровительству с высокомерным пренебрежением. Не то чтобы он был убеждённым диссидентом, просто, как и всякий романтик с полууголовным прошлым, он был стихийным нонконформистом анархистского толка. Что, кстати, вполне отвечало не только польскому гонору, но и настроениям тогдашнего творческого мира. В Америке бузили «битники», в кафе парижского «левого» берега экзистенциалисты в чёрных свитерах, в английской литературе — «рассерженные молодые люди». Не отставал и Голливуд, сменивший буржуазных красавцев на неприкаянного байкера Джеймса Дина, который реальную свою жизнь прожил и смерть встретил, будто на экране. Параллельно польская киношкола открыла Збигнева Цибульского. Трудно представить себе актёра, настолько соответствовавшего типу хласковских героев, из среды которых с одинаковой степенью вероятности выходили и поэты, и террористы, и народные вожди, и самоубийцы.

Неизбывная «достоевщина», на которую так падки поляки, бродила у них в крови. Сам Марек Хласко был навсегда ушиблен писателем-«москалём», не любившим поляков. Нечто раскольниковское, ставрогинское, а то и свидригайловское Хласко культивировал и в своих персонажах, и в самом себе.

Жизнь на пределе чувств, существование «у бездны на краю», давняя незаживающая любовь, искушающая тяга к самоуничтожению. Проще говоря, классическое польское пьянство, какое бывает покруче не менее классического русского. Плюс гибельное стремление выстроить собственную судьбу по законам искусства.

Ещё одно простительное отступление. В конце 1960-х группа молодых московских газетчиков отдыхала в Доме журналистов на болгарском берегу. И близко сошлась с группой польских коллег, среди которых был опальный писатель Мариан Белицкий, некогда одно из самых язвительных перьев оппозиционного журнала «По-прóсту», человек, воспитанный в довоенном Вильно русской няней и потому изъяснявшийся по-русски без труда и без акцента.

Особенно приглядывался пан Мариан к Саше Васинскому, известному в то время журналисту, который кроме литературного, был одарен самыми разными талантами, но обладал совершенно несносным, невыносимо истеричным характером. «Все братья Карамазовы, включая Смердякова в едином лице», — как метко окрестил его какой-то шутник из нашей московской компании.

Так вот, наблюдая за Сашей, за его бесконечными метаниями, с переходами от внезапной любви к беспричинной ненависти, за его хмельными озарениями и падениями, польский собрат с изысканной «гжечностью» (читай — «вежливостью»), поинтересовался:

– А что, пан никогда не проходил сквозь стекло? Скажем, в ресторане или в кинотеатре?

Мой друг Сашка опешил:

– Проходил. А как вы узнали?

– Видите ли, — пояснил польский прозаик и публицист, — у меня был молодой коллега, некто Марек Хласко, так вот с ним это часто случалось.

Я взглянул на своего друга новыми глазами, вернее, я вдруг сообразил, кого он мне давно напоминал — пожалуй, больше, нежели хрестоматийных братьев Карамазовых, которые сделали популярны благодаря недавней экранизации великого романа. Конечно же, он напоминал мне польского писателя, которого мало кто слышал в нашей стране, но о котором я знал почти всё. По крайней мере, то, что может знать читатель в той стране, где этого польского писателя никогда не издавали.

Я, например, знал, что в свои двадцать четыре года Марек Хласко с польским паспортом совершенно официально прибыл в Париж, так сказать, «для расширения своего культурного кругозора», и в Варшаву больше никогда не вернулся. Так он стал, громко говоря, космополитом, «гражданином мира», что в конкретном житей-

ском смысле означает зыбкое существование апатрида, «перемещённого лица», человека, которому в современном мире, разумеется, не дадут умереть с голоду, однако носиться с его талантами никто не будет. В сущности, сойдя на французскую землю, польский гений в ту же минуту утратил свой миф любимца публики, *enfant terrible*, надежды польской словесности, борца с ложью и скукой соцреализма и превратился в обыкновенного восточно-европейского искателя успеха и благополучия, к коим на Западе давно привыкли.

В частых спорах о вреде и благе эмиграции для писателя часто ссылаются на судьбы Владимира Набокова или Чеслава Милоша или того же Иосифа Бродского, добившихся такого мирового признания, которое «среди родных осин» им не светило. Всё верно. Однако необходимо помнить, что за спиной этих взрослых, сложившихся людей была незаурядная культурная среда, было отменное воспитание (или самовоспитание), был опыт хотя бы виртуального западноевропейского существования. А за спиной молодого Хласко, если оставить за скобками честолюбие, было маргинальное прозябание, беспутная хулиганская компания, общество грубых и тёмных людей, вечные конфликты с законом, а в «культурном смысле» — в лучшем случае прожигающая жизнь богема. Да и по характеру, душевному складу, житейским обычаям сын варшавских трущоб не был, да и не мог стать, корректным европейским интеллектуалом. Надрыв, скандал, презрение к деловым и светским приличиям — такой стиль жизни вряд ли способствует литературной карьере. Марек, пожалуй, мог бы способствовать рекламному успеху «в жёлтой прессе», но для этого молодой польский писатель не был достаточно раскрученной медной фигурой.

Его судьба на Западе сложилась согласно сюжетам и правилам его прозы. Марек Хласко осуществил мечту любого интеллигента из стран тогдашнего социалистического лагеря: объехал всю Европу, жил во Франции, в ФРГ, в Италии и Швейцарии. Много, хотя и беспорядочно работал, иной раз бывал даже близок к успеху, но всякий раз срывался, пил по-чёрному, скандалил, дрался, попадал то в тюрьму, то в психушку. В Германии женился на киноактрисе, но брак этот ничем хорошим не кончился. В Израиле вкалывал чернорабочим на стройке в адской пустыне (между прочим, в тех местах, где теперь процветает фешенебельный курорт Эйлат). В США, в Лос-Анджелесе, чуть не угробил по пьянке своего друга — композитора Кшиштофа Комеру, столкнув его с горы: в итоге эта нелепая случайность всё-таки свела легендарного джазмена в могилу. Марек страшно тосковал по Польше, надо думать — не по берёзкам, а по своей, вопреки всему, востребованности, по славе, которая издавна казалась ему огромной и счастливой, по той же вечно бунтующей варшавской богеме, по друзьям, которые даже во время хмельных загулов оставались творцами неповторимой атмосферы, в которой дорожке таланта не ценилось ничего. Несколько раз Хласко пытался восстановить свой польский паспорт и вернуться, но по склонностям буйной своей натуры, компромиссов не признающей, так и не доводил дело до конца. Дважды в припадке депрессии пытался свести счёты с жизнью. На третий раз, в тридцать пять лет, это ему удалось. Опять же, как и у героя его собственного рассказа, — в номере дешёвой гостиницы.

Проза, сочинённая Марекем Хласко в эмигрантских странствиях, вроде бы та же, что и прежде. В ней, как и раньше, полно отчаянья, безнадеги и тоски, и герои её по-прежнему неприкаянные, неустроенные, мятущиеся люди, но, к сожалению, от былой, преодолевающей душевную боль горькой романтики следа почти не осталось. Лишь воспоминания о ней сквозят в биографической повести «Красивые, двадцатилетние», где любые попытки беспощадно расквитаться с прошлым не могут зачеркнуть эту жестокую, злую, однако полную вдохновения и борьбы жизнь.

Перечитывая Марека Хласко, я тоже часто вспоминаю свою юность. Весьма похожую на ту, которая запечатлена в его прозе. Тогда у нас ни писать о ней — вот такой, ни тем более снимать её в кино было невозможно. Оттого-то мы так и любили Польшу, чьи художники, писатели и актёры как бы взяли на себя обязанность говорить за нас всех. Любили ли нас поляки? Честно говоря, не думаю. Однако нет ни одного настоящего польского писателя, у которого бы в прозе и в стихах не отзывалась бы эхом русская муза.

«Красивые, двадцатилетние» — вы же помните, откуда это ...

СОЛНЦЕ НАДЕЖДЫ — ЕДИНСТВО ЦЕРКВЕЙ

Недavno Папа Римский Франциск побывал в Турции (напомним, свои паломничества он начал с Ближнего Востока, и прежде всего — с Израиля), где он посетил Голубую мечеть в Стамбуле и молился там вместе с Великим муфтием города, обратившись лицом к Мекке. И это был не просто красивый и благородный жест, а вполне продуманная и ставшая уже традицией направленность на диалог с мусульманством. Его родоначальником был прославившийся своими миротворческими поездками Иоанн Павел II, который, следуя заветам Второго Ватиканского собора, начал всей своей деятельностью проводить в жизнь принятые там решения. По-прежнему актуальным звучит обращенный ко всем людям мира — молодым и старым, верующим и неверующим, христианам всех конфессий, иудеям, мусульманам, исповедующим индуизм, буддистам, даже атеистам, — призыв, повторяемый вслед за Христом: «*да будут все едино*, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17:21). Так названа одна из его энциклик — *Ut unum sint*.

Это не просто слова из Евангелия от Иоанна, не только цитата, которая была Папе особенно дорога; в этих словах нашла свое выражение суть его личности, деятельности — общественной, религиозной, политической; и творчества — художественного, богословского, философского, проповеднического; вся культура его бытия, которая покоится на убеждении в **единении**: человека — с человеком, народов друг с другом, государств и сообществ, верующих всех конфессий и религий, и каждого — с Богом, а через это — друг с другом. Папа исповедовал этот призыв, как дышал: естественно, глубоко и действенно. И не услышать его было совершенно невозможно, тем более что единением, стремлением к нему напитано всё им сказанное, прочувствованное и увиденное.

Почти пятьдесят лет назад, накануне Пасхи, словно предчувствуя — уже тогда! — собственную кончину, Папа писал в стихотворении «В Навечерие Пасхи 1966»:

*В эту ночь при гробе Твоем мы себя ощущаем **Единою Церковью** —
Ночь борьбы, что ведут непрестанно надежда с отчаяньем в нас.
Но борьбы этой ответ — в битвах истории нашей —
полнится ль смыслом? (Обретает его иль теряет?)*

*В эту ночь величавая поступь Земли
возвратится к своим истокам.
Тысяча лет — ночь ожидания при Гробе
Твоем.*

На единении покоился смысл его жизни и понимания ее, а когда он избрал путь религиозного служения, это стало определять и постижение им истории, смысла человеческих отношений и глубины веры. Он жил в полном самоотречении, который не был выбором, тут проявилась характерная для него тяга к естественности, которую он определил как **подлинность**, он выбирал то, что подсказывала жизнь, вне какого бы то ни было аскетизма, в чистом и ясном служении.

*Мое паломничество — к подлинности...
... Туда мой путь.
В места святыя.*

Гора Фавор: вид подлинности с высоты...

*Генисаретские берега. Подлинность, когда
находишься
В Капернауме, Вифсаиде или Магдале...*

*Подлинность вдохновения.
Места единения скорее в нас самих,
не на земле.*

Папа Иоанн Павел II с молодости был тонким и очень личным поэтом, лирика которого еще ждет глубокого анализа. Свою сознательную жизнь он начинал как актер создававшегося при нем М. Котлярчиком оригинального Рапсодического театра со своей особой театральной системой (опять же еще до конца не проанализированной, а было бы очень любопытно сопоставить ее с системой Станиславского). Однако прежде всего Иоанн Павел II был религиозно-общественным деятелем, следовательно — и политиком. И каждое его выступление, высказывание, энциклики воспринимались не только как выражение его программы, но и как политический акт. С самого начала своего понтификата Иоанн Павел II завел обычай особых

доверительных бесед во время еды — завтраков, обедов, ужинов, где в простой человеческой обстановке подчас решались важнейшие проблемы современности. На его аудиенциях побывали, вероятно, представители всех конфессий. С этого, пожалуй, начались его религиозные сближения и поиски общего языка со служителями разных верований.

Весь мир потряс его жест, когда он во всеулышание принес извинения от лица католиков евреям и всем последователям иудейской веры. Тема «Папа и еврейство» — отдельная, она требует особого рассмотрения, но мы не можем всё же не упомянуть, что евреи всегда были в числе его близких друзей, что он подлинный знаток Ветхого Завета. Нужно было обладать немалым мужеством, чтобы объявить себя — иерарха, главу Ватикана — младшим братом иудеев. Посещение им в 2000 году Яд Вашем — иерусалимского музея памяти Холокоста, молитва у стены плача и, конечно же, упомянутое покаяние резко изменили климат планеты. И если такой факт еще трудно назвать сближением — это лишь первые шаги на пути к нему, однако вырвавшееся у одного из еврейских журналистов признание: «Теперь я перестал бояться христиан», — является подлинным подтверждением важности и необходимости реального единения.

Иоанн Павел II вошел в историю как первый Папа, который переступил порог англиканской и лютеранской церкви, был гостем синагоги, буддийского храма, наконец мечети с соблюдением всех положенных правил — снял перед входом обувь. Большое удивление, если не переполох среди многих католиков вызвал его многозначительный жест: целование Корана со всем присутствующим пиететом и трепетом — как христиане целуют Библию. И для него это был такой же важный и красноречивый жест, как целование земли, пока позволяло здоровье и силы.

Все помнят, как во время Литургии в Вифлееме — священном месте для христиан, где родился Христос, Папа, услышав доносящееся пение муэдзина с минарета находившейся неподалеку мечети, прервал службу, чтобы в молчании

соединиться с мусульманским голосом, призывающим к намазу. А когда молитва была закончена, он со словами «Аллах Акбар» вернулся к службе. Существует мнение, что Папа даже вынашивал мечту совершить паломничество в Мекку².

Всё это — не отдельный, продиктованный личным желанием порыв, а продуманная линия поведения, отвечавшая современной политике Ватикана, взявшего курс на экуменизм.

Именно в среде католичества экуменизм оформился в своем современном варианте как движение, призывающее к единению всех христиан, но и не только. «Спасительный промысел объемлет и тех, кто признаёт Творца, и среди них прежде всего мусульман, которые, исповедуя свою приверженность вере Авраама, вместе с нами поклоняются Богу единому, милосердному, Который будет судить людей в последний день»³. Экуменизм, который еще совсем недавно трактовался как сугубо христианский термин, всё больше и больше получает значение широко понимаемой «встречи» и рассматривается сейчас как включение современной Церкви в религиозный диалог. Но в том виде, в каком экуменизм интерпретируется в рамках сугубо христианских, он был официально заявлен на II Ватиканском соборе, который проходил с 1962 по 1965 год и сыграл кардинальную, поворотную роль в распространении не только самого призыва, но и его конкретного воплощения в жизнь. На соборе был принят специальный декрет «Об экуменизме» (*Unitatis redintegratio*). Здесь, между прочим, подчеркивалось: «Но Господь веков, Который мудро и терпеливо осуществляет замысел своей благодати по отношению к грешникам, в последнее время стал обильнее изливать на разделенных друг с другом христиан дух раскаяния и желания единства. Повсюду есть великое множество людей, движимых этой благодатью»⁴.

Поставив перед собой конкретную цель, ограниченную лишь одной верой — христианской (состоящей, правда, из немалоого числа конфессий), собор, а в его лице — представители нынешнего католичества демонстрируют возможность подобного единения, подразумевающего не подчинение и централизацию, а разумное выявление и

прояснение тех проблем, которые когда-то разделили христиан, да и не только их. Стала очевидна та пропасть, которая развела по разные стороны христиан и мусульман. Ее преодолению были подчинены многие принятые на II Ватиканском соборе идеи и декларации.

Конкретно этому вопросу, отмечает А.В. Журавский, была посвящена специальная декларация — «О взаимоотношениях Церкви с нехристианскими религиями» («*Nostra aetate*»). Тот или иной ее аспект был затронут в ряде других документов: в догматической конституции «О Церкви» («*Lumen gentium*»), в пастырской конституции «О Церкви в современном мире» («*Gaudiam et spes*»), в декретах «Об апостолате мирян» («*Apostolicam actuositatem*»), «О пастырском долге епископов» («*Christus Dominus*»), «О миссионерской деятельности Церкви» («*Ad gentes*»), в декларациях «О религиозной свободе» («*Dignitates humanae*»), «О христианском образовании» («*Gravissimum educationes*»). Стоит выделить то, как собор обозначил пересмотр своей позиции в отношении мусульман. «Церковь с уважением относится и к мусульманам, поклоняющимся Единому Богу, живому и сущему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли» (Ср. Кор. 5, 18-19), говорившему к людям. Его установлениям, даже сокрытым, они всей душой стремятся подчиниться, как подчинился Богу Авраам, на которого охотно ссылается исламская вера. Хотя последователи ислама и не признают Иисуса Христа Богом, они всё же почитают Его как пророка и чтут Его девственную Мать, Марию, а иногда даже благочестиво призывают Её. Кроме того, они ожидают Судного дня, когда Бог воздаст всем воскресшим людям. Поэтому они ценят нравственную жизнь и высоко чтут Бога молитвой, милостыней и постом. На Соборе был принят специальный Декрет «Об экуменизме» (*Unitatis redintegratio*). Здесь, между прочим, подчеркивалось: «Но Господь веков, Который мудро и терпеливо осуществляет замысел своей благодати по отношению к нам, грешникам, в последнее время стал обильнее изливать на разделенных друг с другом христиан дух раскаяния и желания

единства. Повсюду есть великое множество людей, движимых этой благодатью»⁵.

Курс на единение, взятый Иоанном Павлом II, не кажется случайным еще и потому, что папославянин родился в небольшом городке Вадвице, что под Краковом, вырос на землях, издавна отличавшихся веротерпимостью, многоконфессиональностью и полиэтничностью: «Нет ничего невозможного у Бога. “Экуменизм” — это не только “благородная идея”<...>, но вместе с тем и серьезное испытание веры, надежды и любви, выход в сторону того, что “возможно у Бога”, наперекор тому, что по-человечески может казаться невозможным», — говорил Папа в разговоре с французским журналистом Андрэ Фроссаром⁶, которому почти как на исповеди рассказал о себе. «Люди должны знать, кто я и откуда, чтобы мне верить», — настаивал он.

Как бы преодолевая тяжесть прошлых конфликтов и приглашая последовать его примеру, Иоанн Павел II, обращаясь к мусульманам, назвал их братьями (вслед за иудеями — старшими братьями), хотя такое обращение традиционно имеет отношение только к единоверцам во Христе, тем самым демонстрируя важность и необходимость сближения, потребность во взаимопонимании, подчеркивая единство людей, которые суть общая семья, и их религиозные воззрения не могут быть почвой для вражды и разделения. Стараясь по возможности расширить идею экуменизма, ее из сферы строго христианской стали выводить в более широкую плоскость общения христиан с нехристианскими религиями — иудейской, мусульманской, буддистской, индуистской, и стала очевидна ее перспективная роль в странах, где преимущественно проживают смешанные народы. Но всё же главной заслугой Папы по сей день остается его протянутая рука в сторону мусульман — болевой точки всего мира. В Израиле еще только начинались интифады, самые страшные угрозы, которые получил мир от мусульман, были впереди, но Папа уже настоятельно искал пути для поиска диалога. (По мнению нынешнего папы Франциска, важное значение приобрело бы открытое осуждение терактов иерархами мусульманства — еще

несколько лет назад вряд ли кто из христианских иерархов решился бы сделать подобное предложение, да еще мусульманским иерархам.)

Один из первых своих визитов Иоанн Павел II не случайно нанес в Стамбул (с 28 по 30 ноября 1979 г.), где посетил Церковь Премудрости Божией, которая после падения Константинополя сначала была превращена в мечеть, а ныне тут музей, благодаря чему историческое место оказалось спасенным. «Я еду как брат», — сказал Папа в приветственной речи на аэродроме. Стамбул (Константинополь) — историческая столица Православной Церкви и резиденция Вселенской Патриархии, которую он давно мечтал посетить. Однако свой визит в Турцию он начинает с Анкары, столицы исламской Турции, наследницы Османской империи. Стоит заметить, что турецкие власти принимают активное участие в деятельности Патриархии, в чем, разумеется, можно видеть определенный госконтроль, но в то же время и остатки того исторического недоверия, которое характеризовало состояние этого государства в прежние времена. Не менее важно помнить и о том положении, когда христианские Церкви представлялись нераздельными и едиными. «Святой Андрей Первозванный, покровитель Константинопольской церкви, — говорил Папа, — был родным братом святого Петра, который вместе со святым апостолом Павлом основал Церковь в Риме и стал ее первым епископом. В некотором плане этот факт заставляет нас вспомнить о драме христианства с его разделением на Восток и Запад, но вместе с тем напоминает нам также о действительно глубоком сообществе, существовавшем при всех разделах между двумя Церквями»⁷.

Итак, одна Церковь — в Риме, а вторая — во «втором Риме», Константинополе, ставшем колыбелью Православия и, при всех сложностях и трудностях, показавшем необходимость общения православия, а шире — христианства, с другими религиями, в данном случае с исламом. Папа очень любил ссылаться на метафору Вячеслава Иванова о двух «легких» христианства: Православия как «второго Рима» и Католичества как «Рима первого», памятуя о тяжком расколе между

обеими Церквами. В голову невольно приходит ассоциация с подобным явлением в исламе, религия которого поделилась на шиитов и суннитов. В этом далеко не радостном сходстве таится и своего рода утешение: схожесть всегда говорит в пользу единства. Для этого есть общая молитва. «Такие совместные моления являются, несомненно, вернейшим средством испросить благодать единения, а также подлинным знаком тех уз, которыми католики до сих пор связаны с отделенными от них братьями», — говорится в декрете «Об экуменизме»⁸.

«И христиане и мусульмане согласны с тем, что встреча с Богом во время молитвы является необходимой пищей для души, без которой наши сердца останавливаются, а наша воля уже тянется не к добру, а поддается злу»⁹, — сказал Папа в мечети Омейядов в Дамаске, находясь там по приглашению Главного муфтия Сирии Альмада Кафтару. До этого Папа отказался от посещения мечети в Каире, когда посетил знаменитый университет Аль-Азар в мае 2001 года, не вошел он и в иерусалимскую мечеть, где палестинцы его приветствовали во время пребывания Иоанна Павла II на Святой Земле в 2000 году. И тот перелом, который наступил именно в Сирии, может быть, потому и произошел, что Сирийскую Республику возглавляют миряне. Это было следствием того, что сам визит не был одним лишь дипломатическим шагом, а существенным этапом в развитии диалога между исламом и христианами. Следовательно, есть почва, на которой легче всего организовать и провести диалог — культура. Кроме того, считал Папа, именно диалог свидетельствует об истинности веры: у людей, составляющих единую человеческую семью, и в то же время у людей верующих существуют общие обязанности, касающиеся социального блага, справедливости и солидарности. Межрелигиозный диалог, был убежден Иоанн Павел II, позволяет выработать различные формы сотрудничества, а это особенно отвечает нашим обязанностям перед бедными и слабыми¹⁰.

Папа полагал, что организация помощи нуждающимся как важнейший долг человеческого служения формируется на основе межрелигиозного

общения: «Я действительно надеюсь, что наша встреча в мечети Омейядов будет знаком нашего обусловленного стремления к развитию межрелигиозного диалога католичества и ислама <...>». Ведь все мы — члены одной человеческой семьи, подчеркивал он в заключение. Поэтому надо смело выходить за рамки своих внутренних проблем и обсуждать их совместно, «важно, чтобы христиане и мусульмане, не прекращали углублять наши философские и богословские вопросы, чтобы прийти к более объективному и целостному взаимному познанию своей религиозной веры». Чем лучше будет взаимное понимание, тем скорее — именно на практике, в реальной жизни, возобладает «способ представления двух наших религий не в противопоставлении друг другу, как это слишком часто имело место, а в партнерстве на пользу добра семьи человеческой»¹¹.

Первого сентября 2001 года в своей приветственной речи по случаю Дня мира, призывая к солидарности и взаимопониманию людей разных культур, Папа заговорил об уроке, преподанном историей и запечатленном в Книге пророка Исайи, который предвидел грядущее суровое испытание народам: «В тот день из Египта в Ассирию будет большая дорога, и будет приходиться Асур в Египет, и Египтяне в Ассирию; и Египтяне вместе с Ассириянами будут служить Господу» (Ис. 19: 23). Он цитировал Пророчество о Египте, словно предчувствуя новую и невиданную дотоле трагедию, обозначившую линию разрыва: 11-е сентября 2001 года, дата, которая повернула мир против мусульман. Молитва Папы, сразу после этого события, была исполнена просьбы и призыва: «Чтобы не накалялась спираль ненависти и насилия!»

А с 22 по 25 сентября того же года он находился в исламском Казахстане. На Богослужении в Астане, где собралось свыше 60 тыс. человек (мусульман и православных, по наблюдениям журналистов, было больше, чем католиков), Папа в своей проповеди заговорил о логике любви, которая способна соединить христиан и мусульман, склоняя их к совместному строительству цивилизации любви. «Эта логика, — сказал он, — позволит нам... соединить всех истинных друзей, которые

принимают нас в вечных храмах, на небесной родине». И после молитвы обратился ко всем собравшимся и людям всего мира с призывом к единению и молитве за мир: «Из этого города, из Казахстана, из страны, которая подает нам пример гармоничного совместного проживания людей разного происхождения и веры, я обращаюсь с горячим призывом ко всем — как христианам, так и представителям других религий, совместно вести такую работу, чтобы построить мир без насилия, мир, который любит жизнь и который развивается в справедливости и солидарности. Мы не должны себе позволить, чтобы то, что произошло, привело к углублению разделения. Религия никогда не должна служить обоснованием конфликта»¹². И когда на следующий день он встретился с представителями культуры и науки в Астане, известный казахский писатель Абиш Кегельбаев выразил ему в своей речи глубокую благодарность за диалог с исламом. В ответ Папа признался: «На этой земле, открытой для встречи и диалога <...>, я еще раз хочу выразить уважение к исламу со стороны католической Церкви — к подлинному исламу, тому исламу, представители которого молятся и выражают солидарность с теми, кто в этом нуждается»¹³.

Однако еще до известной нам всем трагедии «башен-близнецов» Папа на протяжении своего понтификата старался вести подлинный диалог в защиту мира, призывая всех преодолевать былые разногласия и исторические недоразумения; он был глубоко убежден в том, что это возможно. Все его выступления и обращения к представителям разных верований, и в частности к мусульманам, можно рассматривать как продолжение политики Ватикана, провозгласившего экуменизм, но вместе с тем здесь находит свое выражение и его личная мечта, а главное — непоколебимая вера в мир и счастье всех людей: «Церковь с таким же уважением смотрит и на магометан, почитающих Единого Бога, живого и самобытного, милосердного и всемогущего Создателя неба и земли, Того, Кто говорил людям, и они всем сердцем стараются даже подчиниться Его скрытому решению, как подчинился Богу Авраам, к которому вера ислама часто

и охотно прибегает <...>. А то, что в течение веков возникло много споров и вражды между христианами и магометанами, то святой Собор поэтому призывает всех вырвать из памяти прошлое, искренне трудиться на благо взаимопонимания и в интересах всего человечества совместно охранять и развивать социальную справедливость, моральное благо, а также мир и свободу»¹⁴.

Когда во время своего визита в Ватикан король Марокко Хасан II пригласил Иоанна Павла II в свою отчизну, Папа, поблагодарив его за приглашение, спросил, что он мог бы сделать для исламского края? Ответ монарха удивил бы кого угодно, только не Папу. Хасан II сказал: «Я убежден, что для десятков тысяч марокканцев, особенно для молодежи, будет огромным счастьем, если Ваше Высочество скажет им о моральных нормах и взаимоотношениях, которые влияют на личность, общество, народ и религию»¹⁵. Это было подлинное историческое событие, когда на стадионе в Касабланке впервые в истории Церкви молодые представители ислама слушали главу Римского Ватикана, который оказался приглашенным в страну исламским королем, и тот, кстати, сделал массу уступок в отношении проживающих в его стране католиков — им было позволено открыто исповедовать свою веру. Иоанн Павел II выступил перед почти восьмьюдесятью тысячами молодых марокканцев на французском языке, сделав специально для них нечто вроде обзора и краткого изложения вопросов христианского гуманизма. И молодежь слушала его с такой заинтересованностью и вниманием, как, быть может, не слушала в Европе.

Папа неустанно подчеркивал единство всех верующих. «Разве в мире, который желает покоя и единства, но который, однако, переживает тысячи напряжений и конфликтов, верующие не должны поддерживать дружбу и сближение между людьми и народами, которые создают на Земле единую общность? Мы знаем, что у них то же самое начало и та же самая конечная цель: Бог, который их создал и ждет, когда всех их соберет вместе»¹⁶.

В сущности, ставя перед всеми одну-единственную задачу — объединения под сознанием

того, что Бог Един, Папа шел дорогой, намеченной еще русским философом Владимиром Соловьевым, чья «Краткая повесть об антихристе» при всей своей видимой утопичности, намечала реальные структуры человеческого взаимодействия. Во многом и призывы Папы, и его жесты сегодня тоже могут показаться утопичными: теракты замучили Европу, до основания потрясают Израиль, чем больше и сильнее народ сплачивается и выступает против атак на него, на его представления о жизни и личную свободу, тем, наверное, яростнее готовятся новые теракты. Без диалога сверху — над политиками, только на уровне иерархов всех Церквей, этот вопрос не решить и даже не сдвинуть с мертвой точки. Есть глубокая правда в том, что Папа постоянно напоминал исторический факт: в течение всего первого тысячелетия сохранялась связь, а следовательно — и единство, между Римом и Константинополем.

Сделанный им вывод может послужить оправданной точкой для тех, кто в нынешней ситуации не видит реального выхода: «Мы все больше понимали, что разрыву ткани единства способствовал не только исторический эпизод или просто вопрос превосходства, сколько прогрессирующее отчуждение, что различия как таковые воспринимались уже не как общее богатство, но как несовместимость»¹⁷. «Почему так происходит?» — задавался Папа естественным вопросом, обращаясь за поддержкой к своему предшественнику Иоанну XXIII, цитируя его: «То, что нас объединяет, во много раз сильнее того, что нас разъединяет»¹⁸. Экуменизм — это и залог будущности общения, и молитва, и диалог, у которого есть свои методы ведения, покоящиеся на совместном поиске истины, испытании совести, преодолении разногласий. Обновление и обращение, считал Папа, возможно только на путях диалога, подразумевающего и различные формы встреч, совместной молитвы, сотрудничества. А сотрудничество, как известно, облегчает поиск единства¹⁹.

Отсюда неустанное стремление Папы выработать общие позиции не только с протестантской и англиканской Церквами, но и с православием, отношения с которым привели к чистому абсурду.

Как ни прискорбно, но пока никто из Отцов Ватикана так и не был приглашен в Россию, несмотря на то, что широкая общественность празднование Рождества начинает с католической даты.

Папа не переставал подчеркивать, что он как славянин всегда особенно остро ощущал в своем сердце ожидание народов, к которым обратились «апостолы единства» (так он называл святых Кирилла и Мефодия). «Апостолы славян» взяли на себя труд «изложить библейские идеи и понятия греческого богословия на языке, понимаемом в контексте совершенно иного исторического опыта и традиций мышления», исходя из главного постулата, который, по мнению Папы, особенно ценен: «Вероучение следует излагать так, чтобы оно было понято теми, кому предназначено Самим Богом»²⁰. Главную заслугу Кирилла и Мефодия Иоанн Павел II, который довольно чутко подходил ко всем проявлениям национальной культуры, возвращая слову **подлинность** (не приравнивая его к тождественности) его почти сакральный смысл, видел в стремлении святителей сделать так, чтобы Слово Божие «нашло свое выражение в языке любой цивилизации»²¹, при этом он всячески предостерегал от навязывания другим народам чужих авторитетов, языков, образов. Этим святым, их миссии Папа непосредственно посвятил энциклику «Апостолы славян» («Slavorum apostolic») и апостольское послание «Идите по всему миру!» (Euntes in mundum), написанное по случаю Тысячелетия Крещения Киевской Руси. Выступая на торжестве, связанном с провозглашением Кирилла и Мефодия покровителями Европы одновременно со святым Бенедиктом, Папа напомнил, что «славянские братья» «сформировались в лоне византийской Церкви в ту пору, когда та пребывала в единстве с Римом», и потому для него не случайна их связь со св. Бенедиктом, святым одновременно католической Церкви и Церкви православной, где его почитают как преподобного. Говоря о них, Папа отметил, что «стремился не только утвердить историческую истину о христианстве на Европейском континенте, но и выдвинуть еще одну важную тему для диалога между Востоком и Западом, с которым связано столько

надежд <...>. Как в святом Бенедикте, так и в святых Кирилле и Мефодии Европа обрела духовные истоки. И потому чествовать их надо вместе — как покровителей нашего прошлого и как святых, которым Церкви и народы Европы на исходе второго тысячелетия от Рождества Христова вверяют свое будущее»²².

Мы не случайно так подробно стараемся проследить путь, проложенный «славянским» Папой к мусульманскому региону. Сегодня, когда мир в очередной раз сотрясают террористические нападения (Лондон, Мадрид, совсем недавно Париж), когда Европа, открывшая свои ворота мусульманам, теперь расплачивается за свой шаг, когда за внешней культурой скрывается единственное желание — мстить и ненавидеть, опыт Иоанна Павла II доказывает правоту выдвинутой когда-то русским философом Владимиром Соловьевым идеи о Вселенской Церкви как единой Церкви человечества (правда, стоит заметить, что мыслитель «мусульманский мир» сюда не включал), которая наряду с другими общественными формами и институтами способна будет преодолеть кризис вражды. Надежда — было одно из самых любимых слов Папы, он любил всё, связанное с его символикой, особенно желтый цвет — цвет солнца, света, воздуха.

Энциклики Папы, при всей их ярко выраженной публицистичности, с одной стороны, и наукообразии — с другой, «молитвенного духа» и «богословского метода», сквозь легко при этом воспринимаемые слова и образы, пронизывала важная философская мысль, которая рождается вроде бы случайно, не она — цель высказывания и тем не менее способна сделать строгий документ трактатом. Рассуждая на тему «Между памятью и ожиданием» в апостольском послании с многозначным названием «Свет с Востока» (*Orientale lumen*), Папа формулировал собственное понимание Времени, которое, как никакая другая категория, способно объединять разные отрезки, состояния, моменты: «Зачастую мы чувствуем себя сегодня пленниками настоящего, как если бы человек почувствовал, что он утратил ощущение принадлежности к истории, которая ему

предшествует и за ним следует. В этих условиях по обретению себя между прошлым и будущим, с душой, преисполненной благодарности за полученные и за ожидаемые благоденствия, Церкви Востока особо выделяют значение преемственности, носящей названия Предания и эсхатологического ожидания». В этом отрывке в характерной для Папы многослойной, но вместе с тем абсолютно открытой манере ученого и проповедника, глашатая и поэта дана формула Времени, над которой начиная с Августина бьются современные философы (Гуссерль, Хайдеггер, Ингарден и др.). Нет настоящего, прошлого и будущего, есть Предание и эсхатологическое ожидание, между которым человек живет и развивается. В таком самоощущении приобщенность к Богу дается естественно и свободно. И через эту приобщенность может возникнуть опора, которая позволит выработать общую платформу, чтобы противостоять злу.

«Ежедневно с Востока восходит солнце надежды — Свет, поддерживающий существование рода человеческого... С горечью мы воспринимаем то, что до сих пор между нами нет евхаристического общения. Теперь, когда тысячелетие завершается и наш взор всецело обращен к восходящему Солнцу, мы с благодарностью находим братьев и сестер там, куда направлены наш взор и наше сердце»²³. Свет — всеобъемлющее начало, его трактовка близка образной системе отца Павла Флоренского, который называл икону «наглядной разумностью» и рассматривал ее как «дело Того, Кто видит этот мир»²⁴, уточняя: «Свет, если он наиболее соответствует иконной традиции, золотится, т.е. является именно светом, чистым светом, не цветом. Иначе говоря, все изображения иконы возникают в море золотой благодати, омываемой потоком Божественного света»²⁵.

«Свечение отцовства» — таково название мистерии Войтылы, обращенной к молодежи и написанной для молодежи. Она является для него символом наступающего дня, который начинается с восходом Солнца и всегда несет надежду, предназначенную прежде всего молодым.

Москва — Цур-Адацца

Примечания

¹ Елена Твердислова — прозаик, переводчик, эссеист. Постоянный автор «Вестника Европы».

² Poniewierski J. Allah akbar. Jan Paweł II: gesty. Tygodnik Powszechny. 2005, N 44, 30 października. S. 11.

³ *Документы II Ватиканского собора*. М., Паолине, 1998. С. 78. Особое внимание Собор уделил исламу. Впервые за 14 веков сосуществования двух религий Церковь официально высказалась в позитивном плане о мусульманах, признавая их особый религиозный статус. Католическая печать уподобила изменение позиции церкви по отношению к исламу «коперниковскому повороту». Это сравнение не покажется преувеличенным, если учесть, что еще в конце 1950-х годов энциклика Пия XII «Fidei donum» (1957 г.) расценивала распространение ислама в Африке как «угрозу для Церкви», а четырехтомная «История католических миссий» рассматривала его растущую активность как бедствие, сравнимое разве что с коммунизмом» С. 176.

⁴ *Документы II Ватиканского собора...* С. 143.

⁵ *Документы II Ватиканского собора...* С. 143.

⁶ Французский журналист-католик одним из первых взял у Папы интервью, которые потом составили книгу его «разговоров» с Иоанном Павлом II. Книга была издана сразу же на

многих европейских языках, в том числе и по-польски — родном языке Папы. См.: Frossard A. „Nie lękajcie się”: Rozmowy z Janem Pawłem II. Kraków, 1982.

⁷ *Jan Paweł II Kolekcja*. Cz. 2. Z. 16 (41). 2000lat chrześcijaństwa. Księga XI. S. 13. В| м, 2003-2005.

⁸ *Документы II Ватиканского собора...* С. 151.

⁹ *Jan Paweł II. Dzieje Papieża*. В| м, 2003-2005. Z. 8. S. 245.

¹⁰ *Ibid...* S. 245.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Jan Paweł II Dzieje Papieża*. Z. 8. S. 242

¹³ *Ibid...* S. 243.

¹⁴ *Jan Paweł II Kolekcja...* Cz. 2. Z. 16 (41).

¹⁵ *Ibid...* S. 244.

¹⁶ См. Экуменизм Иоанна Павла II *Jan Paweł II Kolekcja...* Z. 14. S. 25 — 28.

¹⁷ Иоанн Павел II. Сочинения. Т. 2. С. 189.

¹⁸ Там же... С. 19.

¹⁹ Там же... С. 54.

²⁰ Там же... С. 17.

²¹ Иоанн Павел II. Сочинения. Т. 2. С. 18.

²² Там же... С. 40.

²³ Иоанн Павел II. Сочинения. Т. 2. С. 199.

²⁴ *Флоренский П.А* Иконостас. М., 1994. С. 140, 75 и др.

²⁵ Там же... С. 129. ● ● ●

РОЛЬ католической Церкви в современной Польше

Марчин ЗАТЫКА

Особая роль католической Церкви в современной Польше связана с прошлым, где глубокий след оставили близкие отношения между структурами государства и Церкви. Большую часть истории государства оба этих института взаимно проникали друг в друга, создавая сеть административных, культурных и общественных связей. Польша уже в самом начале своего существования соединилась с христианством, так как войти в семью государств было возможно именно благодаря Церкви. Крещение, принятое в 966 году князем Мешко от чешского епископа Войцеха, открыло польские племена миру, введя их в круг средиземноморской культуры. В результате благодаря Церкви, Польша получила образованных священников, знающих иностранные языки, государственное управление, основы образования и, что является наиболее важным — сильный аргумент против немцев, которые под предлогом обращения в христианство напали на польские земли.

Церковь, освобождённая от немецкого влияния, оставалась в близких отношениях с последующими правителями Польши и всё сильнее соединялась с национальным самосознанием поляков. Доверия к Костелу не подорвала даже поддержка папством крестоносцев в вооружённых конфликтах, направленных против Польши с XIV по XVI век, поскольку польские епископы и духовенство встали на сторону народа. Особенно большую поддержку представители Церкви оказали польскому обществу в период утраты независимости в результате начавшихся в конце XVIII века разделов страны. Именно благодаря Церкви, единственному в то время польскому институту, легально действовавшему во всех частях оккупированной Пруссией, Россией и Австрией страны, сохранился национальный дух поляков. Католи-

ческая Церковь заботилась о национальных традициях, распространяла обычаи и родной язык, а также развивала общественную жизнь. Деятельность духовных лиц приносила плоды: уже в начале XX века, то есть после более чем ста лет аннексии, в основных религиозных обрядах принимало участие более 90% поляков. Таким образом, произошла идентификация двух понятий — поляк и католик. Польская Церковь также разделяла судьбы населения, преследуемого оккупантами: её наказывали за попытки выступлений против захватчиков, лишая имущества. Во время Второй мировой войны Церковь подверглась ещё более жёстким преследованиям: погибло более трех тысяч священнослужителей, то есть около 30% всех представителей Церкви, работавших в то время на польских землях.

Окончание войны не принесло польской Церкви спокойствия, она лишь в очередной раз разделила судьбу общества, вынужденная функционировать в государстве, управляемом коммунистами. Одним из главных принципов в ПНР было распространение атеизма в обществе, церковное имущество, в свою очередь, почти в полной мере было изъято государством. Однако, несмотря на трудности, Церковь пользовалась расположением граждан, являясь в течение более чем сорока лет существования режима не только самой крупной оппозиционной силой и представителем католического в своей массе общества перед лицом диктатуры, но также в очередной раз выступила в качестве хранителя национальных традиций поляков. Церковь стала ядром моральной оппозиции. Она не конкурировала с правящими коммунистами за осуществление государственной власти, как это делают политические партии, но в рамках своей морально-религиозной миссии выполняла две задачи — евангелизационную и культурную, направленные на защиту прав человека, семьи и народа. Таким образом, Церковь заменяла полякам, по крайней мере в области культуры, отсутствие собственного политического суверенитета. В то время, когда общество было лишено подлинного политического представительства, Церковь выполняла функцию единственной официально су-

ществующей оппозиции по отношению к коммунистической власти, несмотря на то, что сама также подвергалась преследованиям и притеснениям.

Однако именно это в период диктатуры, отмеченной попыткой режима подчинить католическую иерархию и ограничить роль Церкви в общественной жизни, сформировало модель религиозности поляков. Решающее влияние имела здесь персона кардинала Кароля Войтылы, позднее папы Иоанна Павла II. Краковский иерарх зарекомендовал себя среди своих соотечественников ещё во время празднования Тысячелетия Крещения Польши, умалить значение которого коммунисты пытались конкурирующими торжествами Тысячелетия Польского государства. Власти в то время соперничали с епископами за расположение общества и, принимая во внимание массовое присутствие поляков на праздновании Крещения, эту борьбу они проиграли. Тем временем этот успех усилил позицию двух лидеров польской Церкви — кардиналов Вышинского и Войтылы — не только в стране, но также и на международной арене. Проявлением этой популярности было избрание Кароля Войтылы папой во время конклава в 1978 году. Это событие, важное для истории всей Римско-католической церкви еще и по той причине, что закончилось 455-летнее доминирование на папском троне итальянских кардиналов, укрепило позицию польских церковных иерархов в переговорах с коммунистическими властями по вопросу соблюдения прав человека и гарантий религиозной свободы.

Уже в первые месяцы исполнения своих обязанностей на новом посту Кароль Войтыла показал, что намерен остаться рядом со своими соотечественниками. Спустя всего лишь восемь месяцев с момента выбора Папой, он посетил перегруженную в диктатуру Польшу. С этого времени довольно часто, в среднем каждые четыре года, а в середине 1990-х годов — даже и каждые два — он приезжал на родину с пастырской программой, представляемой во время проповедей, лекций и встреч с согражданами. Уже первое паломничество папы доказало, что благодаря новой должности Войтылы польская католическая Церковь укрепила свой моральный авторитет. В июне 1979

года Иоанна Павла II бесчисленные толпы верующих приветствовали папу, а польское общество впервые за многие годы увидело свою силу. С сегодняшней перспективы не подлежит сомнению, что Святой отец «разбудил» соотечественников. Не далее как спустя год после его первой поездки на родину по Польше прокатилась самая мощная в её истории волна забастовок, в результате которых на политической сцене — впервые с 1947 года — появилась сильная оппозиционная структура — Независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность».

После 1980 года, перед лицом возрастающего напряжения между оппозицией «Солидарности» и партийно-государственным аппаратом, церковные власти приняли на себя функции переговорщика и посредника, чтобы процесс начавшихся перемен продолжался в мирном русле. Независимая организация, которая с первых дней своего существования пользовалась поддержкой духовенства и епископов, могла также рассчитывать на поддержку Церкви в переговорах с коммунистическими властями, особенно в трудный период репрессий военного положения, объявленного 13 декабря 1981 года. Церковные иерархи заступались за арестованных политиков оппозиции, прося руководство режима об их освобождении. Одновременно представители церковного руководства стремились установить диалог между правительством и членами «Солидарности», объявленной вне закона вследствие военного положения. Переговоры между двумя сторонами, предпринятые в середине 1980-х годов, позволили начать диалог, который привёл к организации заседаний «Круглого стола» — серии переговоров между представителями режима и оппозиции по поводу внутренних реформ. Именно эта первая, после более чем сорока лет диктатуры, имевшая организованный и узаконенный вид, форма переговоров между властью и демократическими силами привела к установлению 4 июня 1989 года первых частично свободных выборов в государстве Восточного блока. Результаты выборов подтвердили, что оппозиция пользуется огромной поддержкой общества. Гражданский комитет «Солидарность»

получил почти всё, что можно было выиграть, то есть «предложенные» коммунистическими властями 35% мандатов в Сейме, а также 99% в Сенате. Эти выборы инициировали процесс перехода от коммунистической диктатуры к либеральной демократии, а осуществлявшая диктаторское руководство Польская объединённая рабочая партия отказалась от принципов марксистско-ленинской идеологии, перейдя на прагматические позиции. В результате это привело к возникновению политического плюрализма в Польше, в том числе и к распаду коммунистической системы в Европе.

Церковь сыграла также важную роль в становлении первых элит трансформирующейся в демократическое государство Польши. Это под её опекой находился единственный относительно независимый научный центр существования режима — Католический университет Люблина, обучавший студенческую молодёжь в соответствии с западноевропейскими стандартами. Многие его выпускники вошли в состав создававшейся после 1989 года посткоммунистической государственной администрации. В свою очередь, основанные при участии священнослужителей ещё во времена диктатуры, Клубы католической интеллигенции собирали в своих рядах интеллектуалов-демократов, многие из которых с 1989 года уже в качестве министров имели значительное влияние на политику кабинета Тадеуша Мазовецкого — главы первого демократического правительства Польши после Второй мировой войны. Сам премьер-министр в прошлом тоже являлся членом Клуба католической интеллигенции. Люди, связанные с клубами, также активно включались в создание новой демократической партийной системы в Польше. Большинство из них сблизилось с Гражданским комитетом «Солидарность», придав движению христианский характер.

После 1989 года роль католической Церкви в Польше претерпела значительные изменения. Она перестала выполнять функцию переговорщика между коммунистическим режимом и оппозицией, которая окончательно получила власть. В условиях демократии возникли различные политические партии, соперничающие между собой за поддерж-

ку общества на выборах в органы местного самоуправления, в Сейм и Сенат, а после вступления Польши в Европейский Союз в 2004 году — также и на выборах в Европейский парламент. Однако роль Церкви в общественной жизни на этом не закончилась. На сегодняшний день она активизируется в качестве общественного института, который взял на себя функции дидактической и воспитательной миссии. В этой роли Церковь также воздействует на политическую жизнь, однако она делает это косвенным образом, в частности, путём папских посланий епископов, сообщений по важным для общественной и национальной жизни вопросам. В период парламентских выборов церковные иерархи обращаются к верующим с призывом участвовать в них и проголосовать за кандидатов, руководствующихся этическими принципами, имеющими корни в христианских ценностях.

Католики принимают активное участие в политической жизни Польши, что подтверждают проведённые после 1989 года, то есть уже в реалиях свободной Польши, исследования общественного мнения. Они доказывают тесную зависимость между участием в религиозных обрядах и активным участием в каждых очередных выборах в парламент и органы местного самоуправления, поддержкой демократии, деятельностью в гражданских организациях или симпатией к правоцентристским политическим партиям, корни которых уходят к «Солидарности». Опросные листы подтверждают, что не только верующие, но также и польские священники являются той общественной группой, которая в довольно высокой степени принимает демократическую систему.

Несмотря на некоторое ослабление поддержки обществом в 1990-е годы, роль Церкви в Польше, однако, по-прежнему осталась существенной, в большой мере благодаря Иоанну Павлу II. Папа был бесспорным авторитетом у себя на родине как у людей верующих, так и неверующих. Несмотря на то, что со дня его смерти прошло уже много лет, он всё ещё пользуется большой популярностью среди своих соотечественников. Они по-прежнему массово участвуют в многочисленных мероприятиях, связанных с Каролом Войтылой (например, в Днях

Папы или в открытиях объектов и мест его памяти). В душепастырской программе польской Церкви продолжает доминировать учение папы-поляка, — и не только из-за его национальности, но и потому, что большинство католических епископов чувствуют себя с ним связанными эмоционально. Ведь многие епископы были рукоположены именно во время понтификата Иоанна Павла II, впрочем, как и большинство польских священников, которые приняли духовный сан в этот период.

Подавляющее большинство польского общества, в котором преобладают католики, также помнит папу-поляка и его частые паломнические поездки на родину, которые определяли ритм жизни Церкви. С 1989 года папа посещал Польшу пять раз, делясь со своими соотечественниками посланиями, касающимися религиозных, моральных и общественных вопросов. Он побуждал к действиям, укрепляющим институт семьи, а также к принятию на себя ответственных гражданских задач, например, таких как объединения в религиозных и общественных организациях («Католическая Акция», католическое харцерское движение и т.д.).

Папа призывал к тому, чтобы миряне активно включались в жизнь Церкви, а также в политику, хотя он не был ни сторонником создания христианско-демократической партии, ни христианского профсоюза. Тем не менее он оставил след в партийных уставах, и теперь большинство присутствующих в парламенте деятелей политических партий и сегодня ссылаются на христианское наследие Польши и учения Иоанна Павла II.

Несомненно, папа оказывал сильное воздействие на духовенство, он имел позитивное влияние на новые рукоположения в священники. Как показывают социологические исследования, в период понтификата Иоанна Павла II число рукоположенных в духовный сан в Польше достигло динамики, никогда прежде не отмеченной. Современная польская Церковь, в отличие от остальной Европы, не сталкивается с кризисом рукоположений, даже несмотря на демографическую яму. В 1998–2001 годах, то есть на закате понтификата Иоанна Павла II, число студентов в епархиальных и монастырских семинариях составляло около

семи тысяч человек. Хотя в течение последующих десяти лет это число сократилось почти на половину, польские семинаристы по-прежнему составляют более 25% всех европейских семинаристов. Кроме того, польская католическая Церковь является одной из самых молодых поместных Церквей на нашем континенте. Средний возраст обычного священника составляет около 50 лет. По всей стране служит около 29 тысяч священников, 1500 пребывают в миссиях, из которых 700 человек находятся в республиках бывшего СССР.

Несмотря на то что католическая Церковь в Польше не поддерживает никакой политической партии, а сам Иоанн Павел II напоминал политикам о том, что никакая группа не может представлять Церковь, епископы и папа сказали своё «да» кандидатуре Польши в Европейский Союз. Эти устремления поддерживались всеми правительствами с 1989 года, независимо от их идейной ориентации. Роль церковных иерархов была в этом вопросе нелёгкой, поскольку значительная часть католических кругов проявляла недоверие по отношению к вступлению Польши в ЕС. Со временем эти настроения менялись, чему, несомненно, поспособствовали визиты в Брюссель польских епископов, послания епископата верующим, высказывающиеся положительно по поводу европейской интеграции, а также высказанное в 1999 году Иоанном Павлом II в польском Сейме пожелание вступления Польши в структуры Евросоюза. Папа повторил его в мае 2003 года, за месяц до референдума о присоединении, в котором значительное большинство его соотечественников проголосовали за интеграцию Польши с Европейским Союзом.

Перевод с польского Денис Беляев
Публикуется с согласия журнала
Res Publica Nowa

© Текст: М. Затыка
 © Перевод: Д. Беляев

Татьяна ЩЕРБИНА

Я ехала — впервые — в Польшу, ожидая увидеть потрясающе красивых и элегантных полек — таких как Анна Герман, Барбара Брыльска, Эва Демарчик, которых в России знают все.

Я ехала в Силезию, о которой знала, что это край шахтеров, регулярно поднимавших восстания. Шахтеров почти не осталось: кто же они теперь, силезцы?

Я ехала в Ченстохову — чудотворная икона, Матка Боска Ченстоховска, звучит волшебным, ее так и называют, без перевода на русский язык, и я представляла себе местных жителей, чья жизнь основана на чудесах.

...Икона, называемая «Черная Мадонна» — то ли от времени, от копоти свечей потемнела, то ли с самого начала была такой. Легенд вокруг иконы, происходящей из Византии, много; версии теологов — католических и православных, историков, искусствоведов расходятся разительно. А икона не простая — писана самим евангелистом Лукой, с натуры, то есть натурально портрет. Есть версия, что Мария рассказывала Луке, сидя за столом, жизнь своего сына, Иисуса, а он слушал и писал женщину, превращающуюся в богиню, на липовой доске столешницы (иконы обычно писались на кипарисовых досках). Тут ведь какой перелом произошел: человек, каждый человек, получил возможность стать божественным. Его Богом — не творцом, а наставником, спасителем, направляющим — стал человекобог, богочеловек, потому в наихристианнейшей некогда Франции обращаться друг к другу стали «monsieur» (сокращенно от “mon seigneur”, мой господин, мой бог). Madonne — «моя донна», обращение к Марии, Богоматери — вошло

ЧЕНСТОХОВА

в европейские языки в итальянском варианте, хотя попервоначально у французов было свое слово Dame (Notre-Dame), как и обращаются ко всякой женщине, «madame». До Французской революции так обращались только к благородным, после — благородными стали, должны были стать по крайней мере все.

Икону в IV веке увезла в Константинополь Елена, потом ее подарили Киевской Руси, основателю Львова князю Льву Галицкому, который поместил ее в домовую церковь своего замка в городе Белз, отвоёванном в 1030 году киевским князем Ярославом Мудрым у поляков. Белз — центр удельного княжества, стоящий на перекрестке торговых путей между Краковом, Киевом и Балтикой. И вот однажды правящий там князь Владислав Опольский увозит икону, уже имевшую славу чудотворной, из Белза. Произошло это, по легенде, после набега татар. Князь выставил ее на городской стене, и икона совершила чудо: на город спустилась непроницаемая мгла, и захватчики стали убивать друг друга, но одна стрела попала в лик иконы, в шею, и из раны потекла кровь. Это было в 1382 году, как раз когда Белз перешел из-под юрисдикции Венгрии к Польше. Венгерский, поскольку делал карьеру при дворе венгерского короля, князь Владислав становится польским, а Силезия и так принадлежала ему по наследству. Туда он и уезжает, но икону домой не везет, а оставляет в Ченстохове, в монастыре паулинов, который недавно построил, как велел ему епископ Добеслав Сувка, в качестве епитимьи за некую финансовую провинность.

Одни утверждают, будто Владиславу приснился сон, что он должен оставить ее у паулинов. Другие

говорят, что князь остановился тут на ночлег, а когда хотел забрать икону, та словно прилипла к месту. Легенды — это устные предания, история — письменные. Разница, по сути, невелика: там и там случаются и искажения, и намеренные фальсификации. Как бы то ни было, Владислав оставляет Матку Боску в монастыре Ясной Горы. С тех пор икона не просто живет здесь — католики считают ее Королевой Польши. И называют «сердцем Польши» — оба титула история неоднократно подтверждала.

Польша — может быть, единственное государство, которое периодически исчезало, когда его делили между собой соседи, и снова возрождалось. Почему так происходило именно с Польшей — не объяснить тем, что она маленькая (Швейцария еще меньше), слабая, бедная (есть и слабее, и беднее). Нет в Польше ни золота, ни алмазов, ни нефти, ни газа, чтоб она была лакомым куском, а поди ж ты. Ее кусками прирезали себе Австрия, Пруссия, Россия, потом Германия и СССР, менялись названия, вплоть до того, что Катовице, ныне столица Силезии, звалась Сталинградом. Зыбкость наименований — это зыбкость границ, неустойчивость формы, а стало быть, недоговоренность, противоречие внутри народов, помещенных в эти границы. Россия тоже только успеваешь менять вывески и печатать новые карты местности. Ченстохова всегда была Ченстоховой, но ее помещали в самые разные «емкости»: Малая Польша, Российская империя, теперь это Силезское воеводство. При том, что она никогда не была частью Силезии, хотя основана силезским князем.

Но я еще ничего не знаю о Ченстохове и Силезии, пока что мы с Лидией ужинаем в ресторане близ

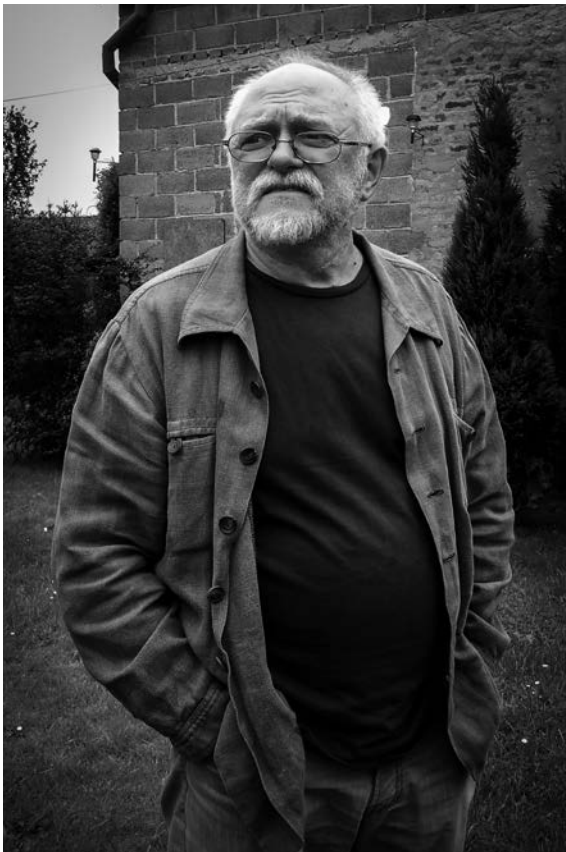
Замковой площади, и когда Лидия открывает свою сумку, чтоб оплатить счет, она обнаруживает, что кошелек — вместе со всеми документами и картами — украли. Она повесила сумку на спинку стула, а за соседний стол как раз наведальсь жулики. Как сказала официантка — они здесь уже второй раз за день: сели, посмотрели меню и ушли. Камеры видеонаблюдения не помогли — жулики канули и даже не подбросили документы, как иногда случается.

«Хорошенькое начало!» — подумала я, садясь на поезд, следующий в Ченстохову. Поезд — чух-чух-чух, расстояние от Варшавы всего-то 223 километра, а он идет 3 часа 34 минуты. Хорошо, поляки — галантные люди, спустили мне на платформу чемодан, сама бы я не справилась: подножка поезда сантиметров на 30 выше, чем платформа, и пропасть между ними примерно такой же ширины. Инвалидов просят не беспокоиться. Хоть и делают для них пандусы и скошенные тротуары в центре Ченстоховы, но поди

туда доберись. В окна поездов смотреть не надо: полуразрушенные, закопченные бетонные коробки и заборы — будто война только-только закончилась. Понятно — нет денег, нацисты разрушили все до основания, коммунисты настрогали «хрущоб», лицо — Варшава — буквально восстановлено из пепла, а на остальное уже не хватило. Теперь только видишь островки — среди разрухи блестят отреставрированные или вновь построенные хорошенькие здания, и всё это — милости Евросоюза, его деньги, он теперь — покровитель Польши.

Ченстохова — это и вправду сердце страны, все перипетии истории сходятся здесь. Период, когда Швеция захватила Польшу, получив отпор только в маленькой Ченстохове, после чего вынуждена была ретироваться, описан в романе Сенкевича «Потоп». Матка Боска Ченстоховска, Королева Польши, прогнала шведов, нет другого объяснения. Но не во всем она помогала. В начале 1860-х годов в Польше набирало силу восстание за независимость от Российской империи. Были, как впоследствии и в русской большевистской революции, свои «белые» и «красные», так и назывались. Красные выступали за бескомпромиссное отделение, белые — учитывая, что Польша имела определенную автономию, — только за расширение свобод. В 1864 году восстание, в том числе в Ченстохове, было подавлено, отнята и автономия, и те свободы, что были. Сотни поляков расстреляли, тысячи сослали в Сибирь. Самое смешное, что эти жестокие и масштабные репрессии (восстание охватило также Литву, частично Украину и Белоруссию, входившие в Империю) происходили не при каком-нибудь тиране, а при царе-освободителе Александре II.

Дело не в личности царя, а в логике Ига: если его не сбросить одним махом, оно ожесточается и наносит ответный удар. Потому так зверствовали «красные» (большевики) с октября 1917-го в России, вплоть до убийства всей царской семьи и конфискации имущества знати и «кулаков», то есть зажиточных крестьян: учитывая весь предыдущий опыт, били наверняка, истребляли до корня. Впрочем, это не помогло — Иго нельзя сбросить, его можно только перевернуть. Характерно, что вождями русских «красных», как и польских за полвека до этого, в основном были евреи (в Польше — Я.Домбровский, Б.Шварц,

Скульптор Ежи Кодворя Фото: Т. Шербина

Фото: Т. Шербина

А.Гиллер). Еврейская тема тесно связана с польской. Белз, где до поры хранилась икона Матки Боски, был городом на треть еврейским, важным хасидским центром. Позже евреи массово (та же треть населения) поселились в Ченстохове, и нацисты устроили здесь гетто. Сегодня на том месте, откуда из гетто отправляли в Трешлинку, стоит памятник Холокосту. Это возле реки Висты, которая, как многие реки в мире, усыхает, но все же течет, только вид ее непригляден — вся заросла водорослями и илом, в ней плавают мусор, а попереки и по берегу тянутся уродливые трубы. Нет денег почистить, проложить трубы под землей, и район здесь — самый неблагополучный: по улицам бродят опустившиеся алкоголики и бомжи. Неподалеку — кафедральный собор, краснокирпичная махина, которой реставрация придала вид новостроя, но хоть это и главный костел города, не сравнить с обителью Матки Боски: сам Ясногорский монастырь — дворец, и вся территория вокруг — цветущий сад.

К монастырю ведет аллея Пресвятой Девы Марии — единственная улица города в достойном состоянии. Горожане ворчат: все время ремонт, ни проехать ни пройти. Закончены первые два отрезка аллеи, третья часть, дальняя от монастыря, еще перерыва. Ничего, надо немного потерпеть. Я знаю, те, кто все время, веками терпят, потому что Иго не исчезает, а только поворачивается другим боком (и еврейский радикализм — «выйти из Египта» — не в помощь), тяготятся даже коротким ожиданием, сулящим благо. Но не должен же городок, хранящий реликвию, к которой каждый день устремляются тысячи паломников со всего мира и со всех концов Польши, а в августе, в «сезон пилигримов» миллионы, — быть захолустьем! Тут и помимо Ясной Горы есть на что посмотреть.

По всему городу, если поднять голову, в небе висят скульптуры. Невероятное зрелище: по виду массивные, из бронзы или из камня, висят, как воздушные акробаты, человеческие фигуры, держась за натянутую проволоку рукой, пуантом, «пятой точкой» — и не падают. Их треплет ветер, но они неколебимы. Это же чудо, как и положено в городе чудес! Автор — Ежи Коджора, который изобрел эту новую жизнь городской скульптуры. Стоящие-сидящие памятники, абстрактные изваяния — набили оскомины. Все они исполнены в том или ином стиле, и ничто

новое, кажется, уже невозможно: скульптура исчерпала себя как вид искусства. Во всех городах мира ставят теперь всевозможных уродцев — неуродцы не получаются по объективной причине: не Аполлонов же копировать! Последний гениальный взлет — середина XX века, кинетические скульптуры Жана Тэнгли, с тех пор — только подражания. Ну, каменные толстячки Генри Мура, яркие расписные бабищи, губищи и черепищи Ники де Сен-Фалль, жены Тэнгли (одна из них украшает главный вокзал Цюриха).

В скульптуре стало неважно, *кого* изваяли. «Бабочка» Мура, например, — никакая же не бабочка, а прямо-таки туша юрского периода! Коджору интересует только человек, если у него и появится бабочка — то как аксессуар. Тут неважно, в какие формы облачили, главное — изваяние живет в небе, это человек, нашедший точку опоры. Имея в виду афоризм «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир». Скульптуры Коджоры держатся балансом, равновесием, которое возможно, если найдена та единственная правильная точка опоры. Есть такие поделки — деревянные стрекозы, которые приткнешь клювом к горлышку вазы, например, и она вся, с ее длинным тельцем и крыльями, висит в воздухе и не падает. У меня такая есть — с вьетнамского базара. Этим-то «аэродинамическим» феноменом и воспользовался Коджора. Скульптуры его только кажутся бронзовыми или каменными, на самом деле они довольно легкие, примерно 50 килограммов, сделаны из углепластика, с бронзовым или мраморным напылением, отчего и кажутся литыми. Коджора говорит, что изначально его идея была чисто социального свойства: хотел, чтоб висающие скульптуры падали и разбивались, чтоб показать, как падает и разбивается общество. Типа художественной акции протеста. Такая одноразовая скульптура, как и многое теперь в жизни, — одноразовое. Но потом скульптор решил, что лучше найти возможность удержать, чем потворствовать падению. И у него возникла идея балансирования.

Такие скульптуры он делает уже пятнадцать лет, выставляется по всему миру; характерно, что его персональную выставку устраивал Лурд, город-побратим Ченстоховы, где было явление Девы Марии. Правда, Ченстохова даст форы: в Лурде — одно воспоминание о видении, а тут — Королева всегда на месте,

только иногда отдыхает. Отец Роман, монах и священник, паулин в белых одеждах, провел для меня экскурсию по монастырю и в какой-то момент повел на балюстраду: пора было закрывать икону, а открытие и закрытие происходят торжественно. Отец Роман взял трубу и вместе с юными послушниками сыграл ясногорский гимн, после чего над иконой — в золотой ризе и драгоценных камнях — опустил занавес. «У всякой королевы есть часы аудиенции, — объяснил мне ксендз, — а Королева Польши общается с таким количеством людей и исполняет столько просьб, что ей надо отдыхать больше». В том, что Мария присутствует в своей иконе и творит чудеса, отец Роман, живущий в монастыре уже 35 лет, не сомневается. Буква «М» — Мария — вышита на всех здешних сутанах, она горит золотом на воротах монастыря, это здесь

главная буква: Мария, она же Мать. Количество висящих в монастыре серебряных глаз, ног, рук, отброшенных костылей, ожерелий из янтаря и кораллов, преподнесенных в дар исцеленными или получившими то, что просили, не поддается исчислению.

Ежи Коджора хоть и светский скульптор, но то, что его персонажи живут в небе, возвращает нас все к тому же «сердцу Польши» — небесному сердцу. Неслучайно он получает первую премию на польском конкурсе понтифика «Крест в жизни современного человека». 70 процентов поляков верят в то же, во что и отец Роман, так что конкурс этот и приз Коджоре неудивительны. Собственно религиозных скульптур Ежи не делает, но отношение поляков, тем более ченстоховцев, к Матке Боске таково, что чувство значит больше, чем церковная догматика и атрибутика.

Польские пилигримы, «пилигжимки», приходят в монастырь в шортах и ярких майках — у каждой группы свои цвета и надписи, чтоб в толпе не потерять своих. В России церковь требует строгого дресс-кода: женщины в юбках и платках, мужчины — в брюках. Группы собираются прямо как профсоюзные — пожарники идут своей колонной, полицейские или студенты — своей. Они — коллеги, и у каждого есть причина пройти пешком сотни километров; часто у Матки Боски просят что-то и дают обет: если исполнится — идти благодарить в Ченстохову. Или считают нужным «встретиться лично» и попросить. Пока идешь — есть время всё прочувствовать. В принципе это и активировал в людях Иисус — «ибо от избытка сердца говорят уста его», «простятся ей грехи ее, ибо возлюбила много», — «избыток сердца», который и породил христианскую цивилизацию, или просто цивилизацию, с ее страстным искусством и волшебными изобретениями. Теперь она в падении, в готовности разбиться, и балансирует, пока неясно, насколько надежно. Скульптуры Коджоры — надежны, не упадут, проверено. Коджора считает себя изобретателем больше, чем скульптором. «Я выбрал реалистическую скульптуру», — говорит он. Выбрал — не создал, а небесную скульптуру — создал.

Я приехала в его загородный дом-мастерскую, где Ежи рассказывает мне свои сказки. Он и сам похож на сказочника. Его теперешние идеи такие: делать скульптуры, которые через космос отражали бы солнечные лучи в нужном направлении. Вроде солнечных зайчиков, которыми можно управлять. Зачин сделан — зеркальца у новой скульптуры, висящей перед музеем современного искусства. Еще он рассказывал, что инженеры вычислили и прислали ему формулу баланса, точки опоры, но как он ни пытался формулу применить, ничего не получалось. Сам он находит эту точку интуитивно, используя разную массу тяжестей. Как он говорит, это 4 D. Не всегда скульптура соглашается балансировать, всё меняет один поворот головы или ноги. И тогда она оживает, найдя свою «точку опоры». Что это, как не чудо? Наука бесильна, не чета сердцу.

Еще одна идея возникла у Коджоры, когда он услышал слова министра культуры, что искусство должно само себя кормить, и вспомнил ангела в костеле,

который кивал головой, когда в него бросали монетку. И вот он думает, что надо делать скульптуры с отверстием для монеток. Обеднеет — достанет эти монетки и будет на них жить. Половину монеток себе, половину — в благотворительный фонд больным детям. Так скульптура просто фактом своего существования накормит множество людей, и это будет некой репликой чуда, когда Иисус накормил толпу двумя рыбами и пятью хлебами.

Странное дело: почему одни хотят отнять (вспоминаю варшавских жуликов), а другие — дать? Наверное, у первых не хватает сердца, чтоб дать. Паломники ведь тоже «дают»: любовь Матке Боске, и получают то, что для них важно, но были и те, которые хотели отнять у иконы ее одежды. Православный священник Ченстоховы отец Мирослав рассказывал мне эту историю иначе, чем ксендз, отец Роман. Будто когда Владислав Опольский воевал и ему не хватало солдат, он нанял гуситов, а когда победил, то не заплатил наемникам. В отместку гуситы сорвали со стены икону, чтоб взять себе в уплату ее золотую ризу с драгоценными камнями, а саму икону бросили на землю и в сердцах порубили саблей. (Следы сабельных ударов так и остались на правой щеке Матки Боски и воспроизводятся на всех многочисленных копиях иконы.) Это рассказ отца Мирослава, который досаждает, что поляки были православными, пока их Людвиг Венгерский насильно не перевел в католицизм, и нынешние католики — это вчерашние коммунисты, а настоящая вера — православная, потому, ясное дело, что католики обманули гуситов (чехи-реформисты, последователи Яна Гуса) и те осерчали. Отец Роман смеется: «Ничего подобного. Просто бандиты, жулики хотели украсть ризу». И я опять вспоминаю варшавских воров. Лидия сказала: «Это туристы». «Туристы? — удивилась я. — Но туристы же не воры, они, наоборот, тратят деньги, чтоб увидеть мир, можно сказать, инвестируют в него, потому что именно для путешественников прокладываются дороги, реставрируются исторические памятники, облагораживаются города. «Туристическое место» — значит хорошее место». «Ну, не туристы, просто иностранцы», — соглашается Лидия. Она не может представить себе, чтоб ворами были поляки. Я же думаю, что воры — любой народности — люди с идеологией: «Сами мы

ничего не можем, никакая Матка Боска нам не поможет, не стоит и башмаки топтать, единственная наша возможность — отбирать у других». Гуситы же, если обратиться не к священникам, а к истории, громили и жгли монастыри, (и монахов!), рубили иконы, поскольку считали, что это — идолопоклонство, а вера должна быть чистой. И это не мешало им грабить католиков! Так что тут все логично: ограбили, и икону хотели было уничтожить, но не успели: сразу были убиты. Заработали себе славу Герострата, строку в истории.

В ченстоховский отель «Mercure», где я жила, через дорогу от Ясной Горы, все время приезжали паломники на автобусах — из Франции, Италии, Германии. В отличие от поляков, не пешком — на самолете и автобусе, но не менее пылко стремились они на аудиенцию к Черной Мадонне. С французами, легко вступающими в контакт, я разговаривала по вечерам, иногда мы вместе шли на вечернюю службу. Одна из них, Жозефина, полька, почти тридцать лет живущая во Франции, рассказала мне свою историю. Была она бедной провинциальной девушкой, мать послала ее учиться в Варшаву, отучилась, стала преподавать математику в школе, платили копейки, жила в каморке с туалетом в коридоре. И однажды решила уехать из Польши. Узнала, что во Франции можно устроиться няней, получила предложение от одной семьи, стала учить язык, долго оформляла документы, и наконец прибыла в Париж на Gare de l'Est. Все эти годы Жозефина ходила из Варшавы пешком к Матке Боске, 223 километра, как мы помним, и просила. Достойной жизни, своего дома (это было совсем уж наглой мечтой), а прежде всего — девчонка же — просила послать ей мужа. Чтоб был таким и сяким и непременно католиком. И вот на парижском вокзале, довольно стрёмном, надо сказать, Жозефина сидит на чемодане и не знает, что делать дальше. Отец ребенка, которого она приехала нянчить, писал ей: «Приедете — позвоните» (учтем, что это время до всяких мобильных, с дикими ценами на международную связь), а как? Помог вертевшийся тут «стрёмный» человек, типа бомжа: помог позвонить. Отец ребенка сказал: «Сейчас приеду» — и описал свою внешность. Ждала Жозефина довольно долго, и вот к ней подходит человек, совсем другой наружности, чем описывалось

по телефону, с другим голосом, и спрашивает: «Вы — Жозефина?» Она в сомнении села в его машину, оказалось — это брат ее будущего работодателя, тот не смог приехать. И вскоре за этого брата она и вышла замуж. У нее хорошая работа — преподает в лицее, свой дом в пригороде Парижа, две дочки, муж, о котором она мечтала, описывая свой идеал Матке Боске. Жозефина уверена, что именно она и устроила ее жизнь: «Сколько совпадений! — говорит. — Взять хоть количество километров, которые я проделала пешком, когда ходила в Ясную Гору: ровно то же расстояние, что от моей варшавской каморки до дома моего мужа, нашего дома. Я специально подсчитала». С тех пор Жозефина каждый год совершает паломнические туры вместе с французами — благодарит свою благодетельницу.

Рискую навлечь на себя гнев и католиков, и православных, но все же напомним, что Черная Мадонна, не единственная икона, писанная Лукой (или не Лукой?), — самая таинственная. Версия о том, что она потемнела от времени, не кажется правдоподобной, учитывая, что статуи Черной Мадонны в разных католических храмах изначально были изваяны черными, из эбенового дерева. Упоминается черная богиня и в самых древних письменных памятниках: шумерских, где она зовется Инанна, аккадских — Иштар, греческих — Астарта, с крестом в руке, задолго до появления Христа. Ее умирающий и воскресающий муж Таммуз тоже напоминает последующую историю; связывается она и с египетской Изидой, и с царицей Савской, о которой Лука туманно пишет в Евангелии: *«Царица южная восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их»*. Короче, есть такой всечеловеческий разворот у Черной Мадонны, в отличие от других изображений Марии. Есть тут связь или нет, но Матка Боска действительно производит ошеломляющее впечатление. Когда смотришь на нее, кажется, что лицо подвижно, что оно живое, а не писано красками, вроде улыбки Моны Лизы, но как-то иначе. Во время Второй мировой войны советские воины-атеисты, подходившие к иконе, были изумлены: лик оживает, проступает лицо юной Девы. Они было списали это на гипноз монаха-паулина, который водил их к иконе, но и без него происходило то же самое. «Наверное, гипнотизирует бриллиант», — заключил

Krucjata Rózan

Madruga d'Espolons, 14-15 de setembre de 2011
a les 10:00 hores
a l'Espolons de Sant Joan de Vilatorrada

El nostre grup té un poble de devots
i esperem que tots els que hi participin
en aquest acte s'ho passin molt bé.
Aquesta és una oportunitat
per conèixer el poble de Sant Joan de Vilatorrada.

один офицер (эпизод описан в книге Б.Полевого). Крупный бриллиант в короне действительно сияет, меняя цвет, сверкает и золото ризы, и рубины с сапфирами, но впечатление производит лик. Он кажется совершенным произведением искусства, он вправду божествен. Ни одна икона не производила на меня столь сильного воздействия. Характерно, что две искусные копии Матки Боски (одна — в православном храме Ченстоховы, у отца Мирослава, который уверяет, что их икона тоже чудотворна; другая — в самом монастыре) кажутся совсем другими, «обычными», явственно рукотворными.

Красавицы польки, элегантные и горделивые, где же вы? В Ченстохове я не обнаружила ни одной. Одеты все просто, иногда «разодеты», но со специфическим вкусом российской или немецкой провинции. Большинство — пышки, что неудивительно. Обязательным дополнением к ченстоховским блюдам, даже к селедке, является «сметанка». По-русски — взбитые сливки или сметана, слово одно. А в столице Силезского воеводства Катовицах, куда я съездила на день, мне поведали, что силезцы начинают трапезу со сладкого. Десерт три раза в день — обязателен, без него никак. Происходит эта традиция от того, что некогда (в сущности, недавно, когда Силезия была шахтерским краем) немцы, владельцы шахт, домов и пароходов, давали полякам шахтерам сладкое раз в неделю, по воскресеньям. С наступлением свободы жители первым делом набросились на сладости. Теперь они могут есть торты и мороженое без ограничений. В Ченстохове кафе-кондитерских больше, чем просто ресторанов, магазинов, чего бы то ни было. *Consonni* — сеть кофеен-кондитерских — считается городской гордостью. Это франчайзинг семейной итальянской кофейни, на мой глаз и вкус — ничего особенного, но для местных жителей разница есть: другие — «просто кафе», а здесь — европейский уют, мороженое, как в Италии, но свое. Уют, дизайнерский вкус в Ченстохове и вправду в дефиците. На мое замечание местные жители отзываются «паролем», который я слышу здесь по любому поводу: «Бедность». Э, нет: во Франции самый бедный деревенский ресторанчик будет сделан пусть и простенько, но уютно. Просто в Ченстохове самого этого психологического уюта никогда не было, она только дыхание успевала

переводить меж всех напастей. А на Ясной Горе — само собой — уютно всё, даже музей шахты. Там, кстати, поразила парадная форма шахтеров. Такое преобразование закопченного и измученного трудяги в каске в прямо-таки генерала де Голля: похожий мундир и высокая каскетка, только еще и с плюмажем. Хоть Ченстохова и часть Европы, Европа здесь — все же отдельное понятие, она — благодетель, который когда-нибудь примет и поляков в зону евро, она — критерий хорошей жизни, она — мечта.

Я все удивлялась, отчего в Ченстохове нигде невозможно съесть простой овощной салат: помидоры-огурцы, зеленый лук, салат. Всё обязательно с беконом, яйцами, креветками. После того как я прошла по продовольственным магазинам, вывод был таков: в Ченстохове нет сельского хозяйства. И вправду нет, паломник-француз, заводчик коров и член сельскохозяйственной ассоциации, работавший с Ченстоховой, подтвердил: всё убито, и поднимать сельское хозяйство местные жители то ли не хотят, то ли не умеют. А потом полька сказала мне фразу, которая объяснила ситуацию: «Поляки хотят жить хорошо». Есть сытно, потому и сметанка, и яйца, а что такое помидор-огурец? Разве этим наешься? А денег стоит. Бедность. Я, конечно, не экономист, но, по моим наблюдениям, развитое сельское хозяйство — основа свободы. Самостоятельности. Возможность себя накормить независимо ни от чего; хотя важнее другое — земля твоя, когда ты ее возделываешь. Но силезцы и недавние силезцы — ченстоховцы слишком долго были шахтерами, подземелье раскапывали, вместо того чтоб улаживать землю рунами и злаками. Когда власть взяли коммунисты, пошла индустриализация. Прогресс, машины, а не какие-то огурцы-помидоры, которые выращивают «отсталые» крестьяне. До 1818 года, когда Николай I издал указ о соединении города Ченстохова с поселком Ченстоховка, в одной части делали калоши, в другой — выращивали свеклу для «хлодника», капусту для «бигуса» и свинок для бекона. Город стал единым, но все равно остался двухчастным, только граница на два квартала аллеи Наисвятейшей Девы Марии передвинулась: Ясная Гора и город. Гора продолжала жить жизнью духовной, имея, конечно, и свою шахту — для отопления (та, что теперь музей, очень искусный), а

город в низине делал спички. Сначала 600 спичек в день — руками. Потом полтора миллиона в час — машиной, потом 10 миллионов — чудо-машиной. Прибыль — 400%, понятно, что выгоднее дела не найти, какие уж тут огурцы! Машины закупил для фабрики швед, шведы теперь инвестировали, а не захватывали. Да и зачем вообще захватывать чужие земли? Со своими бы справиться. Но однажды спички стали не нужны, фабрика — крупнейшая и старейшая в Европе — закрылась, тоже стала музеем. Вид музея страшен: вспученные стены, оккупированные грибом, пыль, грязь, всё в нетронутом виде с того дня, когда машины замерли навсегда. И все же посетить этот музей важно: увидеть, что машины, которые не так давно казались верхом совершенства, теперь похожи на скелеты железных динозавров, бесславно вымерших. В музее экспонируется домик из спичечных коробков: а куда их девать? Вот художники и утилизируют, искусство последних десятилетий вообще наполовину состоит из работы с отходами. Но самое примечательное, что здесь, на фабрике, в 1913 году был снят первый польский фильм. Фабрика загорелась, осина, из которой делали спички, подняла пламя до небес, взрывававшаяся сера добавила «салюта», и этот гигантский пожар запечатлели на камеру два ченстоховца, братья Кшемински. Камеру они купили в Лондоне, по тем временам — большая роскошь, и вот удалось войти в историю. Учитывая, что польские режиссеры составляют золотой фонд мирового кинематографа, первый опыт ценен сам по себе. Так что музей — памятник эпохе машин и польскому кино. Фильм-катастрофа, можно сказать, как фильмы Вайды и Поланского — о катастрофе Катыни, о катастрофе Освенцима и Трешлики.

В Ясногорском монастыре висит серия картин «Голгофа Третьего Тысячелетия» известного художника Ежи Дуда Грача. На ней изображены 14 стояний Христа и еще четыре картины, от Воскресения до Вознесения. Только фоном для мук Христовых стал не Иерусалим I века, а современная Польша, ее *via dolorosa*. Тут и война, и священники в роскошных одеяниях, взвешивающие, как падает Иисус под тяжестью креста, и герой польской «Солидарности» ксёндз Ежи Попелушко.

Дело в том, что костелы всегда были на стороне народа и защищали свободу и независимость. Ксёндз

Максимилиан Кольбе, построивший в Варшаве монастырь Непорочной Девы и создавший церковную организацию «Воинство Непорочной Девы», во времена фашистской оккупации укрыл и спас две тысячи евреев, за что был помещен в Освенцим, где продолжал утешать людей и давать им благословение. Кольбе выбрал себе самое страшное место в бараке, у параша, возле двери, чтоб провожать молитвой умерших, когда их выносили. Однажды комендант лагеря, нацист Карл Фрицш, отобрал десять смертников, один из которых воскликнул: «Неужели я больше не увижу жену и детей? Что же теперь с ними будет?» И тогда Кольбе вышел из строя и предложил себя в обмен на этого несчастного. Нацист принял предложение. Вот что такое польский ксёндз!

В другое время и при других обстоятельствах Ежи Попелушко боролся с коммунистическим игмом. Спецслужбы социалистической Польши решили его убить, подстроив в 1984 году автомобильную аварию. Убийство не удалось, но в том же году гэбисты остановили его «Жигули» на шоссе, выволокли из машины, избили и бросили в водохранилище. На картине Дуды-Грача изображены «Жигули» Попелушко, с его номерами, а на заднем фоне — варшавский памятник с множеством крестов, символизирующих поляков, погибших в ГУЛаге. Это 11-я станция, «Распятие» — на переднем плане Иисус, пригвожденный к кресту.

Иоанн Павел II, которому в Ченстохове стоит, понятно, не один памятник, назвал каплицу Матки Боски «алтарем народа», а Ченстохову — «добрым городом». Но сейчас у доброго города психологическая проблема, когнитивный диссонанс. С одной стороны — церковь имеет безупречную репутацию — по тому, как вела себя во всех невзгодах, а личность великого Папы-поляка венчает эту славную историю. Но теперь, когда настали спокойные времена, молодые люди хотят быть современными, светскими, путешествовать по миру, учиться за границей, хотят, чтоб можно было делать аборт, рожать детей из пробирки и считать гомосексуализм нормой жизни. А церковь все это запрещает. И хотя государство от церкви отделено, но ее моральный авторитет столь велик, что политики не решаются ослушаться ее «рекомендаций». И если для одних Ясная Гора — абсолютный авторитет, для других — что-то вроде машин

со спичечной фабрики. Я встречала ченстоховских детей, которые при слове «Ясная Гора» заливаются смехом. Для стороннего наблюдателя вопрос ясен: Ясная Гора — «бренд» Ченстоховы, и ничто этого не перебьет. Так же как в Греции ищут античность, хотя сами греки почитают свои православные монастыри, а вовсе не Олимп. Монастыри хорошие, но не к ним тянутся путешественники. Акрополь, храм Аполлона, пещера Зевса, Дельфийский оракул — волнуют, а монастыри... — много их на свете. В Ченстохову едут именно ради монастыря, ради Черной Мадонны. Парк миниатюр здесь построили правильный: особо священные соборы планеты, христианские «места силы». Базилика Св.Франциска Ассизского, Сантьяго де Компостела, Лурд, Фатима... Посреди — бронзовый Иоанн Павел II, сидящий на скамейке — с ним все фотографируются (и я не удержалась). Но... но, — говорят ченстоховцы, — Европа живет по-другому. Не храмами многовековой давности — это для туристов, а сегодняшним днем: выставки, фестивали, кино, пикники, кафе. В Ченстохове такое тоже водится.

С двумя девушками: Беатой — моим гидом и Леной — переводчицей мы отправились гулять по окрестностям Ченстоховы. Лена — украинка из Донецка, переселилась сюда вместе с мужем, получившим работу на коксовом заводе (ох, не переводятся вредные производства!), и двумя детьми. Лена говорит, что когда приехала в Ченстохову, думала, что попала в рай. И молила Матку Боску, чтоб получилось здесь остаться. Черная Мадонна благословила. И еще — рассказывает Лена — была у нее травма позвоночника, так что ходить не могла. Снова попросила Матку Боску — и выздоровела. Сидящий рядом муж возражает: «Просто ты делала упражнения, вот и прошло».

— Нет, — Лена не соглашается, — упражнения я делала и до этого, ничего не помогало.

— Ну ладно, если тебе нравится так считать...

Слушаю и думаю: человек же сам знает, что ему помогло! Или не обязательно? Вспоминаю ролик, который видела в этом году: в Северную Корею приехал иностранный доктор — сделал многим операцию на глазах. Ролик показывает, как сотня прозревших прямо-таки в религиозном экстазе благодарит Ким Чен

Ыра, который их излечил, а о докторе даже не вспоминают. Бывает и так. Нам смешно, потому что они благодарят одного человека вместо другого, а тут — неведомая высшая сила, можно только чувствовать, что она есть. А можно и не чувствовать.

Так вот, едем мы с Беатой и Леной гулять. Сперва — замок Ольштен.

— Где же замок? — спрашиваю.

— Это его руины, — говорит Беата. Фактически просто камни, ничто не напоминает о былом великолепии. Едем дальше — тут действительно замок, Боболице. Был он точно такой же грудой камней, но один человек взял и заново его отстроил — такой же, какой был, из материалов эпохи. Историческая Варшава ведь тоже — недавняя копия того, что было! А даже не скажешь. Внутри замка еще не все готово, но люди уже валят валом: замков ни одного не сохранилось — диковина! Молодец человек. Спрашиваю Лену: не здесь ли он, не водит ли экскурсии по замку?

— Что вы, — пугается Лена, — он такой важный человек, богатый, политик, к тому же разве он станет к людям выходить?

Так могли бы ответить и в России, и это принципиальная разница между Европой и нашими, как говорится, «многострадальными» странами. Во Франции хозяин всегда на людях: в своем ресторане беседует с посетителями, иногда обслуживает, если шеф-повар — выходит «на поклоны». В частных замках их владельцы водят для туристов экскурсии, потому что владеешь — поделись с другими. Формально владелец исторического замка во Франции имеет право никого к себе не пускать, но так поступают только американцы, и французы их за это осуждают. История — когда она есть — обязывает, она принадлежит всем.

Осмотрев замок, мы двинулись в «современную жизнь»: на открытом воздухе собрались тысячи людей, жарили мясо и колбаски на мангалах, пили пиво, киоски торговали едой и напитками, и все это называлось «фестиваль»: вечером, когда стемнеет, весь уикенд будут показывать фильмы, а до этого «народ гуляет». Что поразило: у собравшейся там молодежи были такие лица, что хотелось отвести глаза. Будто здесь собралось одно «дно», шпана. На самом деле это были просто люди, самые разные.

— Ну, выпили, расслабляются на выходных, что такого? — не понимает моей реакции Беата. Невольно я вспомнила пилигримов, которых во множестве наблюдала на Ясной Горе. Тоже молодежь, тоже на уикенд, но они казались «благородных кровей», хотя — я читала идентификационные надписи на их ярких майках — были они такие же «просто люди». Можно ли сказать, что одни современные, а другие нет?

Матка Боска — гений места. Идущие к ней как бы вытягивают себя в лучшую сторону — вверх, а собравшиеся на поляне за пивом — вниз. Но вот еще какая есть молодежь в Ченстохове: студенты стали разыскивать в архивах имена и биографии погибших в Катыни, и каждому «опознанному» расстрелянному ставят маленький памятник с надписью и сажают молодой дубок. Когда-нибудь этот мемориал на заброшенной окраине Ченстоховы станет дубовой рощей, сюда будут приезжать — не паломники, но путешественники, туристы, которым дорогá история. Это тоже будут люди, вытягивающие себя в лучшую сторону, как, возможно, все путешественники. И место оживет.

Я встретила молодого художника, как раз занимающегося облагораживанием местности, которая в этом нуждается. Они работают вдвоем, не называя имен, под псевдонимом «Монстфур». Делают, по их выражению, «цивилизованные граффити». Начинали просто как уличные граффитисты, а потом поняли: задача — делать красивыми некрасивые стены, а не заляпывать одно уродство другим. Красивые и ухоженные здания никто ведь краской из баллончиков не размалеживает, а всякие бетонные заборы и стены, ржавые железные панели железнодорожных мостов сами взывают к тому, чтоб пустить струю краски — их не жалко. Сейчас Монстфур как раз покрывают мост своими картинками, сделанными по трафаретам, заливаемым все той же нитрокраской. И, конечно, мост стал гораздо веселее.

Уродливых поверхностей в Ченстохове много, некоторое время назад эту проблему городские власти решили просто: покрыли стены пенопластовым сайдингом. Издали он смотрится как крашеный камень, в стиле особняков XIX века, но вблизи видно, что это «пластическая операция». В некоторых местах — дыры, случай, как и с дикими граффитистами, — искушение пнуть ногой и обнажить «обманку». Мода эта пришла из Германии, там из-за кризиса появились проблемы с отоплением. Пенопласт греет, как одеяло. В Ченстохове убивают двух зайцев сразу: в домах тепло и уродство скрыто — ремонтировать гораздо дороже, чем заклеить панелями. Правда, возникает парадокс: здания строились на века — деревянные часто горели, каменные иногда разрушались, но строили все равно — на века, чтоб жили там правнуки и праправнуки, а жизнь пенопласта коротка. Но, может, и не нужна больше долгая, многовековая жизнь? Может, она просто не предвидится? Матка Боска, возможно, знает ответ, но лишь сияет бриллиант в ее короне — почему-то неизменно красным, а в нимбе младенца Иисуса — голубым. А над Ясной Горой и прилегающей к ней части аллеи выются стаи птиц. Не просто стаи — небо черно от них, как в фильме Хичкока «Птицы». Сама аллея, по которой идут и пилигримы, сделана умно и «на века»: две полосы для машин и две для парковки, две для деревьев и цветов и четыре — для пешеходов. Выглядит трехчастная Аллея торжественно, как симфония. Между тремя ее отрезками — большие площади, на первой — розовая Ратуша, без всяких пенопластовых ухищрений, хорошо отреставрированная, в ней исторический музей, насыщенный и ухоженный. Всё говорит о том, что жизнь налаживается, и у нее большое будущее. Но тысячи черных птиц, нервно летающих между городом и монастырем, о чем-то предупреждают. Польша же всегда предупреждает... ●●●

Александр ЛИПАТОВ

ПОЛЬША В РУССКОМ ВОСПРИЯТИИ

Граница, разделяющая русских и поляков в начальном периоде формирования государственности, а в ее рамках народности, была расплывчатой не только географически, но и культурно. Во времена Древней Руси явно проявлялось осознание этногенетической общности. Одно из наиболее ранних свидетельств — «Повесть временных лет», которая, в частности, повествует о продолжающемся переселении славян. Так, например, перечисляя племена в пределах Руси, автор отмечает, что радимичи и вятичи пришли из «лядзской» (т.е. польской) земли. Язык берестяных грамот Новгородской Руси имеет особенности, свойственные языкам польского Поморья. Об этой же межплеменной общности свидетельствуют проведённые на рубеже XIX — XX веков археологические, антропологические и фольклористические исследования северо-запада России. Всё это способствует адекватности понимания особенностей восприятия автора древнейшего из сохранившихся памятников русского Средневековья, где отношение к польским соседям диктовалось (и понималось) не столько в категориях «свой–чужой», сколько соображениями постоянного соседства славянских родичей и непостоянной политики их предводителей. Именно это одновременно разъединяло и

соединяло собратьев во славянстве: распри перемежались с союзами элит и династий, чему особо способствовали многочисленные матримониальные связи, начиная со времён Ярослава Мудрого. При этом во избежание анахронизма необходимо принять во внимание, что государство в те времена осознавалось как вотчина правителя. В полосе междоусобиц на Руси польский король Болеслав I Храбрый пришёл в Киев не как завоеватель (о чём сообщают наши учебники), а как защитник интересов своего зятя Святополка. Позднее точно так же и при тех же обстоятельствах пришёл на помощь своему племяннику Изяславу Болеслав II Смелый.

Александр Владимирович ЛИПАТОВ

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории славянских литератур, работает в Институте славяноведения.

Славист широкого диапазона научных интересов, исследователь польской и других славянских литератур в европейском контексте, вопросов теории литературы, проблем исторической антропологии, культуры и европейской цивилизации. Автор нескольких монографий. Академик Польской Академии наук и искусств (с 2005). Член президиума Международного конгресса славистов, член Ученого совета польских журналов «Studia Rossica» (Варшава) и «Новая восточноевропейская политика» (Торунь).

Во взаимоотношениях Руси и Польши после раскола христианства (1054 г.) конфессиональные проблемы до XIII века не играли существенной роли вследствие молодости местного христианства, равно как и отдаленности от институциональных центров межцерковного конфликта.

Перемены происходят позднее, обретая конкретные очертания и явно выраженные формы во времена московской государственности. Это было обусловлено как процессом формирования русской народности и свойственного ей самосознания, так и взаимосвязанным с факторами такого рода типом собственного государственно-политического устройства и самим обликом русского православия, его особой культуротворческой ролью и государствообразующим значением. Параллельно в Польше складывалась совершенно иная, с политико-правовой точки зрения, государственная культура, обусловленная принадлежностью к латинской части Европы, и тип культуры духовной, формируемой и предопределяемой римским католичеством.

Наследственный византизм самодержавия и политическая культура Москвы, унаследовавшей опыт Золотой Орды, практику и сам стиль правления монголо-татарских сюзеренов, продолжая и укрепляя во всех сферах государственно-общественного бытия свое историко-культурное Средневековье, являли собой прямую противоположность системе шляхетской демократии и религиозной веротерпимости ренессансной культуры Речи Посполитой XVI века как славянской составляющей латинской Европы.

Православие, которое в монголо-татарские времена сыграло исключительно важную роль, чтобы сохранить этническое самосознание и культуру, явилось органичной составляющей идеологии молодого Московского государства. Оберегая собственную идентичность от конфессионально и культурно «чужих» в золотоордынский период, Московия после обретения государственного суверенитета продолжала свою традиционную охранительную политику как внутри, так и вовне (непримиримая позиция по отношению к римскому католичествому и протестантизму). Наконец, почти

вековая полоса военных конфликтов Московии и Польско-Литовского государства начиная с 1492-го (война во времена правления Ивана III и Александра Ягеллона) по 1582-й год (Ям-Запольское перемирие, заключенное между Иваном Грозным и Стефаном Баторием) — все это в представлениях москвитов окончательно сформировало стереотип чуждого и враждебного западного славянского соседа и исторически укрепило политические, конфессиональные и нравственно-бытовые составляющие такого стереотипа в государственно-религиозной и этнической сферах русского самосознания. В литературе, дипломатических документах, фольклоре тех времен поляки выступают как «басурмане». Это слово — одно из многочисленных русских заимствований монголо-татарского периода. Буквально оно означало — «исповедующий ислам». Следовательно, поляки-католики воспринимались в Московии наравне с традиционными врагами русского государства, русского народа и русского православия — то есть абсолютно чужими, цивилизационно чуждыми мусульманами. Сама же система шляхетской демократии выглядела в глазах москвитов как антихристианская, ибо считалась воплощением сословного самодовольства и кичливости, а свободная выборность королей (в отличие от богоизбранной наследственной величественности царя — Божьего помазанника, «земного Бога», как тогда говорили) делала из них отнюдь не всевластных правителей, а невольников тех, кто их выбирал. Сама же власть таких правителей казалась шаткой и непрочной, ибо происходила она не от Бога, а от человеческого несовершенства. Поляков же, в свою очередь, удивляло раболепство москвитов, которые при одном упоминании имени царя снимали шапки, кланялись и крестились.

Такие изменения во взаимовосприятии давних славянских соседей, обусловленные особенностями их государственности и типом политической культуры, в то же время являли собой локальное отражение средневековых перемен в Европе, вызванных расколом христианства. К XVI веку соседство русскости и польскости как первоначально составляющих целостность *Pax Christiana* представало уже в свете её внутренней дифференциации, образу-

щей *Pax Orthodoxa* и *Pax Latina*. Такая общецивилизационная переменная получила **местное** отражение **внутриевропейского противостояния** — в данном случае византийского православия в его русском варианте и римского католичества в его польском варианте. В русской ментальности это обрело облик соборности, а в польской — персонализма. Польская шляхта, называвшая себя — в отличие от горожан и крестьянства — «рыцарским народом», соблюдавшая, вне зависимости от имущественного ценза, внутрисословное юридическое равенство, культивировавшая **индивидуальное** чувство чести (рыцарский кодекс), сама выбирала себе королей и считала, что ею созданное, ею управляемое и ею же контролируемое через двухпалатный парламент (Сейм и Сенат) государство служит личности (а не наоборот), оберегая её «золотые свободы».

Непосредственные, разносторонние и отнюдь не всегда однозначные контакты русскости и польскости были постоянны и непрерывны хотя бы в силу самого географического соседства. Вследствие этого на протяжении XVI, а особенно XVII и XVIII столетий в русский язык вошло немало польских слов. Родная речь — живое отражение **национального менталитета** — тех **особенностей** восприятия, склада ума, представлений и чувствований, которые в эпоху романтизма были наречены живучим по сей день определением «народной души». С этой точки зрения, для русской рецепции симптоматично изменение смысла некоторых польских слов на прямо противоположный изначальному, что отражает именно русское их понимание в свете своих собственных культурно-исторических традиций и современных реалий, точно так же как именно русское отношение к польским реалиям в свете стереотипов своей самоидентификации. Например, заимствованное из польского языка слово «панибратство» в русском языке приобрело уничижительный смысл бесцеремонности, неуместной фамильярности, культурной неблаговоспитанности, тогда как в Польше расхожее понятие «пан и брат» означало политическое, правовое и культурно-бытовое равенство всех членов шляхетского сословия — от шляхтича-однодворца до аристократа. Это обретало своеобразный и колоритнейший, **соб-**

ственно национальный облик в реалиях польской повседневности, в стиле общения и поведенческих нормах всех уровней — от шляхетской усадьбы до магнатского дворца, от сеймиков в провинциях до Сейма в столице.

Также пришедшее к нам из Польши и бытующее по сей день слово «гонор» в самой Речи Посполитой соответствовало своему изначальному, заимствованному из латыни смыслу, означая понятие **честь**, чувство сословно-корпоративной гордости и собственного достоинства **личности**. Утрата чести — это утрата собственного лица, несовместимая с рыцарским кодексом чести и самой принадлежностью к шляхетскому (рыцарскому, как оно тогда называлось) сословию («братьям шляхте»). В традициях же русской православной соборности, добродетельного смирения и диктуемых государственной системой непреклонного повиновения ей и абсолютной покорности носителям её власти (что обрело отражение в народных прибаутках: «я как все» или «не высывываться») польский «гонор» обрёл специфически русское звучание. Это — высокомерие, заносчивость, чванство, непозволительная (ибо «не по чину») гордыня — всё то, что в собственной культурной традиции считалось неблагоприятным, неблагопристойным и порицалось как порочное и грешное.

Именно в XVI веке давняя, первоначально расплывчатая внутриславянская граница русскости и польскости, изменчивые разграничение Древней Руси и Польши окончательно обретают четкость государственной границы, разделяющей самодержавную Россию и республиканскую Речь Посполитую. За переход государственной границы в Московии грозила смертельная кара. При этом, начиная с тех же самых времен, первые русские «диссиденты»: «еретик» Феодосий Косой, оппонент Ивана Грозного — Андрей Курбский, а также первый русский печатник Иван Федоров и другие «неправовверные» — искали убежище в Польско-Литовском государстве. (В следующем, XVIII столетии здесь обретут приют староверы.)

Итак, эта межславянская граница по-прежнему не только разделяла, но и притягивала. Это отчетливо проявилось во времена Смуты (1584–1613).

Военное присутствие польско-литовских войск на землях Московии одновременно утверждало отрицательный стереотип поляка и этот же самый стереотип раскалывало. Утверждало в плоскости политической (захватчик, изверг), конфессиональной (еретик, оскорбитель православных храмов), а раскалывало в сфере культуры: манера поведения, мода, песни — все это открывало москвитам, по-прежнему пребывающим в традиционном — ограниченном кругу средневековой культуры, — секулярную культуру «латинян». Последующие времена стабилизации выявили во всей полноте, казалось бы, парадоксальную ситуацию: Музы оказались сильнее Марса.

В истории русской культуры XVII век, который был наречен «переходным» (от Средневековья к Новому времени), прошел под знаком европеизации (точнее — окцидентализации), происходящей при польском посредничестве и особой роли находящейся в границах Речи Посполитой Юго-Западной Руси (позднее названной Украиной и Белоруссией), которая благодаря отсутствию государственного разграничения еще ранее усвоила культурно-художественные ценности Запада в их польском (и польско-латинском) облике. Один из крупнейших основоположников новой русской литературы в присущем современному Западу барочном стиле, воспитанник киевского коллегиума и польских школ, православный уроженец Юго-Западной Руси Симеон Полоцкий по прибытии в Москву (1664 г.) писал, что тут многие полюбили «сладкое и согласное пение польския Псалтыри стиховно преложения», а некоторые хотя и пели канты, «мало или ничтоже знающе» польский, но «от сладости пения увеселяющиеся духовне». Эти слова Симеона Полоцкого подтверждают разыскания А.В. Позднеева, который обнаружил свыше пятисот рукописных песенников XVII — XVIII веков, где польские тексты записывались кириллицей.

Итак, возникший в XVI веке негативный стереотип русских представлений о поляках и польскости уже в следующем, XVII, столетии утрачивает свою монолитность: параллельно отчуждению политическому, государственно-правовому, конфессиональному появляется увлечение польской культурой. В

этом феномене получил отражение типичный для постсредневековой современности процесс раздвоения традиционной русской культуры на сферы начала светского и церковного. Польский язык становится языком русской культурной элиты и царского двора, включается в программу Славяно-греко-латинской академии. Польские образцы вдохновляют русских писателей, художников, архитекторов, равно как и первый русский придворный театр. Раскол первоначально негативного стереотипа, его внутренний разрыв на политически-конфессиональные и культурно-художественные составляющие продолжается на протяжении следующего столетия (когда польские воздействия уступают первенство голландско-немецким, а с середины века — французским). Знаменательно, что в русском восприятии польскости даже разделы Польши, восстание Костюшко и период предшествующий ноябрьскому восстанию (1830 г.), не дали повода к возбладанию политической составляющей над культурой. Об этом, в частности, свидетельствуют и высказывания русских писателей, и впечатления русских, побывавших в Польше.

Однако такого рода ситуация параллелизма и относительного равновесия политического и культурного начал в русском восприятии польскости начинает изменяться со времен ноябрьского восстания и последующего отношения самодержавия к польскому вопросу. Этот поворот в истории стереотипов государственной пропаганды, общественных представлений и народной памяти был проявлением вполне определенной закономерности как общественно-политической, как и нравственно-бытовой. «Чужой» «вовне» — нечто естественное в силу самого его обитания в ином этнографическом и государственно-политическом пространстве. Он чужой по самой своей природе и положению. Следовательно, от него и не требуется быть «своими». Чужой же, являющиеся подданным того же государства, что и титульная нация, но чуждый ей по крови, религиозной принадлежности (а тем самым и по культуре), обязан во всем подчиняться порядкам этого государства, признавать его своим, несмотря на историческое прошлое, культурную традицию, общественно-правовые отноше-

ния, политические и религиозные воззрения, национальность, к которой он принадлежит. Если такой «чужой» не ассимилируется либо, безусловно, не подчиняется тем требованиям власти, которые не соответствуют его общественно-исторической памяти, религиозно-культурным убеждениям, бытовым навыкам — словом, всему тому, что называется национальной идентичностью и определяет национальный менталитет, — то такой «чужой» в глазах государства обретает облик внутреннего врага. А в нем государство в определенные периоды и в конкретных ситуациях испытывало насущную потребность. Поэтому-то если такого врага не было, его нужно было создать, дабы сконцентрировать на нем внимание «своего» народа как на причину всяческого зла и тем самым направить на него недовольство, вызванное просчетами правящей элиты.

В Российской империи все польские (и не только польские) восстания провоцировались самодержавием, чья национальная политика слишком часто не учитывала национальные особенности населяющих страну народов, что в исторической перспективе привело к её крушению.

Антипольская пропаганда Российской империи отличалась от антипольской пропаганды Московского государства тем, что теперь уже речь шла о собственных подданных, воспротивившихся собственным властям. Именно это обуславливало особый накал, интенсивность и масштаб идущих сверху усилий в возбуждении антипольских настроений и формировании полонофобского стереотипа. Именно после подавления Ноябрьского восстания в государственной политике формируется стереотип поляка и польскости (отождествляемой также с конфессиональной чуждостью) как соответственно враждебного элемента и враждебной стихии теперь уже внутри Империи. К середине XIX века этот стереотип внутреннего врага стал основополагающим в представлениях огосударствленного общества, а во второй половине столетия он уже функционировал во взаимосвязи с негативным стереотипом еврея, также введенным в обиход государственной политикой. Этот негативный польско-еврейский стереотип выступал в официально-патриотической пропаганде как абсолютное воплощение тех от-

рицательных начал, которые подтачивали основы государственности, выраженные в идеологической триаде Уварова «православие — самодержавие — народность».

Параллельно этим стереотипам, усвоенным огосударствленным обществом, в обществе гражданском продолжали бытовать традиционные — полонофильские — представления о поляках и польскости. Это раздвоенное и крайне противоположное отношение к Польше и полякам отражало внутреннюю раздвоенность общественных настроений и внутренний конфликт в самой империи. Порой это раздвоение в польском вопросе было недостаточно четким и последовательным, особенно в ситуациях критических. Примером могут служить антипольские высказывания сосланного в Сибирь декабриста Лунина на весть о Ноябрьском восстании или Льва Толстого после того, как вспыхнуло Январское восстание (1863 г.). Необходимо принимать во внимание и то, что среди прагматически — с точки зрения официальной политики — мыслящих представителей огосударствленного общества также были люди, размышляющие трезво (в категориях общечеловеческих ценностей), а, следовательно, критически относящихся к российским порядкам. Примером может служить Пушкин («Я, конечно, презираю отчество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство») или Лермонтов («Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ // И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ»). Однако, как реалистически мыслящий политик (что с признанием отметил Мицкевич в «Le Glob») Пушкин видел в современном мире непобедимую силу России, которая должна была выполнить историческую миссию объединения славян. Польша, которая проиграла в историческом споре с Россией за первенство в мире славянства, должна была это осознать и вместе с Россией служить общему делу. Польское же сопротивление означало бунт внутри Российского государства, равно как и измену обшей всеславянской идее. Поэтому-то польское национальное восстание — вооруженный конфликт внутри России в 1830 г. — Пушкин определил как «домашний спор славян между собой» («Клеветни-

кам России»). Именно так, по мысли поэта, — как «польский мятеж» — должен осознать и оценить события ноября 1830 года Запад, сочувствующий польскому восстанию.

Порой о нечетком разграничении стереотипов государственного и гражданского общества в культурном восприятии польскости может свидетельствовать первая русская опера с явно выраженной официально-патриотической направленностью, отраженной уже в самом названии — «Жизнь за царя» (1836) М.И. Глинки (*nota bene* имеющего польскую родословную). В течение более чем полутора веков зал после поднятия занавеса раздражается аплодисментами при виде «польского акта» — польских национальных костюмов, шляхетских поз и сопутствующей этой колоритнейшей картине звуков мазурки. Польскость входит в русскую великосветскую жизнь и русскую музыкальную культуру. Балы в царском дворце, дворянских собраниях и поместьях обычно начинаются полонезом. Непременно танцуют мазурку. Полонез звучит в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин», мазурка вслед за Глинкой появляется и в опере Н.А. Римского-Корсакова «Пан воевода». Естественно, это лишь некоторые, наиболее яркие примеры.

После Январского восстания (1863 г.) усилению антипольских стереотипов в публицистике, символизируемой именем М.Н. Каткова, историографии — Данилевского, а в литературном течении, представленном так называемым антинигилистическим романом, одновременно сопутствовало несоизмеримое по масштабам, но значимое для истории независимого общественного мнения в России позитивное отношение к полякам в среде политической эмиграции (ведущий представитель — А.И. Герцен) и в подпольном движении.

В атмосфере времен «великих реформ» Александра II параллельное существование негативных (в государственном обществе) и позитивных (в гражданском обществе и конспиративном движении) стереотипов восприятия польскости в русской культуре постепенно меняется, с точки зрения своего удельного веса и соотношения (по крайней мере, начиная с 1880 г., когда появляется работа

А.Н. Пыпина «Польский вопрос в русской литературе»). Это было первое наиболее значительное отражение нарастающего процесса позитивного отношения к Польше и полякам. Мышление в категориях общеевропейских культурных ценностей в суждениях этого выдающегося ученого исключало традиционное для количественно преобладающего в обществе великодержавного и националистического (порой переходящего в шовинизм) восприятия польскости. Такой подход позволял открывать те цивилизационные ценности, которое объективно — вне идеологии — сближают и объединяют русское и польское начала. «На этом пути, — отмечал А.Н. Пыпин, — при наличии доброй воли обе литературы могут объединиться в общем понимании многих важных вопросов русской и польской патриотической жизни, настоящего. В особенности же они могут начать прояснение того исторического раздела, который так угнетает польское общество и вредит обеим сторонам — с тем чтобы найти общие пути в будущее». Такая уже не ограничиваемая «сверху» открытость русскости на польскость способствовала возрастанию этой последней в России. Именно во времена «Серебряного века» возникают такие синтезы русской и польской идеи в русле европейского универсализма, как философия В. Соловьева, равно как суждения о Польше Н. Бердяева, Д. Мережковского и В. Иванова. Эти своего рода практические реализации предложений А.Н. Пыпина были позднейшим и дальнейшим продолжением созвучия русскости и польскости у декабристов, у Мицкевича, Вяземского, Герцена. Другим проявлением такой преемственности был либо переход русских в католичество, либо экуменические поиски восстановления исторического единства христианской Церкви.

С начала Первой мировой войны возрастает позитивное восприятие польскости также в сфере государственного общества. Идущее «сверху», оно внедрялось официальными институциями, которые стремились использовать поляков в военных действиях на стороне России.

Особый аспект — отношение к Польше и полякам преобладающей части русского народа — крестьян. Согласно этнографическим исследова-

ниям конца XIX — начала XX века, полонофобия и антисемитизм, вопреки традиционной позиции и сопутствующей ей пропаганде государственных властей и церкви, не получили распространения в этой среде, ибо русская деревня не ведала ни о поляках, ни о евреях. Эти народы и их культуры были для деревенской глубинки абсолютной абстракцией (как, впрочем, и немцы). Крестьяне не имели понятия, кто это такие. Массово мобилизуемые в армию во время Первой мировой войны, они должны были ненавидеть немца как врага. Такой образ неведомого противника им втолковывали посредством традиционной формулы — призыва: «За веру, царя и отчество». В ходе затянувшейся войны и череды поражений плохо организованная, плохо снабжаемая, мечтающая о возвращении к привычной деревенской работе крестьянская масса (и не только она) утрачивала веру в царя. Вместе с отмиранием одной части патриотической триады рассыпалась ее целостность, связность, триединный смысл, а тем самым исчезла и сила воздействия на крестьян. Отсюда и началось братание с теми, кто, по внушению пропаганды, вроде бы был врагом; отсюда разложение и массовое дезертирство. Как писал эмиграционный военный историк Н. Н. Головин, участник той войны, «психологическое строение русского национализма было другое, нежели внутреннее строение патриотизма любого из западноевропейских народов. Русский патриотизм был значительно более примитивен, он был... лишь сырой материал, из которого в условиях культурной жизни вырастают те более сложные виды “патриотизмов”, которые можно было наблюдать во Франции, в Великобритании и в Америке». И далее: «У наших западных друзей, благодаря большей социальной зрелости, самый патриотизм был несравненно более осознан в массах».

К этому следует добавить, что с начала начал истории Московской государственности существовал раскол между властью и народом, что обретало крайнее отражение в бунтах. Позднее, по крайней мере с середины XVII в., этот раскол обрел параллель также в раздвоении самой русской культуры (традиционизм — окцидентализм). Это состояние взаимоотношения государства и народа славяно-

фильский мыслитель А. Хомяков выразил в утверждении: «Русская самодержавная монархия есть государство безгосударственного народа».

В результате Первой мировой войны, которая в России переросла в войну гражданскую, в жизни государства и народа была прервана эволюционность процесса как исторического, так и культурного. Большевизм изменил сами основы общественного бытия, государственной идеологии, принципов морали, самих представлений об образе жизни и о самой жизни всех социальных слоев и народов страны. В истории созданных тоталитарной системой обязательных для всего народонаселения мировоззренческих интересов можно выделить три периода, которые, естественно, предопределяли и идеологические особенности отношения к «польскому вопросу».

Первый период — революционно-интернациональный — длился до конца 1920-х годов, когда окончательно развеялись планы мировой революции. В те времена большевистская идеология отбросила патриотические идеалы и национальные идеи как устаревшие и буржуазные. Их место заняли классовые критерии, которые должны были объединять «пролетариев всех стран» в совместной борьбе с враждебным капиталистическим строем. В соответствии с этими принципами антипольская пропаганда большевиков не имела национальной направленности. Литература, публицистика, речи и агитки тех лет отражают именно классовый подход: люди труда и здесь, и там имеют общие интересы и общих врагов. Буржуазное польское государство враждебно как Стране Советов, так и самому польскому народу. Вероятно, чтобы избежать националистического оттенка, было придумано слово «белополяки» — абсурдное по отношению к внутрипольской ситуации, но понятное внутри «страны рабочих и крестьян» как аналог «собственных», русских, врагов большевизма.

Второй период можно было бы определить как великодержавно-патриотический. Когда провалились планы мировой революции, был выдвинут лозунг строительства социализма в одной отдельно взятой стране. Теперь в большевистской идеологии сталинских времен — в отличие от времен

Ленина и Троцкого — возрождаются идеи и лексика официальной идеологии Российской империи. На этой волне ликвидируется марксистская школа М.Н. Покровского, репрессируются его ученики, перестраивается вся организация исторической науки и подвергается очередной реинтерпретации вся отечественная история. В этом отношении симптоматична и смена «Интернационала» — гимна «мирового пролетариата» на Государственный Гимн Советского Союза, который уже утверждал державно-национальную идею: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь». Великодержавный советский стереотип враждебности к «буржуазной Польше» начал снова (как бы в неявном подтексте пропаганды, но явно в репрессивной политике властей) воспроизводить имперский российский стереотип «враждебного поляка» времен царизма. С этим были связаны этнические преследования (которые обрушились также на польских коммунистов, что завершилось ликвидацией самой КПП), а вместе с оккупацией 1939 г. — массовые депортации польских граждан и катынское преступление. Все это было составляющей общей политики русификации большевистской системы времен сталинизма: репрессии, особенно интеллигенции — этого мозга нации — обрушились на все без исключения народы СССР.

В годы перелома во Второй мировой войне, когда у союзников созрел план раздела сфер влияния в послевоенной Европе, начинается третий из вышеназванных периодов. Характерная для второго периода державно-патриотическая направленность сохраняется для «внутреннего пользования», одновременно во «внешнюю составляющую» советско-сталинской идеологии вводится аспект «народной демократии», позднее — после полной реализации проекта — нареченной «социалистическим лагерем». Это образование изначально было задумано Сталиным не как реализация идей мировой революции времен Ленина и Троцкого, а как дальнейшее укрепление мощи СССР на континенте. В эту полосу времени официальный стереотип поляка ничем не отличался от стереотипов представителей других «братских стран». В условиях абсолютной изоляции народонаселения СССР

от народно-демократических собратьев по лагерю вплоть до времен «оттепели» ПНР была некоей абстракцией — в одном ряду с другими странами советского блока. И только со времен «оттепели», когда в СССР начинают проникать польские фильмы, польская музыка, польское искусство, польская мода, польский ширпотреб и косметика, когда благодаря туризму советские люди непосредственно познают Польшу и поляков, сама польскость обретает конкретный образ и начинает пользоваться огромной популярностью и влиянием. Возникающий в эту пору массовый и всесторонний интерес к Польше и связанное с ним интеллектуальное полонофильство в интеллигентской среде сформировали параллельный официальному стереотип восприятия вне обязательных схем идеологии. Как и в XVII столетии, Польша вновь стала «окном в Европу», а польский язык (который осваивали всевозможными способами), как и тогда, функционировал в качестве языка европейской культуры, благодаря которому здесь познавалась заграничная современность. Через польские публикации в СССР проникала информация о современной западной культуре, о кино и театре. Благодаря польским переводам советские читатели знакомились с теми зарубежными произведениями, которые отсекались культурной политикой СССР.

В 1990-е годы, уже после распада СССР, в условиях открытости границ, свободных информационных потоков и вторжения западной культуры во всех ее проявлениях Польша в восприятии россиян уже утратила свою исключительную роль и первостепенное значение. Сложившиеся ранее представления о Польше и поляках сохраняются у старших поколений, отношение же к польскости вступающих в жизнь поколений, начиная с 1980-х годов, требует особых исследований.

В мировоззренческой мозаике постсоветской России наряду с либерально-демократическими воззрениями продолжают существовать также идеологические стереотипы минувших времен. Тяжело переживая распад СССР и всего социалистического лагеря, представители различных вариантов имперского мышления обвиняют в измене как бывшие советские республики, так и

страны бывшего Варшавского Договора. В этом типе мышления Польша воспринимается в одном ряду с изменниками «общего дела», с тем, что в ее случае на стереотипы советской идеологии накладываются более старые имперские стереотипы, которые вошли в общественную память и массовое сознание вместе с приписываемой Петру I поговоркой: «Курица не птица, Польша не заграница». На волне возрождаемого государством официального православия, призванного заполнить пустоту, образовавшуюся после естественной смерти советской идеологии, «польская измена» вновь (как во времена панславизма в его российском варианте) обретает также и конфессиональный аспект: католицизм поляков является актом духовной измены славянской взаимности, которая отождествляется с православием и признанием ведущей роли России в славянском мире.

Снискавшая широкую известность в Европе XIX века и получившая особый отклик в славянском мире (включая поляков) идея славянской взаимности эпохи национального возрождения славянства восходит к историко-филологическим изысканиям словацкой и чешской научной среды в первой половине столетия. В духе современных идей романтизма она зиждилась на этногенетической, а отнюдь не на конфессиональной основе. Разные славянские народы в силу особенностей своей истории исповедуют как православие, так и римское католичество, протестантство, униатство, ислам. Позднейший — по своей натуре идеологический — миф славянского единства на основе православия является собой русский вариант панславизма в его церковно-государственной версии. Этот миф породил (и порождает) внутренние трения и открытые конфликты в общеславянском стремлении к так или иначе понимаемой и ощущаемой этногенетической общности; отношение же имперской России к польскому вопросу изначально раскалывало это

движение изнутри. При этом обвинение в измене славянскому делу католической Польши звучало по меньшей мере парадоксально для всех славян-католиков, которые могли стать изменниками только в отношении своего католичества. В постсоветские времена традиционная для российской политической культуры «измена поляков» удваивается: «новая» — вступление в НАТО и в Европейский Союз, а «старая» — приверженность католицизму и несогласие с российским доминированием.

В таком типе мышления возрождается и советская разновидность критики поляков в классовых категориях. Давно утративший актуальность, а поэтому сегодня уже непонятный образ «белополяка» сменяется образом «шляхты» и «панов», которые, в отличие от «простых польских людей», и раньше и теперь являются врагами России. Странниками же «шляхты» и «панов» — полонофилами — в нынешней России стали вовсе не истинно русские люди, а евреи. (Налицо реанимация негативного польско-еврейского стереотипа официальной идеологии второй половины XIX в.). Эта тенденция не существует сама по себе — отдельно и самостоятельно. Она — составляющая еще неупорядоченного внутреннего спектра националистической идеологии, которая, проявляясь в общественных настроениях, формируется как в рамках различных идейных течений и политических партий, так и внутри отдельных группировок правящей элиты. В то же время традиционное русское полонофильство также существует не только в виде особого умонастроения или в качестве некоего течения, тенденции (как это было раньше): теперь интерес к польскости возникает в широких рамках российской открытости на мир Европы. В этой части русскости — мире высокой культуры — польскость воспринимается и осознается как своеобразная и национально оригинальная славянская составляющая общеевропейской цивилизации. ●●●

Наталья ЛЕБЕДЕВА

НАТЯНЬ

ХРОНИКА ЗЛОДЕЯНИЯ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА

1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу; 17 сентября ее восточную границу перешли части Красной Армии. В советский плен были захвачены около 250 тысяч поляков, 126 тысяч из них были отправлены в восемь лагерей для военнопленных и 138 приемных пунктов. 19 сентября было создано Управление НКВД СССР по делам о военнопленных (УПВ) во главе с Петром Сопруненко. Но, будучи не в состоянии обеспечить столь большое количество людей продовольствием, жильем, даже питьевой водой, 3 октября было решено распустить по домам рядовых и унтер-офицеров — жителей присоединенных к СССР земель, в середине октября — обменять те же категории военнопленных — уроженцев центральной Польши на выходцев из восточных воеводств, плененных вермахтом. В результате к середине ноября в лагерях для военнопленных остались 40 тысяч человек — 25 тысяч рядовых и младших командиров в Ровенском лагере, трудившихся на строительстве шоссе Новоград-Волынский–Львов; около 8,5 тысяч польских офицеров в Козельском и Старобельском лагерях; 6,5 тысяч полицейских, тюремных работников, осадников, пограничников — в Осташковском¹. Среди

узников трех спецлагерей оказались многие выдающиеся представители польской интеллектуальной элиты.

Так, только в Козельском лагере содержалось более двадцати профессоров высших учебных заведений, около трехсот врачей, несколько сот юристов, инженеров, учителей, более ста литераторов и журналистов, призванных в армию из запаса.

В директиве, направленной 8 октября Лаврентием Берия особым отделениям лагерей (ОСО), ставились задачи, связанные с созданием агентурно-осведомительной сети, выявлением среди военнопленных членов «контрреволюционных формирований» и тех, кто служил в разведывательных и карательных органах, в полиции, батальонах Корпуса охраны пограничья (КОП), кто являлся членами политических партий и др. В лагеря для офицеров и полицейских вскоре прибыли работники из центрального аппарата НКВД СССР: в Козельск — один из ответственных сотрудников 5-го (разведывательного) управления Главного управления госбезопасности (ГУГБ) Василий Зарубин, в Старобельск — капитаны госбезопасности Борис Трофимов и сменивший его М.Е. Ефимов, в Осташков — капитан госбезопасности Иван Антонов. Завербованная ими агентура сообщала о тех поляках, которые проявляли активность в религиозной

и духовной жизни, поддерживали патриотические настроения своих товарищей.

Практически каждого офицера и полицейского допрашивали, чаще всего ночью. В Козельском лагере оперативники установили, что военнопленные выпускали нелегальные газеты «Меркурий» и «Монитор», устраивали ежедневные выпуски «устной газеты». В Старобельском лагере была «вскрыта» «антисоветская организация». «Контрреволюционную организацию» поспешили раскрыть и в Осташкове. Особисты и работники политотделений сообщали в Москву о росте антисоветских настроений среди пленных, о намерениях некоторых из них бежать из плена. Они доносили, что узники не смирились с захватом Польши и готовы бороться за восстановление независимости своей страны².

В начале декабря в Осташковский лагерь была направлена новая следственная бригада во главе со Степаном Белолипецким. Ей было поручено к концу января 1940 г. оформить следственные дела и обвинительные заключения на весь контингент данного лагеря для представления их Особому совещанию (ОСО) НКВД СССР. В то время этот орган мог приговаривать лишь к заключению в исправительно-трудовых лагерях на срок до 8-10 лет. Приговаривать же к расстрелу вплоть до ноября 1941 г. ОСО НКВД права не имело³.

31 декабря 1939 г. Лаврентий Берия издал новую директиву по обеспечению передачи до конца января всех дел на военнопленных Осташковского лагеря Особому совещанию. Во исполнение ее в Осташков выехал Сопруненко с большой группой работников центрального аппарата НКВД СССР. Примечательно, что на офицеров из Козельского и Старобельского лагерей дела для ОСО не готовились⁴.

1 февраля 1940 г. Сопруненко и Белолипецкий сообщили Берии: «Следствие [по] бывшим польским полицейским, содержащимся [в] Осташковском лагере, закончено; оформлено 6 тысяч 50 дел. Приступил [к] отправке дел [на] Особое совещание. Отправку закончим восьмого февраля. Необходимые для следствия мероприятия закончены»⁵. К концу февраля ОСО уже рассмотрело 600 дел полицейских и вынесло им приговоры: от трех до восьми лет заключения в исправительно-

трудовом лагере (ИТЛ). В Москве было проведено совещание, на котором обсуждался вопрос о порядке отправки военнопленных из Осташковского лагеря в Северный дальневосточный лагерь⁶. К этому времени расстрел польских полицейских никто не планировал, а дела офицеров из Козельского и Старобельского лагерей даже не готовились для передачи на ОСО. Однако ситуация вскоре изменилась.

20 февраля 1949 г. Сопруненко обратился к Берии с предложением распустить по домам около семисот польских офицеров — инвалидов, тяжелобольных, отставников старше 60-ти лет, офицеров запаса: агрономов, врачей, учителей, инженеров и техников, на которых не было компрометирующих материалов. В то же время он испрашивал у наркома разрешение оформить дела для рассмотрения на Особом совещании на четырехсот офицеров КОП, 2-го отдела Генштаба, контрразведчиков, судейско-прокурорских работников, помещиков. Следствие по этим категориям он предлагал вести в НКВД УССР и БССР. На его письме стоит резолюция Берии: «Тов. Меркулов. Переговорите со мной»⁷.

И уже 22 февраля первый заместитель наркома издал директиву, в которой предписывалось всех содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях НКВД бывших тюремщиков, разведчиков, провокаторов, осадников, судебных работников, помещиков и крупных собственников перевести в тюрьмы, перечислив их за областными Управлениями НКВД (УНКВД). Все имеющиеся на них материалы предписывалось передать в следственные части УНКВД. Подчеркивалось, что «о порядке дальнейшего направления этих дел указания будут даны дополнительно»⁸. Директива касалась лишь 2,5% узников трех спецлагерей, причем Особое совещание в ней не упоминалось. Видимо, получив записку Сопруненко, Берия решил испросить указания Сталина относительно мер в отношении военнопленных, переводимых в тюрьмы. От этого зависел и выбор органа, который должен был рассматривать их дела.

В конце февраля начальник особого отделения Осташковского лагеря Григорий Корытов информировал зам. начальника УНКВД по Калининской

области Василия Павлова, что Берия приостановил рассмотрение дел осташковских военнопленных Особым совещанием; лагерь же после разгрузки должен был принять военнопленных финнов⁹. Еще 1 декабря — на следующий день после нападения СССР на Финляндию — Берия приказал начальникам резервных лагерей — Грязовецкого, Юхновского, Южского, Путивльского, Козельщанского — подготовиться к поступлению большого количества финских военнопленных¹⁰. 21 февраля Сопруненко подписал справку для руководства НКВД о готовности лагерей к приему около 25 тысяч военнопленных финнов. Но дело было не только и даже не столько в освобождении одного–трех лагерей от поляков.

КОНТЕКСТ

После исключения СССР из Лиги Наций, после принятия Верховным союзным советом Великобритании и Франции решения направить в Финляндию экспедиционный корпус, правительство Владислава Сикорского стало добиваться включения в него своего воинского соединения. В декабре 1939 года начал формироваться авиадивизион польских добровольцев для войны в Финляндии¹¹. 24 января 1940 г. на заседании Совета министров Сикорский заявил, что посылка корпуса в Финляндию вовлечет Францию и Великобританию в «фактическую войну с Россией, что для нас весьма желательно». О необходимости ориентироваться на разгром СССР в момент, когда союзники объявят ему войну, говорил и министр иностранных дел Польши Аугуст Залеский¹².

О том, что в английских и французских правящих кругах серьезно усилились тенденции к вмешательству в советско-финский конфликт, что они готовы действовать, «не останавливаясь перед риском разрыва отношений и даже вооруженного конфликта» с СССР, сообщал в Москву Иван Майский¹³. 11 февраля в беседе с ним один из самых дальновидных британских политиков Дэвид Ллойд Джордж указал, что СССР «логикой вещей уже очень близко подошел к краю бездны, за которой начинается вовлечение в европейскую войну... Тем более что в Англии, а особенно во Франции

имеется достаточно провокаторов разрыва и войны с СССР»¹⁴. И он был прав: 5 февраля 1940 г. премьер-министр Франции Эдуард Даладье на заседании Верховного союзного совета настаивал на немедленной отправке англо-американских войск в Финляндию¹⁵. Подписанный 11 февраля торговый договор между СССР и Германией укрепил в общественном мнении Великобритании и Франции тенденцию, что СССР и Германию следует рассматривать как союзников и, следовательно, как их общих врагов. К 15 февраля в Финляндию уже были отправлены из Англии и Франции 300 самолетов и подготовлены к отправке еще 400.

21 февраля Майский вновь зафиксировал в своем дневнике: «Вообще положение должно быть признано опасным. Оно чревато всякими неожиданностями. Можно легко быть втянутыми в большую войну. Лучший способ избежать этой опасности — быстрота на финском фронте»¹⁶. 18 февраля главная полоса финской обороны была прорвана советскими войсками. 22 февраля британскому кабинету было передано предложение правительства СССР о принятии на себя роли посредника в урегулировании советско-финской войны, но Лондон отклонил его¹⁷.

Полпред во Франции Яков Суриц 9 марта писал: «Сейчас уже нет сомнения, <...> что в намерения союзников входили и десантные операции в Мурманске <...>, даже вопреки желанию самого Хельсинки»¹⁸. По заявлению Эдуарда Даладье с 26 февраля 50 тысяч французских войск ожидали посадки на суда для отправки в Финляндию. Невилл Чемберлен же 19 марта, выступая в парламенте, сказал, что сотысячный англо-американский экспедиционный корпус был приготовлен, и лишь отказ Швеции и Норвегии пропустить его через свою территорию помешал направлению его в Финляндию. То, «что война с СССР была очень реальна», считал и Уинстон Черчилль¹⁹. Опасность войны с Англией и Францией являлась одним из главных побудительных мотивов советского руководства, поспешившего с заключением мирного договора с Финляндией, хотя Красная Армия перешла в это время в наступление и могла занять Хельсинки.

Французско-британская концепция вооруженного выступления против СССР как союзника Германии, оказывающего экономическую поддержку их смертельному врагу, была тесно связана с идеей нанести воздушный удар по залежам нефти в районе Каспийского моря²⁰. 19 января Франция представила на заседании Верховного совета союзнических держав в Париже конкретный проект нападения на СССР в районе Кавказа и Каспийского моря. 10 февраля Майский сообщил в НКВД, будто в кругах британского правительства существует мнение, что операции могут развернуться также на Ближнем и Среднем Востоке, при этом англичане и французы с помощью Турции и Ирана «откроют наступательные операции против Кавказа (особенно против Баку и Батуми, с тем чтобы ударить по нефти или по нефтепроводу)»²¹.

Проект продолжали разрабатывать во второй половине февраля и в марте. Так, 22 марта главнокомандующий объединенными сухопутными силами Франции и Великобритании генерал Морис Гамелен писал Эдуарду Даладье: «Действия, направленные на уничтожение русской нефтедобывающей промышленности, позволяют нанести чувствительный, если не решающий, удар по советской экономике и военной мощи <...>. Страна подвергнется риску полного разгрома». Союзники не без основания рассчитывали на то, что ударом по Баку они ликвидируют и основной источник обеспечения вермахта и люфтваффе горючим. Ведь на территории «Третьего рейха» и оккупированных им стран в то время добывалось немногим более 1 млн. тонн нефти, а в СССР, главным образом на нефтепромыслах Баку и Грозного, — 30 млн. тонн. Политическое и военное руководство в Париже и Лондоне рассматривало проект нападения на СССР с юга в разных вариантах вплоть до начала мая 1940 года, т.е. до начала массированного германского наступления на Францию²².

Информация о планах Лондона и Парижа регулярно поступала в Кремль. Так, 7 февраля командующий Закавказским военным округом направил Сталину и Ворошилову доклад «О положе-

нии на Ближнем Востоке и боеготовности войск Закавказского В[оенного] О[круга]». В нем подчеркивалось: «Англо-французскому блоку на сегодняшний день удалось добиться больших усилий в мобилизации сил на Ближнем Востоке для очередной вооруженной провокации против СССР. Очередную провокационную войну, подготавливаемую англо-французским блоком против СССР, можно ожидать со стороны Ближнего Востока весной 1940 года»²³. Таким образом, информация об англо-французских планах лишь укрепляла ненависть Сталина к польским офицерам и полицейским, которые в случае возможной войны западных стран против СССР они, по его мнению, могли стать «пятой колонной». «Отец народов» никогда не забывал о роли восставших в 1918 г. военнопленных чехов в Гражданской войне в Советской России.

«Зимняя война» отразилась также на взаимоотношениях Германии и СССР. Подтягивание германских войск к границам СССР было впервые зафиксировано советскими разведывательными службами в середине февраля 1940 г.²⁴. В западных областях СССР оживилось польское подполье, получавшего инструкции от правительства Сикорского²⁵. «Зачистить» присоединенные к СССР западные территории, по мнению сталинского руководства, было важно и в связи с предстоящими в конце марта 1940 г. выборами депутатов в Верховный Совет СССР.

РЕШЕНИЕ О МАССОВЫХ УБИЙСТВАХ

27 февраля 1940 г. Берия встретился со Сталиным и, по всей видимости, обсудил с ним судьбу пленных поляков. А 29 февраля кремлевскому «хозяину» было направлено письмо Берии и Никиты Хрущева за № 793/Б об охране государственной границы в западных областях Украины и Белоруссии²⁶.

Записка же Берии Сталину за № 794/Б, касавшаяся участи 14 тысяч 736 бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников, тюремщиков, содержавшихся в трех спецлагерях, и 11 тысяч человек, арестованных и находящихся в тюрь-

мах западных областей Украины и Белоруссии, не имела точной даты. Поскольку документы Берии №№ 795/б и 596/б датированы также 29-м февраля, становится очевидным, что первый вариант письма Берии Сталину о расстреле польских офицеров, полицейских и узников тюрем был составлен тоже 29 февраля.

Дошедшая же до нас записка наркома «вождю народов», легшая в основу решения Политбюро от 5 марта о расстреле польских офицеров, полицейских и узников тюрем, сохранила делопроизводственный номер 794/Б, но на ней уже значился месяц март. Сопоставление сведений, содержащихся в справках о наличии в лагерях различных категорий военнопленных от 2 и 3 марта, позволяет сделать вывод, что текст данной записки Берии был переработан 3 марта. Таким образом процесс выработки решения о расстреле польских офицеров, полицейских и узников тюрем следует ограничить периодом 27 февраля — 5 марта 1940 года.

В своей записке № 594/Б Берия обосновывал необходимость расстрела военнопленных (офицеров, полицейских, сотрудников разведывательных органов) и заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии тем, что «все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю», ведут антисоветскую агитацию и контрреволюционную работу. «Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти», — подчеркивал нарком.

Совершенно очевидно, что возможность активно включиться в борьбу против советской власти могла представиться только в случае глобальной войны — войны Великобритании и Франции против СССР. Дела находящихся в лагерях для военнопленных 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников, разведчиков и 11 тысяч человек — заключенных в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, «членов различных контрреволюционных партий, шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков»

Берия предлагал рассмотреть «в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела»²⁷.

Рассмотрение дел предлагалось провести без вызова арестованных и без предъявления им обвинения, а также постановления об окончании следствия и обвинительного заключения. Судьбу лиц, содержащихся в лагерях военнопленных, следовало решать по справкам, составленным УПВ, арестованных — на основе дел, представленных НКВД УССР и НКВД БССР.

Рассмотрение дел и вынесение решения предлагалось на тройку в составе Берии, Меркулова и начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР Леонида Баштакова. Первым на этой бумаге расписался Сталин, предварительно написав: «За». Затем свои подписи поставили Ворошилов, Молотов и Анастас Микоян. На полях секретарь указал: «Калинин — за, Каганович — за».

Военная прокуратура, получив в 1990-1991 гг. однозначные заключения от нескольких независимых экспертов, все подписи признала подлинными. На последней странице письма Берии Сталин внес в него последние коррективы — вычеркнул из состава тройки фамилию Берии и включил в нее Богдана Кобулова²⁸.

В России до настоящего времени не прекращаются попытки поставить под сомнение и письмо Берии от марта 1940 г., на котором стоят подписи Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б), и решение Политбюро от 5 марта 1940 г., и выписки из него²⁹.

Заключительная часть записки Берии дословно воспроизведена в качестве решения Политбюро ЦК ВКП(б) в протоколе заседания от 5 марта³⁰.

В соответствии с ним должны были быть расстреляны 14 736 военнопленных — бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков, а также находившиеся в тюрьмах западных областей «11 тысяч человек — членов различных к[онтр]-р[еволюционных], шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков».

Записка Берии более полувека хранилась в ЦК КПСС в опечатанном пакете вместе с выписками из протокола решения Политбюро от 5 марта 1940 г., которые также были оформлены по всем канонам того времени. Выписки из протокола от 5 марта 1940 г. напечатаны на специальном типографском бланке и на обороте заверены подписью технического секретаря Политбюро Хряпкиной, которая стоит и на многих сотнях других выписок из решений Политбюро³¹.

ПОДГОТОВКА

Подготовка операции по расстрелу поляков из Козельского, Старобельского, Осташковского лагерей и узников тюрем западных областей Украины и Белоруссии началась сразу же после рокового решения Политбюро. С 7 по 15 марта 1940 г. были проведены совещания с работниками центрального аппарата НКВД СССР, с начальниками УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей, их заместителями и комендантами внутренних тюрем, с начальниками и комиссарами трех спецлагерей³².

7 марта Берия приказал наркомам внутренних дел УССР и БССР Ивану Серову и Лаврентию Цанаве подготовиться к депортации 25 тысяч семей тех, кого вскоре намеревались расстрелять. Их адреса узнавали у самих офицеров и полицейских³³.

16 марта началось составление справок на военнопленных трех лагерей и заключенных тюрем; на основании которых должны были приниматься решения о расстреле.

Наряду с тремя графами, в которых фиксировались: 1) фамилия, имя, отчество; 2) год и место рождения, семейное и общественное положение, где содержится, когда взят в плен; 3) последняя должность и чин в польской армии или в полицейских органах. Имелась также четвертая графа — заключение, куда вписывалась краткая формула обвинения и статья УК РСФСР (для заключенных тюрем — УК УССР и УК БССР)³⁴. Первые три графы справки заполнялись в лагерях и по мере готовности вместе с делами направлялись в Москву. В УПВ заполнялась последняя графа — заключение, после чего они вместе с делом отсылались в 1-й

Спецотдел НКВД СССР, где над ними работали под руководством зам. начальника этого отдела Аркадия Герцовского. Часть дел ставилась на контроль, решения по ним принимал лично Меркулов.

Остальные фамилии включались в списки подлежащих расстрелу, которые затем передавались на утверждение «Комиссии», то есть «тройки» в составе Меркулова, Кобулова и Баштакова. Ее решения оформлялись специальными протоколами.

После этого фигурировавшие в списке военнопленные или заключенные считались приговоренными к высшей мере наказания — расстрелу.

Списки-предписания на отправку из лагеря в распоряжения УНКВД Смоленской, Калининской и Харьковской областей, подписанные начальником УПВ Сопруненко, а после его отъезда из Москвы — его заместителем Иваном Хохловым, направлялись в Козельский, Старобельский и Осташковский лагеря.

Предписания о расстреле, подписанные Меркуловым, адресовались начальникам УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей³⁵.

Тщательно готовился и расстрел узников тюрем западных областей УССР и БССР. Чтобы централизовать его и исключить утечку информации, было решено сосредоточить заключенных поляков в четырех тюрьмах: в Минске, Киеве, Харькове и Херсоне. Предварительно их освобождали от других узников, которых направляли в лагеря ГУЛАГа³⁶.

С 16 марта была запрещена переписка военнопленных, усилена охрана лагерей, разработаны подробнейшие планы доставки военнопленных к местам их казни. Незадолго до ее начала в лагеря прибыли работники центрального аппарата ГУГБ, а также представители Главного управления конвойных войск. В Козельск, Старобельск и Осташков свозили находившихся в больницах тяжелобольных польских офицеров и полицейских.

Пополнялся и контингент тюрем. 4 апреля Берия приказал арестовать всех проводящих «контрреволюционную работу» унтер-офицеров бывшей польской армии. В результате были помещены в тюрьмы еще около тысячи офицеров и унтер-офицеров, полицейских, землевладельцев, членов политических партий³⁷.

РАССТРЕЛЬНЫЕ СПИСКИ

Первые списки на отправку военнопленных на расстрел начали поступать в лагерь 3–5 апреля, а в тюрьмы — 20–23 апреля. 9 апреля были подписаны 13 расстрельных списков на 1297 военнопленных³⁸. Мог ли орган внесудебной расправы рассмотреть, по существу, за один день почти 1300 дел? Ответ очевиден — это физически невозможно. Да этого и не требовалось — в задачу «тройки» входило лишь утвердить списки, составленные в 1-м Спецотделе под контролем Меркулова. Каждый список, как правило, содержал около ста фамилий и имел номер. В них были включены 97% всех офицеров и полицейских, содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях.

Среди отправляемых на расстрел были кадровые военные, резервисты и престарелые отставники; члены политических партий и абсолютно аполитичные люди; поляки и евреи, белорусы и украинцы. Врачей обрекали на смерть наравне с жандармами, контрразведчиками, тюремными работниками. Практически речь шла не о тех, кого следует расстрелять, а о тех, кому следует сохранить жизнь, включив их в список на отправку в Юхновский лагерь.

Три первых списка-предписания на отправку из Осташковского лагеря на 343 человека были подписаны Сопруненко 1-го апреля. 3-го апреля эти списки поступили в лагерь, и согласно путевой ведомости конвойных войск те же 343 «лишенных свободы» в пяти вагонах 5 апреля в 9 час. 30 мин. прибыли в Калинин (ныне Тверь). Столько же человек были приняты помощником начальника УНКВД по Калининской области Тимофеем Качиным. В тот же день начальник УНКВД по Калининской области направил Меркулову шифротелеграмму: «Первому наряду исполнен № 343. Токарев»³⁹, что означало что предписание о расстреле 343 лиц выполнено. Эти документы хранятся в разных фондах и разных архивах, в том числе и в Центральном архиве ФСБ. Сохранились аналогичные документы почти за каждый день операции. Цифры в них также совпадают. Последние военнопленные были вывезены из трех спец-

лагерей к концу мая 1940 года. Узников тюрем расстреливали до начала июля, поскольку аресты продолжались при зачистке территории, присоединенной осенью 1939 года к СССР.

Долгие годы оставались неясными те мотивы, по которым 395 офицерам и полицейским была сохранена жизнь. В ходе подготовки к печати катынских томов нами был найден документ, раскрывающий причины, по которым пощадили 395 человек. По ходатайству 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД были оставлены в живых 47 человек, столько же — по просьбе германского посольства; по запросу литовской миссии — 19; немцев по национальности — 24 человека. Военнопленных числом 91 человек были направлены в Юхнов по личному указанию Меркулова: среди них были как те, кто представлял интерес в качестве источника информации, так и пленные, заявлявшие о своих коммунистических убеждениях, оказывавшие различные услуги администрации лагерей. 167 человек попали в разряд «прочие» (рядовые, юнаки, унтер-офицеры, подхорунжие, беженцы, а также несколько десятков осведомителей)⁴⁰.

ТЕХНОЛОГИЯ АДА

О том, как проходили расстрелы в Калининe, подробно рассказал на допросах в военной прокуратуре Дмитрий Токарев. Руководил расстрелом присланный из Москвы начальник комендантского отдела НКВД СССР майор госбезопасности Василий Блохин. Одну из камер обшили кошмой, чтобы не были слышны выстрелы. Тюрьму временно освободили от других заключенных. «Из камер поляков поодиночке вели в красный уголок, то есть в ленинскую комнату, там сверяли данные — фамилию, имя, отчество, дату рождения... Надевали наручники, вели в приготовленную камеру и били из пистолета в затылок», — сообщил Токарев⁴¹. Только в Калининe в расстрелах участвовали 30 человек, по трем лагерям — 53. Расстреливали из немецких «вальтеров». Территория близ села Медное, где находятся захоронения более шести тысяч узников Осташковского лагеря, не занималась немецкими войсками ни на один день.

По свидетельству начальника охраны УНКВД Митрофана Сыромятникова, офицеров из Старобельского лагеря расстреливали в Харькове, как и в Калинин, во внутренней тюрьме НКВД на ул. Дзержинского, куда польских военнопленных доставляли «воронками» прямо с вокзала. Затем тела на грузовиках везли в 6-й район лесопарковой зоны, что в полутора километрах от села Пятихатки, и закапывали вблизи дач сотрудников УНКВД. Руководили расстрелом специально присланные работники комендантского отдела НКВД СССР при активном участии коменданта внутренней тюрьмы Тимофея Куприя, начальника харьковского УНКВД майора г/б Петра Сафонова и его заместителя Павла Тихонова⁴². Они же, видимо, руководили и расстрелом заключенных тюрем, доставленных в Харьков.

Офицеров из Козельского лагеря расстреливали, как непосредственно в Катынском лесу, так и, скорее всего, в Смоленской тюрьме. Об этом свидетельствуют сводки начальника Главного транспортного управления НКВД СССР Соломона Мильштейна о движении тюремных вагонов, в которых неоднократно указывалось, что вагоны прибывали на станцию Смоленск. В них, в частности, сообщалось: «6 апреля с.г. на ст. Смоленск в 12 час. 15 мин. поездом № 87 прибыли 2 вагона за №№ 602 и 673... **Находятся под разгрузкой** на ст. Смоленск 4 вагона за №№ 670, 351, 602 и 673». В сводке за 7 апреля вновь отмечалось: «На ст. Смоленск **находятся под разгрузкой** 4 вагона за №№ 670, 351, 602 и 673»⁴³ (выделено мною — *Н.Л.*). Таким образом, вагоны стояли на станции под разгрузкой два дня.

Видимо, офицеров доставляли прямо из вагонов в Смоленскую тюрьму — по мере освобождения места в ней после расстрела очередной партии поляков. С. Свяневич, привезенный в Смоленскую тюрьму, обнаружил, что она полностью освобождена от других заключенных.

В одной из восьми могил польских офицеров в Катыни тела лежали ровными рядами, лицом к земле, в отличие от других ям смерти, где тела расстрелянных находились в разных положениях.

В Катынском лесу расстреливали группами над глубокими могилами, в мундирах, при орденах, им

стреляли в затылок с близкого расстояния. При расстрелах использовались немецкие пули калибра 7,65 мм. В 20% случаев руки у военнопленных были связаны проволокой или плетеным шнуром. В одной из могил находились тела, на головах которых были шинели, обмотанные на уровне шеи шнуром, который соединялся петлей со связанными руками⁴⁴.

СТАТИСТИКА

В соответствии с составленной по итогам операции справкой Управления по делам о военнопленных в УНКВД трех областей было отправлено 14 587 человек. В справках же, подготовленных для Сталина руководством НКВД в 1941–1943 гг., фигурирует цифра 15 131 человек⁴⁵.

В записке Александра Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 г. указывается, что всего были расстреляны 21 857 человек, включая 8 348 офицеров Войска Польского, 6 311 полицейских и 7 305 узников тюрем⁴⁶. Расхождения в справке УПВ конца мая 1940 г. с данными НКВД 1941–1943 гг., по всей видимости, связаны с теми военнопленными офицерами и полицейскими, которые — по директиве Меркулова от 22 февраля 1940 г. — были переведены в распоряжение УНКВД трех областей, то есть в тюрьмы. Они уже не учитывались в справке УПВ, тем не менее их также расстреляли как военнопленных офицеров и полицейских.

Среди отправленных на расстрел были 11 генералов, контр-адмирал, 77 полковников, 197 подполковников, 541 майор, 1441 капитан, 6061 поручик, подпоручик, ротмистр и хорунжий, 18 капелланов и других представителей духовенства.

Те, кого отправляли на расстрел, даже не подозревали, что их ждет, о чем свидетельствуют политдонесения комиссара УПВ Семена Нехорошева.

Родные и близкие, в том числе дети расстрелянных офицеров и полицейских, обращались к Сталину, в УПВ, в другие инстанции, умоляя отпустить своих мужей и отцов из плена. До конца своей жизни многие из них не могли смириться с утратой, вопреки всему надеясь на возвращение тех, кто сгинул в Советском Союзе⁴⁷.

В ТЮРЬМАХ

Тщательно готовился и расстрел узников тюрем западных областей УССР и БССР. Прибывшие из Москвы следователи центрального аппарата НКВД СССР пробыли в западных областях Белоруссии и Украины два месяца, руководя дальнейшими арестами, оформляя следственные дела на расстреливаемых. На их основе в тюремных отделах НКВД УССР и БССР составлялись справки с последней незаполненной графой и передавались в 1-й Спецотдел НКВД УССР и БССР вместе со следственным делом. После внесения в них исправлений в республиканском 1-м Спецотделе в каждой справке заполнялась последняя графа — заключение. По мере готовности справки направлялись в 1-й Спецотдел НКВД СССР. Затем составлялись списки-предписания на расстрел. Какие-то дела ставились на контроль, решения по ним принимал лично сам Меркулов. Списки-предписания подписывались «тройкой», т.е. Меркуловым, Кобуловым и Баштаковым. Они аналогичны тем, которые составлялись на офицеров и полицейских Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей.

В то время как военнопленных офицеров и полицейских было расстреляно практически столько же, сколько зафиксировано в решении Политбюро от 5 марта 1940 г., т.е. 14 552 человека, по узникам тюрем — значительно меньше: 7 305 — вместо 11 тысяч человек.

Исследователи считают весьма странным это «недовыполнение» предписания высшей партийной инстанции СССР и подчеркивают, что ранее такого никогда не случилось.

Полагаю, что это было связано с отказом от расстрела перебежчиков. В упоминавшейся выше записке Берии Сталину от начала марта 1940 г. указано, что в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии находилось 18 632 человека, из них 6 127 (то есть около 30%) человека оказались перебежчиками. Именно их и намеревались расстрелять. Однако обмен беженцев с Германией затянулся: последняя немецкая комиссия выехала из СССР только 5 июня 1940 г. В результате оказалось невозможным своевременно составить списки тех перебежчиков, которые выразили же-

лание вернуться домой, но не были приняты немецкой стороной.

29 июня 1940 г. данную категорию лиц вместо расстрела депортировали в северные районы страны. Именно на треть число ликвидированных узников тюрем оказалось меньше того, которое определялось решением Политбюро от 5 марта 1940 года.

Если военнопленных из трех спецлагерей отправляли по предписаниям за номерами 01-040, 044-046, 050-054, 058, 059 и 062, то в украинском списке фигурируют номера предписаний 041-043, 055-057, 064-067, 071-072.

БЕЛОРУССКИЕ СПИСКИ

Оставшиеся номера 047-049, 060, 061, 063 и 068-070—это номера списков-предписаний на узников тюрем Западной Белоруссии. Ни они, ни список содержащихся в них фамилий не найдены. К операции по расстрелу заключенных тюрем приступили тогда, когда ликвидация пленных из трех лагерей для военнопленных вступила в завершающую фазу. Известно, что расстрел узников западноукраинских тюрем начался не ранее 20 апреля и продолжался до первой декады июля включительно. Скорее всего, белорусская экзекуция проводилась в те же сроки.

13 апреля 1940 г. была проведена депортация семей приговоренных к расстрелу польских офицеров, полицейских и заключенных тюрем. В Северный Казахстан были выселены около 70 тысяч женщин, детей, стариков. Из Москвы поступило указание не предоставлять им ни жилья, ни работы⁴⁸.

Сразу после завершения расправы с польскими офицерами и полицейскими были приняты карательные меры и против других польских военнопленных. В конце мая 8 тысяч рядовых и унтер-офицеров бывшей польской армии из лагерей военнопленных, работавших на предприятиях Наркомата черной металлургии, были отправлены в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГа на строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали⁴⁹. Условия жизни и работы этих людей стали крайне тяжелыми. В разы повысилась смертность среди них.

ЛОЖЬ КАК СОУЧАСТИЕ

Более полувека первые лица Советского государства и ЦК КПСС тщательно скрывали правду о Катынском злодеянии, тем самым в определенной мере разделив ответственность за него. На все попытки польского правительства выяснить участь своих офицеров советская сторона заявляла, что они освобождены или самостоятельно рассеялись, неизвестно куда⁵⁰. Лишь 13 апреля 1990 года было опубликовано Заявление ТАСС, в котором ответственность за это злодеяние была возложена на Берия, Меркулова и их подручных.

26 ноября 2010 года Государственная Дума Федерального Собрания РФ приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах». В нем, в частности, было признано, что опубликованные материалы «не только раскрывают масштабы этой страшной трагедии, но и свидетельствуют, что Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей»⁵¹.

Правда о катынском преступлении необходима не только полякам, но и россиянам, чтобы подобное никогда не могло повториться.

Примечания

¹ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштора. Сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, В. Матерский, Б. Вошинский. М., 1999. С. 9-29, 57-249. Осадники — это демобилизованные бойцы Войска Польского, получившие наделы на территории близ новой советско-польской границы, установленной по Рижскому договору 1921 года.

² См. подробнее: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 42-134.

³ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 250.

⁴ Там же. С. 275-276.

⁵ Там же. С. 316-318.

⁶ Там же. С. 382-384.

⁷ Там же. С. 343.

⁸ Там же. С. 350.

⁹ Там же. С. 383.

¹⁰ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф.1/п. Оп. 4в. Д. 9. Л. 240-252, 255; Оп. 2а. Д. 1. Л.437.

¹¹ Polskie Dokumenty Dyplomatyczne. 1939 wrzeisien-grudzien / Red. W. Rojek. Warszawa, 2007. S. 579. В Великобритании находилось около трех тысяч польских летчиков и 20 тысяч других офицеров, подофицеров и рядовых Войска Польского.

¹² Дурачинский Э. Польша в политике Москвы 1939-1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика. 1939–1941 / Отв. ред А.О. Чубарьян. М., 1999. С.54.

¹³ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон 1934-1943: в 2-х кн. Кн. 2. Ч. 1 / Сост. Н.В. Бойко, Е.В. Косырева, Л.В. Поздеева; отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2009. С. 119-130, 136. 427. См. также: Дурачинский Э. Указ соч. С. 50-64; Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 185. В редакционной статье ж. «Международная жизнь», посвященной 50-летию советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., указывалось: «Советско-финская война едва не сделала реальностью то, что до этого было в принципе немислимым: военные действия против СССР со стороны Англии, Франции и даже Швеции» (Международная жизнь. 1989. № 9. С. 74).

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн.2. Ч.2. С. 767.

¹⁶ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон 1934-1943: в 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. С. 119-121.

¹⁷ Указ соч. С. 119-130, 136. См. также: Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959. С. 115-117.

¹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 768-769.

¹⁹ Там же. С. 778.

²⁰ См. подробнее: Чельшев И. СССР — Франция: трудные годы 1938-1941. М., 1999. С. 245-275; Deschner G. Bomben auf Baku. Angriffsplaene Englands und Frankreichs auf die Sowjetunion 1940. Erlangen, 1989; Kahle H. Das Kaukasusprojekt der Allierten vom Jahre 1940. Opladen, 1973; Корнат М. Французские и британские планы вооруженной акции против Советского Союза в 1940 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2007. С.399-410.

²¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С.767.

²² М. Корнат подчеркивал, что «французская идея нападения на СССР не была только студийным вариантом, который возник в связи с союзническими планами оказать вооруженную поддержку Финляндии. То была гораздо более широкая концепция, рассчитанная на ослабление Советской России, в которой видели союзника «Третьего рейха». Именно такую картину применительно к этому вопросу дают французские дипломатические документы» (М. Корнат. Указ. соч. С. 404).

²³ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 16. Оп. 2951. Д. 223.

²⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 151.

²⁵ См.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939-1941 гг. Т. 1-2. Варшава-Москва, 2001. (Polskie Podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Bialorusi w latach 1939-1941. Warszawa-Moskwa, 2001).

²⁶ Это письмо было найдено мной летом 2014 г. в сов. секретных «особых папках» Политбюро ЦК ВКП(б) (РГАСПИ).

- Ф. 17. Оп. 166. Д. 621. Л. 86-90) и опубликовано в «Новой газете» № 75 от 11 июля 4014 г.
- 27 Катывнь. Пленники необъявленной войны. С. 384-390.
- 28 Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катывнский синдром в советско-польских отношениях. М., 2001. С. 392.
- 29 Швед В. Тайна Катывни. М., 2007. С. 148-196.
- 30 Katyn. Dokumenty zbrodni. Tom 2. Zaglada marzec — czerwiec 1940. S. 41.
- 31 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1284. Л. 113; Д. 1285. Л. 193; Д. 1286. Л. 186 и др.
- 32 Катывнь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катывни. Документы. (Далее: Катывнь 1940-2000. Документы.) / Отв. Сост. Н.С. Лебедева и В. Матерский. М., 2001. С. 19-20.
- 33 Там же. С. 44-47.
- 34 Там же. С. 56.
- 35 Там же. С. 68-78.
- 36 Там же. С. 62-64.
- 37 Там же. С. 78-79.
- 38 Там же. С. 29.
- 39 Там же. С. 72-74, 81-82.
- 40 Там же. С. 172-173.
- 41 Л. Елин 53 палача — и два свидетеля // Новое время. 1991. № 42. С. 32-35.
- 42 Katyn... T. 2. S. 472-500.
- 43 РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 55, 63.
- 44 Катывнь. 1940-2000. Документы. С. 38.
- 45 Там же. С. 167-168, 384, 496.
- 46 Там же. С. 563-564.
- 47 См.: Н. Лебедева. Катывнские голоса // Новый мир. 1991. № 2. С. 215-217.
- 48 Катывнь. 1940-2000. Документы. С. 91-99, 162, 173-174. См. также: Из истории поляков в Казахстане (1931-1956 гг.). Алматы, 2000. С. 97-116.
- 49 Там же. С. 138-141.
- 50 См. раздел «Борьба за правду» книги Анжея Пшевозника (A. Przewoznik. Katyn.Zbrodnia. Prawda. Pamiec. Warszawa, 2010. S. 388 — 488).
- 51 Уроки Нюрнберга и актуальные проблемы международного права: Материалы «круглого стола» 18 ноября 2010 г. М., изд. Государственной Думы. 2011. С. 67-69.

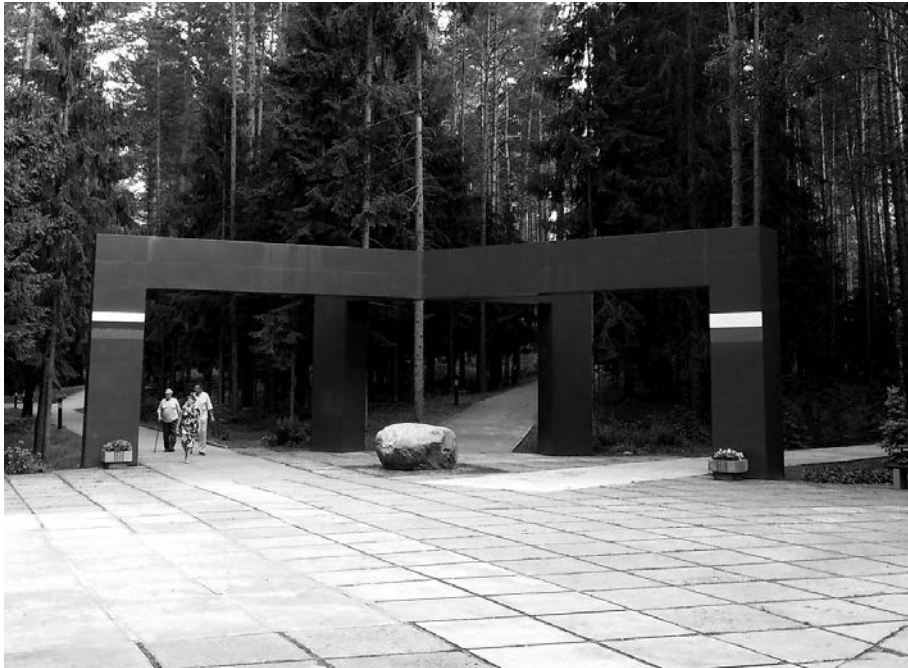
ЛЕБЕДЕВА Наталья Сергеевна к.и.н., ведущий научный сотрудник Сектора международных отношений ИВИ РАН. Доктор всеобщей истории (Лодзинский университет). Специализируется в изучении внутренней и внешней политики СССР, международных отношений новейшего времени, истории Второй мировой войны. Систематически работает в российских архивах, изучая особенности тоталитарных режимов, раскрывая чудовищные злодеяния гитлеризма на оккупированных третьим рейхом территориях, массовые репрессии сталинского режима против граждан СССР, а также Польши, Прибалтики и др. Автор монографий, сборников документов, статей по истории Катывнского преступления, подготовке и проведению Нюрнбергского процесса, Коминтерну, советско-польским и советско-литовским отношениям. Подготовила трехтомную российско-польскую публикацию документов «Коминтерн и Польша» и четвертого тома «Советско-польских отношений 1918–1945 гг.», охватывающий период с 1939 по 1945 г. (совместно с польским историком Л.Адамским). Опубликовала более 200 статей, глав и разделов в российских и зарубежных изданиях. Автор главы «Польша между СССР и Германией» и «Катывнское преступление» в фундаментальном труде российских и польских историков «Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» (М., 2010, 5 п.л.) и в аналогичном издании, вышедшем в свет в Варшаве на польском языке .Biale Plamy — Czarne Plamy. Sprawy trudne w polsko-rosyjskich stosunkach 1918-2008. Pod redakcja A.Rotfelda i A.W. Torkunowa. Warszawa, 2010) Oplosningen og Komintern efter 1943 (Поспук Коминтерна в 1943 г.) // Komintern og de dansk-sovjetiske relationer. Red. J.Jorgensen, A. Chubaryan, A. Sorokin, T. W. Friis. Arbejdmuseet ABA, 2012.

Составитель, редактор, автор вступительных статей и комментариев к томам документов: по истории Катывнского преступления (совместно с польским историком В. Матерским).

Катывнское преступление. Пленники необъявленной войны». М., 1997. «Катывнь. Март 19440 г. — сентябрь 2000 г. Документы. М., 2001 Katyn. Dokumenty zbrodni Tom 1-4. Warszawa, 1995–2006.

(совместно с А. Чинчалой и В. Матерским). Katyn. A Crime Without Punishment. Yale University Press. New Haven & London, 2007. Общий объем катывнских томов более 300 п.л.

Составитель (совместно с М. Корчагиной) издаваемого в Берлине трехтомника собрания Лебедева Наталья Сергеевна к.и.н. ведущий научный сотрудник Сектора международных отношений ИВИ РАН. Доктор всеобщей истории (Лодзинский университет) Специализируется в изучении внутренней и внешней политики СССР, международных отношений новейшего времени, истории Второй мировой войны. Систематически работает в российских архивах, изучая особенности тоталитарных режимов, раскрывая чудовищные злодеяния гитлеризма на оккупированных третьим рейхом территориях, массовые репрессии сталинского режима против граждан СССР, а также Польши, Прибалтики и др. Большое внимание уделяла четвертому разделу Польши, советизации

Мемориал «Катынь»
<http://rosstatka.livejournal.com/24756.html>

принудительно присоединенных в 1939–1940 гг. к СССР территорий, Катынскому злодеянию и массовым депортациям с присоединенных Советским Союзом территорий как накануне войны, так и в послевоенные годы. Автор монографий, сборников документов, статей по истории Катынского преступления, подготовке и проведению Нюрнбергского процесса, Коминтерну, советско-польским и советско-литовским отношениям. Подготовила трехтомную российско-польскую публикации документов «Коминтерн и Польша» и четвертого тома «Советско-польских отношений 1918–1945 гг.», охватывающий период с 1939 по 1945 г (совместно с польским историком Л.Адамским). Опубликовала более 200 статей, глав и разделов в российских и зарубежных изданиях. Автор главы «Польша между СССР и Германией» и «Катынское преступление» в фундаментальном труде российских и польских историков «Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» (М., 2010, 5 п.л.) и в аналогичном издании, вышедшем в свет в Варшаве на польском языке .Biale Plamy — Czarne Plamy. Sprawy trudne w polsko-rosyjskich stosunkach 1918–2008. Pod redakcja A. Rotfelda i A.W. Torkunowa. Warszawa, 2010) Oplosningen og Komintern efter 1943 (Роспуск Коминтерна в 1943 г.) // Komintern og de dansk-sovjetiske relationer. Red. J.Jorgensen, A. Chubaryan, A. Sorokin, T. W. Friis. Arbejdemuseet ABA, 2012.

Составитель (совместно с М. Корчагиной) издаваемого в Берлине трехтомника документов «Коминтерн и Германия» на немецком языке, (90 п.л.). Н.С. Лебедева Входит в состав редакционных советов серий «Россия. XX век. Документы» Международного фонда «Демократия» (Фонда Александра Н. Яковлева), Иельского университета «Анналы коммунизма» (Annals of Communism, Yale University Press) и редколлегии польского журнала «Пшегланд Восточный» («Przegląd Wschodni»), а также в состав научных советов ряда польских научно-исследовательских институтов. Активный член российско-польской Группы по сложным вопросам российско-польских отношений в истории XX века. Имеет правительственные награды РФ и Республики Польша. Выступала с докладами и сообщениями на международных конференциях в более чем 20 странах, во многих городах России.

Н.С. Лебедева входит в состав редакционных советов серий «Россия. XX век. Документы» Международного фонда «Демократия» (Фонда Александра Н. Яковлева), Иельского университета «Анналы коммунизма» (Annals of Communism, Yale University Press) и редколлегии польского журнала «Пшегланд Восточный» («Przegląd Wschodni»), а также в состав научных советов ряда польских научно-исследовательских институтов. Активный член российско-польской Группы по сложным вопросам российско-польских отношений в истории XX века. Имеет правительственные награды РФ и Республики Польша.

В 2012 г. была номинирована в числе трех российских историков на премию им. Егора Гайдара.

© Текст: Н. Лебедева

ИСТОРИКИ В ПОИСКАХ ДИАЛОГА

Более чем тысячелетние соседские отношения между Польшей и Россией складывались по-разному. Мы можем зафиксировать моменты сотрудничества: Ярослав Мудрый помогает Казимиру I Восстановителю навести порядок в Польше; объединение поляков и русских против крестоносцев под Грюнвальдом или (из истории XX века) борьба поляков и граждан Советского Союза против гитлеровской Германии. Но и конфликтов было немало: период великой Смуты, разделы Речи Посполитой, польско-большевистская война или аннексия восточной части Польши 17 сентября 1939 года. И, конечно, эти события и связанные с ними обиды глубоко запали в нашу историческую память.

Несмотря на долгие годы сотрудничества польских и российских (раньше советских) историков, до сих пор осталось много проблем, которые ждут ответа и углубленных исследований в польских и российских архивах. Это не тайна, что история одновременно объединяет и разъединяет наши народы.

После Второй мировой войны не было условий, позволяющих заняться всеми сложными проблемами истории польско-советских отношений. Историки XX века были вынуждены подчиняться идеологическим установкам, цензуре и прочим ограничениям. В данных обстоятельствах некоторые темы просто замалчивались. Не случайно в 1960–1980-х гг. польско-советское сотрудничество сосредоточилось в основном на XIX века. Например, была проведена очень важная работа по подготовке 25 томов источников и материалов, которые впоследствии были изданы совместным польско-советским коллективом. Его возглавляли Стефан Кеневич с польской стороны и Илья Соломонович Миллер, а потом Владимир Анатольевич Дяков — со стороны Академии наук СССР¹. Благодаря их усилиям было издано множество документов в Польше и СССР на русском и польском языках в серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы»².

Петр Глушковский. Фото: В. Ярошенко

В постсоветский период ситуация решительно изменилась. У историков появилась полная свобода выбора темы и периода исследования. В результате в Польше очень многие ученые обратились к истории XX века. Благодаря широкому доступу к российским архивам польским и российским историкам удалось восстановить много важных исторических событий. Самые значительные совместные польско-российские труды были посвящены катынскому преступлению (изданы под редакцией проф. Наталии Сергеевны Лебедевой и проф. Войцеха Матерского³), а также сборник документов о красноармейцах в польском плену, в подготовке которого приняли участие видные историки Польши и России (проф. Дария Наленч, проф. Збигнев Карпус, проф. Геннадий Филиппович Матвеев). Кроме этих двух трудов был издан ряд совместных сборников и работ. Если в социалистические времена главным направлением двустороннего сотрудничества была разработка истории революционных связей, то начиная с 1990-х годов именно междисциплинарная имагология, изучающая образы «другого», «чужого», чаще всего объединяет ученых-гуманитариев (историков, социологов, социопсихологов, культурологов) в совместных проектах⁴.

Если посмотреть на карту Европы с X по XXI век, то понятно, что самыми сильными соседями нашей страны были Россия и Германия. И именно с этими странами у Польши были самые сложные отношения. Благодаря усилиям правительств Польши и Германии за последние 50 лет удалось уяснить самые сложные польско-немецкие исторические проблемы, а также преодолеть большинство стереотипов, которые были как минимум такого же масштаба, как и в польско-российских отношениях. Учитывая этот опыт, в 2002 году правительства Польши и России договорились о создании Комиссии по сложным вопросам, которая нацелена на преодоление стереотипов и развитие добрососедских отношений. К сожалению, комиссия начала работу только в конце 2007 года. Ее возглавили: с польской стороны проф. Адам Данель Ротфельд, а с российской — Анатолий Васильевич Торкунов. К этому времени руководители наших стран поня-

ли, что исторические проблемы являются главным препятствием в развитии нормальных польско-российских отношений.

Одним из первых шагов польско-российской группы по сложным вопросам был анализ самых трудных проблем из истории наших народов на протяжении XX века. По приглашению Комиссии по сложным вопросам была создана группа польских и российских историков, которые анализировали самые важные события из нашей общей истории, в том числе: польско-большевистскую войну, историю военнопленных красноармейцев в польском плену, Варшавское восстание, отношения между Польской народной республикой и Советским Союзом.

Все эти сложные события были описаны двумя авторами (но пока еще не соавторами) — польским и русским — в отдельных, независимых друг от друга статьях. Однако в этой книге уже была общая вступительная статья Сопредседателей комиссии А.В. Торкунова и А.Д. Ротфельда. Они писали: «Через двадцать лет после начала великих трансформаций, приведших к преодолению раскола Европы на Восток и Запад, Россия и Польша предприняли совместные усилия, направленные на то, чтобы убрать из совместных отношений нагромождения лжи и фальши».

Книга «Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях» была издана параллельно на польском и на русском языках.

Оказалось, что в научном мире мнения ученых не так сильно различаются, как это освещается в СМИ. Несмотря на то что авторы не стремились к единодушию и политической «корректности», понимание многих событий у польских и российских историков практически идентично. Конечно, были эпизоды, которые польскими и российскими авторами интерпретировались по-разному, но, несомненно, важно то, что они легко находили общую площадку для дискуссии и что основой дискуссии были такие исторические факты, которые ни у кого не вызывали сомнений.

Во введении к общему труду сопредседатели Комиссии по сложным вопросам — Ротфельд

и Торкунов — пишут, что историческая память влияет на восприятие мира, на многие стереотипы и предубеждения, укорененные в польском и русском народе. Многие зиждятся на выдуманных событиях, которые ничего общего с исторической правдой не имеют⁵.

Конечно, эта книга не исчерпала всех сложных вопросов, но без сомнения стала стимулом для новых исследований. Польско-советские отношения — это одна из самых важных тем в истории Польши. Несмотря на количество советологов и россиеведов, работающих в Польше во всех крупных университетах и многих научных институтах, не хватало учреждения, которое постоянно занималось бы польско-российской проблематикой. Существует множество проблем, которыми ни в Польше, ни в России никто не занимался, или разработки их находятся лишь в начальной стадии. Именно такие проблемы привлекли внимание Центра польско-российского диалога и согласия.

В 2009 году во время встречи Дональда Туска с Владимиром Путиным наши тогдашние премьер-министры пришли к выводу, что нужны институты, которые будут заниматься укреплением диалога между нашими странами на постоянной основе. Спустя год, накануне авиакатастрофы, в которой погиб польский президент со своей супругой и многими видными общественными деятелями и политиками, во время одной из встреч Комиссии по сложным вопросам было принято решение о создании Центров диалога и согласия в Польше и в России. Трагические события 10 апреля 2010 года только ускорили работу над созданием таких центров. В том же году, в присутствии президентов Республики Польша Бронислава Коморовского и Российской Федерации Дмитрия Медведева, тогдашние министры культуры обеих стран Богдан Здроевский и Александр Авдеев подписали протокол о намерениях относительно сотрудничества. В 2011 году польский Сейм сделал следующий шаг и принял закон о Центре польско-российского диалога и согласия. Годом позже российская сторона также выполнила свои обязательства и создала Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия». Стоит подчеркнуть, что это два независимых

друг от друга института: один финансируется польской стороной, другой — российской. В этой статье я займусь только деятельностью Центра польско-российского диалога и согласия.

Центр польско-российского диалога и согласия начал работать в 2011 году, когда его директором назначили доктора Славомира Дембского — историка, эксперта в области польской внешней политики и международных отношений⁶. Выбор отнюдь не был случайным — у Дембского, бывшего директора Польского института международных отношений, был большой опыт сотрудничества с российскими учеными⁷, а главное — он оказался человеком, открытым к диалогу. Еще в 2011 году он объяснял: «Польско-российский диалог исторически необходим. Стремясь добросовестно и справедливо выстраивать взаимные отношения поляков и россиян, мы должны в его основу положить правду, взаимное уважение и открытость. Нужно общаться не только ради того, чтобы здесь и сейчас добиться какого-либо компромисса, или подписать какое-нибудь соглашение по какому-то вопросу, но и ради того, чтобы системно укреплять и совершенствовать процесс принятия решений в обеих странах и таким образом формировать оптимальные условия для развития польско-российских отношений в будущем»⁸.

В состав Центра вошли люди, у которых, во-первых, не было сомнений, что диалог с Россией нужен, и, во-вторых, уже был опыт работы с российскими партнерами: бывшие сотрудники Польского культурного центра в Москве, польского посольства в Москве, Польского института международных отношений, авторы важных публикаций в области широко понимаемого россиеведения⁹.

Несмотря на короткую историю Центра, он сумел организовать очень много престижных мероприятий. Одним из самых важных было подписание Совместного послания народам Польши и России, которое состоялось в Королевском Замке в Варшаве 17 августа 2012 года. Насколько важным было это событие, мы сможем оценить только через несколько лет. Но нет сомнения, что одним из первых шагов в этом направлении следует предусмотреть диалог наших церквей. Так было при сближении

поляков и немцев. Так и польская и российская конфессии могут и должны первыми инициировать контакты между нашими народами.

К сожалению, в короткой статье трудно рассмотреть всю многообразную деятельность Центра. Тем не менее важно перечислить основные задачи, которые он поставил перед собой:

- научные исследования;
- издательская деятельность;
- конференции, семинары, дискуссии, лекции;
- стипендии и гранты;
- молодежные и студенческие обмены

Международные научные проекты

Одной из самых важных научных программ Центра является программа *«Армия Крайова и Красная Армия, 25 апреля 1943 г. — 16 августа 1945 г.»*

Армия Крайова (АК) — это вооруженная организация польского подполья во время Второй мировой войны, которая была самым крупным вооруженным нерегулярным формированием этого периода. Рабочая группа польских и российских историков под руководством д.и.н. Гжегожа Мотыки ищет ответ на вопрос: какое место в советской политике занимали разведка и борьба против АК. Важное место в исследовании отведено советским репрессиям: когда и на каком уровне было принято решение о разоружении АК, проводившей акцию «Буря»? Как выглядел план репрессий, направленных против польского подпольного государства? Результатом исследований будет трехтомная публикация архивных материалов и отдельный сборник статей.

Другой ведущей научной программой Центра является *«Судьба поляков под советской властью после 17 сентября 1939 г.»*. Проект, реализуемый при сотрудничестве с Институтом национальной памяти, Советом охраны памяти борьбы и мученичества, а также центром «Карта» и другими польскими институтами, направлен на составление списка польских граждан, оказавшихся после 17 сентября под советской властью, дальнейшая судьба кото-

рых до сих пор неизвестна. Одной из главных задач исследований, касающихся судьбы поляков в Советском Союзе в период от 17 сентября 1939 г. по 30 июля 1941 г., будет попытка реконструкции до сих пор не обнаруженного т. н. «белорусского списка» жертв по решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1940 года.

Важным направлением является также издание новых, до сих пор неизвестных источников по польско-советским отношениям. С 2013 года группа польских и российских историков под руководством проф. Мариуша Волоса из Педагогического университета в Кракове и Михаила Наринского из Московского государственного института международных отношений ведет поиски самых важных документов из истории польско-советских отношений в 1918–1945 гг. в архивах Москвы, Варшавы, Киева, Лондона, Нью-Йорка и других городов. Сборник будет разделен на 4 тома по датам: 1918–1926, 1926–1932, 1932–1939 и 1939–1945 гг. За каждый том будут отвечать польский и российский редакторы.

Центр организует ряд конференций, посвященных сложным проблемам польско-советских отношений и вообще истории XX века. Еще в 2011 году в Риге удалось собрать ряд видных историков из Польши, России, Украины, Белоруссии и других стран, которые обсудили проблему Рижского договора 1921 года, заключенного польским и советским правительствами¹⁰. Оказалось, что, несмотря на 90 лет, которые прошли после этого события, этот договор можно толковать и интерпретировать по-разному.

Долгий XIX век

История польско-российских отношений — это, конечно, не только XX век. В Центре практически ежегодно проводятся конференции о политическом наследии Центральной и Восточной Европы XIX века. В 2012 году состоялась конференция «Польская и российская политическая мысль в XIX в. Связи, влияние и антагонизмы». Конференция была приурочена к 200-летию со дня рождения Александра Герцена и 150-летию со дня смерти Ио-

ахима Лелевеля (известного польского историка и борца за независимость Польши). Доклады, прочитанные на конференции, касались намного более широкого спектра проблем, связанных с взаимодействием польской и российской исторической и общественно-политической мысли. По результатам конференции были написаны научные статьи, которые Центр издал отдельным томом¹¹.

В 2013 году отмечалась 150-я годовщина Январского восстания, и Центр организовал конференцию, которая не ограничилась только восстанием 1863–1864 годов. Обсужденные темы касались всех польских восстаний на фоне событий XIX века: влияние польской повстанческой идеи на другие европейские народы и национальные движения, восприятие польских инсurreкций европейским общественным мнением и историографией, способы и модели реакции европейских дипломатий на польские повстанческие порывы, сходства и различия между польскими и другими движениями этого типа в Европе, влияние восстаний на характер европейской политической системы, а также развитие европейской политической мысли и международного права, оценка Январского восстания в самой России, и, наконец, функционирование восстания в исторической памяти поляков и их соседей.

16-17 апреля 2015 года состоялась третья конференция этого цикла: «*За землю нашу, не вашу* — политическая мысль и народообразовательные процессы в регионах Центральной и Восточной Европы». Центром была организована научная дискуссия о народообразовательных процессах, происходивших на протяжении 1569–1917 годов на территории Речи Посполитой и Российской империи, и в частности, об отображении этих процессов в польской, российской, украинской, белорусской и литовской политической мысли. Хронологические рамки значительно расширились, но XIX век по-прежнему остался основной проблемой. Участники попытались ответить на вопросы: как можно оценить конкуренцию разных национальных проектов и вероисповеданий на землях сегодняшней Литвы, Белоруссии и Украины? Как интерпретировалось понятие нации и каким образом вопросы вероис-

поведания получили национальное значение? Каким образом идея о тождественности России и Руси, а также Речи Посполитой и Польши оценивалась в политической рефлексии? Как оно влияло на эволюцию национальных движений?

Стоит подчеркнуть, что во всех перечисленных конференциях приняли участие видные польские и российские историки (проф.: Ежи Борейша, Анджей Новак, Виктория Сливовская, Леонид Ефремович Горизонтов, Алексей Ильич Миллер), а также выдающиеся специалисты из других стран (например: Дариус Сталиунас, Василий Ульяновский).

xxx

В круге интересов Центра находятся и более ранние периоды: как, например, польско-российские отношения в XVII веке. В 2012 году в Москве была организована конференция «Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии», в которой приняли участие виднейшие ученые Польши и России, в том числе: Борис Флория (ИнСлав), Анджей Рахуба (Институт истории ПАН), Владислав Назаров (ИВИ РАН), Мирослав Нагельский (Варшавский университет).

Молодежь — надежда на будущее

Мне не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто Центр ограничивает свою научную деятельность только сложными проблемами и занимается лишь тем, что разделяет наши народы. Каждый год Центр организует около двадцати мероприятий, обычно открытых дискуссий с видными российскими и польскими общественными деятелями, историками, журналистами, артистами и т.д. Например, в 2014 году в дискуссиях Центра приняли участие Алексей Левинсон, Валерий Панюшкин, Нина Брагинская, Николай Петров и другие.

Центр также приглашает в Польшу российских исследователей, выделяя стипендии на поддержку научных работ, способствующих укреплению польско-российского диалога. Стипендиатами Центра уже были историки, филологи, политологи, музыковеды, исследователи истории идеи, культурологи

из России (Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Новосибирск, Омск, Воронеж, Уфа). Стипендии позволяют ученым не только собрать материал к своим дальнейшим исследованиям, но и представить польским научным кругам результаты своей работы.

Возможно, самой главной программой Центра являются молодежные обмены. Каждый год Центр объявляет конкурс на совместный польско-российский исследовательский проект для польской и российской молодежи в возрасте от 13 до 26 лет. Все польские школьники и студенты, которые участвуют в программе, находят себе партнеров своего возраста в России, заинтересованных в реализации одной из пяти-шести тем (например, «70-я годовщина окончания Второй мировой войны и ее место в исторической памяти поляков и русских» или «Образ соседа в культуре. Поляки и русские. Взаимное восприятие»), и могут получить финансирование для реализации проекта обмена. Каждый проект — это поездка в Польшу и Россию группы участников. Благодаря этому проекту каждый год почти тысяча детей из Польши и России получают возможность уникальной встречи со своими сверстниками из соседней страны и знакомством с обычной повседневной жизнью польской и российской молодежи. Совместная реализация проекта способствует преодолению многих стереотипов. К сожалению, это одна из немногих программ в Польше и России, благодаря которой польская и российская молодежь имеет возможность познакомиться друг с другом.

Еще одна форма обмена польских и российских школьников — футбольный турнир, который ежегодно проходит в одном из польских городов, находящихся на приграничной территории с Калининградской областью. Молодежный проект Центра «Школа под парусами» — это двухмесячное морское путешествие, в котором принимают участие польские и российские школьники-волонтеры. Польско-российская группа 15-летних школьников ежегодно отправляется в сентябре на паруснике «Погория» в рейс по европейскому побережью.

К сожалению, средства массовой информации прежде всего распространяют политические ново-

сти, касающиеся польско-российских отношений. Культура, общество, наука не вызывают пристального интереса СМИ. Практически нет информации о польско-российских исторических отношениях, но даже те, которые изредка появляются, обычно основаны на стереотипах, а не на исторических фактах. Как можно в такой обстановке преодолеть эту инерцию враждебности? И возможно ли это вообще?

Уверен, что да, но не за несколько месяцев или даже лет. Нужна повседневная, сложная работа. Даже оптимисты понимают, что невозможно за три-пять лет преодолеть все препятствия, усложняющие диалог поляков и россиян. За долгие века, а особенно в последнее столетие, накопилось слишком много сложных тем, которые требуют прояснения. Хотя Александр Исаевич Солженицын утверждал в своей нобелевской речи, что «одно слово правды весь мир перетянет», однако в польско-российских условиях прежде всего нужна методическая и ежедневная работа.

Вторая мировая война — Гданьская конференция

В связи с 70-й годовщиной Победы над нацизмом во Второй мировой войне в Гданьске в юбилейные дни мая 2015 года прошла Международная конференция, посвященная наследию Второй мировой войны.

Совместно с гданьскими партнерами (Музей Второй мировой войны, Европейский центр солидарности) Центру удалось пригласить самых выдающихся историков XX века, в том числе: Нормана Дэвиса, Марка Корната, Роджера Мурхауса, Юргена Заруского, Тимоти Снайдера, Наталью Лебедеву. Мероприятие началось с открытия выставки, созданной Музеем Второй мировой войны под названием «45 в 45 артефактах». Конечно, у музея еще нет своего здания, но это не препятствует его сотрудникам показывать самые интересные объекты из коллекции на временных выставках в других институтах. Оказалось, что и 45 экспонатов из планированных шести тысяч могут стать интересным поводом для показа сложных моментов Второй

мировой войны. Этим летом планируется открытие выставки для всех посетителей Европейского центра солидарности.

Конференция была разделена на несколько секций. Первая касалась роли исторических музеев в формировании памяти о Второй мировой войне. В ней приняли участие директора музеев Второй мировой войны, в том числе Павел Махцевич (директор открываемого Музея Второй мировой войны в Гданьске) и Александр Никонов (директор Центрального музея Вооруженных Сил в Москве). В своих докладах они объясняли, как строится в музеях исторический диалог со зрителями, на кого ориентирована экспозиция, что должно привлечь особое внимание и что должен понять посетитель музея после его посещения.

Вторая секция была посвящена войне в общественной памяти. Историки Петр М. Маевский (Польша) Йорг Эхтернкамп (Германия), Михаил Наринский (Россия) и Андрей Портнов (Украина) объясняли, насколько неоднородна историческая память в разных странах, как государства строят историческую политику и почему одни и те же исторические факты в одном народе забыты, а в другом не только о них помнят, но даже переносят их в сферу сакрального.

Не менее важные вопросы обсуждались и во второй день конференции. В секции на тему «Наследие Ялтинской и Потсдамской конференций. Послевоенный мировой порядок» историки Польши, России, Германии и Великобритании говорили о множественности существующих интерпретаций политической системы, установленной после Второй мировой войны. Эта тема актуальна и по сей день.

Следующая секция была посвящена проблеме ответственности государств за Вторую мировую войну. Это общая проблема или разобъённая? Выясняется, что ответ на этот вопрос непрост — и об этом свидетельствует количество различных интерпретаций итогов Второй мировой войны.

Пожалуй, самой актуальной была пятая секция, в которой Станислав Жерко, Клаудиа Вебер, Наталья Лебедева, Тимоти Снайдер пытались найти ответ на вопрос: как исследовать Вторую мировую войну?

Самой представительной частью конференции была так называемая президентская секция под названием «*Европа не была создана — и в результате у нас была война*» (цитата из «Декларации Шумана» 9 мая 1950¹²). По приглашению президента Бронислава Коморовского в Гданьск приехали многие президенты и видные дипломаты европейских стран, чтобы вместе с поляками праздновать годовщину Победы над фашистской Германией. Модератором секции была известная журналистка Джуди Демпси из Центра Карнеги в Бельгии, а ее собеседниками — выдающиеся историки XX века: Тимоти Снайдер (США), Юрий Афанасьев (Россия), Норман Дэвис (Великобритания), Жорж-Анри Суту (Франция), Анджей Пачковский (Польша) и Стефан Троебст (Германия). У президентов, а также и у остальных участников была возможность убедиться, насколько тема Второй мировой войны продолжает быть актуальной и сегодня. Большое внимание было уделено еще неразработанным вопросам; ответы на них могут дать новые источники, потребность в которых ощущается довольно остро. Но, к сожалению, многие из источников до сих пор продолжают быть недоступными для историков. Большой интерес вызвала тема о влиянии наследия войны на Европу на протяжении 70 лет послевоенной истории. Так, например, проф.

Пачковский доказывал, что война не только изменила Польшу территориально, но и нравственно. В свою очередь, проф. Дэвис обратил внимание, что решения об устройстве Европы после войны были приняты не всеми европейскими странами, а только империями-победителями. В своем выступлении проф. Троебст подчеркнул, что до сих пор все немцы помнят о трагедии войны и жертв Холокоста, но с каждым годом им известно все меньше фактов, особенно периода с 1 сентября 1939-го по 22 июня 1941 года.

Конференция была завершена выступлениями президентов. По приглашению президента Коморовского все президенты рассказали о том, как сохраняется память о Второй мировой войне в своих странах.

Ежегодно в мире, особенно в связи с «круглыми датами», проходит ряд конференций, посвящен-

ных Второй мировой войне. Гданьская конференция отличалась от них не только международным характером и участием лучших историков мира, но также проблематикой встречи. Конференция показала, что Вторая мировая война, к сожалению, довольно часто является объектом исторической манипуляции, в результате которой укореняются определенные мифы. Несмотря на то что мы живем в XXI веке и со времени окончания войны прошло уже 70 лет, эти мифы опасны до сих пор. Историки обязаны вести исторический диалог, который должен разоблачать исторические мифы и одновременно строить мир, в котором нет места для новой войны.

Нет сомнений, что между поляками и русскими существует множество стереотипов, которые влияют на межсоседские отношения. Багаж истории всегда будет оказывать свое воздействие, и мы должны знать о наших сложных отношениях на протяжении веков. Но, с другой стороны, история не должна нам мешать в добрососедских отношениях. Очень важно, чтобы польское и российское общество получало объективную информацию, в том числе из истории польско-российских отношений. Создание и деятельность Центра польско-российского диалога и согласия в Варшаве и Центра российско-польского диалога и согласия в Москве — важный этап на пути к преодолению взаимных стереотипов.

Варшава

Примечания

¹ Сливовская В. Польско-советское сотрудничество в области исторической науки в 1950–1980-х гг. // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / Волос М., Гжибовский С., Хорев В.А. Москва, 2011.

² Восстание 1863 г. Материалы и документы. М. — Wrocław, т. 1—20—, 1961—1974.

³ Katyń. Dokumenty zbrodni, Т. 1-4. Warszawa 1995–2006.

⁴ Kępiński A. Lach i moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa-Kraków, 1990; Polacy w oczach Rosjan / Red. J. Faryno, R. Bobryk. Warszawa, 2000; Хорев В.А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг

друга / Ред. В.А. Хорев. М., 2000. С.22-32; Он же. О живучести стереотипов // Россия — Польша. Образ и стереотипы в литературе и культуре / Ред. В.А. Хорев. М., 2002; *Горизонтов Л.Е.* «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России / ред. М.В. Лескинен, В.А. Хорев. М., 2004. С. 62-75; Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A. de Lazari. Warszawa, 2006; Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze / Red. A. de Lazari, O. Riabow. Warszawa, 2008.

⁵ Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2010. 823 с.

⁶ S. Dębski, *Między Berlinem a Moskwą: stosunki niemiecko-sowieckie 1939-1941*, Warszawa 2007; Idem, *Zapomniany pokój. Traktat Ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później*, S. Dębski (red.), Warszawa 2013; Idem, *Liga Narodów i instytucjonalizacja polityki międzynarodowej a interes Polski – uwagi Eugeniusza Starczewskiego z marca 1919 r.*, „Arcana”, 2012, nr 108, s. 169-180.

⁷ Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków, pod red. Sławomira Dębskiego i Michała Nariniego, Warszawa 2009.

⁸ S. Dębski, информация из материалов Польско-российского Центра диалога и согласия

⁹ Ł. Adamski, *Nacjonalista Postępowy, Mychajto Hruszewski i jego poglądy na Polskę i Polaków*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2011, s. 374; *Partnerstwo Wschodnie a polska prezydentura: modernizacja jako wyzwanie dla Europy Wschodniej*, „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, 2011, nr 1.

E. Wyciszkievicz, *Współczesna Rosja wobec Zachodu*, Łódź 2003; Idem, *Geopolityka rurociągów: współzależność energetyczna a stosunki między państwami na obszarze postsowieckim*, Warszawa 2008; R. Śmigielski, *Osierocona armia: założenia polityki obronnej oraz Siły Zbrojne Federacji Rosyjskiej w latach 1992-2004*, Warszawa 2006; Idem, *Reżim kontroli zbrojeń strategicznych*, [w:] *Wprowadzenie do problematyki globalnych reżimów regulacyjnych*, A. Surdej, J. Brzozowski (red.), Toruń 2012, s. 103-129, Idem, *Rosja wobec zbrojeń i rozbrojenia*, [w:] *Rosja w procesach globalizacji*, S. Bielań (red.), Warszawa 2013, s. 239-265.

¹⁰ *Zapomniany pokój. Traktat ryski — Interpretacje i kontrowersje 90 lat później*, red. S. Dębski, Warszawa 2013.

¹¹ *Myślą i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku*, Ł. Adamski, S. Dębski (red.), Warszawa 2014.

¹² «Европу не получится создать в один момент или на основании одного единственного плана. Она будет строиться на основе конкретных достижений, с которых начнется построение фактической солидарности» — это фраза из Декларации министра иностранных дел Франции Роберта Шумана. На основе этих предложений фактически и началось создание Европейского Союза (Прим. ред.). ● ● ●

Сергей АНТУФЬЕВ

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ВАРШАВЕ

Российский центр науки и культуры работает в Варшаве уже более полувека. За эти годы многое произошло: изменились наши страны, изменился мир. Было всякое, в том числе охлаждение политических отношений, спад отношений экономических. Но огромный интерес к русской культуре непреходящ. Многогранная деятельность Центра, наполненная творческой энергией наших гостей и партнеров, неизменно продолжает вызывать интерес жителей и гостей польской столицы. Они знают: в Российском центре их всегда ждет дружелюбная атмосфера и встречи с интересными людьми — поэтами, писателями, артистами, деятелями науки. Широкою аудиторию привлекают творческие встречи-дискуссии с видными деятелями культуры, представляющими самые разные направления и взгляды на искусство, общество и международное сотрудничество.

С успехом прошли авторские вечера видного критика и литературоведа Льва Анненского, известных российских писателей Захара Прилепина, Виктора Пелевина, Альберта Лиханова, Сергея Лукьяненко, Александры Марининой, Сергея Шаргунова. поэта Максима Амелина, режиссера Николая Бурляева; встреча с актрисой Валентиной Талызиной, — этот перечень можно продолжать долго... Запомнились «круглые столы» с участием Станислава Бэлзы, Александра Архангельского и других.

На концертной площадке РЦНК регулярно выступают творческие коллективы из многих российских городов.

По-настоящему популярными стали в Польше фестивали российской песни в Зеленой Гуре, Лодзи, Щецине, Легнице.

Особо хотелось бы остановиться на Всепольском фестивале русской песни среди учащихся гимназий и лицеев, проходящем в конце мая — начале июня в Лодзи. Каждый год организаторам фестиваля приходит более пятисот музыкальных заявок от учащихся со всей Польши. И только сто из них допускают до конкурса. В течение двух дней в городском музыкальном театре собираются тысячи поклонников и любителей русской песни. В 2015 году фестиваль пройдет уже в четвертый раз. Набирает силу и фестиваль русского романса имени Лидии Новиковой в Легнице. В этом городе Лидия Новикова получила прозвище «Легницкой Джульеттой». История её удивительного романа с поляком легла в основу книги и польского фильма 2008 года «Малая Москва» (режиссёр Вальдемар Кшистек).

Российский центр науки и культуры в Варшаве стал родным домом для обществ российских соотечественников. Сегодня в Польше зарегистрированы 11 общественных объединений наших соотечественников и людей русскоязычной культуры.

По переписи населения 2011 года в Польше проживают почти 9 тысяч русских, 44 тысячи белорусов, 38 тысяч украинцев, 1,8 тысячи татар. Вместе с соотечественниками проводятся фольклорные праздники, песенные фестивали, организуются ознакомительные поездки в Россию. Каждый месяц общества проводят у нас свои заседания и встречи. Стало доброй традицией вместе праздновать русскую Масленицу; в День любви, семьи и верности награждать у нас в Центре семейные пары наших соотечественников, проживших в счастливом браке более 25 лет.

Одним из ярких мероприятий, организованных с нашими соотечественниками, стал ежегодный фестиваль, посвященный поэзии и творчеству Владимира Семеновича Высоцкого, пользующегося в Польше огромной популярностью. Фестиваль проходит в январе, в канун дня рождения поэта и музыканта. Состоялось уже четыре фестиваля, в которых приняли участие исполнители из Польши, России, Украины, Беларуси, Литвы, Латвии и Германии. Можно смело сказать, что этот фестиваль, посвященный Высоцкому, занял свою достойную нишу в культурной жизни Варшавы.

Еще один ежегодный фестиваль в Российском центре науки и культуры проходит осенью. Он носит символическое название «Фестиваль сближения культур». В течение трёх дней здесь звучат музыка и песни, читают стихи, презентуют книги, проходят выставки известных деятелей культуры из Польши, России, Беларуси, Азербайджана и других стран, которые помогают лучше понять и полюбить культуру разных народов. Организатором обоих фестивалей выступает общество наших соотечественников «Open Art», возглавляемое известным музыкантом и актёром Евгением Малиновским.

РЦНК в Варшаве в течение последних лет реализует программу «Представляем регионы России», которая проходит с неизменным успехом. Поляки с интересом знакомятся с культурой и экономикой российских регионов. Запоминающимися событиями стали художественные выставки мастеров Московской, Тверской, Ленинградской, Калининградской областей, республики Тыва, которые

представили такие художники, как Николай Цветков, семья художников-иконописцев Александр и Ольга Калинины, Александр Беглов, Елена Лебединская, Владимир Стригин, Андрей Юдин, Николай Дулько, Владимир Васильев, Людмила Елисева-Гущина, Алексей Старцев, Саида Сичек, художники-преподаватели Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена Наташа Бакович, Татьяна Маевская, Игорь Елпатов. Яркими событиями театральной жизни стали гастроли Смоленского драматического театра и Иркутского театра музыкальной комедии.

Вот уже 18 лет подряд Российский центр совместно с Гданьским университетом проводит международную литературную конференцию «Литературно-образовательные чтения» в Гданьске, посвященную актуальным проблемам современной русской литературы. За это время сотни ученых из Европы, Азии и Америки представили свои доклады, выступили на «круглых столах». Эта конференция является не только литературной площадкой, но также возможностью для молодых художников и музыкантов из России показать свои работы и представить свои сольные выступлениями. Этот международный форум занимает важное место в европейской программе литературных конференций. В этом году чтения будут посвящены культурному сотрудничеству Польши и России.

После некоторого спада в конце 1990-х — начале 2000-х годов в последнее время наблюдается устойчивый рост интереса к изучению русского языка. По количеству людей, изучающих иностранные языки, русский язык прочно занимает третье место, уступая лишь английскому и немецкому.

Но в реальной жизни среди взрослого польского населения русский язык является самым распространенным иностранным языком, на нем могут изъясняться порядка десяти процентов граждан старше тридцати лет. В высших учебных заведениях Польши работают 20 кафедр русского языка и литературы.

На курсах русского языка в РЦНК в Варшаве ежегодно обучаются триста взрослых и более пятидесяти детей школьного и дошкольного воз-

Руководитель представительства Россотрудничества в Польше Сергей Антуфьев благодарит детский ансамбль "Ноктюрн" за выступление на праздничном вечере, посвященном Дню Победы. Фото: РЦНК

раста. Для самых маленьких действует клуб «Русская сказка».

РЦНК в Варшаве заключил долгосрочный договор о сотрудничестве со Всепольской ассоциацией преподавателей русского языка, которую возглавляет член правления Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МА-ПРЯЛ) профессор Варшавского университета Л. Шипелевич. Мы проводим совместные семинары, курсы повышения квалификации для преподавателей, в том числе ежегодно направляем 10–15 лучших учителей на переподготовку в российские вузы.

Российский центр науки и культуры проводит большую работу по продвижению и поддержке русского языка. Мы стараемся заложить новые основы для популяризации русского языка. Этому служит и новый конкурс «Живая классика». В этом конкурсе польские школьники в возрасте до 14 лет читают отрывки из прозы на русском языке. Победители едут на финал конкурса, который проходит в Москве в театре «ЕТ CETERA».

Ежегодно, в начале июня, в канун дня рождения А.С. Пушкина, проходит Неделя русского языка в Польше. Подводятся итоги Всепольского конкурса чтецов поэзии Александра Пушкина и Адама Мицкевича среди учащихся гимназий и лицеев. Это

один из старейших в Европе конкурсов русской поэзии. Несмотря ни на какие политические и экономические проблемы, юноши и девушки из разных уголков Польши приезжают в Варшаву, чтобы прочитать стихи великого русского поэта, прикоснуться к русской культуре.

Важным направлением в деле продвижения русского языка и культуры является тесное сотрудничество РЦНК с общественным фондом «Русский мир», который открыл в Польше уже четыре центра русского языка и культуры — в Кракове, Люблине, Слупске, Вроцлаве.

Целям распространения русского языка и культуры служит популярный фестиваль российских фильмов «Спутник над Польшей», число зрителей которого составляет десятки тысяч человек по всей стране.

Благодаря сотрудничеству Российского фонда культуры и Польской ассоциации учителей и преподавателей русского языка была открыта первая в Европе Библиотека детской литературы на русском языке им. Сергея Михалкова в г. Билгорай.

В этом же небольшом городке Люблинского воеводства уже дважды прошёл Международный детский театральный фестиваль им. Сергея Михалкова, который вызывает огромный интерес. В 2015 году в конкурсной программе приняли участие

14 театральных коллективов из Польши, России, Ирландии, Финляндии, Франции и Италии. Жюри фестиваля возглавлял внук писателя, известный режиссер Егор Кончаловский.

Большое место в работе Центра занимает сотрудничество с российскими и польскими музеями и библиотеками.

В 2014 году совместно с Калининградским историческим музеем была организована большая программа празднования столетия окончания Первой мировой войны. По всей Польше прошли выставки, были организованы «круглые столы» и конференции, посвященные этой знаменательной дате.

В Варшавской библиотеке иностранной литературы им. Я. Румеля был открыт зал литературы на русском языке. Вместе с Российским фондом культуры впервые в РЦНК в Варшаве прошла международная конференция работников детских библиотек, на которой представители России, Польши и Беларуси обсудили проблемы организации работы библиотек в новых условиях доминирования интернета, привлечения детей и подростков к чтению.

Музыкальные салоны Российского центра пользуются у варшавян заслуженной репутацией. За прошедшие годы здесь выступили сотни известных российских исполнителей. Большим успехом пользуется ежегодный проект «Посольство мастерства», организованный в 2012 году Санкт-Петербургским Домом музыки совместно с Россотрудничеством и охватывающий как регионы

России, так и другие страны мира. Польские ценители классической музыки смогли услышать игру таких молодых и талантливых музыкантов, как Мирослав Култышев, Полина Борисова, Федор Абаза. В мае 2015 года РЦНК в Варшаве ждали пианиста Александра Кашпурина и флейтиста Александра Петрова, с концертами, посвященными Дню славянской письменности и 175-летию со дня рождения Петра Ильича Чайковского.

Вот уже два года подряд Российский центр науки и культуры выполняет ещё одну важную функцию — единого оператора по проведению конкурсного отбора среди соотечественников и польских граждан на получение государственной стипендии для обучения в российских вузах. Благодаря этой программе сотни поляков и наших соотечественников смогли, повысить свой уровень русского языка, пройти курсы повышения квалификации в ведущих вузах нашей страны.

Деятельность Российского центра науки и культуры в Варшаве насыщена каждодневными встречами, совместными мероприятиями с нашими польскими партнерами — Обществом сотрудничества «Польша–Россия», Ассоциацией сотрудничества «Польша–Восток», Лигой женщин Польши, с объединениями российских соотечественников.

Заканчивая этот краткий обзор, можно с удовлетворением сказать, что работа РЦНК востребована и способствует сохранению и развитию культурных, образовательных, научных, межрегиональных связей между Россией и Польшей. ●●●

Сергей Владимирович АНТУФЬЕВ,

*руководитель представительства
Россотрудничества в Польше*

ЭРАЗМУС+

БЕАТА СКИБИНСКА И ТОМАШ БРАТЕК рассказывают о деятельности в Польше европейской программы образования «Эразмус +».

Европейская интеграционная образовательная программа «Эразмус» началась еще в 1987 году.

В 1995–1999 годах успешно осуществлялась программа «Сократос».

В 2000–2006 – «Сократос +». Это одна из важнейших интегрирующих программ Европейского Союза. Затем разные программы соединили, и получилась единая европейская программа непрерывного образования.

Первая программа «Эразмус» включала разнообразные европейские проекты образования, в основном высшего. В Польше реализация этой программы началась с 1993 года, задолго до вступления страны в ЕС. Страны – члены ЕС приступили к реализации программы «Эразмус +» на 2014–2020 годы, включившей в себя предыдущие программы, в том числе и школьное, и высшее, и образование взрослых, и дополнительное образование. Это довольно амбициозная и одна из самых дорогостоящих европейских программ.

«Сократос» – комплексная программа, охватывающая школьников, студентов и даже взрослых, в свое время не получивших должного образования.

Программа «Леонардо да Винчи» фокусируется на профессиональном специальном образовании.

А «Эразмус+» включает все эти программы плюс дополнительные, в том числе неформальное и дистанционное образование, лекционную деятельность, развивающие и фокусирующие программы. Концепция исходит из того, что в современном мире человек учится всю жизнь; вот и сейчас люди старших возрастов активно осваивают компьютер, интернет, смартфоны и иные современные гаджеты, участвуют в социальных сетях, что помогает им решать многие прежде неразрешимые проблемы коммуникации, одиночества, сервиса, медпомощи и консультаций.

Есть и вполне неожиданные, новаторские программы, призванные отвечать на вызовы времени. Так, программа «Tempus-спорт» посвящена спорту и его роли в образовании, формировании стиля и образа жизни, ценностей и узлов общественных коммуникаций, навыков и компетенций жизнедеятельности в современном мире.

Специальная программа «Jean Monet» (по имени одного из основателей ЕС) посвящена развитию знаний о Европейском Союзе, о принципах его устройства, структуре, законодательстве, институтах и инструментах.

Программа «Эразмус+» — сейчас одна из самых приоритетных в Евросоюзе. Бюджет программы составляет 14,7 миллиардов евро, он вырос на 40 %, (и это, несмотря на кризис). Политики всех стран ЕС и Европарламент согласились, что необходимо увеличить финансирование образования и просвещения.

Для управления этим немалым бюджетом создано европейское исполнительное агентство и национальные агентства в странах-участницах.

Национальные агентства финансируются частично из программы, частично — из национального бюджета. В программу «Эразмус+» входят страны-участницы, это не только 28 стран — членов ЕС, но и страны ассоциированные — Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, страны — кандидаты в ЕС Турция и Македония, а также партнерские страны.

Страны-партнеры — это все прочие европейские страны, разделенные, впрочем, на две категории: соседи и прочие. Особо выделены страны восточного партнерства: Молдавия, Грузия, Украина; затем Северная Африка, Западные Балканы и Россия, которая непосредственно в программу не входит.

Структура программы многослойна и сложна.

Здесь есть еще много различных подпроектов, разделов: КА1 — финансирование поездок с целью образования; КА2 — это многосторонние проекты; есть подпроект, поддерживающий сотрудничество в пользу инноваций и новых обучающих практик. Программа стимулирует сотрудничество учреждений, ассоциаций и организаций; участников должно быть как минимум три или шесть. Для начала участники должны определить общую цель (например, улучшение качества образования или улучшение функционирования учреждений образования). Предусмотрена поддержка реформ в области образования, мониторинг, конкурсы, заявки

по определенным тематикам: реакции, анализ, обсуждение, публикации, обратная связь по «дружескому обмену». Есть специальная подпрограмма, поощряющая мобильность студентов и научных сотрудников. Практически все европейские студенты имеют возможность участвовать в программе и учиться в самых разных вузах и университетах Европы.

Польское национальное агентство отвечает за реализацию программ, функционирование всей многоступенчатой системы, за информационное обеспечение, консультации вузов и студентов.

С 2015 года вузы всех стран – участников программы смогут вести сотрудничество со всеми странами ЕС.

На каждый регион определяется бюджет. На глазах увеличивается приезд в Польшу иностранных студентов, растет и мобильность польских студентов и аспирантов. На первый взгляд, в программе много формальности, но работает она эффективно. Создаются консорциумы между университетами, возникают взаимные интересы, они обмениваются преподавателями, курсами лекций, целыми практиками, и методиками, студентами, совместно разрабатывают аудиовизуальные пособия, лабораторные технологии, гибкие формы студенческих практик. Университеты уходят от привычной им политики изоляции, все охотнее вступают в консорциумы, потому что не многие могут выдержать конкуренцию в жестком мире образовательного бизнеса. Выигрывают только самые крупные, имеющие большой опыт, престиж, средства, а также хорошую преподавательскую базу, высокие мировые и европейские рейтинги.

Но, очевидно, что в самые лучшие вузы не могут поступить все желающие, ведь обществу нужны люди самых разных квалификаций.

Вузы могут также сотрудничать в рамках «стратегических партнёрств», которые они должны формально установить, соответ-

ствовать определённым критериям уровня этого партнерства. Действует центр сотрудничества с восточноевропейскими странами, центр поддержки сотрудничества между вузами Европы, Кавказа и восточными соседями...

С Россией сотрудничество шло по программе «Темпус». К сожалению, сейчас российские вузы исключены из интеграционной программы европейского развития образования.

В современном мире растет роль постуниверситетского, неформального образования. По данным программы «Эразмус+», 40 процентов нынешних европейских профессионалов обучались своим компетенциям неформально.

Стремительное развитие интернета и интерактивных методик, опыта визуальных игр и программ. Растет роль дистанционного образования.

Будущее образования здесь видят во внедрении «высоких технологий» самого образовательного процесса с акцентом на активное самообразование субъекта. Без сильной внутренней мотивации невозможно добиться качественного образования; этот процесс прежде всего глубоко личностный, но образовательные технологии помогают человеку интегрировать знания и умения.

Демографическая ситуация в современном западном мире вынуждает вузы соревноваться за каждого студента. По мнению идеологов программы, должны перестать быть эдакими «башнями из слоновой кости», неприступными для непосвященных, с нерушимой внутренней иерархией.

Образование – это свободное и демократическое сотрудничество обучающихся, обучающихся, непрерывное воспроизводство, наработка новых знаний, передача знаний и технологий научного познания от одних поколений – другим. ●●●

© Текст и фото: В. Ярошенко

ПРОФЕССОР ЭДМУНД ВНУК-ЛИПИНСКИЙ

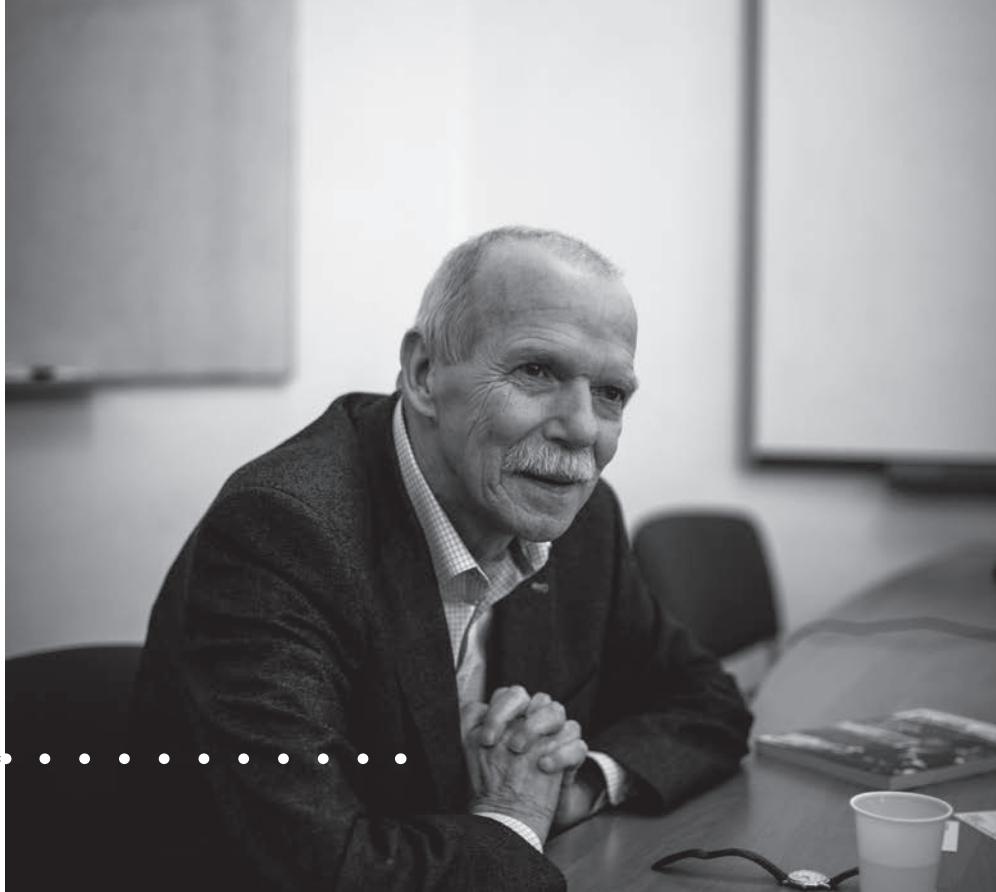
Эдмунд Внук-Липинский (1944–2015) — польский социолог. Область интересов — социология образования, культуры, демократии, гражданского общества. В 1966 году окончил Варшавский университет со степенью в области социологии. В 1992-м получил звание профессора гуманитарных наук Варшавского университета. В 1991 году стал основателем Института политических исследований Польской Академии наук. С 2006 по 2012 год был ректором университета «Collegium Civitas» в Варшаве, а затем возглавляли кафедру социологии, был почётным ректором, советником по социальной политике в движении «Солидарность». От имени демократической оппозиции принимал участие в «Круглом столе». С 1989 по 1991 год возглавлял группу научных консультантов Гражданского парламентского клуба. Известный польский писатель-фантаст. Писал антиутопии о тоталитарном государстве. Наиболее известным его произведением является трилогия «Apostezjon».

В. Ярошенко: Мы много слышали о вашем университете. Вот и Кшиштоф Занусси, с которым мы недавно встречались, сказал, что он «для очень продвинутых студентов». Расскажите, чем же он отличается от других.

Профессор Эдмунд Внук-Липинский: Университет Civitas имеет несколько целей. Во-первых, восстановление уровня социальных наук. Политические науки в высокой мере были идеологизированы. И поэтому возникла потребность восстановить эти науки — и не только в исследовательской сфере, но прежде всего — в образовании.

Мы начали нашу деятельность с Институтом социологии Академии наук. Этот институт я создавал еще в 1990 году на развалинах двух институтов Академии наук — Института политических наук и Института социалистических стран. Сотрудники старых институтов могли постараться получить работу в новом институте на общих основаниях, по конкурсу. Создавался наш институт практически с нуля. И тогда возникла идея создать на этой базе университет высокого уровня — Collegium Civitas. Начинали мы с двадцатью четырьмя студентами, было три направления: социология, политическая наука и международные отношения. К настоящему времени у нас уже несколько тысяч вы-

Профессор
Эдмунд Внук-Липицкий,
октябрь 2014 г.
Фото: В. Ярошенко

пускников, в университете учатся около двух тысяч студентов.

Мы не стремимся слишком увеличивать число студентов, не хотим стать эдаким образовательным супермаркетом. Если уж продолжать это сравнение, мы хотим быть, деликатесным магазином высшего уровня, и поэтому не можем заниматься массовым обучением.

Наша задача — образование гражданских элит независимо от их политических взглядов. Специфика Collegium Civitas в том, что у нас нет крайних политических взглядов. У нас разные взгляды, но нет крайних — ни левых, ни правых. То есть у нас широко определяемый центр, что характеризует наших студентов.

У нас довольно много иностранных студентов, в том числе из России (около 20 процентов). Обучение платное, но плата не слишком высока, средняя по Варшаве.

В.Я.: Интеллектуалы — кто они? Консультанты или политики? Какова цена вхождения интеллектуала во власть? Как формировались в Польше новые элиты?

Э.В.-Л.: Выстоять против репрессий можно было только на основе нравственных ценностей, которые разделяло культурное сообщество. Но когда эта система преследований падает, символическая политика (или антиполитическая, если можно так выразиться) превращается в реальную политику, т.е. в реальную игру интересов. И тогда этическое гражданское общество исчезает. Это как с семенем, которое падет, но из него вырастет новое растение.

В.Я.: Для меня это очень близкая тема. В 1991 году в журнале «Новый мир» была опубликована моя статья под названием «Партии интересов». Мы потом долго обсуждали, как же преобразовываются эти партии интересов с переходом к рынку. Раньше эти интересы были связаны с КПСС, а теперь они должны лоббироваться как-то по-другому. Современная ситуация с этим тоже связана. Они нашли прямой контакт с властью, а общество оказалось ни при чем. А как это происходило в Польше?

Э.В.-Л.: В 1993 году мы проводили сравнитель-

ное международное исследование о формировании элит в странах Центральной и Восточной Европы, в том числе и в России. В России тогда еще был драматический момент, когда до конца не было ясно: система падает или все еще существует? Насколько члены старых элит остаются новых в кругах, переходят ли они на другие поля — экономические, сервисные, или вообще выходят из игры? Оказалось, что Россия была страной, где произошла лишь малая ротация. Политики остались политиками, начальники — начальниками. Это было самое-самое начало формирования, но оно многое определило. В Польше было иначе: здесь произошли очень большие изменения. Много новых социальных сил вошло в состав элит и власти. А те, кто были в составе партийной номенклатуры, в значительной мере перешли в экономические элиты или вообще были вытолкнуты оттуда. Это неправда, что все как один перешли в бизнес-элиты. Некоторые перешли, а многие были вытолкнуты. Самые ловкие перешли в экономику, они заменили политический капитал экономическим.

Я думаю, что в России наступила преждевременная консолидация системы.

В своей книге «Социология общественной жизни» я пишу об этом (издана на русском языке фондом «Либеральная миссия»). Описываю процесс, где выделяю необходимые фазы для перехода от коммунистической системы к демократической.

Первоначальная фаза — когда еще непонятно, что получится, но уже ясно, что старая система уходит в историю.

Вторая фаза — старая система уже не работает, а новой еще нет; в этот момент рождаются фортуны — потому что нет никаких устоявшихся правил и имеет значение удача: оказаться в нужное время в нужном месте (случай, фарт, риск).

И третья фаза — это фаза консолидации, когда уже устоялись правила игры, и они ста-

ли единственными и санкционированными государством. Правила игры становятся консолидированными, институциональными; тогда уже становится понятно, что за система возникла в результате. Или это либеральная рыночная демократия, или какая-то новая форма авторитаризма (мягкого, твердого). Об этом на примере Германии писал Эрих Фромм в своем «Бегстве от свободы».

Феномен «бегства от свободы» повторяется в каждой системе, которая переживает глубокие трансформации, иначе говоря — революции. И когда старая тоталитарная система гибнет, ей на смену вполне может прийти новая. Потому что некоторая, и довольно значительная — часть общества не привыкла, что она сама должна отвечать за свою судьбу. Долгие годы от них ничего не зависело, и у них не сформировались навыки к принятию судьбоносных решений.

У нас, в Польше, это уже сравнительно небольшая часть общества, но и теперь проявляется это стремление бежать от ответственности. Ну, например, в небольшом населенном пункте сломался мост через реку; жители считают, что за это отвечает правительство. Они будут годами писать жалобы, а не стараться совместными усилиями починить этот мост. Это потребует формирование сильной местной власти, наделенной полномочиями и средствами, и в результате возникает зрелое гражданское общество. Но, в общем, когда рухнет тоталитарная система, для части людей, которых можно назвать «удовлетворенными рабами», — это потеря безопасности, они становятся неуверенными в себе, потому что свобода — это всегда риск, ее можно использовать одним образом или другим, принять неверное решение. Можно сделать хороший выбор, но можно — и плохой.

В тоталитарной системе человек был освобожден от ответственности за свою судьбу, потому что выбор решений за него делали другие.

Вот это открытие, что *свобода – это обременение*, для многих людей явилось шоком.

В.Я.: Если эту вашу лекцию о свободе прочитать рабочим где-нибудь на Урале, они скажут: всё это слова, какая свобода? Мы живем в этих бараках и всегда будем в них жить. Мы ничего другого делать не умеем, а сбережений у нас нет. И если закроется этот военный завод, то куда нам деваться? Двадцать лет прошло и они уже во всем изуверились. Денег вы нам не дадите, придет ваша власть и отберет нашу работу. Понимаете? Должна быть инфраструктура свободы.

Но у нас, и у вас в какой-то степени тоже этой инфраструктуры нет. Людям некуда деваться, им некуда переехать, они не обладают квалификациями, и у них нет ни средств, ни знаний. Вся эта трансформация – это огромная проблема. Мы ее недооценили. Расскажите, как здесь это происходило: военные предприятия, шахтеры, – куда все эти люди делись?

Э.В.-Л.: Вы правильно сказали: нужна инфраструктура свободы. Она не возникает в одночасье. Вот ее-то строительством все эти годы с помощью Евросоюза мы занимались. И важным элементом инфраструктуры свободы являются отношения между формами собственности. Возможность человека самому себя содержать. Должно быть соотношение государственной собственности и частной, которая является основанием свободы и фундаментом гражданского общества. Потому что лишь тогда человек не зависит от политики.

А пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, как сказано в Марксовом «Манифесте», приобрести же он может весь мир. Сейчас это уже, пожалуй, звучит как лозунг радикальных исламистов.

В.Я.: Двадцать лет назад, когда мы это анализировали, увидели, что в Советском Союзе создана мощнейшая инфраструктура несвободы, тоталитаризма. Государство –

почти единственный работодатель. Все электростанции соединены в одну цепь, включаются от одного рубильника. Элеваторы, склады, магазины, хлебозаводы – всё в руках у государства. Теперь это уже не так. Как вы видите эту проблему?

Э.В.-Л.: Чтобы создать эту инфраструктуру, и проводились реформы. У нас Бальцеревич, у вас – Гайдар. Я вижу Россию извне, очень поверхностно. Вижу две проблемы: первая – в российской мифологии, а вторая – в отношении к формам собственности.

Россия является узником мифологии Великой Отечественной войны, которую выиграл не народ, а выиграл деспот, преступник; таким образом, вы никак не можете освободиться от Сталина. Я видел эти демонстрации: пожилые люди, которые были малыми детьми, когда он умер, а они несут портреты Сталина, который больше всего преследовал россиян, своих. В этой мифологии войны я вижу побег от свободы. Поэтому эту мифологию так поддерживает власть.

Второе – это отношение к формам собственности. Государство все еще остается слишком могущественным собственником и работодателем, от этого зависит и политическая, и гражданская жизнь. Если у людей не будет своей собственности, они будут голосовать за того, кто больше даст, за того, у кого в руках ресурсы. И люди будут группироваться вокруг центра власти, потому что и от доступа к этому центру власти зависит: будет у них тепло или не будет, получают они поставки или не получают. Нужно создавать рыночную экономику, эту инфраструктуру свободы.

Наша беседа состоялась 28 октября 2014 г.

Профессор Эдмунд Внук-Липинский, ректор – основатель университета Collegium Civitas, скончался 4 января 2015 года.

Из выступления на конференции

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ПОСЛЕ КОММУНИЗМА»:

...Изменение системы в результате «Круглого Стола» произошло так быстро и неожиданно, как никто не мог себе представить — ни деятели коммунистической элиты, ни лидеры «Солидарности». Мы определяли тогда свой возможный успех весьма скромным образом, а именно — как легализацию «Солидарности» и учреждение более либеральных порядков публичной жизни.

Какова же была роль польских интеллектуалов после того, как «Солидарность» победила на выборах? Можно сказать, что они придали начавшимся тогда политическим процессам некоторое нормативное измерение, но не больше того. Реальная же политика началась в 1990 году, когда Лешек Бальцерович приступил к осуществлению радикальных изменений в экономике. Потому что ее реформирование, переформатирование ее субъектов в то время было главной проблемой Польши. Именно реформы Бальцеровича и изменили, собственно, всю нашу жизнь. Однако эти реформы, вызвавшие отрицательную реакцию значительных слоев населения, тоже сыграли свою роль в распаде «Солидарности». Кроме того, они ориентировали людей на их частные интересы, что отнюдь не способствовало их превращению в граждан, не способствовало формированию гражданского общества.

А демократия без гражданского общества — это как дом без фундамента. Такой дом можно построить, но устойчивым и прочным он никогда не будет. Мы, интеллектуалы, конечно же, отдавали себе в этом отчет. И многие из нас шли в политику, чтобы способствовать формированию гражданского общества. Но из этого почти ничего не получилось, и получиться не могло. Вхождение интеллектуалов в политику было изначально двусмыс-

ленным, это было вхождением в совершенно иную сферу деятельности. Деятельность интеллектуала и деятельность политика имеют разные логики. Если интеллектуал является, скажем, ученым, то для него главным мотивом и стимулом является желание достичь истины, понять природу тех или иных явлений и процессов. Интеллектуал, конечно, имеет право высказываться публично по общественным проблемам, даже если они выходят за рамки его профессиональной компетенции. Особенно в области нравственности. Но занятие политикой — это совсем другое.

Главная дилемма, перед которой оказалась часть интеллектуалов, участвовавших в движении «Солидарность», как раз и заключалась в том, вовлекаться ли в политику или по-прежнему оставаться вне ее. Потому что вхождение в политику имеет свою цену. Интеллектуал, который осуществляет такое вхождение, неизбежно должен отказываться от свободы мышления, потому что не может повредить своей политической организации. Он должен сохранять определенный минимум партийной лояльности, но тем самым сужать перспективу познания, ибо вынужден преувеличивать значение того, что совпадает с его политическими целями, и маргинализировать те элементы действительности, которые этим целям противоречат. В результате — неизбежное искажение видения реальности. А это значит, что ученый, художник или артист, которые входят в политику, перестают быть интеллектуалами. Они становятся технологами власти. Политик же, который не хочет обладать властью, это не политик. Он должен желать власти, потому что иначе он не может осуществить свои цели. Те политики, которые говорят: «Мне не нужна власть», просто не понимают природы того, чем они занимаются, как и того, ради чего они это делают.

К сказанному можно добавить, что интеллектуал, который поставляет свои знания политику независимо от того, какие цели тот

преследует, является или циником, или партийным интеллектуалом. В том и другом случае это его как интеллектуала дисквалифицирует. Наконец возможен такой вариант, когда интеллектуал вообще изолируется от публичной жизни, но тогда он становится клерком. Однако во времена великих перемен быть клерком могут позволить себе лишь люди, абсолютно нечувствительные к общественным проблемам. Теперь же, прояснив различия между интеллектуалом и политиком, я хочу вернуться к разговору о гражданском обществе, которое является фундаментом демократии. В состоянии ли интеллектуалы способствовать его развитию? В коммунистический период они этому способствовали. Но в тот период речь шла об особом явлении, которое я называю *этическим* гражданским обществом. В теории демократии такое понятие почти не употребляется, но оно, как мне кажется, очень точно характеризует мой собственный опыт и опыт моего поколения.

Диссиденты в коммунистической Польше, как и в Советском Союзе, <...>становились диссидентами не потому, что они стремились к власти. Тогда быть диссидентом означало прежде всего нравственную оппозицию по отношению к коммунистической системе. Это означало моральную установку на гражданственность в условиях отсутствия гражданских прав. Это означало отказ принимать принципы репрессивного режима как режима циничного, основанного на тотальной лжи. Такое диссидентское движение возникло во всех странах Восточной Европы и в Советском Союзе. Это и есть то явление, которое я называю *этическим гражданским обществом*. Но такое явление не может быть исторически долговременным: либо система репрессивно его уничтожает, видя в нем смертельную угрозу для своего существования, либо система проигрывает и сходит со сцены. А если проигрывает, то этическое гражданское общество, противостоявшее прежней системе, свою миссию исчерпыва-

ет. Начинается игра интересов, начинается настоящая политика. И в этой новой ситуации те диссиденты, которые вошли в политику, став депутатами первого нашего свободно избранного парламента, быстро запутались, как кролики в машине. Они поняли, что настоящая политика — это не продолжение этического гражданского общества, а игра интересов и успешностей. Но они пытались совмещать одно с другим, что не получилось и получиться не могло.

Однако в демократической системе нельзя реализовывать интересы без поддержки граждан. А для этого должны быть граждане. Если их нет, то мы имеем дело с клиентами, которых можно покупать. Так и происходит в олигархических системах, где авторитарные руководители пользуются поддержкой масс, которую они купили, освободив людей от ответственности за их собственные действия. Польше удалось избежать авторитарного перерождения демократии, но мы могли наблюдать, сколь тяжким оказывается для многих это бремя ответственности.

Для значительного числа поляков, когда рухнул коммунизм, было огромной неожиданностью, что свобода означает неуверенность в будущем и риск. Но ведь если мы действительно имеем свободный выбор как личности, то мы можем и ошибиться в выборе. А если мы ошибаемся, то мы переживаем поражение. Это вроде бы очевидно, но для многих в Польше это открытие явилось просто шоком. Чем-то таким, что очень трудно перенести.

Конечно, в мировой истории такие явления — никакая не новость. Аналогичный шок пережили многие европейские народы в межвоенный период, когда огромные массы людей бежали от свободы под крылья разных авторитарных вождей. Волна фашизма, которая прокатилась по Европе и столкнулась с коммунизмом, — это ведь тоже не обошлось без участия и поддержки обыкновенных людей. В Веймарской республике самые ра-

дикальные партии — нацистская и коммунистическая — отличались, как показывают исследования, самой большой текучестью электората. Значит, людям, которые отдавали свои голоса коммунистам или нацистам, было все равно, за кого голосовать. Они голосовали за радикальную политическую альтернативу свободе и демократии, которая снимет с них бремя ответственности за собственную жизнь.

В посткоммунистической Польше демократия устояла, но кто-то из вас возможно, помнит наши первые президентские выборы, когда вдруг четверть избирателей обнаружила готовность отдать государственную власть человеку ниоткуда. Не буду называть его фамилию — не стоит его упоминать. Этот человек за шесть недель стал в глазах многих привлекательной альтернативой и посткоммунистам, и лидерам «Солидарности». Первые отвергли, потому что еще сохранялась радость по поводу их недавнего политического падения. А вот от лидеров «Солидарности» многие их бывшие сторонники отвернулись именно потому, что открыли для себя, что свобода может сопровождаться поражениями. Между тем именно с готовности считаться с этим и это принимать только и начинается взрослая жизнь. Если мы хотим быть автономными личностями с правом свободного выбора, то мы должны нести ответственность за

последствия такого выбора. Но, повторяю, многие в Польше были к этому не готовы.

...Какова же в таких условиях роль интеллектуалов? Что они могут сделать для развития гражданского общества? Прежде всего они призваны определять, что в политике можно и чего нельзя. Они должны формулировать ее цели и нормативные основы их реального осуществления. Можно сказать, что они отвечают за состояние политической культуры в стране, потому что именно интеллектуалы определяют формат и способ ведения публичного диспута. Если они подлаживаются к низкому уровню этой культуры или на сей счет отмалчиваются, то они свою общественную функцию не выполняют.

Влиять на политическую культуру — значит влиять на формирование демократических, республиканских добродетелей: таких как доверие, толерантность, ответственность за других. Сегодня особенно важно для нас доверие, ибо при его дефиците (а Польша, как показывают исследования, сейчас переживает кризис общественного доверия и по вертикали, и по горизонтали) создаются некие приманки для политических лидеров, которые хотели бы расплывчатые авторитарно-патерналистские установки цементировать, соединить в один вектор. Но я надеюсь все же, что до этого в Польше дело не дойдет¹. ● ● ●

© Текст и фото: В. Ярошенко

¹ Выступление на конференции «Интеллектуалы после коммунизма» в фонде «Либеральная миссия» (2008 г.) <http://www.liberal.ru/upload/files/poland.pdf>

КШИШТОФ ЗАНУССИ

СТРАТЕГИЯ ЖИЗНИ

Кшиштоф Занусси — всемирно известный польский режиссер.

Снял полсотни полнометражных игровых фильмов. По большому фильму в год. И еще полсотни документальных, короткометражных, телевизионных. И так полвека.

За свою жизнь он получал самые престижные призы на всех значимых кинофестивалях, ордена государств и почетные дипломы лучших университетов.

Кшиштоф Занусси изучал физику в Варшавском (1955–1959), а философию — в Краковском университете (1959–1962). В 1966 году окончил режиссерский факультет Лодзинской киношколы. Дипломная работа — «Смерть провинциала» получила приз Венецианского кинофестиваля и Главный приз МКФ в Мангейме (1967). С тех пор он — мировая знаменитость.

Уже в дебютном полнометражном фильме «Структура кристалла» (1969), проявилась стилистика Занусси — интеллектуала-католика, размышляющего о смыслах бытия.

Главные фильмы: «Семейная жизнь» (*Życie Rodzinne*, 1971, приз на МКФ в Чикаго), «Иллюминация» (*Iluminacja*, 1973, главная премия, призы ФИПРЕССИ и экуменического жюри на МКФ в Локарно-73), «Спираль» (*Spirale*, 1978, премия экуменического жюри в Каннах-78, специальный приз на МКФ в Чикаго), «Константа» (*The Constant Factor*, 1980, приз за режиссуру на МКФ в Канне), «Императив» (*Imperativ*, 1982, приз на МКФ в Венеции), «Год спокойного солнца» (*Rok spokojnego słońca*, 1984, главная премия на МКФ в Венеции), «Состояние обладания» (1989), «Галоп» (1995), «Брат нашего Бога» (1997). Лауреат Каннского кинофестиваля в номинации «режиссёр» (1980), Специальный приз Венецианского кинофестиваля (1982), «Жизнь, как смертельная болезнь, передающаяся половым путем» (Гран-при XXII Московского международного кинофестиваля, 2000). Ретроспектива лучших фильмов Занусси была показана на Московском международном кинофестивале 2014 года.

---

*Кшиштоф Занусси
(Krzysztof Zanussi). 2014 г.*

Московском международном кинофестивале 2014 года.

Самый новый фильм «Иностранное тело» («Obce ciało») Занусси показал в конце 2014 года.

Автор многих книг, среди которых проза, драматургия, эссе, мемуары. Кино- и телесценарии.

Снял больше ста фильмов (игровых, документальных и телевизионных).

Кшиштоф Занусси руководит художественной деятельностью творческого объединения «Тор» с 1980 года.

Часто бывает в России.

Призывы к культурному бойкоту не поддержал, хотя по поводу «участия России в украинских делах» высказывается без обиняков.

Сельская местность недалеко от Варшавы. Большое поместье. Два прекрасных дома – старый и новый.

Парк. Со скульптурами и двумя прудами. Конюшня. (Лошади сейчас в горах, на отдыхе.) Флигель для гостей... Много собак, предупреждает мазстро.

Таня Щербина, которая собак боится, спрашивает: нельзя ли этих... изолировать, но Занусси с непреклонной улыбкой аристократа отвечает: они не очень кусаются. Собаки добрейшие – лабрадоры, ретриверы. Где-то потерявшиеся, подобранные, взятые из лечебницы, куда их привезли усыпить, – а они взяли. Два вальяжных кота разгуливают по столам. Огромный атриум со стеклянной крышей; зимний сад, похожий на оранжерею в ботаническом саду. Удобный кабинет на антресолях, над зимним садом.

Колонны, уходящие ввысь: чтобы увидеть, куда надо запрокидывать голову... Картины, портреты, афиши, дипломы... множество всяких памятных вещей из разных мест и стран.

Занусси радушно проводит экскурсию по всему дому. Кинозал, где он показывает свои (а иногда и чужие) фильмы; там же и репетирует с актрисами, которые, бывает, наивные, заезжают и попадают в эту ловушку, из которой не выбраться, если только «по полной» творчески не вложиться.

Смех у него сдержанный, такой легкий, как улыбка, доброжелательный и отстраненный.

Прежде чем нащупается нерв беседы с таким опытным «небожителем», давшим в жизни тысячи интервью, разговор блуждает туда-сюда...

К.З.: Тут и Яцек Куронь жил, книгу писал, и Золотухин – вот его комната. Валерий был очень близок нашей семье. Незадолго до его смерти я поставил «Король умирает» Ионеско в Театре на Таганке.

Жена Кшиштофа Занусси пани Эльжбета – художник, архитектор, происходит из очень знатного рода.

К.З. (комментирует): Не то, что я. Занусси, итальянцы, приехали в конце 19 века

строить железные дороги. Так и остались... Извините, я говорю о том, что ни к чему не имеет никакого отношения...

В.Я.: Вы дали тысячи интервью, половину их них я прочитал и понял, что неинтересно взять ещё одно... Интереснее послушать то, о чем человек сам захочет говорить...

ТЕ ГОДЫ

В.Я.: Как я понял, в некотором смысле, рабочих обманули. Они подняли движение, результаты которого сделали ненужными.

К.З.: Знаете, они сами себя обманули. И все-таки они живут сейчас лучше, чем тогда. Так что нельзя сказать, что был обман. Хотя, конечно... была тогда такая у них и у многих иллюзия (так и у нас она была), что если мы не будем тратить столько денег на армию и все такое, мы сразу станем богатыми. Оказалось, что это не так. Мы стали меньше тратить на армию, но от этого не разбогатели. И я сам не представлял себе, что все будет зависеть от подъема среднего класса... К счастью, средний класс поднялся, он существует.

Те, кто были маргинальными мелкими частниками, даже при коммунизме, и лавочниками, полунцицими-полукрепостными, стали совсем другими, появились предприятия, бизнес. То, что было сутью и смыслом предпринимательства, предприимчивостью — не потерялось. Есть огромная часть общества, которая считает: я сам за себя отвечаю. Это свободные люди, они-то и делают страну свободной. И я не жду, чтобы меня накормили.

В.Я.: В последние дни мы всех спрашиваем о влиянии интеллигенции на преобразования. В Польше все начиналось вроде бы с рабочего движения «Солидарности»... А как вы это видите?

К.З.: Мне трудно говорить о русской истории. Этот разрыв между интеллигенцией и народом начался, наверное, до Петра Великого, еще со старообрядцев. И для народа интеллигенция — это нечто чуждое. В Польше не так. Мы ничего такого не пережили: интеллигенция — органическая часть народа, так поляки это чувствуют. Это естественно, что они следуют за интеллигенцией, доверяют образованным людям. И в 89-м году, когда мы пережили этот исторический переворот, первые выборы, все мои сотрудники — рабочие, водители, осветители — приходили за советом: а как нам голосовать? Объясните нам, вы образованные, в этом разбираетесь.

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ

В.Я.: Недавно вышла книжка Валерия Писигина о его польских встречах 1989 года. Он был молодой рабочий, активист с Камского автозавода в Татарии, основатель клуба имени Бакунина. Такой романтический коммунистический либерализм в первую пору перестройки был в моде. Не об этом речь: молодой рабочий-активист встретился тогда с польскими лидерами — Яцеком

Куронем, Адамом Михником, Каролем Модзелевским... Я записал их беседы. Интересно, что теперь, через двадцать пять лет, видно: никто тогда и не подозревал, как быстро все рухнет. Ни у кого не было последовательного плана, и никто не знал конечного пункта маршрута. Тогда, летом 1989 года, еще ничего не определилось.

К.З.: Абсолютно... Яцек Куронь несколько книжек здесь написал, он жил у нас несколько месяцев. Мы ведь давно были знакомы; в глухие времена коммунизма он был учителем истории в школе, где преподавала и моя жена. Началось с того, что как-то однажды он договорился встретиться с ней вечером, чтобы узнать у нее, аристократки, какие у тех, что пили народную кровь, теперь взгляды на жизнь. Оказалось, что довольно близкие.

В.Я.: И казалось, что это будет долгий процесс — выход из коммунизма, никто не представлял себе, что это может так внезапно рухнуть. И такое чувство, что сценария, плана не было никакого...

К.З.: Вы знаете, это наполовину правда, а наполовину — нет. Надо напомнить другую часть, которая, как мне кажется, сейчас особенно актуальна для России. Я вспоминаю, какое бессчётное количество раз сам участвовал в семинарах: по домам, по кухням... Это называлось “Doświadczenie i przyszłość” («Опыт и будущее»). Там участвовали все те люди, которых вы назвали, и многие другие.

И там уже строились довольно развернутые гипотезы: если бы мы имели влияние на власть, какие законы нам были бы нужны? Мы этим довольно углубленно и живо занимались. Например, все наше самоуправление. Закон о самоуправлении уже тогда родился на этих кухнях. Я помню, сам привозил материалы из разных стран — их переводили, изучали, думали, можно ли у нас применить. Там уже видны были всякого рода опасности — будет

слишком много самоуправления, а местный криминал, мафия захватят власть, за-терроризируют людей, — тогда оторвать их от власти будет невозможно.

В.Я.: Как в России Кушевка! И какие выборы можно проводить в таких местах? Они победят, конечно.

К.З.: Да-да... есть такие места... Поэтому нужно преодолеть эту грань, сколько местной автономии нужно допустить и не оставить ее без средств к существованию, связать с бюджетом страны, и так далее... Слишком мало — так и не проснется инициатива на местном уровне. Думали и о культуре. Помню дискуссии: как быть с театрами? Они должны быть под местной властью или под центральной? Говорили — театры должны быть свободными. Но не свободны от денег! Высокопрофессиональный театр с качественным репертуаром на самоокупаемости не выживает. А кто должен содержать театральные здания? Платить за электричество и тепло? Кто даст гарантию актерам, что их не вышвырнут на улицу? Так и решили: должны быть театры под эгидой министерства культуры и театры, находящиеся в местном ведомстве. Все это и многое другое мы обсуждали уже тогда. Поэтому никак нельзя сказать, что новая Польша наступила неожиданно, и никто не знал, что делать. Многие годы многие люди работали на то, чтобы она состоялась.

В.Я.: Мы позавчера были у Анджея Вайды и говорили, в том числе, и об этом времени, о его фильме про Валенсу.

К.З.: И что же?

В.Я.: Там есть такой момент: идет заседание стачечного комитета. К нему приходят люди и говорят, что тут приехали интеллектуалы, а Валенса так пренебрежительно: пусть там посидят...

К.З.(смеется): Да, да! Он там издевается!

В.Я.: А еще мы были у одного из лидеров того времени, министра обороны Януша

Оньшкевича, и говорили об этом... Он сказал, что Валенса хитрил. Там все было гораздо сложнее. В конце концов это интеллектуалы нашли и выдвинули Валенсу.

К.З.: Как у Вайды — перебросили через забор на бастующую верфь.

В.Я.: Он ведь уже и не был рабочим на верфи, но рабочий, но оттуда...

К.З.: Он был в том, довольно широком кругу рабочих, которые ходили на все эти посиделки с интеллектуалами. У нас же с давних пор, еще с семидесятых, было это движение, потому, может быть, и не удалось его раздавить. Прежде чем возникла «Солидарность», был Комитет защиты рабочих, а у «Солидарности» с самого начала был институт советников, в который вошли оппозиционные интеллектуалы — Куронь, Модзелевский и многие еще, люди, уже побывавшие в тюрьмах, имевшие опыт борьбы и сопротивления. Можно, наверное, сказать, что они выбрали Валенсу, но Валенса идеально подошел для этой роли. Он оказался нужным человеком в нужное время в нужном месте.

Трудно сказать, в какой степени. Но он оказался, безусловно, очень хитрым человеком, обладающим огромным политическим инстинктом. Такой зверь политический. Не разумом, но инстинктом много раз он оказывался прав. А мы, интеллигенты, были неправы. Но, знаете, я был свидетелем... Оньшкевич, кстати, тоже там был — года четыре назад, уже при каденции Коморовского. Валенса перед Новым годом пригласил гостей, здесь, в Варшаве, в бизнес-клуб. Он был тогда после своей операции на сердце, которую ему сделали в Америке. И, кажется, он первый раз так сильно испугался и об этом откровенно говорил, сказал: мол, я уже посмотрел на это с другой стороны, издалека... И неожиданно этот человек с таким ЭГО, которое у него было, заявил: я вам прямо скажу — я боролся за демократию, я был

готов погибнуть за демократию, но когда я был президентом, я не хотел быть демократом, это так неинтересно!

Все тогда рассмеялись.

Он так это сказал, непонятно: полушутил или полунешутил. Я удивился и даже потом ему заметил: вы так отважно сказали...

Он больше этого не повторял. Но признался: я не хотел тогда ваших советов, я тяготился ими, вы мне надоели с вашими советами, я думал, что я все знаю лучше.

В.Я.: Мне показалось, что Валенса и Ельцин похожи по психотипу.

К.З.: Чуть — да. Но не пьяница, вот в чем разница! Он не так колебался. Ельцин очень сильно колебался как человек... Я провел несколько дней вместе с Ельциным.

В.Я.: Да?

К.З.: Я снял с ним огромное интервью, которое я предлагаю вам посмотреть, потому что оно висит где-то в интернете. Это была зима 1991 года... Я снимал для немецкого, французского, польского, а потом оказалось — и для русского телевидения — о том, что происходит в России. И там была долгая, двадцатиминутная беседа с Ельциным, где он разозлился на меня (это видно на экране), даже прервал разговор. И он был прав.

В.Я.: Он был прав?

К.З.: Он сказал: вы ставите передо мной вопросы, на которые вы лучше меня знаете ответы; могу я узнать, зачем вы делаете меня бутафорией!

А вопрос мой был такой: как вы думаете, православие будет помощью или помехой в модернизации России?

Вопрос и политически сложный, и мне кажется, что Ельцин в этом не очень разбирался. Не его тема. Но вопрос до сих пор стоит. Потому что без модернизации христианства не будет и модернизации общества. Есть все-таки модернизация, даже греческие православные модернизируются, так что это необходимость...

Т.Щ.: Греческое православие очень сильно отличается от Московского Патриархата...

В.Я.: Патриарх Кирилл сейчас очень активно посвящает в епископский сан молодых священнослужителей. Казалось бы — молодое поколение, новая кровь, но часто старые оказываются людьми более широких религиозных взглядов, чем нынешние молодые.

Старые всё-таки шли к Богу через запреты, гонения — искали Бога, как Антоний Сурожский, у них была «личная встреча». А сейчас — это часто люди карьеры. Сегодняшняя церковь — очень благополучное место, влиятельнейший институт. Соблюдай все правила, и карьера будет обеспечена. Получается, что смена поколений происходит, но это не расцвет христианства, а усиление института.

К.З.: Содержание — это совсем другое... Можно дом построить, но куда сложнее то, что внутри... (*Долгая пауза*).

Вы знаете, то, что я вижу на Западе Европы, — проблески Возрождения появляются, но это тоже идет от отдельных людей, от молодых, от разных групп, которые тянутся к духовной жизни. Но это не идет от епископов, не идет от университета. Идет от темпераментной молодежи, которая делает такой выбор.

В.Я.: Но это малочисленные группы.

К.З.: Все началось с двенадцати! Плюс еще один. (*Смеется*) Надо смотреть в души. Вокруг такая пустота. Такая дыра духовная. В конце семидесятых интеллигенция, да и я тоже, позволяли себе говорить в защиту тех, которые занимались контрабандой. Ездили в Турцию и привозили пальто или дубленки.

Мы тогда были не против этого, говорили: не лучше ли съездить в Турцию и купить пальто, чем сидеть, плакать и говорить, что ничего купить невозможно? Мы должны поддержать это, даже если это не совпадает с этосом. Кодексом интеллигенции.

Но в чем-то и совпадает, потому что взять на себя ответственность — это часть *этоса* и этики. И мы должны это признать. Меня сильно ругали тогда, что я позволил себе такое мнение...

Говорили: вы посмотрите, какие они неэлегантные, эти люди, которые занимают-ся контрабандой!

Но сейчас для культуры эмансипация и возвышение этого среднего класса не самое большое счастье, потому что прежде они считали за образец жизнь интеллигента, они ждали от нас советов — как им голосовать, а теперь они стали независимы в своих решениях, и не всегда эти решения нам нравятся.

Может быть, и у вас что-то похожее. Во время позднего сталинизма и потом — «оттепели», интеллигенция жила в нищете. Но культура была для нас знаком принадлежности к избранной элите. Да, культура — знак принадлежности. Надо было ходить в филармонию, даже если человек не терпел этой музыки. Я не помню, чтобы у нас в школе кто-то употреблял мат — это было позорно. Ему говорили: они хотят из нас сделать хама, вот из тебя уже сделали хама. И мы этому сопротивлялись, все общество.

Или, если увидели у кого-то в руках комиксы, поднимали на смех: он читать не умеет, он разглядывает комиксы, какой дурак! Это было стыдно. А теперь это оказалось масс-культурой.

И, например, очень стыдно было, если человек появлялся с девушкой, а она открывала рот и говорила примитивные фразы на просторечии. Это было позорно: с кем ты общаешься! Где ты ее нашел!?

А сегодня средний класс очень сильно эмансипируется, он связан с поп-культурой, он ее признаёт своей, все эти ее ценности, которые интеллигенция всегда отвергала. Когда мой отец слышал, что книжка является бестселлером, а я ее читаю, говорил:

как ты можешь это читать, бросай в мусор сразу, бестселлеры читают служанки. А бабушка удивлялась: а что, служанка у нас уже грамотная? Эта перемена произошла в течение одного века.

В.Я.: Как теперь говорят, мы были обладателями «символического капитала». А сейчас пришли обладатели капитала финансового, материального, и они перестали уважать интеллигенцию с ее бедностью и филармонией.

Т.Щ.: Уже довольно давно пошла волна: «интеллигент» стало ругательным, уничижительным словом. Люди стали говорить: я не интеллигент, я профессионал, я интеллектуал, но нет, только не интеллигент!.. А у вас это как?

К.З.: Если хотите сказать ругательно — скажите: полуинтеллигент. Это очень сильное ругательство. Если я скажу, что в министерстве культуры заправляют дамы — полуинтеллигентки, — это их глубоко оскорбит. Интеллигент — это тот, кто принимает ответственность перед другими. Кому стыдно за поступки других. Я думаю, что есть различия между интеллигентом и интеллектуалом...

В.Я.: То, что Солженицын называл словом «образованщина».

К.З.: Образованщина? (*Улыбается*). У нас такого враждебного слова, отнесенного к образованным людям, не было.

ОБРАЗОВАНИЕ

К.З.: Но надо подчеркнуть: в Польше после 1956 года только в одном государственном университете, в Кракове, было нормальное обучение философии. У нас был профессор, ученик Гуссерля — Роман Ингарден, известный феноменолог. И он вел кафедру так, как было принято во всей Европе. И нас, его учеников, быстро опознавали. В то время многие считали, что философия разделяется на

материалистическую и идеалистическую, а мы говорили «нет», она разделяется на дуализм и монизм, нет никакого идеализма и материализма, это несущественно. Это было уже совсем другое оформление мозга. Наверное, я без этой школы был бы другим человеком. Эта школа сохранилась в Кракове — и тогда я поехал в Краков, потому что это был редкий шанс изучать настоящую философию. Ради этого стоило поехать.

ДОМ

К.З.: Моя жена Эльжбета Грохольская, она тоже живая часть истории.

(Пани Эльжбета тем временем хлопочет в гостиной, готовит стол. Они давно живут открытым домом, и ей не привыкать.) Вот видите — тут портреты предков... (Занусси объясняет, кто изображен на старинных портретах. Мы, конечно, не успеваем все это запомнить).

Вот генеалогия: предки Эльжбеты¹ из тех скандинавов, которые стали основателями вашей империи Рюриковичей...

А по материнской линии она и ее мама княгини Четвертинские²... Четвертинские довольно поздно полонизировались (т.е. перешли в католичество). Они до этого долго придерживались православной веры... Один из предков Эльжбеты, Сильвестр Четвертинский, был православный епископ — Мстиславский, Оршанский и Могилёвский. Четвертинские и Грохольские долгие века жили на Подолье.

Они укрепляли Винницу как крепость против татар.

Далее мы погружаемся в глубокую историю, в которой Кишиштоф Занусси ориентируется, как в своем поместье.

Изложим кратко.

Винницей владел Великий князь Витовт. В княжение Витовта в 1431 году татары сожгли его замок. История многовековая, долгая и крова-

вая. Татары жгли города, резали и уводили в полон обывателей, украинцев и поляков. Казаки и гайдамаки, лихие люди, резали евреев, иезуитов и шляхту, поляки — вешали гайдамаков и казаков...

Из Сети:

Польского кинорежиссера Кишиштофа Занусси с Винницей связывают семейные отношения. Его жена Эльжбета принадлежит к графскому роду Грохольских, который до большевистского переворота владел усадьбами в пригородных селах — Стрижавке и Пятничанах (последнее в настоящее время входит в черту города). В стрижавском имении родился и тесть режиссера — граф Станислав Грохольский. У него яркая биография: служба на офицерской должности сначала в царской армии, впоследствии — на должности адъютанта Юзефа Пилсудского, тяжелая жизнь после советской оккупации Польши, разбросанные Второй мировой по разным странам десять его сыновей и дочерей. Одна из них вышла замуж за Занусси — поляка с итальянской генеалогией.

Однажды Занусси приехал в Винницу и на вопрос о прошлом сказал: наши предки не были ангелами...

Он продолжает рассказ:

Я вот думаю, может быть, моя следующая картина будет с этим как-то связана... Начало прошлого века, время перед Первой мировой войной и война... Когда весь этот мир окончательно рухнул... Мы нашли очень много писем, воспоминаний, документов. Как прадед моей жены приехал из центральной Польши на Украину посмотреть, как там живет его дочь, на этом страшном Востоке... И он пишет письма, описывает идиллию — как все любят всех, как крестьяне любят своих панов. Пишет: одно неприятно — здесь, на Украине, они, выражая барину свою любовь, обнимают его за ноги. Какое варварство — у нас просто целуют руки! Как-то уж слишком, ну не надо бы так... (Занусси смеется). И сохранились письма его дочери, когда она пишет

и удивляется: как же они нас ненавидят! И за что!? Те же самые люди, которые целовали ноги.

Занусси надолго замолкает, камера пишет тишину.

К.З.: Как часто мы не понимаем нашей позиции в мире: кто нас любит, кто ненавидит и что будет завтра.

Приходит пани Эльжбета, кладет ему руки на плечи, он на них сверху кладет свои большие ладони. Она спрашивает, где накрывать? Мы говорим: где вам удобно. Она отвечает: хоть на крыше (у них плоская крыша, и там летом тоже бывает стол, полагаю), но, в общем, мы сказали, что там, где ей удобнее, и она уходит.

К.З.: Я придумал себе — что если у меня такой дом, надо чтобы он нравился людям и чтобы в нем бывали люди, хорошие люди, разные, всегда...

Т.Щ.: А этот дом вы когда построили?

К.З.: Он довольно новый. Раньше мы жили в старом доме, здесь же, неподалеку. Потом купили этот дом.

Мое жилье в Варшаве отсюда в одиннадцать километрах, но здесь всех другое. Рядом бескрайний лес... Переселились и достроили. Дом запроектировали моя жена со своей подругой-архитектором. Это ее фантазии. Есть тут такие... нестандартные решения. Мы жили в нищете большую часть моей жизни. Я жил в стандартных массовых пятиэтажках, и мне так хотелось чего-то нестандартного.

В.Я.: То есть этот дом, парк, сад — это тоже продукт творческий? Волевой, целевой?

К.З.: Конечно! И целевой и волевой, и очень важный для мотивации. Может быть, один из самых важных, в конечном счете. Предыдущее наше жилье было скромное. С нами еще жила моя мама. Она прожила почти столетие, всегда активно во всем участвовала, и у нее была мечта с детства — зимний сад, это победа над природой... Вокруг снег, а тут тепло, все растет. Огромная радость. Поэтому мы и в предыдущем

жилье, и здесь хотели построить зимний сад. Конечно, здесь бывают концерты. Я начал здесь делать театр. Уже поставил больше десяти театральных пьес. Репетиции происходят у меня. Здесь с Валерием Золотухиным мы две пьесы готовили к постановке.

Репетировали мы прямо в этом зале. Стол тогда уезжает, мы ставим как бы декорацию, даже сыграли спектакль, пригласили гостей, которые понимают по-русски, чтобы актеры с публикой столкнулись.

Один из последних таких опытов — приехали актеры из Азербайджана, в Баку идет у них моя пьеса, — вот мы и поработали здесь пять дней. А еще раньше ко мне приезжали актеры из Улан-Удэ. С амбициозным проектом, надо сказать: предложили поставить Альбера Камю. Они, правда, были все-таки люди советского воспитания. Я их предупреждал: приезжайте, но работать будем, как на Западе, интенсивно. В первый же день надо знать текст наизусть. Они приехали прямо из аэропорта, но текста не выучили. Я сказал: текста не знаете — никуда не пойдете, города не увидите, сидите дома, пока не выучите. По 16 часов в день вполне можно работать. Вот здесь они на фото в альбоме...

В этом альбоме множество людей, актеры, режиссеры...

Вот за домом стоит флигель (гостевой дом), там человек до тридцати можно размесить... Я радуюсь, что это кому-то служит. Я постоянно принимаю группы молодежи. Они не могут снимать гостиницы, даже хостелы для них дороговаты... Приезжают со всего мира. Я принимаю всех. Встречаюсь с публикой: хотите — приезжайте. Даже и сегодня кто-то приезжает из Беларуси — они у нас живут, принимают участие в нашей жизни, иногда показываем картины.

Есть у нас маленький просмотровый зал. И главное — люди общаются со страной,

это важно, чтобы у них создавалось о стране позитивное впечатление...

В.Я.: Когда у вас возникла эта идея — дом не как жилье, а как вот такой творческий оазис?

К.З.: Так было у наших предков! При коммунистах это было невозможно реализовать. А потом стало возможно. И даже в предыдущем нашем жилье это уже было возможно. И когда я добился первого жилья в начале семидесятых, я уже жил открытым домом. Постоянно оставлял кому-то ключи, сам спал у своих родителей, а мои гости жили у меня. А еще раньше я постоянно жил у кого-то в гостях. И это так надоело... что я всегда нищий.

Тем более что мои родственники в Италии — сказочно богатые люди. «Занусси» — холодильники и стиральные машины, и еще много чего. Знаете, я их посетил будучи студентом. Они меня без вопросов признали, в семье приняли, были рады. Им было совершенно непонятно: зачем он возвращается в Польшу? Среди всего прочего была сказана фраза, которую я до сих пор обожаю, потому что только итальянцы так говорят: зачем вообще пересекать Альпы? За Альпами страна варваров, каких-то там германцев, франков, но нормальные люди живут по южную сторону Альп — это для культуры нормальное место. Тогда я понял, что живу в глубоко варварской стране, где холодно и темно, снег постоянно лежит. И уже осмысленно я решил, что буду здесь жить. И с тех пор еще понял, что когда человек совсем бездомный, ему очень хочется иметь дом и делиться этим домом с людьми.

Это характерная черта того времени. *Нищета времени.* А ведь я был с молодости привилегированный человек, известный уже по первым фильмам. Это ведь были огромные привилегии. После 56-го года уже можно было подумать о том, чтобы добиться заграничного паспорта.

МИР

К.З.: Да, надо было хитрить, надо было найти кого-то, кто приглашает, берет на себя ответственность за пребывание, лечение, но этого нелегко было добиться, чтобы на Западе кто-то захотел пригласить, пошел в наше консульство. Но если это сделать (тогда нас пускали за границу), можно было вырваться. И, конечно, я стал постоянно ездить.

В.Я.: А ваша первая поездка?

К.З.: Конечно! Самая первая в жизни моя поездка была в Советский Союз с какой-то студенческой экспедицией. Это был 58-й год, если не ошибаюсь. С тех пор езджу часто...

А в 59-м уже поехал на Запад. Много было внове — и там, и там. Я понял, что мы, поляки, — где-то между.

Париж. У меня был открытый билет на самолет и свобода: пока с голоду не умру, могу жить. Самолёт в Париж летал только три раза в неделю, так что всегда надо было планировать, хватит ли мне денег до следующего самолета. И все эти хитрости, как можно было без денег прожить, я рассказываю студентам, и они уже совсем меня не понимают. Это тоже выбор. Как прокормиться? Спать — тоже проблема. Вот я и учу. Если вы решили выспаться в парке, надо надевать галстук — тогда полицейские вас не заберут.

В.Я.: Вы спали в парке?

К.З.: И сколько раз! И я знаю хорошие адреса, могу поделиться! Особенно в Париже и в Брюсселе. Правда, это, конечно, было в критические моменты, когда надо было еще ночь прожить. Конечно, это была игра, я не был на дне общества, у меня всегда был билет в кармане. Или в ресторане. Надо идти не в самый дешевый: там в тебе сразу почувствуют нищего. И не в самый дорогой. В средний. Вам принесут меню. Но надо сесть за столик, где

официант-парень, не девушка, так будет легче. Он приносит меню, я говорю: нет, не надо, я подожду, пока *она* не придет. Он понимает. Он ставит хлеб и воду. Жду полчаса. Нет, *она* не придет, говорю. Он относится с пониманием: они все такие. А я уже хлеба поел. Чая попил.

Или как попадать в музей, чтобы не платить?

Надо идти ко входу для сотрудников и повторять самую распространенную фамилию в этой стране.

В.Я.: Занусси?

К.З.: Ну, нет, эта не такая распространённая... Во Флоренции я говорю: Росси, в Париже — Дюпон; в Германии — Шмидт... И вас отправляют: идите на второй этаж, налево, направо. Ну, и смотрите себе картины... Нужна психическая энергия, концентрация прежде всего.

И детали. Галстук нужен, дырки в ботинках надо прятать... Так мы жили в те времена. И, конечно, я автостопом проехал всю Европу несколько раз.

В.Я.: В «Наложении рук» есть эта деталь, как музыковед отправляется автостопом.

К.З.: Художник очень много деталей, подробностей берет из своей жизни. А как же? Это и дает достоверность придуманному сюжету, вымышленным персонажам, если они связаны какой-то реальной жизненной тканью. Несколько раз я проехал по Европе автостопом, всё про это знаю: как и где стоять, чтобы тебя взяли. И сам я теперь беру автостопщиков.

Т.Щ.: Но это опасно.

К.З.: Может, и опасно, но я тоже выглядел опасным... Просто надо знать, на каких местах садиться или брать пассажиров: на заправках, перекрестках, остановках.

Если кто-то стоит подозрительно и вам что-то не нравится, конечно, не останавливайтесь. Во всяком случае, перед вами явно не автостопщик.

СТРАТЕГИЯ ЖИЗНИ

В.Я.: Как из смутного ощущения вырастает выбор что именно это вы будете снимать!?! Как вы делаете этот выбор — темы, сюжеты? Как вы фокусируетесь на том, что именно будете делать?

К.З.: Это всегда очень трудно. У меня это заняло десять лет. Это либо вырастает, либо не вырастает. Внутри. Знаете, когда оглядываемся назад, всегда видим порядок, необходимость, логику развития. А когда смотрим вперед — никакой логики нет, всё непонятно. Я был физиком, потом изучал философию, потом занялся кино...

Первые его фильмы об этом: о студентах, потом о физиках, интеллектуалах, людях, пытающихся выстроить логическую конструкцию иррационального мира.

В.Я.: Летом 2014 года я слушал вашу лекцию в подмосковной школе Гражданского просвещения Лены Немировской. Вы прилетали на один день, чтобы выступить перед молодежью. Вы говорили совсем не о кино, — о проблемах человечества, о вызовах, которые стоят перед миром...

К.З.: Меньше всего я говорю о кино. Фильмы сняты, я долго с ними жил, что-то высказано в них, их можно смотреть, их можно обсуждать... Но мне это уже не очень интересно. Я езжу по всему миру с такими странными лекциями, которые сам себе придумал. Цикл лекций, как найти стратегию своей жизни и не перепутать ее с чужой. Или, может быть, мне в США кто-то подсказал, что в Америке продаётся все, что интересует студентов. И я взял себе такую линию: буду рассказывать сюжет, мною же и придуманный: Стратегия Жизни.

В.Я.: Получается такой цикл эссе — «Стратегия жизни»?

К.З.: Да, можно было бы так назвать.

В.Я.: Я чувствовал, что с вами надо не о кино, а о жизни говорить. Ведь ваши фильмы, в

сущности, об этом. О стратегиях жизни — и о жизненных выборах. О цене выбора.

К.З.: Больше скажу. Я очень горжусь, что преподаю все, кроме кино. Вот в университете Академии наук преподаю курс под названием «Коллегиум цивитас». Гуманитарный университет для студентов, для которых мало традиционных курсов.

Потому что в жизни (как драматург я могу сказать) есть такие ключевые моменты, когда человек принимает решение. С детства и начинаю. Иногда беру сценку из какой-то моей картины и показываю пример какого-то решения или какой-то обстановки, ситуации. Это всегда открыто, этого я никому не навязываю, какой выбор хороший, но показываю, что такой выбор есть. Например, выбор между карьерой и личной жизнью. Какой приоритет поставить — и в какой момент жизни? Последнее время меня все больше занимает тема смерти. Удивительно, не правда ли?

Или такие трудные вопросы, как справедливость, как простить зло, когда никто не покается. Об этом тоже надо задумываться, это в жизни когда-то настанет.

Об этом недавняя пьеса Занусси «Хибрис». Благополучный пожилой профессор – всемирная знаменитость – приезжает в Польшу из Америки, а потом мы узнаем, что в молодости он был гэбэшником и расстрельщиком. Но он невозмутимо считает, что жизнь все списала. Но находится юноша, внук убитого им человека, который пытается пробудить в нем совесть. Этот мститель – то ли существующий в реальности, то ли в глубинах его совести. Тут у нас есть выбор, который все-таки включает механизм суда без покаяния.

К.З.: Вот я пытаюсь сейчас сделать такую книгу — полный цикл, прочитанный в разные годы в разных странах. Каждая лекция — это какая-то тема... Я это делаю уже много лет. И последняя — о смерти. Это всегда интересуется студентов: послушать о

том, что для них полная экзотика и чистая абстракция, а для нас уже нет.

В.Я.: Мы встречались с Анджеем Вайдой, и он сказал, что зрители его фильмов, его ровесники, уже ушли...

К.З.: Я не хочу говорить о своих фильмах. А в кинотеатрах сидят подростки. Но я хочу помочь молодым талантливым людям, насколько я могу это сделать. Еще в восьмидесятые годы был создан Фонд поддержки одаренной молодежи из провинции. Больше тридцати лет я с ним тесно связан. И вот что интересно: он возник под огромным нажимом Москвы. Потому что советские власти требовали, чтобы во всех соцстранах были школы для гениев. Их готовили для науки, в первую очередь связанной с военной областью... Их отбирали на основах макаренковской педагогики — чтобы оторвать от среды, от корней. Отец где-то в деревне пьяница, а у сына способности к математике или физике, которые нужно развивать...

В.Я.: У нас это было распространено, особенно в 60–70-е годы, в Сибири, — Колмогоров, Лаврентьев...

К.З.: Да, да... А в восьмидесятые годы из Москвы нажимали: почему Польша одна этого не сделала? Но в это время у нас уже были люди, которые хотели это делать на основе совсем другой педагогики. И подсказали правительству то, что оно способно было услышать, а именно: что дешевле будет оставить этих людей у себя дома, в привычной среде. Им оплачивали три раза в неделю двадцать минут телефонного разговора (тогда еще не было Интернета) с персональным учителем — тьютором, и тьютор должен был посылать им книжки. Не отрывали от семьи. Этот наш фонд процветает... Он почти никаких денег не стоит, а теперь, естественно, все построено на Интернете.

А летом эту молодежь — со всей Польши — я приглашаю за мой счет, они у меня тут

живут. И привожу им интересных людей со всего света, с которыми они могли бы пообщаться. Кто-то из них живет в глубокой провинции, довольно изолированно — пусть увидит кого-то интересного, вступит в контакт. Не только выдающихся ученых (к ученым прорваться еще как-то можно), а просто людей, у которых интересная жизнь. Например, есть тут такой человек, который торгует овощами. Он много занимается спортсменами с ограниченными возможностями. Так эта его овощная фирма имеет три филиала. И что интересно — он принял решение: бизнеса больше не развивать, потому что это отнимает у него слишком много времени и внимания. Он решил, что жить вполне можно и с одного магазина, сеть продал, занимается одним магазином и своим социальным проектом. Занимается с этими ребятами.

Хорошо, чтобы они такого человека увидели — потому что у него есть стратегия жизни, совсем другая, чем обычно. Он счастливый человек, потому что делает то, что считает важным.

В.Я.: А вы не думали о том, чтобы сделать такой телевизионный цикл «Стратегия жизни»? Это могло быть очень интересно и важно для молодежи...

К.З.: Я пробовал это делать несколько лет назад, проект был довольно успешным. Настолько, что кто-то там, на телевизионных верхах, заревновал к этой программе и не пустил ее дальше. Один мой коллега, француз, начал делать примерно то же самое.

В.Я.: Я недавно летел с одним молодым человеком, и мы разговорились. Так вот, он рассказал, что ездит в один детский дом... И что детям нужны не деньги и вещи, им нужно общение. Общение с успешными, молодыми, благополучными, адаптированными в эту жизнь людьми.

К.З.: Да-да, это так.

В.Я.: А в Польше есть эта проблема — детские

дома, изоляция детей, как и отсутствие в обществе должного внимания?

К.З.: У нас это не так остро, потому что существует традиция усыновления и удочерения. Это очень развито в Польше. Мой самый близкий друг, физик, воспитал уже трех мальчиков из детского дома. Он был одним из самых многообещающих, и ему говорили: зачем ты тратишь столько времени, бежишь в школу, занимаешься детьми?.. А он отвечал: сколько часов в сутки можно заниматься творчеством? Сколько минут в день можно мыслить? Если мысль к тебе придет, она придет к тебе везде — даже на пробежке с ребенком.

Это как в спорте: если слишком много тренироваться, это может привести к срыву, не даст нового результата. И в науке так. Я, говорит, физикой могу заниматься по восемь часов в сутки, остальное время нужно отдать чему-то другому. Это неправда, что я отобрал у физики время и отдал детям — это время было уже не для физики. Это уже вопрос внутренней гармонии.

В.Я.: Психологи вообще говорят, что люди думают очень мало, больше живут реакциями.

В вашем фильме (его название переводят как «Прикосновение», но я его понимаю как «Наложение рук»)...

К.З.: Да, так правильнее: «Наложение рук».

В.Я.: Фильм о гениальном композиторе, который надолго замолчал, перестал творить. И молодой музыковед во что бы то ни стало пытается пробудить в нем импульс к творчеству. Фильм о страшной цене творчества, самоотречения, самореализации.

К.З.: Да, отрывок из этой картины я показываю в этом своем цикле... Пробую объяснить сложность выбора на примерах людей искусства и науки. Сколько людей ради науки погубили свою личную жизнь, сколько их было — бедная наша Мария Склодовская... Сейчас идет процесс ускорения истории.

Т.Щ.: Но сами-то вы всё выбрали?

К.З.: Я попробовал всё, ну, уж не совсем всё...

Например, огромная часть моего доклада касается наркотиков. Я всегда предлагаю молодежи: если вы считаете, что главное в жизни – кайф, максимум удовольствий, чтобы было приятно, тогда берите наркотики. Лучше и удобнее вы ничего не найдете, правда, жизнь ваша будет, короче, зато вы будете пребывать в постоянной эйфории. Но потом – скорые похороны. А если вы считаете, что это не столь уж и хорошо, значит подумайте, почему это вам не нравится. И это уже зачаток такого... более философского отношения к своей жизни: что мы делаем и какой ценой? Ну, и вопрос всегда пробую поставить. Вот были поколения, которые твердо знали, за что стоит умирать. Я часто слышу в ответ, что у нас нет ни одной такой ценности, за которую стоило бы умирать. Но человек все равно смертен, он все равно умрет. И разве он не волен выбирать, когда и за что ему расстаться с этой жизнью? (*Отвлекается на храпящую в кресле собаку*). Извините, что у вас будет такой комментатор. Он больной, несчастный эпилептик. Его привезли к ветеринару, сказали, что будут усыплять. Моя жена была рядом. Жена спросила: а лечить его невозможно? Ей ответили: надо два раза в день давать псу по таблетке, но никто к этому не готов. Жена сказала: я готова. И вот уже семь лет он у нас живет, но получает два раза в день таблетку и много спит, потому что таблетки эти – снотворные. Его жизнь коротка, бóльшую ее часть он спит. Но сны у него очень живые, он во сне ногами перебирает, несётся куда-то. Я думаю, это полноценная жизнь... Но задуматься можно. Вообще-то я воспитан даже не собаками. Я воспитан лошадьми. У меня с детства была такая мощная тяга к лошадям... Знаете, сколько мудрости можно набраться, если человек умеет наблюдать за животными?

Проблема авторитета, иерархии, власти. Знаете, как лошади и собаки ревнуют!

В.Я.: А лошади тоже ревнуют?

К.З.: О, еще как! И это смешно, потому что есть ревность лошади к лошади, а есть ревность лошади к человеку. Есть такие моменты, когда они недовольны чем-то, что мы делаем... Отношения с лошастью более сложные, потому что есть взаимная зависимость. Собаки – они проще... От них у меня нет зависимости. С лошастью сложнее: я ведь сижу на ней, моя жизнь зависит от нее, а она может меня сбросить. И непременно сбросит, если захочет. Там идут постоянные переговоры, как будем жить дальше. У нас есть маленькая конюшня, лошадей забрали наши молодые на Мазуры, где они летом живут. Две лошади остались, живут здесь. У нас тут за оградой начинаются огромные леса – на сорок километров.

***

В.Я.: Нет ли в Польше тенденции, что роль костела в общественной жизни снижается?

К.З.: Я бы не сказал, что резко, но действительно снижается. Костел, на мой взгляд, сейчас не очень хорошо выполняет свою роль, так что ее авторитет падает... Были времена, когда было много выдающихся епископов, а сейчас ни одного. Но я не стал бы недооценивать роль костела. Есть корреляция между числом людей, которые ходят в костел, и активностью на выборах. Там, где ходят в костел, там и голосуют. Это уже урок общественной жизни. Это левых (и многих либералов) очень удивляет, ибо для них костел – институт консервативный и недемократический, а социологически это оказывается неправда. Совсем даже наоборот.

В.Я.: У нас многие молодые священники более склонны к консервативным тенденциям в церкви, нежели к либеральным...

К.З.: Вы знаете, по-моему, раздел проходит не здесь. Это не совпадает с реальностью. Я близок к церкви и никак не вижу такого раздела... Я понимаю, в журналистике принято так: белое – черное, консервативный – либеральный...

Есть поверхностная религиозность, а есть глубинная. Но глубинной всегда было мало. Вообще только меньшинство людей обладают глубоким чувством веры в Бога. В культуре же значение имеет только меньшинство, «подавляющее меньшинство», горстка людей. Вообще отдельные люди. Все ценности принадлежат меньшинству. Большинство всегда неправо (*улыбается*).

Он вообще серьезные вещи говорит с такой легкой полуулыбкой, как бы и не вполне всерьез.

Хотя у демократии нет другого выхода. Надо учитывать изменения, общественное мнение. Но это не значит, что они правы.

Он живет как аристократ, жена – высокогородная аристократка, сам он – аристократ духа, один из немногих «счастливых в праздных»... Эта полуулыбка отсюда.

К.З.: Знаете, «либерализм веры» означает чаще всего слабую веру. Но и консерватизм, формализм церковный, ритуализм – это тоже слабая вера. Если человек привязан к внешнему – факторам, ритуалам, к письму, тексту – «так сказано – значит это и есть истина»... Это ведь внешнее. Поэтому, с точки зрения глубины, и либералы, и консерваторы могут находиться в одном лагере. Есть люди, которые чувствуют более глубоко. Для них все эти решения, о которых столько лет идут дискуссии, на самом деле имеют больше социальное, нежели религиозное значение. Развод, например. Это же понятно, что люди иногда разводятся. И что это сложно, больно, нехорошо для семьи... Но есть ситуации безвыходные. Ясно, что была ошибка, и надо как-то из нее выходить. Мне кажется, в православии это происходит как-то мягче.

У католиков довлеет такой, что ли, юридический подход: только костел может определять жизнь людей. Дать разрешение на второй брак. Но это чисто социальная, пусть нравственная, но не религиозная проблема.

В.Я.: Мы были в редакции правого журнала «В сети», и нам, как мне показалось, с болью говорили, что страна теряет кровь, что слишком много молодёжи уезжает из Польши и не возвращается обратно...

К.З.: Это проблема, но это проблема для всего мира. Французы скажут то же самое. Люди оседают там, где им лучше, где как-то сложилась их жизнь.

В.Я.: И все-таки большинство людей живет в своей стране.

К.З.: Есть и исключения... И это всегда связано с трагической историей, гибелью государства, оккупацией... евреи две тысячи лет без родины. Ирландцы, веками борющиеся за независимость, и осевшие в Америке... Поляки больше века испытывали судьбу своей разделенной страны. Это быстро не проходит. У всех нас множество синдромов, фобий из прошлого. В нынешнее время – чеченцы, албанцы, сирийцы... Люди из охваченных войнами и голодом африканских стран. Увы, сейчас к ним добавляются украинцы.

Я говорю не о странах, о людях. Вопрос такой: если я вижу молодого математика и понимаю, что он будет развиваться, только если будет работать в Принстоне или в Европе, – в любом месте, он зачахнет, если даже в Великобритании он не сможет расправить свои крылья... Ну, хорошо, пусть едет в этот Принстон, хотя для нас это потеря.

Но, с другой стороны, есть довольно распространенные специальности. Те люди, которые занимаются социальной политикой, например, они часто думают: у нас больше перспектив работать здесь, в Польше, чем за границей, хотя жить будет

труднее. Вы знаете, среди моих гостей бывают очень разные люди, и мы с ними все эти темы обсуждаем.

ЛИЧНОЕ

Т.Щ.: А вы никогда не разводились?

К.З. (улыбаясь): Представьте себе, нет. Моя жена до сих пор меня не выгнала.

Т.Щ.: А дети у вас есть?

К.З.: Нет, к сожалению... Мы довольно поздно сошлись. Уже тридцать лет живем. У моей жены трудная судьба... *(вертит кольцо на пальце, будто оно ему мешает, как-то смущенно)*. Быть женой артиста — это трудная роль. Ха-ха-ха. Они все — невыносимые люди.

Т.Щ.: Насколько невыносимые? Вы такой эксцентричный...

К.З.: Нет, конечно, эксцентричность — это все поверхностное... Скорее, эгоцентризм. И абсолютная фиксация на своем, внутреннем.

Ну, если я снимаю картину и полгода живу в окружении моих абсолютно придуманных, фиктивных персонажей, думаю о них, переживаю за них, ну кто не скажет, что я сошел с ума? Вопрос в том: это уже клинический случай, или еще терпимо? А то, что один персонаж доводит меня до депрессии, потому что он меня не убедил, — это же просто смешно. Есть ведь настоящие дела.

Вот собака большая — это реальная жизнь, а я живу нереальной жизнью.

Т.Щ.: Вы вдвоем здесь живёте?

К.З.: Вдвоем, да... ну, еще есть сложность... пока мы сошлись с Эльжбетой, моей женой, ее брат женился, и в момент родов мать умерла. Моя жена — как тетя — взяла ребенка и воспитала, для нее она как дочь. Она живет рядом с нами, со своим канадским мужем. Вот вчера сидели. Он организует с бизнесменами из Америки и Канады стипендии для молодых поляков.

Вот сидели и думали, какую создать систему, чтобы эти поляки после получения образования хотели вернуться обратно домой... И обучение по каким специальностям поддерживать, чтобы это было актуально здесь, в Польше. Это очень важная и интересная задача. Я со многими фондами работаю. И мы об этом думаем — как сделать, чтобы кто-то сюда возвращался?

Т.Щ.: А почему вы так хорошо знаете русский язык?

К.З.: У этого тоже есть своя история. Когда я попал в нормальную элементарную школу в сороковых годах, у нас преподавали всего два языка: русский и латинский. А остальные языки в конце сороковых не преподавались, как империалистические. Ни английского, ни французского не было в то время. Тогда считалось, что для поляков эти языки не нужны. Возможно, так было не во всех школах, но в Варшаве в то время, когда я учился, было так. Я начал старательно учить русский, и сразу мои одноклассники начали издеваться надо мной: у тебя итальянская фамилия, а у тебя пятёрка по русскому. Настоящий патриот должен двойку иметь по русскому! Отец мне сказал: не будь дураком, учи язык, это не имеет ничего общего с политикой. Я поверил отцу и прилежно учился русскому языку. Языки мне давались легко. А сверстники меня осуждали, и не только в школе так было. Как можно прилежно учить язык врага! И сейчас, когда я высказался несколько раз, что я не совсем согласен с отменой Года польской культуры в России, хотя я понимаю, что политически не было выхода... Но я не согласен с этим решением... Это реальность, конечно. Я в Интернете видел множество негативных оценок моей позиции...

В.Я.: Вы сказали про отца... Отец в вашей жизни занимал важное место?

К.З.: Ну конечно, я ведь был единственный ребенок в семье, поздний ребенок. Да еще

после войны, когда было ощущение, что человек словно заново родился, дважды спасен. Ведь я родился 17 июня 1939 года, перед самой войной. Вокруг было столько утрат, столько погибших, убитых, умерших детей. Если ты выжил, это уже было крупным подарком Божиим. Жизненным успехом.

В.Я.: А отец ваш чем занимался?

К.З.: Он был предприниматель, потом инженер-строитель, как и его отец, который приехал в Польшу из Италии строить железные дороги. Отец много строил, обожал работать и как архитектор. Во время войны он находился в Польше и должен был прятаться, потому что из-за его итальянского происхождения его должны были бы взять в итальянскую армию, чего он никак не желал. Фамилия эта в Польше сразу определяется как иностранная...

В.Я.: Он был польский гражданин?

К.З.: Не забывайте, что до 1920-го года польского гражданства вообще не было, так что он попадал под все повинности. Он был подданный Австро-венгерской монархии, как и вся северная Италия. Флоренция, Венеция, Джулия... Мы фактически из Венеции. Отсюда это звонкое «зе». Во Флоренции было бы Джанусси. В XVI веке моих предков изгнали из Венеции. Какое-то, видно, было серьезное преступление, может, предательство...

В.Я.: А у вас есть особое чувство к Венеции?

К.З.: Есть, конечно... Я, безусловно, принадлежу к венецианской культуре... Но я тоже сужу Венецию очень сурово: считаю ее отцеубийцей. Венеция — женщина, конечно, и она убила отца — Византию. Она подняла руку на свою родину.

В.Я.: О, этот сюжет я считаю невероятно важным.

К.З.: Да, это очень-очень важный сюжет. И за это Венеция и будет наказана исчезновением под волнами.

В.Я.: И этих коней св. Марка украли, и мощи

самого Марка. И св. Николая в Бари тоже ведь украли...

К.З.: Они говорят, конечно, будто защитили от турок.

Я писал про этот сюжет. «Отцеубийство» было издано и на французском, и на итальянском... Не могу сейчас найти.

Венецианцев очень раздражает эта тема, когда им напоминают, что Венеция виновата в смерти Византии.

* * *

Т.Щ.: Есть такая тема, идея, над которой вы сейчас думаете, вертите ее, работаете? Может быть, фильмы, книги... Посвятите, это что?

К.З.: Вы знаете, я готовлю сценарий, не знаю, что из него будет... Касается рабства и того, какое это вредное желание человека — иметь полную власть, владение другим человеком... Это с Ницше началось, и давно началось, еще до Первой мировой войны... И довело до страшных преступлений... вот на этом материале хотелось бы поразмышлять...

В.Я.: А мы тут с Таней говорили, и она считает, что все войны двадцатого века, — это одна война...

К.З.: Можно так сказать. Потому что это война с антрактом на двадцать лет. Конечно, это продолжение.

В.Я.: Таня это называет Столетней войной.

К.З.: Столетней войной? Конечно, это продолжение.

Т.Щ.: В том смысле, что она еще не завершена. Вы про Китай начали говорить, потом отвлеклись...

К.З. (очень серьезно): Я часто думаю о Китае. Что с Китаем будет и как он повлияет на весь мир? В духовном плане. Китай для меня — это самый большой вопрос нашего времени, нашей цивилизации. Как мы будем жить вместе с китайской цивилизацией? И какое у кого будет место в этом мире?

У меня есть такое шуточное замечание, которое я привёз из Китая, но оно касается и Индии. Мы все считаем, что все в мире имеют равные права. Но если бы мы хотели всем дать право пойти на пляж и лежать у моря под солнцем, и если бы все китайцы и все индийцы тоже этого захотели бы, тогда мы должны будем лежать друг на друге на трех уровнях ... До «Моны Лизы» очередь будет двадцать лет. Если хотя бы двести или триста миллионов китайцев захотят приобщиться к европейской культуре, места в музеях будут разыгрывать, как грин-карты.

В.Я.: Но они уже поехали. Они поехали в музеи и по туристическим местам Европы. Они скоро все это захватят. Кризис либерализма (индивидуализма) в том, что каждый отдельный индивид имеет равные права. Но сумма прав отдельных китайских индивидов несопоставимо, значительно больше, чем европейских, русских или американских, и в этом вся проблема.

К.З.: Мир через пятьдесят лет будет совсем другим, мы его даже не можем себе представить.

© Текст: В. Ярошенко

© Фото: Г. Ярошенко

* * *

Мастер Кшиштоф Занусси листает толстые тома книги записей людей, посещавших этот дом. Кто тут только не был, кто только не жил! И нас тоже попросили написать что-то в этот альбом и мы, волнуясь, написали, оставили свой след в истории этого необыкновенного дома.

Записал Виктор Ярошенко

В беседе с Кшиштофом Занусси участвовала Татьяна Щербина.

Разговор шел по-русски

Примечания

¹ Грохольские — польский графский и дворянский род, герба Сырокомля, происходящий от Петра из Комарова, возведенного в 1479 г. в графское достоинство в Венгрии. Прямые его потомки официально пользуются графским титулом.

² Сильвестр Четвертинский ездил к Петру Первому жаловаться на притеснения православных, а внук его, знаменитый Антоний-Станислав Четвертинский был повешен восставшей варшавской чернью в 1794 году. В знаменитый день 3 мая 1791 года А. Четвертинский произнёс на сейме горячую речь против проекта новой конституции, закончив её следующими словами: «В нём гроб вольности, и я не соглашаюсь принимать его»... Четвертинский в числе первых примкнул к Тарговицкой конфедерации (Союз польских магнатов, направленный против реформ), образованной под покровительством России. ●●●

польская тетрадь МУЗЕЙ ВАРШАВСКОГО ВОССТАНИЯ

Ян Карский

Ничего нельзя понять про Варшаву и про поляков, не побывав в Музее Варшавского восстания. Такого музея не могло быть в ПНР: тема была трудная для тогдашнего режима. Музей был открыт только в 2004 году, к 60-летию восстания, в перестроенной для этого старой электростанции начала XX века при активной поддержке Леха Качиньского. Рядом с музеем Стена памяти, на которой выбиты многие тысячи имен. Сделан он со страстью и талантом, в жанре скорее острого публицистического высказывания, чем исторической объективности, которой и сегодня вокруг этой трагической темы невозможно добиться, — и обращен к миллионам, как телевизионный квест.

Эта трагическая глава польской истории и сегодня вызывает и благоговение, и большие споры. О восстании, начавшемся 1 августа 1944 года и продержавшемся до 1 октября, написаны многие тома, сняты фильмы, оно изучено по дням и часам. И сегодня потрясает героизм, но многих смущает его какая-то запрограммированная неудачливость и трагический конец для двухсот тысяч варшавян и самого города, который по приказу Гитлера буквально сровняли с землей. Но это восстание отличается от восстания Варшавского гетто, прошедшего годом раньше. Отличается не только масштабом и размахом, но и тем, что оно все-таки не было героизмом обреченных. Во всяком случае, его организаторы — эмигрантское правительство в Лондоне и «делегатура», их нелегальные эмиссары, непосредственные командиры во главе с генералом Тадеушем Бур-Коморовским — не считали свое дело обреченным, а даже надеялись на быстрый и решительный успех. Но с самого начала «что-то пошло не так».

До сих пор подвергается сомнению сама целесообразность этого восстания, уровень его подготовки, недооценка сил противника, отсутствие координации со штабами Красной армии. Им возражают в категориях морали и высокой героики, которой чужда прагматика военных расчетов.

Музей с самого начала создавался с конкретной концепцией, в ядре которой была горькая укоризна: русские стояли рядом, на другом берегу, смотрели, как истекает кровью Варшава, и не помогли. И даже самолетам союзников, снабжавших восставших с воздуха, посадку на своей территории не разрешили...

«Около 17 тысяч участников польского Сопротивления погибло и около 6 тысяч было тяжело ранено. Было убито от 150 тысяч до 200 тысяч человек мирного населения. В ходе уличных боёв было уничтожено порядка 25 % жилого фонда Варшавы. После капитуляции польских сил германские войска целенаправленно, квартал за кварталом,

сровняли с землей ещё 35 % зданий города» (Википедия).

Почему Сталин не пришел на помощь Варшаве, подробно обсуждать здесь не будем.

«Потому что он был людоед, разве не понятно? Какую логику можно сыскать у людоеда?» — сказал С.А. Ковалев, когда мы обсуждали эту тему с ним и знатоком вопроса — историком Н.С. Лебедевой (см. ее статью о Катынском злодействе в этом номере).

Какая логика была в том, чтобы с тупой бесчувственностью и столь же тупой верой в историческую безнаказанность расстрелять 25 тысяч ни в чем не повинных офицеров соседнего государства, а потом десятилетия отрёкаться от содеянного, потому что простить это уже будет некому — убитые не прощают?..

Об этом написано много книг. Варшава погибала, когда война подкатывалась к границам Германии и речь уже шла о послевоенном устройстве Европы.

В Польше считают, что Варшавское восстание было последней отчаянной попыткой поляков самим решить свою историческую судьбу, вопреки союзникам, которые решали судьбу Польши за их спинами. При этом — очень по-польски — варшавяне романтически рассчитывали на их помощь. Л. Качиньский считал, что Восстание одержало «моральную победу» и в конечном счете — через 45 лет — привело Польшу к свободе. Руководители восстания были уверены, что, освободив столицу самостоятельно, они смогут самостоятельно устроить и жизнь страны на довоенных принципах. Но теперь кажется, что вряд ли это получилось бы.

На кону стоял вопрос — кто возьмет Польшу. Ведь именно из-за нападения на нее в 1939 году и началась Вторая мировая война. Сталин считал, что ему — в качестве приза победителю. Союзники, в общем, с этим спорили, настаивали на свободных выборах, но факт состоял в том, что Польшу занимала Советская Армия, а не союзники, со всеми дальнейшими последствиями.

Советский солдат не принес полякам свободы, говорят нам теперь с обидой. Не принес и не мог принести, потому что он и сам был не свободен, а почувствовав ее аромат, после войны был плотно зажат отлаженной машиной репрессий. Об этом была вся лейтенантская проза, об этом говорили лагерные судьбы Льва Копелева, Александра Солженицына, тысяч других молодых советских офицеров, возвращающихся с войны.

Мы, потомки тех, кто воевал в Польше с германской армией, испытываем в этом музее сложные чувства. Мы ведь хорошие... Разве не мы 600 тысяч солдатских жизней потеряли в боях за Польшу? Может теперь, в музее, мы хотели бы все переиграть, бросить армии через Вислу на спасение Варшавы. Мы бы, уж, наверное, приняли другое решение... Но история — не компьютерная игра «Битва за Варшаву». Все произошло так, как произошло.

В глубине польского непрощающего негодования, может быть, есть глубоко спрятанное позитивное объяснение того, почему они ждали, что Красная Армия им поможет. Потому что они видели в советских солдатах людей. В нацистах не видели, от них ничего хорошего не ждали. А люди помогают тем, кто попал в беду.

Но Германию поляки простили, а Россию — нет. В этом парадоксе есть что-то очень важное. Потому и не простили, что, несмотря на все разделение и отталкивание, ждали помощи — но не дождались.

Многие считают циничной даже саму постановку вопроса: а следовало ли? А не напрасны ли были огромные жертвы? И правильно ли было выбрано время? Верно ли оценены свои силы и силы противника? Не было ли допущено непоправимых ошибок? Эти вопросы задавались и семьдесят один год назад. Историки продолжают работать с архивами, в поисках ответов. С другой стороны, любое сомнение вызывает острую реакцию, хотя бы потому, что просоветская власть, следом

за Сталиным все годы доказывала авантюристичность восстания.

Сегодня эти вопросы остались историкам. Школьники и студенты, которыми всякий день полон музей, все поляки просто гордятся своими героями, защитившими их честь и погибшими за свободу.

Сегодня этот музей стал очень сильным антивоенным высказыванием: нынешним детям невозможно объяснить, почему и зачем люди так остервенело убивали друг друга.

Марек Радзивон в предисловии к русскому изданию знаменитой книги Яна Карского «История подпольного государства» пишет: «Позднее... поляки все еще верили, что послевоенная Польша будет продолжением Польши довоенной, все вернется на круги своя, сохранится старая иерархия и порядки, и в целом послевоенный мир будет тем же, что до войны».

Вот именно следствием подобных иллюзий и политических просчетов стало решение начать Варшавское восстание 1 августа 1944 года. «По поводу этого восстания поляки будут спорить еще сто лет» — так по прошествии многих лет Ян Карский вспоминал разговор с Юзефом Ретингером, одним из ближайших советников Владислава Сикорского. Действительно, дискуссия о цене этого великого и трагического подъема не прекращается в Польше до сих пор. Одни утверждают, что у подпольных властей не оставалось выбора, город чувствовал, что немцы вот-вот уйдут, и хаотичные бои происходили бы все равно. Другие считают, что только так жители Варшавы могли показать миру, что они не пассивны, что они сражаются за свою свободу, что им нужна помощь. Третьи говорят, что нет такого политического решения, которое оправдало бы смерть сотен тысяч невинных людей. Ярослав Ивашкевич, один из величайших польских писателей XX века, в своем дневнике 1944 года так описывал повстанцев, пробиравшихся на окраины и приносивших вести из центра города:

«Ужасно — безрассудность командования, недостаток снабжения. Им велели выполнять совершенно другое задание, чем то, к которому они готовились в течение трех месяцев. <...> Мысль, что восстание не было подготовлено или разразилось не вовремя, не умещается у меня в голове».

Спустя многие годы 84-летний Ян Карский так оценит решение о начале восстания: «Это была величайшая трагедия в истории Польши. Ее причиной стал ошибочный расчет <...> И общество, и Бур-Коморовский, и Миколайчик, глава правительства в изгнании, сменивший на этом посту погибшего Сикорского, считали, что, начав восстание, поляки докажут, что они — не враги России.

Когда вспыхнуло восстание, Миколайчик отправился в Москву, будучи настроен весьма оптимистически. Он собирался сказать Сталину: вот, мы ваши друзья, мы подняли на борьбу с врагом весь народ. Не понимал, что для Сталина он был не партнером, а лишь жалким попрошайкой, который клянчит о помощи. Приняв Миколайчика только после трех дней ожидания, Сталин сказал ему, что не знает, о чем речь. «Мне докладывали, — говорил Сталин, — что никакого восстания у вас нет». А позже заявил, что восстание организовали безответственные авантюристы<...>»

В сложившейся тогда международной ситуации не существовало правильного решения. С той политикой, которую вели Англия,

Польские партизаны.
Фото: <http://www.zona-militar.com/.../page-22>

Немцы в Варшаве. Фото: из архива журнала «Mówią Wieki»

Депортация евреев, Краков.
Фото: <http://www.holocaustresearchproject.org>

Америка и Советский Союз, поражение было неизбежным. Поляки оказались в безвыходном положении.

Каждый год в день начала восстания в Варшаве воеет сирена в память о погибших, и сотни тысяч людей собираются на старом варшавском кладбище Повонзки, где погребен прах повстанцев.

* * *

Вернусь в музей, устроенный как многоступенчатый квест. Стоят старые телефоны, по которым можно поговорить с ветеранами восстания (вернее, послушать запись). В стене медные окуляры, прильнув к которым можно посмотреть хронику, увидеть, как это было... Идешь по подлинной брусчатке старого города, по камням, на которые лилась кровь. Вокруг целые виртуальные улицы и реальная музыка, реальные объявления, приказы, листовки. Всматриваешься в лица, слышишь взрывы, читаешь строки документов. Висят отрывные календари; отрываешь листок, а на нем хроника этого дня августа или сентября 1944 года. Спускаешься в каналы городской канализации, через которые уходили последние восставшие. (Знаменитый фильм Анджея Вайды «Канал» — это о них.)

Смотрим в стереоочках 3-D панораму разрушенной Варшавы. Летим на «Либереиторе» вдоль Вислы, над ее взорванными мостами. Аэрокиносъемка старательно превращенного даже не в руины (руины — это нечто изыскан-

ное, из искусствоведческого лексикона, вспоминаются Клод Лорен, Пиранези), а здесь — кучи битого кирпича, клубки искореженных балок, крошево человеческого быта, кое-где редкие силуэты уцелевших домов с дырками окон... Полигон строительного мусора, страшное, нежилое место. После войны, как нам рассказывали, некоторые предлагали возводить новую польскую столицу в другом месте. Те, кто это предлагал, совсем ничего не понимали в национальном характере поляков. Восстановление Варшавы, даже административно организованное новым социалистическим государством, — это подвиг, много говорящий об этом народе, его жизнестойкости и укорененности в своем прошлом.

Самый большой зал занимает огромный британский бомбардировщик *Liberator B 24*. На таких самолетах польские пилоты летали из Италии и сбрасывали контейнеры с помощью и оружием для бойцов Армии Крайовой¹.

На стенах и на экранах много и подробно рассказано и показано о командирах и организаторах восстания, героях Сопротивления, представлены биографии лидеров подпольного правительства в изгнании и в Варшаве. Здесь и фотографии и биографии карателей — немцев, украинцев, русских, поляков.

Напрасно будете искать лица советских офицеров и генералов. На вопрос, почему так, вам привычно ответят: Красная Армия тут участия не принимала.

Странно, но к германской оккупации, злодеяниям и преступлениям, даже к уничтожению Варшавы относятся уже как-то отстраненно, не эмоционально, совсем иначе, чем к последующему периоду в роли сателлита советской империи. Это еще незатянувшиеся раны национальной психики. Почему так — это сложная тема развития наших отношений.

Сталин, Рузвельт и Черчилль, делившие Европу, отдали Польшу Сталину и, в общем, понимая, что происходит, не противодействовали созданию «Народной Польши» и уничтожению военных структур Сопротивления, связанного с лондонским правительством.

5 июля 1945 года Соединенные Штаты и Великобритания официально признали просоветское «Правительство национального единства» и прекратили отношения с Правительством в изгнании». Франция сделала то же самое. Воевать со Сталиным из-за Польши Запад не хотел. Ян Карский не простил предательства и в течение многих лет писал книгу, посвященную политике великих держав в отношении Польши. Монография в семьсот страниц *The Great Powers and Poland. 1919–1945. From Versailles to Yalta* («Великие державы и Польша. 1919–1945. От Версаля до Ялты») вышла в 1985 году. «Печальная книга», — скажет ее автор. Проанализировав огромное количество архивных данных, он пришел к выводу, что в циничной игре с Польшей «морально более виновен Черчилль, а физически — Рузвельт».

* * *

Армия Людова оказалась орудием нового режима, а офицеры и солдаты несмирившейся подпольной Армии Крайовой были объявлены вне закона. Их преследовали, подвергали репрессиям еще долго после вой-

ны. Теперь все наоборот. Нет, «красных» ветеранов не преследуют, но они не в чести.

25 лет Польша живет по принципу, сформулированному первым премьером «Солидарности» Тадеушем Мазовецким: «Подвести черту под прошлым».

Внутри страны это более-менее получилось. (Хотя во времена Качиньских устраивали суд над генералом В. Ярузельским.) В отношениях с новой Россией — нет.

Примирения не получилось и не может получиться никогда. И в этом виноваты обе стороны. В Польше «русский вопрос» был всю силу использован во внутренней политике. Польша рвалась в ЕС и НАТО, и знакомый образ русской угрозы был очень кстати, тем более что в России началась Чеченская война. А в России «польский вопрос» как-то затерялся среди других, не менее трудных. А потом Россия перестала быть новой, все больше стала походить на старую. Может потому настоящего примирения нет и донныне.

Примечание

¹ В общей сложности ВВС Великобритании, южноафриканские ВВС и польские авиаторы под общим британским командованием совершили более двухсот авиарейсов (305 самолёто-вылетов) с авиабаз в Италии. До 14 августа 1944 года в ходе операции было сброшено оружие для двух тысяч человек; было потеряно 14 самолётов и 13 экипажей. Советские и американские ВВС участия в операции не принимали.

9 сентября 1944 года СССР согласился предоставить воздушный коридор, и 18 сентября 1944 года в рамках операции «Фрэнтик» была проведена акция по сбросу военных грузов, в которой участвовали 105 американских бомбардировщиков и 62 истребителя «мустанг». В этот день было сброшено 1284 контейнера и потерян 1 самолёт в районе Варшавы. Основная часть сброшенных грузов оказалась у немцев. В дальнейшем вылеты на Варшаву с целью снабжения восставших западными союзниками не осуществлялись. Википедия. Ссылка на: Рышард Назаревич. Варшавское восстание, 1944 год: политические аспекты. М.: Прогресс, 1989. ●●●

ПАВЕЛ СПИВАК

ПОЛЬША И ЕВРЕИ

**Беседа с профессором Павлом Спиваком,
директором Еврейского исторического института
имени Эммануэля Рингельблюма**

Еврейский исторический институт в Варшаве с давних пор располагается в одном из немногих зданий, сохранившихся после войны: там, где было Варшавское гетто. Городская синагога, стоявшая рядом, была уничтожена, а это здание 1920-х годов сохранилось.

Институт уникален, он один такой в мире – в полной мере соответствует трагической судьбе польского еврейства.

В 1944 году, сразу после того, как от немцев Советской Армией был освобождён город Люблин, там был создан Центр поль-

ских евреев. Сохранить документации, свидетельства произошедшей катастрофы, неслыханных злодеяний, – было важно для польских евреев, переживших войну. Было решено создать специальную комиссию, чтобы собрать всевозможные документы, воспоминания, фотографии, артефакты, кино- и фотоматериалы, дневники и письма. Словом, всё, чтобы зафиксировать то, что здесь произошло.

Надо сказать, что историческая уникальность происходящего была понятна с самого начала: еще в оккупированной Варшаве в еврейском гетто была создана подпольная группа «Онег Шабат». Она работала с конца 1940 года, возглавлял группу Эммануэль (Менахем) Рингельблюм (1900–1944).

Павел Спивак: *Он был видным историком польского еврейства, издавал свои книги на польском языке и на идиш. Он вернулся из Женевы в Варшаву в тот день, когда началось нацистское вторжение.*

Эммануэль Рингельблюм

ИЗ РЕФЕРАТА КНИГИ Э. РИНГЕЛЬБЛЮМА¹.

Это потрясает. Вдумаемся: оказавшиеся в гетто экономисты, социологи и другие воодушевленные Рингельблюмом узники вели научно организованные наблюдения за своими губителями, составляли подробные отчеты обо всех сторонах жизни различных еврейских общин в экстремальных обстоятельствах, документировали преступную механику депортации и уничтожения евреев. Эммануэль Рингельблюм разделил судьбу обитателей гетто. Его прятали. Но летом 1943-го он был схвачен и отправлен в концлагерь Травники. Попытка спасти Рингельблюма была предпринята с помощью польского антинацистского подполья, ему организовали побег из лагеря и нашли для него и его семьи укрытие в Варшаве. Однако 7 марта 1944-го по доносу он был вновь схвачен гестаповцами, и после пыток его расстреляли вместе с женой и сыном.

В начале 1960-х годов на идиш были изданы в двух томах его потрясающие, полные безжалостной правды «Записки», которые Рингельблюм вел в гетто. Они переведены на многие языки. Частично их можно прочесть и по-русски в сети.

Вот кусочек, почти наугад. Запись от февраля 1941 года.

Мой дорогой друг!

На улице Млавска построили деревянный мост, соединяющий улицы гетто. Отменили два еврейских трамвая – 15 и 28. У нас остался только один трамвайный маршрут – на нем большая звезда Давида. Аптеки христиан процветают. Все их лекарства немедленно раскупаются.

Нам грозит эпидемия туберкулеза; в тесноте гетто она распространится как пожар. Часто видишь, как люди копаются в мусорных баках. Зато в некоторых домах каждый день едят апельсины, 25 злотых за кило, виноград и т.д.

Открываются новые места развлечения. Многие из их совладельцев – немцы. Есть такие, кто сотрудничает с СА, СС и т.д. Пользуясь этими связями, они обходят еврейские организации, требуя одежду и прочее. И при малейшем возражении они угрожают сдать нас Тем.

...У всех чесотка из-за нехватки мыла. Страшный случай с трехлетним ребенком-женцем. По дороге охранник бросил ребенка в снег. Его мать выпрыгнула за ним из фургона. Охранник угрожал ей пистолетом, но она отвела, что ей незачем жить без ребенка. Тогда охранник пригрозил расстрелять всех евреев в фургоне. Приехав в Варшаву, она сошла с ума.

...В провинции вымогают огромные деньги; в Радоме пришлось за три часа собрать 50 тысяч злотых для пятисот депортируемых.

...Сегодня был скандал в конторе на перевалочном пункте с участием офицера немецкой армии и еврейских рабочих, которым он отказался выдать трудовые удостоверения. Не хотел давать работу полякам, боялся саботажа.

Евреям выдали разрешение покупать золото на арийской стороне, кольца, металлолом и тому подобное. Деньги идут в помощь нацистской партии.

...Один эсэсовец искал некоего еврея, но когда нашел его, ничего не взял, только попросил том Священного Писания – как талисман.

...Лоточники кричат на улицах о своих товарах: «Если уж покупаете лохмотья – так покупайте чистые!»

Многообразии уличных нищих. Кантор из Пултуска с помощником выводят «Эль моле рахамим». Проповедник читает свою проповедь, кидаясь во все стороны, будто ему наступают на пятки, и дико жестикулирует руками, как на кафедре.

Рингельблюм сразу же стал вести систематические записи о происходящем в гетто (и вел их почти до конца жизни), но вскоре понял, что этого недостаточно, и принял решение создать тайный архив документов и свидетельств о судьбе евреев Варшавы и Польши в период нацистской оккупации. Рингельблюм хотел, чтобы о событиях в гетто, казалось бы, невероятных в двадцатом веке, рано или поздно стало известно всему миру. Он организовал настоящий секретный научный институт под безобидным религи-

озным названием «Онег Шабат» (Общество проведения субботнего отдыха). 22 ноября 1940 года Рингельблюм утвердил рабочий план института, главной задачей которого был сбор документов. Собирались комплекты оккупационных и подпольных газет, плакатов и объявлений, хроники, мемуары и дневники, написанные в гетто, фотографии, даже такие предметы, как фуражки и нарукавные повязки еврейской полиции. К работе были привлечены люди из всех слоев общества, всех политических направлений. Осторожности ради авторы большей части передаваемых в архив материалов не оставляли своих имен, и лишь немногие знали о местонахождении архива. В архиве Рингельблюма собирались распоряжения нацистских властей и юденрата, сообщения очевидцев об антиеврейских акциях, обзоры чиновников еврейских учреждений в гетто о положении во вверенных им сферах, отчеты о деятельности Организации самопомощи, о нелегальной работе в области образования и культуры, номера выходивших в гетто подпольных газет, а также образцы продовольственных карточек, этикеток, даже записи анекдотов, детских песенок и другого фольклорного материала о гетто.

Ребенок на руках нищенки – словно мертвый. Нищенствуют трех-четырёхлетние дети, и это тягостнее всего. Некоторые нищие принимают театральные позы ради эффекта.

...Стремление вести дневники: этим заняты даже молодые люди в трудовых лагерях. Эти записки находят, рвут, авторов бьют.

...Слухи о том, что сотрудники любавичского рабби получают выездные разрешения в Америку и не сегодня-завтра уедут.

...Наплыв немцев из Лодзи за мехами, бриллиантами, золотом, иностранной валютой. Они хотят застраховать себя на будущее и покупают свою страховку в Варшавском гетто. В результате выросли цены на бриллианты. Что интересно, на территории гетто торгуют недвижимостью...

...В одном городе евреи написали в благотворительную организацию и в конце своего письма поставили «S.O.S.»... Губернатор области велел их арестовать.

...Отключили электричество. Улица Кармелицкая производит жуткое впечатление. Там так темно, что люди натываются друг на друга. Народ сочиняет частушки про юденрат, про братьев Лихтенбойм, у которых контракт на строительство стен гетто и которые нажили состояние с помощью своего отца...

...На арийской стороне считают, что евреи в гетто развлекаются – тут танцы, постоянно открываются новые ночные клубы: «Палермо» на улице Желязна, «Казанова» на улице Новолипе².

Павел Спивак: архив Рингельблюма лежит в основе коллекции института. Когда немцы закрыли гетто, обнесли забором и проволокой, эта группа приступила к систематической работе. Работа шла в этом самом здании, которое стояло тогда в центре гетто.

Эта группа работала именно здесь...Они старались собрать и передать возможно более полную информацию, что происходило во время войны с евреями в Польше и вообще в Европе. О жизни, быте, женщинах, детях в гетто.

Когда немцы стали систематически уничтожать евреев, приступив к «окончательному решению», посылали тысячи людей в Треблинку – лагерь уничтожения, члены этой жертвенной группы упаковали все имевшиеся у них документы в металлические контейнеры и закопали – в разных местах. Мало кто из той группы выжил.

В 1945 и в 1959 годах эти контейнеры были найдены заново. Но треть всех материалов так и не найдена до сих пор. Никто не знает, где эти материалы. После войны евреи сразу стали искать документы и собирать свидетельства; за три послевоенных года были изданы 30 томов документов и материалов о судьбах еврейского населения, о сопротивле-

нии, восстании в Варшавском гетто, о погромах и насилии во Львове, в Кракове и других городах. Эти потрясающие книги, полные ужасающих материалов и подробностей, к сожалению, плохо прочитаны в мире. В 1947 году Еврейская комиссия была преобразована в Еврейский исторический институт, в этом качестве и существует сегодня. После 1989 года у института появились новые возможности для работы, были отброшены ограничения, которые мешали находить и публиковать историческую правду.

* * *

Невозможно говорить о польской истории XX века без трагической истории польских евреев. Польша стала еврейским кладбищем – здесь были убиты три миллиона евреев.

Ян Карский, нелегальный курьер польского правительства в Лондоне, человек фантастической смелости, побывал в Варшавском гетто и даже в лагере уничтожения, переодевшись в форму надзирателя. Он первым рассказал миру страшную правду о Холокосте, встречался с британскими министрами (к Черчиллю его не допустили), добился встречи с Рузвельтом, но мир предпочел не поверить ему. Он написал потрясающую книгу «История подпольного государства»³, которая до 1989 года в Польше была под запретом.

Директор Музея истории Польши Роберт Костро в проспекте, изданном к выставке, посвященной 100-летию Яна Карского, писал: «Фигура Карского связывает одну из важнейших тем международных дебатов о новейшей истории, то есть войну и трагедию евреев, с драматической историей оккупированной Польши. Судьба Карского помогает понять сложные польско-еврейские и христианско-иудейские отношения во время Второй мировой войны. Ян Карский принадлежит к той немалой группе поляков, которые активно участвовали в помощи евреям. В то же время его позиция является обвинением всем тем,

кто в Польше, Европе и в США остался равнодушным по отношению к Холокосту».

Ян Карский писал:

«Евреи требуют, они настаивают на том, чтобы мир знал и чтобы мир признал уникальность, исключительность Холокоста. Ведь ничего подобного в истории мира не было. Холокост несравним со страданиями любого другого народа. Мы, поляки, страдали, несли огромные потери, но ведь, собственно, погибли все евреи... Нельзя сказать, что гибли только евреи. И мы, поляки, тоже погибали. Это неправда, потому что это несравнимо. В то же время я стараюсь говорить еврейской общественности... что мало какой народ может говорить о страданиях так, как польский народ. Мы хорошо знаем, что такое проигранные войны, проигранные революции и восстания, мы постоянно проигрываем, нас постоянно мучают, разрушают наши города, уничтожают наши костелы, придерживают развитие народа, мы действительно знаем, что такое страдание. Но мы также обязаны знать, что Холокост несравним» (Цит. по проспекту выставки «Ян Карский — человек свободы»).

— Мы имеем довольно полный архив, — рассказывает профессор Спивак, — не только по истории еврейства, но и по истории антисемитизма XX века в Европе. Это уникальнейший архив. Большая проблема, однако, в том, что большинство людей, создававших этот архив и работавших с ним, несколькими волнами уехали из Польши — в Израиль, Францию, Америку. Но остались книги, фото, документы. Пришли новые люди, но уже что-то было безвозвратно утеряно. Наступили времена Гомулки, расцвел новый государственный антисемитизм. Был директор, такой типичный сталинист, который был специально назначен, чтобы ничего содержательного не делалось. Но люди работали! 1964 год запомнился как год официального, открытого антисемитизма, — трудный год для оставшихся в Польше евреев. Снова начался повальный

исход, многие ключевые люди института уехали в Израиль. Поэтому настоящей преемственности, передачи знаний и материалов в институте не случилось. Всякий раз приходили новые люди, осваивавшие всё практически заново. В результате огромные массивы материалов сегодня не изучены.

Сегодня это самый старый в Европе институт по этой проблематике, существующий непрерывно с 1944 года. Институт ведет большую научную работу: описание и исследование архивов, аналитические публикации; проводит выставки и конференции, осуществляет многолетние международные проекты. Ведет оцифровку и публикацию документов (оцифровано и размещено в интернете более 700 тысяч документов).

Недавно открывали выставку картин художников Варшавского гетто, где были выставлены уникальной силы художественные документы. Сейчас идет выставка еврейского искусства перед войной, которую долго готовили кураторы института.

Здесь изучают многие малоизвестные и трудные темы истории. Например, о том, как работали юденраты — созданные немцами еврейские организации для осуществления Холокоста. Как спасали евреев. Как взаимодействовали с окружающим миром. Отдельная и огромная тема — героическое восстание Варшавского гетто с 19 апреля по 16 мая 1943 года. Надо подчеркнуть, что институт этот польский, существует на деньги Польского государства, отдельные проекты помогают делать спонсоры, партнёрские организации. — Сколько сейчас евреев в Польше?

П.С.: Точно никто не скажет. Это трудный вопрос. Сейчас такого вопроса не задают при переписях, в массовых опросах. Число евреев в Польше насчитывают в несколько тысяч человек: 20–30 тысяч. Перед войной было известно точно, что в Польше жили 3 миллиона 600 тысяч евреев.

Тогда в переписях задавались вопросы — о вере, о языке.

После войны, в 1947 году, в Польше осталось не больше 200 тысяч евреев. Немного осталось и в Германии (которые ждали европейских и американских виз). Около 40 тысяч спаслись, выправив липовые документы об арийском происхождении.

Большинство польских евреев, переживших войну, спасались, убежав в СССР, хотя и там многие попали в лагеря, были репрессированы, умерли от болезней и недоедания... Но, по нашим оценкам, около 140 тысяч человек выжили в СССР. Многие вернулись вслед за Советской Армией. Иные были очень активны, сотрудничали с новой властью. Лояльных к просоветской власти поляков было несравненно больше, но обвиняли евреев.

До 1956 года очень многие евреи уехали из Польши навсегда. Потом границу закрыли. А после 56-го снова стали выпускать, даже скорее — выдавливать. В стране оставалось все меньше евреев. А после памятного антисемитского 1968 года уехали еще 14 тысяч.

Но шел и другой процесс: можно было уехать, но можно было и остаться, не называть себя больше евреем, сменить свою идентичность. Так тоже поступали многие.

В школе надо было объявлять свою национальность. Многие люди только сейчас начинают говорить о своих еврейских корнях.

* * *

— *Считаете ли вы себя евреем?* — спросила профессора неполиткорректная Таня Щербина.

Он ответил неожиданно подробно: Это по-разному. На семинар, или на работу я иду как поляк, я воспитан в польской культуре. В человеке может быть много наций... Пожалуй, моя идентичность — интеллигент, интеллектуал... Я живу в польской культуре, в интеллектуальной среде... Хожу в либеральную синагогу. Вообще жить еврейской жизнью здесь трудно. Например, нет кошерной еды, или если она есть, то очень дорогая... Нет полнокровной общинной жизни.

Похоже высказывался однажды в печати другой наш собеседник, известный журналист «Газеты Выборчей» и ветеран «Солидарности» Северин Блюмштайн: *«Быть польским евреем — это... интересное и временами нелегкое приключение. Тут каждый должен сам с собой разобраться. Одни с этим еврейством больше себя отождествляют, другие меньше. Из-за фамилии я был довольно заметной фигурой во всех этих еврейских делах».*

Профессор Павел Спивак — сын известных литераторов.

— Мой отец, Ян Спивак, родился в империи, где главный язык был русский, он блистательно его знал, переводил Хлебникова, старых и новых русских поэтов. Польский для него был второй язык. Его в 1921 году привезли с Украины, он пошёл в польскую школу... Издавал журнал по истории польских евреев. Перед войной, надо сказать, в Польше уже был распространён антисемитизм. Он проявляется и сейчас, и не сказать, чтобы уж слишком редко, — но в Польше мало евреев. Польский антисемитизм маргинален, конечно, но вы найдете сайты, где против множества известных польских фамилий деятелей культуры, науки, бизнеса, политики кто-то ставит якобы подлинные их еврейские имена и фамилии... И это есть до сих пор. Но невозможно говорить о польской истории XX века без трагической истории польских евреев.

Люди чудом выжили в лагерях. Они хотели вернуться в свои дома, вернуть свою собственность. Но у всего были уже новые хозяева. Отзвуки этой трагической темы есть в удостоенном «Оскара» фильме Павла Павликовского «Ида».

После войны в Польше было несколько еврейских погромов. С 1945 по 1947 год было убито около 1200 евреев. Погром в Кракове 4 июля 1946 года — 42 человека было убито. Как всегда, погромы начинались с каких-то грязных слухов, со старых мифов о евреях, ритуально убивавших христианских младенцев...

Кто-то распускал слухи, и им охотно верили: будто бы евреи похищают детей, чтобы пить христианскую кровь, потому что они, эти евреи, выйдя из концлагерей, так истощены, что только христианская кровь поможет им восстановиться.

Были погромы и вокруг польской святыни в Ченстохове. Местный епископ во всеуслышание заявил, что все это ложь и суеверие. Но в Хлебцах и Кракове никто и слова не сказал... В определенной психологической атмосфере истерии вдруг срывается цивилизационная защита, и самые темные и страшные стороны натуры человеческой выплескиваются на свет божий. Признать, что среди нас были такие, которые убивали евреев, своих соседей, — огромная проблема и травма для поляков. Как мы понимаем, поляки помогали евреям, спасали их и это было связано со смертельным риском не только для смельчака, но и для всей его семьи. Конечно, такие героические люди были, и даже немало, но их было меньшинство. В целом, увы, люди не героичны, они часто позволяют себе быть трусливыми, если это отвечает их интересам. И ведь не обязательно — убивать. Достаточно — не помогать. Благополучно жить при этом подлом режиме. А еще (было такое) — шантажировать, извлекать свой гешефт из опасности для других.

Но иные поляки не хотят помнить, не хотят иметь этого чувства вины, этой двусмысленности прошлого, этого зыбкого исторического фундамента героического прошлого, страны жертвенников. А еще весь этот антисемитизм и моральную проблему перевоплощают в иную — вот вернулись евреи с русскими и восстанавливали тут коммунистический режим, который был советско-еврейский. Это евреи виноваты, что в Польше был социализм. В 1939–41 годах было арестовано и репрессировано очень много польских патриотов. В 45 году советская власть, пришедшая с Красной Армией, многим полякам казалась еврейской. Президент Польши Болеслав Бе-

рут был поляк, но два его заместителя — евреи. И полз шепоток...

С одной стороны, НКВД и МГБ убили и репрессировали много людей. Но многие поляки предпочитали видеть в коммунистах не своих собственных коллаборантов, а еврейское лицо. Этим грешили и очень хорошие писатели. И евреи стали уезжать, они не хотели этой тяжести власти, которую они ощущали в каждодневной жизни.

Книгу «Жидокоммуна» профессор Спивак издал недавно, в 2012 году. Он рассказывает нам кратко об истории польских евреев и о концепции нового музея, которую разрабатывал его институт.

...Еще к 1905 году на волне промышленной революции происходившей и в Царстве Польском, создания новых предприятий, железных дорог, роста торговли, началась и модернизация весьма традиционной еврейской частной жизни. Молодежь быстро радикализировалась, пошла за революционерами. Рос антисемитизм, но и еврейские политические организации стали сильными. Еще более сильными стали организации сионистские, поддерживающие исход евреев в Землю Обетованную, в Палестину. Однако большинство польских евреев были лояльными гражданами 2-й Речи Посполитой. Они голосовали за Пилсудского. Шли в польскую армию. Сражались с Гитлером. В конце 1930-х годов происходила радикализация еврейской молодежи в Польше: ни работы, ни учёбы, ни перспектив, ни возможности уехать...

Еврейское общество польской (и русской) провинции было очень бедным, герметичным и консервативным. Но в традиционном обществе была высокая рождаемость, и новой молодежи просто не было места в этом мире местечек и гетто.

Фотографии начала века показывают драматический бытовой и культурный разлом (исторически — мгновенный, на протяжении жизни одного поколения!) внутри семей, видный просто на фотографиях, как резко изме-

нились одежда, бытовые привычки, ценности разных поколений. Эти люди, выброшенные из традиционного мира, стали самыми радикальными адептами нового. И все это потому что традиционное общество не удержало их.

– И в Польше, и в России, и в Париже, и в Нью-Йорке, и в Сан-Франциско. Они внесли свой вклад в науку, медицину, инженерию, литературу, кинематограф...

* * *

За несколько дней до нашего приезда в Варшаве, в том районе, где находилось гетто, открылся великолепный мультимедийный Музей истории польских евреев, представляющий тысячелетнюю историю еврейской жизни на польской земле. Концепцию и идеологию этого музея многие годы создавали в Институте польского еврейства. Это государственный музей, построенный Польским государством прежде всего, хотя многие частные лица и организации внесли немалые деньги на его создание. Правительство дало деньги, город дал землю, историки создали концепцию и экспозицию.

П. Спивак: Но важно подчеркнуть, что это музей истории Польши, через историю совместной жизни поляков и евреев в одном государстве, в разных государствах, в которые попадали поляки и евреи после разделов, история их совместной многовековой жизни. Этот музей показывает роль евреев в польской истории и роль Польши в истории евреев, роль во многие века позитивная, а в XX веке – трагическая и драматическая.

В этом суперсовременном здании, построенном явно не на медные деньги, с талантом и тщанием, мультимедийном, интерактивном, в набитом видеорядом пространстве, где экспозиция каждого зала – от Средневе-

ковья до трагических страниц Второй мировой войны – продумана тщательнейшим образом и... политкорректна.

Музей построен и сделан прежде всего для новых поколений поляков, для того чтобы изжить, изжить, как-то перешагнуть через труднейшую историческую моральную проблему Польши: о том, как она лишилась, потеряла миллионы своих граждан. Этот музей – далекодействующее орудие, он рассчитан на будущее, на тысячи экскурсий, которые тут будут проведены, и, может быть, в памяти новых поколений польских евреев останется позитивным элементом польской истории.

Но проблема до сих пор остра, националисты не унимаются, шипят, что такого музея польской истории про поляков почему-то до сих пор не построено.

В дни открытия музея мы побывали на великолепном концерте, который дали мировые звезды на площадке перед музеем, на двух открытых сценах, с замечательной световой инсталляцией, транслировавшийся прямо на фасад нового музея.

Миссию этого музея, в наше трудное время, когда по всей Европе снова поднимает голову национализм и нацизм разных мастей, когда мерзкие проявления антисемитизма становятся заурядными событиями, не вызывающими возмущения, польскую грандиозную инициативу мы оцениваем очень высоко.

*С профессором Павлом Спиваком беседовали
Татьяна Щербина и Виктор Ярошенко*

Примечания

¹ http://krotov.info/acts/20/1940/ringelblum_1.htm

² http://krotov.info/acts/20/1940/ringelblum_3.htm

<https://sites.google.com/site/onegshabbataarchives/> / 1941

³ *Карский Ян.* «Я свидетельствую перед миром. История подпольного государства» / Пер. с фр. Н. Мавлевич. М., Астрель: Соргус, 2012. ●●●

ЖЕРТВЕННОСТЬ И КОНФОРМИЗМ

Случилось так, что я дописывал эту статью в поезде, продвигаясь из Рима на юг Италии. Поезд остановился на станции Кассино, в окно я увидел высокий холм с большим белым зданием на вершине. Это же Монте Кассино! Место знаменитой битвы, где в годы Второй мировой сражались поляки, понеся огромные потери, но покрыв себя посмертной славой и немало содействовав разгрому фашизма в Европе. Это — одна из редких страниц польской истории, в которой героизм превалирует над жертвенностью. Гораздо чаще случалось наоборот. Эта история богата крупномасштабными восстаниями против гнета и насилия соседних стран — России и Германии. Среди них единственное восстание, которое можно считать успешным, то есть победным, произошло в 1918 году. Этим историческим событиям посвящен фильм «Влияние» режиссера Лукаша Барчика, который скоро выйдет на экраны.

Но главным «повстанческим» сюжетом послевоенного польского кино стало Варшавское восстание. Его кинематографическая история началась с «Канала» Анджея Вайды: в нем жертвы, принесенные польским народом, показаны как «беспользные» — то есть не только и не просто героические, не красиво-романтические, а поистине трагические. Трагедии Вайды не оптимистичны, а его романтизм лишен сентиментальности, и это часто создавало барьер между ним и массовым сознанием. Тем не менее сила его таланта побеждала, и самые яростные критики замолкали, когда фильмы Вайды становились событиями нацио-

нального и интернационального масштаба. Прежде всего «Пепел и алмаз» с финальной сценой агонии молодого польского патриота, заложника глобального исторического конфликта, на мусорной свалке: кадр, сделавший «иконкой» польского кино «черного романтика» Збигнева Цыбульского.

Прошло полвека со времен расцвета «польской школы» — и ее главный режиссер Анджей Вайда, оказавшийся и ее главным долгожителем, снял «Катынь», где поднял самую болезненную в истории российско-польских отношений тему. Причем историю, глубоко личную для режиссера: среди тысяч пленных польских офицеров, уничтоженных под Смоленском энкавэдэшниками, был и отец Вайды. В Польше «Катынь» посмотрели три миллиона зрителей, что не помешало некоторым тамошним критикам объявить форму этой картины архаичной, не отвечающей трендам современного кино. Анджею Вайде к нападкам не привыкать: за шесть десятилетий творческой жизни его обвиняли в политическом радикализме и политическом конформизме, в авангардизме и консерватизме художественных средств. Впрочем, когда недостатков прямо противоположного свойства накапливается слишком много, становится ясно, что перед нами — великий художник.

Кинематографические достоинства и недостатки «Катыни» важны, но отступают перед значимостью — нет, не темы, а отношения к ней, позволяющего увидеть дальше, проникнуть глубже фактов. Умудренный возрастом и опытом, Вайда дает личную, предельно эмоциональную версию

польской истории, которая, наверное, и является единственно адекватной. В ней есть лирический герой Анджей, чьим прототипом стал отец режиссера: он погибает в сталинских застенках. Есть другой герой, невольный предатель, виновный уже в том, что выжил, и призванный добить самого себя. И есть группа персонажей, преимущественно женского пола (их воплощает целая когорта блистательных польских актрис), чья миссия — нести память о своих мужьях, братьях, отцах вопреки официальной версии их гибели. Одна из этих женщин — польская Антигона, которая пытается символически захоронить тело своего брата с той подлинной датой смерти на могиле, которая изобличает ее виновников: ведь в советскую эпоху катынская бойня официально была списана на нацистов.

Есть в фильме и другие персонажи, и за ними тоже своя историческая правда. Они — конформисты, но не просто, а идейные, и тоже патриоты: вместо организации нового подполья и новой войны они предпочитают, чтобы Польша жила, даже не будучи пока свободной. Сам Вайда тоже жил и творил в этой несвободной Польше, он тоже жертвовал многим, но жертва его не была бесполезной. Именно там, будучи узником «социалистического лагеря», он научился видеть историю не в черно-белых, а в цветных красках: отделяя политику от культуры, экранизируя Достоевского и Булгакова и снимая в «Катыни» Сергея Гармаша в роли благородного русского офицера, тоже обреченного стать жертвой. Полезной или бесполезной — но кто в России станет считать свои жертвы? Россия — не Польша.

Можно сказать, что ключевой оппозицией польского кино — не только творчества Вайды — стали жертвенность и конформизм. Эта тема по-разному преломляется в работах Анджея Мунка и Ежи Кавалеровича, более молодых Кшиштофа Занусси и Кшиштофа Кесьлевского; ее отблеск можно увидеть даже в фильмах эмигрантов — Романа Поланского и Ежи Сколимовского, действие большинства которых разыгрывается далеко от Польши и скорее связано с европейскими и американскими жанровыми традициями.

После того как страна вырвалась из «застенков», охраняемых военной силой Кремля и Варшавского договора, польский кинематограф вот уже почти тридцать лет пытается вырваться из той модели, суть которой сформулировал Анджей Вайда. Он как-то позавидовал Ингмару Бергману, который, будучи шведом, «может позволить себе снимать кино просто про мужчину и женщину» — в то время как он, Вайда, всю жизнь «рассказывает про барышню и солдата». В этом разница между историей (включая историю культуры) Западной и Восточной Европы: в одном случае это жизнь, прерываемая вспышками войн, в другом — перманентная война, «горячая» или «холодная», с невыносимым тоталитарным давлением.

Уже в пору поздней социалистической стагнации в Польше родилось «кино морального беспокорства». Фильмы раннего Занусси и Кесьлевского отошли от романтизма Вайды, от темы исторических проклятий в сторону современных сюжетов, рассмотренных сквозь призму христианского морального кодекса. Эта модель тоже унесена в прошлое ветром истории; новые поколения польских кинематографистов предпочитают дистанцироваться и от нее. Единственный соотечественник-классик, который не кажется им архаичным, — это Роман Поланский. Молодые таланты, а они, несомненно, есть в Польше, ориентируются не на хиреющий европейский артхаус, а скорее на эстетику американских *indies* («независимых»), в которой больше витальной «неоварварской» энергии и постмодернистской свободы.

Однако хотя польская киноиндустрия добилась признания и окупаемости у себя на родине, создать продукты, на которые возник бы международный спрос, ей пока удается крайне редко. Это касается и сегмента жанрового кино, которое обычно окрашено у поляков в чересчур мрачные, ядовитые краски, и области кино авторского, вершинами которого остаются «неактуальные» Вайда, Хас и Кесьлевский. Поэтому не случайно, что и молодые кинематографисты в поисках драматических сюжетов все чаще обращаются не к относительно благополучному настоящему, а к болезненному прошлому — к эпохе между Второй мировой

войной и движением «Солидарности». Иногда это оказывается всего лишь благовидным поводом для поверхностного «ретро», но в отдельных случаях приводит к более серьезным результатам.

Самый большой успех, достигнутый на этом фоне польским кино, — фильм Павла Павликовского «Ида». Поначалу недооцененный большими фестивалями, он в итоге собрал более шестидесяти наград, включая «Оскара» — за лучший иностранный фильм. Чтобы понять причины этого феномена, надо проанализировать его прежде всего с содержательной, а также и с формальной точки зрения. «Ида» — *kammerspiele*, камерная драма, но не монодрама, как можно заключить из названия картины. В центре — судьба польской девушки-сироты, которая выросла в монастыре, собирается принять обет и стать монахиней. Но перед этим Анна решает встретиться со своей теткой Вандой — единственной живой родственницей, оставшейся на руинах войны. Между племянницей и тетей, несмотря на их полную психологическую противоположность, происходит сближение. Вдвоем они отправляются в провинциальный городок, чтобы выяснить темное прошлое своей семьи. То, что открывается им, заставляет каждую из героинь произвести расчет с собственной жизнью.

Главную смысловую нагрузку несет на себе Анна в исполнении Агаты Кулеши. Едва отойдя от стен монастыря и соприкоснувшись с внешним миром, она узнает о своем еврейском происхождении, ей открывается ее настоящее имя — Ида — и страшная правда о гибели своих родителей, которых уничтожили даже не немцы, а соседи-поляки. Ида испытывает настоящий шок и решает испытать все мирские соблазны, которых была лишена. Она словно убеждает себя в равнодушии Бога к человеческим страданиям, а может, и в его отсутствии. На самом же деле Ида всего лишь «проигрывает» невозможный для себя вариант судьбы. После первой ночи, ломая отношения с влюбленным в нее парнем, Ида, уже сознательно, возвращается в монастырь — единственное доступное ей убежище, где можно укрыться от подлостей и жестокостей мира.

Тема Холокоста в год 70-летия освобождения Освенцима, несомненно, сыграла важную роль

в триумфальной международной судьбе фильма Павликовского. На этот успех «Иды» сработал и имидж режиссера, который живет и работает в Великобритании, но снимал и в России (в фильме «Стрингер» выведен образ героя, списанного с Жириновского), и вернулся на родину ради проекта «Иды». Идея состояла в том, чтобы накопленный опыт и знание пристрастий англоязычной аудитории применить к польским фактурам, тоже хорошо знакомым режиссеру, — примерно как это сделал Роман Поланский в «Пианисте».

В фильме «Ида» пунктирными, но емкими штрихами представлена жизнь послевоенной Польши при сталинском режиме: особенно выразительно удалось передать ощущение «социалистического декаданса» — угара от первых проникновений западной музыки, моды и прочих «буржуазных влияний». Характернейшим персонажем того времени является Ванда (Агата Тшебуховска), которая потеряла ребенка в результате той еврейской трагедии, ожесточилась и стала орудием коммунистического террора. Этот образ навеян реальным прототипом, только легендарная «красная Ванда», на совести которой множество смертных приговоров, комфортно дожила свой век в Оксфорде (где ее, приятную даму на склоне лет, и встретил Павликовский) — в то время как своей героине режиссер подарил покаяние через самоубийство. Судьбы Иды и Ванды — новейший поворот темы жертвенности и конформизма, красной нитью проходящей сквозь польскую историю и культуру.

Черно-белый ретро-фильм замыслен в лучших традициях польской кинематографической школы 1950–1960-х годов — как раз когда и происходит действие картины. Впору было бы говорить о художественном шедевре, но все же режиссер не смог тягаться со своими великими предшественниками. Ни с Вайдой, ни с Кавалеровичем, чья картина «Мать Иоанна от ангелов» остается непревзойденной студией закрытого монастырского сообщества. И конечно, ни с Бергманом, который поднял на необозримую высоту психологический уровень женских дуэтов и почти исчерпал тему богооставленности. Можно было бы не замахиваться так высоко и констатировать просто крепкий професси-

ональный результат. Можно — если бы в фильме «Ида» не прозвучал мотив об уничтожении еврейской семьи соседями-поляками, а это становится суровым испытанием. Кроме того, этот мотив чрезвычайно болезнен для национальной совести. Незадолго до «Иды» скандал в Польше вызвала картина «Стерня» режиссера Владислава Пасиковского, целиком посвященная крайне неприятной для поляков теме — почти столь же неприятной, как для русских Катынь. Сходство усугубляется тем, что и в том, и в другом случае массовое убийство безоружных людей списали на немцев. Однако оккупанты тут снова оказались ни при чем. Сотни еврейских жителей деревни Едвабне, включая детей, были сожжены в амбаре: погром инициировали и учинили их польские соседи — добрые католики.

Эта история стала достоянием гласности лишь в 2000 году, после публикации книги Яна Т. Гросса «Соседи». Она-то и стала основным источником фильма, хотя речь не идет о прямой экранизации. В картине нет ретроспективных военных эпизодов, ее действие целиком происходит в наше время, в том самом местечке с разоренным еврейским кладбищем и бедной, полной повседневных забот жизнью местного населения. Теперь здесь обитают исключительно поляки (остатки евреев покинули Польшу после антисемитской кампании 1970-х годов). Главный герой фильма Юзеф и его старший брат Франек, желая или не желая того, начинают ворошить прошлое родного городка, и это приводит к новой эскалации насилия, поскольку все жители предпочитают «похоронить» эту страшную правду и яростно атакуют тех, кто презрел законы местной морали. Приходской ксендз робко пытается защитить братьев, но, увы — спокойный, мирный городок превращается в арену боевых действий — на сей раз против внутренних врагов, которых объявляют «жидовскими прихвостнями», а фильм начинает напоминать американские образцы жанра *guilty town* (вестерн о «плохих городах»).

Ни один из двух главных героев изначально не испытывает особой симпатии к евреям, скорее — наоборот. Франек, давно живущий в Чикаго, жалуется, что представители этой шустрой нации прибрали к рукам строительный бизнес и не дают

польским эмигрантам развернуться за океаном. Младший же брат, Юзеф, — вообще не от мира сего: случайно наткнувшись на плиты старых еврейских могил, он начинает разрывать и очищать их, считывать незнакомые буквы, даже пытается изучать иврит. И так погружается в это занятие, что теряет семью, становится в округе «белой вороной», а потом и средоточием всеобщей ненависти. Братями руководит упрямство и какой-то болезненный интерес: чем больше от них сокрыто, тем больше хочется им узнать, хотя знание, как известно, лишь умножает печаль. Подробности истребления евреев ужасны, а целью его, помимо прочего, было отнять их землю: одним из активистов этого дела был отец Юзефа и Франека.

В общем, братья становятся «борцами поневоле», а выпавшая на их долю миссия как бы сама ведет их по пути познания исторической правды, расплаты и искупления. На этот тернистый путь, на эту стерню зовет своих соотечественников Владислав Пасиковский. Режиссера поддержали Анджей Вайда и некоторые другие представители культурной элиты. Однако в целом реакция на фильм «Стерня», который многие польские кинотеатры принципиально отказались демонстрировать, во многом повторила его сюжет, вызвав волну националистических нападок в прессе и в Интернете. Правая «Газета Польска» охарактеризовала картину как «вредную для поляков». Аналитики констатируют парадокс: евреи, при их блистательном отсутствии, стали объектом, но не субъектом этих дебатов.

Особенно досталось исполнителю роли Юзефа — Мацею Штуру, сыну знаменитого актера Ежи Штура, награжденному за эту роль призом Польской киноакадемии. Популярный еженедельник «Впрост» поместил на обложке портрет Штура в обрамлении звезды Давида с заголовком «Мацей Штур напрашивается, чтобы его линчевали». Актера вместе с другими создателями фильма обвинили в «манипуляции историей ради коммерческого успеха» и в том, что он «выглядит на экране не как настоящий польский крестьянин, а как интеллектурал из романа Кафки». Надо признать, последнее не совсем безосновательно, а финал, где герой примеривает на себя жребий Христа, сомнителен с

точки зрения вкуса. Впрочем, до вкуса ли тут, коли речь идет о вещах, которые искусство воспроизвести бессильно?!

По сравнению с дышащей кровавым ужасом «Стерней» фильм «Ида» вызывает в сознании эпитеты *soft* и *light*. Хотя и ему досталось за прикосновение к табуированной теме: некоторые «патриоты» даже пытались опротестовать выдвижение «Иды» на премию «Оскар». Но поздно: маховик фильма был уже вовсю раскручен, и на местные дразги можно было не обращать внимания.

Не в последнюю очередь успех этой кампании был предопределен профессионализмом фильма Павликовского. Он был выдвинут на «Оскара» не только в номинации «Лучший иностранный фильм», но и в другой — «Лучшая операторская работа», в которую обычно попадают англоязычные ленты. Работа операторов Лукаша Зала и Рышарда Ленчевски действительно неординарна, им даже были посвящена большая статья в американском журнале «*American Cinematographer*», в которой подробно рассматривается постановка света и техника съемки. «Ида» снималась в «ностальгическом» формате 3x4, снималась в цвете, а затем на стадии «постпродакшн» переводилась в черно-белый формат с помощью специальной программы цветокоррекции. В лучших, самых выразительных эпизодах фильма почти нет реплик, содержание раскрывается только языком изображения. Такова первая сцена в монастыре, когда Анна под влиянием какого-то внутреннего импульса решает отложить принятие обета. Кадр формируется вертикаль: она подчеркивает одиночество девушки среди людей, в то же время над героиней остается

«небесная комната» — духовное пространство, в котором обитает часть ее существа.

Режиссер добивается «зернистости» изображения, плотного и одновременно иллюзорного. Свет, проникающий из окон, отражается от стен помещения, падает на пол солнечными зайчиками и усиливается искусственной дымкой. Часто ощущение естественного света остается иллюзией, на самом же деле его подменяют дополнительные источники освещения. Одним из них становится мерцающее пламя из горячей печи: оно выступает как образ пробуждения у Иды любопытства, чувственного желания. Мерный, кантиленный ритм фильма иногда вдруг взрывается резким переключением кадров или неожиданными, почти шокирующими мизансценами — вроде широкого плана четырех послушниц, распростертых на полу храма с раскрытыми глазами.

По словам Павликовского, фильм, который «работает», напоминает стол с четырьмя ножками равной длины: структура, актерская игра, операторская работа и звук — все эти составляющие одинаково важны. Режиссер утверждает, что «Ида» — в первую очередь фильм о самобытности и вере, и это как бы автоматически помещает его в разряд неоклассики. Но недаром один из рецензентов сравнил «Иду» с модернистскими киноопусами Маргарит Дюрас. Фильм Павликовского — это изысканный продукт постмодернизма, привлекающий точностью и тонкостью стилизации, остроумием сценарной конструкции, изяществом и холодноватой эlegantностью. Романтизм же и страстность, присущие «польской школе», похоже, остались в историческом прошлом. ● ● ●

ПОЛЬСКИЕ СТРАСТИ ПО ИДЕ

Наталия ИСАЕВА

Вот фильм, который перебил нам верный «Оскар» для нашего «Левиафана»: фильм более сдержанный, по-западному выверенный и приглушенный, но вместе с тем и более общий, более универсальный, более сфокусированный на общечеловеческих проблемах, внятных всем.

«Ида» («Ida») Павла Павликовского (Paweł Pawlikowski), режиссера, живущего в Лондоне, но вот так мощно вернувшегося на свою родину. Если для нас до окончания веков, наверное, будет важной проблема несчастного нашего общества, почти уже сожранного изнутри мощным зверем одичавшей власти, то для поляков болезненно отзывается и мучительная война с ее разрывами и раздрызгами истории, но также, конечно, и проблема антисемитизма. Консолидирующейся и почти гомогенной стране стало важно узнавать о себе нечто существенное, пусть и мучительно-постыдное, ну хотя бы — чтобы идти дальше... Правда, говорят, в Польше (как и у нас с «Левиафаном») были большие споры об этом фильме в контексте темы о мере ответственности всего народа — равно как и о мере открытости, с которой об этих сюжетах вообще можно говорить.

А «Шоа», Холокост для поляков — тема из самых болезненных. Тут даже прививка демократии не всегда помогает, а общество неминуемо раскалывается (ну, как мы — на имперской идее, будь она неладна!). Конечно, «Ида» — это не «Стерня» («Pokośie» — одновременно и «Жнивьё», и «Последствия»). «Стерня» Владислава Пасиковского (Władysław Pasikowski), вышедшая на экраны в 2012-м, прямо рассказывает о страшном «последствии» еврейского погрома в Едвабне, где поляки заживо сожгли в амбаре почти четыре сотни евреев. Картина Павликовского — как бы абстрактнее и «небеснее», она и гораздо более сдержанна, и более искусна чисто профессионально...

Фильм декоративный, стильный, красивый — он увлекает дальней такой, уже неопасной красотой... Я даже удивилась, когда узнала, что вот в Польше были протесты. Мол, «очернение», «клевета», «сгущение красок». А краски, если и сгущаются, то лишь для того, чтобы сразу же потухнуть, приглушиться, уйти в патину. Так красили, колеровали в однотонную сепию, в старые краски уже обезвреженное прошлое, так декоративно выхолащивали (и украшали) смерть, что хороша бывает только упрямым своим уродством... Стилизация под 60-е годы, и не только в цвете, но и форматом: оператор выбрал развертку 3 на 4, словно бы подогнанную под ту еще, 35-миллиметровую пленку... Над картинкой трудился, конечно, не только режиссер, но и молодой оператор Лукаш Зал (Łukasz Zał), попавший в команду почти случайно и прежде работавший по преимуществу в документальном кино. Да и сам кадр тут высвечен наподобие полотен Вермера Делфтского — в этой заглаженной технике лессировочной «велатуры», где наложены друг на друга многие тончайшие живописные слои, где лица и предметы словно светятся изнутри, освещая собою и тусклое, высокое небо, и чернеющие червоточины события... Лицо актрисы, совершенно нездешнее, — пока оно (большую часть фильма) убрано под монашескую накидку, — более всего напоминало мне «Девушку с сережкой» Вермера. Тем более что часть кадра над головой Анны так и остается у оператора незанятой, незаселённой,

создавая для зрителя воздух и возможность дышать, улетать в невысокое поднебесье.

История начинается музыкой Баха и почти средневековой картинкой монастырского дворика, где сестры выносят к церковному празднику скульптуру Христа, как бы готовя его к погребению... Странная, по-своему размеренная и неспешная жизнь католической обители: трапезная, часовня, тихое молчание, монахини и послушницы... Все уже ясно в этой жизни: решение принято, молитва не напрасна. Вот одна из тех, кто готовит себя к завидной участи — стать невестой Христовой, но вдруг: попадает в некую заминку? Проходит испытание? Поддается искушению? Короче, вот девочка с этим ясным лицом невероятной чистоты, вот эта вермеровская Анна (ее играет — удивительно сдержанно и светло — непрофессиональная актриса Агата Тшебуховска — Agata Trzebuchowska) вдруг узнаёт, что на самом деле она еврейка, имя ее не Анна, но Ида, Ида Лебенштайн («камушек жизни», да?), и у нее есть родная тетка, которая желает видеть ее перед пострижением.

Дальше идет само путешествие с теткой (а ее как раз играет очень известная актриса Агата Кулеша — Agata Kulesza, отличная, умелая профессионалка) — две женщины отправляются вдвоем за своим прошлым. Та самая тетка, «крыжая Ванда», в прошлом — грозный окружной прокурор, — та тетка, что не смогла или не захотела взять племянницу из приюта... Та тетка, что, пока была одна, — так и не решилась сама узнать, что произошло с семьей сестры и с ее собственным сыном... Совсем другой мир по сравнению с монастырским двориком, бесчисленные теткин ухажеры, ее сигареты, ее бесконечные стаканчики — чего покрепче — дома и в придорожных кабачках, ее элегантная, печальная роскошь, ее злость и беспросветная тоска. Вскорости всплывает и вся прежняя история — стоило лишь копнуть. Нет, не лагерь, нет, не звери-немцы. Почти сразу же находится и поляк-убийца, чья семья до сих пор (то есть до шестидесятых, в которые как бы и развертывается вся история) живет в доме соседей преданных и погубленных им.

Заклучена сделка, на которую без Иды не хотела решиться прокурорша: пусть себе живут дальше — в обмен на указание безымянной могилы.

Беспутная Ванда, которой море по колено, и кроткая Ида вместе стоят над раскопанной ямой, вместе укутывают почти невесомые, кукольные останки женщины и мальчика — вот так, в плед, в полотенце, последним движением трепетной человеческой ласки... Принять, согреть, донести до семейного кладбища... — «Надо бы священника!» — «А может, все-таки раввина?» Убивал лопатой тот же поляк, какое-то время назад прятанный соседней от нацистов. Что сработало для него тогда? Страх — ну конечно... И крестьянская прижимистость, корысть... И вот это общее расчеловечивание, когда мы готовы дружно и с такой легкостью признать: евреи (украинцы, американцы, далее везде...) как бы не совсем люди, иначе живут, иначе вот чувствуют. Холокост, который обрушился не только на невинных, о нет! — здесь это подлинно вселенская катастрофа, «Всесожжение», которое коснулось не одних лишь жертв, но страшно опалило прежде всего палачей, поделщиков и даже просто свидетелей.

А соблазниться может каждый. Как там говорил Адорно — после Освенцима невозможны стихи? Вот Пауль Целан, у которого погибли в лагере родители, Целан, который и сам был арестован, — он же написал в 1945 году, на немецком, свою «Фугу смерти» («Todesfuge»), где после равного соблазна — как бы просвечивая друг в друге, сплетаясь в воздушной могиле, лежат потом вместе и златокудрая Маргрете (Маргарита всех немецких Фаустов), и пепельноволокная Суламифь. «Черное молоко рассвета пьем мы ночами, / пьем среди дня, по утрам, и пьем мы к ночи, / мы пьем и пьем... / ...он кричит: играй слаще смерть, и смерть — хозяин наш из Германии...»

Смерть — не только голубоглазый юноша в офицерском мундире, но и грузноватый польский крестьянин с лопатой... И та же Суламифь — только теперь волосы другого цвета (впрочем, в нашем черно-белом фильме не разберешь), наша рыжая

Ида хочет понять, хочет разгадки. Если Ванда желает прежде всего правды как верной истории, как парафраза этической притчи, желает полного признания преступника (и узнав всё, может лишь как страшная ночная птица вылететь ранним утром в окно, разбившись насмерть, — здесь простить, сжиться, переболеть — как-то не получается), то Ида идет за другим. Ее путешествие иное. Она узнала здесь свое настоящее имя (и по звучанию — это одновременно знак неотменимого еврейства с этой огласовкой на просторечном идише, и Фрейдово обозначение нижнего пласта нашего подсознания, того «ид», которое мы обнаруживаем в себе как грязное варево страстей, как хаос первичных сновидений и импульсов. Знак крови и знак первичной, мутной страсти. Послушница, чудом спасенная в раннем детстве, могла бы обойтись, хотела же — обойтись, просачковать, уклониться от испытания. Не вышло. Поэтому — как дальше у того же Целана в его «Фуге» — она сама играет со Змеем, она пытается понять до конца, до самого низа: где там страх, где ненависть, где любовь? Где эти нижние, первородные страсти, от которых она так легко (слишком легко!) готова была отказаться?

Пустьшное приключение по дороге: славный парень, музыкант-саксофонист из какой-то там эстрадной группы, тот, кто шелохнулся в сердце иначе, с другой стороны... Ну вот же: всё так просто решается, да и поляки находят, наконец, своих уже почти несуществующих, куда-то вдруг растворившихся в пространстве евреев... Еще можно всё поправить! Любовь, искренняя привязанность, постель наконец! И смешные слова, за которыми для нас, проживших в иной, сдвинутой реальности, навязчиво узнается пошловатый, уже ушедший стишок: «И спрашивала шепотом: / а что потом, а что потом?» Мальчик же предлагает: море, живую жизнь, детей. Но она не берет.

Не буду продолжать говорить пошлости, легко и мелко объясняя отказ прекрасными, но уж слишком захватанными у нас строчками Арсения Тарковского: «Мир промыт как стекло — / Только этого мало!» Важно ведь не просто знать: важно

иметь в опыте. Не вообще открывать архивы, или узнавать на уроке об истории семьи или страны (даже точный рассказ, даже фотки, даже свидетельства не помогают — нам ведь не помогли в перестройку и в «лихие» девяностые», нас ведь не спасло это знание!). Важно вынуть из земли — почти физически, тактильно — родные тела, такие маленькие, съезжившиеся — сколько их там осталось, не похороненных по-человечески. После войны, после пыток, расстрелов и лагерей.

Сохранить память в пальцах — а значит, и в сердце. Это так же важно, как важно послушничеству «познать» любовь — в самом библейском, сакральном смысле. Пройти через соблазн. Иметь в опыте. Чтобы потом — выбрать новое рождение и иметь право на новое имя, вернувшись в монастырь. Получить в награду и в отместку свое Воскресение и свое Рождество.

* * *

Попробую тут же, сбоку, на полях — рассказать о другом, но близком. Через театр. Через кино.

Смерть (и Холокост в том числе) — важнейший сюжет для польского театра. В пределах одного поколения (поблизости от конца тех шестидесятых, что были выбраны Павликовским) появляются три значительнейших спектакля: «Акрополис» («Akropolis») Ежи Гротовского (Jerzy Grotowski) (1962), «Реплика» («Replika») Юзефа Шайны (Józef Szajna) (1973) и «Умерший класс» («Umarta klasa») Тадеуша Кантора (Tadeusz Kantor) (1975). Почти без слов, с болезненной и цепкой сценографией, которая не отпускает тебя, даже если хочешь забыть...

Мучительное строительство некой градообразующей, «государственной» конструкции в спектакле Ежи Гротовского, когда толпа оборванных и израненных людей тащит отовсюду куски дерева и железа, тряпки и покалеченные, давно составившиеся предметы, старательно размещает их на покосившейся платформе или ящике в центре небольшого зала. Крики и ругань, скрежет железа, обрывки стихов Выспяньского, утлый голосок еврейской скрипочки...

Жертвы и палачи практически неотличимы друг от друга, всем им придется в конце концов забраться внутрь своего сооружения, над которым тоненькой струйкой поднимется дымок крематория...

Шайна (работавший, кстати, сценографом и художником по костюмам на постановке «Акрополиса»), сам был узником Освенцима (Аушвица, как теперь поляки требуют называть) и Бухенвальда. Пожалуй, в большинстве своих спектаклей (и как художник, и позднее как режиссер) он работает с прямыми отсылками к этому образу концлагеря, к этим остаткам прошлого, лоскуткам бумаги и картона, обломкам вещей, тянущих за собой уже убитых — и продолжающих убивать живых людей.

Для меня же самое недавнее впечатление, выловленное из Леты, только что проходивший в Париже апрельский Вечер памяти Кантора, приуроченный к его столетнему юбилею... Показывали и его спектакль, восстановленный живьем в Париже, в Шайо, за год до смерти Кантора, в 1989-м. Там, в «Умершем классе», каждый из персонажей — уже растаявших в земле, уже погибших, выходит перед нами в процессии, и каждый несет на руках куклу, щуплый манекен. Свое собственное тело в детстве — так похожее на ссохшиеся скелетики, которые Ванда с Идой выколупывают из земли... Такие же беззащитные, погибшие, сваленные потом в кучу брошенных, поломанных игрушек. А воротившиеся мертвецы судорожно пытаются восстановить, вспомнить хоть что-то из прошлой жизни... Это, помнится, еще духовидец Сведенборг говорил, что когда мы пытаемся установить контакт с ушедшими близкими, мы получаем в итоге лишь осколки, битые черепки прежней личности, обрывки сновидений... Что-то шепчут, маршируют, еще пытаются пробиться к нам, живым. И в этих страшных и гротескных фигурах мелькают какие-то частичные лица, воспоминания, захваченные мелкой, скребущейся страстью, полусложенными звуками, обрывками фраз... Кто-то прихватил с собой ружье из прошлой жизни, у кого-то флаг или детский велосипед.

(Как у Маши Степановой:
*Между нежить и выжить,
 между жить и не жить
 Есть секретное место, какое
 Не умею украсть, не могу заслужить,
 Не желаю оставить в покое.
 В самой мертвой из точек у сердца земли,
 Во пустом рукаве, в непроглядной пыли
 Бесконечных нетопленных горниц,
 Оживляемых голосом горлиц...)*

И, посаженные за парту, эти бродячие души всё силятся вспомнить, склеиться, достичь полноты. Но, смотрит за этим режиссер — Кантор (прямо по говорящему своему имени — как регент хора), он тут же, на сцене, редко когда видимый для персонажей, но всегда присутствующий. Как дирижер оркестра, как сам Господь... Только он может подсказать, куда возвращаться за своим детством, как обходиться со своими страхами и смертным ужасом. Как спастись потом в целокупность, в единство сохраненной личности.

И еще одно впечатление, совсем недавнее. Еще один черно-белый фильм, только документальный, совпавший по времени с «Идой» (он тоже снят в 2013), режиссер Годфри Реджио (Godfrey Reggio), «Посетители» («Visitors»). Там крупным планом — лица людей, которые долго смотрят нам в глаза (на самом деле — на экран, скажем, компьютера). И еще видны иногда пальцы, играющие по клавишам того же гаджета (на невидимой клавиатуре). И бурные переживания — вдруг. И заброшенная Земля, с пустыми кладбищами, луна-парками, мертвыми озерами. Текста нет, только музыка Филиппа Гласса. Гласс, конечно, как все минималисты, насквозь индийский... Чистая индийская «рага»; тут обычно говорят: «медитативная», что совершенно неверно, поверхностно, поскольку (уже по самому техническому санскритскому термину) тут раскручивается-закручивается «страсть», «чувство», ну хотя бы — «настроение». И у меня от фильма ощущение вовсе не медитативное, но, напротив, очень тревожное... Я понимаю, что их взгляд идет сквозь нас, просто на монитор, но мне как-то не по себе... Очень тихий,

очень протяжный, растянутый — конец света. В общем, Апокалипсис... Трикси, эта горилла, чья морда появляется среди прочих лиц, — это тот, кто придет после нас? Она ведь не параллельно, наряду с прочими, она скорее там — с брошенными зданиями, мертвым озером, стаяй чаек... А мы-то куда делись?

Только вот еще, минуточку назад — смотрели, кричали... Все-таки живой театр лучше, чем экран, — он не предполагает непереносимой гибели... Посетители. Но в конечном раскладе: не «Они уже среди нас!», а «Мы уже среди них!». Мы — страшнее... Кто же здесь — вот эти «мы», что пришли сюда, на блюдечко Земли, после всех катастроф и Холокостов?

***

Собственно, «Ида» — как раз очень хорошая иллюстрация к нашей истории: успокоение ПОСЛЕ. Эта совсем еще юная девочка не отчаялась ведь после отчаяния, но прямо и твердо запретила себе нечто. Запретила страсть (я говорю не о сексе, не о любви, которые она для чистоты эксперимента все-таки попробовала), я говорю об ослепительной (и спящей) страсти ненависти. Но эта страсть (в потенции, в свернутом состоянии — как змея Кундалини) остается в ней — как и в каждом из нас. Потому мне страшно понравился этот черно-белый мир, который так прекрасен, так декоративен. Он так хорош не потому, что эстетически тут разыграна беспроектная карта (изысканное изображение, неоспоримая элегантность), но только потому, что мы как зрители знаем (нам специально сообщили): внутри этой прекраснейшей картинке спрятан цвет. Цвет РУДОЙ (вполне вероятно, «Кровавой») Ванды, масть рыжей Иды... Потому что — с другой стороны нашего безвыходного положения — ясно, что если этого пламени нет (хоть в скрученном штопоре, хоть внутри смотанного клубочка, внутри захлопнувшейся раковины) — ничего не нужно, все плоско и напрасно... И любое искупление, любое раскаяние не будут подлинными, если не пройти через страсть и разрыв, которые в снятом виде всегда остаются в сфере медитации и рефлексии, в сфере спокойной памяти. Ох, страшно накликают на будущее! Но покой и красота, они даются только — после...

Богослов Кьеркегор, который знать еще не знал обо всех этих ужасах и страстях Новейшего времени, очень ясно, снова и снова повторял в своем трактате «Болезнь к смерти» («Sygdommen til Døden»), что достижение света возможно лишь через отчаяние, что только проведя человека через все перипетии его земного существования, вплоть до порога самой смерти, отчаяние раскрывается наконец перед нами как подлинно творческая, преобразующая сила. Он говорил: каждый сам пишет свиток своей жизни, но пишет его симпатическими чернилами, которые становятся видимы лишь при сиянии вечного света...

Гибнуть мы можем и общей размазанной, грязной массой, но вот спастись — и в этическом, и в религиозном смысле — можно лишь индивидуально. И каждому придется проделать эту работу самому... Вопреки преступным властям, вопреки предавшей нас Церкви — придется уберечь от поругания — ну если не жизнь, то саму живую человеческую душу. Уклониться не получится.

Кажется мне иногда, что и высшее милосердие Господа — это вовсе не опека над невзрослыми, не защита трусливых, но скорее Его рискованное стремление дать каждому из нас свободу в опыте, в реальном переживании, а не в книжных рассуждениях.

Точно так же, как Он дарует нам любовь и смерть — в вольном допуске, в художественном упражнении нашей собственной жизни. С точки зрения того же Кьеркегора, возможность свободного творчества (равно как и возможность религиозной этики) укоренена в реальном «событии» («Begivenhed»), и имя этому событию — отчаяние («Fortvivlelse»).

Ну, а для всех нас в России сейчас наступил не просто «Шабат», когда действие и время пресекаются, но та страшная Суббота богооставленности, когда все мы чувствуем себя брошенными сиротами-евреями в католическом приюте. Когда ждем одного — восстановления целостности. Я иногда боюсь, что для нас момент уже упущен и мы так и будем до скончания веков бродить по полям прошлых и нынешних кровавых битв, судорожно держась на ходу, как мертвецы-марионетки Кантора.

Всё пытаюсь вспомнить: как же это было? И истинная страсть, и великодушие, и песенки-то, песенки были, и книжки! Ведь еще так недавно — даже и при нашей жизни — всё же как-то клеилось вместе. А теперь вот все мы застряли в черных кишках Левиафана: не продохнуть, не выплыть! Поляки-то, кажется, восстанавливают единство памяти, единство истории (пусть временами болезненной и постыдной), единство веры и любви. Они, кажется, поняли, что после страшной своей смерти и похорон Бог не просто воскресает, Он сам приходит к нам Воскресеньем и Рождеством. И в предчувствии этого Казимира Иллакович (Kazimiera Iłkowińszówna), польская поэтесса, вернувшаяся на родину после кромешной войны, смогла всё же рассказать, как только после бури, в тишине, мы можем надеяться различить где-то совсем рядом живое дыхание Бога:

*А осёл — непонятно: слышит или
не слышит,
Только длинным ухом поводит и шкурой
колышет,
Да на младенца в яслях дышит, заботливо
дышит.*

По страницам журнала «Новая Польша»
Обозрение

ПОЛЬСКИЙ ТЕАТР

...Мы обычно внимательнее следим за действием спектакля, разыгрывающегося на политической сцене, чем на театральных подмостках, хотя давно известно, что обе эти площадки подчас тесно связаны друг с другом. Иногда театр становится художественным комментарием к событиям общественной жизни, порой он является выражением злободневных общественных настроений. Но бывает и по-другому, как в драматургии Станислава Игнация Виткевича: театр порождает видения, являющиеся предчувствием именно того, что должно случиться. От того, сумеет ли театр соответствовать не только требованиям Искусства с большой буквы, но и ожиданиям публики, зависит его популярность. Когда в 1970-е годы официальный театр ПНР, заблокированный цензурными табу, был не в состоянии выразить общественные устремления и настроения, они нашли свое отражение в студенческом театре, в меньшей мере подверженном запретам. Подтверждением тому — текст одного из самых видных послевоенных театральных критиков Константина Пузыны, который, вместо того чтобы комментировать происходящее на сценах государственных театров, стал писать о событиях «неофициальной» сцены и призывал: «Нам нужна смелость собственного суждения и толерантность к чужой инаковости<...>. И требуется ускорение. Ускорение перемен в культуре и укладе жизни, в общественной ментальности и административных структурах, сковывающих, как пояс целомудрия. Прежде всего в экономике и политике. Без этих перемен мы не продвинемся далеко, в том числе и в театре». Обратим внимание — этот текст датирован 22-м сентября 1970 года.

И сегодня перемены в театре остаются предметом критического переосмысления... Впрочем, в целом проблематика финансирования культуры постоянно оказывается предметом общественных дебатов, и не только в Польше, но и во Франции или в Германии. Безумно трудно втолковать в головы политиков, что финансирование науки и культуры — это вопрос не дотаций, а инвестиций, только эти инвестиции окупятся иногда лет через двадцать, в то время как политики в демократических странах мыслят лишь сроками от выборов до выборов.

Кристина Дунец пишет: «Опросы публики варшавских театров показывают, что в театры люди ходят так же, как посещают музеи и художественные галереи. Спектакль становится чем-то вроде выставки, которую, как говорят все знакомые, стоит посмотреть. Пойти в театр — это словно “нанести визит”, часто праздничный, но формальный. <...> Представляется, что нынешнюю театральную активность можно считать случайной, можно говорить об эрозии театральной среды, а зрителей считать фланёрами и денди... Молодым зрителям театр кажется разновидностью гаджета, которым иногда пользуются, потому что порекомендовали знакомые; клубом, где можно встретиться с друзьями и хорошо провести какое-то время, чтобы потом в него вернуться, а может, и нет. <...> Такое положение может изменить прежде всего образование, понимаемое как попытка научить зрителя более чутко воспринимать околотеатральные контексты, общественное пространство, в которое вписан художественный театр, язык перформативного искусства. <...>Чтобы понять творческие искания современного театра,

художников, актеров, драматургов, сегодня требуется не только коммуникативная память. Необходимо пробудить в себе или вернуть культурную память, что возможно опять же с помощью всестороннего гуманитарного образования. <...> Это будет означать перемену в отношениях зрителя с театром: от стремления участвовать в культуре к интересу к самой культуре. Тогда современный театр с его демонтажем эстетических и культурных стереотипов, с защитой того, что ненормативно и замалчивается, социально и культурно колонизировано, сможет сыграть свойственную ему культурную и политическую роль».

Однако вызывает опасение, что именно эта роль театра, с точки зрения политиков, наименее желательна, а что касается поддержки всестороннего гуманитарного образования, то здесь тоже можно сомневаться. Не случайно Мартин Круль в очерке «Почему мы должны измениться?» (газета «Выборча», № 74/2014) писал: «Не гуманитарные науки, не ученые измелчали, а весь мир вокруг них: начиная с денег и законов и заканчивая полным отсутствием понимания, что такое университет. Досадно. Скажу кратко: тот, кто думает, что университет — это высшая школа, в которой приобретается профессия, — тот неисправимый осел». Следовало бы добавить, что политики, которые таким образом понимают миссию университета, осознанно или нет действуют во вред обществу. Если сознательно — это преступники; если неосознанно — просто идиоты.

Однако вернемся к театру. В газете «Выборча» Роман Павловский в статье «Что создает из поляков сообщество?» подводит итог переменам в театре после 1989 года: «Если бы меня 20 лет назад спросили, выдержал ли польский театр экзамен на свободу, ответ был бы — нет. Перелом 1989 года его полностью ошеломил. Театр, который почти полвека заменял отсутствующие институты общественной жизни, был форумом для политической дискуссии и святыней национальной идентичности, изо дня в день ниспадал до роли одного из многих развлечений

и полностью себя потерял. Вместо того чтобы заняться огромными переменами в мышлении людей, старался найти себя в рыночной действительности. <...>

Были исключения. Через год после первых демократических выборов Миколай Грабовский поставил в Театре СТУ спектакль «Описание обычаев» по книге историка XVIII века ксендза Енджея Китовича. Это была попытка заново определить польскую идентичность, ранее строившуюся на основе романтической идеи борьбы и мессианстве. Точкой отсчета Грабовский избрал эпоху саксонских королей, времена упадка шляхетской демократии, коррупции, паралича государства. Он предупреждал, что сарматская ментальность вернулась к полякам вместе со свободой — и вновь грозит анархией. Проблему свободы в Польше затрагивала также «Свадьба» Гомбровича в «Старом театре». Ежи Яроцкий показывал гибель прежнего мира патриархальной власти и страх перед наступающей новой действительностью, в которой человек должен сам себе создавать свой мир. <...> Однако в повседневном репертуаре господствовали западные фарсы и мелодрамы». К тому же начались экономические проблемы...

«Как же случилось, — пишет далее Павловский, — что театр, которому в начале 90-х годов грозила маргинализация, вновь обрел высокий ранг в общественной жизни? <...> Это обеспечили две волны новых творцов. Первая, которую критик Петр Грущинский назвал группой «более молодых, более способных», заявила о себе в середине 90-х годов. К ней принадлежали, например, Анна Аугустиняк, Збигнев Бжоза, Петр Цепляк, Гжегож Яжина, Павел Миськевич, Кшиштоф Варликовский. Их заслугой стало распространение нового театрального языка и новое понимание роли театра в обществе. Театр был для них не эрзацем свободы, не оружием в борьбе за сохранение национальной идентичности, но инструментом самовыражения. Можно сказать, что это поколение приватизировало эмоции, изменило перспективу — с общественной на интимную. Его представители

преодолевали религиозные и бытовые табу, выводили на свет обычно скрываемые темы: вопросы сексуальной идентичности, депрессии, губительных семейных уз. <...> Этот новый театр помогал своим зрителям найти себя в новой, запутанной действительности. Об этом говорил Варликовский: «Во времена коммунизма у нас была Церковь как убежище. С ней боролась определенная идеология, но Церковь была по необходимости однозначной. А сегодня и Церковь не однозначна, и никакая идеология не сильна настолько, чтобы овладеть нашими умами. Мы столкнулись с неоднозначностью, то есть мы — очень потерявшиеся люди».

Павловский справедливо замечает, что вдохновителем перемен был несколько старший, чем «более молодые, более способные», режиссер и преподаватель Краковской театральной школы Кристиан Люпа. После «молодых способных» пришла следующая волна: «Вторая волна нового театра совпала с началом нового века. В 2003 г. в провинциальном Валбжихе малоизвестный режиссер Ян Клята поставил «Ревизора» Гоголя. Действие из России XIX века перенес в Польшу 70-х годов — в эпоху, когда страна открылась на Запад, захлебнулась покупками в кредит, но одновременно ее залила волна деспотизма и коррупции. Клята искал в ней симптомы болезни, которой страдала Третья Речь Посполитая. <...> Во второй волне — политического театра — главенствующее место заняли драматурги Михал Вальчак, Павел Демирский, Павел Саля, Пшемислав Войцешек, которые «без анестезии»

показывали моральный кризис, распад традиционной семьи, падение авторитета Церкви, консьюмеризм, насилие, отчуждение и неравенство — явления, которые усилились на рубеже веков. Драматурги вставали на сторону тех, кто оказался в аутсайдерах по экономическим причинам или в силу жизненных обстоятельств. Новая драматургия тем самым предчувствовала наступающий политический и общественный поворот, вызванный фрустрацией части общества, разочарованной результатами реформ. <...> Обе волны — режиссуры и новой драматургии — подготовили возможность возрождения публичного театра. А также привлекли нового зрителя. Польский театр сохранил демократический характер — это по-прежнему место, где встречаются люди разных социальных слоев, разных поколений <...>».

После двух десятилетий свободы театр вновь задается вопросом: что создает из поляков сообщество? Как в пьесе Дороты Масловской «У нас все хорошо», в которой общей точкой отсчета для героев оказывается память о войне и Варшавском восстании... «О силе и статусе театра свидетельствует его способность задавать трудные вопросы и принимать участие в самых важных дискуссиях и спорах... Не подлежит сомнению, что в Польше (но только ли в Польше?) есть политики, которые мечтают о закованной в униформу и не задающей неудобных вопросов «культурной политике» — о чем-то таком, что имеет мало общего и с культурой, и с политикой.

Лешек Шаруга. Выписки из культурной периодики (журнал «Новая Польша» № 5. 2014).

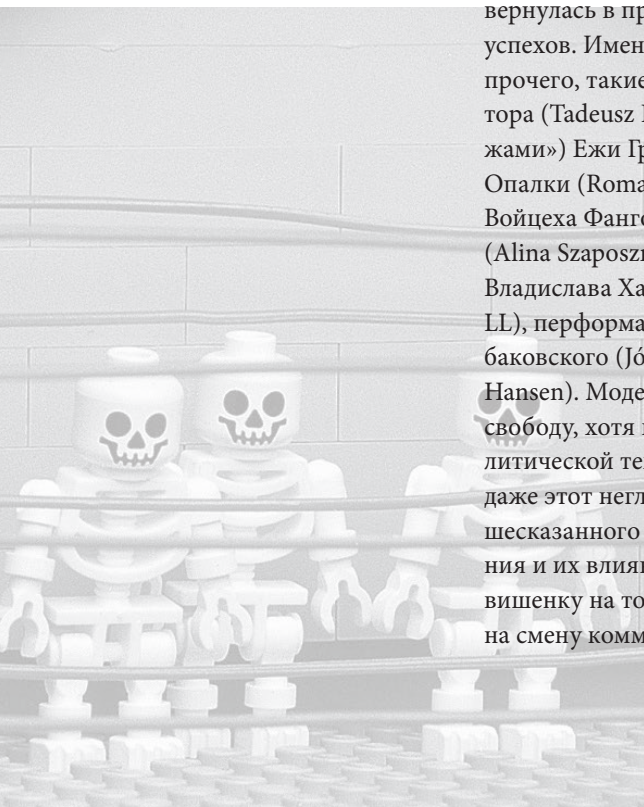
ПОЛЬСКОЕ

ПОЛЬСКОЕ ИСКУССТВО

ПОЛЬСКОЕ ИСКУССТВО

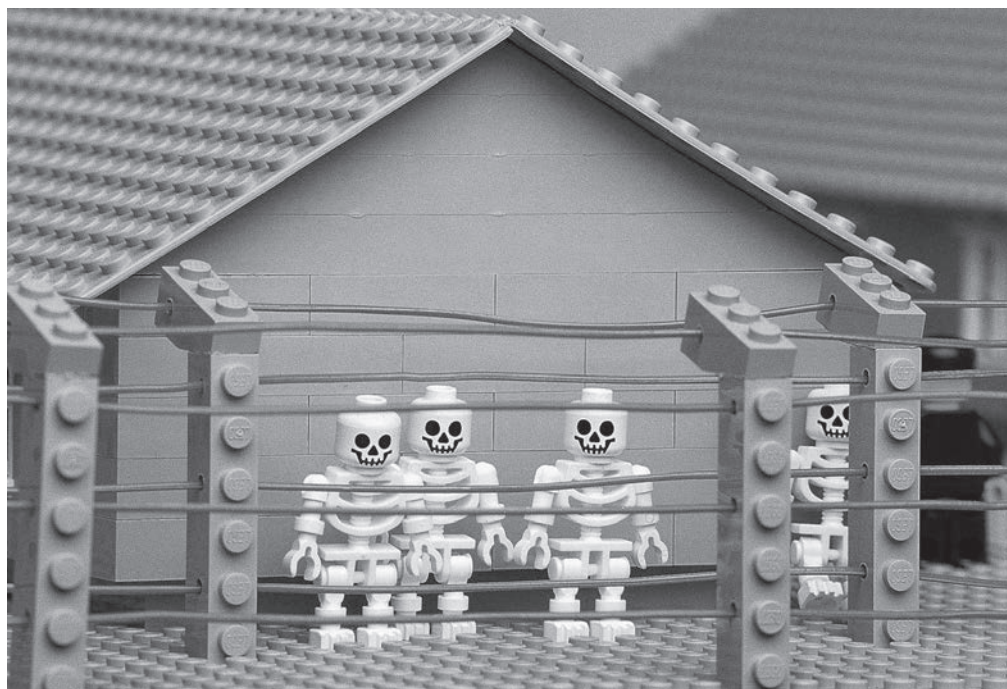
Анна МАРКОВСКАЯ

Еще до недавнего времени весьма широко было распространено мнение, что, мол, обретение независимости Польшей никак не повлияло на ее искусство. Считалось, что поляки отвоевали себе в этой области большое поле свобод еще на волне «оттепели» и после событий октября 1956 года. В отличие от художников из других стран Восточной Европы, нас не принуждали придерживаться соцреализма, а относительно короткий период, когда его насильственно внедряли в искусство (1950 — 1955), обернулся национальной травмой. После столь неудачного эксперимента культура вернулась в прежнее русло, и грешно было бы жаловаться на недостаток успехов. Именно в Польской Народной Республике возникли, в числе прочего, такие театральные шедевры, как «Умерший класс» Тадеуша Кантора (Tadeusz Kantor) и «*Apocalypsis cum figuris*» («Апокалипсис с персонажами») Ежи Гротовского (Jerzy Grotowski), знаменитые картины Романа Опалки (Roman Opalka), Анджея Врублевского (Andrzej Wróblewski) и Войцеха Фангора (Wojciech Fangor), скульптуры Алины Шапошников (Alina Szaposznikow), Магдалены Абаканович (Magdalena Abakanowicz) и Владислава Хасиора (Władysław Hasior), фотографии Наталии ЛЛ (Natalia LL), перформансы Эвы Партум (Ewa Partum), фильмы-видео Юзефа Робаковского (Józef Robakowski) и архитектор-проекты Оскара Хансена (Oskar Hansen). Модернистское искусство дало художникам относительную свободу, хотя цена такой свободы известна — отказ от обращения к политической тематике. Но после введения военного положения в 1981 году даже этот негласный консенсус оказался расторгнут. С учетом всего вышесказанного наступившие после 1989 года политические преобразования и их влияние на искусство можно интерпретировать всего лишь как вишенку на торте. Тем не менее, на поверку оказывается, что пришедший на смену коммунизму совершенно иной политический и экономический

ПОСЛЕ 1989 ГОДА

Zbigniew Libera, *Lego*.
Obóz koncentracyjny,
 1996, благодаря
 любезности галереи
 «Растер» (Raster)
[http://wyborcza.pl/1,
 76842,10895130,
 Zebrano_na__Lego__
 Libery.html](http://wyborcza.pl/1,76842,10895130,Zebrano_na__Lego__Libery.html)

контекст, вынуждающий внести в ментальность и обычаи общества некие коррективы, нельзя трактовать с подобной беспечностью. В 25-ю годовщину свободных выборов стоило бы взглянуть на искусство Польши не так, как прежде: возникшая ситуация создала для творческой личности новое поле деятельности, новую конъюнктуру, открыла новые горизонты, поскольку государство перестало быть монополистом в организации жизни художников — в широком понимании этого слова. Цивилизационный прогресс, достигнутый после вступления в Европейский Союз, а также связанная с этим распаханность перед всем миром существенно изменили страну. И хотя рождение демократического государства пока не принесло решения многих общественных и экономических проблем, тем не менее наконец-то можно было говорить о них в открытую и им противодействовать. Исчез универсальный человек, зато возникли вопросы о различии в самоидентификации, о дискриминации и отчуждении. Появилось искусство, наново переписывающее историю Польши, ликвидирующее целые пласты идеологической лжи и порой затрагивающее весьма

болезненные вопросы. Возникли настоящие гражданские институты культуры, которыми уже не руководили партийные оппортунисты. Кроме того, возникла масса частных институтов — галереи, фонды, творческие союзы, издательства, кооперативы. Стал слышен голос защитников животных и межвидового разнообразия, а вдобавок произошел разворот в сторону экологического искусства. Художественным стратегом стало здесь, с одной стороны, то, что приобретало известность в массовой медиа (кошунство, скандалы, популярность), а с другой — общественно ангажированное искусство, некогда скомпрометированное соцреализмом, упрощенчеством и служением режиму. Однако неожиданно оказалось, что существует также превентивная цензура, а художника — конкретно: Дороту Незнальскую² (Dorota Nieznalska, р. 1973) можно

подвергнуть продолжавшемуся 8 лет и исковеркавшему личность и карьеру судебному процессу. А все это — результат лакейской цензуры, взывающей к «уважению религиозных чувств», в защиту которых высказываются — по мнению большинства, намного чаще, чем требуется, — иерархи католической Церкви. Новое независимое государство, о котором многие не смели даже мечтать, оказалось трудным заданием. Появилась, например, проблема с утратой локальной специфики, которую начал поглощать глобальный *art world* (*мир искусства*). В результате проблема построения локальной иерархии ценностей осложнилась, пробудился усиленный интерес к искусству ближайших соседей, что обусловило появление многочисленных идей для трансграничных художественных проектов. В то же время изменилась карта Европы, а доступ к интернету и развитие сети воздушных сообщений привело к тому, что полякам стала близка не только Испания и Британские острова, но и Китай или Япония. Работа с наиболее оптимистическим видением нового искусства в Польше вышла из-под пера Павла Лешковича (Paweł Leszkowicz). Тесно связав демократию с изящными искусствами, он пришел к выводу, что только «раскрепощение» акта — особенно мужского — в польском искусстве нового столетия является симптомом современного возрождения, ибо до этого для чувственных мужских актов в «лишенной свободы, ханжеской, социалистической, а затем и католической культуре не было места»³.

Эйфория от провозглашения независимости в 1989 году в первое время до известной степени затуманивала невзгоды периода трансформации — именно тогда пришло время трудных реформ, в результате которых плановое хозяйство уступило место новой экономической системе, основанной на рынке и частной собственности. В 1993 году президент Лех Валенса добился полного вывода из Польши советских войск, а значительно раньше, в 1990-м, была упразднена цензура, и страна выбрала собственный путь развития. Независимость Польши — мечта миллионов поляков — на поверку оказалась трудным даром: нельзя было воспользоваться им как по команде, следовало научиться рассчитывать только на себя, работать на совесть и восстановить общественные связи. Одновременно нужно было примириться с новыми, присущими капитализму коммерческими правилами игры, без каких-либо субсидий. На волне неolibеральных реформ 1990-х годов деятели искусства потеряли массу привилегий, в том числе государственные студии, выгодные регуляции, касающиеся пенсий; к тому же рухнула система

Katarzyna Kozyra, *Łaźnia męska*, 1999,
 благодаря любезности художницы [http://
 culture.pl/pl/wydarzenie/katarzyna-kozyra-
 laznia-meska](http://culture.pl/pl/wydarzenie/katarzyna-kozyra-laznia-meska)

государственных закупок. Вспомним тут весьма обобщающий вывод, сделанный Виктором Мизиано⁴, противопоставлявшим мастеров искусства Востока и Запада. Мизиано утверждает⁵, что для первых быть артистом — это вопрос моральной самоидентификации, а искусство в их понимании — способ решения проблем практической экзистенции, опыт жизни. Зато для вторых искусство представляет собой самостоятельный язык и автономную область деятельности, это средство для достижения должного положения в мире искусства. (Тут следует признать, что после 1989 года польские художники, скульпторы, мастера перформанса и инсталляции ринулись как раз в сторону вторых.) В свою очередь, западные критики ожидали, что восточноевропейское диссидентское искусство с ее радикальным нонконформизмом внесет в *art world* моральные ценности⁶. Предубеждения с обеих сторон, основанные на ошибочном противопоставлении одних другим и являющиеся, по сути, недоразумением, столкнулись в проекте «Интерпол» с материальными интересами обеих сторон и их фрустрациями. Как прокомментировал инцидент социолог и культуролог Ян Сова (Jan Sowa): «Они, эти недоразумения, работают, а значит, реальны... Но мир находит общий язык именно благодаря недоразумениям»⁷. Впрочем, столь упрощенные обобщения не были чужды и выдающимся историкам искусства. Даже Ханс Бельтинг⁸ утверждал, что на Западе искусство стало профессией, а на Востоке — жизненной необходимостью⁹. Начиная с 2004 года, когда Польша вошла в Европейский Союз, а особенно с момента присоединения к Шенгенской зоне в 2007 году, которое дало возможность художникам путешествовать по странам ЕС в безвизовом режиме, польские деятели искусства расширили поле своей деятельности. Они научились подавать заявки на европейские гранты, получать разрешение на проживание на Западе и принимать участие в зарубежных художественных проектах. До этого они нашли себе союзников в городских комитетах художественных выставок (бойкотируемых в 80-е годы), а также в создаваемых с нуля первых музеев современного искусства (в Кракове для этой цели удалось построить отдельное здание, хотя в Варшаве и Вроцлаве, к сожалению, воспользовались старыми помещениями, строительство же новых тянется здесь годами). Тем самым пришел конец монополии Музея искусств в Лодзи. Вдобавок возникли и стали работать с большим размахом центры современного искусства в разных городах. В Варшаве такой центр существовал с 1985 года и помещался в барочно-классицистическом Замке Уяздовских, правда, его Международная экспозиция современного искусства была составлена из произведений, выставленных уже в свободной Польше. В свою очередь, открытый в 2008 году Центр в Торуне — это первый с 1939 года архитектурный объект, связанный с послевоенным современным искусством. По времени Торунский центр опередил даже Краковский музей современного искусства МОСАК, ставший доступным тремя годами позже. В период трансформации важным событием в развитии нового искусства было также открытие галереи в Сопоте, которую возглавил Рышард Зяркевич (Ryszard Ziarkiewicz), и Центра современного искусства «Лазыня» (Łaźnia) в Гданьске. Симптомом нового времени стало то, что искусство зачастую вызывало в обществе бурную полемику. Руководитель «Лазыни» Анета Шилак (Aneta Szylak) была отстранена от занимаемой должности в атмосфере скандала, так же как и Рышард Зяркевич, а директор Национальной галереи

Paweł Althamer, *Park na Bródnie*, Warszawa, 2008, Музей современного искусства в Варшаве, на снимке: Jens Haaning, *Bródno*, 2012, фот. Bartosz Stawiarski

«Захента» (Zachęta) в Варшаве Анда Роттенберг (Anda Rottenberg) хоть и подала заявление об уходе по собственному желанию, но случилось это в атмосфере многочисленных атак на нее. Самыми громкими скандалами во времена ее директорства были акция Юлиты Вуйцик (Julita Wójcik, р. 1971) «Чистка картошки», апофеоз прозаичной домашней работы и коллаж Петра Укланского (Piotr Uklański, р.1968 г.) под названием «Нацисты»¹⁰. В нем были использованы фотографии актеров мирового кино, снявшихся в роли фашистских палачей¹¹. Но прежде всего грандиозный скандал вызвала картина итальянского художника Маурицио Каттелана (Maurizio Cattelan) «*La nona ora*» («Девятый час») — реалистическое трехмерное изображение Римского папы Иоанна Павла II, придавленного упавшим метеоритом. Картина была частью выставки известного швейцарского куратора Харальда Зеемана (Harald Szeemann), подготовленной к 100-летию «Захенты» (2000 г.). В свое время эти скандалы прокомментировал Павел Лешкович: «В либеральной Западной Европе, куда наша страна стремится войти, мир культуры солидарно выступает против вмешательства политиков или церкви в свободное выражение художественной мысли. Польские проблемы с существующим у нас расколом внутри художественной и интеллектуальной среды ближе всего американской ситуации с ее бинарным

разделом на демократов и республиканцев»¹².

Вот и оказывается, что полякам только придется учиться тому, что в общественной жизни могут существовать различные, зачастую противоречащие друг другу взгляды. Выдающийся польский исследователь искусства Центральной Европы Петр Пиотровский¹³ считает, что самым серьезным изменением, произошедшим в искусстве посткоммунистических стран после 1989 года, является изменение отношения художника к

публичному пространству, переход от коммунистической агорафобии (боязни пространства) к посткоммунистической агорафилии. Пиотровский обращает внимание на то, что одним из особо негативных элементов жизни для художника коммунистических времен было подавление общественной жизни и подчинение публичного пространства идеологической доктрине. После 1989 года, пишет Пиотровский, это не исчезло само собой, как по мановению волшебной палочки. Современные проявления агорафобии несколько ослаблены: к примеру, вместо слова «цензура» сейчас скорее «говорится об общественной нецелесообразности, об уважении к

Mirosław Bałka, *Auschwitzwieliczka*,
Краков, 2010, благодаря любезности
художника

религиозным чувствам и обычаям, о добром имени какого-либо института или известной всем личности и даже об интересе налогоплательщиков»¹⁴. К написанию истории посткоммунистического искусства Пиотровский подошел как автор из маргинальной Восточной Европы поскольку *символическую власть*, о которой говорит Пьер Бурдьё¹⁵, до сих пор олицетворяет Запад. Лекарством на оздоровление дискурса западного *art word* и художественной инфраструктуры стран Восточной Европы, может быть, по мнению Пиотровского, лишь *горизонтальное мышление*¹⁶, а не простое оспаривание западного художественного канона. Для этого следовало бы взглянуть на Запад в его историческом и культурном контексте как на одну из провинций мира, а не как на территорию главенствующей культуры¹⁷. Элементом *горизонтальной истории искусства*¹⁸ является для автора критическое отношение к прошлому и новое построение художественной топографии. Тем не менее у нас все еще не стихают жаркие дискуссии, например, на тему «Можно ли применять постколониальную методологию к наследию СССР?»¹⁹.

Ведущим жанром в искусстве свободной Польши стало так называемое *критическое искусство*. Оно бескомпромиссно и честно относилось к конкретным болезненным вопросам общественной жизни: к замалчиваниям и недомолвкам как времен ПНР, так и к актуальным (например, восторгам от потребительства и капитализма). С «третьего места» на самый верх поднялась, по словам Петра Пиотровского, альтернатива, выросшая «из бинарной системы коммунистический режим — оппозиция, связанная с „Солидарностью” и католической Церковью»²⁰.

К самым известным работам критического направления 90-х годов относится «Лего. Концентрационный лагерь» (*Lego. Obóz koncentracyjny*) (1996 г., илл. 1) Збигнева Либера (Zbigniew Libera, р. 1959). Либера — самоучка, что уже само по

Rafał Jakubowicz, *Pływania*, Познань, 2004,
 благодаря любезности художника

себе нечто новое в польском искусстве, поскольку в ПНР, чтобы работать художником, требовалось свидетельство об окончании художественного училища. Будучи известной в Польше, работа «Лего. Концентрационный лагерь» приобрела еще большую известность после того, как Либерта отказался от участия в 47-й Венецианской биеннале в 1997 году, не согласившись с предложением польского куратора показать в польском выставочном павильоне менее контroversионное произведение. Позднее показ «Лего. Концентрационный лагерь» на выставке *Mirroring Evil: Nazi Imagery/Recent Art* (2002 г.) в Нью-Йорке закончился продажей работы нью-йоркскому Еврейскому музею. Работа в виде детской игрушки из кубиков лего открывает не предвиденные известным датским производителем кубиков возможности их использования. Работа принадлежит к так называемому жанру *toy Art*, использующему внешне невинные детские игрушки или игры, но имеющему скрытый потенциал, дабы разоблачить мир взрослых и его стандарты. В работе «Лего. Концентрационный лагерь» художник обличает функционализм — один из идеалов современности, показывая, как легко он может переродиться в бездушный перфекционизм, служащий преступлению. Хотя сам Либерта считает себя продолжателем отечественной традиции современного искусства, тем не менее многие его идеи почерпнуты из книг Мишеля Фуко. Этот французский философ и социолог, приехавший с гуманитарным конвоем в Польшу во время военного положения и выразивший тем самым поддержку для делегализованной «Солидарности», стал в 1990-е годы самым читаемым автором в среде молодых творческих деятелей. *Nota Bene*: годом раньше, точнее, в августе 1981-го, в разгар так называемого Карнавала «Солидарности», за несколько месяцев до введения военного положения, сюда приезжал и Йозеф Бойс²¹ с коллекцией *Polenstransport*. Сотни тысяч работ самого Бойса и его коллег были подарены Музею изобразительных искусств в Лодзи. Этот, пожалуй, самый известнейший немецкий авангардист таким образом выразил свое восхищение стремлением сосредоточенных в профобъединении «Солидарность» поляков к свободе.

Важным центром критического искусства 90-х годов стали академические мастер-

ские: руководимая Гжегожем Кламаном Интермедийная мастерская в Академии изобразительных искусств в Гданьске, а также скульптурная мастерская Гжегожа Ковальского в Академии изобразительных искусств в Варшаве. Студентам Ковальского (Артуру Жмиевскому, Катажине Козыре, Павлу Альтхамеру) повезет больше, чем упомянутой выше студентке Кламана — Дороте Незнальской, хотя позднее они, пожалуй, вызовут куда больше скандалов и полемики в прессе.

Артур Жмиевский (Artur Żmiewski, р. 1966) в 90-е годы обратился к совершенно забытой во времена ПНР теме инвалидов (цикл фотографий и фильм «Око за око»,

Мірослаў Баўка, *Audi HBE F144*, 2008,
благодаря любезности художніка

1998 — 1999). Можно с уверенностью сказать, что художнику, впоследствии ставшему известным по многочисленным политическим акциям, очень хотелось, чтобы инвалиды заговорили в публичном пространстве своим голосом. Позднее он примет участие в групповых экспериментах, хотя также займется теорией искусства, а свою международную карьеру использует, чтобы стать куратором, например, 7-й Биеннале современного искусства в Берлине в 2012 году.

Одной из известнейших работ критического направления стал фильм «Мужская баня» (*Łaźnia męska*, 1999, илл. 2) Катажины Козыры (Katarzyna Kozyra, р. 1963 г.), однокурсницы Жмиевского. Ее работа была отмечена на 48-й Венецианской биеннале. В фильме Козыра, загримированная под молодого парня, вступает в разговор с присутствующими в бане мужчинами. Лента наглядно демонстрирует культурный аспект пола (гендер) и тем самым весьма изящно вписывается в продолжающуюся до сего времени дискуссию о женских и мужских ролях в обществе. Катажина Козыра еще раньше стала героиней скандала. Он был связан с ее дипломной работой — инсталляцией «Пирамида животных» (*Piramida zwierząt*) (1993 г.). В ней чучела лошади, собаки, кошки и петуха были поставлены друг на друга: меньшее чучело на большем. В работе автор использовала уже сдохших собаку и кошку, а петух и лошадь предназначались на убой. Дополнением к «пирамиде» было видео, снятое на скотобойне. По мнению критиков-доброжелателей, оно должно было привлечь внимание зрителя на ужасные условия, царящие на польских скотобойнях, что, однако, не убедило оппонентов художницы.

Павел Альтхамер (Paweł Althamer, р. 1967) — третий и самый известный ученик Гжегожа Кавальского — остался верен традиционной скульптуре, хотя нашумевшими станут его

общественные акции в публичном пространстве, связанные с попыткой активизации малых локальных сообществ. Альтхамеру удалось соединить этос локальной деятельности с международной тенденцией. Эту деятельность он зачастую предпринимает вместе со своими варшавскими соседями по улице Краснобродской. С ними выезжает за границу, а впоследствии реализует совместные общественно-художественные проекты. Именно для них, для своих соседей, художник открыл в 2008 году Парк скульптуры на Брудне (*Park na Bródnie*)²² (илл. 3). Раз в год в парке появляется новая скульптура, являющаяся частью коллекции стремительно развивающегося (несмотря на трудности с нахождением постоянного места) общественного Музея современного искусства. В свое время Альтхамер был связан с критическим искусством — занимался вопросом дистрибуции произведений искусства, стремясь к демократизации процесса. Правда, тогда тон критическому искусству задавали художники, изучавшие вопросы тела — здоровья, болезни, нормативности и контроля. Подводя итог критическому искусству 90-х годов, историк искусства Изабелла Ковальчик (*Izabella Kowalczyk*) подчеркивает, что самой характерной его чертой был вопрос о границах свободы в демократии: «С годами этот вид творчества достиг некоего экстремума, который уже, пожалуй, перейти нельзя». Ибо, занимаясь темами табу, которые раньше, как правило, художники обходили молчанием, они открыли доступ к тому, что когда-то ими же было исключено, — непристойности. И это вызвало контroversии и весьма резкую реакцию зрителя»²³.

Крушение железного занавеса породило большой интерес западного *art world* к тому, что происходит в искусстве посткоммунистических стран. После падения Берлинской стены — символа «холодной войны» и раздела Европы — западные критики говорили даже о необходимости «свежей крови» из Восточной Европы, что свидетельствовало о тяготении капиталистического рынка к восточноевропейским художникам, очарованным в период коммунизма мифологизированным ими Западом. В западных журналах появились рейтинги, где важное место стали занимать польские художники. В изданном в Медиолане в 2006 году журнале «Flash Art» в первой строчке списка из ста фамилий оказался Вильгельм Сасналь (*Wilhelm Sasnal*) как «самый обещающий» художник. Значились там еще четыре польские фамилии: Моника Сосновская (*Monika Sosnowska*, 23-е место), Павел Альтхамер (34-е место), Петр Укланский (75-е место) и Артур Жмиевский (76-е место). Тем не менее в списках самых влиятельных фигур современного *art world* польских фамилий все еще не так много²⁴, что

Peter Fuss, *Fucking weather*,
Gdańsk, 2010, благодаря
любезности художника

подтверждает «диагноз» уже цитированного здесь Петра Пиотровского, который считает, что равенство «культуры без границ» в рамках Европейского Союза все еще остается скорее мечтой, нежели реальностью²⁵. На этом фоне появляется вопрос о *самоколонизации*, описанный Майклом Хардтом²⁶ и Антонио Негри²⁷: «Бывший Восток хочет как можно решительнее приобщиться к Западу и как можно меньше от него отличаться»²⁸.

Еще в конце XX века одну из блистательнейших международных карьер сделал скульптор Мирослав Балка (Mirosław Bałka, р. 1958). Он забросил свою раннюю фигуративную деятельность и приступил к созданию абстрактных работ на основе модулей собственного тела из бетона и ржавеющего железа. Таким образом, художник адаптировал традицию западного *minimal-art*, дабы с помощью минимализма выразить глубокие эмоции, в том числе и личные чувства. У многих критиков пустые пространства ассоциируются с Холокостом, хотя сам художник старается избегать дословности. Так

было с апеллирующим к Самуэлю Беккету огромным мрачным стальным контейнером (30 x 20 x 10 м), показанным в октябре 2009 года в Турбинном зале лондонской галереи «Тейт Модерн». Работа называлась *How it is*. Внутри контейнера, этакого «сердца тьмы»²⁹, можно войти по специальной рампе, и тут мгновенно возникает ассоциация с Холокостом. Другая его работа — бетонный туннель *Аушвицвельчика* (*Auschwitzwieliczka*) (2010 г., илл. 4) напоминает модернистские проекты. Балка поместил туннель в Кракове на улице, ведущей в Музей современного искусства. Это была реакция художника на предлагаемые турагентствами программы посещения достопримечательностей, когда в течение одного дня предусмотрен осмотр мест, которые никоим образом совмещать нельзя: концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим) и находящиеся неподалеку соляные копи «Величка»³⁰. Вырезанные на стенах и потолке туннеля буквы, через которые внутрь проникает свет, образуют присутствующее в названии работы слово-неологизм, являющееся синонимом бездумного и необузданного потребительства туристами любых достопримечательностей, где нет места аутентичному пониманию и переживанию увиденного. С ретроспективой творчества Балки российский зритель мог познакомиться в Центре современного искусства «Винзавод» в Москве в 2013 году. Балка,

несомненно, остается одним из самых ярких польских художников, дебютировавших в свободной Польше. Его работа *Audi HBE F144* (2008, илл. 5) представляет собой фотографию, сделанную с телевизионного фильма, на которой представлен Римский папа Бенедикт XVI, въезжающий в роскошном немецком автомобиле в ворота с надписью *Arbeit macht frei* на территорию концентрационного лагеря «Аушвиц». Работа показывает, что хотя Балка и не принадлежит к критическим художникам, тем не менее и он может удивить нас своим ядовитым сарказмом. Стоит подчеркнуть, что многих польских художников не останавливают особо трудные вопросы при отражении польской истории: например,

поведение поляков во время Второй мировой войны, особенно в отношении евреев. 4 апреля 2004 года Рафал Якубович (Rafał Jakubowicz) спроецировал на фронтоны бассейна на улице Вронской в Познани древнееврейское слово «הַיִּטְבּוּלָה» (бассейн). Раньше здесь находилась синагога, но ровно 63 года назад нацисты ее разрушили и устроили здесь бассейн. После войны поляки так и не восстановили синагогу, вместо этого они использовали помещение так, как и запланировали нацисты. Фотографируя в недействующей синагоге-бассейне ребенка в темных очках для плавания, Якубович задает вопрос об ответственности поколений и невинности ребенка, который когда-нибудь наверняка поймет, где прошли самые счастливые минуты его детства (Бассейн [*Pływalnia*], илл. 6, 2004).

Не столь мрачную оценку истории Польши дала Моника Сосновская (р. 1972), которую вдохновила модернистская архитектура, преимущественно в ее убогом социалистическом исполнении. Конструкции, созданные художницей, вызывают ощущение руин модернизма, конец утопии, а даже своего рода *socialist chic*.

После декады критического искусства, охотно использующего фотографии, фильмы и мультимедиа, в Польше наблюдается очередное возвращение к живописи, связанное с так называемым *pop-banalizmom*. Ярким представителем этого направления оказалась краковская группа «Ладне» (*Ładnie*), в которую входили известнейшие художники: Рафал Буйновский (Rafał Bujnowski, р. 1974), Марцин Мацеевский (Marcin Maciejewski, р. 1974) и уже упоминаемый здесь Вильгельм Сасналь (р. 1974). Группу открыла Марта Тарабула, владелица известнейшей краковской галереи современного искусства «Здежак» (*Zderzak*), основанной еще «в подполье», в трудные 1980-е годы. Группа с красноречивым названием «Ладне» (Красиво) отмежевывалась от экзистенциального бремени поколения критического искусства. Символической датой является тут 2001 год, когда в городской краковской галерее «Бункер» (*Bunkier*) была открыта выставка «Поп-элита», а одновременно в Варшаве частная галерея «Растер» (*Raster*) издала комикс Вильгельма Сасналя «Повседневная жизнь в Польше» (*Życie codzienne w Polsce*, илл. 7). Рефлексия над профессией художника и ее спецификой — важный элемент не только блестяще написанных, но и отражающих интеллектуализм полотен группы «Ладне».

Пожалуй, самым большим трикстером в группе «Ладне» остается Рафал Буйновский, часто прибегающий к пародии и иронии. Например, к анкете для американской визы он присовокупил не обычную фотографию, а снимок своего прекрасно выполненного художественного автопортрета (**Американская виза в паспорте художника с фотографией с автопортрета**, *Wiza amerykańska w paszporcie artysty ze zdjęciem wykonanym z malarskiego autoportretu*, илл. 8). В свою очередь, серия образов-предметов «Кирпичи» (*Cegły*, 1999 — 2002) представляет собой трехмерные подрамники размером с кирпич, покрашенные так, что почти безупречно его имитируют. Эта серия расправляется как с традицией абстракции (ибо духовным притязаниям противопоставлена здесь материальность образов-предметов), так и с утопиями построения лучшего завтра (ибо конструкции, созданные этими фальшивыми кирпичами, остаются на уровне мысленных фантазмагорий). Впрочем, кроме группы «Ладне», в Польше в начале XXI века появилось множество других художников, которые считают, что искусство должно быть «попросту приятным».

Поколение чуть помладше, в котором нарастает нетерпение из-за постоянного внимания к внешней красоте и спроса таких работ на рынке искусств (поскольку участники группы «Ладне» добились завидного международного коммерческого успеха), ищет вдохновения в эфемерных экспериментах, а также в экспериментах со звуком, хотя и не отказывается от тщательного наблюдения за повседневностью. Однако принадлежащие к этому поколению художники довольно часто используют вульгаризмы и уродство. Познанский художник Войцех Бонковский (Wojciech Bąkowski, р. 1979) весьма привязан к своему образу хулигана. Он — лидер нескольких музыкальных групп и автор мультипликационных фильмов, созданных методом прорисовки на целлулоиде.

Julita Wójcik *Tęcza* Warszawa, 2010, благодаря
 любезности Института им. Адама Мицкевича
 в Варшаве

Не лишен непристойности и гданьский художник *стрит-арта*, работающий под псевдонимом Петер Фусс (Peter Fuss). Его комментарии в форме билбордов в публичном пространстве касаются разных вопросов — от текущей политики до проблем повседневной жизни. В билборде «Гребаная погода» (*Fucking Feather*, 2009 г., илл. 9)³¹ обращает на себя внимание желание автора завязать разговор с прохожим и одновременно очистить публичное пространство, почти полностью завоеванное в молодом польском капитализме рекламой и языком коммерции.

Иную стратегию выбрала Юлита Вуйцик (Julita Wójcik, р. 1971): на изумительной красивой и веселой металлической конструкции «Радуга» (*Tęcza*, 2012, илл. 10)

на площади Збавителя в Варшаве художница поместила искусственные цветы. Хотя работа выглядела как радостная многоцветная рабатка, а радуга, вообще говоря, в христианской символике означает союз с Богом, некоторые сочли работу оскорбительной в связи с соседством костела, поскольку радужный флаг — это еще и символ ЛГБТ-сообщества. Это было причиной того, что инсталляцию неоднократно демонстративно сжигали. Однако благодаря ее защитникам работу благополучно восстанавливают. Вот и остается она символом раскола общества, с одной стороны, а с другой — открытостью для различных интерпретаций в период демократии, поскольку теперь уже не существует доминирующего авторитета, который навязывал бы людям единое мнение и единственно верный способ интерпретации творчества. Тем не менее возникает вопрос: доказывает ли «Радуга», что современное искусство в Польше — это платформа, где сталкиваются

разные мнения и где художники и зрители договариваются о границах своей свободы? Увы, для многих она олицетворяет неспособность мира искусства вести диалог с обществом, хотя поддержка демократических перемен и публичного диалога перед лицом нынешних быстро происходящих общественно-политических перемен как раз сейчас исключительно важна. Поэтому тут должна радовать экспансия интернет-СМИ (сайтов Obieg, Dwutygodnik.com, Szum, Contemporary Lynx) и расцвет критики. Однако расширение сети частных галерей в Варшаве (среди них Dawid Radziszewski, Stereo, lokal_3, Raster, Fundacja Galerii Foksal, Leto) становится предметом беспокойства из-за все большего сосредоточения искусства в одном месте. Кроме Варшавы, еще крепко держатся упоминаемая ранее галерея «Здежак» и еще одна частная галерея — «Стармах» (Starmach) в Кракове. Последняя работает с размахом настоящего культурного центра и организует выставки на уровне музея. Но самой привлекательной в Польше остается так называемая *органическая деятельность*³² художников. На этой ниве подвизается познанская галерея «Розбрат» (Rozbrat) — общественный центр альтернативной культуры, связанный с жителями города, самовольно заселяющими незанятые или покинутые помещения. Начиная 1994 года «Розбрат» непрерывно проводит общеобразовательную деятельность (лекции графики, английского языка вплоть до юридических консультаций), устраивает выставки, концерты, организует встречи и дискуссии, а одновременно помогает местным жителям в решении их жизненных проблем. Туда можно прийти на дешевый обед, выпить кофе от сапатистов³³, посмотреть выставку и поговорить с ее автором. Скорее всего, именно протесты активистов «Розбрата» против политики мэра города Познани и привели к тому, что после выборов 2014 года этот политик потерял власть.

Вообще говоря, одним из художников-провидцев, которые еще в преддверии свободы в Польше отдавали себе отчет в том, что означает новое искусство в демократическом государстве, оказался Артур Жмиевский. Это он постулировал общественно ангажированное искусство, с выявлением конфликтов, согласно концепции агонизма³⁴ Муфф Шантал³⁵. Начиная он, как мы помним, с того, что на своих фотографиях, в своих фильмах и многочисленных акциях показывал больных и инвалидов (короткометражный фильм «Око за око», 1998), что оказалось необычайно символично для новых времен. Ведь раньше инвалиды совсем не были представлены в искусстве, впрочем, не было их и на улицах ПНР. Могло казаться, что социализм благодаря силе общественного здравоохранения ликвидировал проблему инвалидности. А тем временем инвалиды, как узники, сидели в своих домах без лифта, не имея возможности посещать учреждения и музеи, без специальных подъездных дорожек для инвалидных колясок, да и без самих колясок. И никакой надежды на то, что их положение изменится, не было. Представив инвалидов в своем искусстве, Жмиевский порвал с гипокризией модернистского «искусства ради искусства», которое было фиговым листком авторитарной власти. Этот солидарный жест, вернувший обществу своих ближних, имеет для меня силу полотна Гюстава Курбе «Похороны в Орнане», где художник, изобразив обычных людей, смело показал нам мир, который, согласно навязанным правилам власть предержащих, никогда не должен быть увиденным.

Примечания

¹ Anna Markowska — историк искусства, доктор искусствоведения, преподает во Вроцлавском университете (*прим. перев.*).

² В 2001 г. в галерее Гданьска была выставлена инсталляция Незнальской, состоящая из двух частей — видео, на котором изображен мужчина, тренирующийся в спортзале, и объекта в виде креста с мужскими гениталиями (*прим. перев.*).

³ P. Leszkowicz, «Обнаженный мужчина. Мужской акт в польском искусстве после 1945 г.» (*Nagi mężczyzna. Akt męski w sztuce polskiej po 1945 roku*). Познань, 2012, с. 509 (*прим. автора*).

⁴ В 1996 г. известный российский куратор Виктор Александрович Мизиано участвовал в подготовке проекта «Интерпол» для художественной выставки в Стокгольме. В ре-

зультате взаимного непонимания российских и шведских деятелей искусства Мизиано вышел из проекта: Именно это полное взаимное непонимание Востока и Запада дало Мизиано материал для приведенных здесь выводов (прим. перев.).

⁵ V. Misiano, *Interpol. The Apology of Defeat*, Moscow Art Magazine, <http://xz.gif.ru/numbers/moscow-art-magazine/interpol/> (дата доступа: 7 марта 2015). Мизиано говорит здесь о российских и шведских деятелях искусства (прим. автора).

⁶ Ch. Tannert, *Reality in the Foreground*, w: *Metropolis. International Art Exhibition Berlin 1991*, ed. by Ch. M. Joachimedes, N. Rosenthal, New York 1991, с. 32 (прим. автора).

⁷ J. Sowa, «Фантомное тело короля. Битва за современную форму» (*Fantomowe ciało króla. Zmagania z nowoczesną formą*), Краков 2011, с. 12 (прим. автора).

⁸ Ханс Бельтинг (Hans Belting, род. 1935 г.) — немецкий историк искусства и культуры, теоретик коммуникаций (прим. перев.).

⁹ H. Belting, *Art History After Modernism*, Chicago 2003, с. 58. (прим. автора).

¹⁰ О своей работе Укланский сказал следующее: «Портрет нациста в массовой культуре является ярчайшим примером лжи о людях и истории. Для меня это тем более важно, что сия ложь — единственный источник, рассказывающий о событиях тех лет, а для многих — единственный» (прим. перев.).

¹¹ С этим коллажем связана нашумевшая история о том, как известнейший актер Даниэль Ольбрыхский пришел в «Захенту», вытаскивал из-под плаща саблю (реквизит, доставшийся ему после фильма «Потоп») и пощёк свою фотографию в форме нациста из фильма Лелюша «Les Uns at les Autres». «Вступился» он и из своих коллег, в частности за Станислава Микульского, которого эта выставка, как он сам выразился, оскорбляла (прим. перев.).

¹² P. Leszkowicz, Счастливое возвращение польского модернизма?! (*Szczęśliwy powrót polskiego modernizmu?!*), „Magazyn sztuki” 2001, № 26.

¹³ Piotr Piotrowski (г.р. 1952) — профессор, искусствовед, ректор Института истории современного искусства при Ун-те им. Мицкевича в Познани. Вице-президент Польской секции Международной Ассоциации критиков искусства (*International Association of Art Critics, AICA*) (прим. перев.).

¹⁴ P. Piotrowski, «Агорафилия. Искусство и демократия в посткоммунистической Европе» (*Agorafilia. Sztuka i demokracja w postkomunistycznej Europie*), Познань, 2010, с. 8 (прим. авт.).

¹⁵ Термин «символическая власть» Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu, 1930 г.) ввел для описания специфического типа власти в социуме. В качестве примера Бурдьё приводит марксизм, который привёл к формированию пролетариата, как социальной группы осознающей себя рабочим классом в марксистском его понимании (прим. перев.).

¹⁶ То есть творческое, а не логическое мышление (прим. перев.).

¹⁷ P. Piotrowski, *Agorafilia*, с. 50 (прим. авт.).

¹⁸ «Горизонтальная история искусства» — ключевое понятие, введенное Пиотровским. Определяет отношение искусства Запада к искусству Центральной Европы, возникшее после 1989 года и включающее в себя такие категории, как взаимодействие на линии Центр-периферия, контекст, география искусства и конструкт «Центральная Европа» (прим. перев.).

¹⁹ «Постколониальная перспектива в культуре» (*Perspektywa (postkolonialna) w kulturze*) / Под ред. E. Partyga, J.M. Sosnowska, T. Zadrozny, Варшава, 2012 (прим. авт.).

²⁰ P. Piotrowski, «Значения модернизма. Об истории польского искусства после 1989 г.» (*Znaczenia modernizmu. W stronę historii sztuki polskiej po 1989 roku*), Познань 1999, с. 226 (прим. авт.).

²¹ Joseph Beuys (1921 — 1986) — немецкий художник, один из главных теоретиков постмодернизма.

²² Брудно — северо-восточный район Варшавы (прим. перев.).

²³ I. Kowalczyk, «Тело и власть. Польское критическое искусство 90-х годов» (*Ciało i władza. Polska sztuka krytyczna lat 90.*), Варшава 2002, с. 312-313 (прим. авт.).

²⁴ Сравни, напр.: 2014 *Power 100. A ranked list of the contemporary artworld's most powerful figures* журнала „ArtReview”, http://artreview.com/power_100/ (доступ 7.03.2015) (прим. авт.).

²⁵ P. Piotrowski, «От коммунистической к посткоммунистической традиции» (*From Communist to Post-Communist Tradition*), в: *Recuperating the Invisible Past*/ Под ред. Ieva Astashovska, Latvian Center for Contemporary Art, Рига 2012, с. 23-25 (прим. авт.).

²⁶ Michael Hardt (р. 1960 г.) — американский марксистский философ.

²⁷ Antonio Negri (р. 1930 г.) — итальянский марксистский философ. Вместе с Хардтом занимается вопросами нового марксизма (прим. перев.).

²⁸ P. Piotrowski. Указ. соч. С. 25 (прим. авт.).

²⁹ Одноименное название повести английского писателя польского происхождения Джозефа Конрада (*Heart of Darkness*, 1902 г.) о темной стороне человеческой природы (прим. перев.).

³⁰ Соляные копии «Величка» с известнейшим во всем мире музеем соляных фигур внесены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО (прим. перев.).

³¹ <http://rebelart.net/peter-fuss-fucking-weather-2010/003297/> (прим. авт.).

³² Термин «органическая деятельность» возник в Польше в XIX веке. Означал он соответствующую экономическую и общеобразовательную подготовку народа с целью экономического развития польских земель (прим. перев.).

³³ Кофе из южного мексиканского штата Чьяпас, в котором активно действует леворадикальная Сапатистская армия национального освобождения (прим. перев.).

³⁴ Конфликт между тем, что является многообразным, и тем, что является единичным (прим. перев.).

³⁵ Chantal Mouffe (г.р. 1943) — бельгийский политический философ (прим. перев.).

Перевела с польского Ольга Лободзинская

Екатерина Юрьевна Гениева

(1 апреля 1946 — 9 июля 2015)

ad memoriam

Екатерина Юрьевна Гениева с 2001 года была соучредителем нашего журнала «Вестник Европы», концепцию которого она увлеченно разрабатывала вместе со своим близким другом Егором Гайдаром и автором этих строк, которому посчастливилось быть другом этих двух выдающихся людей. После смерти Егора Гайдара Е.Ю. Гениева вошла в Попечительский совет Фонда Егора Гайдара и принялась налаживать его международные контакты.

Современный «Вестник Европы» (основанный еще Н.М. Карамзиным в 1802 г.) она понимала как универсальную, исторически сложившуюся платформу для творческого развития нашей культуры во взаимодействии с другими мировыми культурами. В «Вестнике Европы» Екатерина Юрьевна курировала ключевой раздел европейских литератур. По ее инициативе журнал начал серию номеров, посвященных культурам разных европейских стран. Таким был Словенский номер, который она предложила, и увлекла в проект всех нас. Она вместе с нами ездила в Словению, щедро делилась своими знаниями и контактами, знакомила с авторами, предлагала произведения для публикации. Но номер журнала — это было только начало ее поистине титанической деятельности. Целую библиотеку словенской литературы с ее легкой руки выпускает теперь издательство «Центр книги Рудомино», как и обширные библиотеки других славянских литератур (впрочем, не только славянскую, но и швейцарскую литературу).

Так родилась идея представляемого сейчас Польского номера, которую выдвинула именно она. Уже будучи тяжелобольной, Екатерина Юрьевна в нынешнем апреле побывала в Варшаве и Кракове, провела множество встреч и до последних дней активно участвовала в осуществлении проекта. Ее участие, контакты, мудрые и ненавязчивые советы, — все это было для нас, как теперь сразу стало понятно, неоценимо.

Теперь, после невозполнимой утраты, мы остались без невероятно важного участия Екатерины Юрьевны в любом творческом деле, без ее *ободряющего* интереса, невероятной интуиции и чувства хорошего автора, которого она могла распознать по нескольким страницам. Если ей нравились стихи нашего автора, она могла позвонить поэту и предложить издать его книгу. Впрочем, предлагать, могут многие, но именно *что* издавать — уже не все.

В июне мне и коллегам, напоследок случилось слетать с ней вместе в Лондон, куда ее пригласили прочитать лекцию на свободную тему. Екатерина Юрьевна назвала свою лекцию «Книги, люди и страны в моей судьбе». В самолете она вспоминала отца Александра Меня, встреча с юности осветила ее путь; отца Георгия Чистякова, глубокого христианского мыслителя; Ирину Алексеевну Иловайскую — издателя той «Русской мысли»; пронизательного папу Иоанна Павла Второго; митрополита Антония Сурожского; Дмитрия Сергеевича Лихачева, а также Егора Гайдара, личность и деятельность которого высочайше ценила. (Не случайно памятник Е.Т. Гайдару поставлен в Атриуме Библиотеки.) Гениева торопилась, понимая, что времени ей отпущено мало. Не зная еще насколько мало — считанные дни. Она не роптала и не жаловалась, смиренно принимая судьбу и радуясь, что сохранила работоспособность. Екатерина Юрьевна ездила по России, встречалась с молодыми и здоровыми людьми, и — вот парадокс! — порой она выводила их из депрессии, без лишних слов, одним примером созидающей личности.

Гениева показала, что и административная, казалось бы, подневольная должность директора федерального бюджетного учреждения не лишает человека тяготы морального выбора, возможности творчества, сохранения личной позиции и служения своей стране, так как она это служение понимает.

Она сумела свой рак четвертой степени сделать темой не табуированной, вполне обсуждаемой, и не попала в изоляцию от людей, что бывает с тяжелобольными. Более того, — она выступала на медицинских конгрессах с точки зрения пациента, о котором должны помнить радетели запретов и покорные им эскулапы.

Екатерина Гениева принадлежала, бесспорно, к высшей элите мировой гуманистической цивилизации, что чувствовали и ценили даже чиновники — во всяком случае, те из них, кто (как она говорила), вспоминая свои молодые годы преподавания английского, были «вполне обучаемы». Это звучало как похвала, — она убежденно считала, что надо работать с теми людьми, которые есть, и делать то, что можешь.

В каждом человеке Екатерина Юрьевна умела видеть лучшее, и это притягивало к ней очень разных людей. Общение с ней поднимало людей в их собственных глазах. Немало людей могут повторить вслед за владыкой Иларионом: «...воспринимаю ее смерть как личную боль, так как на протяжении многих лет знал эту удивительную и сердечную женщину с подлинно христианской душой».

Последний раз ее вынесли из санкт-петербургского поезда уже на носилках. Ей оставалась всего неделя, но она успела-таки дать несколько блестящих интервью, поговорить с множеством людей, приехавших в тель-авивскую клинику проститься с нею. Я не успел, мой билет остался невостребованным. На память...

Вот уж кто олицетворял в себе лучшие качества русского интеллигента, всю жизнь отдавшего служению русской культуре. Пока такие люди есть среди нас, ничего не потеряно. Уныние она презирала, как смертный грех.

В эти дни мы вместе с ее родными и близкими, мужем Ю.С. Беленьким и дочерью Дашей, близкими, коллегами из родной Библиотеки иностранной литературы имени Маргариты Ивановны Рудомино. Екатерина Юрьевна была достойной наследницей основательницы «Иностранки».

Она успела дать в будущий номер журнала свои воспоминания об отце Александре Мене. «Последняя встреча» — так будет называться и книга, над которой она работала вместе со своим мужем Ю.С. Беленьким, и дочерью Дашей. Следующий том журнала «Вестник Европы» мы посвятим ее памяти.

Плохо, что она ушла от нас. Хорошо, что она была с нами.

*Виктор Ярошенко,
Главный редактор журнала «Вестник Европы»
Редакционный совет, консультанты, авторы
и сотрудники журнала «Вестник Европы»*

Фотограф номера
Марк Пауэр
член агентства «Магнум»

Марк Пауэр родился в 1959 году в городе Харпенден (Великобритания).

После окончания художественного колледжа, он отправился путешествовать по Юго-Восточной Азии и Австралии. Чтобы прокормиться, Пауэр перепробовал множество профессий. Он был учителем английского языка, телевизионным актером и охранником рыбного хозяйства в Гонконге, занимался стенной живописью в Бангкоке, продавал копии картин в австралийской глубинке и торговал фотопринадлежностями в западных пригородах Сиднея. Во время путешествий Пауэр понял, что камеру любит больше, чем карандаш, и по возвращении в Англию в 1983 году решил стать фотографом.

Почти 10 лет он работал в редакциях и на благотворительных рынках, прежде чем в 1992 году стал преподавать. Это совпало с переходом к самостоятельным проектам, которые он реализовывал со все большим успехом. Его работы выставляются в галереях и музеях по всему миру. Они находятся во многих важнейших коллекциях, как государственных, так и частных.

На сегодняшний день Пауэр опубликовал шесть книг: «Прогноз для судоходства» (поэтический ответ на эзотерическом языке ежедневных морских метеорологических сводок), (1996), «Надстройка» (2000), фото- документация по строительству Лондонского купола Тысячелетия (London Millenium Dome); проект «Казначейство» (2002) — о восстановлении исторических памятников XIX века; «26 конечных станций» (2007), где засняты пейзажи тех мест, которым не повезло: они оказались на краю карты London AZ, которая определяет границы британской столицы.

Проект «Звук двух песен» (2010) собрал результаты своей растянувшейся на пять лет работы в современной Польше после ее вступления в Европейский Союз.

«Месса» (2013), тоже польский проект — фоторазмышление о влиянии польской католической Церкви.

«Стена Ушла!» (2014) рассказывает о последствиях главного новостного события — 25-летней годовщины падения Берлинской стены.

В 2007 году в Польше он попробовал свои силы в кураторстве. Проект «Театр Войны» с работами пятого художников, связанными с современными конфликтами, был открыт на фабрике Оскара Шиндлера, в качестве основного на выставке «Фотомесяц Кракова».

Марк Пауэр был принят кандидатом в члены легендарного фотоагентства «Магнум» в 2002 году и стал полноправным его членом в 2007-м. Его другая жизнь — профессор фотографии в Университете Брайтона, городе на южном побережье Англии, где он живет с Джо, детьми Чили (1998) и Миллиган (2002) и собакой Кодак.

Марк Пауэр

«Звук двух песен» начался в сентябре 2004 года, когда я поехал в Польшу в рамках большого проекта агентства «Магнум»: 10 фотографов должны были провести месяц в одной из стран, вступившей в Европейский Союз в этом году. Результатом стала большая выставка в Центре Помпиду в Париже в начале 2005-го, которая потом гастролировала по всей Европе.

Но я понимал, что эти мои первоначальные исследования — лишь царпина на поверхности большой страны, географические размеры которой примерно равны площади остальных девяти новых членов ЕС, вместе взятых.

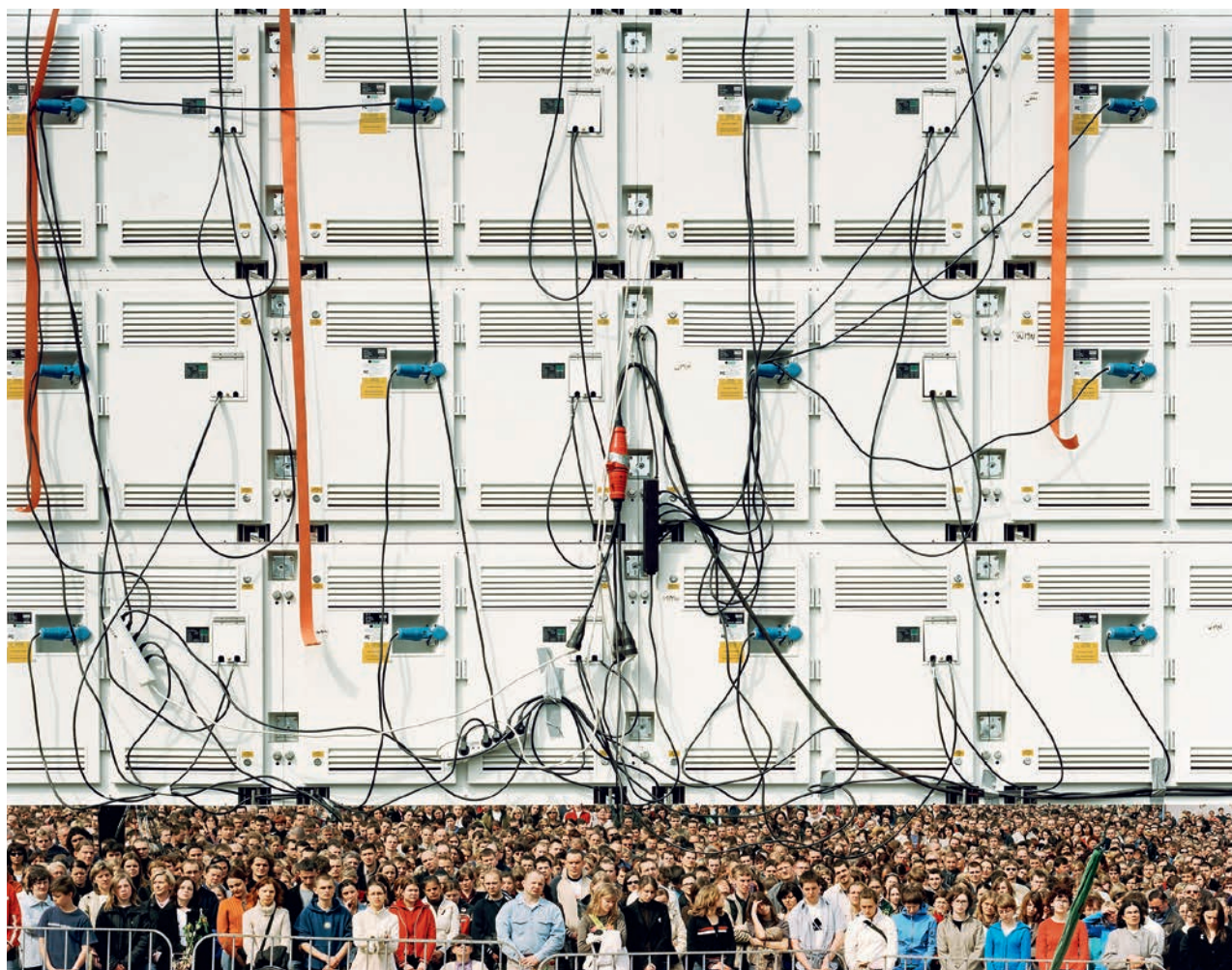
Я понимал, что Польша будет иметь растущее влияние в ЕС и вообще в европейской культуре. Поэтому в течение ближайших пяти лет я совершил туда около 20 поездок, часто вместе с польским фотографом Конрадом Пустола, который щедро делился знаниями о своем родном крае. Вместе мы обследовали Польшу вдоль и поперек, до той поры, пока Конрад не уехал учиться в Лондон, а я продолжил проект в одиночку.

Со временем мое внимание неизбежно отвлекается от расследования последствий вступления Польши в ЕС на более субъективную, поэтическую и автобиографичную сторону Польши, которую я научился любить. Наряду с сериями портретов людей, которых я встречал по пути, польские пейзажи, как правило, рассматриваются на почтительном расстоянии. Во всяком случае, польское пространство было исследовано иностранцем, посторонним; этой позиции я решительно придерживался во всем.

С субъективной точки зрения, следует подчеркнуть, что «Звук двух песен» на намерен быть изображением того, чем является современная Польша, или даже того, как она выглядит. Это, безусловно, будет невыполнимой задачей, независимо от того, сколько времени я провел здесь и сколько фотографий я сделал. Но я надеюсь, что эти серии со временем станут важным историческим документом этого увлекательного периода в истории Польши.

Mark Power. Camera: Adam Bronkhorst

© Warszawa 04. 2005. Поляки на огромных мониторах смотрят прощание с Папой Иоаном Павлом II. Фото: «Магнум». Марк Пауэр

